

Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 7

Саратов, 2009

УДК 930.26 (470.4/. 5) «634/638»/082)
ББК 63.4 (235.5) я43
А 87

А87 Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр.
/ Под ред. доц. В.А. Лопатина – Саратов.: Научная книга, 2009. Вып. 7.
– 344 с.
ISBN 978–5–9999–0052–4

Кафедра археологии и этнографии Саратовского государственного университета продолжает выпускать научный сборник Археология Восточно-Европейской степи. Очередной его выпуск посвящен 100-летию Саратовского государственного университета и 30-летию Археологической лаборатории. В сборнике представлены научные статьи авторов Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Ростова-на-Дону, Элисты, Энгельса, Вольска по проблемам археологии бронзы – позднего средневековья, в которых рассматриваются вопросы пространственного анализа археологических культур, культурогенеза и социокультурной идентификации, периодизации и хронологии, материальные комплексы и погребальная обрядность. Заметное место занимают работы, в которых публикуются новейшие опорные памятники, раскопанные в Восточно-Европейских степях в последние годы. Специально к знаменательной дате подготовлена статья о развитии университетской археологии на современном этапе.

Сборник рекомендуется специалистам-археологам, историкам, студентам, краеведам и всем интересующимся древней историей Восточной Европы.

Редакционная коллегия

доц. В.А. Лопатин (отв. редактор),
доц. А.Б. Малышев (отв. секретарь),
доц. Н.М. Малов (зам. отв. редактора, научный координатор),
А.И. Жемков (технический редактор)
ст.науч.сотр. ИИМК РАН (С.-Петербург) В.С. Бочкарев,
проф. А.С. Скрипкин (Волгоградский государственный университет)

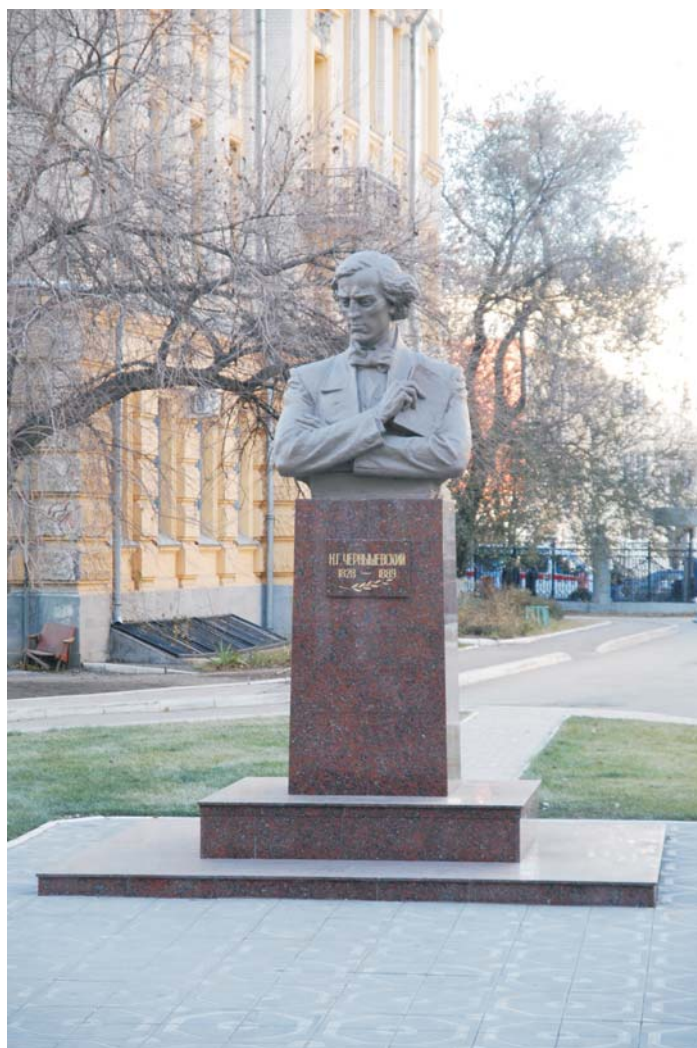
Печатается по решению редакционно-издательского совета Саратовского государственного университета (тематический план 2009 года).

УДК 930.26 (470.4/. 5) «634/638»/082)
ББК 63.4 (235.5) я43

ISBN 978–5–9999–0052–4

© Саратовский государственный университет, 2009
© Монахов С.Ю., Малов Н.М.
и др. авторы, 2009

Посвящается 100-летию
Саратовского государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского

*К 30-летию Научно-исследовательской
археологической лаборатории СГУ*

Монахов С.Ю.

**ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ СГУ:
НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ И ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ**

Институт археологии и культурного наследия создан в университете совсем недавно – в октябре 2008 года в ходе реализации инновационной образовательной программы. Однако у этого нового структурного подразделения имеется более чем столетняя предыстория.

Нижеволжское краеведение и археология ведут свой отсчет с 1886 года, когда была основана Саратовская Ученая архивная комиссия (рис. 1), что позволяет считать Саратовскую школу одной из старейших в России. У истоков комиссии стояли А.Н. Минх, А.И. Шахматов, П.Н. Шишкин, А.А. Кротков, С.А. Щеглов и другие, которые заложили основы нижеволжского краеведения, музейного дела, архивоведения, археологии, открыв перспективы для подлинно научного изучения древнейшей истории края. Этот опыт способствовал и становлению исторической науки в Саратовском университете, где в 1917 году был открыт историко-филологический факультет.

В пореволюционное время археологические исследования в Нижнем Поволжье проводят уже несколько научных учреждений: университет, где в это время начинают работать такие известные специалисты, как Ф.В. Баллод и П.С. Рыков (рис. 2), а также Краевой музей и Нижеволжский институт краеведения (наследник и правопреемник СУАК). Появляется плеяда талантливых молодых исследователей, учеников П.С. Рыкова (П.Д. Рау, Т.М. Минаева, И.В. Сеницын, Н.К. Арзютов, П.Д. Степанов). Разворачиваются широкомасштабные разведочные и раскопочные работы в Саратовской, Пензенской, Сталинградской, Астраханской областях, в Казахстане и Калмыкии.

После войны археологические исследования были продолжены И.В. Сеницыным (рис. 3) и его учениками Е.К. Максимовым, В.А. Фисенко, Ю.В. Деревягиным, В.Г. Мироновым (рис. 4) и др. Тогда появились перспективные научные концепции, наши археологи стали широко известны, и не будет преувеличением сказать, что современные научные школы в Волгограде, Астрахани, Элисте и Уральске были репродуцированы именно саратовским центром.

Новый подъем саратовской археологии наметился в связи с появлением в СГУ в 1978 г. *археологической лаборатории*, созданной по инициативе декана исторического факультета проф. Г.А. Герасименко и доц. В.И. Каца. Основные задачи – охранные исследования на новостройках Саратовской области, в том числе в зонах мелиоративного строительства, а также археологическое картографирование. Первыми сотрудниками (С.Ю. Монахов, Н.М. Малов, В.Г. Миронов, В.А. Лопатин, А.И. Юдин, И.Р. Плева – рис. 5), а затем и их учениками в 70–90-е годы было исследовано более 200 археологических памятников (курганов, грунтовых некрополей, стоянок, городищ), составлена одна из первых в стране порайонная Археологическая карта Саратовской области, основательно пополнены музейные коллекции множества музеев.

Можно уверенно говорить о том, что за эти десятилетия сложилась признанная научная школа в изучении *культур эпохи бронзы*, лидерами которой являются Н.М. Малов и В.А. Лопатин. Защищено 5 кандидатских и две докторские диссертации, стали регулярно проводиться Всероссийские и Международные конференции, издаются монографии и межвузовский сборник «Археология Восточно-Европейской степи» (рис. 6).

Серьезная, хотя и небольшая группа сложилась в *Балашове* на базе Педагогического института СГУ и станции туристов. А.А. Хрековым и его учениками за 30 лет работы на территории Прихоперья было открыто более 100 археологических памятников от эпохи неолита до средневековья. Самым важным открытием является выделение в Прихоперье протославянских памятников «инясевского типа» II–III вв. н. э. и серии поселений средневековой Руси, которые ранее совершенно не были известны. В итоге культурогенез славян представляется в территориальном плане более масштабным.

За последние полвека в университете сложилась еще одна археологическая школа, получившая международное признание – школа *античной археологии* (В.И. Кац, С.Ю. Монахов), появление которой было явлением в чем-то случайным. В середине 50-х годов прошлого века по настоянию заведующего кафедрой Э.К. Путняня впервые была организована археологическая практика студентов на античный памятник – в Херсонес Таврический. В составе этой группы под руководством проф. И.В. Синицына оказался В.И. Кац, который, увлекшись античными древностями и пройдя затем аспирантскую подготовку в Москве под руководством выдающегося российского ученого проф. Б.Н. Гракова (рис. 7), вернулся в СГУ и стал вести целевую подготовку по специализации «античная археология». С 1969 г. начала работать совместная Тарханкутская экспедиция ЛОИА АН СССР и СГУ, где прошли подготовку несколько поколений саратовских студентов. Десятилетия сотрудничества с такими признанными лидерами ленинградской школы античной археологии, как И.Б. Брашинский и А.Н. Щеглов, дали импульс для исследований саратовских археологов по ряду проблем археологии Причерноморья. Таким образом, состоялась удачная прививка от московской и ленинградской антиковедческих школ на саратовскую почву.

Сначала одним В.И. Кацем, а затем С.Ю. Монаховым (рис. 8; 9) и следующими поколениями археологов-античников (Н.Ф. Федосеев, Н.А. Павличенко, Е.В. Кузнецова, Н.Б. Чурекова и др.) стали проводиться активные полевые исследования на античных памятниках Северного Причерноморья от Дуная до Кавказа, а также камеральная обработка массового археологическо-

го материала. За десятилетия сложился творческий коллектив, добившийся серьезных результатов в этой отрасли знания. Опубликовано более 200 статей, вышедших как в отечественных, так и в зарубежных изданиях. Увидели свет 6 монографий по античной археологии, в том числе в западных изданиях, в Саратове вышел первый в России международный сборник статей «Греческие амфоры» с участием крупнейших специалистов со всего мира (рис. 10). Сейчас как в России, так и за рубежом саратовская школа античного источниковедения признана как одна из ведущих и активно работающих.

Таким образом, в Саратовском университете сложилось несколько серьезных, признанных на мировом уровне научных школ в археологии, которые решают важнейшие задачи в образовательной и научной сферах культурного пространства. Именно поэтому выигранный университетом в конкурентной борьбе грант в рамках приоритетного Национального проекта «Образование» позволил на имеющейся кадровой и интеллектуальной базе сформировать новое структурное подразделение – *Институт археологии и культурного наследия СГУ*. Задачи этого института просты, очевидны и актуальны:

- стимулирование и развитие научной деятельности студентов и сотрудников;
- подготовка специалистов в области археологии, истории первобытного общества и античной истории;
- проведение археологических экспедиций, организация учебных практик;
- создание электронных каталогов, картотек находок и музейных экспонатов;
- организация стажировок специалистов, семинаров, конференций;
- издание методических разработок.

В свою очередь и *структура* института проста, в институте имеется:

- лаборатория нижеволжской археологии;
- отдел археологии Прихоперья;
- лаборатория классической археологии;
- 4 Мобильные археологические лаборатории;
- музей археологии;
- отдел подготовки археологических экспозиций и туристических маршрутов;
- информационно-технический отдел.

Ареал работ лаборатории Нижневолжской археологии – наследницы старой лаборатории 1970–90-х годов, охватывает все нижнее Поволжье, а также Калмыкию, Западный Казахстан, где за это время исследовано множество памятников (рис. 11). Выделение отдела археологии Прихоперья также очевидно при наличии кадрового потенциала, опыта и имеющихся серьезных заделов. В свою очередь, огромный опыт полевых работ имеет и лаборатория классической археологии, сотрудники которой за эти десятилетия работали на всех крупных античных памятниках Причерноморья (рис. 12). Все коллективы накопили огромный опыт и уникальные базы данных.

За счет новационного проекта удалось создать в рамках института археологии качественно иную *материальную базу* для развития науки и сопровождения образовательной деятельности. Это целый парк передвижных лабораторий на базе внедорожников (автобус ПАЗ, микроавтобусы УАЗ, Соболь, джип КИА). Они оборудованы специальной техникой (георадар, GPS-навигаторы, металлодетекторы, геодезическая аппаратура и др.) (рис. 13).

Наконец, мы за короткий срок создали *музей археологии* – уникальное подразделение, позволяющее не только сопровождать учебный процесс по линии Института истории и международных отношений, но и качественно влиять на культурное пространство города и всего региона. Музей призван восполнить существующий пробел в гуманитарном образовании населения области. Это единственный на сегодняшний день специализированный археологический музей в Саратове. Поскольку его главная цель – сопровождение учебного процесса, то нами была выбрана оригинальная концепция организации его экспозиционного пространства на основе принципов многоуровневой подачи информации, предназначенной для разных категорий посетителей.

Экскурсия начинается с зала античной археологии. В первую очередь посетители знакомятся с биографиями и основными достижениями исследователей, заложивших основы российской античной археологии, явились родоначальниками научных школ. В этом же блоке присутствует справка о зарождении и развитии саратовской школы античной археологии. В большинстве музеев экспонаты, как правило, сопровождаются лишь краткой справкой с указанием названия, места его находки и датировки. Как правило, для студентов и, в особенности, учащихся школ название предмета ни о чем не говорит, особенно если это касается фрагментированных экспонатов. Поэтому в нашем музее в каждой витрине присутствует «информационный листок», где даны фотографии целых форм, место и время их изготовления.

Сверху по периметру стен музея расположено световое панно с видами наиболее известных античных памятников Греции и Северного Причерноморья. На подвесном потолке разместились карта звездного неба, каким его представляли древние греки. В качестве носителей информации используются и поверхности стеклянных настенных колб. Тематически они связаны с материалом, расположенным в витринах под каждой из них и призваны в какой-то мере восполнить возможную нехватку реальных экспонатов, но, главным образом, предназначены для иллюстрирования того многообразия предметов, которые в античную эпоху изготавливались из стекла, металла и глины (рис. 14).

Основная же часть информации сосредоточена в «турникетах». В зале античной археологии дается краткая историческая справка о процессе заселения северного побережья Черного моря, исторические очерки о трех крупнейших античных государственных образованиях Причерноморья (Ольвии, Херсонесе и Боспорском царстве), приведены характеристики и иллюстрации основных видов античной керамики с указанием названия и предназначения, особое внимание уделено наиболее массовой категории археологического материала – керамической таре. Все тексты в турникетах сопровождаются богатым цветным иллюстративным материалом: фотографиями предметов,

планами городов, реконструкциями оборонительных сооружений, жилых кварталов и т. п.

Тот же принцип подачи материала применяется в зале региональной археологии, где представлены артефакты от эпохи палеолита до средневековья. Экспозиция выстроена в строгом хронологическом порядке, что позволяет составить представление об исторических процессах, происходивших в нашем регионе. Все экспонаты сопровождаются краткой справкой, а витрины изобилуют иллюстративным материалом, содержащим карты, фотографии, реконструкции и т. п. (рис. 15)

В турникетах этого зала содержится информация об исследователях, проводивших археологические раскопки на территории области и заложивших основы саратовской школы региональной археологии. Кроме того, даются характеристики каждого исторического периода, которые сопровождаются фотоматериалами, перекликающимися с изображениями в витринах. Это дает возможность посетителю быстро сориентироваться и сопоставить информацию на турникетах с реальными артефактами, представленными в витринах.

В музее представлен еще один способ демонстрации – макеты и панорамы. В античном зале, в макете воссоздан квартал жилой застройки греческой Ольвии и объемная панорама кухни в греческом доме с видом на море, а в зале региональной археологии – реконструкция поселения эпохи бронзы.

Значимость музея и его качественные характеристики уже сейчас оценены по достоинству. Приведу только несколько цитат из книги почетных посетителей. Заведующий кафедрой археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета д.и.н., проф., А.П. Медведев: *«В Саратовском государственном университете произошло событие, которое все ждали много лет – наконец-то открылся настоящий университетский археологический музей... Это более чем достойное продолжение традиций, заложенных корифеями поволжской археологии П.С. Рыковым и И.В. Синицыным. Так держать!»*.

Глав. спец. ГУП «Наследие», один из ведущих археологов Ставрополя, наш выпускник С.В. Ляхов *«В России есть много хороших ВУЗов с неплохими университетскими музеями. Но данный музей выделяется – здесь присутствует идея. Концепция, эстетика, высококлассный дизайн, уникальный материал, великолепно выполненное оформление, текстовое сопровождение. Все это вместе, безусловно, будет способствовать культурному, эстетическому, а самое главное, профессиональному обучению молодежи»*.

Фактически, Музей – это красочно оформленное методическое пособие. Естественно, что благодаря современному медийному оборудованию музей будет на качественно ином уровне проводить пропаганду культурного наследия и организовывать процесс обучения. Для этого в рамках института создано несколько миниклассов с современной компьютерной техникой. А это предполагает и постоянную работу по сбору и комплектованию уже существующих и подготовке разнообразных учебно-методических пособий в формате электронных продуктов, баз данных, каталогов и т. п. Например, уже демонстрируются для лицеистов, гимназистов и студентов такие видеофильмы, как «Античный город Фанагория», «Античная Ольвия», «Одиссея», «Александр Македонский», «Троя», «Древний Египет», «Древняя Греция. Герои мифов и легенд», «Последний день Помпеи», «Античная мифология» и др.

Силами сотрудников института подготовлены или запущены в работу такие обучающие медиапродукты, как «Путешествие в бронзовый век», «Виртуальный Увек», «Археологические путешествия по памятникам Северного Причерноморья» и пр. Подготовлен к печати учебник «История и археология Северного Причерноморья» общим объемом около 20 п.л. с огромным количеством иллюстративного материала (рис. 16).

Весьма важным представляется и еще одно направление работы Института – динамичное расширение хоздоговорной работы, направленной на охрану историко-культурного наследия. У нас для этого есть все необходимое: кадры, оборудование, опыт. В конце концов, эта деятельность только усиливает достигнутый потенциал, стимулирует научную работу. Мы уже заключили Соглашения о сотрудничестве с Комитетом по охране историко-культурного наследия Саратовской области, Областным музеем краеведения, Институтом археологии РАН и рядом других организаций, что дает нам основания активно включиться в эту работу.

И, наконец, еще одно направление работы института – внедрение результатов археологических исследований в *мероприятия по музеефикации исторических объектов*. Одним из таких наиболее привлекательных объектов может быть «Золотоордынский Увек», уникальный памятник истории и культуры, третий по величине город Золотой Орды. Мы уже начали совместно с ведущими московскими специалистами-геофизиками (проф. П.Н. Александров) инициативные работы по геофизической разведке Увекского городища с целью найти наиболее сохранные и привлекательные погребенные объекты (рис. 17). Университет может профессионально раскопать те или иные сооружения Увека (храмы, мавзолеи, караван-сарай и т. п.). При поддержке городских и губернских властей и соответствующем финансировании на этой базе реально создание музейного комплекса-заповедника.

В свою очередь, это может быть хорошим стимулом для развития межрегионального и международного туристического бизнеса, обеспечит туристическую и инвестиционную привлекательность г. Саратова. Наконец, это позволит укрепить неформальный статус Саратова как действительно культурной Столицы Поволжья. В нашем городе Увек может быть представлен как подлинное пересечение культур и цивилизаций, а создание археологического комплекса и открытие его для широкого экспозиционного использования даст возможности существенно укрепить положение Саратова в евразийском пространстве.

Таковы задачи и самые первые результаты работы новой структуры университета. Представляется, что у Института археологии и культурного наследия есть все основания рассчитывать на новые значимые результаты в самом ближайшем будущем.

Рис. 1. Члены-учредители СУАК

Рис. 2. проф. Рыков П.С.

Рис. 3. проф. Синицын И.В.

Рис. 4. доц. Миронов В.Г.

Рис. 5. Первые сотрудники археологической лаборатории

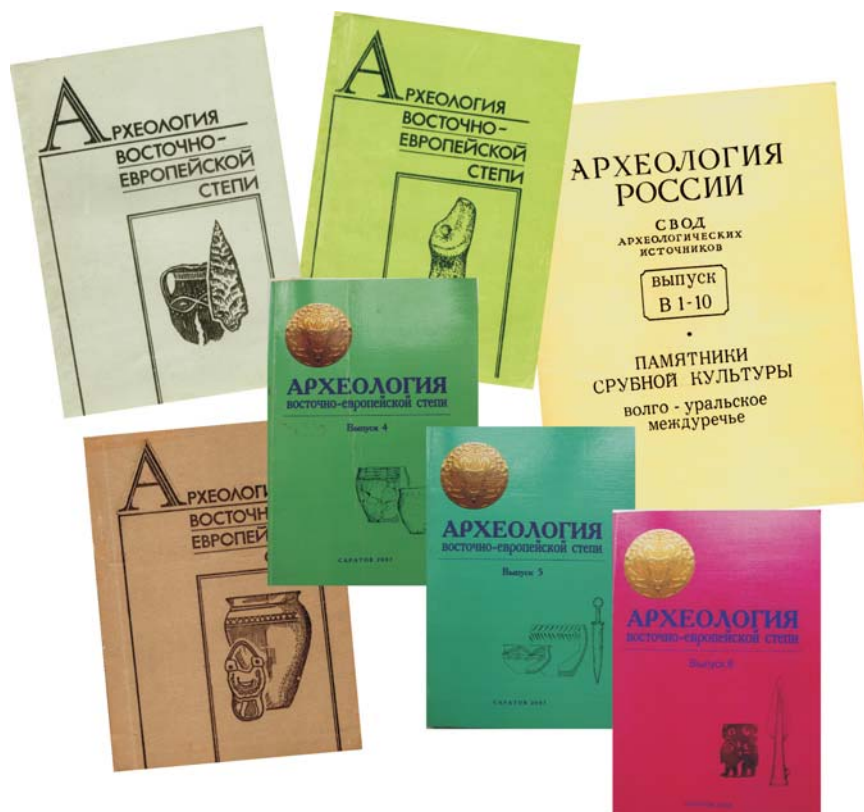

Рис. 6. Труды лаборатории региональной археологии

Рис. 7. проф. Граков Б.Н.

Рис. 8. доц. Кац В.И.

Рис. 9. проф. Монахов С.Ю.

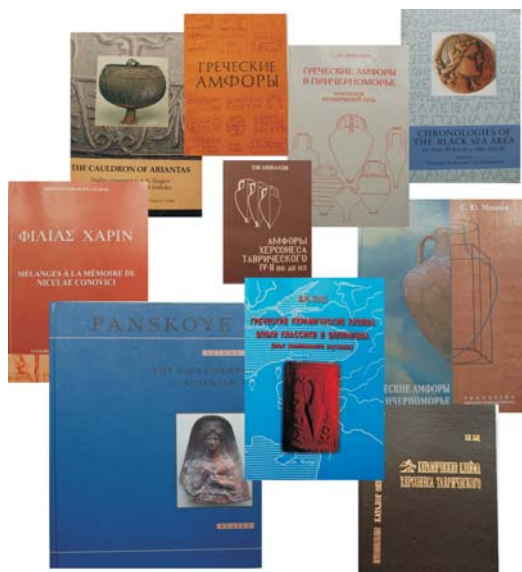

Рис. 10. Труды лаборатории античной археологии

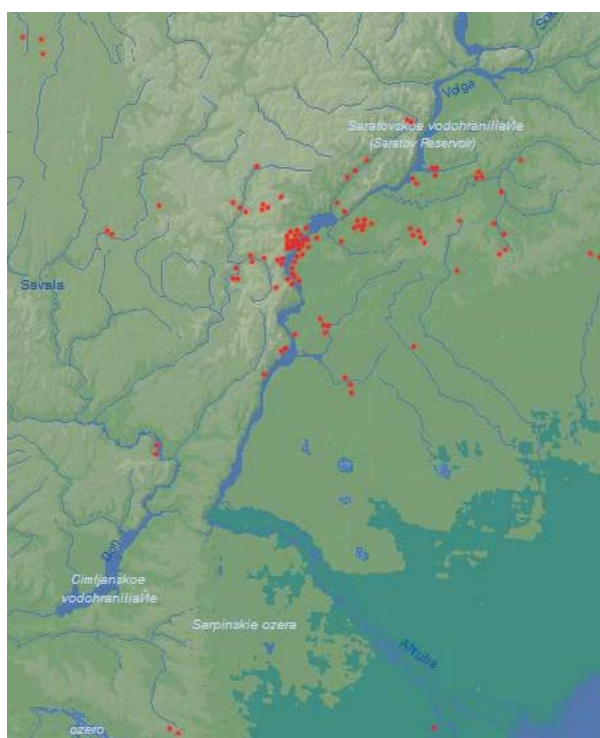

Рис. 11. Ареал работ лаборатории региональной археологии

Рис. 12. Ареал работ лаборатории античной археологии

Рис. 13. Специальное оборудование, закупленное по инновационной программе

Рис. 14. Экспозиция музея. Зал античной археологии

Рис. 15. Экспозиция музея. Зал региональной археологии

Рис. 16. Мультимедийная продукция

Рис. 17. Геофизическое зондирование городища Увек

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Малов Н.М., Сергеева О.В., Ким М.Г.

МАТЕРИАЛЫ ВОЛЬСКОГО КУЛЬТУРНОГО ТИПА СРЕДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ С ЭПОНИМНОГО ПОСЕЛЕНИЯ

*История изучения Вольского городища «Попово блюдечко» и историографии вопроса*¹. К настоящему времени в бронзовом веке Нижнего Поволжья выделяется особый вольский культурный тип памятников (ВКТ), характеризующийся своеобразными и визуально узнаваемыми керамическими материалами, происходящими преимущественно из культурных слоев. Свое название ВКТ Нижнего Поволжья получил по городищу в г. Вольске, где впервые была обнаружена, характерная только для этого типа керамика.

В середине XX века П.Д. Степанов впервые кратко изложил основные страницы истории изучения данного памятника. При этом исследователь отметил, что, несмотря на частые его посещения разными лицами: «<...> он не был спасен от разрушения и никем с достаточной полнотой не был изучен и описан» [Степанов, 1956. С. 6]. Со времени выхода данной статьи П.Д. Степанова сведения об истории исследования поселения расширились и дополнились, а также существенно изменились подходы археологов к культурно-хронологической оценке ВКТ. Поэтому более подробно восстановим историю изучения Вольского городища. Поскольку свое название ВКТ получил по материалам данного поселения, рассмотрим также основные историографические вопросы этой темы.

Первые находки с поселения поступили в 1913 г. Тогда В.Н. Беседников и Б.В. Зайковский передали в музей СУАК фрагменты лепной керамики с городища «Попово блюдечко» или у «Малинычевой каменоломни» в г. Вольске. Б.В. Зайковский отметил, что оно гибнет от разрушения каменоломней и разделил собранный керамический материал по двум типам известных к тому времени культур [Зайковский, 1914. С. 120-124]. Сетчатая керамика РЖВ

¹ Основные положения данной статьи были изложены Н.М. Маловым и О.В. Сергеевой в докладе: «Попово блюдечко» – эпонимный памятник вольского типа эпохи средней бронзы», прочитанного на заседании археологической секции научной конференции, посвященной 100-летию СГУ (Саратов. 14-16 мая 2009 г.).

была определена как «тип хвалынских городищ», а вторая относилась «учеными археологами к поре медного века» и именовалась «архаической». Сосуды, которые сейчас связываются с ВКТ, были отнесены к архаическим: «<...>они делались из грубой глины, с примесью дресвы и толченых пресноводных раковин; благодаря лепке не на гончарном круге, а просто от руки – сосуды отличаются толстыми стенками и днищами, в особенности там, где стенка переходит в дно<...>. Орнаментировка архаических сосудов разнообразна, преобладают глубоко вдавленный узор точками, мережками, линиями с острыми углами» [Зайковский, 1914. С. 122].

В 1917 г. керамику с этого поселения доставил в музей СУАК Еланский, а в 1921 г. Марков [Степанов, 1956. С. 5]. Данный памятник привлек внимание А.А. Спицына, хорошо знакомого с археологическими коллекциями музея СУАК. Профессор включил керамику с толченой раковиной с Вольского городища в число Саратовских стоянок медного века. Исследователь считал, что здесь обнаружены «<...>остатки городища или поселения со слоем золы, заключающим кости животных и массу черепков, отчасти типа местных финских городищ, частью же типа медного века, с обильной примесью толченой раковины. Не можем не отметить с особым вниманием обнаружившиеся на городище комки обожженной глины с оттисками прутьев» [Спицын, 1923. С. 34, № 8].

В 1927 г. В.Ф. Орехов, совместно с заведующим Вольским научно-образовательным музеем П.С. Козловым и заведующим Хвалынским районным музеем К.Ю. Гроссом, обследовал меловой карьер и склоны каменоломни погибшего городища «Попова блюдца». На южном склоне нашли кварцитовый «топор-клин» со следами грубой обработки, «костяной серп» и фрагменты керамики. Обух и лезвие топора имели явные признаки употребления. Его длина по оси 22 см, ширина лезвия 8 см, диаметр обуха 5,5 см (рис 2, 13). Клиновидный топор может быть связан с ВКТ, поскольку для городищной культуры и эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья он не характерен.

Крупный «серп» – длиной около 26 см и шириной около 4 см, изготовлен из нижней челюсти лошади(?), внутренний край, которого заострен и отшлифован (рис. 2, 14). Это орудие для обработки кож – тупик. Он использовался при волососгонке, снятии мездры и разминания кож, и вероятнее всего связан с керамикой срубной культуры эпохи поздней бронзы, присутствующей в вольской коллекции (рис. 8). Тем более, что это обычные находки на раскапывавшихся срубных поселениях Нижнего Поволжья, Волго-Уралья и Подонья. В.Ф. Орехов отнес найденную керамику ВКТ к хвалынской культуре, подчеркнув интересную форму венчиков: «<...>утолщенные сверху, скошенные то внутрь, то наружу» [Орехов, 1927. Л. 14].

Над ямой в обрыве карьера им впервые был заложен пробный шурф (рис. 1, III), размером 1,5 x 1,5 м [Орехов, 1927. Л. 14–15]. В культурном слое шурфа встречены кости домашних животных, фрагменты керамики и два кварцитовых камня со следами обработки. В.Ф. Орехов отметил наличие слабых следов от валов и рвов, окружающих городище [Орехов, 1927. Л. 14]. Поэтому следует полагать, что поселение относилось к типу городищ, валы и рвы на котором, вероятно, были сооружены в РЖВ племенами городищной культуры. Место хранения данной коллекции В.Ф. Орехова с Вольского горо-

дища пока не установлено. Возможно, что она поступила в Хвалынский краеведческий музей.

Затем Вольское городище длительное время не привлекало внимания археологов, за исключением краткого упоминания А.П. Кругловым и Г.В. Подгаецким. Исследователи вполне правомерно считали, что городище в г. Вольске относится к числу памятников с возможным смещением находок из разновременных культурных слоев [Круглов, Подгаецкий, 1935. С. 106]. Судя по протоколам Ученого совета СОМК, когда его директором был П.С. Рыков, часть керамики с Вольского городища передавали в 1920-е гг. для оформления экспозиции нового Вольского краеведческого музея. О последующем обследовании поселения в 1930–1940-е гг. нам пока не удалось найти сведений в архивах и фондах музеев.

Изучение памятника возобновилось только в 1950 г., когда И.В. Сеницын осуществил здесь контрольные раскопки [Сеницын, 1952. С. 72–73]. Они «<...>позволили выявить, хотя и потревоженный, но мощный культурный слой, состоящий из черепков глиняной посуды, костей домашних животных и зольной массы» [Сеницын, 1950. С. 8]. Наиболее древнюю керамику городища исследователь отнес в целом к срубно-хвалынской культуре.

К моменту обследования поселения в 1955 г. Е.К. Максимовым и П.Д. Степановым большая часть площадки «Попова блюдечка», с расположенным на ней городищем отсутствовала: «мел выломан и увезен на заводы» [Степанов, 1956. С. 8]. От нее остались только две небольшие условные возвышенности, где: «<...>можно было проследить залегание слоя несколько более темного цвета, состоящего из мелового щебня и серой сыпучей массы», в которой находились кости животных и обломки керамики [Степанов, 1956. С. 8]. Кроме этого собрали преимущественно сколы, кремневый отщеп, орудия из кварцита, обломки зернотерки, пряслища и бронзового серпа срубно-хвалынской культуры [Степанов, 1956. С. 9–12]. В музейных коллекциях орудия из камня и фрагмент серпа² нами не выявлены.

П.Д. Степанов полагал, что данное поселение члены СУАК называли городищем по аналогии с Хвалынскими городищами и находкам рогожной керамики. Основываясь на комплексы вещей и керамики, исследователь определил памятник как трехслойный. Верхний слой с «рогожной» керамикой – городищской культуры, затем – слой «срубно-хвалынской культуры», а ниже всех – слой эпохи ранней бронзы или неолитического времени [Степанов, 1956. С. 9–10]. В коллекции памятника присутствует один покровский венчик с внутренним уступом (рис. 8, 7) и несколько венчиков срубной культуры эпохи поздней бронзы (рис. 8, 1–6, 8, 9).

П.Д. Степанов проанализировал и охарактеризовал значительную серию вольской керамики, вполне обосновано указал на ее культурное своеобразие и отличие от срубно-хвалынской, тем самым впервые поставил вопрос о выделении бытовых нижеволжских памятников особого вольского культурного типа. Посуда ВКТ имела серо-желтый цвет снаружи и черный – внутри, обильную примесь толченой речной раковины – беззубки, внутренняя по-

² Осматривая загнутый крюк от бронзового серпа, найденный Н.М. Маловым на селище срубной культуры близ с. Пристанное, Е.К. Максимов сообщил, что на Вольском городище был найден аналогичный обломок.

верхность сглаживалась зубчаткой поперек, днища – плоские [Степанов, 1956. С. 12–15]. Форма сосудов реконструировалась затруднительно из-за ее фрагментарности, поскольку выпуклых плечиков и стенок не найдено. В коллекции преобладали крупные сосуды диаметром по венчику до 32 см. Диаметр малых сосудов по горлу около 12 см.

Орнамент геометрический – комбинированный, наносился различными штампами, преимущественно крупнозубчатыми. Нередко применялась лопаточка без зубцов. Элементы орнамента: зигзаг, ряды косых или прямых продолговатых ямок. На основании аналогий в материалах донных стоянок Нижнего Поволжья (Крутец, Столы, Досанг, Болхуны) и Нижнего Дона (Малая Лучка, Нагаевская, Соленовская) исследователь удревнил возраст керамики ВКТ из нижнего слоя «Попова блюдечка», отнес ее не к срубно-хвалынской культуре, а к неолиту или к «доямному времени» [Степанов, 1956. С. 20–21].

Однако такое решение вопроса о культурной принадлежности вольской керамики с толченой раковиной встретило возражение со стороны исследователей. П.Д. Либеров высказался против ее неолитического возраста, поскольку она с плоским дном и более похожа на посуду эпохи поздней бронзы и отнес ее к абашевской культуре [Либеров, 1964. С. 150–151]. А.А. Формозов также опровергал ее неолитическую принадлежность, полагая, что она «<...>гораздо ближе керамике катакомбного типа с Терновского и Даниловского городищ и с городища Банный овраг, чем к неолитической керамике Нижнего Подонья» [Формозов, 1965. С. 93, сноска 13]. Таким образом, к середине 1960-х годов в работах П.Д. Либерова и А.А. Формозова высказывается новое предположение о том, что в общем плане керамика ВКТ могла бытовать в Нижнем Поволжье в эпоху бронзы, а не в неолите. Но развернутого обоснования абашевской или катакомбной ее принадлежности исследователи не представили.

Затем И.Б. Васильев, Н.К. Качалова и А.Д. Пряхин справедливо возразили против абашевской культурной принадлежности вольской посуды [Качалова, 1976. С. 10; Пряхин, 1976. С. 66]. При этом исследователи не подвергли сомнению предположение П.Д. Степанова о доямном возрасте вольской керамики. Таким образом, вопрос о ее культурной принадлежности и времени бытования оставался открытым.

Это подтвердил И.Б. Васильев, вновь поставив вопрос о неясной группе керамики степного и лесостепного Поволжья, отметив, что решить его достаточно затруднительно даже для находок поселения с небольшим ненарушенным слоем [Васильев, 1975. С. 76–83]. Исследователь включил Вольское поселение в группу памятников с так называемой «загадочной» керамикой, выделенной в районе Самарской Луки. В итоге И.Б. Васильев заключил, что: «<...>мы не знаем ни времени, когда она существовала, ни ее культурной принадлежности, ни действительной территории ее распространения» [Васильев, 1975. С. 82].

С середины 1970-х годов осыпи «Попова Блюдечка» систематически посещались и осматривались М.Г. Кимом. Некоторое участие в этих обследованиях принимали Н.М. Малов и В.И. Мельник. Находки сдавались в Вольский краеведческий музей. Тогда же здесь было найдено медное четырехгранное шило (рис. 3, 12). В 1981 г. научный сотрудник ВКМ М.Г. Ким провел на ос-

татках поселения охранные раскопки. Материалы этих раскопок и сборов, существенно пополнившие археологическую коллекцию памятника, публикуются в данной статье.

В 1979 г. Н.М. Малов впервые выделил вольский культурный тип памятников эпохи средней бронзы Поволжья и ввел в научный оборот данный термин, которого придерживается до настоящего времени [Малов, 1979. С. 82–83; 2007. С. 38; 2008. С. 77–78]. При этом отмечалось, что керамика вольского типа по геометрическим формам орнамента в виде сочетания рядов горизонтальных, наклонных и коротких вертикальных линий крупного и мелкозубчатого штампа, иногда прочерченных, более близка посуде эпохи средней и поздней бронзы. По мнению исследователя, на это указывали единичные экземпляры с елочными сюжетами и заштрихованными треугольниками вершинами вниз, что не типично для неолитической посуды.

Данное предположение аргументировалось новыми материалами, полученными в результате исследований, проведенных в 1975–1978 гг., Н.М. Маловым на Хлопковском городище и неолитическом могильнике. Самое существенное значение имело то, что здесь впервые стратиграфически было зафиксировано предшествование грунтового неолитического могильника хвалынской неолитической культуры (или I хронологическая группа древнейшей культуры по Н.Я. Мерперту), материалам из культурного слоя поселения, где вольская керамика встречена с полтавкинскими черепками, многоваликовыми и катакомбными [Малов, 2008]. К тому же указывалось, что вольские фрагменты имеются среди материалов поселения на утесе Степана Разина, определенные И.В. Синицыным и В.А. Фисенко как полтавкинские. На этом основании керамика вольского типа была предварительно отнесена Н.М. Маловым, в общих чертах, к полтавкинско-катакомбному времени. После этого стало ясно, что она не могла быть неолитической, а существовала позже памятников хвалынской неолитической культуры.

Н.М. Маловым была очерчена территория распространения основных бытовых памятников вольского типа. По мнению исследователя, они представляли собой особую и иную культурную группу, хотя близкую и синхронную заволжским полтавкинским курганным погребениям. Вместе с тем, исследователь не исключал возможность того, что вольская посуда представляла собой полтавкинскую поселенческую керамику. Выделялось около 20 поселений и местонахождений с вольской посудой, расположенных преимущественно вдоль правого берега Волги от г. Камышина и до Самарской Луки, на границе степи и лесостепи [Малов, 1979]. Заключение Н.М. Малова о культурной самостоятельности, территории распространения и времени бытования ВКТ было поддержано и развито другими исследователями. В последующем археологи расширили ареал распространения памятников ВКТ, но время их существования до сих пор продолжают определять эпохой средней бронзы или полтавкинско-катакомбным временем.

После открытия в 1982 г. Г.И. Матвеевой в Самарском Заволжье поселения Лбище, исследование которого в 1983 г. продолжила совместная археологическая экспедиция ИА АН СССР и Куйбышевского пединститута под руководством Б.Г. Тихонова и И.Б. Васильева, в научный оборот был введен другой термин «вольско-лбищенский тип» [Васильев, Синюк, 1985. С. 66–88, 116, рис. 35; Васильев и др., 1987. С. 40–54]. На Лбище найдены фрагменты

приблизительно от 50 сосудов с толченой раковиной, два гребенчатых штампа из раковин, костяные и каменные изделия, объединенные авторами публикации в один культурно-хронологический комплекс, находящийся наиболее близкие аналогии по керамике в материалах Вольского городища.

Исследователи согласились с точкой зрения Н.М. Малова, относительно бытования керамики вольского типа в полтавкинско-катакомбное время, с принадлежностью к несколько иной культурной группе, в целом близкой и синхронной степным заволжским полтавкинским памятникам [Васильев, Синюк, 1985. С. 67–68, 116, рис. 35; Васильев и др. 1987. С. 49–50]. При этом данная группа материалов лесостепного Поволжья трактовались, как: «<...>свидетельство абашевско-полтавкинского времени существования памятников вольского и лбищенского типов», относилась к эпохе средней, возможно, и конца ранней бронзы [Васильев и др. 1987. С. 49–50].

И.Б. Васильев и А.Т. Синюк полагают, что «вольско-лбищенские» памятники позднего или пережиточного энеолита заполняют территориальную лакуну между катакомбными и среднедонскими абашевскими на западе, полтавкинскими на юго-востоке, уральскими абашевскими на северо-востоке, поздними балановскими и средневожскими абашевскими на севере. По мнению исследователей, поздняя дата бытования вольско-лбищенских древностей лимитировалась появлением раннесрубных древностей (конец XVII – начало XVI вв. до н. э.), в которых усматривались значительные вольско-лбищенские черты. Неясный вопрос об их нижней хронологической границе ориентировочно определялся полтавкинско-катакомбным временем (конец III – первая половина II тыс. до н. э.), хотя ранние вольско-лбищенские памятники могли существовать и во время ямной культуры [Васильев, Синюк. 1984. С. 88].

На рубеже XX–XXI вв. памятники ВКТ привлекают особое внимание исследователей. Начинают обсуждаться проблемы их происхождения и участия в культурно-археологических процессах эпохи палеометаллов. Активизируются усилия по выделению погребений ВКТ особенно в степном Волго-Уралье.

А.Т. Синюк полагает, что происхождение вольско-лбищенских древностей связано с племенами хвалынской или самарской культуры 2 этапа, оказавшихся в условиях длительной изоляции, при последующем участии полтавкинских и катакомбных традиций [Синюк, 1996. С. 274]. Некоторые исследователи допускают, что памятники ВКТ оказали влияние на сложение Волго-Уральского очага культурогенеза, покровских (ПКТ) и раннесрубных комплексов [Малов, 1992. С. 6–7; Малов, Филиппченко, 1995].

Не осталось без внимания ранее высказанное наблюдение П.Д. Либерова об абашевской принадлежности вольской керамики. Н.М. Малов допускает возможность сохранения в ПКТ некоторых вольских керамических традиций [Малов, 1992. С. 14; 1992а. С. 84; 1992б. С. 132.]. Это нашло поддержку у других археологов [Цимиданов, 2005. С. 75]. Не обошли стороной данный сюжет исследователи абашевской культуры. Некоторые археологи отмечают что, хотя сосуды ВКТ не имеют аналогий в абашевских формах, тем не менее, со средневожской – их сближает примесь толченой раковины в тесте, утолщение венчика и частичное сходство в сюжетах орнамента [Васильев, Кузнецов, 2000. С. 69; Кузьмина, 2001. С. 157; Большов, 2003. С. 29–31]. Дальнейшую

судьбу памятников вольско-лбищенского типа также связывают с формированием в лесостепном Поволжье и Подонье памятников потаповского и владово-филатовского типов [Васильев, Кузнецов, 2000. С. 71–72].

Современные исследования показывают, что керамика ВКТ отличается своим своеобразием от других культур, принадлежит еще к не выделенной археологической культуре эпохи средней бронзы. Время бытования памятников «вольского культурного типа» в Нижнем Поволжье и «вольско-лбищенских» в Среднем Поволжье, в общих чертах сейчас определяют «полтавкинско-катакомбным временем», или с конца III – первой четвертью II тыс. до н. э. [Малов, 1979. С. 82–83; Малов, Филипченко, 1995; Синюк, 1996. С. 273–274; Васильев, Кузнецов, 2000; Васильев, 2003; Ставицкий, 2004. С. 18]. Несмотря на почти столетнюю историю изучения вольского городища «Попово блюдечко», происходящие с него археологические коллекции, в полном объеме не опубликованы и недоступны широкому кругу специалистов. Восполнение данного пробела и является основной целью нашей публикации.

Поселение «Попово блюдечко» или Вольское городище расположено в 1,5 км к северо-востоку от речного вокзала г. Вольска, на высоком мысу рядом с местом впадения р. Верхняя Мальковка в Волгу. Мыс представляет собой отрог Приволжской возвышенности, идущий в сторону волжского берега. Он возвышается на 30–50 м. над современным уровнем Волги, протекающей южнее в 1200–1300 м (рис. 1, I). Городище с запада, востока и юго-востока ограничено глубокими оврагами. С нагорной стороны расстояние между ними 50–55 м (рис. 1, II). Поселение занимало площадку высокой возвышенности, и было хорошо защищено от неприятеля крутыми склонами. Вероятно, в РЖВ на нем были устроены дополнительные укрепления в виде валов и рвов, следы которых заметил В.Ф. Орехов.

В 300 м. северо-восточнее памятника находится карьер мелоизвесткового завода и сам завод. В 1970-х гг. мелоизвестковый завод г. Вольска завалил отходами производства глубокий карьер, образовавшийся на площадке «Попова блюдечка» и уже полностью разрушивший все поселение. После запрета свалки, от памятника осталась лишь жалкая окраина, в виде осыпей культурного слоя на крутых возвышенных склонах.

К моменту раскопок М.Г. Кима, переотложенные остатки культурного слоя сохранились в трех местах. Два участка (170 и 24 кв. м) на южной и один (24 кв. м) на восточной окраинах поселения [Ким, 1981]. Им были заложены два раскопа, площадью 60 и 20 кв. м (рис. 1, II). Стратиграфические наблюдения позволяли заключить, что один верхний слой в раскопе 1 (мощность до 1,2 м) и два слоя в раскопе 2 (мощность 1,1 м) представляют собой перемешанный культурный слой, переброшенный в виде отвала из разрушенной карьером центральной части поселения.

Нижний сильно гумусированный слой, толщиной 0,4–0,5 м, вероятно, образовался в результате вторичного сползания сверху по склонам, а не сформировался естественным образом в древности. Это подтверждается распределением находок по слоям и пластам, где керамика разных эпох встречалась стратиграфически бессистемно.

Изделия из камня. Все обнаруженные на поселении каменные предметы, используя метод исключения, можно отнести к ВКТ, но это будет не совсем бесспорно. Сюда можно включить кварцитовый «топор – клин» из сборов

В.Ф. Орехова (рис. 2, 13). Кроме того, В.Ф. Орехов обнаружил в шурфе два кварцитовых камня со следами обработки. Среди найденных каменных вещей П.Д. Степанов назвал: преимущественно сколы, кремневый отщеп, орудия из кварцита и обломок зернотерки.

Из раскопов и сборов М.Г. Кима происходит небольшая коллекция каменных предметов, среди которых преобладают немногочисленные и невыразительные кремневые сколы и отщепы (рис. 9). Есть кварцитовые и песчаниковые сколы (рис. 10). Интересен кремневый наконечник дротика, ланцетовидной формы, без выделенного черешка. Его поверхность бугристая, обработана небрежно. Длина изделия 76 мм, ширина 33 мм (рис. 9, 5).

Своеобразен плоский предмет овальной формы с узким желобком в центре из мелового щебня, неопределенного функционального предназначения. Возможно это отдаленное подражание катакомбным «выпрямителям». Обломками представлены два шлифованных орудия: пест (рис. 9, 15) и обух топора – молота с частью отверстия для рукояти (рис. 10, 5). Песты и топоры представлены на поселении Лбище и других вольско-лбищенских памятниках Самарского Поволжья [Васильев и др., 1987. С. 54, рис. 7; 8; Васильев, Кузнецов, 2000. С. 82–83, рис. 10; 11].

Каменные наконечники, сколы, песты и топоры встречаются в погребениях эпохи средней бронзы на широкой географической территории степи и лесостепи Восточной Европы. Эти предметы известны в ямно-полтавкинских и катакомбных погребениях Нижнего Подонья и Поволжья [Братченко, 1976. С. 54, рис. 26. С. 90, рис. 49, 1. С. 92, рис. 51, 8, С. 98, рис. 55, 11; Васильев, Кузнецов, 2000. С. 55, рис. 11; Кияшко, 2002. рис. 41, 12; 56, 3; 64, 8, табл. XVII].

Керамика ВКТ. В сводке И.Б. Васильева и П.Ф. Кузнецова указано, что на Вольском городище обнаружены фрагменты не менее чем от 20 сосудов, а на памятниках правобережья Волги исследователями учтено около 100 сосудов [Васильев, Кузнецов, 2000. С. 66]. Результаты нашей обработки музейных коллекций позволяют заключить, что эти цифры намного занижены и не отражают фактическую источниковедческую базу, как по Вольскому городищу, так и по остальным поселениям ВКТ Саратовского и Волгоградского правобережья.

Мы непосредственно познакомились со всеми материалами с Вольского городища, сохранившимися к настоящему времени в Саратовском областном (СОМК) и Вольском краеведческом (ВКМ) музеях. Коллекция насчитывает около 400 фрагментов керамики ВКТ, с резким преобладанием боковинок. Венчиков от разных сосудов около 80, а фрагментов от плоских днищ около 10 экземпляров. С «Попова блюдечка» происходит самый многочисленный и чистый в культурном отношении комплекс керамических материалов ВКТ в Поволжье. Несомненно, что общая его численность несколько больше, поскольку нам не удалось установить места хранения археологических находок ряда исследователей, их отчетов и полностью учесть керамическую коллекцию ВКТ с «Попова блюдечка».

Из-за обильной примеси толченых раковин в тесте вольская керамика слоится. Сосуды серого или светло-коричневого цвета, внешняя поверхность гладкая. В единичных случаях встречаются расчесы. Внутренняя поверхность черного или темно серого цвета, иногда со следами «нагара».

Фрагменты венчиков позволяют считать, что чаще всего на поселении были распространены крупные горшки диаметром по венчику от 20 до 50 см. Днища были плоскими диаметром 11–14 см. В большинстве случаев венчики имеют воротничковые утолщения с внешнего края. В этом месте максимальная толщина таких венчиков иногда достигает 2,5 см, при толщине стенок 0,7–1,1 см.

Типология любой поселенческой керамики имеет определенную долю условности, так как мы не имеем целых форм и вынуждены использовать сосуды, сохранившиеся до максимального расширения тулова. В данном случае задача еще больше осложнилась, тем, что даже такие фрагменты единичны. Поэтому проанализированы также венчики с сохранившейся частью плеча.

Форма. Немногочисленные фрагменты стенок свидетельствуют о преимущественно округлобокой форме сосудов ВКТ. Однако были и острореберные, на что указывает только один фрагмент стенки (рис. 7, 5). Имеющаяся выборка послужила основой для выделения трех основных форм сосудов, по их верхней части (табл. 4).

Таблица 4. Форма сосудов.

Форма	Банки	Слабопрофилированные	Горшковидные с высоким венчиком		Горшковидные с коротким венчиком	
			Прямой	Отогнутый	Прямой	Отогнутый
Тип	I	II	III(1)	III(1)	III(2)	III(2)
%	28,1	12,8	12,8	12,8	12,8	20,5

Тип I – баночные сосуды, как правило, закрытой профилировки, с плоским срезом венчика (рис. 2, 2; 4, 1, 7; 6, 4; 7, 3).

Тип II – слабопрофилированные сосуды с высоким прямым венчиком, намеченной шейкой, срез плоский или скошенный наружу (рис. 4, 8, 9; 7, 1). Эта форма имеет воротничковое утолщение венчиков (рис. 3, 1; 4, 9; 7, 1).

Тип III – горшки или горшковидные сосуды, среди которых выделяется два подтипа:

- подтип 1 – с высоким прямым или отогнутым наружу венчиком, срез плоский, со скошенной внешней гранью или скошенный наружу (рис. 2, 1; 5, 8, 9; 6, 15; 7, 8).
- подтип 2 – с коротким отогнутым венчиком, срез плоский или скошенный наружу (рис. 2, 9; 3, 6; 4, 3; 6, 1, 14);

Орнамент. Верхняя часть всех учтенных сосудов богато орнаментирована. То есть орнаментировано 100% венчиков, что более характерно для сосудов культур средней, а не поздней бронзы. Встречаются венчики с орнаментированным срезом (рис. 3, 14; 5, 9).

При классификации орнамента, выделим, прежде всего, элементы декора (табл. 2). Всего их насчитывается десять: I – зубчатый штамп; II – двузубый штамп (рис. 2, 1), III – прочерченная линия (рис. 4, 12); IV – овальный или линзовидный оттиск (рис. 2, 12; 3, 8; 5, 9); V – удлиненный прямоугольный оттиск (рис. 2, 1, 4; 4, 8; 6, 2); VI – ногтевые вдавления (рис. 2, 8; 3, 13; 5, 4; 6, 14); VII – защипы (рис. 5, 7; 7, 3); VIII – оттиск полой трубочки (рис. 3, 6), IX – ямки (рис. 7, 8); X – валик (рис. 3, 3; 5, 13).

Наиболее часто встречаемым элементом орнамента является зубчатый штамп – 51,1%. Из них 4,5% составляет мелкозубчатый штамп. На втором и третьем месте овальные и удлиненно-прямоугольные вдавления, соответственно 21,8% и 15%. Эти три основных элемента орнамента часто сочетаются на одном сосуде. Как единичные отмечены такие элементы как прочерченная линия, оттиск полой трубочки (тростника), ямки, двузубый штамп, отступающая лопаточка.

Набор элементов выстроенных в один опоясывающий ряд, рассматривается в качестве орнаментального сюжета. Всего в керамическом комплексе «Попова блюдечка» их выделено шесть (табл. 3): I – горизонтальные линии (рис. 2, 9; 3, 1, 13; 4, 7; 6, 1); II – наклонные прямые линии (рис. 2, 7; 3, 2, 8; 5 1); III – наклонные линии, выполненные зигзагом (рис. 2, 1; 3, 8; 4, 10); IV – зигзаг (рис. 2, 12; 3, 1; 4, 9; 5, 9); V – горизонтальная «елочка» (рис. 3, 6; 4, 6); VI – свисающие треугольники (рис. 7, 8).

Среди орнаментальных сюжетов также выделяются три основные: прямая линия составляет 52,4%, наклонная прямая линия – 21,4%, зигзаг – 22,9%. Прямой линией, выполненной в большинстве случаев зубчатым штампом, украшено 92,6% сосудов. Зигзаг, чаще всего нанесен вдавлениями. Линии зигзага располагаются как горизонтальными (17,4%), так и наклонными рядами (5,5%). Наклонным зигзагом, как правило, орнаментирован венчик сосуда, где он чередуется с наклонными линиями зубчатого штампа. Горизонтальная «елочка» и свисающие треугольники встречены в единичных случаях.

Заключение. При интерпретации материалов Вольского городища следует учитывать, что они происходят из нарушенного, смещенного, переотложенного и перемешанного культурного слоя, поэтому не отражают естественную исторически сложившуюся стратиграфию культурных напластований. Вместе с тем, хотя керамика ВКТ и происходит не из закрытого археологического комплекса, она четко выделяется в культурно – типологическом плане.

Ее цвет серо-желтый снаружи, черный – внутри. В тесте обильная примесь толченой речной раковины беззубки. На внутренней поверхности имеются бороздчатые полосы от заглаживания, днища плоские. Преобладают крупные горшки диаметром по венчику от 20 см и более 30 см. Диаметр отдельных крупных хозяйственных экземпляров мог достигать по венчику около 40–50 см. Малые сосуды имеют диаметр по горлу около 12 см. Днища были плоскими, диаметром 11–14 см.

Для вольской посуды характерно большое разнообразие форм оформления венчиков, которых выделено восемь типов. Четыре из них имеют по два подтипа, характеризующиеся одинаковым оформлением среза венчика, но один простой, а второй, – имеющий утолщение-воротничок (табл. 1). Разнообразие в формах венчиков является характерной чертой иванобугорской культуры и особенно ее локального примокшанского варианта, где усматривают некоторые аналогии с вольско-лбищенскими материалами [Ставицкий, 2004. С. 17]. К вольским воротничковым венчикам (рис. 4, 6, 8, 9; рис. 5, 9) близок сосуд с древней поверхности кургана 3 могильника Владимировка-II. Он определен автором раскопок как вольско- лбищенский, а весь комплекс дати-

рован рубежом средней – поздней бронзы или началом поздней бронзы [Скарбовенко, 2006. С. 289, рис. 3, 3].

Достаточно диагностичен один фрагмент от баночного сосуда закрытого типа с небольшим уступом под венчиком (рис. 2, 8). Поскольку он индивидуален и фрагментарен, то не выделен нами в самостоятельный тип. Тем более что, некоторые исследователи относят такие сосуды к горшковидным с уступчатым венчиком или с уступчатым плечиком. Вместе с тем, сосуды с такой формой венчиков представлены среди «ямно-полтавкинской», полтавкинской и катакомбной керамики Волго-Уралья, Нижнего Поволжья и Нижнего Подонья начиная рубежа ранней – средней бронзы [Качалова, 1983. С. 9, 15, табл. 3, 4, 11, 13, табл. 5, 4, 15, 19; Малов, Филипченко, 1995. С. 54–55, 58, 59, рис. 2, 4, 5; рис. 5, 4, 7; Кияшко, 1999. С. 66–67, 98, отдел II/2, рис. 42; 2000. Рис. 80, 9, 10, рис. 86, 87; Васильев, Кузнецов, 2000. С. 58, 59, 62, 64, рис. 14, 7, 11; рис. 15, 3; рис. 18, 6; рис. 20, 3, 5]. По форме вольские сосуды Ш(1) типа находят некоторое сходство с высокошейной катакомбной керамикой Нижнего Подонья [Кияшко, 1999. С. 68, отдел IV].

Орнамент геометрический, наносился преимущественно крупнозубчатым штампом. Шнуровой и веревочный орнаменты пока не зафиксированы на керамике ВКТ с «Попова блюдечка». Это симптоматично и может свидетельствовать о существовании данного поселения ВКТ на до шнуровой фазе среднего бронзового века Восточной Европы. В этой связи попытка Р.А. Литвиненко включить вольско-лбищенских древности в блок постшнуровых культур представляется недостаточно аргументированной [Литвиненко, 2001. С. 168]. К тому же перевитый шнур встречается на вольско-лбищенской керамике Самарского Поволжья [Васильев, Кузнецов, 2000. С. 66–67]. Отсутствие параллелей между ВКТ и бабинской культурой объясняется их принадлежностью к разным культурно-хронологическим блокам. ВКТ бытовал в полтавкинско-катакомбную эпоху, а бабинская в посткатакомбную, поэтому между ними параллели и не фиксируются.

Что касается «защипов» (рис. 5, 7; рис. 7, 3) и валика на вольской посуде, то им хорошо известны аналогии на посуде полтавкинской и катакомбной культур. Отгиски полый трубочки (рис. 3, 6) также представлены в синхронном полтавкинско-катакомбном блоке культур Поволжья и Нижнего Подонья [Кияшко, 1999. С. 121, 137, рис. 65, 3, 4; рис. 81–83; 2002. Рис. 109, 5; рис. 123, 15; Васильев, Кузнецов, 2000. С. 58, рис. 14, 12, 13].

Ряд других орнаментальных сюжетов (рис. 2, 8; 3, 6; 4, 3; 5, 5; 6, 9, 12, 14; 7, 2) также имеют аналогии в горизонтально-зональных композициях катакомбных сосудов Подонья [Кияшко, 1999. Рис. 81, 82]. Однако в отличие от катакомбной керамики, на вольской – они выполнены исключительно зубчатым штампом. Практически все орнаментальные композиции состоят из чередующихся рядов наклонных, прямых линий и зигзага (табл. 5). Несмотря на простоту, они не имеют полных аналогий с керамикой других культур эпохи средней бронзы.

Аналогии в форме сосудов и орнаментации керамики ВКТ указывают на ту эпоху, в которую он бытовал: начиная с ранней фазы эпохи средней бронзы или с рубежа ранней – средней бронзы Нижнего Поволжья то, есть в полтавкинско-катакомбное время. Эти же аналогии свидетельствуют о том, что представители ВКТ находился в непосредственных контактах с соседними

племенами полтавкинской и катакомбной культур Поволжья и Волго-Донского междуречья, а возможно и Нижнего Подонья. Вместе с тем, керамика ВКТ настолько своеобразна, что не находит прямых аналогий среди известных к настоящему времени археологических культур эпохи среднего бронзового века.

Это подтверждает ее принадлежность к самостоятельному культурному типу и позволяет рассматривать в качестве основного признака, характерного для самостоятельной вольской археологической культуры эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья. По времени вольская культура была распространена до начала сложения Волго-Уральского очага культурогенеза. В целом, вместе с полтавкинскими и катакомбными древностями, вольская культура эпохи средней бронзы предшествовала бабинской культуре, а также памятникам начальной фазы позднего бронзового века (ПБВ 1): «потаповским», абашевским, синташтинско - аркаимским и покровским.

Литература:

Большов С.В. Средневожская абашевская культура (по материалам могильников) // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. VIII. Йошкар-Ола, 2003.

Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы (Периодизация и хронология). Киев. 1976.

Васильев И.В. «Загадочная» керамика // Самарская Лука в древности. Краеведческие записки Куйбышевского областного музея краеведения. Вып. III. Куйбышев. 1975.

Васильев И.Б. Вольск – Лбище – новая культурная группа эпохи средней бронзы в Волго-Уралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. Чебоксары, 2003.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф. Памятники вольско-лбищенского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И., Тихонов Б.Г. Поселение Лбище на Самарской Луке // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1987.

Зайковский Б.В. Еще одно погибшее городище // Труды СУАК. Вып. 31. 1914.

Качалова Н.К. О локальных различиях полтавкинской культурно-исторической общности // АСГЭ. № 24. Л., 1983.

Ким М.Г. Отчет о раскопках Вольского городища «Попово блюдочко» в г. Вольске Саратовской области в 1981 году // Архивы ИА РАН. Ф-1 и ВКМ.

Кияшко А.В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград. 1999.

Кияшко А.В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград. 2002.

Круглов А.П., Подгаецкий Г.В. Родовое общество степей Восточной Европы // Известия ГАИМК. Вып. 110. М.-Л., 1935.

Кузьмина О.В. Абашевская культура в системе культур бронзового века Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной конференции. Самара. 2001.

Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964.

- Малов Н.М.* О «загадочной» керамике вольского типа // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы. Тезисы докладов. Донецк. 1979.
- Малов Н.М.* «Абашевские племена» Нижнего Поволжья: (памятники покровского типа) // Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. СПб. 1992.
- Малов Н.М.* Покровский культурный тип памятников начального этапа эпохи поздней бронзы степного Волго-Уралья // Новые открытия и методические основы археологической хронологии. Тезисы докладов научн. конф. Археологические изыскания. СПб., Вып. 4. 1992а.
- Малов Н.М.* Погребения покровского типа степной и лесостепной Евразии // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Тезисы докладов научн. конф. Липецк, 1992б.
- Малов Н.М.* Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // АВЕС. Вып. 5. Саратов. 2007.
- Малов Н.М.* Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // АВЕС. Вып. 6. Саратов. 2008.
- Малов Н.М., Филипченко В.В.* Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические вести. Вып. 4. СПб., 1995.
- Орехов В.* Разведки на месте погибшего городища в меловом карьере «Попово блюдце» в г. Вольске, Саратовской губернии в 1927 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2, Оп. 1/1927 г. Д. № 89.
- Пряхин А.Д.* Поселения абашевской общности. Воронеж. 1976.
- Синицын И.В.* Отчет об археологических работах в Саратовской области и Западном Казахстане летом 1950 г. // Научный архив СОМК. № 451.
- Синицын И.В.* Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане // КСИИМК. Вып. 45. 1952.
- Синюк А.Т.* Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.
- Скарбовенко В.А.* Погребальный комплекс начала эпохи поздней бронзы Владимировка-II // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара. 2006.
- Спицын А.А.* Саратовские стоянки медного века // Труды об-ва ИСТАР-ХЭТ при СГУ. Вып. 34. Ч. 1. Саратов, 1923.
- Ставицкий В.В.* Екатериновское поселение бронзового века на р. Сура и проблема происхождения вольско-лбищенских древностей // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VI. Оренбург, 2004.
- Ставицкий В.В.* Памятники катакомбной культуры Сурско-Мокшанского междуречья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 8. Волгоград, 2006.
- Степанов П.Д.* Вольское городище // Труды СОМК. Вып. 1. Саратов, 1956.
- Формозов А.А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
- Цимиданов В.В.* Доно-волжская абашевская культура и памятники покровского типа: к проблеме соотношения // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М.: ИА РАН. 2005.

Таблица 1 (форма оформления венчиков)

форма венчика	I		II	III		IV	V		VI	VII	VIII	
	1	2		1	2		1	2				
тип	I		II		III		IV		VI		VII	VIII
подтип	1	2			1	2			1	2		
%	5,7	4,2	8,5	27,1	15,7	7,1	10	7,1	5,7	1,4	1,4	2,8

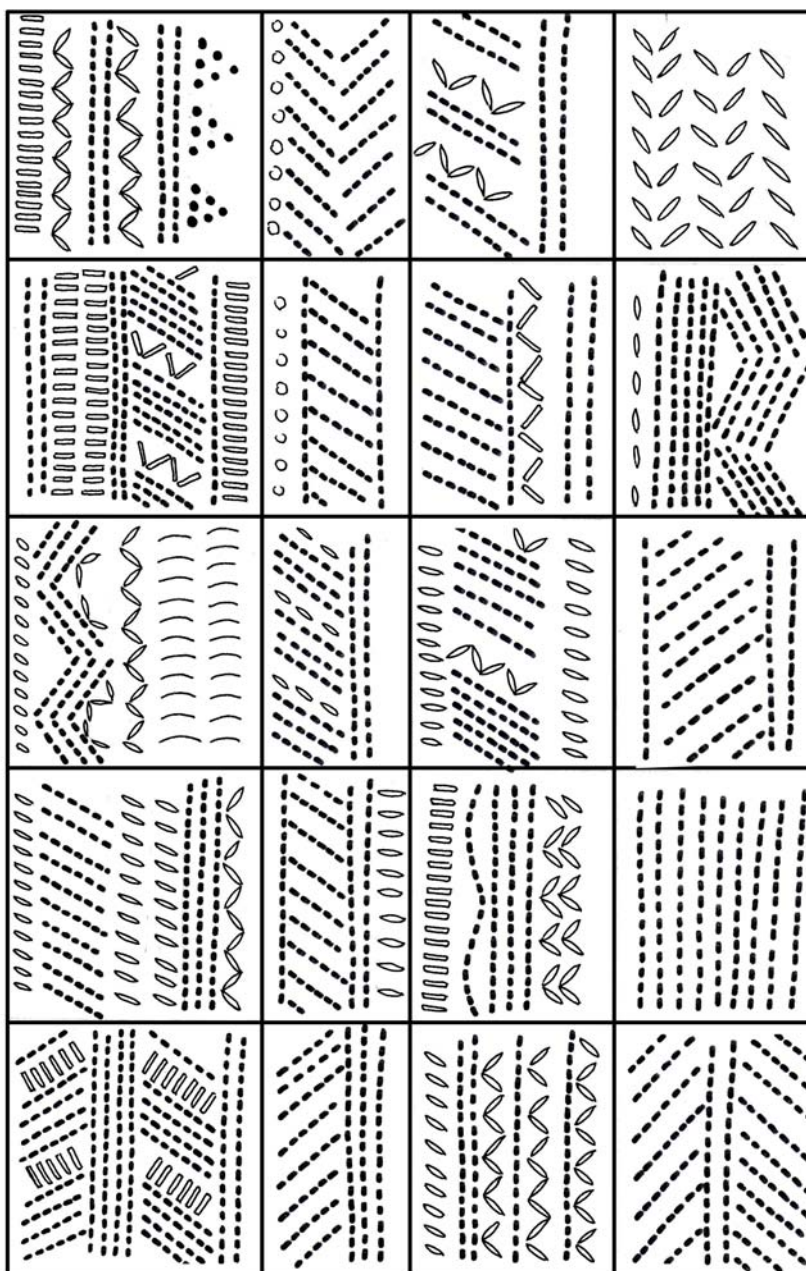
Таблица 2 (элементы орнамента)

элемент орнамента	зубчатый штамп	двузубый штамп	проче- рчен- ная линия	овальные или линзовидные вдавления	удлинен. пря- могольдые вдавления	погтерые вдавле- ния	пальце- вые зашпы	оттиски полой трубочки	ямки	валик	отступ ающая линия
тип	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
%	51,1	0,75	1,5	21,8	15	3	1,5	2,2	0,75	1,5	0,75

Таблица 3 (орнаментальные сюжеты)

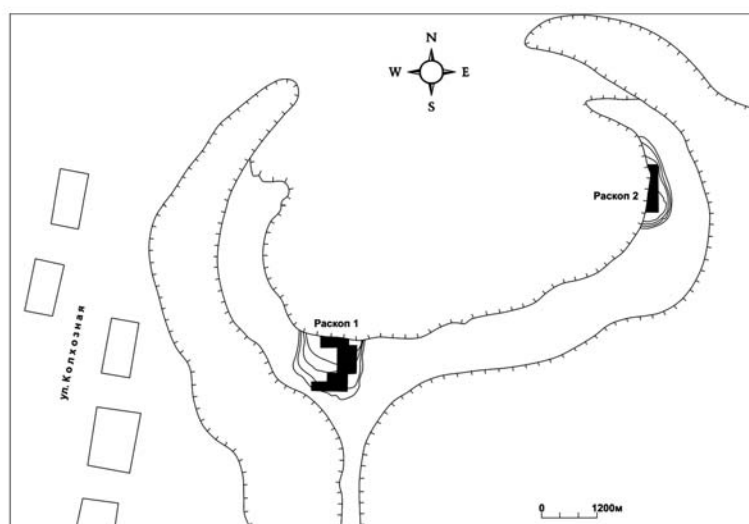
сюжеты	прямая линия	наклонная прямая линия	наклонный зигзаг	зигзаг	горизонтальная «елка»	связанные треугольники
тип	I	II	III	IV	V	VI
%	52,4	21,4	5,5	17,4	2,4	0,8

Таблица 5 (орнаментальные композиции)

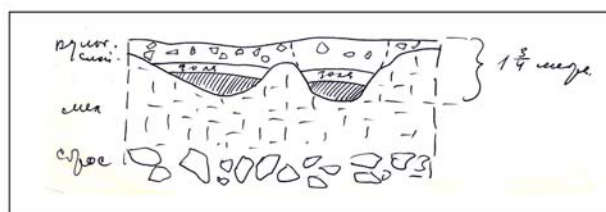

I

II

III

Рис. 1: I – вид на городище «Попово блудечко», 1981 г.;
 II – план остатков городища, 1981 г.;
 III – профиль раскопа на городище (по В.Ф. Орехову), 1927 г.

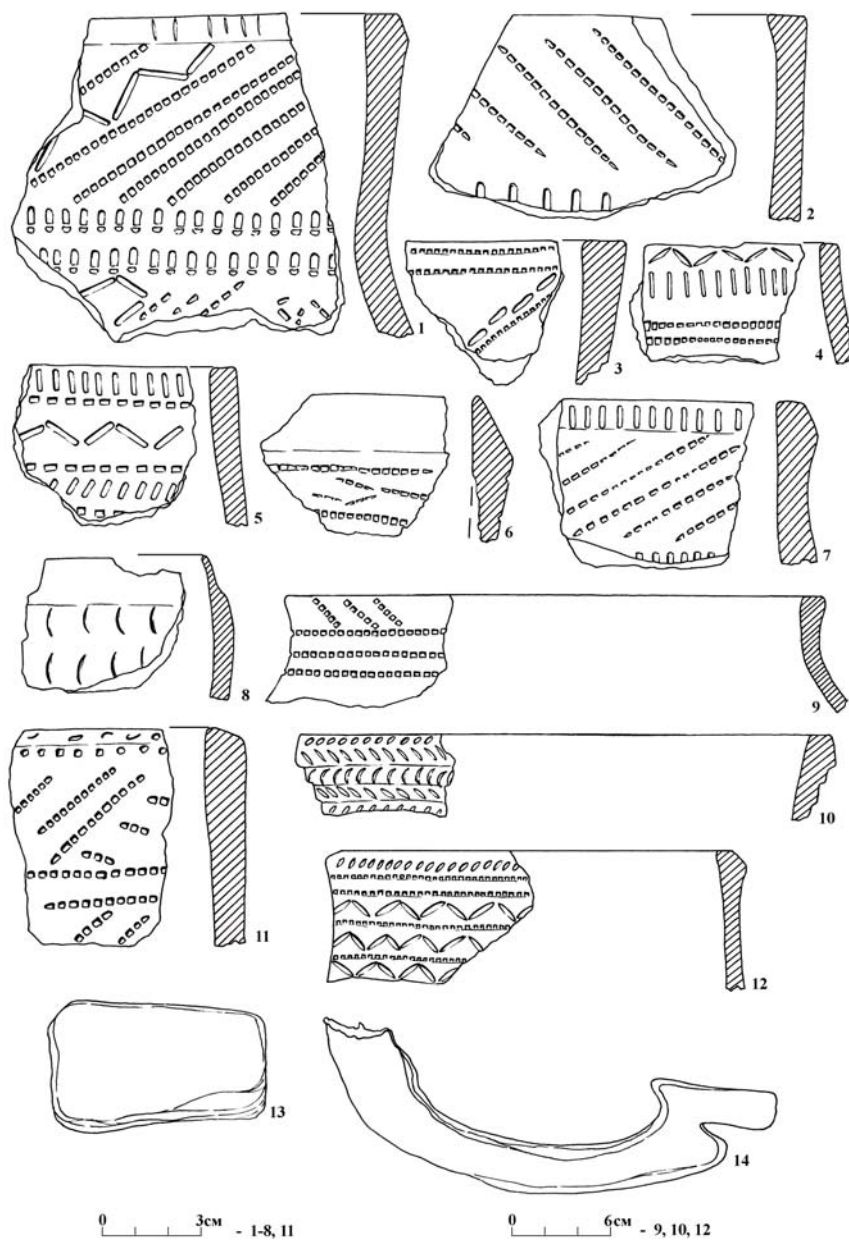

Рис. 2. Материалы с Вольского городища. 1-12 - керамика;
 13 - кварцитовый «топор - клин» (по В.Ф. Орехову, 1927);
 14 - костяной «серп» (по В.Ф. Орехову, 1927); 10 - по П.Д. Степанову.

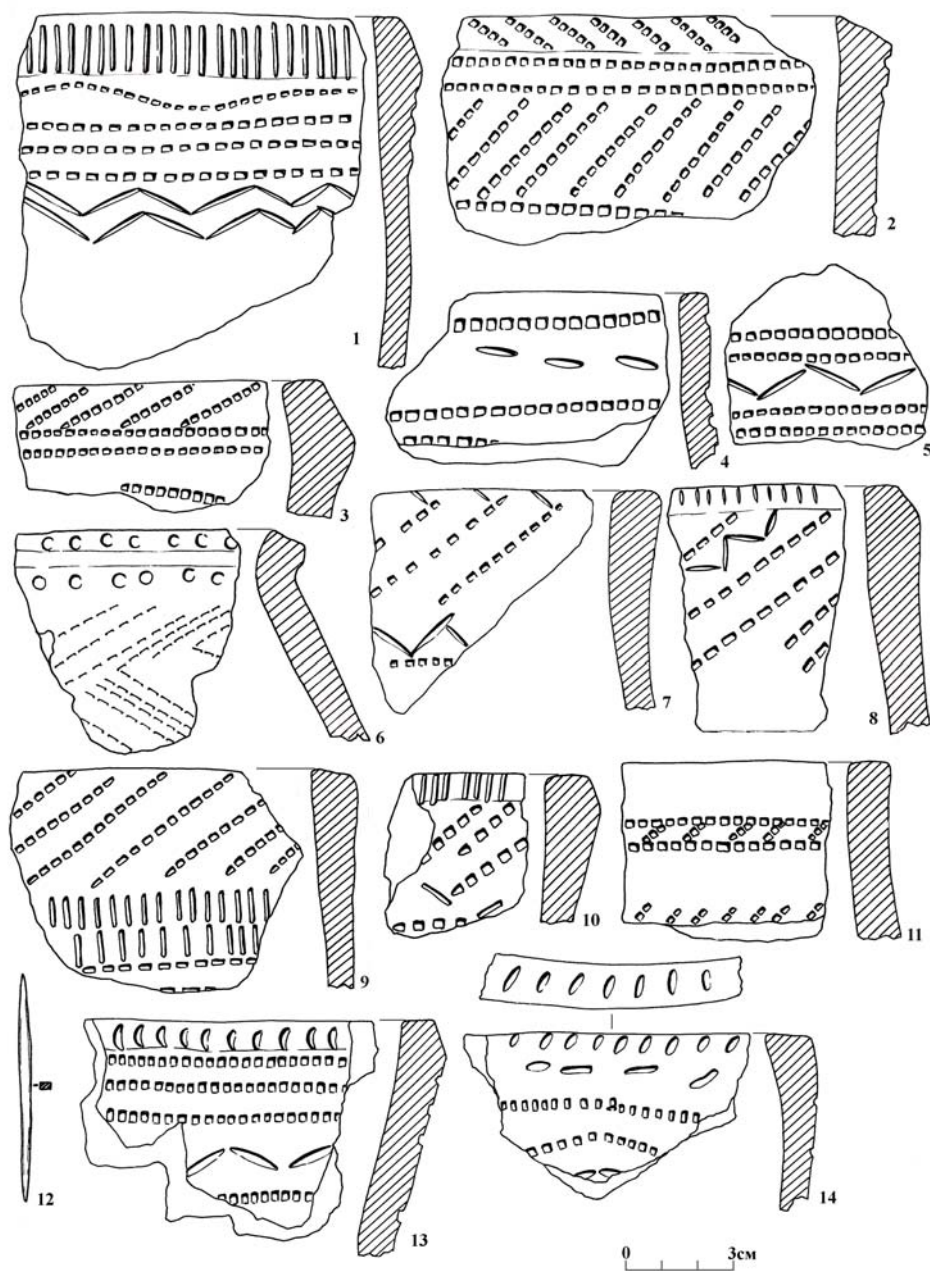

Рис. 3. Материалы с Вольского городища. 12 – бронзовое шило, остальное керамика.

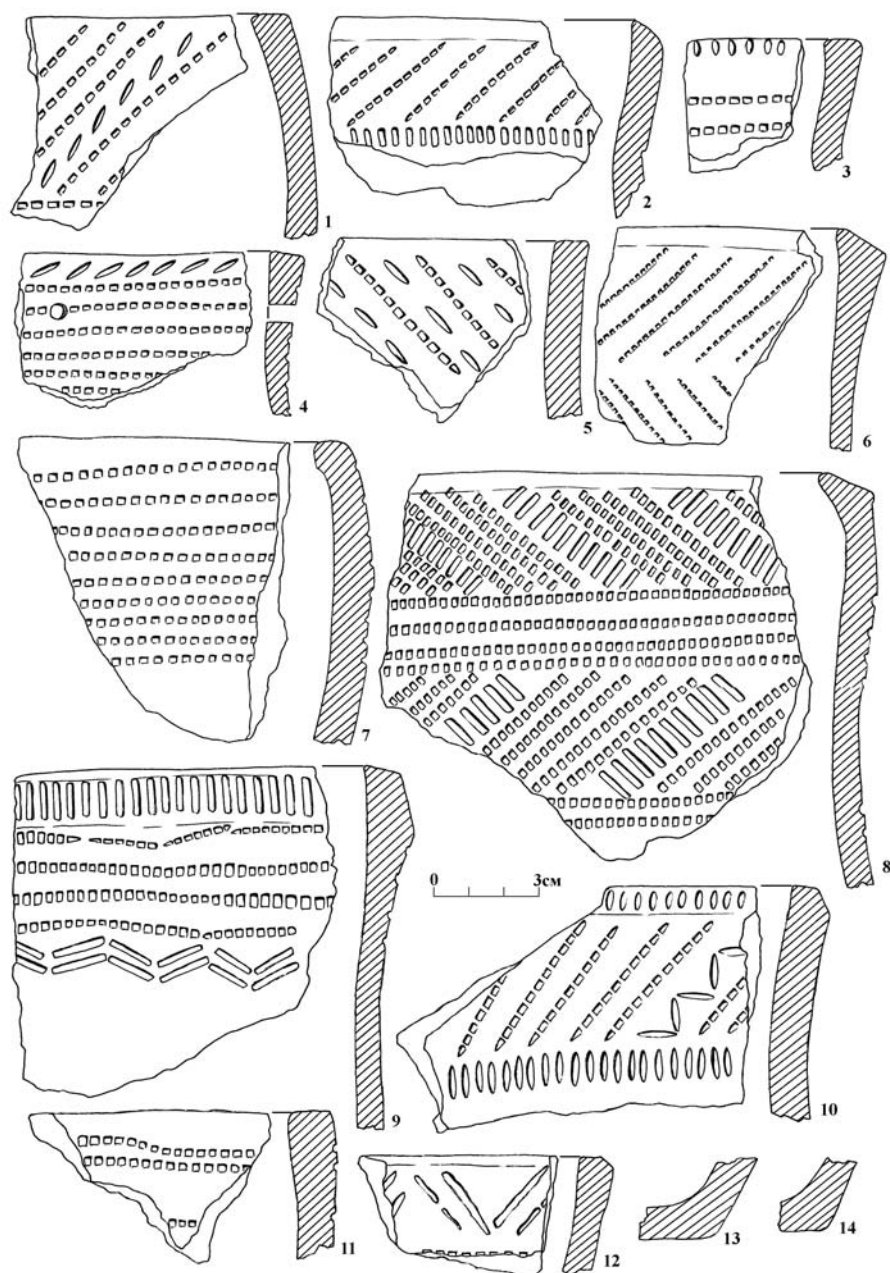

Рис. 4. Керамика вольского типа с городища «Попово блюдечко».

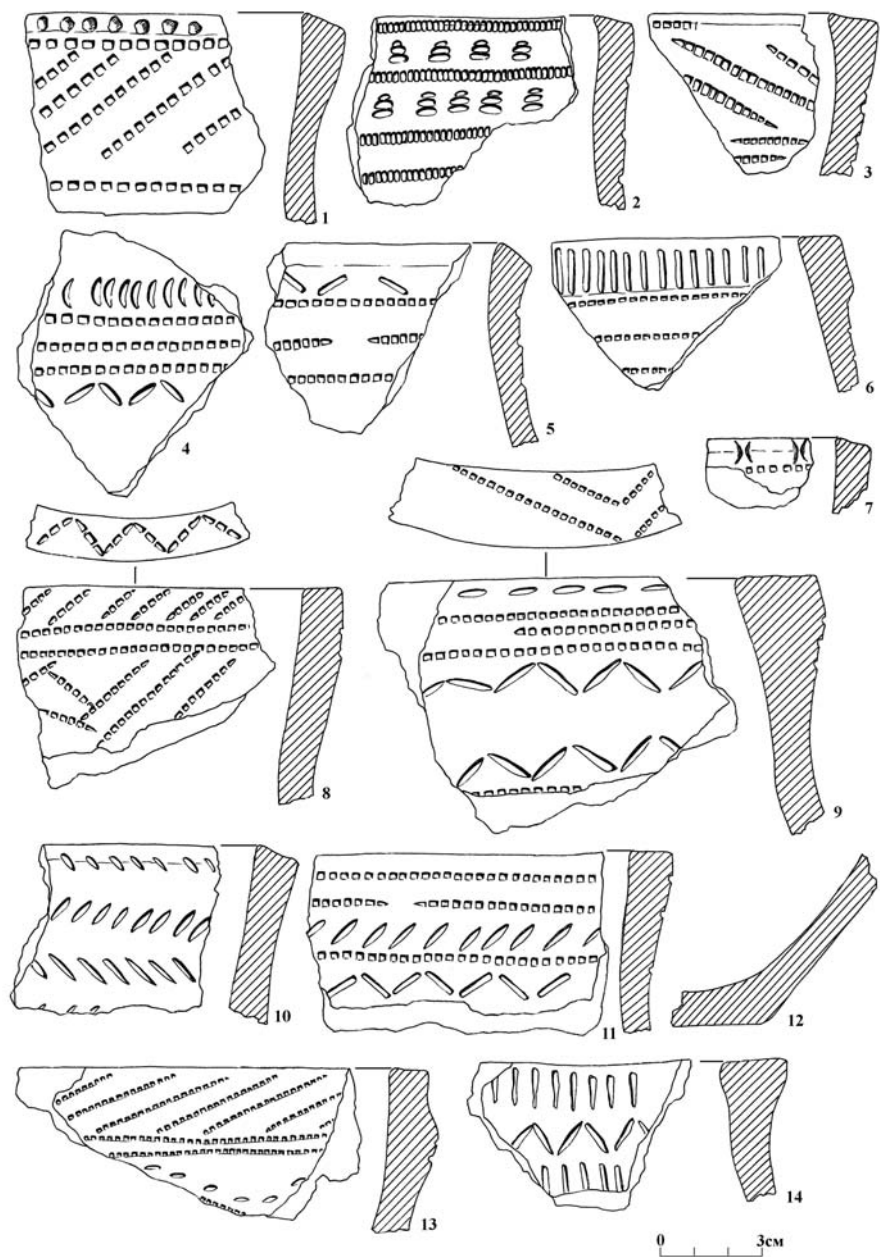

Рис. 5. Керамика вольского типа с городища «Попово блюдечко».

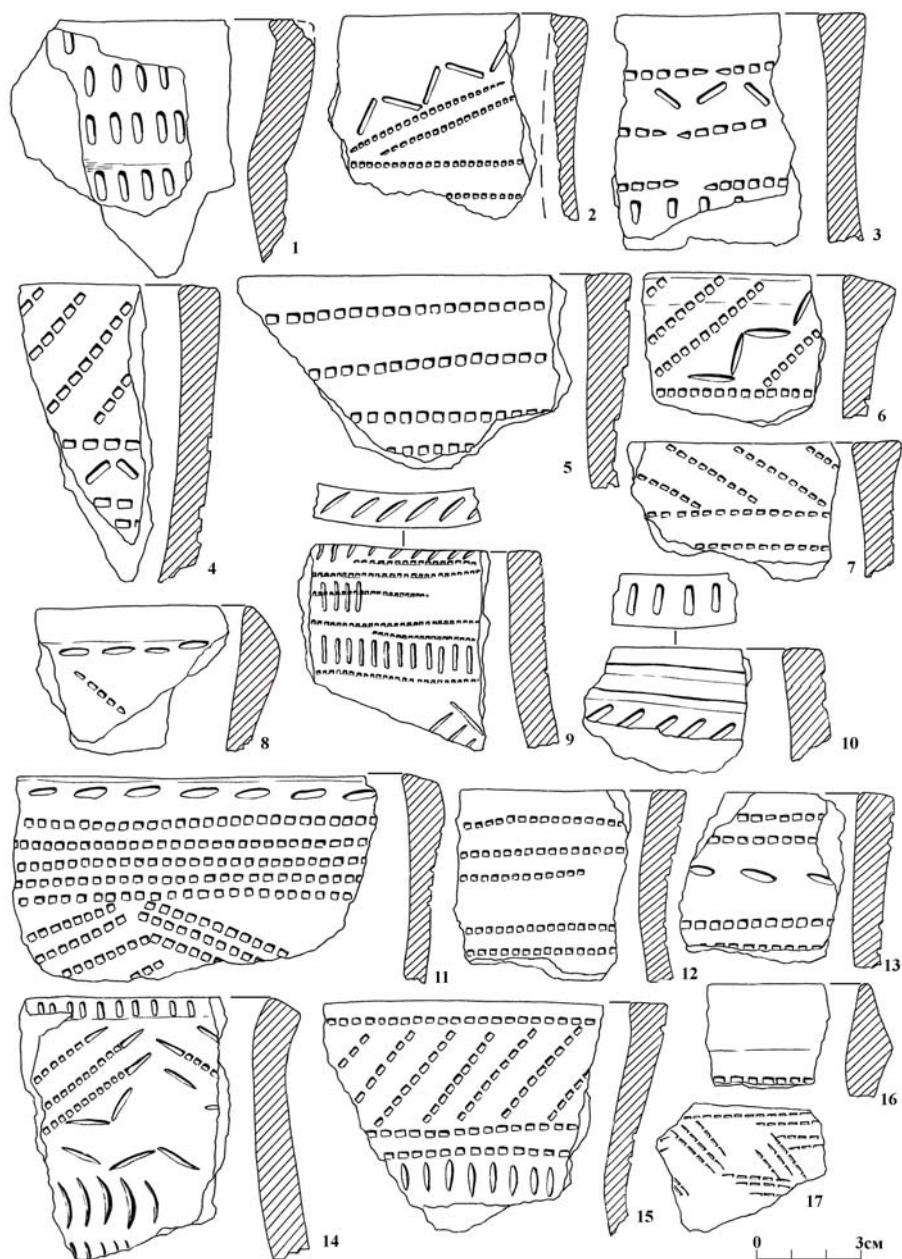

Рис. 6. Керамика вольского типа с городища «Попово блюдечко».

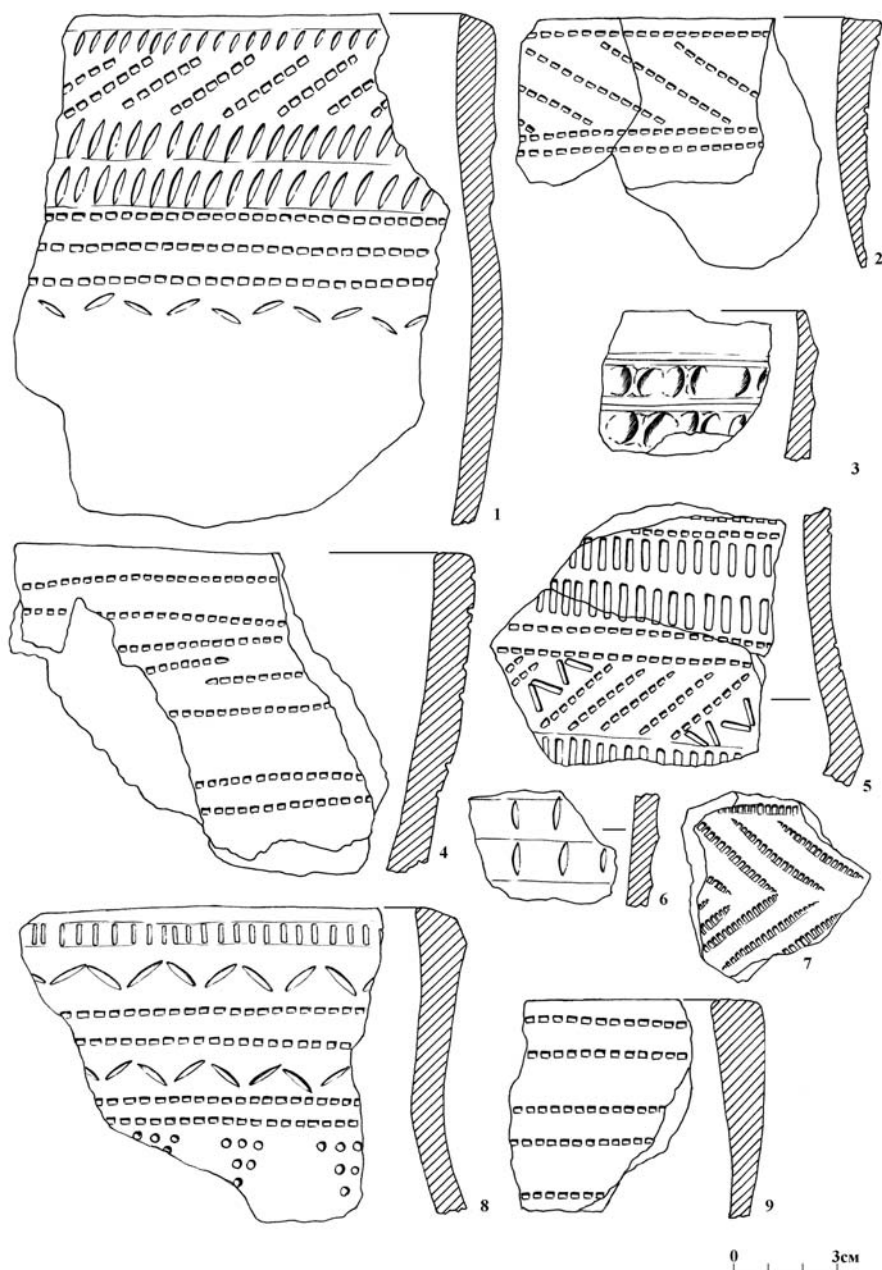

Рис. 7. Керамика вольского типа с городища «Попово блюдечко».

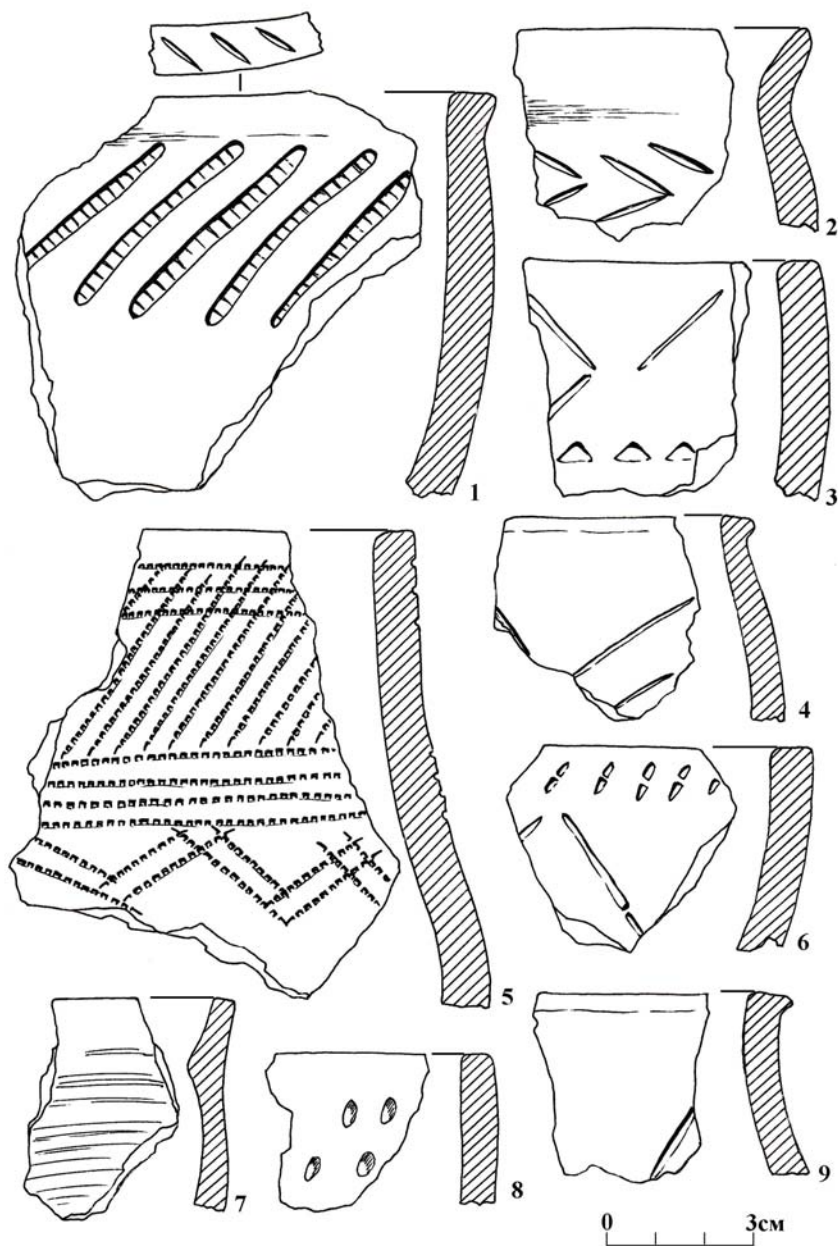

Рис. 8. Покровская (8) и срубная керамика с городища «Попово блюдечко».

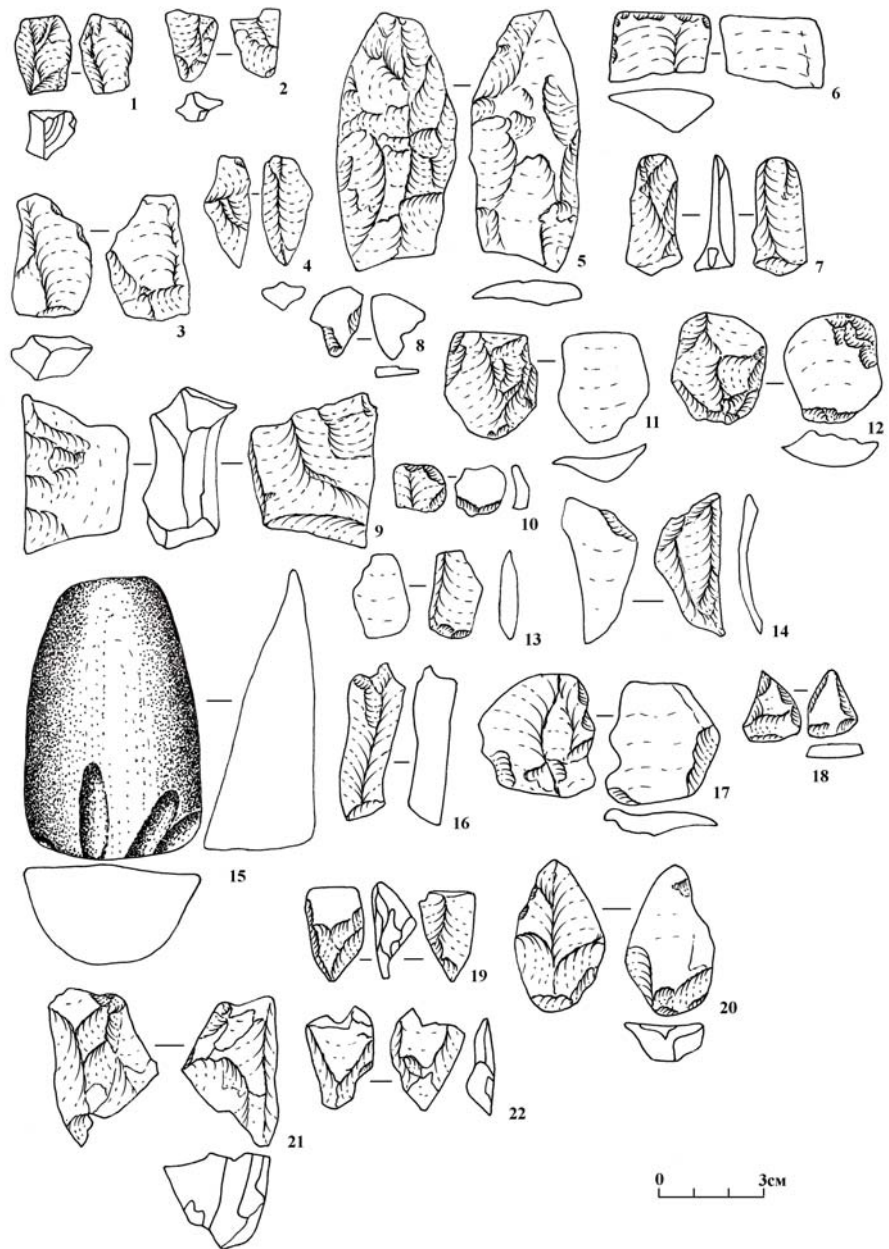

Рис. 9. Каменные предметы с городища «Попово блюдечко».
15 - сливной песчаник, остальное кремь.

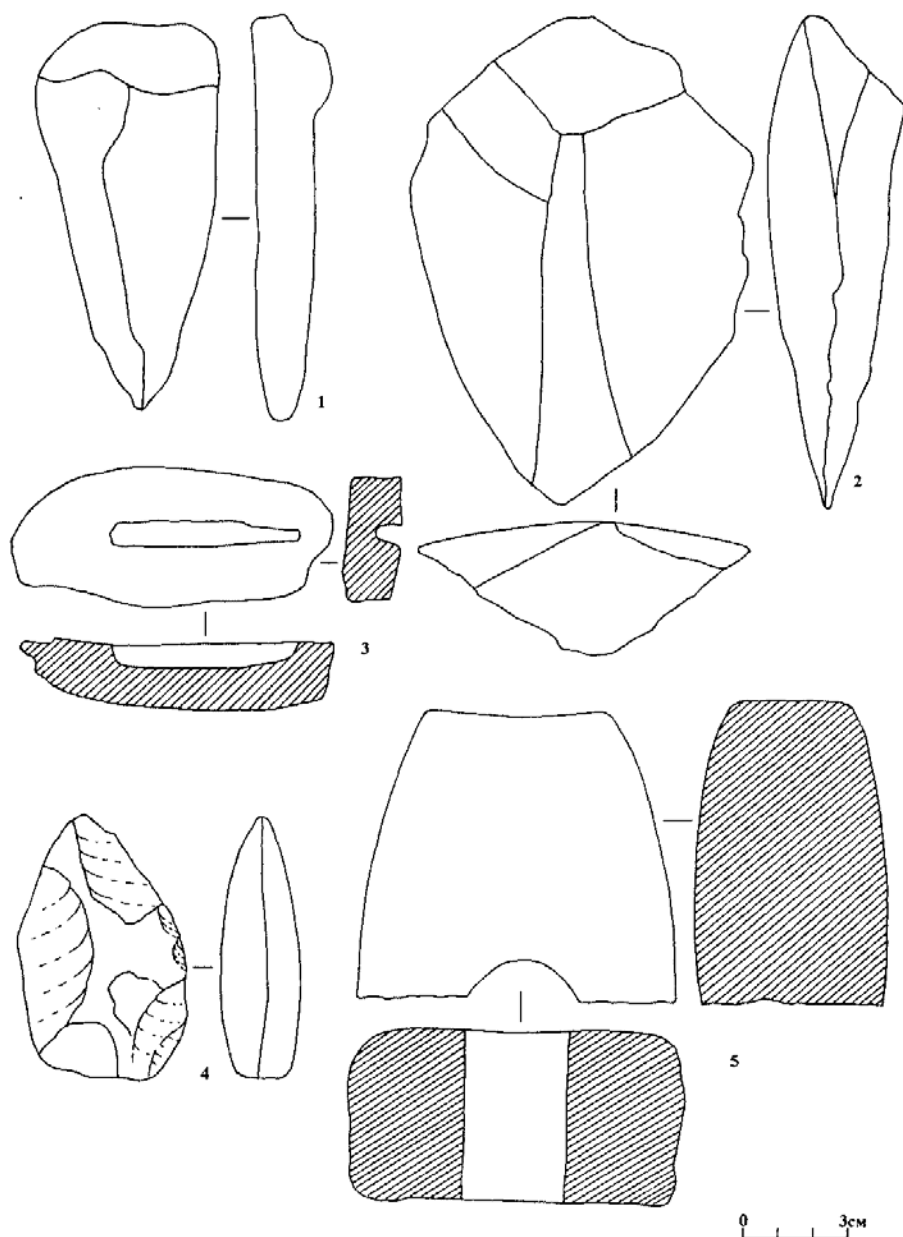

Рис. 10. Изделия из камня с городища «Попово блюдечко».
1, 2 - песчаник, 3 - мел, 4 - кварцит.

Лопатин В.А.

БОРОДАЕВСКИЕ КУРГАНЫ
(по раскопкам 1982 года на Малом Карамане)¹

В начале 80-х годов прошлого столетия *Научно-исследовательская археологическая лаборатория* Саратовского государственного университета проводила активные охранные исследования в степном Заволжье, где разворачивалось мелиоративное строительство. В продолжение двух лет (1982–1983), по хоздоговору с проектным институтом «Саратовсовхозстрой», автор работал в среднем течении р. Малого Карамана, где планировалось сооружение северного массива Приволжской оросительной системы. Тогда были исследованы срубные поселения Чапаевка-2 и 3, Караманский и Чапаевский курганные могильники, отдельные курганы у Бородаевки и на землях совхоза «Орошаемый», два кургана в могильнике «Калмыцкая Гора» и один в группе «Рунталь» [Лопатин, 1982, 1983; он же, 1985. С. 158–159; Максимов, Миронов, 1989. С. 17; Памятники..., 1993. С. 138–140, 174–175; Лопатин, 2002. С. 48–49, 71; Жемков, Лопатин, 2007. С. 93–118]. В курганах обнаружены захоронения ямной, катакомбной, срубной, сарматской культур, покровского и криволукского типов. Несмотря на то, что материалы этих исследований в разные годы поступали в печать, не все из них получили достаточно полное освещение или сопровождение иллюстрациями. Некоторым ключевым комплексам, приводимым в данной статье, должны быть найдены новые характеристики, отвечающие современным концептуальным позициям. Поэтому основной целью этой работы является расширенная публикация материалов трех курганов, раскопанных в 1982 году и давших исключительно интересные материалы погребений.

Курган у с. Бородаевка. Сведения о первых раскопках на восточной окраине Бородаевки (Boaro) приведены в работе И.В. Синицына, который ставил своей задачей ввести в научный оборот некоторые неопубликованные материалы из раскопок П.Д. Рау [Синицын, 1947. С. 111–112]. В частности, в публикации отмечено, что в *первой* группе курганов у восточной окраины

¹ В раскопках 1982 г. на Калмыцкой Горе принимали участие А. Юдин, О. Кочерженко, Т. Варивода, Е. Софинская, студенты исторического факультета 1985 г. выпуска, которым автор выражает свою глубокую благодарность.

села в 1929 г.² исследован один курган (G7), в котором обнаружены остатки четырех погребений, относившихся к эпохе бронзы и РЖВ.

В этом же могильнике в 1987 г. четыре кургана были исследованы В.Г. Мироновым, который насчитал здесь 20 сильно уплощенных, «аморфных» насыпей [Миронов, 1991. С. 52]. Автор также отметил работы П. Рау, но никак не прокомментировал мои раскопки одиночного кургана в 1982 году, очевидно, уверенный в том, что это разные памятники. В своде по срубной культуре Волго-Уралья существует некоторое несоответствие в идентификации бородаевских курганов. В статистической таблице с описанием погребального обряда мой курган отмечен в группе Бородаевка-I (ближайший к селу могильник), а в комментарии к иллюстративной таблице он отнесен к группе Бородаевка-II, что соответствует Калмыцкой Горе [Памятники..., 1993. С. 24, 117]. Вместе с тем, Калмыцкая Гора – заметно выделяющееся поднятие правобережной террасы – удалена от одиночного кургана на 0,5 км к востоку. Топографически она представляет собой, действительно, обособленный памятник.

Таким образом, остается неясным, была ли бородаевская группа во времена П. Рау *первой* по отношению к Калмыцкой Горе, или между ними существовал еще один курганный могильник. В настоящее время вся терраса к востоку от Бородаевки подвергается глубокой распашке тяжелой техникой, и многие курганные насыпи на этом пространстве могли не сохраниться. Поэтому можно предположить, что курган, представляемый мною в данной статье, вполне мог относиться к одному большому курганному полю, на котором в 1929 году П.Д. Рау исследовал курган G7, а в 1987 г. работал В.Г. Миронов. Известно также, что в 1990 г. еще один отдельный курган здесь был исследован Г.Л. Якубовским.

В 1982 г. в 2,5 км восточнее села, слева от дороги, зафиксирован одиночный курган, сильно оплывший и заметно растянутый распашкой в широтном направлении (рис. 1, 1; 2, 1). Он имел эллипсоидную форму, а над современной поверхностью возвышался на 0,5 м. Размеры насыпи 21 x 16 м, она раскопана при помощи скрепера, при этом оставлена и зачищена одна осевая бровка, ориентированная по линии «восток-запад». Курган сооружен в один строительный период. Стратиграфия: гумус – рыхлый переотложенный грунт темно-серого цвета (0,2 м); насыпь (до 0,5 м) – пестрый суглинок, также частично распаханый в верхних отделах; погребенная почва – вязкий серый грунт (до 0,4 м); материк – желтая глина. Уже в процессе разборки насыпи, на глубине 0,4 м от 0г начинал проследиваться мощный материковый выкид из единственного захоронения, уложенный вокруг могилы в виде овального кольца, который и составил основу кургана. Размеры выкида 11 x 6,5 м, толщина до 0,2 м.

В кургане зафиксировано одно погребение.

Погребение 1 (основное) располагалось в центре подкурганного пространства. Оно было устроено в обширной грунтовой яме прямоугольной формы, ориентированной по меридиану. Размеры могилы 3,4 x 2,3 м, глубина от 0г 2,3 м, глубина в материке 1,2 м (рис. 2, 2). В процессе выборки заполнения встречены обломки поперечного перекрытия из деревянных бревен диаметром 15–30 см, которые первоначально были уложены на края могилы и продольную осевую балку. В свою очередь балка опиралась на

² Это был последний год плодотворных исследований П.Д. Рау.

дольную осевую балку. В свою очередь балка опиралась на один центральный столб, вкопанный в дно могилы (сохранилась ямка с остатками вертикальной опоры).

Дно могилы устлано камышовой подстилкой, остатки которой фиксировались в виде белесого тлена волокнистой фактуры. В северо-западной части ямы находилась погребальная конструкция – рама, или настил из деревянных плашек, размерами примерно 2 x 1,4 м. На этом месте выявлены также остатки человеческого скелета, заметно поврежденного землероями. «In situ» зафиксированы кости ног и часть позвоночника. По их положению можно установить, что умерший погребен на левом боку, скорченно, головой к северу (рис. 2, 2).

Грызунами нарушено также расположение погребального инвентаря. При расчистке в северной части могилы попадались разрозненные обломки лепной посуды очень рыхлой фактуры. Реконструкция показала, что это неорнаментированный сосуд вертикальных пропорций с подлощенной внешней поверхностью. У него слабо выделена шейка и плавно отогнут наружу короткий венчик (рис. 2, 3). Диаметр устья 15,2 см, шейки 14,8 см, наибольшего расширения тулова 17 см, днища 8 см, общая высота 19 см. Здесь же обнаружены мелкие фрагменты сильно корродированных бронзовых провололочных скреп полностью истлевшего деревянного сосуда.

Возле стоп погребенного расчищен развал второго лепного горшка с лощеной внешней поверхностью. По форме он близок предыдущему, такой же слабопрофилированный и без орнамента, но более приземистый, с коротким, отогнутым наружу венчиком (рис. 2, 4). Диаметр устья 13,4 см, шейки 13 см, максимального расширения тулова 15 см, днища 8 см, высота сосуда 14,8 см.

На северном краю ямки, оставшейся от центральной опоры перекрытия, зафиксирован развал третьего сосуда и кусочек охры. Сосуд имеет баночную форму и слабо прикрытую профилировку. По всей его внешней поверхности нанесены косые расчесы, а внешний край утолщенного устья покрыт частыми вдавлениями (рис. 2, 5). Диаметр устья 16,6 см, максимального расширения тулова 17 см, днища 7 см, общая высота 13,4 см. В примеси всех трех сосудов заметны включения толченой раковины.

Курган у Бородаевки с единственным погребением раннесрубного облика сооружен в начале эпохи поздней бронзы.

Курганный могильник «Калмыцкая Гора». Обширное курганное поле на возвышенности открыто в 1926 г. Паулем Давыдовичем Рау, который нанес на свой глазомерный план 157 насыпей (рис. 1, 2). Из них с 1927 по 1929 гг. он раскопал 12 курганов. По номенклатуре, принятой исследователем, курганы, исследованные здесь в 1927 г., маркированы индексами «Е 20–Е 24», комплексы 1928 года раскопок – «F 1–F 6», один курган с обрядом кремации, вскрытый в 1929 г., – «G 8». Материалы раннего железного века («Е 20» и «Е 23») были оперативно опубликованы автором раскопок в Покровске, в Известиях республиканского музея в 1929 году [Рау, 1929а. С. 61–63]. Захоронения эпохи бронзы из курганов «F 1–F 6» в том же году введены в научный оборот за рубежом, в авторитетнейшем финском издании «Eurasia septentrionalis Antiqua» [Рау, 1929б. С. 41].

По предложению ученого, ЦИК Немреспублики объявил «Калмыцкую Гору» заповедником древней истории. Принятое решение было зафиксиро-

вано на заседании Исполкома маркштадского кантона, в протоколе от 12 сентября 1927 г [Семенова и др., 1997. С. 18]. Это была важная инициатива, рассчитанная на сбережение уникального памятника и продолжение его планомерного изучения. Но преждевременная и трагическая смерть внезапно оборвала блестящий творческий путь П.Д. Рау в 1930 г, и многие результаты его полевых работ остались не освещенными в печати. Отчасти эта утрата была восполнена в публикации И.В Синецкина, где он представил преимущественно сарматские материалы из раскопок П. Рау на Калмыцкой Горе в 1928–1929 гг., и полные сведения о своих исследованиях на «Рунтале»³ от 1939 года [Синецкин, 1947].

К 1982 году могильник находился в катастрофическом состоянии. Вся возвышенность введена в севооборот и регулярно распахивалась. Через западную часть памятника проложена асфальтовая дорога, уничтожившая ряд мелких курганов, в том числе и насыпи, раскопанные П.Д. Рау в 1927 году («Е 20–23»)⁴. Здесь же, с юго-востока на северо-запад, проходит подземный трубопровод. На новом плане, составленном С.В. Ляховым в 1987 г., на Калмыцкой Горе заметны только 23 насыпи, из которых три («F 1,2,6») вскрыты «колодцами» П.Д. Рау и два, слева от дороги, в 1982 г., при помощи техники, автором данной статьи (рис. 1, 3). В 1991 г. Г.Л. Якубовский раскопал здесь 11 курганов. Материалы этих раскопок хранятся в Саратовском областном музее краеведения.

Памятник расположен на возвышении второй надпойменной террасы в 3 км к востоку от Бородаевки (рис. 1, 1). Еще в начале прошлого века местные жители Республики немцев Поволжья называли это урочище Калмыцкой Горой («Kalmikienberg»). Теперь старое название утрачено, но сохранилась память о раскопках П. Рау, современные обитатели села называют это место «скифскими курганами».

Курган 1. Самая западная из сохранившихся насыпей, сильно оплывшая, округлой формы, диаметром 18 м и высотой 0,4 м, раскопана при помощи скрепера. Для наблюдения за стратиграфией оставлена одна осевая меридиональная бровка. Характеристики грунтов в целом аналогичны таким же показателям предыдущего комплекса. Разница в том, что в пестром суглинке переотложенной распашкой насыпи этого кургана не фиксировались материковые выкиды из могильных ям. Курган возведен в один строительный период над группой одновременных захоронений, а позже в него были впушены две сарматские могилы (пп. 16 и 18). Здесь выявлено 21 погребение (рис. 3, 1).

Погребение 1 обнаружено в юго-западном секторе круглого подкурганного пространства, в 4,3 м к ЮЮЗ от его условного центра. В грунтовой яме подпрямоугольной формы (0,78 x 0,67 м), глубиной 1,09 м от 0г, ориентированной более длинной осью с СЗЗ на ЮВВ, зафиксированы только некоторые

³ Курганный могильник «Рунталь» расположен на левобережной террасе Малого Карамана, напротив Калмыцкой Горы.

⁴ Место раскопок П.Д. Рау кургана Е 24 осталось слева от дороги, но в 1982 году признаки старого раскопа на пашне уже не были заметны. Визуально здесь фиксировались только три уцелевших кургана, два из которых исследованы автором данной статьи и один – в 1991 году, в числе одиннадцати, Г.Л. Якубовским (рис. 1, 3).

части детского скелета. Судя по их положению, ребенок был погребен в скорченной позе, на левом боку, головой к ЮВ.

Около южной продольной стенки расчищен развал баночного сосуда с примесью толченой раковины. Это закрытая банка с максимальным расширением в верхней части тулова (рис. 3, 2). Орнамента нет, по всей внешней поверхности нанесены косые расчески. Диаметр устья 14,2 см, наибольшего расширения 14,9 см, днища 6,8 см, общая высота 10,7 см.

Погребение 2 выявлено в юго-восточном секторе, в 5 м к ЮВВ от условного центра. Размеры могильной ямы 1,1 x 0,9 м, глубина 1,62 м. Продольной осью она ориентирована по меридиану. Восточная стенка прямая, с четко оформленными углами, западная – округлая, поэтому в плане могила имеет сегментовидную форму. Скелет погребенного здесь ребенка не сохранился, отмечен лишь слабый костный тлен.

В северной половине ямы расчищен неполный развал лепного сосуда колоколовидной формы с характерным внутренним ребром на обратной стороне отогнутого наружу короткого венчика (рис. 3, 3). В примеси заметна толченая раковина. Вся верхняя половина горшка занята орнаментом, выполненным зубчатым чеканом. Парные линии штампа с бахромой из линзовидных насечек образуют крупные свисающие треугольники. Диаметр устья равен максимальному расширению тулова (14,8 см), диаметр днища 6,6 см, общая высота сосуда 14 см.

Погребение 3 находилось в юго-восточном секторе кургана, на расстоянии 6,5 м от его условного центра. Оно устроено в прямоугольной яме, ориентированной с ЮЗ на СВ. Размеры ямы 1,3 x 1,1 м, глубина от 0г 1,76 м. Здесь расчищен скелет ребенка, погребенного на левом боку в скорченной позе адорации, головой к СВ (рис. 3, 4).

Между черепом и северо-восточной короткой стенкой, цепочкой по направлению к северу, уложены 6 альчииков МРС.

За спиной умершего стоял колоколовидный сосуд с реберчатым туловом и внутренним ребром на обратной стороне отогнутого наружу венчика (рис. 3, 5). Он не орнаментирован, но плечиковая часть покрыта горизонтальными узкорельефными расчесами. В примеси отмечена толченая раковина. Диаметр устья 17,8 см, наибольшего расширения тулова по ребру 19 см, днища 8 см. Общая высота сосуда 15,4 см.

Погребение 4 зафиксировано в юго-восточном секторе, на удалении 4,7 м от условного центра кургана. Прямоугольная яма размерами 1,07 x 0,68 м и глубиной 1,7 м от 0г ориентирована с ЮЗ на СВ. Судя по мелким фрагментам костей, это детское погребение, которое не сохранилось.

Около северной стенки расчищен неполный развал лепного сосуда с рыхлой фактурой и обильной примесью толченой раковины, который не удалось реставрировать.

Погребение 5 располагалось в юго-восточном секторе кургана, в 5,6 м от его условного центра. Оно было устроено в прямоугольной яме размерами 1,17 x 0,85 м и глубиной 1,74 м. Могила ориентирована с ЮЗ на СВ. Юго-восточный угол ямы оборудован в виде ступеньки, на которой лежали череп и кости ног МРС. Здесь был погребен ребенок, от скелета которого осталась только часть плечевой кости, зафиксированная вместе с несколькими фрагментами лепного сосуда в крупной сурчине.

Реконструируется только верхняя часть неорнаментированного горшка, который имел колоколовидную форму и примесь толченой раковины (рис. 3, 6). Желобчатый изнутри венчик, снаружи, по линии шейки, выделен широким рельефным каннелюром, образующим короткое уступчатое плечико. Диаметр устья 14,5 см.

Погребение 6 выявлено в юго-восточном секторе кургана, на расстоянии 6,8 м от его условного центра. Грунтовая яма прямоугольной формы, размерами 1,24 x 0,8 м и глубиной 1,61 м от 0г ориентирована с ЮЮЗ на ССВ. На дне расчищен неполный детский скелет, лежавший на левом боку в скорченной позе адорации, черепом к ССВ (рис. 4, 1).

У затылка умершего стоял груболепной сосуд подколоколовидной формы с примесью толченой раковины (рис. 4, 2). Венчик резко отогнут наружу, на его обратной стороне есть внутреннее ребро, стенки слабо округленные, с неровной внешней поверхностью. На покато плечике в прочерченной технике нанесен сложный декор в виде крестообразных фигур, угловатых и пересекающихся коротких отрезков, похожий на пиктограмму. Диаметр устья 15,2 см, наибольшего расширения тулова 14 см, днища 10 см, высота сосуда 13 см.

Погребение 7 обнаружено в восточной части подкурганного пространства, на удалении 6,8 м от его условного центра. Прямоугольная яма с округлым выступом в северной стенке, размерами 1,15 x 0,9 м и глубиной 1,86 м, ориентирована с ЮЮВ на ССЗ. На дне, несколько ближе к восточной стенке, расчищен скелет ребенка, погребенного в скорченной позе адорации, на левом боку, головой к северу.

Перед лицом умершего стоял лепной баночный сосуд с максимальным расширением в средней части тулова и горизонтальными расчесами по всей внешней поверхности (рис. 4, 3). Сосуд украшен косыми цепочками овальных вдавлений. Фактура горшка рыхлая, с обильной примесью толченой раковины. Диаметр устья 12,8 см, наибольшее расширение тулова 14,2 см, диаметр днища 8,8 см, высота 12,2 см.

Погребение 8 располагалось в том же восточном направлении от центра кургана, но ближе, чем предыдущее (5,4 м). Прямоугольная грунтовая могила размерами 1,4 x 0,65 м, глубиной 1,54 м, ориентирована с ЮЮВ на ССЗ. Здесь был погребен ребенок, от скелета которого остался лишь слабый костный тлен.

В северной части ямы расчищен неполный развал лепного подколоколовидного сосуда с примесью толченой раковины (рис. 4, 4). Отогнутый наружу венчик, шейка, короткое плечико горшка – гладкие, а остальная поверхность до днища покрыта горизонтальными расчесами. На отгибе венчика с обратной стороны имеется слабо намеченное внутреннее ребро. На среднюю часть тулова, под реберчатым максимальным расширением, нанесен орнамент в виде прочерченного зигзага. Диаметр устья 14 см, наибольшее расширение тулова 13,2 см, диаметр днища 8,8 см, высота 12,2 см.

Погребение 9 зафиксировано в северо-западном секторе кургана, в 6 м от его условного центра. Это прямоугольная грунтовая могила размерами 1,3 x 0,95 м, глубиной 2 м от 0г, ориентированная с ЮЮЗ на ССВ. Скелет ребенка не сохранился, прослежен лишь слабый костный тлен.

В юго-восточном углу ямы расчищен развал реберчатого сосуда биконической формы с примесью толченой раковины (рис. 4, 5). Изнутри под устьем выделен желобок и слабо намечено внутреннее ребро. Внешняя поверхность

ниже максимального расширения тулова покрыта косыми расчесами. Верхняя часть горшка украшена зубчатым штампом: под устьем горизонтальный ряд коротких косых отрезков, ниже две опоясывающие линии, на плечике до ребра – косо штрихованный зигзаг. Диаметр устья 15,2 см, наибольшее расширение тулова 16,4 см, диаметр днища 8 см, общая высота 12,8 см.

Погребение 10 расположено в 7 м к западу от условного центра кургана. Грунтовая яма размерами 1,08 x 0,9 м, глубиной 2 м от 0г, ориентированная с ЮЗ на СВ, судя по размерам, возможно также содержала детское захоронение, но скелета в ней не было.

В северном углу могилы расчищен развал реберчатого сосуда с примесью толченой раковины (рис. 4, 6). Сравнительно высокий венчик отогнут наружу, а с обратной стороны оформлен желобком и внутренним ребром. От линии устья до наибольшего расширения тулова сосуд украшен зубчатым штампом. Это соединяющиеся цепочки зигзагов и коротких линий, образующие сплошную косую решетку. По обрезу устья также нанесен зигзаг из коротких отрезков. Диаметр устья 14,8 см, максимальное расширение тулова 14 см, диаметр днища 7,6 см, высота сосуда 12,4 см.

Погребение 11 выявлено в северо-западном секторе подкурганного пространства, в 6,3 м от его условного центра. Это грунтовая могила прямоугольной формы, ориентированная с ЮЗ на СВ, размерами 1,06 x 0,58 м и глубиной 1,81 м от 0г. От скелета погребенного здесь ребенка сохранилось только смещенное к северной стенке левое крыло таза. В южном углу зафиксированы остатки тризны – фрагменты черепа и зубы МРС.

Около восточной стенки стояли два лепных сосуда с примесью толченой раковины. Сосуд 1 находился ближе к северо-восточному углу ямы. Это небольшая биконическая баночка с тремя горизонтальными каннелюрами, нанесенными на верхнюю часть тулова (рис. 4, 7). Под устьем с внутренней стороны слабо выделен желобок. Диаметр устья 9,6 см, наибольшее расширение по ребру 10,8 см, диаметр днища 6,5 см, высота 7,9 см. Сосуд 2, располагавшийся южнее, имеет реберчатое тулово и короткий вертикальный венчик (рис. 4, 8). Его доньшко слегка вогнуто, по линиям шейки и максимального расширения тулова нанесены горизонтальные каннелюры. На обратной стороне венчика четко выделены желобок и внутреннее ребро. Внешняя поверхность ниже ребра покрыта косыми расчесами. Диаметр устья 10,3 см, расширение тулова по ребру 12,1 см, диаметр днища 6,8 см, высота сосуда 10,1 см.

Погребение 12 обнаружено в юго-западном секторе, на удалении 6,2 м к ЮЗЗ от условного центра кургана. Прямоугольная яма размерами 1,28 x 0,82 м и глубиной 2 м от вершины насыпи ориентирована с ЮЗ на СВ. Две стенки могилы (ЮВ продольная и ЮЗ короткая) оборудованы общей ступенькой, на которой, в юго-восточном углу лежал раздавленный череп МРС. В северной части ямы зафиксированы фрагменты черепа и два позвонка ребенка, погребенного на левом боку, головой к северо-востоку.

За головой умершего, в северо-западном углу могилы стоял лепной острореберный сосуд с высоким вертикальным венчиком и примесью толченой раковины (рис. 4, 9). На обратной стороне венчика слабо намечены желобок и внутреннее ребро. Снаружи венчик украшен тремя горизонтальными линиями штампа. На покато, слабо выпуклом плечике таким же штампом нанесен зигзаг, состоящий из двойных и тройных линий. Диаметр устья 12,4 см,

максимальное расширение по ребру 13,7 см, диаметр днища 7,3 см, высота сосуда 10,7 см.

Погребение 13 находилось в северо-западном секторе кургана, на расстоянии 6,6 м от его условного центра. Могильная яма прямоугольной формы, размерами 1,86 x 0,95 м и глубиной 1,8 м от 0г ориентирована с ЮЮЗ на ССВ. На дне могилы, в центре, расчищен скелет ребенка, погребенного скорченно на левом боку, в позе адорации, головой к северо-востоку. В юго-западном углу ямы зафиксирована тризна – кости и зубы МРС.

У колен умершего стоял лепной округлобокий сосуд с примесью толченой раковины (рис. 4, 10). В верхней трети общей высоты тулово горшка имеет резко выраженное округленное расширение, из-за чего четко профилированная шейка кажется несколько зауженной. По линии шейки проходит рельефный каннелюр. На обратной стороне резко отогнутого наружу венчика имеются желобок и внутреннее ребро. Сосуд не орнаментирован, внешняя поверхность слегка подлющена. Диаметр устья 13,5 см, наибольшее расширение тулова 15,4 см, диаметр днища 7 см, высота 12,7 см.

Погребение 14 выявлено в северо-восточном секторе кургана, в 2,9 м к ССВ от его условного центра. Прямоугольная грунтовая яма размерами 1,15 x 0,75 м и глубиной 1,78 м от 0г ориентирована с ЮЮВ на ССЗ. В центре могилы расчищен скелет ребенка, погребенного на левом боку, в скорченной позе адорации, головой к ССЗ (рис. 5, 1). В южной части ямы обнаружены разрозненные кости и фрагменты черепа МРС.

У головы умершего, в северо-восточном углу могилы расчищен развал лепного колоколовидного сосуда с примесью толченой раковины (рис. 5, 2). На обратной стороне отогнутого наружу венчика обозначены желобок и внутреннее ребро. Вся внешняя поверхность покрыта расчесами: по тулову косыми, по венчику горизонтальными. Диаметр устья 16 см, максимальное расширение тулова 15,8 см, диаметр днища 9,2 см, высота сосуда 13,4 см.

На запястье правой руки зафиксированы несколько фрагментов бронзового браслета (рис. 5, 4). Он свернут из тонкой, прямоугольной в сечении пластины в кольцо диаметром 3,6 см. Несомкнутые концы браслета загнуты наружу.

Возле нижней челюсти обнаружены пять обломков бронзовых пронизок с поперечным рифлением (рис. 5, 3). Диаметр этих тонких украшений всего 0,3 см. Здесь же найдена одна пастовая бусина.

Погребение 15 зафиксировано в 4,7 м к северо-западу от условного центра кургана. Это грунтовая яма прямоугольной формы, ориентированная с ЮЗ на СВ. Размеры могилы 1,6 x 1,05 м, глубина от 0г 1,95 м. В северной половине ямы расчищены остатки скелета ребенка, погребенного на левом боку, в скорченной позе адорации, головой к СВ. Вплотную перед умершим лежали фрагмент деревянной плашки и три альчика МРС. Против лицевой части черепа рассыпаны мелкие фрагменты бронзовой желобчатой височной подвески, размеры и форма которой не восстанавливаются.

В юго-западной части могилы стоял лепной острореберный сосуд с примесью толченой раковины (рис. 5, 5). По форме он близок биконическим банкам, но изнутри под устьем намечены желобок и внутреннее ребро. На придонной части внешней поверхности имеются косые, слабозаметные расчесы. Выше ребра горшок орнаментирован зубчатым штампом: между гра-

ничительными горизонтальными линиями размещается короткошаговый зигзаг, ниже – косо штрихованный зигзаг. Диаметр устья 14,6 см, максимальное расширение по ребру 15,6 см, диаметр днища 6,4 см, высота сосуда 14 см.

Погребение 16 (впускное) выявлено в северо-восточном секторе кургана, на расстоянии 2,4 м от его условного центра. Это узкая и длинная яма прямоугольной формы, ориентированная с СЗ на ЮВ. Размеры 2,3 x 0,84 м, глубина от 0г 2,46 м. Своим продольным юго-западным краем эта сарматская могила нарушила угол основного захоронения 21 (рис. 8, 1). На дне ямы расчищен скелет взрослого мужчины, погребенного вытянуто на спине, головой к юго-востоку.

На крестце лежала железная кольцевидная пряжка диаметром 7 см с прямым заостренным язычком клиновидной формы (рис. 5, 7).

Одно из ребер правой стороны грудины пробито железным наконечником стрелы. Это трехперый вариант с тонким черешком длиной 3,5 см (рис. 5, 6).

Погребение 17 располагалось в 2 м к западу от условного центра кургана. Довольно широкая прямоугольная яма размерами 1,95 x 1,38 м и глубиной 1,94 м от вершины насыпи ориентирована с ЮЗ на СВ. Почти точно по диагонали этот комплекс прорезан другим впускным сарматским погребением 18 (рис. 5, 12).

В заполнении впускной могилы обнаружены разрозненные фрагменты лепного округлобокого сосуда, который мог относиться только к погребению 17. Он реконструирован лишь до линии максимального расширения тулова, остальные части горшка утрачены (рис. 5, 8). Внешняя поверхность сосуда сглажена горизонтальными, слабо заметными расчесами, плавно отогнутый наружу венчик украшен горизонтальным рядом вертикальных отгнутых удлиненно-овальной формы. В примеси заметны включения толченой раковины. Диаметр устья – 19,1 см, наибольшее расширение тулова – 20,5 см.

На дне могилы семнадцатого погребения расчищены остатки скелета взрослого человека, погребенного в скорченном положении на левом боку и ориентированного на СВ. Под скелетом отмечены слабые признаки меловой подсыпки.

За головой умершего, в северном углу могилы выявлен неполный развал миниатюрного сосудика с примесью толченой раковины (рис. 5, 9). Это биконическая баночка с каннелюрами между линией устья и максимальным расширением по ребру, аналогичная сосуду из детского погребения 11. Диаметр устья 8,4 см.

Погребение 18 (впускное) обнаружено в 1,4 м к западу от центра кургана. Это прямоугольная яма, размерами 1,95 x 0,88 м и глубиной 2,18 м от 0г, ориентированная почти по меридиану с незначительным склонением к западу. Своим продольным западным краем она нарушила северо-восточную часть предыдущего семнадцатого захоронения (рис. 5, 12).

На дне могилы, несколько ближе к восточной стенке лежал скелет взрослой женщины, погребенной на спине, вытянуто, головой к югу. Череп завалился на правое плечо и лицевой частью обращен к востоку.

На правом предплечье лежало глиняное пряслице биконической формы, с цилиндрическим каналом для веретена (рис. 5, 10). Верхняя половина

орнаментирована горизонтально прочерченными концентрическими кругами. Диаметр пряслица в средней части – 3,6 см, высота – 3,8 см.

В юго-восточном углу могилы зафиксирован железный однолезвийный нож с коротким черешком и прямой спинкой, длина которого составляет 10 см (рис. 5, 11). Сечение лезвия клиновидное, обушок клина прямой. Возле западной стенки обнаружены кости ног МРС.

Погребение 19 располагалось в 3,5 м к западу от условного центра кургана. Прямоугольная могила размерами 1,92 x 1,5 м и глубиной 2,12 м ориентирована с ЮЮЗ на ССВ. Здесь расчищено парное захоронение двух подростков. Они погребены спинами друг к другу, в центре могильной ямы (рис. 6, 1). Скелет 1, лежавший восточнее, сохранился лучше, и здесь отмечена традиционная поза левобочной адорации и ориентировка к ССВ.

Перед ним расчищен развал реберчатого сосуда с примесью толченой раковины, покатым плечиком и вертикальным, плоско срезанным венцом (рис. 6, 2). На обратной стороне венчика слабо намечено внутреннее ребро. Придонная часть сосуда ниже максимального расширения тулова по ребру покрыта косыми расчесами. На венчике зубчатым штампом оттиснуты косые отрезки, переходящие в короткошаговый зигзаг и две горизонтальные линии. На плечике таким же инструментом нанесен косо штрихованный зигзаг. Диаметр устья – 18 см, наибольшее расширение тулова – 18,2 см, диаметр днища 8,6 см, высота сосуда 14,2 см.

Возле согнутых локтей погребенного обнаружены опочная галка овальной формы и пять альчиков МРС.

В северо-восточном углу лежал бронзовый листовидный нож с намеченным перекрестьем, которое со стороны черешка выделено рельефной волнистой линией (рис. 6, 4). Сечение лезвия линзовидное, пятка черешка закруглена.

Скелет 2 располагался в 0,3 м западнее первого умершего. Второй подросток похоронен в такой же позе, но на правом боку, головой к ССВ.

У головы, в 0,25 м севернее, стоял лепной сосуд колоколовидной формы, с примесью толченой раковины (рис. 6, 3). Венчик с внутренним ребром резко отогнут наружу, плечико почти не выделено, тулово слабо профилировано. Вся внешняя поверхность покрыта косыми расчесами, орнамента нет. Диаметр устья – максимальный широтный показатель – 15 см, ширина тулова – 13 см, диаметр днища – 6 см, высота сосуда 11 см.

Между погребенными выявлен фрагмент деревянной плашки.

Погребение 20 зафиксировано в 1,5 м к северу от условного центра кургана. Прямоугольная яма размерами 2,9 x 2 м и глубиной 2 м от 0г ориентирована с ЮЮЗ на ССВ. На дне ямы в центре расчищен скелет женщины, погребенной на левом боку, в скорченной позе адорации, головой к ССВ (рис. 7, 1). В ногах, около южной стенки лежали кости конечностей и фрагменты черепа МРС.

В северо-восточном углу могилы, сложенные компактным блоком, лежали бронзовое, четырехгранное в сечении, обоюдоострое шило с остатками деревянной насадной рукояти (рис. 7, 7), костяная проколка (или вязальная спица?) (рис. 7, 6), альчик МРС, обломки створок моллюска *Unio* и плоский камешек.

За головой умершей расчищен развал лепного колоколовидного сосуда (рис. 7, 5). На обратной стороне слабо отогнутого венчика имеются характерные желобок и внутреннее ребро. Сосуд не орнаментирован, внешняя поверхность слабо подлощена, в примеси заметны песок и шамот. Диаметры устья и максимального расширения тулова равны – оба по 18 см, диаметр днища – 9 см, общая высота сосуда 15,4 см.

На предплечьях рук зафиксированы два браслета с зауженными и заходящими друг за друга окончаниями, кованые из круглого в сечении бронзового дрота (рис. 7, 8, 9). Их диаметры – 7,7 и 7,5 см, наибольшая толщина металлического прутка 0,8 см.

У основания черепа обнаружены две бронзовые височные подвески округлой формы, с широкими желобчатыми лопастями, свернутые в 1,5 оборота (рис. 7, 2, 3).

Здесь же, у нижней челюсти расчищено компактное скопление фаянсовых бусин из нашейного ожерелья (рис. 7, 2, 3).

Возможно, как признаки насильственной смерти погребенной, следует отметить следы трех переломов в грудной области позвоночника.

Погребение 21 (основное) выявлено в центре подкурганного пространства. Это обширная грунтовая могила, ориентированная с ЮЗ на СВ. Размеры ямы 3,8 x 2,8 м, глубина от вершины насыпи 2,67 м. Северо-восточный угол этого комплекса был поврежден впускной могилой сарматского погребения 16 (рис. 8, 1). Кроме того, уже в процессе выборки заполнения стало очевидно, что 21-е захоронение сильно повреждено норами крупных землероев. Здесь встречались разрозненные фрагменты деревянного перекрытия, обломки человеческих костей и отдельные предметы погребального инвентаря. В частности, найдены фрагменты костяного дисковидного псаля с узкой выступающей планкой и вставными шипами (рис. 8, 8), кремневый наконечник стрелы (рис. 8, 2) и костяная шпилька с кольцевидной головкой (рис. 8, 5).

Меловая подсыпка на дне могилы сохранилась только несколькими участками, на которых в нетронутном положении зафиксированы остатки скелета взрослого человека и предметы инвентаря. От погребенного человека *in situ* сохранились только кости ног и стопы. Судя по их положению, он помещался около западной стенки, на левом боку, скорченно, головой к СВ. В юго-восточном углу могилы лежали каменные наковаленка и пестик, ограненные и частично заполированные («давяльные камни?»). Под ними прослежено скопление бурого вещества зернистой фактуры, явно растительного происхождения (остатки наркотического растения?).

Против голени умершего, около восточной стенки, на сохранившемся участке меловой подсыпки зафиксированы два бронзовых наконечника стержневидных стрекал с едва заметно выделенными упорами (рис. 8, 6, 7). Притупленными рабочими окончаниями они направлены к северу. Здесь же найдены сильно корродированные обломки бронзовой височной подвески желобчатого типа и кусочек древесины.

В северной части могилы, очевидно в головах умершего, стоял лепной сосуд колоколовидной формы с примесью толченой раковины (рис. 8, 4). Это большой горшок с округлым туловом и коротким, несколько приостренным венчиком, на обратной стороне которого четко выделено внутреннее ребро. Сосуд не орнаментирован, но на плечике имеются горизонтальные рельефные

расчесы, а по всему тулову он также покрыт косыми следами грубого сглаживания. Диаметр устья – 23,8 см, максимальное расширение тулова – 25, 2 см, диаметр днища – 10 см, общая высота 21 см. Одна из вертикальных трещин, повредившая сосуд еще при жизни главного умершего, стянута двумя скрепами, согнутыми из кованого, прямоугольного в сечении, бронзового дрота.

Около горшка, с юго-западной стороны, направленный острием к СЗ, лежал бронзовый листовидный нож с ромбической пяткой черена (рис. 8, 3). Сечение короткого черешка прямоугольное, сечение клинка линзовидное, на лезвии заметно продольное ребро. Длина ножа 18,1 см.

На дне могилы выявлены две столбовые ямки, расположенные на продольной оси и равных расстояниях между собой и от краев верхнего створа ямы. Диаметры лунок – 25 и 32 см, глубина в материковом дне – 24 и 15 см. Их наличие позволяет представить конструкцию могильного перекрытия в виде поперечного бревенчатого накатника, уложенного на края могилы и осевую продольную балку, которую снизу поддерживали две столбовые опоры.

Жертвенная яма зафиксирована в юго-западном секторе, около детского погребения 12 (рис. 3, 1). Она имеет округлую форму с неровными краями. Размеры ямы 0,6 x 0,56 м, глубина от вершины насыпи 2 м. На дне расчищено беспорядочное скопление костей и фрагментов черепа МРС, судя по характеру найденных здесь же двух рогов, – останков козы.

В первоначальной трактовке всего комплекса было высказано предположение, что основной в кургане является могила взрослого мужчины (п. 21), одновременно с которым были погребены две взрослые женщины (пп. 17 и 20), а также 16 детей (пп. 1–15, 19). Устроенное таким образом грунтовое кладбище покровского времени было перекрыто земляной насыпью. Позже, в раннем железном веке в курган, скорее всего, одновременно, были впущены две среднесарматские могилы (пп. 16 и 18).

Курган 2. Округлая, сильно оплывшая и растащенная распашкой земляная насыпь располагалась в 14 м восточнее кургана 1 (рис. 1, 2, 3). Визуально установленный диаметр второго кургана 18 м, высота над современной поверхностью 0,42 м. Грунт насыпи убран при помощи скрепера. Для наблюдения за стратиграфией оставлена одна осевая бровка с отклонением от строго меридиональной направленности на 14 градусов к северо-востоку. Насыпь сооружена в один строительный период. Стратиграфия и литологические характеристики аналогичны тем, что отмечены в предыдущих курганах. Очевидно, в связи с глубокой многолетней распашкой материковые выкиды из могил не фиксировались. В кургане 2 обнаружены 10 погребений (рис. 9, 1).

Погребение 1 впущено в западную часть насыпи, на уровень древнего горизонта, на удалении 5 м от условного центра. Здесь расчищены часть черепа и фрагмент бедренной кости ребенка, погребенного с двумя миниатюрными сосудами.

Сосуд 1 (рис. 9, 2) – неорнаментированная баночка со слегка прикрытой профилировкой, с примесью песка и шамота. Диаметр устья – 6,5 см, наибольшее расширение тулова – 6,8 см, диаметр днища – 5,1 см, высота – 5,5 см. Устье этого сосудика было прикрыто импровизированной крышкой – фрагментом стенки лепного горшка с примесью толченой раковины.

В 10 см восточнее лежал второй сосуд, также не орнаментированный, с примесью песка и шамота (рис. 9, 3). У него округленное тулово, шейка рельефно профилирована, короткий венчик резко отогнут наружу, днище плоское, устойчивое. Диаметр устья – 8,7 см, максимальное расширение тулова – 9,1 см, диаметр днища – 7,4 см, общая высота – 8,4 см.

Погребение 2 (впускное) выявлено в восточной части подкурганного пространства, на расстоянии 4,6 м от его условного центра. Это прямоугольная грунтовая яма размерами 1,16 x 0,63 м и глубиной 1,7 м от 0г, ориентированная по меридиану. На дне расчищены остатки скелета ребенка, погребенного на левом боку в скорченной позе адорации, головой к северу.

В северо-восточном углу могилы зафиксирован развал лепного неорнаментированного сосуда с примесью песка и шамота (рис. 9, 4). Это округлобочка форма с рельефно профилированной шейкой и коротким, отогнутым наружу венчиком, на обратной стороне которого заметно сглаженное внутреннее ребро. Диаметр устья – 14 см, шейки – 13,4 см, максимальное расширение тулова – 16,2 см, диаметр днища – 9 см, общая высота сосуда – 14,8 см.

Погребение 3 (впускное) обнаружено в юго-восточном секторе кургана, в 5 м от его условного центра. Овальная по форме грунтовая могила, размерами 0,85 x 0,57 м и глубиной 1,62 м, ориентирована с ЮЮЗ на ССВ. На дне расчищены остатки детского скелета, переотложенные и частично растащенные грызунами, поэтому поза и ориентировка погребенного не установлены.

Около восточной стенки зафиксирован развал лепного острореберного сосуда с примесью песка и шамота (рис. 9, 5). Внешняя поверхность горшка слегка подлощена. Максимальное расширение по ребру расположено в верхней четверти общей высоты, плечико слегка вогнуто, короткий венчик с плоско обрезанным устьем резко отогнут наружу. Сосуд не орнаментирован. Диаметр устья – 14,4 см, наибольшее расширение тулова по ребру – 15,6 см, диаметр днища – 8,6 см, высота сосуда – 11,6 см.

Погребение 4 (впускное) располагалось в юго-западном секторе кургана, на удалении 4,5 м к ЮЗЗ от его условного центра. Узкая прямоугольная могила размерами 1,75 x 0,6 м и глубиной 2,43 м от 0г ориентирована с ЮЮЗ на ССВ. На дне расчищен скелет подростка, погребенного вытянуто на спине, головой к ЮЮЗ (рис. 9, 6). Череп развернут к левому плечу, лицевой частью на запад.

Перед лицом умершего, возле западной стенки зафиксирован развал лепного узкогорлого сосуда с округлым туловом и плавно отогнутым наружу коротким венчиком (рис. 9, 7). На верхней части плечика, под шейкой есть две наlepные шишечки, ниже, до максимального расширения тулова сосуд украшен косыми прочерченными линиями, сгруппированными по три и размещенными в горизонтальный опоясывающий ряд. Диаметр устья – 10,6 см, шейки – 9 см, наибольшее расширение тулова – 14 см, диаметр днища – 7,4 см, общая высота сосуда – 15,2 см.

Погребение 5 (впускное) открыто в юго-западном секторе подкурганного пространства, в 4,5 м от условного центра. Это захоронение нарушило северо-западную часть более древней могилы № 6 (рис. 10, 1). Грунтовая яма подпрямоугольной формы, размерами 1,1 x 0,7 м и глубиной 2,02 м от 0г ориентирована с ЮЮВ на ССЗ. На дне расчищен частично смещенный скелет ребенка, погребенного вытянуто на спине, головой к ЮЮВ. Его голени лежали

в компактном блоке с бедренными костями, поэтому не исключено, что первоначально ноги были подогнуты коленями вверх, а пятки поджаты к тазу.

В северо-восточном углу могилы стоял лепной узкогорлый сосуд с округленным туловом, покатым плечиком и резко отогнутым наружу венчиком (рис. 10, 2). Горшок не орнаментирован. Диаметр устья – 11,2 см, шейки – 9 см, максимальное расширение тулова – 14,6 см, диаметр днища – 7,6 см, общая высота сосуда – 17,4 см.

Погребение 6 (впускное) обнаружено здесь же, в юго-западном секторе кургана, вплотную с нарушившим его захоронением № 5 (рис. 10, 1). Удивительно, но содержимое шестой могилы почти не пострадало, хотя донные уровни обоих погребений совпадают. Могильная яма прямоугольной формы с заметно округленными углами, размерами 1,45 x 1,1 м, глубиной 2,02 м ориентирована с ЮЮЗ на ССВ. На дне расчищен скелет подростка, погребенно-го на левом боку, в скорченной позе адорации, головой к ССВ.

Около подогнутых колен стоял лепной округлобокий сосуд с вогнутым днищем и слабо профилированной шейкой (рис. 10, 3). Сосуд не орнаментирован. Короткий венчик слегка отогнут наружу. Внешняя поверхность покрыта слабыми вертикальными полосами сглаживания. В примеси заметны песок и шамот. Диаметр устья – 17,2 см, максимальное расширение тулова – 19,4 см, диаметр днища – 10,6 см, высота – 15,4 см.

Погребение 7 (впускное) отмечено в 1,5 м к северу от условного центра кургана. Это большая яма вытянуто-овальной формы с широтной ориентировкой, размерами 2,7 x 1,7 м и глубиной 2,45 м от вершины насыпи. В заполнении могилы встречались кости человека и животных, обломки дерева, фрагменты железного клинка (меча или кинжала). В восточной части расчищены не потревоженные остатки скелета взрослого человека – голени и стопы. Судя по всему, умерший на той же глубине вытянут на спине, головой к западу. Около южной стенки, на той же глубине зафиксированы кости крупного, скорее всего дикого животного, некоторые в естественном сочленении.

Погребение 8 (впускное) обнаружено здесь же, под седьмым захоронением в несколько меньшей могиле размерами 2,05 x 1,07 м, глубиной 2,74 м, ориентированной в том же направлении. В восточной части расчищены голени и стопы человека более грацильного сложения, который, по всей вероятности также лежал на спине, головой к западу, непосредственно под предыдущим погребенным.

В центральной части разрушенной могилы обнаружены фрагменты узкогорлого подлощенного сосуда с остатками петлевидной ручки под закраиной и налипной шишечкой на покато плечике (рис. 10, 4). На этом же уровне плеча есть горизонтальный ряд мелких зерновидных насечек. Диаметр устья – 9,4 см, шейки – 7,4 см, наибольшее расширение тулова – 9,5 см, диаметр днища – 6,7 см, высота – 10,4 см.

Оба захоронения ограблены в древности. Грабительский лаз, заполненный темным затечным грунтом, был впущен в могилу с южной стороны и четко читался на фоне могильного пятна. Наклонной штольной он достигает уровня дна погребения 8, полностью вычищены западная и центральная части обеих могил.

Учитывая четкое наложение 7 на восьмое захоронение, а также заметное единство их погребальной обрядности, уместно предполагать, что они со-

вершены в один исторический период, с небольшим хронологическим интервалом. Скорее всего, в этом ярусном комплексе мы имеем дело с родственным подхоронением.

Погребение 9 (впускное) выявлено в 1 м южнее условного центра кургана. Это прямоугольная грунтовая могила, ориентированная по меридиану. Ее размеры 2 x 0,95 м, глубина от 0г – 2,55 м. На дне расчищен скелет мужчины преклонного возраста, погребенного вытянуто на спине, головой к югу (рис. 11, 1).

У правого бедра умершего лежал короткий железный меч длиной 43,5 см, с кольцевидным навершием, без перекрестья (рис. 11, 2). Сечение клинка линзовидное, рукояти – прямоугольное, навершного кольца – круглое.

Погребение 10 (основное) находилось точно под условной нулевой отметкой. Это грунтовая округло-овальная яма, которая более длинной стороной ориентирована с ЮЗ на СВ. Размеры могилы 1,42 x 1,2 м, глубина 2,7 м. На дне расчищен скелет взрослого человека, погребенного на левом боку, скорченно, в позе «скачущего всадника» (руки протянуты к коленям). Перед умершим лежали кости ног МРС (рис. 11, 3).

Не исключено, что к этому комплексу относится также фрагмент лепного, неорнаментированного, округлобокого сосуда с коротким, отогнутым наружу венчиком (рис. 11, 4), который зафиксирован в створе могилы, на уровне древнего горизонта. Диаметр устья – 12,1 см, максимальное расширение тулова – 14,2 см. В примеси заметны песок, шамот и редкие включения толченой раковины.

Основным в кургане является криволукское погребение 10, к которому вскоре, по круговой системе были подхоронены детские захоронения 2 (позднепокровское) и раннесрубные 1, 3, 6. В раннем железном веке в курган впущены раннесарматские погребения 7 и 8, а затем среднесарматские 4, 5, 9. Не исключено, что разрушение комплекса 8 с подхоронением 7 связано именно с внедрением более поздних среднесарматских могил.

В трех курганах, исследованных в 1982 году близ Бородаевки и на Калмыцкой Горе, обнаружены в общей сложности 32 захоронения, которые относятся к эпохе бронзы и раннему железному веку. В соответствии с культурно-хронологическими позициями они распределяются в следующей диахронии:

- одно погребение (2/10) отнесено к криволукскому культурному типу рубежа эпох средней и поздней бронзы;
- двадцать погребений (1/1-15, 17, 19-21; 2/2) соответствуют параметрам комплексов покровского типа начальной фазы позднего бронзового века;
- пять погребений (одиночный курган /1; 2/1-3,6) условно отнесены к раннесрубной культуре эпохи поздней бронзы;
- два погребения (2/7, 8) предположительно можно отнести к раннесарматскому времени РЖВ;
- пять погребений (1/16, 18; 2/4 ,5, 9) оставлены здесь на среднесарматском этапе эпохи раннего железа.

Криволукский комплекс финала средней бронзы. Следует сразу оговориться, что в указанной схеме предшествование основного криволукского

захоронения из кургана 2 двадцати покровским погребениям из обоих курганов весьма условно. Ряд данных указывает на относительную синхронность и взаимодействие криволукского и покровского компонентов в культурогенетических процессах, происходивших в степном Заволжье в конце средней – начале поздней бронзы [Лопатин, 2008. С. 415–419].

Культурно-обрядовые различия проявляются в характере самих захоронений, как криволукских, так и покровских. Сложности переломной эпохи обусловили ярко выраженное разнообразие вещевого комплекса, особенно покровской керамики, в которой причудливо могут совмещаться элементы абашевских, катакомбных, синташтинско-петровских, формирующихся ранне-несрубных традиций. Еще не решены окончательно вопросы собственного генезиса, внутренней хронологии, специфики внешних контактов, определявших векторы формирования и последовательного развития «Кривой Луки» и «Покровска». Неясен характер их первого непосредственного контакта. Высказывалось мнение о враждебном противостоянии и последующем вытеснении посткатакомбных групп так называемыми «колесничными культурами» [Шарафутдинова, 1995. С. 93; Калмыков, Мимоход, 2006. С. 920–921; Федосов, 2007. С. 30]. Но имеются данные и о конструктивном взаимодействии, которое в контексте заволжского культурогенеза, вело к сложению одного из локальных вариантов срубной мегаобщности [Лопатин, 2008. С. 419].

Отмечена также стабильность посткатакомбного ареала в степном Волго-Уралье, несмотря на его многокомпонентность и локальные своеобразия. На широком пространстве от «Кривой Луки» на Волге до «Светлого Озера» на границе с Казахстаном [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989. С. 14; Мимоход, 2004. С. 108–114; Жемков, Лопатин, 2008. С. 175], на рубеже средней и поздней бронзы погребения криволукского типа чаще всего являются основными в курганах.

Наш криволукский комплекс (п. 10) – также основной в кургане 2 на Калмыцкой Горе. Примечательно, что данные планиграфии указывают на явную обрядовую связь основной могилы с впускными детскими захоронениями – позднепокровским (2) и раннесрубными (1, 3, 6), которые располагаются по кругу с привязкой к ритуальному центру подкурганного пространства (рис. 9, 1). Аналогий данной ситуации, как в грунтовых, так и в курганных вариантах множество. Наиболее яркий пример – культовые ровики Смеловского могильника, где центральным криволукским могилам посвящены детские подхоронения покровского и срубного типов (Лопатин, 2000. С. 100, 101).

Покровские подхоронения сопровождают основное криволукское погребение в кургане у с. Степное, исследованном в Саратовском Заволжье, на водоразделе между реками Большим Караманом и Грязнухой [Дремов, Семёнова, 1999. С. 59–61, рис. 2, 2–5]. Причем, в формах и орнаментации покровских сосудов явно ощутимо влияние «вольской» традиции.

В Бережновском-I могильнике выявлены 24 комплекса криволукского типа, которые прежде расценивались, как срубные или катакомбные. Наиболее интересен курган 35, где в центре выделяется безынвентарное погребение в простой яме, в позе скачущего всадника с западной ориентировкой (бабинская традиция), окруженное кольцевидным ровиком [Синицын, 1959. С. 94–101]. Непосредственно в ровик (как в Смеловке) впущены детские погребения

с восточной ориентировкой и раннесрубной керамикой, что указывает на единство похоронно-поминального обряда, в котором заметно различаются культурные признаки центрального и сопровождающих комплексов.

В кургане 2 южной группы Иловатки [Смирнов, 1959. С. 218] основное криволюкское погребение № 20 сопровождается расположенными по кругу детскими захоронениями как покровского, так и криволюкского типов, причем, в орнаментах некоторых покровских сосудов заметны реминисценции катакомбных традиций.

В одиночном кургане у с. Политотдельского [там же. С. 303] криволюкское погребение пожилой женщины (п. 2) сопровождается срубными захоронениями, скорее всего, раннего типа.

Пересмотр известных материалов должен значительно расширить ареал криволюкской группы. Так, например, только среди опубликованных комплексов из зоны сооружения Сталинградской ГЭС выявлено 60 погребений с соответствующими посткатакомбными характеристиками. Примечательно, что криволюкские могилы пока ни разу не отмечены как впускные или сопроводительные относительно покровских захоронений. С одной стороны, это безусловный факт известной хронологической преемственности. Но отмеченные выше курганные комплексы, в которых сочетаются основные посткатакомбные погребения и расположенные по кругу покровцы и ранние срубники, по-видимому, следует рассматривать как результат реального взаимодействия. Особо отметим центральное, престижное положение в погребальном обряде именно криволюкских погребений, как правило, безынвентарных, канонизированно «аскетичных» в своих идеологических проявлениях.

Наше погребение 2/10 вполне соответствует известным криволюкским характеристикам, таким как овальная форма могилы, левобочная поза «скачущего всадника», кости МРС, безынвентарность (рис. 11, 3). Фрагмент неорнаментированного сосуда (рис. 11, 4), обнаруженный в створе основной могилы, по всем показателям может соответствовать формирующемуся раннесрубному керамическому комплексу. Морфологически он близок двум сосудам из одиночного бородаевского кургана (рис. 2, 3, 4).

Погребения покровского типа. Наиболее поздним в этой группе является детское погребение 2/2 из свиты основной во втором кургане криволюкской могилы. Индикатором данной позиции служит позднепокровский сосуд, который по большинству показателей уже максимально приближен к раннесрубным стандартам (рис. 9, 4). Округленное тулово, стянутая шейка, короткий, отогнутый наружу венчик, песок и шамот в примеси, – все выдает в этой форме прообраз будущих округлобоких и слабопрофилированных сосудов срубного комплекса. И лишь одна реминисценция – слабовыраженное внутреннее ребро на обратной стороне венчика – позволяет помещать данный экземпляр в завершающую фазу развития покровской керамики.

Тот факт, что погребение с этим сосудом, как и типично срубные детские комплексы 2/1, 3, 6 посвящены центральному захоронению криволюкского типа, позволяет предложить некоторые возможные варианты выводов:

– на раннесрубном этапе долгое время сохраняется историческая память о полубожественных пращурах-«аскетах», места их захоронений хорошо известны, им посвящаются поминальные тризны и детские подхоронения;

– некоторые слои раннесрубного населения продолжают придерживаться древней традиции погребальной обрядности, основанной на криволукском принципе аскезы, демонстрируя, таким образом, чистоту первоначальной идеологии;

– отдельные позднекриволукские группы сохраняются на раннем этапе эпохи поздней бронзы, сосуществуя с формирующимися срубниками и поздними покровцами.

Другие погребения покровской группы, представляющие на Калмыцкой Горе единый сакральный комплекс первого кургана (рис. 3, 1), имеют более ранний характер, со всеми сопутствующими показателями в инвентаре. Среди них ярко выражен технологический признак – все сосуды имеют в примеси толченую раковину. Горшечные формы построены на принципе колоколовидности, но среди них выделяются сосуды с абашевскими признаками и синкретичные экземпляры, близкие петровским (раннеалакульским) традициям.

Указанные показатели внутри этих двух групп сосудов также не равнозначны и весьма поливариантны. Следует отметить сосуды с ярко выраженными абашевскими признаками (рис. 5, 2; 7, 5; 8, 4) и экземпляры, в которых эти признаки выглядят, скорее, как подражания (рис. 6, 3) или неумелые реплики (рис. 4, 2). В ходе формирования «покровска» абашевская традиция выступала, вероятно, как наиболее значимая, определяющая основные черты нового культурного явления. Но те же самые коллизии многокомпонентного культурообразования привнесли в покровскую керамику ряд своеобразий, позволяющих отличать ее от морфологически наиболее близкой доновожжской абашевской посуды. Это плоские устойчивые, а не уплощенные, днища, иногда с выступающими краями; утолщенные стенки тулова; не столь массивные, как в «абашево», венчики; меняющееся соотношение широтных параметров (диаметр устья равен, или нередко меньше наибольшего расширения тулова). Один из опытов разделения абашевского и покровского комплексов был предпринят О.В. Кузьминой, показавшей основные различия керамических типов [Кузьмина, 1995].

В группе сосудов с восточными петровскими признаками во всем многообразии, свойственном зауральской традиции, представлены реберчатые горшки и биконические формы с покатыми плечиками, каннелюрами, отогнутыми наружу и вертикальными венцами (рис. 3, 3, 5; 4, 4, 6–9; 5, 9).

Особо отметим два сосуда, в характеристиках которых наблюдается сплав абашевской округлобюкости, характерного устройства обратной стороны венчика (желобок, внутреннее ребро) и петровских каннелюр на внешней стороне шейки (рис. 3, 6; 4, 10).

К раннесрубным стандартам в комплексе первого кургана максимально приближены, прежде всего, банкообразные формы, закрытые и биконические (рис. 3, 2; 4, 3, 5; 5, 5, 8; 6, 2). Причем, весьма редким признаком для биконических форм, который замечен в нашей серии, является абашевская реплика – слабо выделенные внутренние желобки с намеченными ребрами. Такие варианты в покровско-срубном комплексе редки, укажем лишь одну аналогию из лесостепного самарского Заволжья, в могильнике Николаевка-II [Мочалов, 2003а. С. 315, рис. 4, 4].

Данные наблюдения являются свидетельством не самого раннего характера всего покровского комплекса первого кургана, поскольку здесь мы уже

видим процесс раннесрубного культуuroобразования. Кроме того, этот комплекс обладает признаками ярко выраженного синкретизма, присутствия здесь предметов уральской керамической традиции. Но это вряд ли результат генезиса покровского феномена, а, скорее, – признак активных контактов и взаимодействия уже сложившихся покровцев с соседними петровскими племенами.

В синкретичной группе сосудов наиболее заметны каннелированные экземпляры (рис. 3, 6; 4, 7, 8, 10; 5, 9). Аналогии (но далеко не прямые) этому техническому приему формовки можно найти только в южно-уральских традициях изготовления посуды. Отдаленно напоминает наши биконические сосудики каннелированный экземпляр из п. 6 петровского времени могильника Верхняя Алабуга, исследованного в лесостепном Притоболье [Потемкина, 1985. С. 193, рис. 83, 4]. Это богатый комплекс с пятью сосудами, желобчатыми браслетами, круглыми широколопастными подвесками, бусами, пронизьями, ножом, теслом и кремневыми наконечниками стрел с прямым основанием [там же. С. 192, рис. 82, 83, 1–5]. Некоторые указанные предметы инвентаря близки вещам из первого кургана Калмыцкой Горы.

Похожие биконические формы с каннелюрами имеются в приуральских материалах петровского времени развития западноалакульской культурной группы, в могильниках Танаберген-II (7/6) и Учебный полигон. Причем, здесь они появляются только на поздней кулевчинской фазе развития раннеалакульских (петровских) памятников [Ткачев, 1998. С. 51, рис. 3, 5; он же, 2007. С. 343, рис. 78, 74, 77].

Отличие наших каннелированных сосудов от южноуральских прообразов очевидно. Восточные аналоги более тяготеют к горшечным стандартам, у них выделены плечевые и венчиковые параметры. По-видимому, в основе их генезиса лежат каннелированные формы позднесинташтинских керамических комплексов на стадии формирования ранней «петровки». В этом смысле весьма показательны сосуды из могильника Кривое Озеро (2/5), исследованного в Южном Зауралье [Виноградов, 2003. С. 74, рис. 28, 3]. Заметно, что в ходе развития этого типа сосудов идет процесс упрощения форм и уменьшения их параметров при сохранении главного признака – каннелюр в верхней части тулова. Миниатюрные баночки из погребений 11 и 17 Калмыцкой Горы (рис. 4, 7; 5, 9) представляют в этом ряду некий конечный вариант эволюции (малые размеры, биконичность, максимальное расширение на средней части тулова, отсутствие технически традиционного, прочерченного или штампованного орнамента).

Небезынтересен вопрос о происхождении подобных рельефных элементов орнаментации в традиции керамического производства синташтинских и петровско-алакульских племен. В синташтинском и потаповском керамических комплексах такая выборка весьма представительна, причем, каннелюры всегда сопровождаются обычными орнаментами, которые, как правило, перекрывают волнисто-желобчатый рельеф внешней поверхности сосудов. Весьма показательна в этом смысле позднесинташтинская нестандартно чашевидная форма из могильника Жаман-Каргала-I [Ткачев, Хаванский, 2006. С. 170, 8], которая отчасти близка нашим производным биконическим вариантам.

На некоторых сосудах потаповского типа из могильника Утевка-VI [там же. С. 163, рис. 59, 3, 11, 12] каннелюры образованы частыми оттисками короткого штампа, построенными в горизонтальные ряды. При этом, как правило,

композиционно формируется хорошо узнаваемый «елочный» декор, размещенный в желобках каннелюр, покрывающих всю внешнюю поверхность. Аналогичный сосуд есть в Синташтинском могильнике [там же. С. 157, рис. 53, 15], а в Новом Кумаке присутствует симбиозный вариант с дополнительным сюжетом в виде многорядного зигзага [там же. С. 158, рис. 54, 13]. Такие сосуды, встречающиеся в синташтинско-потаповское время, вместе с тем, явно выбиваются из общего контекста и без того эклектичного керамического комплекса «синташты», что дает основания рассматривать эту технико-орнаментальную традицию как внешний инкорпорант на стадии генезиса.

Рельефная орнаментация в виде валиков и каннелюр часто встречается на абашевской посуде, причем как на крупных формах, так и мелких ритуальных сосудиках. Особо следует отметить экземпляр из среднедонского Подклетного (10/3), на котором каннелюры также образованы частыми отрисками короткого штампа [Пряхин, Беседин, 1998. С. 64, рис. 4, 6]. Необходимо указать биконическую форму с каннелюрами из абашевского могильника у горы Березовой, исследованного в Приуралье. Этот тройной каннелюр напоминает варианты Калмыцкой Горы, но он дополнен горизонтально прочерченными волнистыми линиями [Ткачев, 2003. С. 221, рис. 6, 16]. Принципиально важно, что абашевские каннелированные сосуды нередко дополнительно декорированы поверх рельефных участков. Вероятно, эта особенность получает дальнейшее развитие на синташтинской керамике.

Но формы синташтинских и потаповских сосудов с каннелюрами не имеют ничего общего с абашевскими колоколовидными и реберчатыми прообразами. Кроме того, «елочный» мотив перекрывающего орнамента, безусловно, более близок катакомбной традиции, что позволяет рассматривать еще один возможный вариант экстраполяции в ходе генезиса.

Катакомбный культуuroобразующий импульс, «пробудивший» синташтинский феномен, неоднократно обсуждался в литературе [Смирнов, Кузьмина, 1977. С. 51; Малов, Филипченко, 1995. С. 61–62; Мочалов, 1996. С. 86; Епимахов, 1998. С. 34–35; Ткачев, Гуцалов, 2000. С. 35]. При всей туманности синташтинского генезиса, пожалуй, лишь два тезиса (абашевский и катакомбный) выглядят наиболее убедительно в ряду многочисленных компонентов, приводившихся в концепциях по поводу формирования южноуральской культуры.

Интересующий нас материальный фрагмент культуuroобразования – рельефная орнаментация – представляется в этих сложных процессах явлением сквозным, маркирующим многие и неодновременные локальные модели культуuroгенеза на обширном пространстве доно-волжских и волгоуральских степей. Валики и каннелюры морфологически близки и связаны друг с другом, как показатели форм сосудов, и различаются лишь по технике исполнения (каннелирование, по сути, – имитация оттянутых валиков).

Традиция налпных треугольных в сечении валиков получила наибольшее распространение на западе, в среде позднекатакомбных и бабинской культур, ареалы которых совпадают. Как устойчивый культуuroобразующий признак они переходят здесь в некоторые лесостепные локализации раннесрубных памятников. В этом смысле весьма примечательны захоронения могильника Подгорное-2, исследованного в лесостепном Подонье, где зафиксированы одинаковые сосуды с тремя нерассеченными валиками в

верхней части тулова [Матвеев, 2006. С. 126, рис. 3, 3, 5, 10]. Организация пространства, занятого рельефной орнаментацией, очень сближает эти экземпляры с каннелированными сосудиками Калмыцкой Горы и южноуральскими раннеалакульскими аналогами.

Нерассеченные треугольные валики изредка встречаются в переходных и раннесрубных комплексах степного Заволжья, например, на поселениях Тонкошуровка, Березовка и Преображенка-2 [Лопатин, 2002. С. 105, рис. 2, 17, 30, 32, 34; С. 115, рис. 12, 17]. Но к востоку от волжского рубежа, особенно на Южном Урале, в керамических комплексах синташтинского и петровско-алакульского типов рельефные орнаменты чаще выступают в качестве каннелюр. В погребениях Калмыцкой Горы эта деталь присутствует как мимолетный фрагмент культуургенеза, как свидетельство активных контактов «покровска» и «петровки», что особенно заметно по своеобразному вращению принципа каннелюры в абашоидную колоколовидность (рис. 3, 6; 4, 10). Но в алакульском комплексе очень скоро каннелюр закрепляется в качестве одного из ведущих формообразующих признаков керамики, определяющей «лицо» культуры.

В едином комплексе (п. 17) с каннелированным биконическим сосудиком присутствует интересный экземпляр, казалось бы, срубной округлобокой формы, но с нетипичной орнаментацией и поверхностной обработкой (рис. 5, 8, 9, 12). Горизонтальные узкорельефные расчески на внешней поверхности этого сосуда представляются чересчур упорядоченными, а простейший орнаментальный мотив – частый ряд удлинненно-овальных оттисков на шейке – не характерен для срубного декора (рис. 5, 8). Нет подобных орнаментов в «абашево», «синташте», «петровке». Удивительное сходство с нашим экземпляром обнаруживают некоторые сосуды самусьско-сейминского типа, которые отнесены М.Ф. Косаревым к среднеишимскому (логиновскому) варианту [Косарев, 1981. С. 90, рис. 31, 1, 9, 10, 13]. Упорядоченная обработка внешней поверхности горшков Логиновского городища, частые ряды удлиненных вдавлений овальной формы здесь встречаются как устойчивый культурный инвариант. Совпадают с нашей формой и профилировки логиновских сосудов (округленное тулово, плавно отогнутые наружу венчики, сравнительно тонкие стенки).

Столь удаленная в пространстве аналогия нашему сосуду, тем не менее, вполне сопоставима с хронологическим интервалом глобальных культуургенетических процессов на рубеже средней и поздней бронзы. Это временное единство отчасти маркируется среднеиртышскими памятниками ростовкинского типа, которые синхронны не только логиновскому варианту «самуся» в рамках единой общности, но и периоду формирования «синташты», «потоповки», раннего «покровска». В ходе культуургенеза опосредованно определялись векторы дальнейшей динамики памятников покровского типа, раннеалакульской и раннесрубной культур, в керамических материалах которых нередко проявлялись самые различные, порой весьма архаичные инкорпоранты в виде материальных реплик и подражаний. На определенном этапе это единство пронизывается передовой турбинско-сейминской технологией металлообработки. Престижные металлоемкие погребальные комплексы со сквозными типами оружия и украшений нередко содержат также керамиче-

ские репликаны, позволяющие устанавливать самые неожиданные генетические и культурные (нивелирующие) связи «покровска».

В данном контексте весьма интересен также крупный сосуд с двумя бронзовыми скрепами из центрального погребения первого кургана Калмыцкой Горы (рис. 8, 4). Этот вариант, несомненно, сформировался на основе колоколовидного покровского (проабашевского) стереотипа. Но от классических форм он отличается профилировкой венчика. Несмотря на такой абашевско-покровский признак, как внутреннее ребро, венец слишком короток, грань устья приострена, на внешней стороне образовано некое подобие воротничка.

Подобные варианты устройства венчиков в покровской классике встречаются редко, но обязательно отметим наиболее значимый покровский аналог – сосуд из эпонимного Покровского могильника (35/2) [Памятники..., 1993. С. 146, табл. 16, 12]. Заметим, что в этом богатом парном захоронении присутствует также синкретичный сосуд с синташтинско-новокумакским орнаментом [там же. С. 146, табл. 16, 13], что, возможно, объясняет восточную доминанту наибольшего числа аналогий указанному признаку.

Более всего такие венчики характерны для некоторых синташтинско-петровских сосудов Кривого Озера [Виноградов, 2003. С. 198, рис. 85, 2, 4; С. 212, рис. 92, 6; С. 218, рис. 94, 2], Каменного Амбара-V и Ново-Петровки [Ткачев, Хаванский, 2006. С. 144, рис. 40, 3; С. 158, рис. 54, 3], некие подобию отмечены в Потаповке [Васильев и др., 1994. С. 126, рис. 22, 1; С. 127, рис. 23, 5, 7]. Сюда такие формы венцов могли быть заимствованы на фазе генезиса от некоторых абашевских сосудов южноуральской группы. Например, крупный сосуд с подобной формой венчика известен в Тавлыкаево-IV, а в Чукраклинском могильнике есть миниатюрные ритуальные сосудики с короткими приостренными венцами [Васюткин и др., 1985. С. 81, рис. 7, 1; С. 74, 1, 5, 8].

Некоторые миниатюрные формы доно-волжской и средневожской абашевских культур также оснащены короткими венчиками, напоминающими воротнички. Редкие экземпляры обнаружены в могильниках Сады (1/2), Софьино (4/1) и Туруново (5/1) [Пряхин, Беседин, 1998. С. 64, рис. 4, 9; С. 66, рис. 5, 3; С. 67, рис. 6, 14]. Но в целом, этот признак для них менее характерен, чем для приуральской группы.

Две бронзовые скрепы, фиксирующие старую вертикальную трещину на большом сосуде из нашего основного погребения 1/21, – весьма значимый элемент, встречающийся в покровских комплексах Поволжья редко и исключительно в престижных захоронениях. Гораздо чаще эта деталь фиксируется на погребальной посуде в андроновском обряде, что отмечено в специальной работе С.В. Сотниковой, как особая ритуалистика, акцентированная на идею смерти и возрождения [Сотникова, 2008]. Автор умозрительно реконструирует похоронный обряд, сопровождающийся преднамеренным разрушением и последующим восстановлением (высокоценными бронзовыми скрепами) ритуального сосуда, что, через новую «целостность» предмета, символизировало аналогичные коллизии человеческой судьбы [там же. С. 451].

Между тем, починка треснувшей глиняной посуды в повседневной жизни людей бронзового века была делом обычным. Об этом свидетельствует огромное количество массового материала поселений, где очень часты находки керамических фрагментов с просверленными на краях изломов отвер-

ствиями. Другое дело, что чаще всего трещины скрепляли не дорогостоящей бронзой, а тленными материалами – тонкими ремешками, текстильными или шерстяными шнурами. В таких «вторичных» горшках уже нельзя было готовить пищу и держать жидкости, но они были вполне пригодны для хранения твердых продуктов и даже сыпучих ингредиентов.

Анализ С.В. Сотниковой чрезвычайно интересен с точки зрения использования нарративного и этнографического материала, но представляется не вполне завершенным в плане привлечения всего объема археологических данных. А это может иметь перспективу, поскольку один из основных ритуальных актов – первый «аспект», разбивание сосуда, т. е. преднамеренная порча предмета, имеет известную динамику в исторической диахронии и широко представлен в погребальной обрядности раннего железного века. Преднамеренная порча зеркал, режущих и колющих предметов рассматривается в литературе по-разному, но в том числе и как стремление «убить» вещи умершего человека с целью высвобождения душ предметов, поскольку нематериальную душу человека могут сопровождать только нематериальные души вещей [Шилов, 1959. С. 436]. В скифских, савроматских, сарматских погребениях мы нередко видим преднамеренную порчу инвентаря, но ни в чем не отражаются попытки его восстановления.

Возможно, на более раннем этапе, в представлениях людей эпохи бронзы дефиниции души, вещественности ее материальной оболочки и понятие целостности еще не могли выступать в качестве самостоятельных расчлененных категорий. В данной ситуации разрушенный («убитый») объект должен был вновь обрести вещественную целостность (форму), чтобы оставаться символически функциональным. Возможно, та же самая идея отразилась в катакомбной обрядности, связанной с принципами расчленения трупа, декапитации, отделения конечностей, с последующим полным или частичным сочленением [Мельник, 1991]. В данном случае мы имеем дело с еще более архаичным ритуалом разрушения вещественной «оболочки» и попытки восстановления ее целостности.

Из 20 покровских сосудов первого кургана Калмыцкой Горы орнаментированы только 10 экземпляров (рис. 3, 3; 4, 2–6, 9; 5, 5, 8; 6, 2). В известной степени декор также является существенным индикатором культурно-хронологических привязок и выявления векторов внешней контактности, даже в тех случаях, когда орнаментальные композиции выглядят как искаженные реплики. Возможны различные уровни систематизации орнамента, даже на материале небольшой выборки, как в нашей ситуации, по принципам: – генетической преемственности; – внешней инкорпорации; – культурной нивелировки.

Генетическая преемственность наблюдается в декоре сосудов из трех детских погребений (1/2, 1/7, 1/10), причем, это исключительно западный вектор наследственной передачи признаков. Большие свисающие треугольники с «бахромой», отмеченные на сосуде из п. 2 (рис. 3, 3), обычны для ритуальной посуды доно-волжского «абашево» [Пряхин, Беседин, 1998. С. 64, рис. 4, 1; С. 66, рис. 5, 6] и передаются в арсенал покровского культурного типа еще на ранней фазе его становления. В этом смысле особенно интересны ритуальный сосудик с поддоном и крупная колоколовидная форма, украшенные одинаково треугольниками с «бахромой», из Покровского могиль-

ника (14/1) [Памятники., 1993. С. 145, табл. 15, 8, 9]. Глубокий семантический смысл треугольников и зигзагов с аранжировками в виде «бахромы» (демиургическая символика мирового «змея») определил такие композиции как устойчивые инварианты, которые были транслированы и в более поздние пласты. Они широко распространены в орнаментах срубной культуры.

На этом же уровне систематизации рассмотрим реберчатую форму из п. 10, украшенную косой решеткой (рис. 4, 6). Следует обратить внимание на явную небрежность, или, скорее, неумелость выполнения этой орнаментальной композиции. Цепочки короткошаговых зигзагов, которые «строят» решетку, часто не стыкуются вершинами, дополнительные отрезки вносят еще большую путаницу. По всем признакам это явный репликант. Во всех культурах времени «покровска» такие орнаменты редки, как и редко встречаемый прообраз решетки – так называемые «шахматные» орнаменты, дисперсно распространяющиеся в Волго-Уралье на исходе эпохи средней бронзы [Мочалов, 2003. С. 121]. Как редкие проявления «шахматные» орнаменты отмечены в позднем «абашево», «синташте» и «потаповке», из арсенала которых они в искаженных вариантах транслировались в покровские и петровско-алакульские традиции. В данном случае, вульгаризация декора выразилась в упрощении, в утрате принципа штриховки ромбов, которые составляли в узоре именно шахматный мотив. Пожалуй, наиболее близок нашей орнаментальной композиции в ближайшем пространстве вариант из могильника Владимировский-I (4/1), где, точно так же небрежно, выполнено сотовое построение и нет заштрихованных ячеек [Кузьмина и др., 2003. С. 259, рис. 22, 2].

Внешняя инкорпорация отразилась в орнаменте уже упоминавшегося сосуда из погребения 17 (рис. 5, 8) и в декоре реберчатой формы из погребения 12 (рис. 4, 9). В первом случае, результатом активных внешних контактов стало заимствование орнаментального элемента самусьско-логиновского типа, а во втором – заметно редуцированное правило изображения многорядных зигзагов, наиболее широко распространенных в синташтинской и петровско-алакульской традициях. Заметим, что многорядные зигзаги в более полных вариантах буквально единичны в материалах «покровска» (Покровский могильник, 35/2; Смеловский могильник, п.п. 32, 37), и без труда диагностируются как следствия восточных контактов [Памятники., 1993. С. 146, табл. 16, 13; Лопатин, 2008. С. 416, рис. 1]. Внешними инкорпорантами являются также уже отмеченные каннелированные сосуды (рис. 3, 6; 4, 7, 8, 10; 5, 9).

Культурная нивелировка наиболее наглядна в декоре тех позднепокровских форм, которые уже приближены к раннесрубным стандартам (рис. 4, 5; 5, 5; 6, 2). Они обнаружены в детских погребениях (1/9, 15, 19), которые расположены рядом друг с другом, в восточной половине подкурганного пространства. Эти сосуды очень близки, явно выполнены в одно время, возможно одним человеком, и отражают процесс формирования срубной керамической традиции. Их почти идентичные орнаменты представляются устойчивым инвариантом, который может диагностировать ранние пласты срубной культуры как поселенческих, так и погребальных памятников. В этом инварианте сочетаются две горизонтальные зоны, разграниченные парной разделительной линией. Верхняя узкая зона заполнена рядом косых коротких отрезков или короткошаговым зигзагом, она размещается в верхней части плеча, которая изнутри оформлена абашоидной репликой в виде желобка с намечен-

ным ребром. Нижнюю часть плечика, до максимального расширения тулова по ребру, занимает косо штрихованный зигзаг, и это наиболее канонизированный сюжет композиции, который в дальнейшем очень долго сохраняется в срубном арсенале.

Особо следует отметить сосуд из детского погребения № 6, нерегулярный орнамент которого явно относится к разряду пиктограмм (рис. 4, 2). В развернутом фризе присутствуют различные знаки и фигуры (кресты, линии, углы, окружности, решетка), которые, возможно, в данном совокупном начертательном варианте заключают некую смысловую информацию. Любопытно, что знак «решетка» (лестница, спуск) очень близок аналогичному символу, присутствующему в пиктограмме из Смеловки, где он представлен как место перехода (спуска) из мира живых в мир мертвых [Игнатова, Лопатин, 2005. С. 70, рис. 1, 3]. Несмотря на стилизацию, наиболее выразительны и узнаваемы две фигуры в правой части фриза. В них, вероятно, закодированы изображения рогатых животных, весьма близкие знакам быка (коровы или мелкого рогатого скота), которые выделены в классификации Е.Ю. Захаровой в особую категорию знаков [Захарова, 1998. С. 103, табл. 1]. С антропоморфными символами [там же] можно сопоставить три крестообразных знака, расположенные в левой части фриза. Отметим также, что подобная упрощенная символика, адресованная знаку человека, часто встречается в нерегулярных орнаментах типа пиктограмм. Наиболее выразительна сцена погребальной процессии с одноосной колесницей, парной упряжкой и следующим за ними антропоморфом на сосуде из Сухой Саратовки [Галкин, 1977].

Прочтение нашей пиктограммы весьма затруднительно, и любая трактовка кода будет не более чем предположением. Учитывая универсальность мифологемы «перехода», ее высокую значимость в идеологических конструкциях позднепервобытных обществ, тесную связь с парадигмой предковых культов, можно предположить, что здесь могла быть отражена культовая сцена жертвоприношения с закланием домашнего скота. Тогда знаки антропоморфов – это исполнители жертвоприношения, символы животных – жертва, «лестница» – обозначенное место ритуала (место перехода, могильник, курган), а загадочные окружности числом «три», возможно, символизирующие полнолуния или годовые циклы, – реальный обязательный срок жертвоприношения после смерти соплеменника (предка), которому адресуется заклание животных.

Вещевой инвентарь, обнаруженный в покровских комплексах первого кургана, весьма разнообразен. Из 18 предметов только 3 (16,6%) относятся к детским погребениям (1/14, 19), а остальные сосредоточены в двух взрослых захоронениях, основном мужском (1/21) и расположенном рядом с ним женском (1/20). Инвентарь можно систематизировать по категориям.

Украшения: бронзовые пронизи рифленые (детское 1/14 – рис. 5, 3); бронзовый браслет пластинчатый (детское 1/14 – рис. 5, 4); бронзовые браслеты из круглого в сечении дрота (1/20 – рис. 7, 8, 9); бронзовые подвески желобчатые (1/20 – рис. 7, 2, 3); бусы фаянсовые (1/20 – рис. 7, 4); костяная шпилька с кольцевидной головкой (1/21 – рис. 8, 5).

Орудия труда: костяная проколка, или вязальная спица (1/20 – рис. 7, 6); бронзовое шило обоюдоострое (1/20 – рис. 7, 7); каменные наковаленка и пестик или комплект «давяльных камней» (1/21).

Оружие: бронзовый нож с округлой пяткой черешка (детское 1/19 – рис. 6, 4); бронзовый нож-кинжал с треугольной пяткой черешка (1/21 – рис. 8, 3); кремневый наконечник стрелы (1/21 – рис. 8, 2).

Элементы конской упряжи и погонные средства: костяной псалий диск-ковидный со вставными шипами (1/21 – рис. 8, 8); бронзовые наконечники стрекал (1/21 – рис. 8, 6, 7).

Все украшения из первого кургана Калмыцкой Горы, в свое время, вошли в известную сводку Н.М. Малова, где автор в деталях проработал культурно-типологические и хронологические привязки различных категорий покровско-абашевских украшений Нижнего Поволжья, ставших доступными к началу 90-х гг. прошлого столетия [Малов, 1992].

В частности, бородаевские *рифленые пронизи* из бронзы (рис. 5, 3) отнесены автором к типу У-20 [там же. С. 37], отмечено, что они близки подобным абашевским, кротовским и турбинским украшениям, но вряд ли изготавливались из закрученной в спираль проволочки. В целом, общая для многих культур этого времени модель украшения данного типа – это тонкая, изящная металлическая пронизка с гофрированной (рубчатой, рифленой) внешней поверхностью, которая была, как правило, элементом сложных нагрудных украшений и шейных ожерелий. Их могли изготавливать способом сворачивания из тонкой бронзовой пластинки, с последующим поперечным рифлением, а также скручиванием проволочки в тонкую спираль, что было более экономично по времени изготовления, поскольку не требовало конечной операции.

Редкий вариант браслетов из детского п. 14 вынесен автором классификации в особый разряд У-1 (*пластинчатый, прямоугольного сечения*). Отмечено, что прямых аналогий данному изделию (рис. 5, 4) нет, но техника изготовления браслетов из более массивных прямоугольных в сечении пластин характерна для «турбино», доно-волжской и приуральской абашевских культур. Сопоставимы они также с детскими диадемами и браслетами из поздних «среднеднепровских» захоронений первой половины II тыс. до н. э. [там же. С. 24-25].

Значительно более широко распространены *бронзовые браслеты из круглого в сечении дрота с зауженными и заходящими друг за друга концами* (рис. 7, 8, 9), обнаруженные в женском п. 20. Они отнесены к типологическому разряду У-5, аналогии им известны в средневожском «абашево», сейминско-турбинских комплексах, но наиболее типичны такие браслеты для покровско-абашевских захоронений Подонья и Поволжья, а в развитых срубных комплексах они уже не встречаются [там же. С. 27].

Круглые височные *широкожелобчатые подвески* (рис. 7, 2, 3) Н.М. Малов относит к типу У-10, считает их ранними для «покровска», а ближайшие в пространстве параллели указывает в материалах абашевских культур Среднего Поволжья и Дона, отмечая при этом ребристость внешней поверхности подвесок как нижевожскую, то есть покровскую, специфику [там же. С. 32].

Фаянсовые бусы, зафиксированные в пп. 14 и 20, однотипны, это тонкие, одночастные экземпляры округлой формы, диаметр которых больше показателя длины (рис. 7, 4). Вместе с бусинами цилиндрических форм и сурьмяным бисером они составляют женские ожерелья в материалах «покровска»,

«бабино», «петровки», «алакуля» и раннесрубных погребальных комплексов, типичны для северокавказских дольменных культур [там же. С. 46].

Костяная *шпилька с кольцевидной головкой* – это предмет, относящийся в большей степени к разряду фурнитуры. Но, наряду с костяными пряжками, кольцами, просверленными клыками хищников, он также рассматривался в анализе украшений [там же. С. 40, рис. 4, 10]. Исследователь отнес бородаевскую и новопокровскую шпильки к особому типу У-28 и указал аналогии для последней в материалах «пепкино» [там же. С. 42]. Аналог булавки с колечком в ближайшем пространстве и соответствующем хронологическом интервале пока не известен. Но уместно предположить, что по характеру функциональности таким шпилькам могли предшествовать костяные и роговые булавки с различными формами головок, распространенные в майкопской, ямной и катакомбной культурах.

Известны молоточковидные булавки с укороченными стержнями, например, в захоронении раннебронзовой эпохи Марьянском 4/5 на Украине [Березанская и др., 1994. С. 165, рис. 52, 8]. Булавка с округлой головкой найдена в ямном погребении тамар-уткульского типа из Курманаевки-III на Оренбуржье [Жемков, 2008. С. 305, рис. 1, 21]. На Северном Кавказе, в майкопском комплексе 1/1 у р. Кудакхурт обнаружена костяная булавка с округленной и уплощенной головкой [Корневский и др., 2008. С. 155, табл. 2, 3]. Главное отличие архаичных булавок от нашего экземпляра с кольцевидной головкой – слишком узкое отверстие для подвешивания. В материалах закарпатско-поднепровской культуры Гава-Голиграды (с. Жабокруки) есть один вариант булавки с кольцевидным навершием, но это металлическое изделие [Березанская и др., 1994. С. 125, рис. 37, 12].

Орудия труда представлены в нашем комплексе четырьмя предметами. Костяные острия до недавнего времени воспринимались исследователями однозначно, как проколки, использовавшиеся в кожевенном производстве. При этом размеры, особенно толщина, мощность инструмента не учитывались, не обращалось также внимание на некоторые детали. Теперь значительная часть таких костяных изделий интерпретирована в качестве вязальных спиц. Сложность идентификации заключается в морфологической близости изделий, различных по своей функциональности, и только трасологический анализ помогает разделить *вязальные спицы и проколки*, которые внешне кажутся одинаковыми. Вероятно, наиболее достоверны определения тех спиц, которые имеют четко выделенную специальной поперечной бороздкой или плечиками (как в Бородаевке) рабочую часть (рис. 7, 6). Исследованиями А.Н. Усачука установлено широкое распространение костяных вязальных спиц на памятниках различных культур эпохи поздней бронзы от Поднепровья до Зауралья. В материалах поселений выявлены 44 предмета, а в погребениях – около 60 экземпляров [Усачук, Литвиненко, 2003. С. 163].

В ближайшем к Бородаевке степном ареале эта категория инвентаря (спицы или проколки) также часто встречается как на поселениях, так и в погребениях, что вполне естественно для области распространения пастушеского хозяйственно-культурного типа. На Преображенском поселении, в материалах «кожевенной мастерской» (постройка № 2), среди 11 костяных стержневидных изделий, только одно имело рабочее острие, слабо выделен-

ное плечиками, что позволяет предположительно считать его вязальной спицей [Лопатин, 2002. Рис. 9, 15].

В рамках погребальной обрядности предмет, безусловно, наполнен знаковой символикой и отражает прижизненную специализацию в комплексе домашнего женского труда. Знаковый символ спицы в погребальной обрядности чаще всего подчинен принципу «pars pro toto» (часть вместо целого). Как правило, это только один экземпляр костяного инструмента, который нередко сочетается в комплексе с другими орудиями женского труда – пряслицем, иглой, или, как в Бородаевке, металлическим шилом. Редкие исключения из этого правила – наборы по семь спиц в п. 57 Смеловского могильника и в таком же раннесрубном погребении с покровскими чертами из приазовской Покровки [Лопатин, 2008. С. 418, рис. 2; Литвиненко, 1999. С. 13, рис. 9, 8–12].

Бронзовые *обоюдоострые шилья* – выразительная категория орудий кожевенного производства, которые очень характерны для многих скотоводческих культур степной и лесостепной Евразии. Они встречаются как на поселениях, так и в погребальных комплексах катакомбной, абашевской, срубной, алакульской культур, на памятниках синташтинского, потаповского и покровского типов. Следует различать шилья и морфологически близкие стрекала. Последние имеют специально притупленный конец и использовались в качестве погонных средств в управлении пароконной упряжкой. Обоюдоострые шилья отмечены как в женских, так и в мужских захоронениях.

Иногда, под консервирующим воздействием хлоридов меди, насад шила сохраняет часть деревянной рукояти, или прикипевший древесный тлен. Нередки также находки выразительных комплектов шильев с костяными рукоятями. В этом смысле показательна небольшая серия одновременных захоронений из раннесрубного Ртищевского кургана, причем, в одном из указанных комплексов вместе с шилом присутствует швейная игла [Тупалов, 2008. С. 43, рис. 2, 3; с. 45, рис. 4, 4,5].

Из предметов вооружения наиболее ярки два бородаевских ножа (рис. 6, 4; 8, 3). Они различны как по размерам, так и конструктивно. Небольшой листовидный экземпляр из парного погребения двух подростков (1/19) имеет одну любопытную деталь, довольно редкую для пластинчатых ножей, – рельефный уступчик (бордюр) между лезвием и рукоятью. Такие волнистые бордюры, отделяющие лезвия от рукоятей, характерны для сейминских кинжалов группы КЖ-6 [Черных, Кузьминых, 1989. С. 111, рис. 63, 3]. На кинжалах бордюр, вероятно, образовывался в результате сложнейшей технологической операции прилива рукояти к клинку. Наш вариант выглядит как имитация, подражание (именно в данной детали) кинжальной форме.⁵ В остальном, по таким признакам, как слабо намеченные перехват и перекрестье, он близок одному из вариантов ножей, найденных в Турбино и помещенных в группу НК-14 [там же. С. 102, рис. 58, 3]. Дальнейший вектор развития данного типа направлен к усилению этих признаков, к углублению перехвата в основании клинка и к расширению перекрестья [Дьяченко и др.,

⁵ Может быть, не случайно наш нож-подражание обнаружен именно в детском погребении. Во все времена главные (престижные) вещи детей подражают знаковым вещам взрослых людей.

2006. С. 133, рис. 12, 2]. Подобные ножи не относятся к турбинской традиции, они появляются в конце покровского времени, недолго сосуществуют с более ранними типами бабинских и абашевских ножей (с округлой и подтреугольной расковкой пятки черешка), а затем широко распространяются на раннем этапе синхронного развития срубной и алакульской культур [Качалова, 1985. С. 54, рис. 2, 29, 63, 64; Кузьмина, 1994. С. 428, рис. 30, 47–49].

Большие ножи функционально могли использоваться в качестве боевых кинжалов и, вероятно, поэтому часто присутствуют в наборах престижных воинских захоронений, как в случае с нашим основным комплексом 1/21 (рис. 8, 3). Наш вариант характерен продольным ребром жесткости на широком клинке, укороченным черешком с подромбической расковкой пятки и отсутствием перехвата у основания лезвия.

В сводке Е.Н. Черныха и С.В. Кузьминых подобный вариант, также происходящий из Турбино, отнесен к аморфной группе НК-14 [Черных, Кузьминых, 1989. С. 102, рис. 58, 2]. В определенной степени близки нашему ножу два экземпляра из погребения колесничего (п. 2) кургана Селезни-2 доновожской абашевской культуры [Пряхин и др., 1998. С. 13, рис. 6, 1, 2], причем, этот комплекс удивительно похож на бородаевский по составу инвентаря (два стрела, остатки псаля со вставными шипами, кремневые стрелы, две бронзовые скрепы, частично ошлифованный каменный пест подквадратной формы). Но на клинках из Селезни заметен слабый перехват в основании лезвия. В том же донском регионе абсолютно аналогичный нож был найден на Шилловском поселении [Пряхин и др., 2001. С. 95, рис. 24, 4].

Очень близкий нашему варианту нож, оснащенный роговой рукоятью, имеется в материалах Потаповского могильника (5/8). На этом клинке также нет даже намека на перехват, но от бородаевского предмета его отличает несколько смещенное к острию максимальное расширение лезвия [Васильев и др., 1994. С. 135, рис. 31].

В добротной классификации В.В. Ткачева по синташтинским ножам Южного Приуралья похожие варианты (один из Жаман-Каргала-I и десять из Танаберген-II) отнесены к типу 1-1 («с намечающимся перекрестьем и ромбической пяткой черенка»), правда, у этих ножей несколько более длинные черешки [Ткачев, 2007. С. 183, рис. 54, 1]. Но в приуральских абашевских комплексах есть подобные ножи с короткими черешками, например, в могильнике у горы Березовой [там же. С. 224, рис. 67, 1].

По всей вероятности, ножи с короткими ромбическими черешками и едва намеченными перехватами в основании клинков являются продуктом абашевской технологической традиции. В качестве культурных инкорпорантов они могут присутствовать в материалах сейминско-турбинских комплексов [Соловьев, 2003. С. 191], а также, как признак преемственности, в наиболее выдающихся захоронениях синташтинского, потаповского и покровского типов.

Кремневые наконечники стрел «сейминского» типа в колчаных наборах часто присутствуют в престижных комплексах эпохи культуругенеза, нередко демонстрируя морфологическое разнообразие (в основном по характеру насада), а иногда сочетаясь с костяными вариантами. На Калмыцкой Горе единственный наконечник из п. 1/21 (рис. 8, 2) – это исключительно знаковый символ, подменяющий и олицетворяющий полный набор стрелкового вооружения.

Стрелы таких форм (треугольные с усеченным основанием), по мнению О.В. Кузьминой, распространены в лесостепи и на севере степной зоны и могут сочетаться в единых наборах с удлиненными черешковыми наконечниками [Кузьмина, 1992. С. 119, табл. 44]. В авторском пространственном анализе самарской исследовательницы очерчен территориальный ареал, в котором наборы кремневых стрел своеобразно фиксируют процессы взаимодействия родственных культур, оставивших памятники синташтинского, потаповского, покровского типов.

Спорадически носители этих культур вступали в контакты с племенами таежно-лесной зоны и южных аридных областей, и особо значимыми в этих процессах были прямые или опосредованные взаимодействия с позднекатакомбными и посткатакомбными образованиями. Всегда узнаваемые, яркие наконечники с выемчатыми основаниями и опущенными жальцами, характерные для позднекатакомбных групп, известны в Южном Приуралье (Гурганикская стоянка), где выявлены синкретичные комплексы типа Болдырево, Медведки, Герасимовского-II, Восточно-Курайли. В них наблюдается своеобразный сплав элементов различных культур, занятых в культуругенезе [Качев, 2007. С. 341, рис. 76, 31–33]. Недавно подобные стрелы стали известны в Среднем Поволжье (Уваровский могильник, 2/2) [Кузьмина и др., 2003. С. 235, рис. 6, 1–5].

Но для покровских комплексов всегда характерны только сейминские кремневые наконечники с усеченным основанием или выделенными короткими черешками.

Костяной *дисковидный псалий с удлиненной планкой и вставными шипами* из п. 1/21 (рис. 8, 8) неоднократно обсуждался в литературе [Памятники..., 1993. С. 139, табл. 9, 12; Пряхин, Беседин, 1997. С. 79–81, рис. 1, 4; Усачук, 2000. С. 130–132, 263, рис. 13, 4; Пряхин и др., 2001. С. 52, рис. 14]. Необычность его конструктивных особенностей выражается в форме нестандартно удлиненной планки. Анализ этого предмета весьма сложен в связи с его фрагментированностью, поэтому необходимо уточнить некоторые обстоятельства его обнаружения и последующей реконструкции.

Центральная могила была частично нарушена впускным сарматским погребением (№ 16), и не исключено, что именно в связи с этим некоторые предметы инвентаря (наконечник стрелы, шпилька с кольцевидной головкой и фрагменты псалия) зафиксированы не *in situ* на дне ямы, а в заполнении на разной глубине, вперемешку с обломками деревянного перекрытия⁶. Фрагменты диска с центральным большим отверстием и два вставных шипа стыкуются по местам изломов. Полностью уцелело только одно отверстие под шип, остальные три фиксировались частично, но все подтверждало именно четырехшипный тип предмета. Сохранившаяся часть планки непосредственно с диском не соединяется, поскольку излом сильно искрошен. Но на его краях частично сохранились очертания трех малых отверстий, что позволяет правильно расположить планку относительно диска. Отверстия размещались как раз на линии стыка, перехода от диска к планке.

⁶ Данное обстоятельство позволяет также предположить, что указанные предметы инвентаря могли изначально находиться именно на перекрытии.

Позже А.Н. Усачук подкорректировал графическую реконструкцию бородаевского псаляя, предположив, что на линии стыка, по краям должны были находиться еще два коротких боковых выступа [Усачук, 2000. С. 263, рис. 13, 4]. Похожая, но не совсем аналогичная, деталь присутствует в конструкции известного алакульского псаляя, у которого шиповидные боковые выступы удалены от диска почти на край высокой стержневидной планки (Алакульский могильник, 13/2) [там же. С. 263, рис. 13, 1]. Таким образом намечалась линия становления более поздних алакульских форм.

Отметим, что высокие планки петровских и алакульских дисковидных псаляев морфологически довольно похожи на бородаевскую конструкцию [Зданович, 1988. С. 168, табл. 10-А, 8; С. 169, табл. 10-Б, 5], но есть и существенные различия. Незаконченный полуфабрикат с поселения Петровка-II и парадно украшенный экземпляр из Новоникольского 5/2 – роговые, цельнорезные, а их принципиальные конструктивные особенности совершенно иные. Синташтинско-петровские, цельнорезные роговые псаляи из Кривого Озера также имеют высокие планки, они оснащены только двумя шипами, а на переходе от диска к планке имеется лишь одно малое отверстие [Виноградов, 2003. С. 53, рис. 18, 2, 3]. Здесь же следует заметить, что прочие типы псаляев из Кривого Озера – сегментовидные, с треугольными и трапециевидными планками, трехшипные и четырехшипные, – также оснащены короткими боковыми выступами [там же. С. 251, рис. 104, 4–7].

По конструкции и орнаменту наш псаляй, безусловно, ближе восточно-европейским дисковидным типам со вставными шипами, в частности, «староюрьевской» группе изделий. Но, поскольку сохранность его не полная, остается под вопросом такая важная деталь, как боковое отверстие для нащечного ремня. Староюрьевские варианты, как правило, оснащены специальными торцевыми вырезами под ремни, идущие через щеку на оголовье и плотно фиксирующие псаляй в углу рта лошади, а ременные удила в пределах диастемы. Существует мнение, что для поволжских псаляев, как упрощенных вариантов староюрьевского типа, часто были характерны отверстия, сверлившиеся непосредственно в щитке со смещением к планке, к тому месту, где через малые отверстия крепился широкий храповый («наносный») ремень [Пряхин и др., 2001]. В таком случае, для нашего псаляя боковые шиповидные выступы у основания планки, предполагаемые А.Н. Усачуком, действительно, были необходимы для дополнительной фиксации нащечного ремня. Отмечалось также, свойственное покровским псаляям, упрощение орнамента по сравнению с пышным «волнисто-ленточным» декором абашевских вариантов [Пряхин, Беседин, 1997. С. 81].

Очевидно, невзирая на такой восточный репликант, как удлиненная (высокая) планка, которая выглядит скорее рудиментом, чем конструктивно необходимым элементом, бородаевский псаляй следует помещать в группу покровских изделий типа сторожовского, старицкого, березовского, идолгинского [Кочерженко, 1996; Пряхин и др., 2001. С. 52, рис. 14, 1; Дремов, 1997. С. 158, рис. 3, 2; Малов, 2003. С. 219, рис. 13]. Псаляй из Идолги, опубликованный Н.М. Маловым (раскопки Г.Л. Якубовского), имеет своеобразную особенность – слишком миниатюрную, относительно большого диска, треугольную планку с тремя малыми отверстиями на стыке. Последнее обстоятельство сближает этот вариант с бородаевским экземпляром. Но попутно заметим,

что его непропорционально малая планка выглядит гротескно, и, кроме того, треугольные формы планок, хотя и встречаются в волго-донском регионе, но все же более типичны для южноуральских псалиев. Поэтому уместно предположить, что технология изготовления покровских псалиев могла испытывать, при своем формировании, не только конструктивно определяющее влияние абашевской традиции, но и принимала чисто внешние морфологические элементы рудиментарного характера. Пример тому – совершенно не функциональная удлинённая планка бородаевского изделия. Учитывая явные признаки контактов поволжских покровских и южноуральских петровских племен, отразившиеся в керамике Калмыцкой Горы, уместно искать истоки этой поверхностной морфологии нашего псалия в синташтинско-петровских материалах, где наиболее близким прообразом могли быть роговые экземпляры Кривого Озера.

Орнамент бородаевского псалия типичен для костяных изделий покровского и раннесрубного времени. В сравнении с пышным декором староюрьевских, филатовских, золотогорских изделий он прост, отмечен не только на дисковидных, но и на желобчатых элементах узды, им украшали не только псалии, но и различные кольца, втулки, элементы рукоятей жезлов и плетей. В основе орнаментального фриза традиционные мотивы – зигзаг и треугольники, расположенные в два кольцевидных яруса, опоясывающих периметр диска. Семантический смысл этой композиции, многократно транслированной в керамических декорах, возможно, заключается в универсальной космогонической идее древних индоевропейцев о пределах вселенной, особой значимости горообразных ландшафтов и связанном с ними образе «мирового змея».

Своеобразие орнамента бородаевского псалия отметил А.Н. Усачук, определив технику его исполнения, как преднамеренно создающую эффект оптической иллюзии («движущийся» орнамент) [Усачук, 2000. С. 132]. Не оспаривая наблюдения исследователя, тем не менее, вновь заметим, что сохранность этого экземпляра (отсутствие важных конструктивных элементов, стертость орнамента) помещает нашу находку в ряд проблемных, не вполне информативных артефактов, на которых вряд ли возможно делать окончательные выводы. Представляется, что орнаментальный фриз псалия из погребения на Калмыцкой Горе 1/21 был просто искажен временем, а изначально мог представлять собой регулярный набор монотонно повторяющихся элементов.

Наряду с единственным элементом узды (псалием) в комплексе инвентаря основного погребения присутствуют еще два знаковых символа колесницы – бронзовые *стрекала*, погонные средства управления конной упряжкой (рис. 8, 6, 7). Верхний рабочий край инструмента преднамеренно притушлен, противоположный приострен, а по слабо выделенному упору заметно, что в древко металлический наконечник был вставлен не менее чем на три четверти своей длины.

Стрекала были идентифицированы недавно⁷, в связи с открытиями ярких погребальных «колесничных» комплексов. Причем, именно способ насада (притушленным краем наружу) является решающим аргументом при вы-

⁷ Первоначальная трактовка бородаевских экземпляров – «бронзовые шилья» [см.: Памятники., 1993. С. 117].

делении стрекал среди многочисленных стержневидных металлических изделий типа шильев и пробойников. Иногда на приостренной части стрекал остаются фактурные волокна древесины, гораздо реже – законсервированная хлоридами меди концовка древка. Своего рода загадкой долго оставались странные костяные втулки, внутри которых помещались короткие «шилья» с притупленным краем.

Верное понимание функциональности и знаковой символики стрекал пришло не сразу. Еще в Покровском могильнике были зафиксированы комплекты бронзовых стержней и костяных фигурных втулок с прорезями (курган 7 юго-восточной группы) [Малов, 2003. С. 207, рис. 1, 5, 8]. В фондах СОМК они хранились по отдельности, но О.А. Кривцова-Гракова интуитивно определила их соотношение правильно, притупленным краем наружу, что было отражено в иллюстрации к известной монографии [Кривцова-Гракова, 1955]. Наиболее представительная серия стрекал с фигурными втулками-фиксаторами происходит из 1 и 2 погребений кургана «Селезни-2» доновожжской абашевской культуры [Пряхин и др., 1998. С. 8, рис. 3, 3–8; С. 13, рис. 6, 3–6]. Морфология селезневских втулок различна, причем, изделие из 2 погребения почти аналогично варианту из 7 кургана Покровского могильника.

В наиболее престижных колесничных комплексах стержневидные стрекала сопровождаются костяными втулками-фиксаторами, но чаще, даже в богатых захоронениях, последние отсутствуют. В данном случае очень важны прочие элементы комплексов, которые могут уточнять функциональность бронзовых притупленных стержней. Известны памятники, в которых они сопровождаются не предметами вооружения или элементами узды, а костяными втулками от рукоятей плеток, например, в раннесрубном погребении 1/1 группы Мессер-V. Здесь бронзовые стержни являются наконечниками посохов, и такая знаковая символика направлена на иную, не воинскую, а пастушескую, в скотоводческом обществе не менее значимую, прижизненную специализацию умершего [Лопатин, Четвериков, 2006. С. 40]. Но в комплексе Калмыцкой Горы 1/21, безусловно, закодирован высокий социофактор война-колесничего, поскольку два наших стрекала недвусмысленно сопровождаются универсальными знаками войны: дисковидным псалием, наконечником стрелы и кинжалом.

Весьма небезынтересно сопоставить приведенный выше анализ инвентаря с наблюдениями за планиграфией 1 кургана Калмыцкой Горы. В этом смысле наиболее информативны типы керамических сосудов, которые позволяют определить наиболее компактные обрядовые группы, возможно, соответствующие близкородственным когортам погребенных в кургане людей (рис. 12).

При первом рассмотрении планиграфической ситуации в подкурганном пространстве создается впечатление ее преднамеренной рядноточечной организации (рис. 3, 1). Ритуальный центр площадки четко обозначен основным погребением № 21, где выявлены знаковый комплекс престижного инвентаря колесничего и синкретичный сосуд с абашевскими и петровскими элементами. Детские погребения южного и восточного участков расположены в двух кольцевидных ярусах: внутреннем (пп. 1, 2, 5, 8) и внешнем (пп. 3, 6, 7, 12). В западной части площадки размещаются два широтных ряда детских могил, тяготеющих к захоронениям двух взрослых женщин 1/17

(шп. 9, 10, 19) и 1/20 (шп. 11, 13, 14, 15). Данная планиграфическая специфика и, особенно, технологическое единство (примесь толченой раковины) всего керамического комплекса первого кургана позволяют, казалось бы, считать все захоронения синхронными. Вместе с тем, ряд особенностей типологического характера указывает на определенную градацию этого комплекса, проявляющуюся не только в заимствованиях, но и в нивелировке культурообразующих признаков. А это свидетельство изменчивости во времени.

В центре кургана выделяются три погребения взрослых людей, составляющие возрастное ядро всего комплекса (на рис. 12⁸ они объединены парными линиями связей). Здесь выявлены синкретичный, но с ведущими покровскими признаками, сосуд со скрепами из основной могилы (1/21), сосуд покровского типа (1/20) и два сосуда из п. 17 (один с самусьско-логиновскими признаками, второй петровского типа – миниатюрный с каннелюрами). В этом наборе не наблюдается никакой типологической близости, но зато ярко демонстрируется разнообразие внешней контактности покровцев, а также линии возможных синхронизаций.

Наиболее устойчивыми типологическими связями (показано одинарными сплошными линиями) обладают колоколовидные сосуды с абашевско-покровскими признаками (1/21, 20, 14), две закрытые «банки» срубного типа (1/1, 7); два миниатюрных каннелированных сосудика петровского типа (1/11, 17), три реберчатых сосуда раннесрубного типа (1/9, 15, 19), две небрежные «реплики», сохраняющие покровские признаки (1/6, 19).

Слабые типологические связи (обозначены пунктирными линиями) объединяют с ними сосуды-репликаны, сосуды с деградирующими признаками, сосуды с формирующимися срубными показателями. Так, например, с абашевско-покровской группой (1/21, 20, 14) связаны экземпляры, в показателях которых сохраняется «абашоидность» (1/2, 3, 5, 6, 13, 19). С каннелированными сосудами петровского типа (1/11, 17) связаны абашоидные формы, на которых имеются каннелюры, выделяющие шейный отдел (1/5, 13). По такому показателю формы как вертикальный венчик объединяются каннелированный сосуд из п. 11, сосуд с редуцированным многорядным зигзагом из п. 12 и группа раннесрубных реберчатых экземпляров из шп. 9, 15 и 19. Слабая связь по общим пропорциям наблюдается между двумя реберчатыми сосудами с высокими раструбовидными венцами (1/8, 10).

Из приведенных наблюдений следует вывод о безусловном обрядовом единстве всего комплекса, но не абсолютной синхронности его погребений. Изначально он не мог быть грунтовым кладбищем, впоследствии перекрытым земляной насыпью, как это предполагалось первоначально. Вместе с тем, хронологический интервал между основным погребением (1/21) и последними подхоронениями был невелик и занимал время жизни не более двух-трех поколений людей, связанных единокровным родством.

Предполагается, что курган был насыпан над одной основной могилой, или «возрастным ядром» комплекса (1/21, 17, 20), возможно, одновременно с детскими захоронениями, которые имеют с ними сильные типологические связи по типам керамики (1/11, 14). В социокультурном аспекте эта ситуация

⁸ На схеме, в круглом поле, имитирующем подкурганное пространство, сосуды размещены в пунктах соответствующих им захоронений. Номера сосудов соответствуют номерам могил.

похожа на закладку родового погребального участка (места перехода) по смерти знатного патриарха (пращура, родоначальника), двух его жен и детей двух матрилинейных векторов (1/20, 14 и 1/17, 11).

В дальнейшем, в ходе продолжения предкового культа, в курган осуществлялись исключительно детские подхоронения. При этом в западном направлении развивались два матрилинейных вектора – покровский (1/15, 13) и петровский (1/19, 9, 10, 12),⁹ а на южном, восточном и юго-восточном участках устраивали свои посвященные подхоронения родственники более дальних родовых групп (1/1-3, 5-8).

Опосредованно данная картина отражает известные сложности переходного времени, в котором некоторые социальные страты покровского общества, ориентированные на военную парадигму, были не только подвижны в пространстве, но и наиболее лабильны в межэтнических контактах, резистентно уязвимы и внешне изменчивы по показателям материального комплекса. Данное обстоятельство, неизбежно связанное с многообразием взаимодействия культур «героической» эпохи, с яркой многокомпонентностью процессов культуругенеза, составляет значительные трудности при определении как относительной, так и абсолютной хронологии, но особенно в синхронизации колесничных комплексов [Епимахов, Чечушков, 2008. С. 488–493]. Возможно, отчасти, осветить эти сложности помогут наблюдения за микро-срезами погребальной ритуальности, наполненной сложными, синкретичными наборами артефактов, подобными рассмотренному комплексу Калмыцкой Горы.

Раннесрубные захоронения. В нашей выборке они немногочисленны, но достаточно разнообразны: это довольно престижное по статусу обрядовое захоронение из индивидуального кургана у с. Бородаевка (рис. 2); детские погребения двух матрилинейных векторов, связанных с покровской традицией из кургана 1 Калмыцкой Горы (рис. 4, 5; 5, 5; 6); в этом же комплексе погребение 1/1; детские захоронения из кургана 2 Калмыцкой Горы, посвященные центральному криволукскому погребению (рис. 9, 2-5; 10, 3).

Комплекс 1 кургана Калмыцкой Горы рассмотрен как покровский, и указанные детские погребения свиты, приближающиеся к раннесрубным стандартам, в данном случае могут определяться двояко. Это позднепокровские захоронения, в керамике которых уже просматриваются черты будущей срубной культуры, особенно в погребении 1 (рис. 3, 2).

Некоторые покровские элементы присутствуют также в материалах одиночного кургана у Бородаевки: индивидуальная курганная насыпь, большая могила со сложным перекрытием, северная ориентировка и размещение умершего у западной стенки, примесь толченой раковины во всех трех сосудах (рис. 2). Но формы горшков из этой могилы выдержаны не в покровско-абашевской традиции. В целом они представляют группы банок и слабо-профилированных сосудов типично срубного комплекса.

Несколько более позднюю, по сравнению с предыдущими, позицию занимают погребения из 2 кургана Калмыцкой Горы, но, тем не менее, они также могут быть отнесены к раннесрубному времени, поскольку все при-

⁹ Причем, по раннесрубным реберчатым формам, отражающим процесс культурной нивелировки, заметно, что обе линии активно взаимодействовали.

урочены к кольцевой свите криволукской могилы, как посвящение единому предку (рис. 9, 1).

В данном случае мы наблюдаем довольно пеструю картину становления срубного комплекса, в котором сложно переплелись самые различные генетические элементы, но ведущие типобразующие позиции занимают криволукский и покровский компоненты. Это очень похоже на ситуацию в Смеловском могильнике, где в ранних стандартах 3 обрядовой группы (срубная) все еще отчетливо присутствуют элементы 1 ОГ (криволукская) и 2 ОГ (покровская), а прочие культурные признаки, представленные опосредованно, уже почти сnivelированы [Лопатин, 2008. С. 415–420].

Раннесарматские погребения. К сожалению, предполагаемый в качестве раннесарматского, комплекс захоронений 7–8 был полностью ограблен в древности и малоинформативен. Здесь отмечена любопытная ситуация захоронения в створ могилы (ярусное погребение) и единственный уцелевший предмет инвентаря – подлощенный сосудик с ручкой (рис. 9, 1; 10, 4).

Так называемые «ярусные» погребения наиболее типичны для территории Южного Приуралья, где они известны со скифо-массагетского времени, а также отмечены для прохоровских комплексов V–IV вв. до н. э. Район наибольшей концентрации таких захоронений – это бассейны рек Илека и Ори [Богданов, Гуцалов, 2004. С. 201]. Надо полагать, что крайне редкая для Нижнего Поволжья традиция подхоронений в створ могилы с соблюдением всех признаков обряда могла появиться в Заволжье только в процессе перемещения сюда раннесарматских (прохоровских) племен из сопредельных восточных регионов.

К особенностям нашего сосуда, помимо наличия ручки, относятся широкое днище, налипная шишечка и горизонтальный ряд зерновидных насечек (рис. 10, 4). В материалах раннесарматских могильников представлены различные варианты сосудов с маленькими петлевидными ручками (например, в Лебедевских курганах) [Железчиков и др., 2006.]. Однако абсолютного сходства с нашим экземпляром они не обнаруживают. Не исключено, что такой аналог так и не будет найден, хотя отдаленное сходство можно отметить с черпачком из могильника Вербовский-II, но, учитывая при этом, что данный комплекс относится к более позднему времени, чем наш [Мамонтов, 2008. С. 193, рис. 6, 2]. Похожий сосуд с ручкой, но без налепа и орнамента, известен в материалах разрушенного раннесарматского погребения из Политотдельского (6/4) [Смирнов, 1959. С. 251, рис. 18, 13]. Примечательно, что эта большая основная в кургане могила, так же как и наша, была ориентирована в широтном направлении, а впускными являлись более поздние погребения сарматской культуры с меридиональной ориентировкой.

К.Ф. Смирнов отмечал, что на раннем этапе развития прохоровской культуры различия в керамических комплексах на памятниках Южного Приуралья и Нижнего Поволжья весьма значительны, а нивелировка этих различий наблюдается только в III–II вв. до н. э. [Смирнов, 1974. С. 34; он же, 1984. С. 40]. В настоящее время проблема соотношения таких культурных понятий как «савроматская», «прохоровская», «раннесарматская» в археологии раннего железного века Восточной Европы весьма актуальна. Исследователи пришли к выводу о практической идентичности, выделенных ранее древнепрохоровских комплексов с савроматскими. В рамках общей сармат-

ской проблемы предметом обсуждения теперь являются, прежде всего, региональные особенности памятников VI-I вв до н. э., занимающих гигантскую территорию от Южного Урала до Северного Причерноморья [Скрипкин, 2008. С. 21–22].

Среднесарматские погребения. На Калмыцкой горе они выявлены в обоих курганах – 1/16,18 и 2/4,5,9 (рис. 5, 6, 7, 1–12; 8, 1; 9, 6, 7; 10, 1, 2; 11, 1, 2). Общие черты, характеризующие эту группу погребений – узкие прямоугольные могилы, расположенные по меридиану, южные ориентировки умерших с незначительными склонениями к востоку или западу, положения скелетов – вытянутые на спине, руки протянуты вдоль туловища.

Среди предметов погребального инвентаря выделяются категории глиняной посуды (рис. 9, 7; 10, 2), вооружения (рис. 5, 6; 11, 2); бытовых орудий труда (рис. 5, 10, 11) и поясной фурнитуры (рис. 5, 7).

Керамика представлена двумя узкошейными сосудами из пп. 2/4 и 2/5, один из которых украшен налепными шишечками и косо прочерченными тройными «лентами», образующими горизонтальный фриз на округленном плечике. Подобные плоскодонные сосуды вертикальных пропорций встречаются в комплексах среднесарматского времени в могильниках Барбастау-III, V и Верхний Балыклей [Скрипкин, 1990. Рис. 8, 14, 15, 32].

Вооружение отмечено в п. 2/9, это короткий железный меч с кольцевидным навершием, без перекрестья, а также в п. 1/16, где найден железный наконечник стрелы, которым был убит погребенный. Мечи и кинжалы указанного типа обнаружены в могильниках Первомайский-I, Бережновка-II, Новый Рогачик [там же. Рис. 21, 10–12]. Железные трехперые наконечники стрел с короткими черешками встречаются на широком пространстве Южного Урала, Заволжья, Волго-Донского междуречья [там же. Рис. 24].

Простой однолезвийный нож и глиняное пряслице из п. 1/18 представляют орудия труда, а круглая пряжка (деталь фурнитуры) выявлена в п. 1/16. Они также имели широкое хождение в степном регионе и встречаются чаще всего в небогатых женских погребениях.

Курганы Калмыцкой Горы, вошедшие в научную литературу еще с 20-х годов прошлого столетия, являются бесценным источником по древнейшей истории степного Волго-Уралья. Погребальные комплексы самых разных эпох (от ранней бронзы до позднего средневековья), изучавшиеся П.Д. Рау, И.В. Сеницыным, Г.Л. Якубовским, автором последней статьи, представляют практически полную диахронию подкурганых культур степной Евразии. Очевидно, современное состояние концептуальных представлений о ключевых проблемах археологии требует вновь и вновь обращаться к рассмотрению этих и других выдающихся комплексов. Отчасти, именно в данном ракурсе была проведена представленная работа.

Литература:

- Березанская С.С., Цвек Е.В., Клочко В.И., Ляшко С.Н.* Ремесло эпохи энеолита-бронзы на Украине. Киев, 1994.
- Богданов С.В., Гуцалов С.Ю.* Ярусное захоронение во II Нижнепавловском кургане // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 2. Волгоград, 2004.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994.
- Васюткин С.М., Горбунов В.С., Пшеничнюк А.Х.* Курганные могильники Южной Башкирии эпохи бронзы // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа, 1985.
- Виноградов Н.Б.* Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003.
- Галкин Л.Л.* Сосуд срубной культуры с сюжетным рисунком из Саратовского Заволжья // СА. № 3. М., 1977.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989.
- Дремов И.И., Семенова И.В.* Раскопки кургана на границе Энгельсского и Советского районов // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Вып. 3. Саратов, 1999.
- Дремов И.И.* Материалы из курганов у с. Березовка Энгельсского района и некоторые вопросы социокультурных реконструкций эпохи поздней бронзы // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2. Саратов, 1997.
- Дьяченко А.Н., Кривошеев М.В., Шинкарь О.А.* Раскопки курганного могильника Неткачево в Котовском районе Волгоградской области // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 3. Волгоград, 2006.
- Епимахов А.В.* Погребальная обрядность населения Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998.
- Епимахов А.В., Чечушков И.В.* «Горизонт колесничных культур» Северной Евразии: поэгическая метафора и историческое содержание // Проблемы истории, филологии, культуры. М.-Магнитогорск-Новосибирск, 2008.
- Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В.* Древности Лебедевки (VI-II вв. до н. э.). М., 2006.
- Жемков А.И., Лопатин В.А.* Курганы Малого Карамана (по материалам раскопок 1983 года) // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5. Саратов, 2007.
- Жемков А.И., Лопатин В.А.* Курганный могильник у с. Светлое Озеро в степном Заволжье // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6. Саратов, 2008.
- Жемков А.И.* Особый тип костяных подвесок эпохи ранней бронзы // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Т. I. М., 2008.
- Захарова Е.Ю.* Классификация знаков на керамике срубной культурно-исторической общности // Археология Восточно-Европейской лесостепи.

Вып. 11. Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж, 1998.

Зданович Г.Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей. Свердловск, 1988.

Игнатова М.Е., Лопатин В.А. Пиктограмма с хтонической мифологемой на керамическом сосуде из Смеловки // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 6. Саратов, 2005.

Калмыков А.А., Мимоход Р.А. О южных рубежах лопатинской культуры // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006. М., 2008.

Качалова Н.К. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизация). Куйбышев, 1985.

Корневский С.Н., Атабиев Б.Х., Аккизов А.Я., Хашироков А.Х. Майкопские погребения кургана 1 на р. Кудухурт в Балкарии // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.

Кочерженко О.В. Курганы эпохи поздней бронзы у пос. Сторожевка // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Вып. 1. Саратов, 1996.

Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. № 46. М., 1955.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.

Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Учебное пособие к спецкурсу. Самара, 1992.

Кузьмина О.В. Соотношение абашевской и покровской культур // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. Ч. II. СПб., 1995.

Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Субботин И.П. Курганный могильник эпохи бронзы Владимировский-I // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара, 2003.

Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Фадеев В.Г. Новые раскопки Уваровского курганного могильника // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.

Литвиненко Р.А. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк, 1999.

Лопатин В.А., 1982, 1983. Отчет об исследованиях археологических памятников в зоне строительства Приволжской оросительной системы (северный массив). Саратовская область // Архив ИА РАН.

Лопатин В.А. Раскопки в среднем течении р. Малый Караман // АО-1983. М., 1985.

Лопатин В.А. Культовые сооружения Смеловского могильника // Взаимодействие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов, 2000.

Лопатин В.А. Срубные поселения степного Волго-Уралья. Саратов, 2002.

Лопатин В.А., Четвериков С.И. Исследования курганного могильника «Мессер-V» на севере Волго-Донского междуречья // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 7. Саратов, 2006.

- Лопатин В.А. Смеловский могильник: фрагмент локального культурогенеза // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Т. I. М., 2008.
- Максимов Е.К., Миронов В.Г. Полевые исследования Саратовского университета в 1945–1984 гг. как продолжение рыковских традиций // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 1. Саратов, 1989.
- Малов Н.М. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 3. Саратов, 1992.
- Малов Н.М., Филипченко В.В. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические вести. № 4. СПб., 1995.
- Малов Н.М. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5. Саратов, 2003.
- Мамонтов В.И. Сарматские погребения из курганного могильника Вербовский-II // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 9. Волгоград, 2008.
- Мельник В.И. Особые виды погребений катакомбной общности. М., 1991.
- Матвеев Ю.П. Керамика с валиковым орнаментом срубной культуры лесостепного Подонья // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Вып. 20. Воронеж, 2006.
- Миронов В.Г. Погребения покровского времени кургана № 9 у села Бородаевка // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 2. Саратов, 1991.
- Мимоход Р.А. Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004.
- Мочалов О.Д. О происхождении некоторых особенностей керамики эпохи средней бронзы Волго-Уралья и Зауралья // Историко-археологические изыскания: Научные труды молодых ученых. Вып. 1. Самара, 1996.
- Мочалов О.Д. К вопросу о сосудах со знаками срубной культуры лесостепного Заволжья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара, 2003а.
- Мочалов О.Д. «Шахматный» орнамент и культурные связи Волго-Уралья в развитом бронзовом веке // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003-б.
- Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // САИ. Вып. В 1–10. Саратов, 1993.
- Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
- Пряхин А.Д., Беседин В.И. Хронологическая и культурная интерпретация дисковидных псапиев с шипами из Нижнего Поволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997.
- Пряхин А.Д., Беседин В.И. Острореберные абашевские сосуды Доно-Волжского региона // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Вып. 11. Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж, 1998.
- Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры // Археологические памятники донского бассейна. Вып. 3. Воронеж, 1998.
- Пряхин А.Д., Беседин В.И., Захарова Е.Ю., Саврасов А.С., Сафонов И.Е., Свицова Е.Б. Доно-волжская абашевская культура. Воронеж, 2001.
- Семенова И.В., Максимов Е.К., Ерина Е.М. Археолог из Покровска (к 100-летию со дня рождения П.Д. Рау) // Эпоха бронзы и ранний железный век в

истории древних племен южнорусских степей. Материалы международной научной конференции. Ч. 2. Саратов, 1997.

Синицын И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.) // Древности Нижнего Поволжья. Т. I. МИА. № 60. М., 1959.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия (проблемы хронологии и ее исторический аспект). Саратов, 1990.

Скрипкин А.С. К шестидесятилетию выхода в свет статьи Б.Н. Гракова «ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (пережитки матриархата у сарматов)» // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 9. Волгоград, 2008.

Смирнов К.Ф. Курганы у сс. Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // Древности Нижнего Поволжья. Т. I. МИА. № 60. М., 1959.

Смирнов К.Ф. Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Дона и Волги в IV в. до н. э. – II в. н. э. // СА, 1974. № 3.

Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.

Соловьев Б.С. Об абашевском компоненте Юринского могильника // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.

Сотникова С.В. К вопросу о роли сосудов с бронзовыми скрепками в андроновском ритуале // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Т. I. М., 2008.

Ткачев В.В. К проблеме происхождения петровской культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1998.

Ткачев В.В., Гуцалов С.Ю. Новые погребения энеолита – средней бронзы Восточного Оренбуржья и Северного Казахстана // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. IV. Оренбург, 2000.

Ткачев В.В. Памятники абашевской культуры в степном Приуралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.

Ткачев В.В., Хаванский А.И. Керамика синташтинской культуры. Орск – Самара, 2006.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе, 2007.

Тупалов И.В. Курган эпохи бронзы у г. Ртищево // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 8. Саратов, 2008.

Усачук А.Н. К вопросу об орнаментации щитковых псалиев // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов, 2000.

Усачук А.Н., Литвиненко Р.А. Костяные орудия прядения и ткачества на Синташте // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.

Федосов М.Ю. К проблеме соотношения среднедонской катакомбной культуры и криволукской группы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2007.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.

Шарафутдинова Э.С. Начальный этап эпохи поздней бронзы в Нижнем Подонье и на Северском Донце // Донские древности. Вып. 4. Азов, 1995.

Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. № 60. М., 1959.

Rau P. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitze. Pokrowsk, 1929a.

Rau P. Neue Funde aus Hockergräbern des Wolgadeutschen Gebiets // ESA, IV. Helsinki, 1929b.

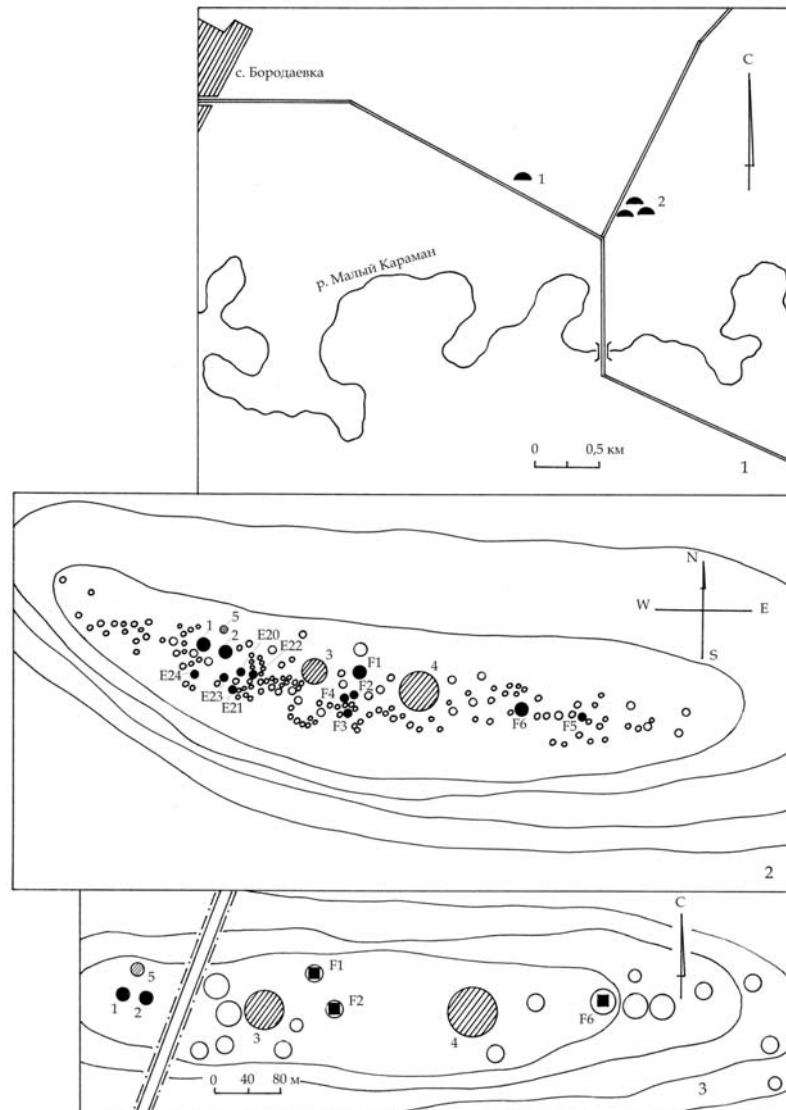

Рис. 1. Бородаевские курганы.

- 1 – местоположение памятников у с. Бородаевка:
 1 – отдельный курган; 2 – Могильник Калмыцкая Гора.
 2 – Калмыцкая Гора (глазомерный план П.Д. Рау): E20–E24 – раскопки 1927 г;
 F1–F6 – раскопки 1928 г; 1,2 – раскопки В.А. Лопатина в 1982 г;
 3, 4 – раскопки Г.Л. Якубовского в 1991 г.
 3 – Калмыцкая Гора (глазомерный план С.В. Ляхова 1987 г.):
 F1, F2, F6 – раскопки П.Д. Рау в 1928 г; 1,2 – раскопки В.А. Лопатина в 1982 г;
 3–5 – раскопки Г.Л. Якубовского в 1991 г.

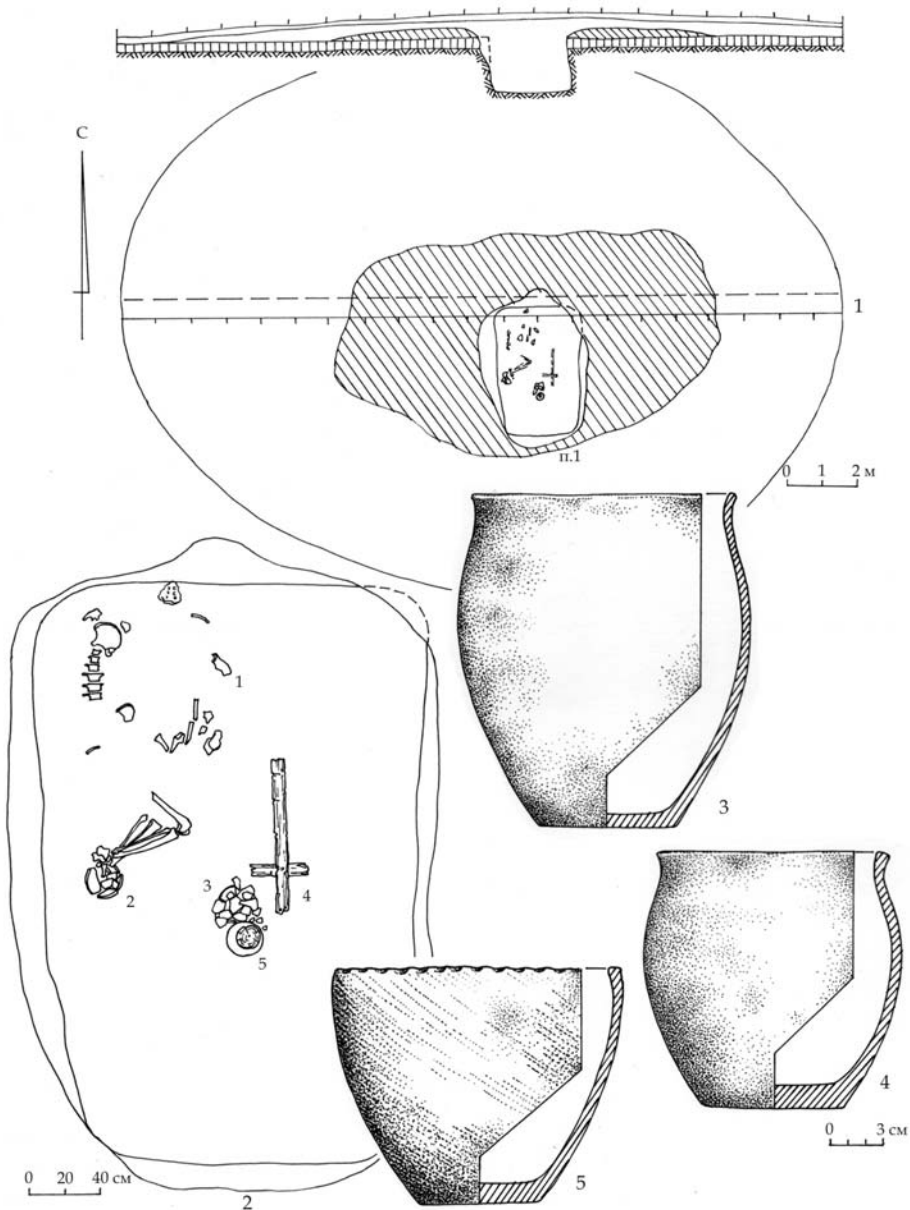

Рис. 2. Отдельный курган у с. Бородаевка. 1 - план и профиль кургана.
 2 - погребение 1: 1-3 - сосуды 1-3; 4 - остатки деревянного настила (рамы ?);
 5 - ямка с остатками деревянной опоры перекрытия. 3-5 - сосуды 1-3.

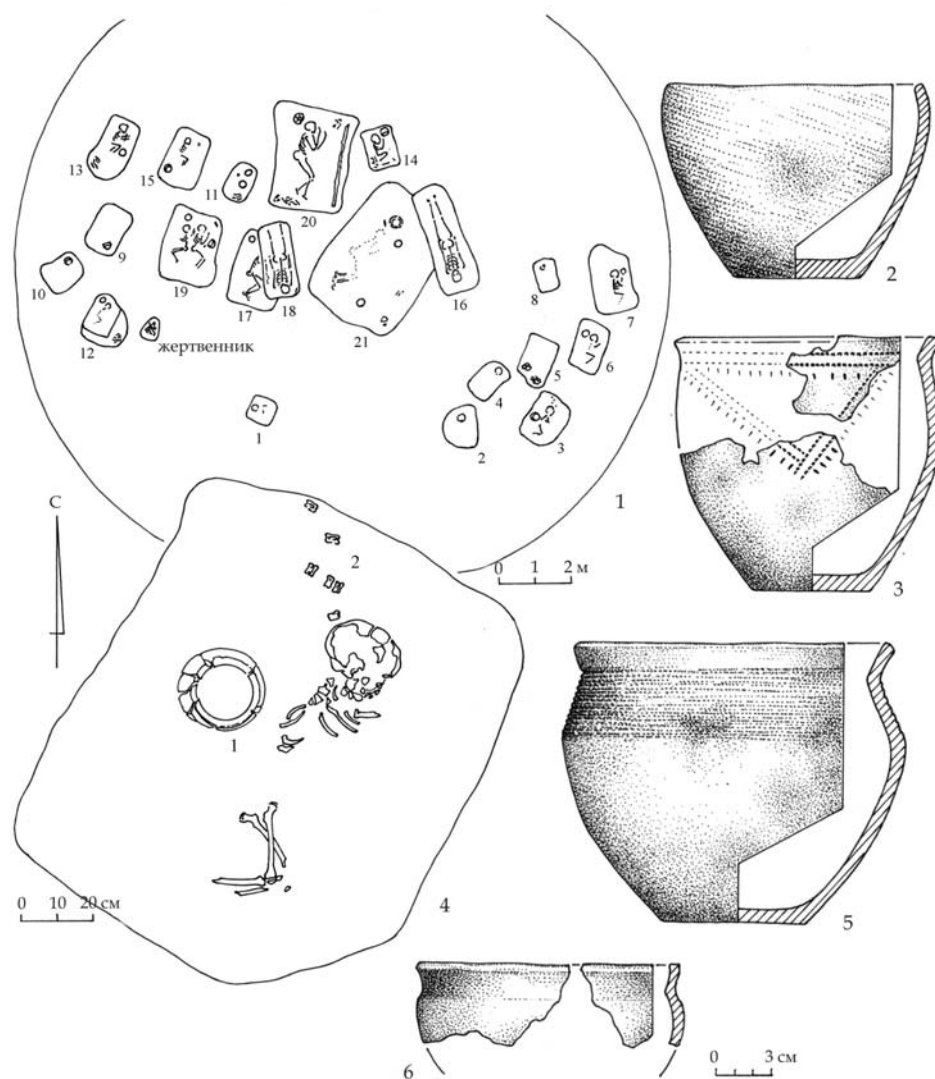

Рис. 3. Калмыцкая Гора, курган 1. 1 - планиграфия подкурганного пространства.
 2 - сосуд из п. 1. 3 - сосуд из п. 2. 4 - погребение 3: 1 - сосуд; 2 - альчики МРС.
 5 - сосуд из п. 3. 6 - сосуд из п. 5.

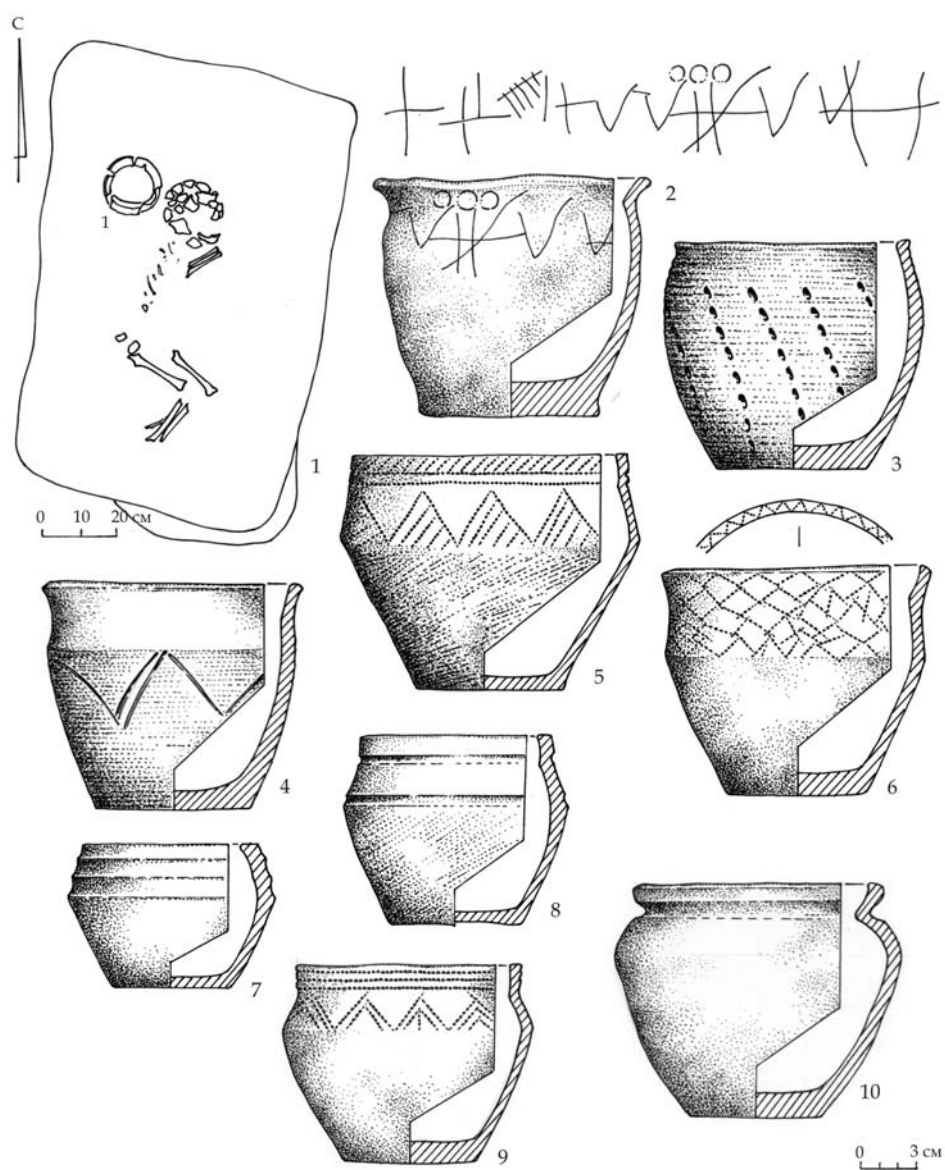

Рис. 4. Калмыцкая Гора, курган 1. 1 – погребение 6: 1 – сосуд. 2 – сосуд с пиктограммой из п. 6.
 3 – сосуд из п. 7. 4 – сосуд из п. 8. 5 – сосуд из п. 9. 6 – сосуд из п. 10. 7, 8 – сосуды из п. 11.
 9 – сосуд из п. 12. 10 – сосуд из п. 13.

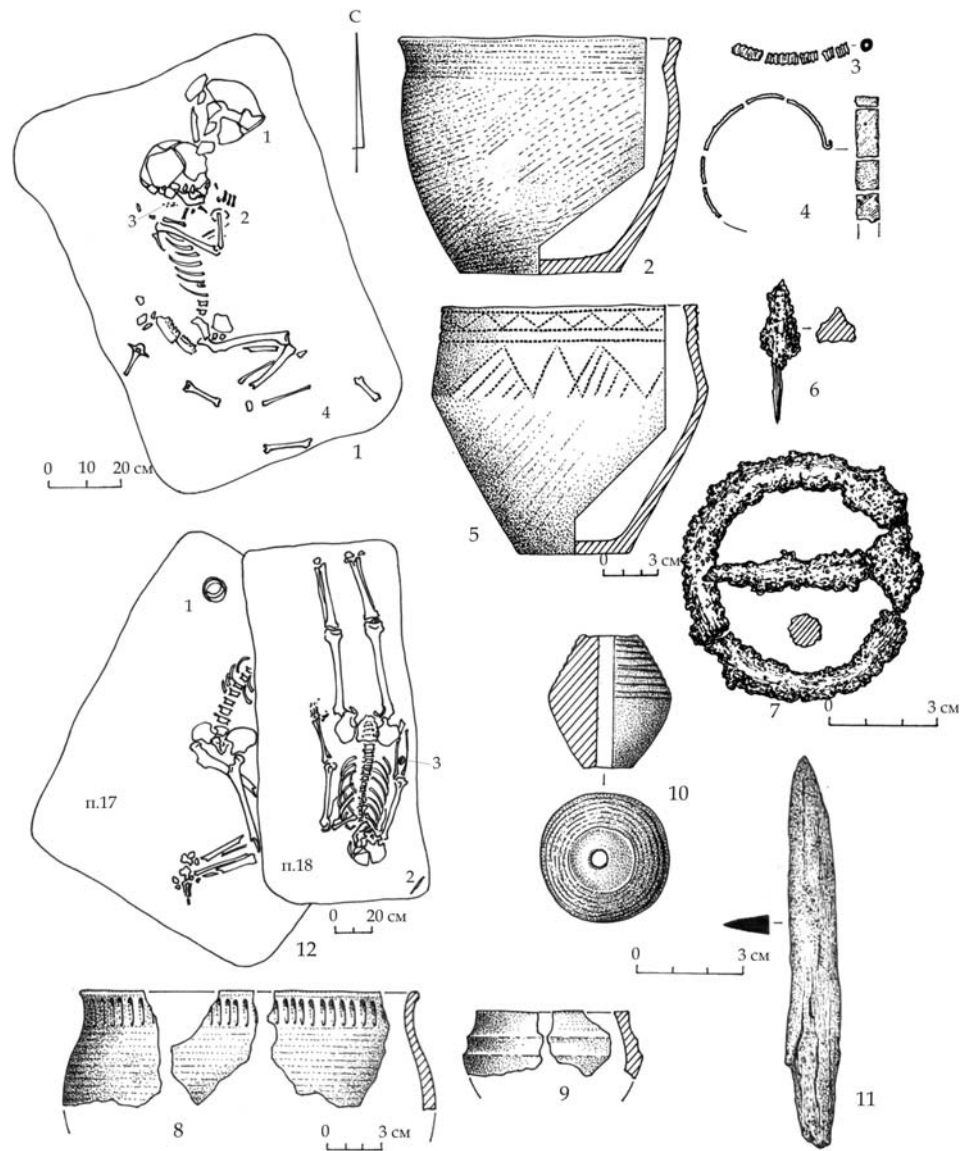

Рис. 5. Калмыцкая Гора, курган 1. 1 - погребение 14: 1 - сосуд; 2 - браслет; 3 - пронизки; 4 - кости МРС. 2 - сосуд из п. 14. 3 - пронизки из п. 14. 4 - браслет из п. 14. 5 - сосуд из п. 15. 6, 7 - наконечник стрелы и пряжка из п. 16. 8, 9 - сосуды из п. 17. 10, 11 - пряслице и нож из п. 18. 12 - погребения 17 и 18: 1 - сосуд; 2 - нож; 3 - пряслице. 3, 4 - бронза; 6, 7, 11 - железо; 2, 5, 8-10 - глина.

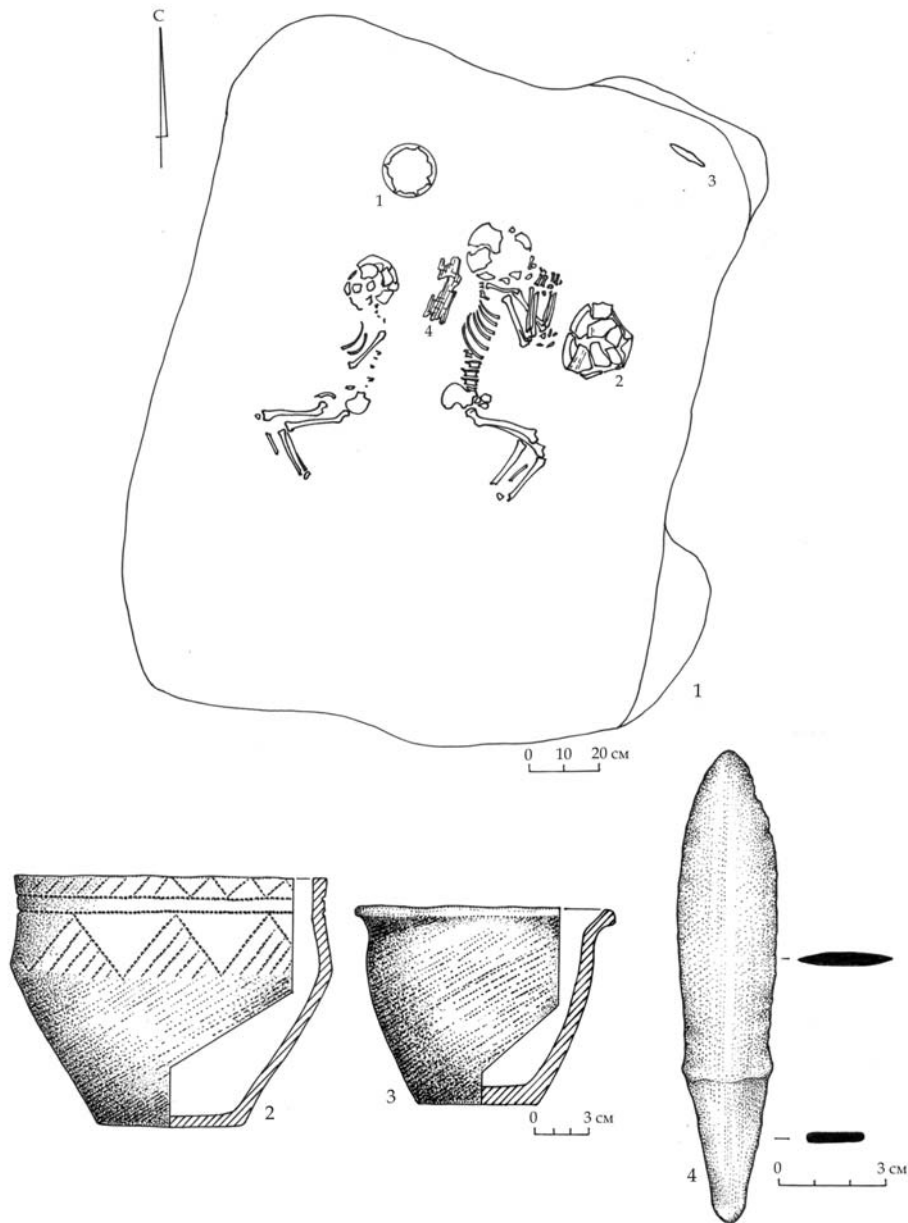

Рис. 6. Кальмыцкая Гора, курган 1. 1 - погребение 19; 2 - сосуды; 3 - нож; 4 - деревянная плашка. 2, 3 - сосуды из п. 19. 4 - нож из п. 19. 2, 3 - глина; 4 - бронза.

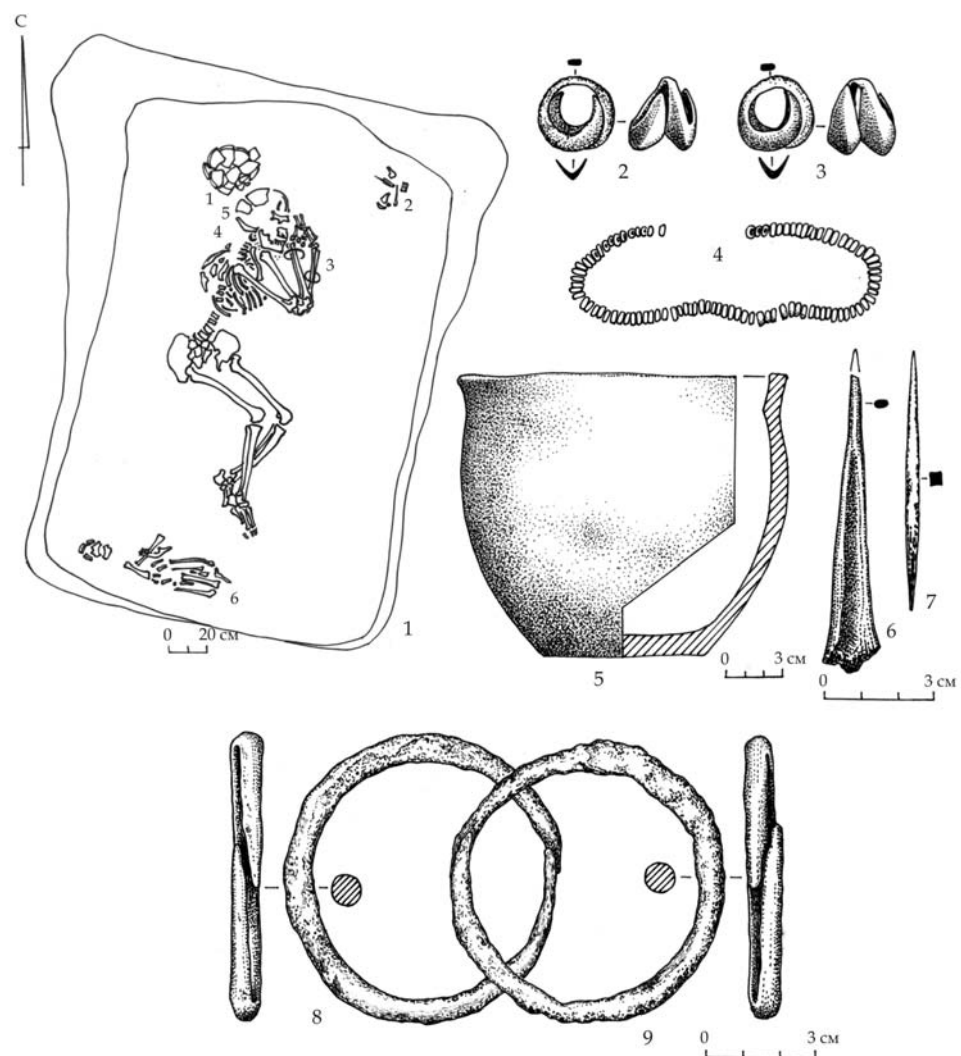

Рис. 7. Калмыцкая Гора, курган 1. 1 - погребение 20: 1 - сосуд; 2 - шило, проколка, альчик МРС, створки Upio; 3 - браслеты; 4 - бусы; 5 - подвески; 6 - кости МРС. 2, 3 - височные подвески. 4 - бусы. 5 - сосуд. 6 - проколка. 7 - шило. 8, 9 - браслеты из п. 20. 2, 3, 7-9 - бронза; 4 - паста (фаянс); 5 - глина; 6 - кость.

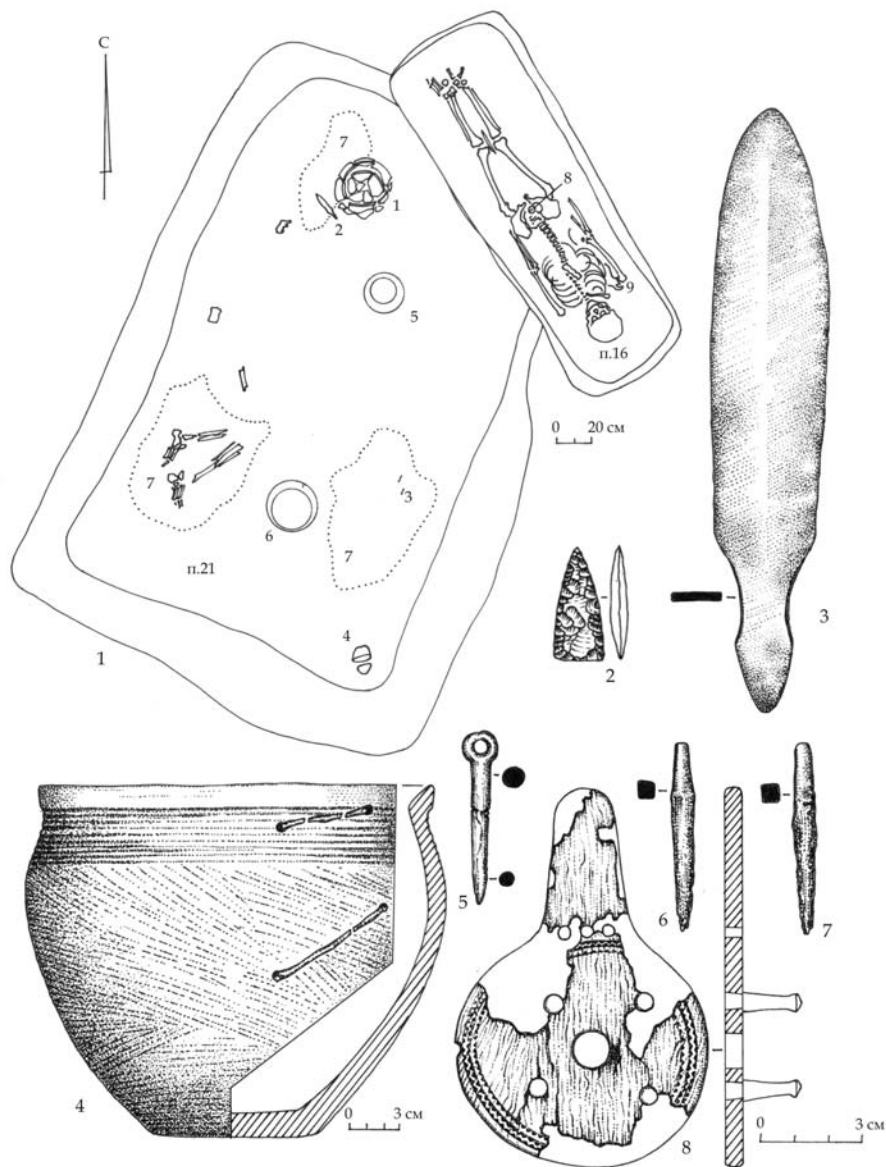

Рис. 8. Калмыцкая Гора, курган 1. 1 – погребения 16 и 21: 1 – сосуд; 2 – нож; 3 – стрела; 4 – каменные пест и наковаленка; 5, 6 – столбовые ямки; 7 – остатки подстилки; 8 – пряжка; 9 – наконечник стрелы. Вещи из п. 21: 2 – наконечник стрелы; 3 – нож; 4 – сосуд со скрепами; 5 – шпилька; 6, 7 – стрела; 8 – псалий. 2 – кремень; 3, 6, 7 – бронза; 4 – глина/бронза; 8 – кость.

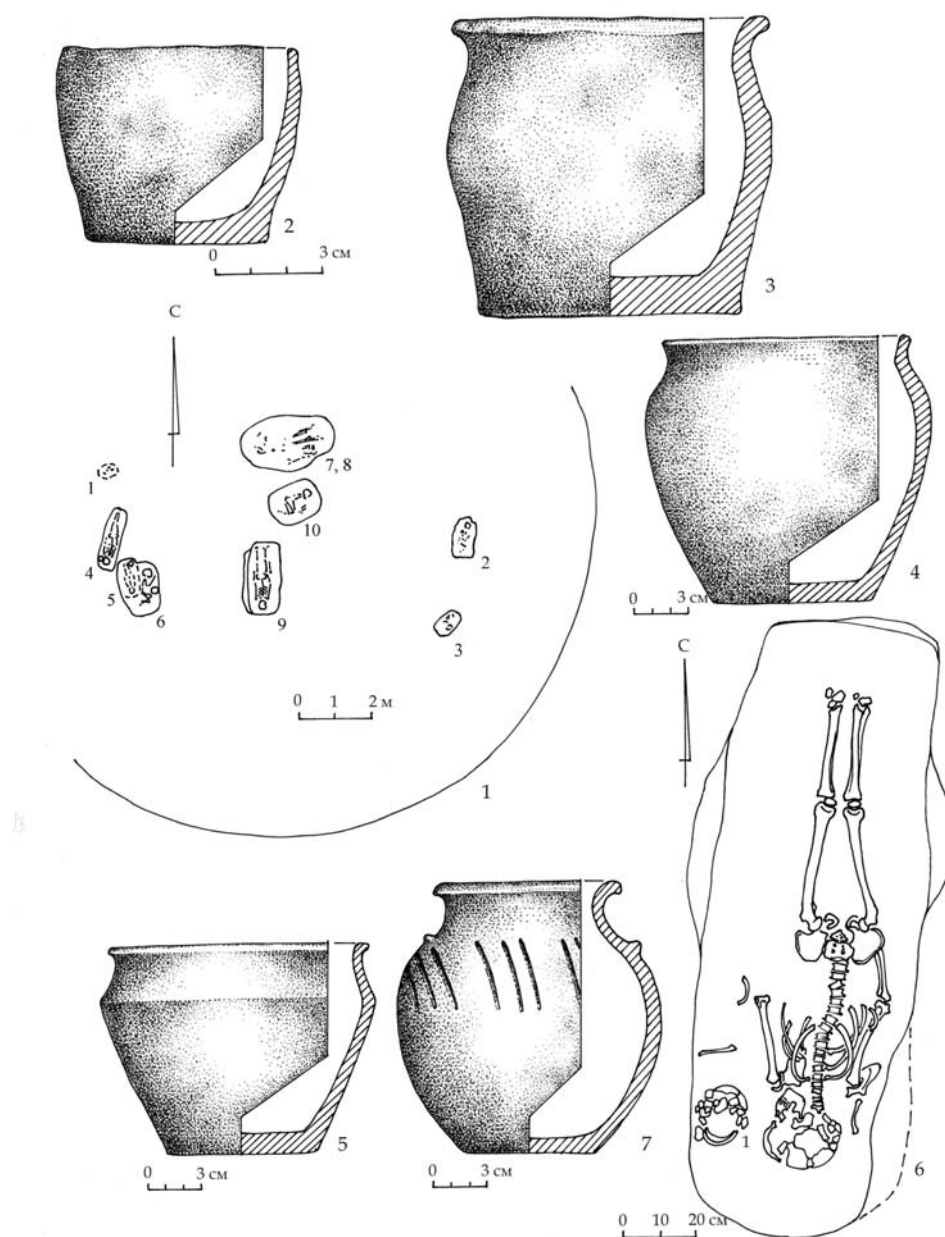

Рис. 9. Калмыцкая Гора, курган 2. 1 - планиграфия кургана 2. 2, 3 сосуды из п. 1. 4 - сосуд из п. 2. 5 - сосуд из п. 3. 6 - погребение 4: 1 - сосуд. 7 - сосуд из п. 4.

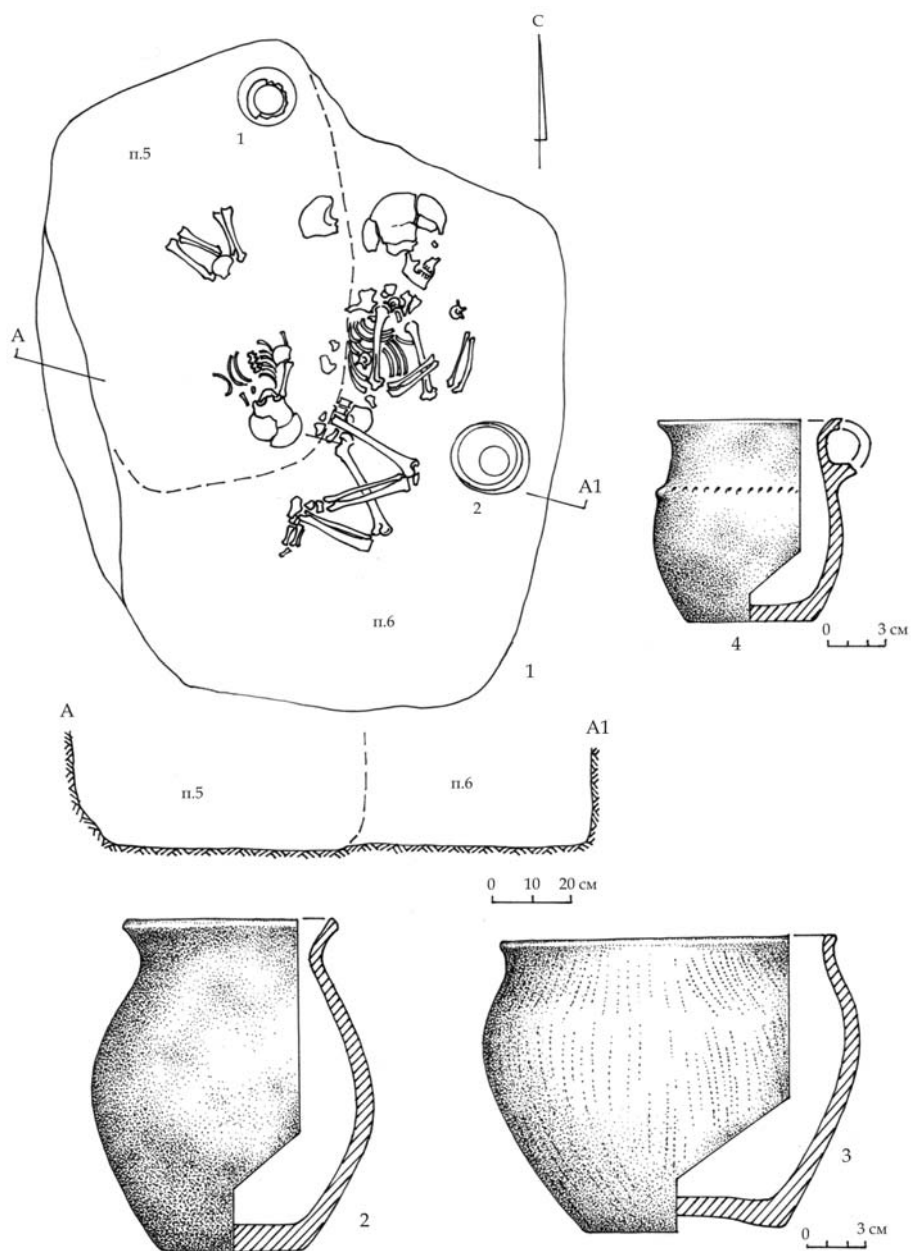

Рис. 10. Калмыцкая Гора, курган 2. 1 - погребения 5 и 6; 1, 2 - сосуды.
2 - сосуд из п. 5. 3 - сосуд из п. 6. 4 - сосуд из п.п. 7-8.

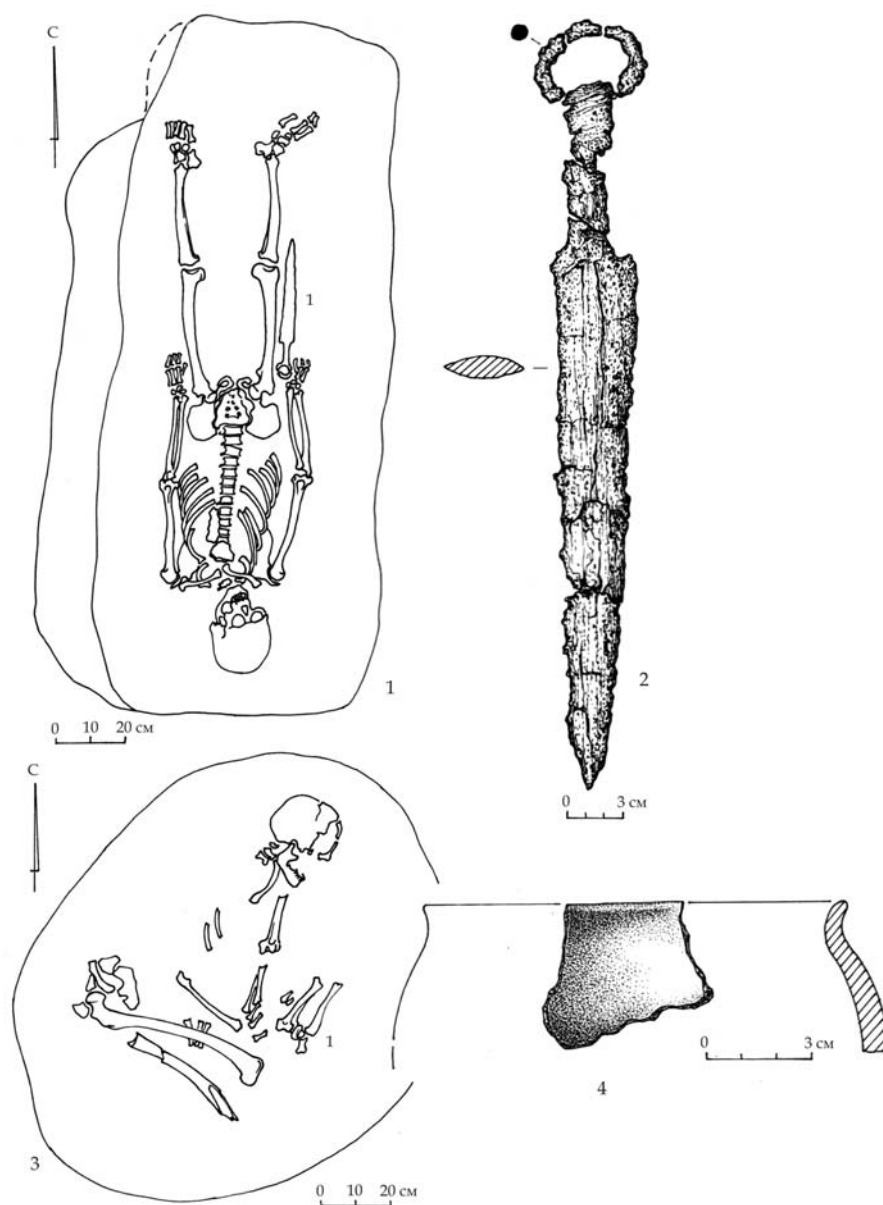

Рис. 11. Калмыцкая Гора, курган 2. 1 - погребение 9: 1 - меч. 2 - меч из п. 9.
3 - погребение 10: 1 - кости МРС. 4 - фрагмент сосуда из заполнения п. 10.
2 - железо; 4 - глина.

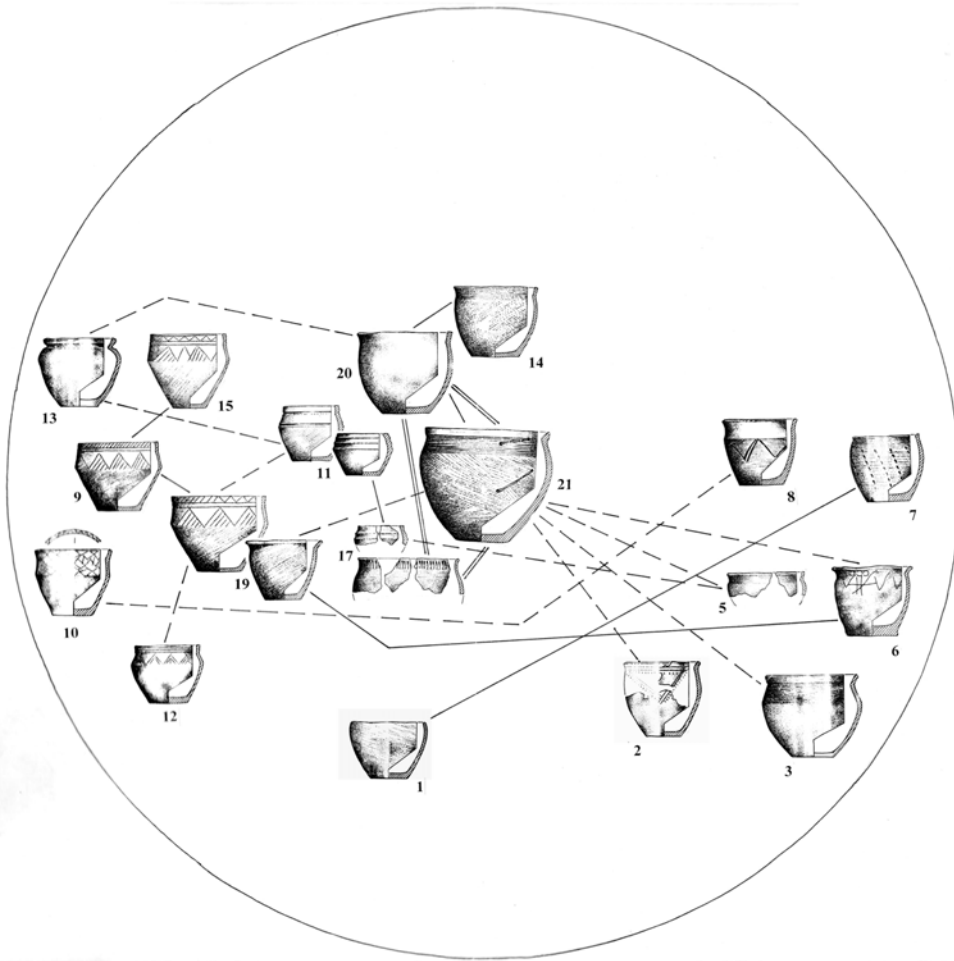

Рис. 12. Калмыцкая Гора, курган 1. Керамика в планиграфии родового некрополя.

Захариков А.П., Цыбрий В.В.

ОХРАННЫЕ РАСКОПКИ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА «ЮЖНЫЙ» В 2003 ГОДУ

В ноябре-декабре 2003 г. Отрядом «Донского Археологического Общества» (РРОО «ДАО») проводились охранно-спасательные археологические раскопки курганного могильника «Южный», находящегося в зоне строительства магистрального газопровода Починки-Изобильное. Памятник расположен в южной части Большекопенского округа Лысогорского района Саратовской области (рис. 1), в 10 км к ЮЮЗ от с. Б. Копены и в 7 км к СВ от с. Медведица (Франк) Волгоградской области. Курганный могильник открыт В.В. Цыбрием в 2003 году. Могильник включал 17 курганов, ранее ни один из них не исследовался. В 2003 г. были исследованы 1, 2, 4–17 курганы. Курган 3, не попавший в зону строительства, не раскапывался.

В геоморфологическом отношении район проведения работ относится к Приволжской возвышенности юго-восточной части Восточно-европейской равнины. Территория, занимаемая памятником, расположена в западной части возвышенности и принадлежит донскому водному бассейну. Рельеф здесь пологоволнистый, с широкими долинами рек и балок. Встречаются останцовые всхолмления, возвышающиеся над реками до 150 м. Глубина местных базисов эрозий составляет 70–150 м. С запада водораздельное плато, на котором расположен памятник, ограничено ручьем, вытекающим из озера Провал; с севера – рекой Медведица; с востока – рекой Мокрая Песковатка. Поле, на котором расположен могильник, активно распахивалось до начала 90-х гг. XX в., что негативно сказалось на сохранности насыпей. Курганы 7, 11, 14–17 в рельефе читались весьма условно или не читались вовсе, и были выявлены только благодаря вскрышным работам на широких площадях. В настоящее время поверхность сильно задернована. На склоновых участках террасы, наблюдаются выходы грунтовых вод. Поверхность террасы расчленена невысокими валообразными всхолмлениями и западинами. Курганный могильник приурочен к одному из таких всхолмлений, ориентированному по линии ЮЗ–СВ (рис. 1).

Подробно представлены в данной публикации наиболее информативные на наш взгляд комплексы. Детальное описание стратиграфии приводится только для кургана 1, имеющего сложные и разновременные структурные

элементы. Основная информация по погребальному обряду и глиняной посуде сведена в таблицы (табл. 1, 2)*.

Курган 1 находился в северной части курганного могильника «Южный» в 525 м от центрального в могильнике кургана 2 (рис. 1). Высота кургана 0,35 м, диаметр 22 м.

В кургане зафиксировано наличие 6 разновременных погребений, кольцевого, заглубленного в материк ровика и кольцевой каменной крепиды (рис. 2).

Стратиграфия кургана (рис. 2).

1. Дерновый слой. Мощность до 0,10–0,12 м.
2. Пахотный слой – рыхлая, комковатая, темно-серая гумусированная супесь. Мощность 0,12–0,2 м. Контакт с нижележащим слоем четкий.
3. Насыпь – гумусированная однородная темно-серая супесь. Мощность насыпи до 0,60 м. Протяженность в центральной бровке – 16 м.
4. Выкид из погребения 6 состоял из мелкозернистой, зеленоватой материковой супеси. Выкид фиксировался по обе стороны от могильной ямы погребения 6, протяженностью 1,92–2,2 м, толщиной до 0,3 м.
5. Погребенная почва – гумусированная супесь серого цвета. Мощность – до 0,2 м.
6. Смыв с насыпи – гумусированная комковатая темно-серая супесь. Фиксировался в северной и южной полах насыпи. Он полностью перекрывает кольцевой ровик.
7. Материк – светло-коричневая супесь.

Основание насыпи кургана покрывала округлая в плане *каменная крепида* диаметром 19 м (рис. 2). Она фиксировалась во всех стратиграфических разрезах кургана, и располагалась на слое смытой с насыпи супеси (возможно, остатки распаханной насыпи 2). Крепида состояла из нерегулярно уложенных постелистой кладкой в один ряд песчаниковых плит. Ширина каменной крепиды варьировалась от 0,7 м в северной поле, до 2,2 м в западной поле. Сооружение крепиды вероятно связано с погребением 1. Следует отметить, что каменные подкурганые конструкции явление для Саратовского Поволжья весьма редкое.

Скопление фрагментов лепного сосуда № 1. Во время расчистки крепиды, среди камней, в северном ее секторе, были выявлены разрозненные мелкие фрагменты от одного лепного сосуда (рис. 2). Фрагменты – от сосуда с незначительно сужающимся устьем и профилированным рантиком, сформированным на устьевой части сосуда (рис. 7, 15). Поверхность сосуда коричневого цвета, заглажена. Тесто грубое, комковатое, темно-серого цвета, без видимых примесей.

На периферии кургана в материке был выявлен округлый в плане *кольцевой ровик* диаметром 17 м (рис. 2). Он фиксировался во всех стратиграфических разрезах кургана, и вплотную примыкал к внешней границе насыпи. Прослеженная ширина ровика варьировалась от 0,8 м до 1,05 м, глубина 0,2–

* Авторы искренне признательны В.А. Лопатину и А.Д. Матюхину за ряд замечаний, высказанных при подготовке данной публикации.

0,24 м. Внутренняя стенка ровика вертикально поставленная, дно уплощенное, внешний борт более покатый, что обусловило асимметрию ровика в разрезе. В южной поле ровик прорезают могильные ямы погребений 4, 5 (рис. 2). Возникновение ровика связано с возведением первичной насыпи кургана над погребением 6.

Погребение 1 – впускное, было выявлено в центральной части кургана. На глубине 0,56–0,69 м в насыпи зафиксированы останки погребенного, в положении на спине, головой на юг. Под скелетом прослежен коричневатый органический тлен. В 0,18 м к югу от черепа, выявлен стоящий на деревянной плахе, лепной глиняный сосуд. Сосуд горшковидной формы с коротким сильно отогнутым венчиком, округлым туловом и слабо выраженным поддном (рис. 7, 1). Внешняя поверхность коричневого цвета с черными пятнами в верхней части. Поверхность грубо заглажена.

Погребение 2 – впускное, было выявлено в центральной части кургана. На глубине 0,8–1,3 м от 0г, в положении вытянуто на спине, черепом на З, выявлен скелет взрослого человека. Верхняя часть туловища расположена выше прочих костей, так как погребение, видимо, «просело» в заполнении могильной ямы погребения 6. Инвентарь в погребении отсутствовал.

Погребение 3 – впускное, располагалось в северном секторе кургана. Погребенный – ребенок располагался, скорчено на левом боку, черепом на СВ (рис. 3, 1). У черепа и грудной клетки погребенного выявлены два лепных сосуда.

Сосуд 1. Лепной керамический сосуд подострореберной формы, имеет короткий прямой венчик с отогнутым наружу рантиком и короткие округлые плечики (рис. 7, 2). В придонной части следы грубых расчесов. В верхней части сосуда орнамент из наклонных оттисков крупнозубчатого штампа, ограниченный сверху овальными насечками под рантиком, а нижняя часть ограничена горизонтальными вдавлениями, выполненными аналогичными оттисками.

Сосуд 2. Миниатюрный лепной баночный сосуд закрытого типа (рис. 7, 3). Внутренняя и внешняя поверхности коричневого цвета, грубо заглаженные, со следами грубых расчесов с внешней стороны. В верхней части сосуда, под устьем, нанесен орнамент из двух поясков овальных вдавлений.

Погребение 4 – впускное в ЮВ секторе кургана, в ровике. Погребенный – ребенок располагался, скорчено на левом боку, черепом на ВСВ (рис. 3, 2). В центральной части погребения, перед грудным отделом погребенного, обнаружены два лепных сосуда.

1. Лепной керамический сосуд 1 подострореберной формы, с едва намеченной шейкой (рис. 7, 4). В верхней части сосуда орнамент, нанесенный оттисками крупнозубчатого штампа, ограниченный сверху косыми насечками, выполненными зубчатым штампом, а нижняя часть ограничена двумя линиями, выполненными гребенчатым штампом.

2. Миниатюрный лепной баночный сосуд 2 (рис. 7, 5). Тесто плотное.

Погребение 5 – впускное в ЮВ секторе кургана. Погребенный – ребенок располагался, вероятно, скорчено на левом боку, черепом на восток (рис. 3, 3). Прочие кости скелета не сохранились. В южной части погребения были выявлены два лепных, орнаментированных сосуда.

Сосуд 1. Баночный лепной керамический сосуд закрытого типа (рис. 7, 6). Внешняя поверхность серого цвета, покрыта заглаженными расчесами. В верхней части сосуда, под устьем, орнамент из наклонных оттисков.

Сосуд 2. Миниатюрный лепной баночный сосуд (рис. 7, 7). В верхней части сосуда, под устьем, орнаментирован пояском косых вдавлений.

Погребение 6 – основное в кургане. Выкид из погребения – материковая зеленая супесь располагался кольцом вокруг могильной ямы, с единственным разрывом с восточной стороны. Мощность выкида до 0,4 м, диаметр 7,8 м. В северной стенке могильной ямы прослежен ступенькообразный выступ. Заполнение ямы – комковатый, сильно гумусированный суглинок, мелкие фрагменты древесного тлена (остатки могильного перекрытия). В северо-западном и в северо-восточном углах были выявлены округлые ямки, диаметром 22 см и заглубленные на 14 см, относительно дна погребения. В центре могильной ямы, на подстилке, был обнаружен скелет взрослого человека (рис. 3, 4). В погребении были выявлены два лепных сосуда, бронзовый нож, располагавшийся на деревянном блюде, лошадиная бабка и фрагмент ребра КРС.

Сосуд 1. Лепной керамический слабо профилированный сосуд, с едва намеченной шейкой, закругленным венчиком располагался в ногах у погребенного (рис. 7, 8). Поверхности темно-серого цвета со следами заглаженных расчесов. В верхней части сосуда отмечен фриз состоящий из геометрических фигур, выполненных гребенчатым штампом, ограниченный сверху и снизу горизонтальными вдавлениями, выполненными аналогичным штампом.

Сосуд 2. Подострорезерный сосуд с коротким, незначительно отогнутым венчиком был выявлен у кисти правой руки (рис. 7, 9). В верхней части сосуда, под устьем, орнаментальный фриз, состоящий из одного горизонтального пояса оттисков гребенкой в основании венчика и двух аналогичных поясков по ребру сосуда, ниже, расположен ряд косых вдавлений. По плечу, из аналогичных вдавлений составлена меандровидная композиция.

3. Плоское деревянное блюдо плохой сохранности было выявлено у локтевого сустава правой руки погребенного. Зафиксированные размеры – 24,4 x 18,6 см. На данном блюде, располагалось ребро КРС и бронзовый нож.

4. Бронзовый обоюдоострый нож с черенком (рис. 7, 10). Между клинком и намечающимся перекрестием – слабо выраженный «перехват». Размеры изделия: длина – 17,1 см, ширина лезвия – 3,7 см, сечение лезвия 0,3 см, ширина рукояти – 1,6 см, сечение рукояти – 0,2 см.

Время использования кургана 1 в качестве могильника растянулось от эпохи поздней бронзы до раннего железного века. Основным погребением над которым была возведена насыпь кургана, является погребение 6. Погребальный обряд и инвентарь позволяют отнести данное погребение к раннему этапу срубной культуры. Одновременно с первичной насыпью кургана, за ее пределами, был возведен кольцевой ровик. Затем в полы существующей насыпи были впущены погребения 3–5.

В центр кургана было впущено погребение 2, завалившееся в могильную яму погребения 6 и относящееся возможно к раннему железному веку.

Последним было сооружено погребение 1, с которым связано возникновение крепиды перекрывшей слой смывтого с насыпи грунта. Этот этап относится к раннему железному веку, к савроматской археологической культуре и может быть датирован IV в. до н. э.

Курган 2 самый высокий из исследованных в могильнике. Триангуляционный знак установленный на кургане 2 служил репером для всего могильника. К его ЮЗ поле примыкал курган 16 (рис. 1). Высота кургана 0,52 м, современный диаметр насыпи 26 м. В кургане выявлена одна насыпь (мощностью 0,72 м), перекрывающая выкид погребения 1.

Погребение 1 – единственное в кургане, выявлено в его центральной части. Выкид из погребения – располагался с севера полукольцом вокруг могильной ямы, на погребенной почве. Толщина выкида до 0,5 м, ширина до 4,3 м. В заполнении зафиксированы завалившиеся к центру могилы остатки деревянных плах перекрытия. В западном секторе погребения, на подстилке (коричневый органический тлен) был обнаружен скелет взрослого человека (рис. 3, 5). В заполнении погребения (на перекрытии) были выявлены два лепных сосуда, бронзовая обкладка, вероятно, от деревянного сосуда, а на дне могильной ямы, располагался бронзовый нож.

Сосуд 1. Лепной слабо профилированный сосуд подколоколовидной формы (рис. 7, 11), с едва намеченной шейкой, выявлен в заполнении могильной ямы. Поверхности серого цвета со следами нерегулярных заглаженных расчесов.

Сосуд 2. Закрытая банка с выделенными рантиками в устьевой и придонной частях (рис. 7, 12). На тулове сосуда следы заглаженных расчесов. По всему сосуду был нанесен прочерченный орнамент в виде меандров.

3. Бронзовая оковка от деревянного сосуда имела следующие размеры: ширина 1,2 см, высота 1,4 см. В нижней части сохранившегося фрагмента располагался бронзовый шип (гвоздь) (рис. 7, 14).

4. Бронзовый обоюдоострый нож с намечающимся перекрестием и перехватом, закругленной раскованной пяткой черешка (рис. 7, 13), был выявлен на дне могильной ямы, на пятне древесного тлена. Размеры изделия: длина – 19,4 см, ширина лезвия – 3,4 см, сечение лезвия 0,5 см, ширина рукояти – 1,6 см, сечение рукояти – 0,3 см.

Курган 4 располагался в центральной части могильника (рис. 1). Высота кургана 0,17 м, диаметр насыпи – 16 м. В кургане была выявлена одна насыпь и яма (размерами 1,65 x 1,3 x 0,68 м) без сохранившихся признаков погребения или других артефактов.

Курган 5 (рис. 1). Насыпь в плане округлой формы. Диаметр кургана 18 м, высота – 0,3 м. В кургане выявлена одна насыпь мощностью до 0,3 м, и одно погребение.

Погребение 1 находилось в центральной части кургана. На дне могильной ямы был обнаружен скелет ребенка (череп и фрагменты таза) очень плохой сохранности (рис. 4, 1). Перед лицевыми костями черепа, располагался лепной керамический сосуд (рис. 8, 1) подколоколовидной формы со стянутым верхом и короткой выделенной шейкой. Отмечены следы заглаженных расчесов.

Курган 6 располагался в центре курганного могильника (рис. 1). Курган имел 18 м в диаметре, высота кургана 0,30 м. Насыпь кургана почти полностью уничтожена распашкой. Ее остатки перекрывали материковый выкид погребения 1. Протяженность выкида в восточном фасе бровки – 4,5 м, мощность – 0,15 м. В кургане выявлено два погребения и одно кострище.

Погребение 1 – основное для кургана, выявлено в его центральной части. Погребение сильно разрушено, кости скелета взрослого человека (выявлены фрагменты черепа, костей конечностей, таза) располагались компактно (рис. 4, 4). Первоначальное положение погребенного неопределимо.

Погребение 2 располагалось в ЮВ секторе кургана. На дне могильной ямы, на подстилке (коричневый тлен) выявлен скелет взрослого человека (рис. 4, 5).

Инвентарь: Лепной сосуд подколоколовидной формы (рис. 8, 2) с короткой отогнутой шейкой. Внутренняя и внешняя поверхности коричневого цвета, со следами нагара, и расчесами, нанесенными гребенчатым штампом.

Под основанием черепа была выявлена бронзовая желобчатая подвеска (рис. 8, 3), имевшая следующие размеры: 2,5 x 1,4 см, сечение изделия – 0,17 см.

Кострище 1 располагалось севернее П. 1, фиксировалось в восточном фасе центральной бровки и прорезало выкид П. 1. Размеры ямы: 0,93 x 0,89 см, глубина в материке – 0,13 м. На дне ямы выявлены древесные угли и проквал. Культурные остатки в кострище, не выявлены и датировать данный объект не представляется возможным.

Курган 7 располагался в ЮЗ части могильника (рис. 1). Диаметр кургана по центральной бровке 16 м, высота кургана – 0,10 м. В кургане зафиксировано наличие одной насыпи (мощностью до 0,12 м) и выявлено 2 погребения.

Погребение 1 располагалось в центральной части кургана. В ЮВ углу погребальной ямы обнаружен следующий инвентарь (рис. 4, 2):

1. Лепной керамический баночный сосуд 1 (рис. 8, 4). Отмечены заглаженные расчесы, тесто плотное, черепок в изломе черный. По устью сосуда нанесен орнамент, в виде регулярных косых вдавлений, выполненных трехзубчатым штампом. Ниже, на шейке сосуда, расположен орнамент из зигзага, выполненный оттиском гребенчатого штампа и парные вдавления отступающей лопаточкой.

2. Миниатюрный, небрежно сформованный лепной баночный сосуд 2, закрытого типа (рис. 8, 5). Внешняя поверхность – коричневого цвета, грубо заглаженная, черепок рыхлый, в изломе черный.

Погребение 2 выявлено в центральной бровке. В погребении обнаружены два лепных сосуда, располагавшихся компактно, в восточной части могильной ямы (рис. 4, 3).

1. Лепной керамический слабопрофилированный сосуд 1 с выделенным поддоном (рис. 8, 6). Поверхность коричневого цвета, со следами расчесов нанесенных гребенчатым штампом. Керамическое тесто плотное, черепок в изломе черный. В верхней части сосуд орнаментирован косыми нерегулярными оттисками личинковидного штампа.

2. Миниатюрный лепной керамический сосуд 2 – открытая банка (рис. 8, 7). Внешняя поверхность сосуда коричневого цвета, грубо заглажена.

Останки погребенных в кургане 7 не обнаружены.

Курган 8 находился в ЮЗ части могильника, в 15 м к В от кургана 7 (рис. 1). Курган имел 16 м в диаметре, высоту – 0,15 м. В кургане выявлена одна насыпь (мощность 0,22 м), одно погребение и скопление костей.

Погребение 1 располагалось в центре кургана. Погребение разрушено норами животных. Сохранившиеся непотревоженными кости ног свидетель-

ствуют, что погребенный располагался скорченно на левом боку, головой на СВ (рис. 4, 6). В погребении обнаружен лепной керамический подкололовидный сосуд (рис. 8, 8), с выделенным поддоном и слабо отогнутым устьем. Поверхности его серо-коричневые с черными пятнами имеют следы расчесов. Тесто плотное, черепок в изломе черный.

Скопление костей животного 1 было выявлено у ЮЗ угла погребения 1. Кости черепа КРС располагались компактно в округлой в плане яме, размерами 0,42 x 0,45 м, слегка заглубленной в материк. Данный объект, вероятно, синхронен погребению 1.

Курган 9 располагался в юго-западной части могильника в 15 м к востоку от кургана 8 (рис. 1). В кургане зафиксировано наличие одной насыпи и выявлено одно погребение, располагавшееся в южной поле насыпи.

Погребение 1. Погребенный располагался в центре могильной ямы среднескорчено, на левом боку, черепом на СВ (рис. 5, 4).

1. Лепной сосуд 1 располагался перед лицевыми костями погребенного. Округлобокий сосуд со стянутым верхом и высоким туловом (рис. 8, 9). По устью сосуда нанесены косые оттиски зубчатого штампа. Верхняя часть сосуда орнаментирована зигзагом из строенных оттисков гребенчатого штампа, образующих вместе с нанесенными поверх них горизонтальными оттисками аналогичного штампа, треугольники вершинами обращенные вниз.

2. Лепной сосуд 2 располагался рядом с первым. Слабопрофилированный сосуд с короткой слабовыраженной шейкой (рис. 8, 10). Внутренняя и внешняя поверхности коричневого цвета с черными пятнами, обработанные расчесами. Сосуд орнаментирован, в верхней своей части, сдвоенными оттисками гребенчатого штампа, образующими зигзаг.

Курган 10 располагался в восточной части курганного могильника (рис. 3). Курган округлой в плане формы, 12 м в диаметре, высотой 0,11 м. Насыпь кургана мощностью до 0,35 м перекрывала выкид погребения 4. В кургане было выявлено 4 погребения и одно скопление костей животных.

Погребение 1 зафиксировано в центре кургана. Могильная яма не прослежена. Определить положение погребенного не представляется возможным. На глубине 0,40 м от 0г выявлен череп подростка, отдельные разрозненные кости и сопровождающий его инвентарь.

1. Сосуд горшковидной формы с невысокой шейкой и отогнутым венчиком. Тулово сосуда округлое. Обжиг коричневого цвета, с черными пятнами (рис. 8, 11). На шейке сосуда два сквозных, расположенных напротив друг друга отверстия диаметром 0,8 см.

2. В 0,3 м к югу от сосуда обнаружено бронзовое зеркало. Зеркало круглой формы из ковального листа (рис. 8, 14). Диаметр зеркала 10,5 x 11,2 см, толщина листа 1 мм.

3. В заполнении погребения выявлен обломок раковины гриффей. Размеры фрагмента – 4,5 x 3,0 см (рис. 8, 13).

4. Кроме того в заполнении погребения встречен каменный предмет (терочник?). Предмет овальной формы со следами сработанности в верхней части и со следами сколов в нижней (рис. 8, 12). Диаметр предмета 15,4 x 9 см, толщина 3–3,6 см.

Обнаруженный в погребении инвентарь позволяет датировать его савроматским временем, около V века до н. э.

Погребение 2 было впущено в ЮЗ секторе кургана за границами сохранившейся насыпи. Скелет погребенного сохранился очень плохо. Череп погребенного ребенка располагался в ССЗ части ямы (рис. 5, 1). Помимо этого сохранился фрагмент правой бедренной кости перекрывавшей правое крыло таза. Сохранившиеся части скелета позволяют предположить, что погребенный был расположен в сильно скорченном положении на левом боку. В погребении обнаружен погребальный инвентарь:

1. Лепной керамический баночный сосуд 1 закрытого типа (рис. 9, 1). Располагался у лицевых костей черепа. Внутренняя и внешняя поверхности коричневого цвета с черными пятнами от неравномерного кострового обжига были покрыты нерегулярными расчесами. Черепок плотный, в изломе черный.

2. Миниатюрный баночный сосуд 2 (рис. 9, 2) был выявлен в районе таза погребенного. Внутренняя и внешняя поверхности коричневые, покрыты нерегулярными расчесами. Черепок рыхлый, в изломе черный.

Погребение 3. было впущено в ЮЗ секторе кургана за границами сохранившейся насыпи. От скелета погребенного сохранился только фрагмент черепа, к северу от центра могильной ямы (рис. 5, 2). В погребении обнаружены 2 сосуда и 7 астрагалов МРС.

1. Лепной керамический баночный профилированный сосуд 1 с выделенным рантиком по устью (рис. 9, 3). Располагался в СВ части погребения у черепа. Поверхности коричневого цвета с черными пятнами были покрыты нерегулярными расчесами. По срезу устья нанесен орнамент из оттисков трехзубчатого штампа. По шейке сосуда нанесен орнамент из косых крестов, выполненных оттисками гребенчатого штампа. Черепок плотный, в изломе черный.

2. Миниатюрный баночный сосуд 2 (рис. 9, 4) был выявлен рядом с сосудом 1. Внешняя поверхность коричневая, покрыта нерегулярными расчесами. Черепок рыхлый, в изломе черный.

Погребение 4. Основное для кургана 10, выявлено в его центре. Выкид из погребения 4 располагался полукольцом севернее погребения. Размеры выкида: ширина – 2,1 м, толщина – до 0,22 м, диаметр – 6,4 м. Могильная яма сильно изрезана норами земляной животных. В заполнении погребения и на его дне выявлены горизонтально расположенные деревянные плахи перекрытия. На северной стенке ямы выявлены отчетливые следы долотовидного землекопного орудия. На дне погребения был выявлен тлен светло-коричневого цвета от подстилки с посыпкой охрой, разрозненные, компактно залегающие кости черепа и туловища погребенного (рис. 5, 3), кости ног и таза залегавшие в анатомическом порядке.

В северо-восточной части погребения, у черепа был выявлен бронзовый нож в деревянном, частично сохранившемся чехле. Нож имеет листовидное перо, выраженный перехват, намеченное перекрестие и короткий черешок со скругленной пяткой (рис. 9, 5). По перехвату – следы обвязки. Размеры ножа: длина – 9,1 см, длина пера – 5,3 см, ширина лезвия – 2,6 см, толщина лезвия – 0,3 см, ширина перекрестия – 1,4 см, толщина – 0,15 см.

Скопление костей животного № 1, было обнаружено в центре кургана в 0,2 м к ЮВ от края могильной ямы погребения 4. На погребенной поверхности

сти кургана горизонтально располагались кости черепа и несколько крупных трубчатых костей КРС.

Основным погребением, над которым была возведена единственная насыпь кургана, является погребение 4, относящееся к срубной культуре. Скопление костей 1 являлось, вероятно, жертвенником погребения 4. Затем в юго-западную полу были впушены 2 детских погребения срубной культуры. Сколь велик был временной разрыв между ними и сооружением основного погребения сказать трудно. Тысячу лет спустя, в центр кургана было впушено савроматское погребение 1, датирующееся V в. до н. э.

Курган 11 располагался в восточной части курганного могильника (рис. 1). Насыпь кургана имела округлую в плане форму. Высота кургана 0,05 м, диаметр насыпи – 12 м. В кургане вскрыта одна насыпь, мощностью до 0,25 м, и четыре погребения.

Погребение 1. Впускное. Было совершено в ЮЗ секторе кургана. От скелета погребенного, лежавшего скорченно на левом боку с завалом на спину, сохранились фрагмент нижней челюсти, обломки ребер, кости нижнего отдела позвоночника, таза, левая плечевая кость, неполностью – кости ног (рис. 5, 5). В северной части погребения, у нижней челюсти располагался керамический сосуд. Перед костями грудной клетки на дне погребения располагалась бронзовая подвеска. Западнее погребенного, в районе поясничного отдела скелета выявлены 5 астрагалов КРС.

1. Лепной керамический слабопрофилированный сосуд, с выделенной короткой шейкой (рис. 9, 7). Внешняя и внутренняя поверхности коричневого цвета с черными пятнами, обработан гребенчатыми расчесами. По срезу устья нанесен орнамент из вертикальных оттисков. Черепок плотный, в изломе черный.

2. Бронзовая желобчатая, в сечении, подвеска в 1,5 оборота имела размеры 1,7 x 1,1 см, сечение подвески 0,17 см (рис. 9, 6).

Погребение 2. Впускное, в ЮВ секторе кургана. От скелета ребенка сохранился лишь череп погребенного – у восточной стенки могилы (рис. 5, 6). У южной стенки погребения обнаружен развал лепного керамического баночного(?) сосуда (рис. 9, 8). Внешняя поверхность коричневого цвета. Черепок рыхлый, в изломе черный.

Погребение 3. Впускное, в юго-восточном секторе. На дне могильной ямы выявлен костяк ребенка плохой сохранности (рис. 5, 8). У бедренных костей скелета располагался лепной керамический баночный сосуд открытого типа (рис. 9, 9). Внешняя и внутренняя поверхности коричневого цвета. Черепок плотный, в изломе черный.

Погребение 4. Было совершено в центре кургана, и фиксировалось в восточном фасе центральной стратиграфической бровки. Скелет ребенка сохранился частично, раздавленный череп погребенного располагался в СВ углу могилы (рис. 5, 7). Южнее погребенного, у подвздошной области, располагались два лепных сосуда:

1. Миниатюрный лепной баночный сосуд 1 закрытого типа, со слабо выделенным поддоном. Внешняя поверхность коричневого цвета, обработана грубыми нерегулярными расчесами. Черепок рыхлый, в изломе черный.

2. Лепной баночный сосуд 2 закрытого типа. Внешняя поверхность коричневого цвета, заглажена. Черепок рыхлый, в изломе черный.

Курган 12 располагался в восточной части курганного могильника (рис. 1). Курган имел округлую в плане форму, 12 м в диаметре, 0,14 м высоты. В кургане была обнаружена одна насыпь (мощностью в разрезе до 0,15 м), погребение, 2 развала лепных керамических сосудов и скопление костей животных, являющиеся, вероятно, единым комплексом.

Погребение 1 было выявлено в центре кургана. Стенки могильной ямы были, вероятно, вертикальными, однако несколько ошпыли. На дне погребения, были выявлены разрозненные, залегающие на коричневом органическом тлене кости черепа, позвонки поясничного отдела, отдельно – кости ног и таза (рис. 6, 1). В северо-восточной части погребения, в заполнении, выявлено скопление фрагментов лепной керамики от двух сосудов, помимо этого, на коричневом тлене подстилки, обнаружена подвеска.

1. Слабопрофилированный подколоколовидный сосуд 1 с короткой отогнутой шейкой и выделенным рантиком в устьевой части (рис. 9, 10). Внешняя поверхность коричневого цвета, сильно выщерблена. Черепок плотный, в изломе черный.
2. Приземистый лепной острореберный сосуд 2 (рис. 9, 11). Внешняя и внутренняя поверхности коричневого цвета с темно-серыми пятнами, сильно выщербленные. Нижняя часть сосуда покрыта грубыми расчесами. По шейке и ребру сосуда прочерчены две горизонтальные, глубокие линии – желобки. Между ними, на плечике сосуда нанесены косые вдавления, выполненные крупным гребенчатым штампом.
3. Сурьмяная петельчатая орнаментированная треугольная подвеска (рис. 9, 12). Лицевая сторона орнаментирована двумя рядами вертикального, вершиной вверх, елочного орнамента. Размеры изделия: длина – 1,8 см, ширина основания – 1,4 см, толщина – основания 0,14 см, толщина в районе петельки – 0,35 см.

Скопление костей животных 1, располагалось в ЮВ поле кургана, несколько ниже уровня погребенной поверхности. Скопление костей конечностей КРС располагалось компактной группой. Данный объект, вероятно, являлся жертвенником погребения 1.

Развал лепного сосуда 1, обнаружен в ЮЗ поле кургана, несколько ниже уровня погребенной поверхности. Развал лепного баночного сосуда (рис. 9, 13). Внешняя поверхность серого цвета с небрежными расчесами. Черепок рыхлый, в изломе черный.

Развал лепных сосудов 2, компактно расположенных, вертикально поставленных, располагался в ЮЗ поле кургана, несколько ниже уровня погребенной поверхности:

1. Фрагментированный баночный сосуд 1 закрытого типа (рис. 9, 14). Внешняя поверхность коричневого цвета со следами расчесов. Черепок в изломе черный.

2. Миниатюрный баночный сосуд 2 открытого типа (рис. 9, 15). Внешняя и внутренняя поверхности коричневого цвета, грубо заглажены. Черепок в изломе черный.

Курган 13 являлся самым восточным в группе. Насыпь кургана была приурочена к северной поле валообразного всхолмления и, по-видимому,

замыкала курганный могильник с востока (рис. 1), имела округлую в плане форму, 20 м в диаметре, высотой – 0,2 м. В центральной части, на погребенной почве, была выявлена ритуальная площадка округлой формы размерами 8,2 x 7,4 м, со следами сильного воздействия огня в виде прокаленного грунта (спекшаяся супесь кирпичного цвета), не содержащая золы или углей. Мощность слоя прокала до 0,2 м. Определить время возникновения ритуальной(?) площадки не представляется возможным. Традиция аналогичных ритуальных площадок известна на территории Нижнего Поволжья с эпохи бронзы до гуннского времени.

Курган 14 располагался в восточной части могильника (рис. 1). Насыпь кургана полностью уничтожена распашкой. Курган, округлой в плане формы, его высота – 0,05 м, диаметр – 12 м. В кургане выявлено три погребения.

Погребение 1, было совершено в западной поле кургана. На дне был обнаружен скелет ребенка плохой сохранности (рис. 6, 2). Восточнее погребенного найден лепной профилированный подколоколовидный сосуд с выраженным рантиком в придонной части (рис. 10, 1). Поверхности коричневого цвета, с темно-серыми пятнами кострового обжига, обработанные глубокими расчесами. Черепок плотный, в изломе черный.

Погребение 2, было совершено в восточной поле кургана. На дне обнаружены разрозненные части скелета ребенка – череп, кости ног, вытянутые по линии 3-В, кости рук, фрагментированные кости таза (рис. 6, 4). Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение 3 было совершено в восточной поле кургана. Скелет в погребении отсутствовал (рис. 6, 3). В СЗ части могильной ямы располагался завалившийся набор лепной подострорезерберный сосуд с отогнутым наружу венчиком (рис. 10, 2). Внешняя поверхность коричневого цвета, с темно-серыми пятнами кострового обжига, обработана нерегулярными расчесами. Черепок плотный, в изломе черный. По шейке сосуд был орнаментирован горизонтальным зигзагом, выполненным гребенчатым штампом. Ниже, по ребру, были нанесены косые вдавления трубочкой.

Курган 15 располагался в центральной части могильника (рис. 1). Он имел округлую в плане форму. Высота кургана 0,07 м, диаметр – 12 м. Насыпь кургана полностью уничтожена распашкой. В кургане обнаружена яма округлой формы сильно разбитая норами. Размеры ямы – 1,68 x 1,74 м, глубина в материке – 0,28 м. Заполнение – серая гумусированная супесь. На дне ямы и в ее заполнении культурные остатки не обнаружены. Определить время сооружения кургана(?) не представляется возможным.

Курган 16 располагался в ЮЗ части могильника (рис. 1). Диаметр кургана – 12 м, высота – 0,1 м. Мощность насыпи в бровке – 0,25 м. При зачистке материка в ЮЗ секторе кургана были обнаружены:

1. Фрагмент венчика лепного профилированного сосуда (рис. 10, 3). Поверхность черепка светло-коричневого цвета, черепок плотный, в изломе коричневатый. Сосуд орнаментирован вертикальным елочным орнаментом.

2. Кремневый пластинчатый отщеп (рис. 10, 4).

В кургане выявлено три погребения.

Погребение 1, было совершено в центре кургана. В заполнении могильной ямы встречались мелкофрагментированные кости взрослого человека, крайне плохой сохранности.

Погребение 2, было совершено в центре кургана и фиксировалось в южном стратиграфическом фазе бровки З-В. Скелет ребенка располагался, скорчено на левом боку, черепом на ЮВ (рис. 6, 5). Инвентарь в погребении выявлен не был.

Погребение 3, было совершено в СВ секторе кургана. Скелет взрослого человека располагался на дне могильной ямы слабоскорчено с завалом на спину (рис. 6, 6).

У коленного сустава правой ноги располагался лепной сосуд подколоколовидной формы с выделенной прямой короткой шейкой (рис. 10, 5). Внешняя поверхность коричневого цвета с темно-серыми пятнами, обработана глубокими расчесами. Черепок плотный. Сосуд орнаментирован по срезу венчика слабыми вдавлениями трубочкой.

Основным погребением, над которым была возведена единственная насыпь кургана, является, вероятно, погребение 3.

Курган 17 располагался в центральной части могильника (рис. 1). Насыпь кургана имела округлую в плане форму. Диаметр кургана - 12 м, высота - 0,05 м. В кургане выявлена одна насыпь, мощностью до 0,15 м, и 5 погребений.

Погребение 1 было совершено в СВ секторе кургана и, вероятно является основным. Погребение было разрушено в древности. Все находки зафиксированы в переотложенном состоянии, выше дна могильной ямы. От скелета взрослого человека сохранилось несколько разрозненных фрагментов черепа, бедренная кость и несколько неопределимых фрагментов (рис. 6, 7). В заполнении погребения обнаружены фрагменты лепного профилированного сосуда, с отогнутым наружу венчиком (рис. 10, 6). Внешняя поверхность коричневого цвета, с темно-серыми пятнами, обработана грубыми косыми расчесами. Черепок плотный, в изломе черный. По устью сосуд был орнаментирован косыми личинковидными вдавлениями.

Погребение 2 было впущено в СВ секторе кургана. Скелет ребенка, выявленный на дне могильной ямы, сохранился частично - раздавленный череп погребенного располагался в северной части могилы, теменной частью на север, лицевыми костями к востоку. В центральной части могилы, выявлено правое крыло таза и верхняя часть бедренной кости залегавшие в анатомическом порядке (рис. 6, 8). В головах погребенного располагался лепной керамический подколоколовидный сосуд (рис. 10, 7). Внешняя и внутренняя поверхности серо-коричневого цвета с темными пятнами от кострового обжига, обработаны расчесами. Черепок плотный, в изломе черный.

В юго-западном секторе кургана были выявлены две неглубокие подовальные, не содержавшие инвентаря или остатков погребенных, ямы. В ходе работ они получили условные обозначения - погребение 3 и погребение 4. Размеры их: 0,90 x 1,0 м и 0,95 x 1,38 м, соответственно. Для определения времени сооружения ям данных недостаточно.

Погребение 5, было впущено в СЗ секторе кургана. Скелет ребенка, выявленный на дне могильной ямы сохранился частично - фрагментированный череп погребенного располагался в северной части могилы, часть бедренной кости была вытянута по линии З-В (рис. 6, 9). Южнее черепа погребенного, в центре погребения, располагались два сосуда.

1. Профилированный лепной сосуд 1 (рис. 10, 8). Внешняя и внутренняя поверхности светло-коричневого цвета. Черепок рыхлый, в изломе черный. Сосуд орнаментирован в верхней части косыми крестами, выполненными вдавлениями гребенчатого штампа. По тулову проведена горизонтальная линия, выполненная вдавлениями аналогичного штампа, композиция орнамента в нижней части сосуда, выполненная вдавлениями гребенчатого штампа, из-за его сохранности, не очевидна.

2. Миниатюрный лепной баночный сосуд 2 закрытого типа (рис. 10, 9). Внешняя и внутренняя поверхности светло-коричневого цвета, заглаженные.

Заключение

Т. о., в курганном могильнике «Южный» в 2003 году были исследованы 16 номинальных курганов. Курган 13 со следами прокала на погребенной почве, возможно, являлся ритуальной площадкой неустановленного времени. Курганы 4, 15 содержали пустые ямы. Остальные курганы могильника были сооружены в эпоху поздней бронзы. Исследованные под их насыпями погребения, за исключением впускных погребений времени РЖВ (курган 1, погр. 1 и вероятно 2, курган 10, погр. 1), в целом укладываются в рамки срубной культуры. Все погребения, относящиеся к эпохе поздней бронзы совершены в простых грунтовых ямах, обряд трупоположения во всех случаях, где это можно было проследить, скорченно на левом боку. Степень скорченности преимущественно средняя. Ориентировки варьируют в значительных пределах от СЗ до В и даже ВЮВ.

В пяти случаях насыпями были перекрыты одиночные индивидуальные погребения (курганы 2, 5, 8, 9, 12). В курганах 2 и 12 погребения содержали скелеты взрослых людей, в кургане 5 – ребенка, и в курганах 8 и 9 – подростков. В курганах 1 и 10 выявлены центральные социальные выделенные взрослые погребения в крупных ямах с подстилками и остатками деревянных перекрытий. Сопутствующие детские погребения впущены в этих курганах в полах, на значительном удалении от центра. В курганах 6 и 7 содержалось по два погребения в центральной части курганов, в первом случае погребенные взрослые, во втором – дети. В курганах 11, 14 и 16 погребения располагались по кругу (к. 11) или по дуге, без выраженного центрального погребения. В кургане 17 три погребения располагались в линию (З-В), несколько севернее центра кургана.

Обнаруженный в погребениях срубной культуры инвентарь позволяет несколько уточнить относительную хронологию могильника. Ряд сосудов (рис. 7, 8, 11; 8, 1, 2, 8; 9, 10; 10, 1, 5, 7) обнаруживают заметную подкололо-видность формы, что сближает их с сосудами ранней поры эпохи поздней бронзы. Отчасти ранним может считаться и прием обработки поверхности сосудов расчесами. Характерными для погребений раннего периода считаются бронзовые оковки деревянных сосудов и сурьмяные петельчатые подвески. Интересную и возможно раннюю форму имеет бронзовый нож из погребения 4 кургана 10. Как представляется авторам, хронологическое положение позднебронзовых погребений могильника «Южный» будет, видимо, несколько более поздним, чем ранний пласт Покровских курганов или такие раннесрубные могильники как Кочетное и Золотая Гора, и синхронным ранней группе погребений Смеловского грунтового могильника.

Таблица 1. Курганный могильник «Южный». Элементы погребального обряда

№ кургана и погр.	в материке		формы ямы			размеры ямы			ориентировка ямы	перекрытие	положение скелета		ориентировка скелета	взрослое	детское	подстилка	инвентарь		кости животных	примечания
	прямоугольная	другая	длина	ширина	глубина в метри- ке	скорчен левый бок	вылянуто на спине	посуда			другое									
1-1											+	Ю	+				1			РЖВ
1-2											+	З	+							РЖВ(?)
1-3	+	+		0,97	0,57	0,97	ЮЗ-СВ		+			СВ		+			2			ПОЗД. БР.
1-4	+	+		1,2	0,8	0,61	ЮЗ-СВ		+			СВ		+			2			ПОЗД. БР.
1-5	+	+		0,94	0,75	0,86	ЮЗ-СВ		+			СВ		+			2			ПОЗД. БР.
1-6	+	+		2,36	2,04	1,76	ЮЗ-СВ		+	+		СВ	+				2	нож	+	ПОЗД. БР.
2-1	+	+		3,34	2,4	1,08	З-В		+	+		С	+		+	2	нож, обкл.			ПОЗД. БР.
5-1	+	+		1,11	0,68	0,23	З-В		?			В?		+			1			ПОЗД. БР.
6-1	+	+		2,0	1,65	0,54	С-Ю						+							ПОЗД. БР.
6-2	+	+		1,82	1,28	0,4	ЮЗ-СВ		+			СВ	+		+	1	подвес- ка			ПОЗД. БР.
7-1	+	+		0,57	0,43	0,12	С-Ю										2			ПОЗД. БР.
7-2	+	+		0,97	0,7	0,24	С-Ю										2			ПОЗД. БР.
8-1	+	+		1,63	1,12	0,64	ЮЗ-СВ		+			СВ	+				1			ПОЗД. БР.
9-1	+	+		1,56	1,16	0,38	ЮЗ-СВ		+			СВ	+							ПОЗД. БР.
10-1											?			+			1	зеркало		РЖВ
10-2	+	+		0,76	0,56	0,5	СЗ-ЮВ		+			СЗ		+			2			ПОЗД. БР.
10-3	+	+		0,79	0,48	0,31	С-Ю		?			С?		+			2		+	ПОЗД. БР.
10-4	+	+		2,18	1,64	1,31	С-Ю		+	+		С	+		+			нож		ПОЗД. БР.
11-1	+	+		1,34	1,12	0,73	ЮЗ-СВ		+			СВ		+			1	подвес- ка	+	ПОЗД. БР.
11-2	+	+		0,95	0,51	0,37	ЮЗ-СВ		?			СВ		+			1			ПОЗД. БР.
11-3	+	+		1,21	0,78	0,47	С-Ю		+			С		+			1			ПОЗД. БР.
11-4	+	+		0,81	0,55	0,13	СЗ-ЮВ		+			ЮВ		+			2			ПОЗД. БР.
12-1	+	+		1,87	1,7	0,86	ЮЗ-СВ						+		+	2	подвес- ка			ПОЗД. БР.
14-1	+	+		0,86	0,46	0,34	С-Ю		+			С		+			1			ПОЗД. БР.
14-2	+		ова л	1,0	0,9	0,47								+						ПОЗД. БР?
14-3	+	+		0,63	0,53	0,14	ЮЗ-СВ										1			ПОЗД. БР.
16-1	+	+		1,4	0,74	0,32	СЗ-ЮВ						+							ПОЗД. БР(?)
16-2	+		ова л	1,2	0,68	0,12	СЗ-ЮВ		+			ЮВ		+						ПОЗД. БР.
16-3	+	+		1,91	0,85	0,15	ЮВ-СЗ		+			СЗ	+				1			ПОЗД. БР.
17-1	+	+		1,68	1,07	0,42	С-Ю						+				1			ПОЗД. БР.
17-2	+	+		1,44	1,0	0,41	С-Ю		+			С		+			1			ПОЗД. БР.
17-5	+	+		0,94	0,7	0,48	С-Ю		+			С		+			2			ПОЗД. БР.

Таблица 2. Курганный могильник «Южный». Керамика

№ кург., № компл.	№ сосуда	Д устья, см	Д тулова, см	Д дна, см	Н общая, см	толщина стенок, см	примеси	внешнее оформление	краткая характеристика формы
1-1		18				0,6			баночный?
1-п. 1	1	12,6	14	8	17,4	0,5-0,7			округлобкий
1-п. 3	1	16,8	16,8	9,5	10,5	0,4-0,6		орнамент	подострореберный
	2	10	10,8	8,4	9,3	0,4-0,6		орнамент	баночный
1-п. 4	1	16	17,7	9,5	10,1	0,4-0,6		орнамент	подострореберный
	2	8	8,4	6,3	5,8	0,4-0,5	древса		баночный
1-п. 5	1	15	16	9	12,5	0,5-0,6		орнамент	баночный
	2	11	11	7,8	7,8	0,4-0,6		орнамент	баночный
1-п. 6	1	24,4	26,6	13,4	18,6	0,4-0,6		орнамент	слабопрофилирован
	2	15	16,5	10,4	11,1	0,5-0,6		орнамент	подострореберный
2-п. 1	1	16	17,7	9,5	10,1	0,5-0,6		расчесы	слабопрофилирован
	2	8	9	6,3	5,8	0,4-0,7		орнамент	баночный
5-п. 1	1	16,8	17,5	9,5	14	0,5-0,7		расчесы	слабопрофилирован
6-п. 2	1	17,5	17,8	9,6	17,3	0,4-0,6		расчесы	слабопрофилирован
7-п. 1	1	14,2	14,8	8,8	10,7	0,6-0,7	шамот	орнамент	баночный/слабопр
	2	9		7,2	4,5	0,5-0,7	шамот		баночный
7-п. 2	1	13,5	14,8	8,6	13	0,5-0,6	шамот	орнамент	слабопрофилирован
	2	8,4	8,4	5,2	6,7	0,4-0,7			баночный
8-п. 1	1	17,8	18	10	18	0,5-0,6	шамот	расчесы	слабопрофилирован
9-п. 1	1	13,8	14,5	7,2	10,5	0,4-0,7		орнамент	округлобкий
	2	14,8	16,2	9,4	13,5	0,5-0,7		орнамент	слабопрофилирован
10-п. 1	1	11,2	16,5	10,8	20,3	0,5-0,8			округлобкий
10-п. 2	1	14	15,8	9,4	11,6	0,5-0,6	шамот		баночный
	2	8,5	9	8	6,2	0,4-0,5	песок		баночный
10-п. 3	1	12	13,1	8,8	12	0,5-0,6	шамот	орнамент	подострореберный
	2	8,9		7,4	5,6	0,5-0,6	песок		баночный
11-п. 1	1	16	18,4	10,5	16,1	0,4-0,7	шамот	орнамент	слабопрофилирован
11-п. 2	1			8,6	6,6	0,5-0,7	шамот		баночный?
11-п. 3	1	10,4		7,4	6,2	0,5-0,6	шамот		баночный
11-п. 4	1	7,8		6	7	0,4-0,7			баночный
	2	11,4		7,5	9,7	0,5-0,6	шамот		баночный
12-п. 1	1	16	16,5	7,8	15,7	0,5-0,7			слабопрофилирован/ подколоколовидн
	2	22	23,4	9	16	0,5-0,7		орнамент	острореберный
12-1			12,3	9	10,2	0,5-0,7		расчесы	баночный
12-2	1	12,5	15,1	8	12,2	0,5-0,7			баночный
	2	10		7,2	5,7	0,6-0,7			баночный
14-п. 1	1	14,4	14,3	8,4	12,1	0,4-0,6	шамот	расчесы	подколоколовидн
14-п. 3	1	13,5	14,3	7,2	11,2	0,4-0,6	шамот	орнамент	подострореберный
16-1		15,8	16,7		8,3	0,6-0,7	шамот	орнамент	профилиров(?)
16-п. 3	1	14,2	14,6	7,8	14,8	0,5-0,7		орнамент	подколоколовидн
17-п. 1	1	13,8	14	7,6	12,8	0,5-0,6	шамот	орнамент	подколоколовидн
17-п. 2	1	23,5	23,2	13	22,2	0,5-0,7	шамот	расчесы	подколоколовидн
17-п. 5	1	14	15,3	9,2	13,5	0,6-0,8	шамот	орнамент	подколоколовидн?
	2	7,8	10,1	8,8	6	0,5-0,7			баночный

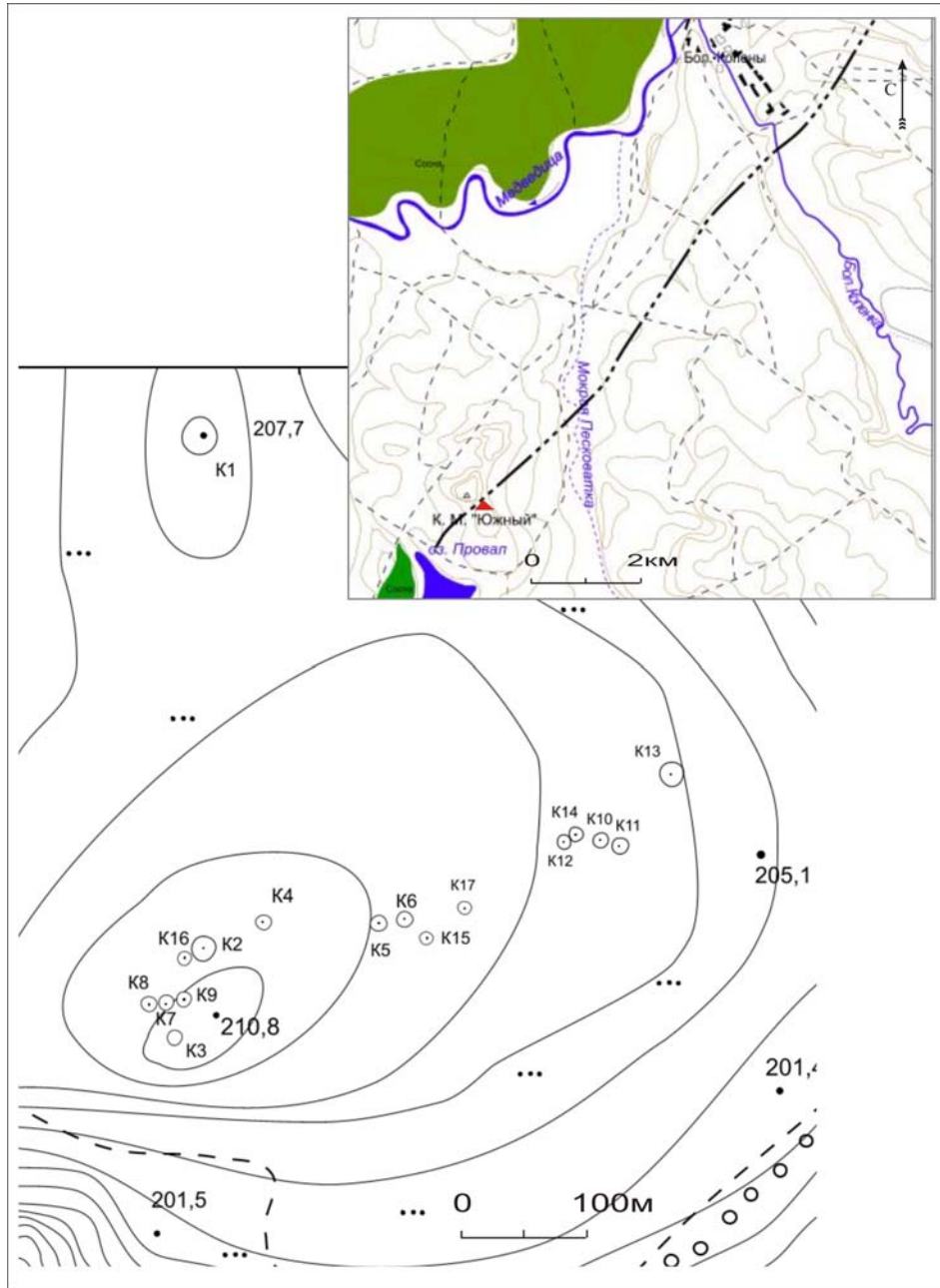

Рис. 1. Курганный могильник «Южный». Местоположение и план.

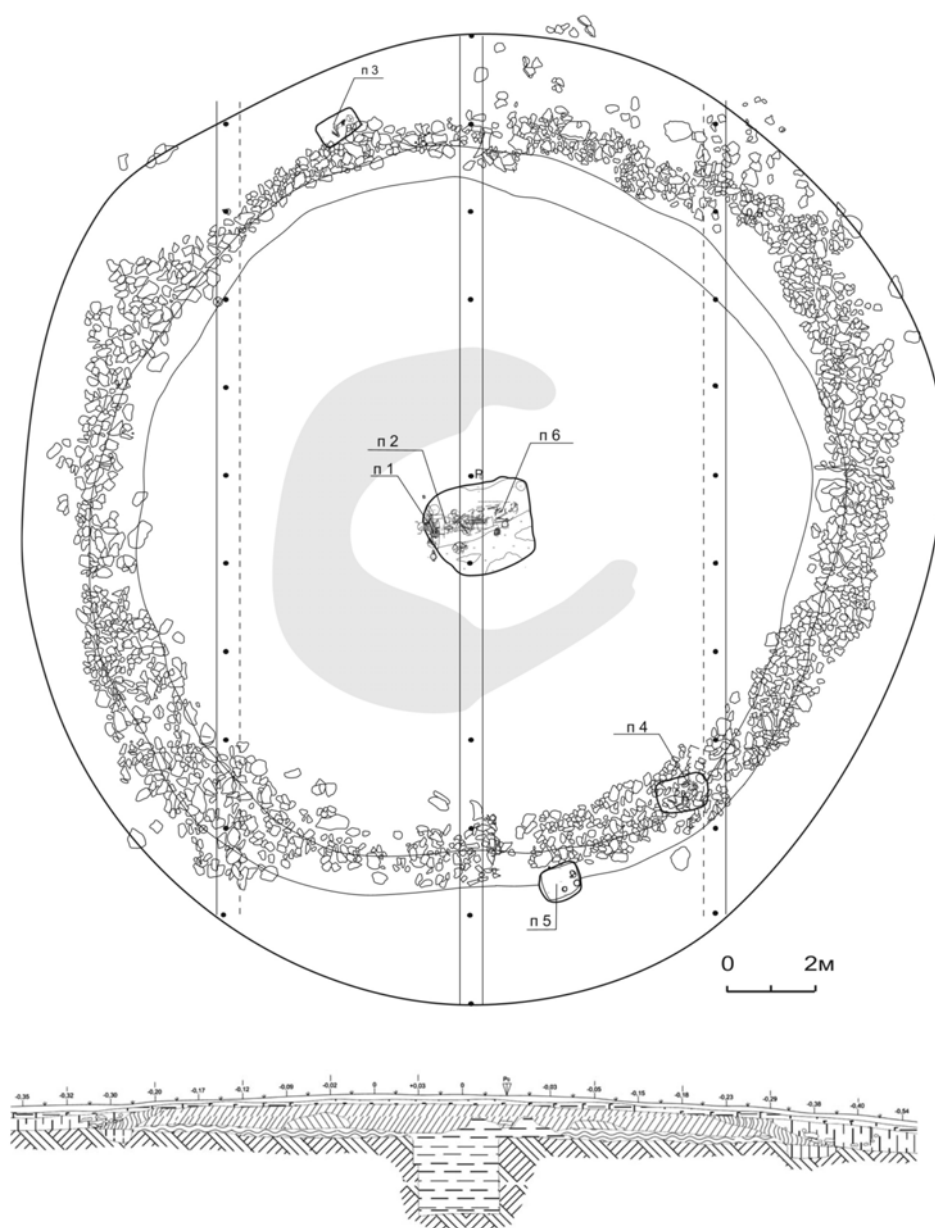

Рис. 2. Курганный могильник «Южный». Курган 1. Общий план и профиль (восточный фас центральной бровки).

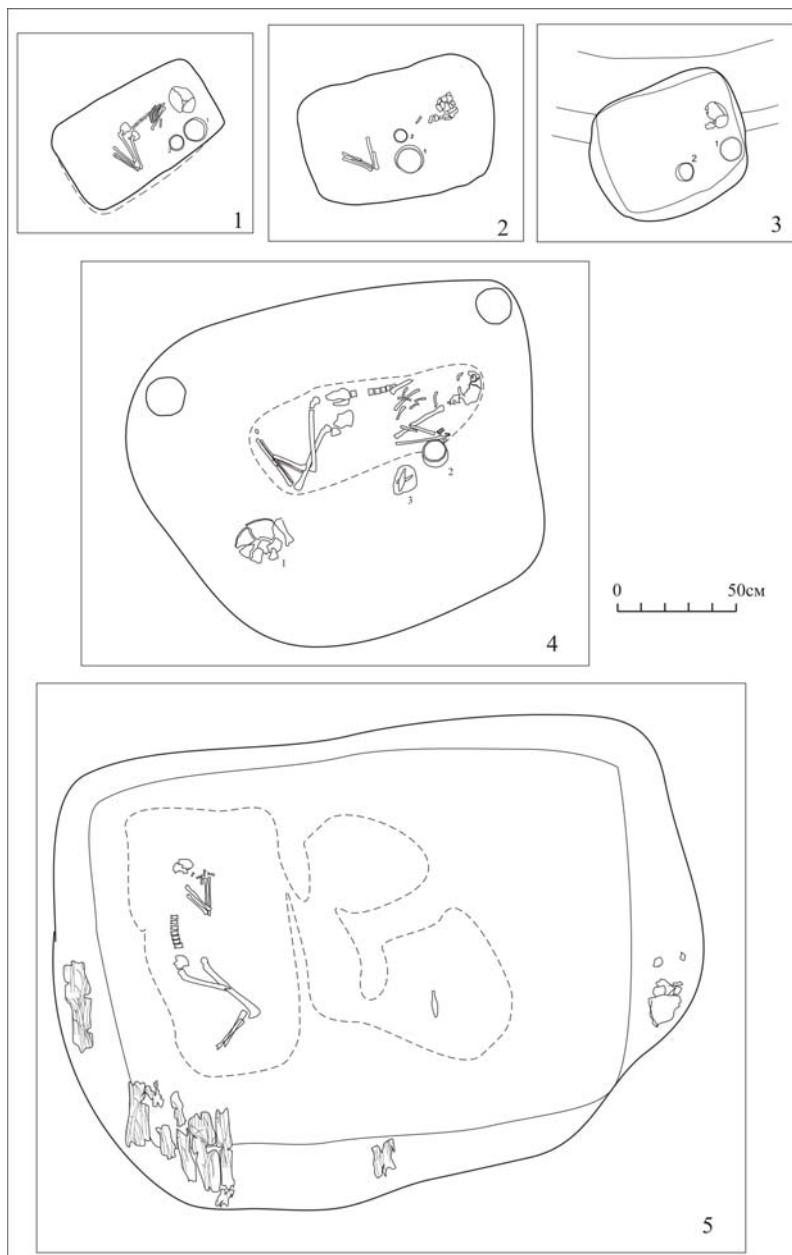

Рис. 3. Курганный могильник «Южный». Курган 1. 1 – погр. 3, план. 2 – погр. 4, план. 3 – погр. 5, план. 4 – погр. 6, план. 5 – курган 2, погр. 1.

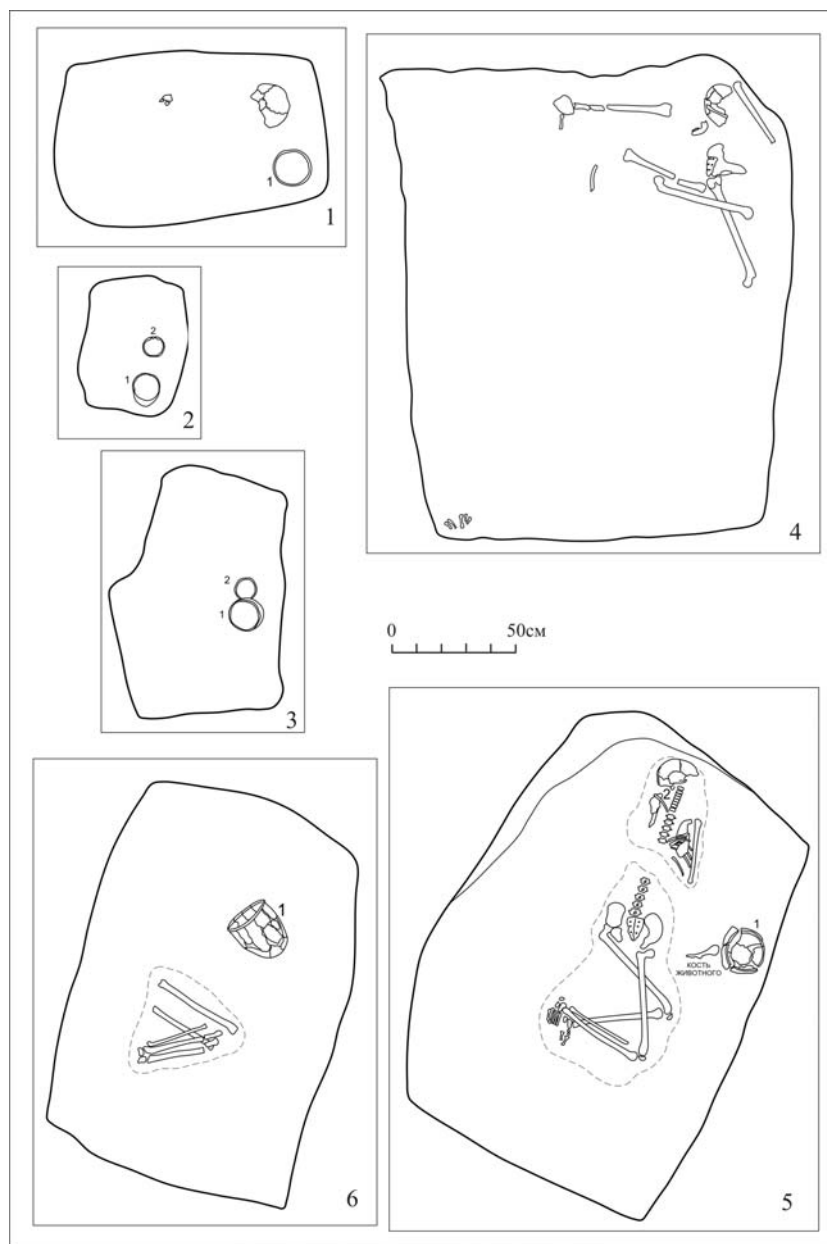

Рис. 4. Курганный могильник «Южный». 1 - курган 5, погр. 1, план. 2 - курган 7, погр. 1, план. 3 - курган 7, погр. 2, план. 4 - курган 6, погр. 1, план. 5 - курган 6, погр. 2. 6 - курган 8, погр. 1.

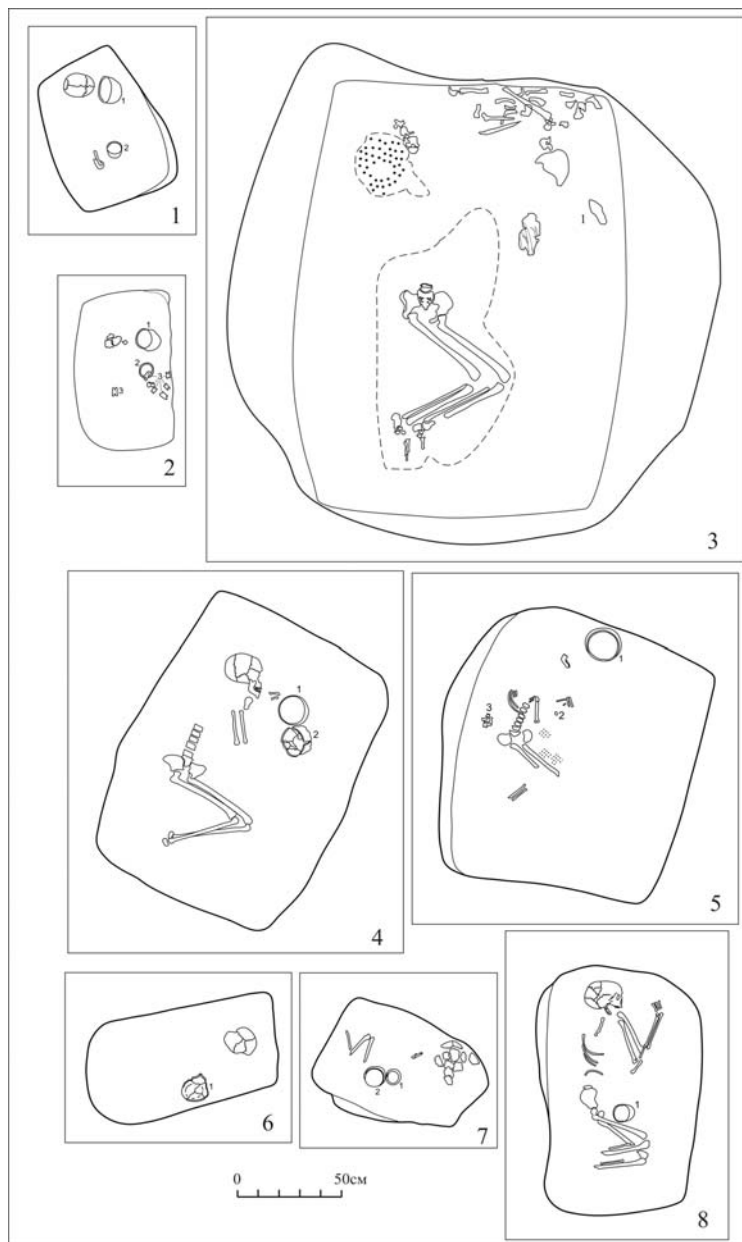

Рис. 5. Курганный могильник «Южный». 1 - курган 10, погр. 2, план. 2 - курган 10, погр. 3, план. 3 - курган 10, погр. 4, план. 4 - курган 9, погр. 1, план. 5 - курган 11, погр. 1. 6 - курган 11, погр. 2. 7 - курган 11, погр. 4. 8 - курган 11, погр. 3, план.

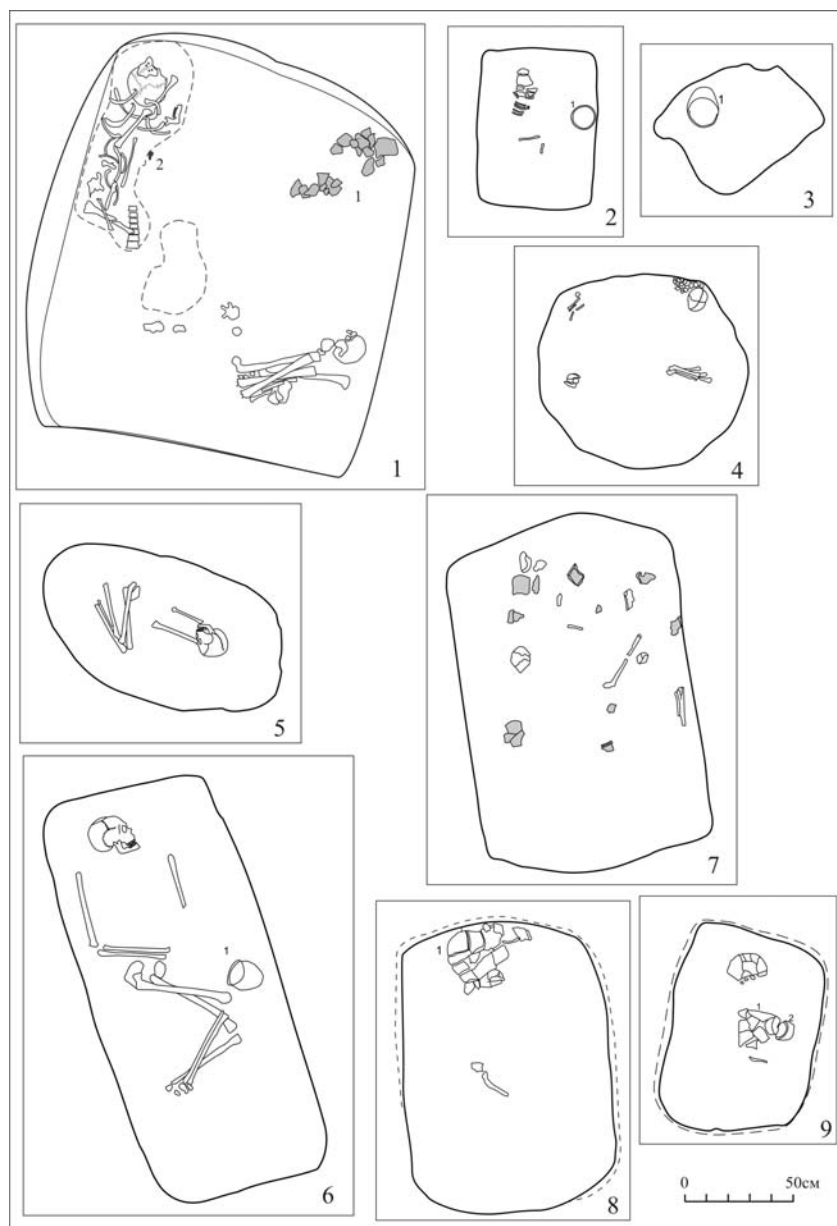

Рис. 6. Курганный могильник «Южный». 1 - курган 12, погр. 1, план. 2 - курган 14, погр. 1, план. 3 - курган 14, погр. 3, план. 4 - курган 14, погр. 2, план. 5 - курган 16, погр. 2, план. 6 - курган 16, погр. 3, план. 7 - курган 17, погр. 1, план. 8 - курган 17, погр. 2, план. 9 - курган 17, погр. 5, план.

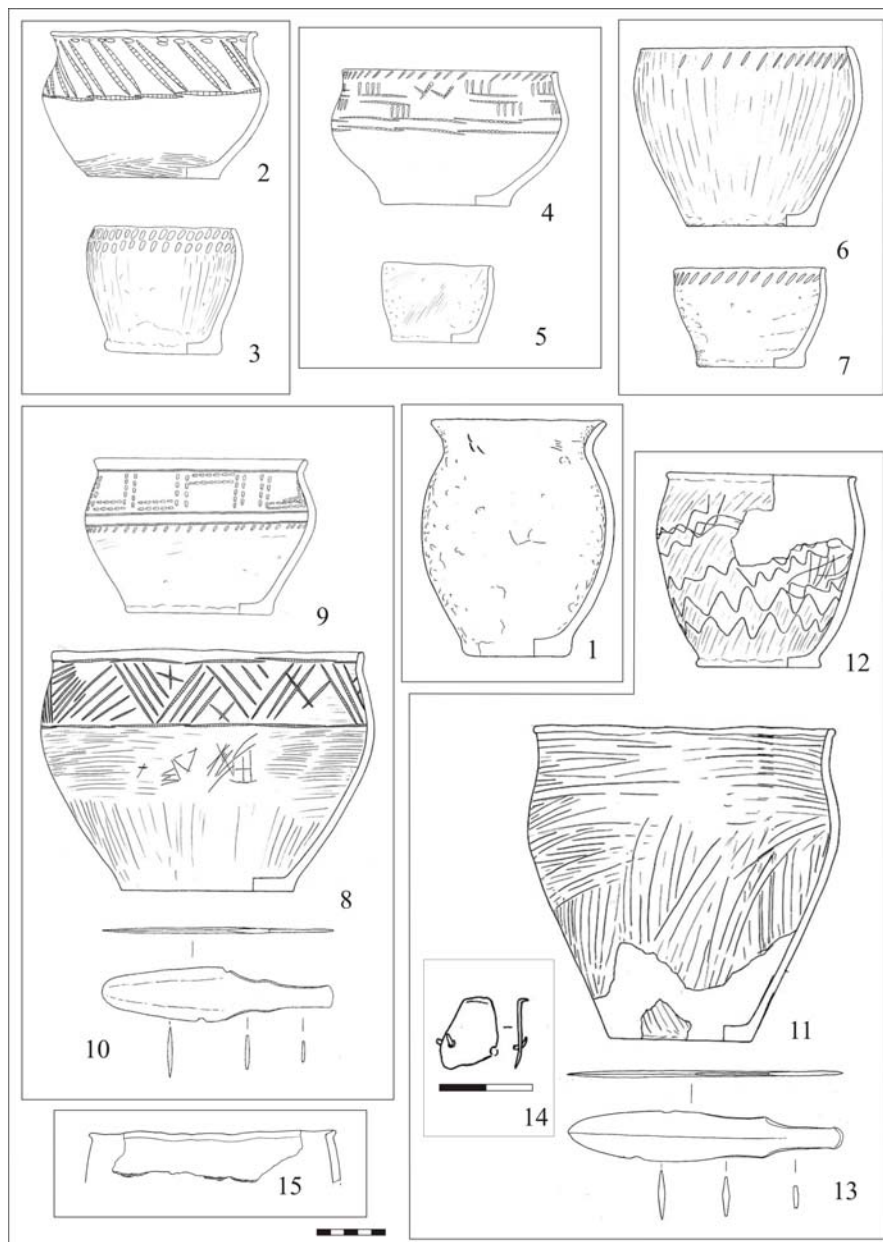

Рис. 7. Курганный могильник «Южный». 1 – курган 1, погр. 1.
 2, 3 – курган 1, погр. 3. 4, 5 – курган 1, погр. 4. 6, 7 – курган 1, погр. 5.
 8-10 – курган 1, погр. 6. 11-14 – курган 2, погр. 1. 15 – курган 1, крепида.

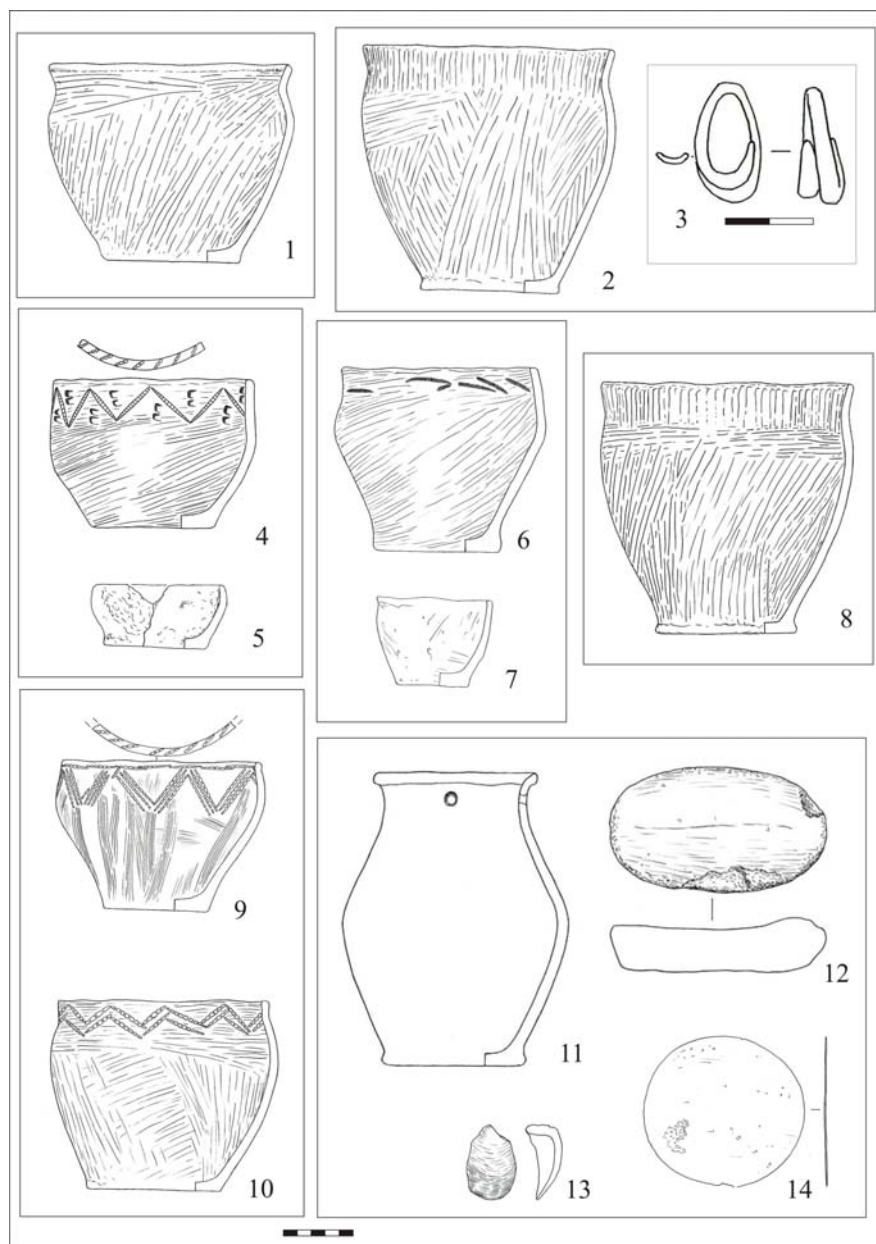

Рис. 8. Курганный могильник «Южный». 1 – курган 5, погр. 1. 2, 3 – курган 6, погр. 2.
4, 5 – курган 7, погр. 1. 6, 7 – курган 7, погр. 2. 8 – курган 8, погр. 1. 9, 10 – курган 9, погр. 1.
11-14 – курган 10, погр. 1.

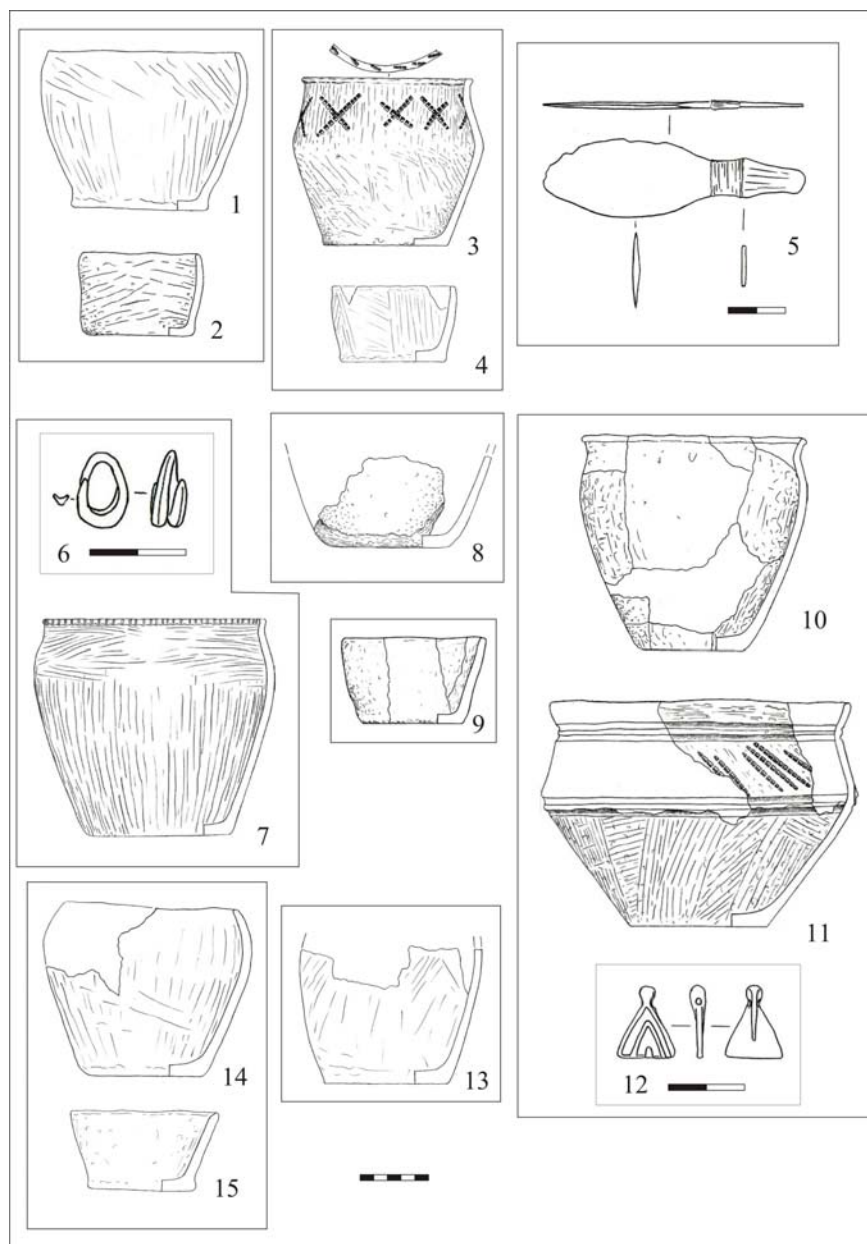

Рис. 9. Курганный могильник «Южный». 1, 2 – курган 10, погр. 2. 3, 4 – курган 10, погр. 3. 5 – курган 10, погр. 4. 6, 7 – курган 11, погр. 1. 8 – курган 11, погр. 2. 9 – курган 11, погр. 3. 10-12 – курган 12, погр. 1. 13 – курган 12, развал 1. 14, 15 – курган 12, развал 2.

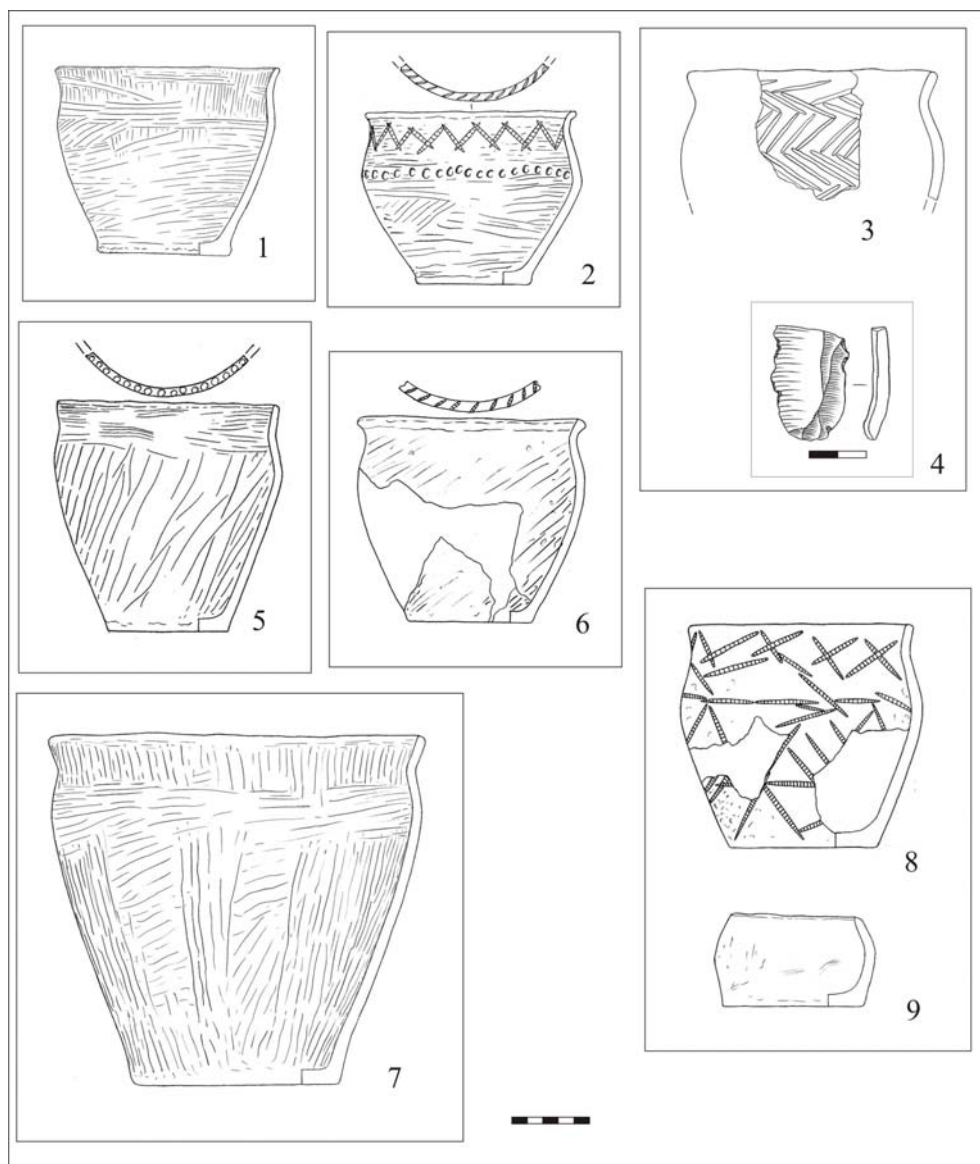

Рис. 10. Курганный могильник «Южный». 1 - курган 14, погр. 1. 2 - курган 14, погр. 3. 3, 4 - курган 16, насыпь. 5 - курган 16, погр. 3. 6 - курган 17, погр. 1. 7 - курган 17, погр. 2. 8, 9 - курган 17, погр. 5.

Малов Н.М., Изотова М.А.

СЕЛИЩЕ ЛИТЕЙЩИКОВ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОТЬМА-III В САРАТОВСКОМ ПРИХОПЕРЬЕ

В истории крупнейшего разделения труда, поэтапном выделении ремесел и использовании металла в качестве нового и важнейшего обменного продукта бронзового века ведущую роль играла металлургия и металлопроизводство. Одним из основных артефактов, позволяющих изучать становление и распространение специализированного металлопроизводства, литейно-металлообрабатывающего ремесла эпохи бронзы Восточной Европы являются приспособления для тепловой обработки и плавки металла, литейные формы, тигли, сопла, плавильные чаши.

Особую категорию источников составляют также каменные кузнечные и шлифовально-отделочные инструменты для механической обработки металла: молоты, песты, плитки, наковальни, абразивы, молоточки и т. п. Вероятно, при изготовлении литейных форм также использовались орудия из раковин, кремня, кварцита и кости. Однако для уверенной идентификации каменных кузнечных, шлифовально-отделочных и других вспомогательных инструментов требуется трасологический анализ, а теплотехнические сооружения встречаются редко и плохой сохранности. Поэтому основным источником являются литейные формы и другие специализированные литейные инструменты, использовавшиеся при плавке.

Литейные формы, специализированные орудия и другие свидетельства металлообработки присутствуют на 20 бытовых памятниках и селищах – мастерских срубной археологической области позднего бронзового века (ПБВ) Нижнего Поволжья [Malov, 2002. P. 182–183; Малов, 2003. С. 129–131; 2005. С. 3–21]. Эти свидетельства ремесленного металлургического литья и металлопроизводства, керамические, а иногда и каменные формы, к настоящему времени выявлены в северных нижневолжских степях, а также на пограничье степи-лесостепи Приволжской возвышенности и на окраине Окско-Донской равнины. Материалы раскопанных бытовых памятников показывают, что литейное металлопроизводство осуществлялось не на каждом селище ПБВ Нижнего Поволжья. Тем не менее, уровень его развития и специализации в ПБВ региона был достаточно высоким. Несомненно, что производимая здесь металлургами – литейщиками технико-технологическая ремесленная продукция реализовывалась в качестве особого обменного фонда.

Литейные формы и женские ювелирные украшения из драгоценных металлов также гораздо многочисленней в срубной культуре (СК) второй фазы позднего бронзового века (ПБВ 2). Очень редки они в покровской культуре (ПК) первой фазы (ПБВ 1) и в хвалынской культуре валяковой керамики (ХКВК) третьей фазы (ПБВ 3) [Малов, 2000. С. 27–53, 2001. С. 199–202, 2007. С. 34–92]. В саратовском течении рек донского бассейна литейные формы встречены только на трех бытовых памятниках, находящихся на реках Медведица (Нестеровка) и Хопер. В саратовском течении Хопра или в пограничье степи-лесостепи Донского бассейна новые литейные формы, сплески бронзы и другие свидетельства ремесленного металлургического (литейного) производства выявлены М.А. Изотовой на двух селищах – Макаровская речка и Потьма-III СК [Изотова, 2000. С. 118–124, рис. 1–3; 2001; 2002; Малов, 2005. С. 15–20, № 17, 18, рис. 2–17]. Материалы раскопок селища Потьма-III, где найдена серия артефактов литейного ремесла еще не вводились в научный оборот¹. Этот пробел и призвана восполнить данная публикация.

Селище Потьма-III («Старый мост») расположено в 100 м. от западной окраины с. Потьма Ртищевского района Саратовской области². Оно занимает мыс первой надпойменной террасы левого берега Хопра, левого притока Дона, в 350 м от русла реки и остатков старого моста (рис. 1). Особенностью почвенного покрова Ртищевского района является доминирование черноземов³. Здесь преобладают высоты 150–200 м и до 130 м в долине р. Хопра, современный климат умеренно-континентальный. В пойме и долине р. Хопер многочисленные озера – старицы, ерики и болота, леса пойменного типа с преобладанием дуба, ольхи и клена⁴.

Поверхность памятника понижается в сторону реки с уклоном около 20 и была задернована, за исключением промоин. Высота террасы, где находится селище, над уровнем поймы 5–6 м. Подъемный материал встречался на площади 140 x 80 м. В СВ части селища видны две овальные в плане западины, вытянутые по линии ССВ–ЮЮЗ, от котлованов полуземляночных построек. Их глубина по современной поверхности около 30 см, размеры 12,5 x 6,0 м и 9,0 x 4,6 м.

В 2001–2002 гг. двумя раскопами исследовано 96 кв. м. центральной части селища Потьма-III (рис. 1). В раскопах зафиксирована следующая стратиграфия. Дерновый слой – серая супесь мощностью 10–15 см. В нем отмечено большое количество археологических массовых находок, что свидетельствует о разрушении верхней части культурного слоя под воздействием природных

¹ Коллекция из раскопок селища Потьма-III хранится в фондах археологии СОМК.

² Памятник открыт в 1990 г. местным краеведом А. Карасевым. Тогда же его обследовал К.Ю. Моржерин, обозначив в отчете как селище «Старый мост» [Моржерин, 1990].

³ Ртищевский р-н находится на крайнем северо-западе Саратовской области, на границе с Тамбовской и Пензенской областями, а большая его часть является окраиной Окско-Донской равнины [Энциклопедия... 2002. С. 100–102]. Село Потьма, к которому примыкает массив прихоперского леса, расположено в 30 км к западу от районного центра и железнодорожного узла г. Ртищево. Расстояние от г. Ртищево до г. Саратова около 200 км.

⁴ По словам старожил, ранее пойма в окрестностях села представляла собой песчаные холмы и дюны, которые лет 30–40 тому назад укрепили сосновыми посадками. В начале 1990-х годов мыс, где непосредственно расположено поселение интенсивно разрушался в результате различных видов эрозии и антропогенного воздействия, на нем не было лесонасаждений, за исключением нескольких отдельно стоящих деревьев.

и антропогенных факторов. Ниже располагался культурный слой мощностью 25–100 см, насыщенный фрагментами сосудов срубной культуры и костями животных. В целом толщина аллювиальных прослоек и культурного слоя увеличивалась к южной окраине селища.

Верхняя часть культурного слоя представляла собой светло-серую супесь мощностью от 25–40 до 60–80 см. Ниже залегала темно-серая, почти черная плотная и «вязкая» супесь. Материк – коричневая глина. Светло-серая супесь имеет явную тенденцию к увеличению в южную сторону. Нижняя часть слоя, напротив, увеличивается к северу и существенно уменьшается к югу. Она далеко не везде содержала археологические находки.

Кроме того, в заполнении овражка культурный слой был перемешан с аллювиальными отложениями различного цвета и структуры. К тому же, около овражка есть современные ямы, заполненные гумусом, обломками стекла, кирпичика и железа. В северной части раскопа граница между светло-серой и черной супесью практически горизонтальная и более четкая, чем в южной. Возможно, это связано с большей подверженностью паводковым разрушениям южной части раскопа, которая ниже северной относительно «0г» в среднем на 50–70 см.

подавляющее большинство находок связано с верхним светло-серым слоем, который неоднократно перекрывался аллювиальными отложениями, вероятно, во время паводков. Кроме костей мелкого и крупного рогатого скота, в культурном слое встречены: небольшой позвонок и кость рыбы, трубчатая кость птицы.

В 2002 г. выявлены две материковые ямы, заполненные черной супесью. Одна из них, вероятно, хозяйственная почти круглая в плане, цилиндрической формы с отвесными стенками, глубиной 19 см и диаметром 172 x 174 см. В ней обнаружены мелкие кости животных и фрагменты керамики срубной культуры. Вторая, круглая в плане и овальная в профиле, ямка, слегка углубленная в материк, находок не содержала.

В южной прирезке после снятия пласта 50–60 см зафиксирована каменная кладка из необработанных щебнистых камней разной величины, идущая по краю овражка и образующая прямой угол. Она прослеживалась до материка. Ее максимальная высота 65 см (в углу), минимальная (по краям) – 15 см. Среди камней встречено несколько мелких костей животных, фрагменты срубной керамики и каменная галька-лощило (рис. 7, 8, пл. 60–70 см).

Самый массовый материал представлен фрагментами срубной керамики, которой только в раскопе I обнаружено 2460. В культурно-хронологическом отношении керамический комплекс селища Потьма-III однороден и относится к развитой срубной культуре (рис. 8, 9). Хотя есть единичные обломки лепной керамики и железных изделий, вероятно, относящиеся к РЖВ. Принципиальных различий в технологии, морфологии и орнаментации срубной керамики из разных пластов раскопов пока не прослежено. Археологическая коллекция селища сдана на хранение в СОМК.

Цвет внешней поверхности срубных сосудов от песочного – до темно-серого или черного цвета, с пятнами от кострового обжига. В большинстве случаев фрагменты снаружи заглажены без видимых следов дополнительной обработки. Иногда есть следы от заглаживания щепой или травой. Довольно тщательно обработана и внутренняя поверхность, которая, как правило, се-

рого цвета. В ряде случаев встречается обработка поверхности сосуда расчесами, выполненными крупнозубчатым штампом.

Толщина стенок составляет чаще всего 0,8–0,9 мм. Наряду с этим иногда попадаются фрагменты тонкостенных (0,5–0,7 мм) тщательно заглаженных столовых сосудов, так и крупных грубо обработанных кухонных или тарных толстостенных (1,1–1,2 см) корчаг. В качестве примесей в плотном тесте визуально фиксируется мелкий шамот и песок. Преобладают срубные баночные формы с плоско срезанным венчиком (рис. 8, 2–8, 10). Также представлены фрагменты округлобоких и острореберных сосудов срубной культуры (рис. 8, 9, 11; рис. 9). Есть обломки днищ с закраинами и венчики с «напльвом» на внешнюю сторону.

В целом орнамент геометрический, типичный для классической срубной культуры. Среди элементов орнамента часты линзовидные, каплевидные и овальные вдавления. Весьма разнообразны зубчатые штампы. Есть врезной или прочерченный орнамент. Среди сюжетов орнамента отмечены зигзаг, иногда двойной, с заполненным пространством, ряды отрезков и горизонтальные линии. Встречаются также неупорядоченная орнаментация, сетка и кресты.

Индивидуальные находки из сборов и раскопов представлены керамическими (рис. 5), костяными (рис. 6) и каменными (рис. 7) предметами. Костяные орудия также характерны для срубной культуры и преимущественно связаны с кожевенным производством. Среди них есть «струг» (рис. 6, 2), лопаточка (рис. 6, 4, пл. 40–50 см, кв. 16) из узких ребер животных и трубочка (рис. 6, 5, пл. 50–60 см, кв. 12). Фрагменты 2-х костяных «тушиков», вероятно, сделанных из челюстей крупного рогатого скота (рис. 6, 1, 3). С ткацким делом связаны керамические пряслица, одно дисковидное (рис. 5, 4) и фрагменты от 2-х – в форме усеченного конуса (рис. 5, 5, 6). Есть 6 керамических скребков, вероятно, применявшихся при обработке поверхности необожженных сосудов. Вероятнее всего с литьем бронзы связано керамическое изделие в виде уплощенного цилиндрика (рис. 5, 2). Возможно, оно использовалось как пробка, закрывавшая отверстия при литье и препятствовавшая протеканию металла.

Каменные предметы из сборов и культурного слоя представлены абразивами (рис. 7, 2, 3, 7), гладилками (рис. 7, 1), гальками (рис. 7, 4, 6, 8, 10, 11), единичными кремневыми сколами (рис. 7, 5), обломками плиток и ударных орудий. Некоторые из них могли использоваться в качестве кузнечных и шлифовально-отделочных инструментов для механической обработки металла.

Свидетельства бронзолитейного ремесла. Интересны два фрагмента керамики с толстыми стенками (до 1,9 см), на которых имеются следы бронзолитейной деятельности. Один, с кусочками бронзы, видимо, принадлежал медеплавильной чаше (кв. 8, пласт 30–40 см). Второй представляет собой небольшую придонную часть сосуда. С внешней стороны на нем также сохранились частицы бронзы (кв. 8, пласт 30–40 см). С литейным производством мог быть связан и кусок обожженной глины – обмазки, обнаруженный рядом с этими двумя обломками керамики.

К другим свидетельствам бронзолитейного производства следует отнести: шлаки, угольки, глиняную обмазку, три слеска бронзы (кв. 5, пл. 0–10–20 см; кв. 6, пл. 40–50 см), маленький кусочек малахитовой руды (рис. 5, 8,

кв. 1, пл. 30–40 см), три фрагмента керамических (рис. 5, 1, 3, 7, кв. 7, 10, 13) литейных форм и две створки от одной каменной (рис. 2, 3, 4).

Интересна находка кусочка малахитовой руды (кв. 1, пласт 30–40 см), впервые обнаруженной на поселении эпохи палеометаллов Нижнего Поволжья и Волго–Донского междуречья. Форма кристаллов данного фрагмента минерала игольчатая, черта – светло-зеленая, блеск – шелковистый, есть несколько темно-серых вкраплений. По результатам рентгенофазового анализа образца из Потьмы-III был получен дифракционный спектр, характеризуемый набором межплоскостных расстояний $d, \text{Å}^{\circ}$ (5.985; 5.011; 4.671; 3.663 и т. д.) соответствующий структуре соединения $\text{CuCO}_3\text{-Cu}[\text{OH}]_2$ малахит – моноклинная система⁵.

В химический состав малахита $\text{Cu}_2[(\text{OH})_2/\text{CO}_3]$ или $\text{CuCO}_3\text{-Cu}[\text{OH}]_2$ входит окись меди. Малахит плавится в окисленном пламени, дает королек меди и поэтому используется как важная медная руда [Берри и др. 1987; Минералогическая...1985; Флейшнер, 1980; Яхонтова, Зверева, 2000]. Рисунчатый малахит является поделочным камнем. Например, эта его разновидность, из широко известных месторождения близ Нижнего Тагила и под Екатеринбургом, идет на изготовление украшений, поделок и применяется в архитектуре. В Санкт-Петербурге большое впечатление производят Малахитовый зал в Зимнем дворце и облицованные малахитом колонны Исаакиевского собора.

До этого образцы окисленных медных руд не встречались на поселениях срубной культуры Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья. Это можно объяснить тем, что здесь отсутствует собственная рудная база и нет месторождений меди [Ханин, 1960. С. 155–156]. Вместе с тем, обилие рудных месторождений вокруг Нижнего Поволжья облегчало снабжение данной территории металлами в эпоху бронзы. В ПБВ медь, бронза и другие металлы поступали сюда из соседних рудных регионов Волго-Уральского очага культурогенеза, с территории абашевской, андроновской и других культурно-исторической области. На поселениях уральской абашевской культуры и андроновской культурно-исторической области встречаются образцы спектрально проанализированных окисленных медных руд [Черных, 1970. С. 37, рис. 32; С. 171, табл. XV, XVI].

Находка кусочка малахитовой руды на срубном селище Потьма-III свидетельствует о том, что его литейщики были знакомы с этим видом металлургического сырья и непосредственно имели его образец в своем распоряжении. Вряд ли к этому минералу на селище Потьма-III относились как к поделочному камню, поскольку здесь занимались литейным делом и присутствие медной руды на памятнике вполне закономерно.

Появиться в Потьме-III малахит мог только из Уральской горно-металлургической области, где он широко представлен и использовался в металлургическом ремесле ПБВ. Сырьевая база металлургии меди на Южном Урале представлена многочисленными мелкими месторождениями окислен-

⁵ Авторы благодарны научным сотрудникам НИИ геологии и НИИ химии СГУ Т.Ф. Букиной и Н.М. Былинкиной за выполнение рентгенофазового анализа и заключения по данному образцу малахита. Съемка образца осуществлена на рентгеновском дифрактометре ДРОН - 3,0 с $\text{Cu-K}\alpha$ излучением (условия съемки: Ир. т = 20 кВ; $I_a = 10$ мА). При фазовой интерпретации использовалась американская порошковая картотека [Powder Diffraction File, Inorganic, YCPDS - Swallow, Pennsylvania, USA, 1987], номер карточки 10-399.

ных сульфидных руд, в составе которых преобладают карбонаты меди – малахит и азурит [Зайков и др., 1999. С. 186–205]. На самом севере Мугоджар, на границе с Южным Уралом известны два близко расположенных медных месторождения – Еленовка и Уш-Катта (Оренбургская область). Окисленная минерализация ушкаттинского рудопроявления представлена малахитом, в котором содержание меди достигает сотых и десятых долей процентов, местами до 5%, а химический состав в целом весьма близок еленовской руде [Черных, 1970. С. 38].

В бронзовом веке в Уральском регионе сложились три горно-металлургических центра: Карагалинский с месторождениями медистых песчаников, Среднеуральский – с малахитовыми залежами и Восточно-Уральский [Черных, 2002. С. 88–100; Зайков и др. 2005. С. 101–114]. Среди медесодержащих минералов Карагалинского рудного поля выделяют окислы малахита – $\text{Cu}_2(\text{OH})_2\text{CO}_3$ [Горожанин и др., 2002. С. 23; Ровира, 2004. С. 106–108]. Более того, подготовленный к плавке пласт малахита складировался здесь на «Рудном дворе» поселка металлургов срубной культуры Горный [Черных, Лебедева, 2002. С. 81].

В Горном, среди образцов медной руды, малахит и азурит резко преобладают над купритом [Ровира, С. 108]. Нельзя исключать, что малахит мог поступать из Уральской горно-металлургической области и особенно из Карагалинского горно-металлургического центра к срубным племенам Нижнего Поволжья и Волго-Уралья. Отсюда же экземпляр малахитовой руды мог попасть путем обмена и на селище Потьма-III лесостепной зоны саратовского течения р. Хопер.

По трем обломкам керамических литейных форм в квадратах 7, 10 и 13 (рис. 5, 1, 3, 7) сложно определить какие предметы в них отливались. От формы из квадрата 7 (пл. 20–30 см) сохранился только угол (рис. 5, 1). Ее толщина по краю со стороны литника 2,4 см. Створка, вероятно, является частью от двусоставной формы, поскольку сохранившийся литник указывает на то, что в него металл заливался с узкого торца – сверху. Со стороны литника есть сажа и следы копоти. От матрицы, со следами от белой каолиновой обмазки, отливавшегося овального в сечении пруткового предмета диаметром около 1 см, сохранился желобок длиной до 4 см и глубиной 0,4–0,5 см.

В квадрате 10 (пл. 60–70) обнаружен небольшой обломок створки от глиняной литейной формы, со следами каолиновой обмазки, копоти и воздействия высоких температур (рис. 5, 3). На негативе сохранился только небольшой слегка изогнутый край крупного предмета. Изделие могло иметь минимальную толщину по краю – 3 мм, а максимальную в центре – более 5 мм.

В квадрате 13 (пл. 20–30 см) встречен угол от более крупной створки третьей керамической литейной формы (рис. 5, 7). Размер сохранившейся части 2,5 x 6,3 см. Толщина створки 4 см, излом серый – с примесью песка, шамота и белых частиц. Внешняя поверхность светло – коричневая, со следами воздействия высоких температур. Сверху на негативе есть остатки белого налета от каолиновой обмазки. В матрице сохранилась часть угла, напоминающая клин от топора, который, вероятно, отливался в двусоставной форме. Узкий край предмета дугообразный. От него к центру глубина негатива увеличивается до 1 см.

Каменная двухстворчатая разъемная литейная форма закрытого типа с Потьмы-III, хорошей сохранности, впервые встречена на селище срубной культуры юго-восточной России. Она состояла из двух темно-зеленовато-серых прямоугольных плиток – брусков многоразового использования. Форма обнаружена в горизонтальном положении *in situ* в кв. 8, на глубине 15 см от современной (дневной) поверхности (рис. 1, В; рис. 2; 3; 4). Хотя плитки – бруски створок растрескались, они были аккуратно сложены вместе, одна над другой и совмещены матрицами, как один закрытый археологический комплекс. Никаких других индивидуальных находок рядом не обнаружено. Для минералогического анализа, более треснувшая верхняя створка обозначена как Образец № 1, а нижняя – Образец № 2.

Обе створки изготовлены из хлоритизированного серпентинита, развитого по весьма неустойчивой ультраосновной породе по дуниту или пироксениту⁶. Согласно микроскопическому описанию состав исходных минералов: оливины, пироксены, амфиболы. Структура породы брекчиевая, местами перетертая. Брекчия ультраосновного состава, метаморфизированная и гидротермально-метасоматически измененная до образования мусковитово-хлоритовых пород. Вероятнее всего, промежуточным продуктом были серпентиниты, самые ближайшие из которых в неограниченном количестве встречаются на Уральском хребте.

Последовательность преобразования вещества: ультраосновная порода (видны разные по составу и структуре реликтовые участки с неоднородными текстурными особенностями) – пироксенит (дунит), – серпентинит (бастит, антигорит, асбесты) → продукты метасоматоза (хлоритизация, мусковитизация, гидратация – оплизация) – выделение рудного вещества (магнетит). Самый поздний процесс, которому подвергались створки литейной формы это разрушение – физическое, химическое и органическое выветривание (атмосферные условия – температурный и водный режимы, органогенные агенты), поскольку находились в современном дерне или фактически на дневной поверхности. К тому же порода, из которой они изготовлены, очень мягкая и разрушается достаточно быстро. В створке 2 (рис. 3, В), которая лежала внизу процессы выветривания, с образованием гидрослюда и гидроокислов железа, проявились меньше – чем в верхней.

Рентгеноструктурный анализ образцов мономинеральных фракций дал следующий результат. Образец 1 (верхняя створка, рис. 3, А) – слюда – мусковитного типа, хлорит, следы кварца, соотношение: хлорит 70%, слюда 30%. Образец 2 (нижняя створка, рис. 3, В) – слюда мусковитного типа, доминирующий компонент хлорит, соотношение: слюда 95%, хлорит 5%.

Вероятнее всего, после неоднократного использования, створки разорвало, и они треснули при очередном литье, поскольку их толщина предельная для дальнейшего использования: створка А – 1,9 см, В – 2,2 см. Например, эта толщина считается критической для брусков из талькового сланца, ниже которой отливка в них была невозможна [Бочкарев, 1975. С. 15].

⁶ Авторы благодарны научным сотрудникам НИИ Геологии СГУ Т.Ф. Букиной, Т.В. Красновой и Г.К. Кривоконевой – ведущему научному сотруднику федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийский НИИ минерального сырья», за выполнение минералого-петрографического, рентгеноструктурного и рентгенографического фазового анализа створок каменных литейных форм.

Порода, из которой сделаны створки, ближе всего сопоставима в ультра-базитами Урала, поскольку на Кавказе они имеют другой облик, а Донецкий край и Воронежский массив аналогичных пород не содержит. В остаточных ледниковых моренах севера Саратовской области подобного материала также нет. Поэтому наиболее вероятным источником таких пород могли послужить серпентинитовые массивы Магнитогорского синклинария Южного Урала. Здесь они, например, представлены в петрофонде каменной индустрии горюдищ Аркаим и Куйсак. На Куйсаке из серпентинитов и тальцитов сделаны ритуальный топорик и булава [Зайков и др., 1999. С. 190].

Серпентинит и гладкий серпентинит – талькит очень мягкие (абразивность – класс I), легко полирующиеся, высокоогнеупорные и термостойкие материалы, поскольку содержат оливины (температура плавления 1500 °С и 1200 °С). Поэтому в ПБВ они вполне подходили для литейных форм. На поселении Аркаим для 2-х целых и 3-х в обломках литейных форм использованы гладкие серпентиниты – талькиты [Зайков, Зданович, 2006. С. 73–94, табл. I–III].

Бруски створок – плиток прямоугольные, со слегка овальными углами, одинаковой ширины 7,2 см и длиной А – 12,8 см, Б – 13,0 см. В сложенном состоянии общая толщина формы около 4, 1–4,3 см. Судя по боковым граням и внешней поверхности, бруски для створок обрабатывались металлическим инструментом и изготовлены из одного куска камня овально – цилиндрической формы, затем разделенного путем «встречного пиления» на две прямоугольные части. Плоские рабочие поверхности шлифованы и подогнаны друг к другу.

Два, отдельных и самостоятельных, литниковых отверстия округлой формы располагались рядом, в средней торцовой или узкой стороне створок – плиток, вдоль их длинных осей. Литники непосредственно совмещались с будущим черешком ножа и рукояткой кинжала, откуда в вертикально установленную форму и заливался расплавленный металл.

Обе створки имеют сопоставляющиеся прямоугольные в сечении, сквозные отверстия, размером 0,5 x 0,7 см с внутренней стороны и 0,45 x 0,65 см с внешней. Они служили для точного их совмещения и прочного скрепления с помощью штифтов.

В форме отливались два предмета – нож и кинжал. Их симметричные и совмещающиеся негативы вырезаны на гладкой внутренней стороне каждой из створок одновременно. Двухлезвийный черешковый ножичек с перекрестьем шириной 1,5 см, длиной 11 см и максимальной шириной лезвия 1,8 см. Вероятно, максимальная толщина сечения его лезвия – 0,3 см, черешка – 0,6 см.

Особенно интересно другое изделие – кинжал, отливавшееся в форме из Потьмы. Дело в том, что аналогичные кинжалы не представлены матрицами на опубликованных литейных формах и готовыми изделиями. На матрице литейной форме из Потьмы представлен кинжал с обособленной и массивной рукоятью, имевшей две короткие и овальные прорези, расположенные одна над другой. Сечение рукояти сверху овальное. К нижней части рукоять расширяется и заканчивается мощным дуговидным уступом, концы которого направлены к плоскому симметричному клинку с продольным ребром – нервюрой.

Около верхнего конца рукояти имелось два опоясывающих узких и треугольных в сечении валика. Чуть ниже валиков этот конец рукояти снабжен

двумя небольшими прямоугольными выступами, для крепления или подвешивания кинжала за ремень. Ниже прямоугольных выступов в средней части рукояти располагались две продольные прорези, или выемки, овальной формы, разделенные между собой поперечной перемычкой. Об этом свидетельствуют два овально-удлиненных выступа, сохранившиеся на рукояти одной из матриц. К нижней расширяющейся части рукояти, заканчивающейся дуговидным уступом, примыкает основание клинка с нервюрой – ребром жесткости между лезвиями по центру. Клинок существенно тоньше рукояти.

Общая длина изделия с рукоятью и клинком – 12,8 см, без лезвия 10,5 см по краям и 9,8 см по центру – около дуговидного уступа. Ширина рукояти сверху – 1,5 см, около клинка – 3,8 см. Близкие размеры имеют рукояти большинства евразийских двулезвийных кинжалов [Черных, Кузьминых, 1989. С. 111–117, разряды КЖ-6, КЖ-8, рис. 64; 65], к которым по своим конструктивным особенностям морфологически примыкает и кинжал из Потьмы-III. Процедура более детальной классификации подобных кинжалов ПБВ имеет определенные затруднения, поскольку все они индивидуальны.

На разнородность ранних кинжалов бронзового века в 1914 г. обращал внимание В.А. Городцов, заметивший по поводу кинжалов Сейминского могильника: «из них даже двух не оказалось вполне одинаковых. В общей совокупности они представляют совершенно оригинальный набор, до сих пор нигде, в других местностях, не наблюдающийся, что, несомненно, характеризует значительную самостоятельность культуры, хотя некоторые и из этих предметов носят черты сходства с соответствующими формами других областей, в особенности Вост. России и Сибири» [Городцов, 1916. С. 82]. В.А. Городцов первым поставил в начале типологического ряда кинжалов с прорезными рукоятками, изделие с овальной кнопкой из Сейминского могильника, который генетически связал с обширной серией, бытовавшей позже, кинжалов типа Сосново-Мазинского клада [Городцов, 1916. С. 82–83, рис. 50; 51].

Затем исследователи стали отмечать, что прорезные рукояти кинжалов ПБВ Восточной Европы и Приуралья отливались отдельно, а затем они спаивались или наклепывались на готовые турбинские или срубные клинки. Так, например, Б.Г. Тихонов, выделивший сейминские кинжалы с металлическими рукоятками во вторую группу, отметил, что у них, как и у кинжалов первой группы (с клинками срубного типа), прорезная рукоятка: «<...>также наклепана на клинок, но не срубного, а турбинского типа» [Тихонов, 1960. С. 76–77].

Вслед за В.А. Городцовым, О.Н. Бадер также подчеркнул относительно сейминских кинжалов, что: «В противоположность описанным простым ножам ни один из 6 ножей с металлическими литыми ручками не повторяет другого по форме, каждый из них вполне оригинален» [Бадер, 1970. С. 111]. По мнению исследователя, пятый кинжал с двумя просветами – прорезями и кнопкой, клинок и рукоять, которого возможно, отлиты отдельно и затем спаяны, близок не только к Сосново-Мазинским кинжалам, но и к ножам срубной культуры [Бадер, 1970, С. 112–118, рис. 51, Б]. В последующем также отмечалось, что у кинжалов из Сейминского могильника и из раннесрубных погребений (Новопавловск, Песочное и др.) прорезные рукояти отливались

отдельно, а затем они приливались или крепились на готовые клинки [Бочкарев, 1986. С. 96–104, табл. 7; Аванесова, 1991].

Литейная форма из Потьмы подтверждает, что рукояти и клинки кинжалов срубной археологической области изготавливались отдельно, но операция по их спайке могла происходить одновременно с отливкой рукояти. Иными словами соответствующий клинок уже должен быть у мастера – литейщика. В нижнюю часть матрицы литейной формы из Потьмы, где между створками оставалась щель для клинка, вставлялся уже заранее изготовленный клинок, который к тому же препятствовал вытеканию металла и служил своего рода «пробкой».

Таким образом, операция по спайке, заранее изготовленного клинка, здесь совмещалась и происходила одновременно с последующей отливкой рукоятки. В ходе изготовления рукояти клинок приливался или припаивался к перекрестию. Место соединения клинка с рукоятью усиливалось также литьем ребра жесткости – нервюры, идущей по его центру. Два противоположных прямоугольных выступа – шишечки (высота 0,8–1,0 см, сечение 0,4 x 0,55 см) на конце рукояти могли служить для привязывания кинжала и выполняли функцию упора.

Такие кинжалы с налитыми рукоятями и ножи с перекрестьем, отливавшиеся в форме из Потьмы, относятся к евразийским типам ПБВ, сформировавшимся под определяющим влиянием сейменско-турбинских традиций. Это подтверждается находками кинжалов с налитыми рукоятями в культовом комплексе Шайтанское озеро-II постсейминской коптяковской культуры. Некоторые кинжалы этого металлокомплекса, относящегося к рубежу ПБВ 1 – ПБВ 2 или к началу последнего этапа, имеют близкие к негативу из Потьмы выступы и многорядное кольцевидно-желобчатое оформление окончания рукояток, а также нервюры на клинках [Сериков и др., 2008. С. 341–346, рис. 2, 13, 14].

Возможно, что в керамической форме Милорадовского поселения («Глиняное озеро») срубной культуры степного Заволжья (рис. 10, 1) отливалась тонкая пластинчато-прутковая рукоять с продольной прорезью [Малов, 2005. С. 16–21, рис. 3, 2]. Из сборов Ф. Сайгина отсюда также происходит узкий крюкастый серп, нож и пруток проволоки из бронзы (рис. 10, 2–4). Серп узкий и изогнутый, с дуговидной спинкой и откованным краем лезвия. Носок приострен и загнут вверх, а лезвие отделено от крюка. Он относится к волгоуральской группе, распространенной в культурах второй фазы эпохи поздней бронзы. По своим параметрам и деталям формы изделие следует включить в Приуральский вариант Ибракаевского типа [Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 59–62, табл. 14, 211, 214].

Милорадовская створка, изготовленная из бруска прямоугольной формы с закругленными углами, толщиной 2,9 см, сохранилась фрагментарно (Энгельский краеведческий музей НВ 12928). Максимальная длина сохранившейся части – 9,2 см, ширина со стороны двух рядом расположенных литников – 6 см. В примеси шамот. Цвет светло-коричневый. На негативе есть следы воздействия высоких температур в виде прокала оранжевого и черного цветов. Литники для двух предметов располагались рядом, с одной узкой стороны. Это позволяет полагать, что и металл заливался в вертикально поставленную двустворчатую форму.

В этой форме отливалось два предмета. Сохранилась значительная часть только негатива от одного изделия глубиной в форме до 2 мм. Оно представляло собой пластинчато-прутковую рукоять шириной 1,5–1,7 см, с длинной, узкой, сужающейся и приостренной к концу прорезью по центру шириной 0,7–0,9 мм. Предназначение второго предмета установить нельзя, поскольку боковая сторона формы обломана.

Выводы. Аналогии матрице кинжала на створках каменной литейной формы и керамика позволяет отнести поселение Потьма-III к срубной культуре ПБВ 2 Нижнего Поволжья, синхронизируя с постейминскими памятниками коптяковской и алакульской культур. В это время покровская культура прекратила свое существование. Срубно-хвалынские памятники, синхронизируемые с ранними сабашиновскими и «федоровско-бишкульскими» (алексеевско-срагаринскими), еще не получили распространения [Изотова и др., 1991. С. 18–21; 1993. С. 110–136; 1994. С. 97–109; 1997. С. 76–77; Малов, 2007]. На это указывает и то, что на селище Потьма-III вместе с предметами литейного ремесла присутствует керамика срубной культуры, а покровской и хвалынской валиковой нет. Следовательно, это селище существовало между самыми поздними памятниками ПК (конец ПБВ 1) и ранними ХКВК (начало ПБВ 3) срубной археологической области.

Ориентировочно памятники СК, бытующие между ПК и ХКВК, пока можно датировать в калиброванном значении концом XVII – первой половиной XV вв. до н. э. [Малов, 2007. С. 47]. Шлаки, сплески бронзы, малахитовое сырье, каменная и обломки керамических литейных форм, а также другие находки позволяют полагать, что на селище срубной культуры Потьма-III занимались специализированным литейно-кузнечным ремеслом. Судя по литейной форме из серпентинита и кусочка малахита, срубные литейщики из Потьмы-III были ориентированы на ремесленные традиции и связи с металлургическими центрами Уральской горно-металлургической области.

Литература:

- Аванесова Н.А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент. 1991.
- Бадер О.Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М. 1970.
- Берри Л., Мейсон Б., Дитрих Р.* Минералогия. М., 1987.
- Бочкарев В.С.* Металлические изделия эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья (вопросы методики исследования и исторической интерпретации). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1975.
- Бочкарев В.С.* К вопросу о хронологическом соотношении Сейминского и Турбинского могильников // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск. 1986.
- Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи в средней России. Отдельный оттиск из Отчета Исторического музея за 1914 год. М., 1916.
- Горожанин В.М., Горожанина Е.Н., Овчинников В.В., Пучков В.Н.* Геологическая характеристика Карагалинского рудного поля // Каргалы, Т. I. М., 2002.
- Дергачев В.А., Бочкарев В.С.* Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев. 2002.

Зайков В.В., Бушмакин А.Ф., Юминов А.М., Зайкова Е.В., Зданович Г.Б., Таиров А.Д. Геоархеологические исследования исторических памятников Южного Урала: задачи, результаты, перспективы // Уральский минералогический сборник. № 9. Миасс. 1999.

Зайков В.В., Зданович С.Я. Каменные изделия и минерально-сырьевая база каменной индустрии Аркаима // Археологический источник и моделирование древних технологий. Труды музея – заповедника Аркаим. Челябинск. 2000.

Зайков В.В., Юминов А.М., Дунаев А.Ю., Зданович Г.Б., Григорьев С.А. Геолого-минералогические исследования древних медных рудников на Южном Урале // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (24). 2005.

Изотова М.А. Ритуальные комплексы поселения эпохи поздней бронзы «Макаровская речка» // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи. Воронеж. 2000.

Изотова М.А. Археологические раскопки поселения Потьма 3 («Старый мост») в Ртищевском районе Саратовской области в 2001 году // Архивы ИА РАН (Ф. Р-1) и ГУК НПЦ по историко-культурному наследию Саратовской области.

Изотова М.А. Отчет об археологических раскопках поселения Потьма 3 («Старый мост») в Ртищевском районе Саратовской области в 2002 году // Архивы ИА РАН (Ф. Р-1) и ГУК НПЦ по историко-культурному наследию Саратовской области.

Изотова М.А., Малов Н.М., Слонов В.Н. Орнамент керамики хвалыньских поселений эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях». Тез. Докл. Научн. конф. Уфа. 1991.

Изотова М.А., Малов Н.М., Слонов В.Н. Классификация форм керамики и периодизация поселений хвалыньской культуры эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Археологические вести. Саратов. Вып. 1. Саратов. 1993.

Изотова М.А., Малов Н.М., Слонов В.Н. Статистическое изучение системы орнамента хвалыньской поселенческой керамики эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Теория и прикладные методы в археологии. Саратов. 1994.

Изотова М.А., Малов Н.М., Слонов В.Н. Сравнение хвалыньских поселений Нижнего Поволжья по формам керамики // Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязи востока и запада в эпоху поздней бронзы: Тез. Докл. Киев – Николаев – Южноукраинск. 1997.

Малов Н.М. Золото и серебро в срубной культурно-исторической области // Поволжский край. Вып. 11. Саратов: СГУ. 2000.

Малов Н.М. Культуры эпохи поздней бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Матер. Межд. Научн. конф. Самара. 2001.

Малов Н.М. Литейные формы и предметы литейного производства с нижеволжских поселений срубной культурно-исторической области // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конф. Ч. 1. М., 2003.

Малов Н.М. Литейные формы с Нижневолжских поселений срубной культурно-исторической области // Поволжский край. Вып. 12. Саратов. 2005.

Малов Н.М. Покровска культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // АВЕС. Вып. 5. Саратов. 2007.

Минералогическая энциклопедия. Л., 1985.

Моржерин К.Ю. Отчет о разведках в Ртищевском районе и раскопках селища Чардымского 2 городища в Воскресенском районе Саратовской области // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 14538. 1990.

Ровира С. Металлургия меди: изучение технологии // Кургалы, Т. Ш. М., 2004.

Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Бронзовый век Урала: новые перспективы // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М., 2008.

Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // Тихонов Б.Г., Гришин Ю.С. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. МИА № 90. М., 1960.

Флейшнер М. Словарь минеральных видов. М., 1980.

Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов. 2002.

Ханин И.Я. К вопросу о древней металлургии и металлообработке на территории Нижнего Поволжья // Труды СОМК. Вып. 3. Саратов. 1960.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. № 172. М., 1970.

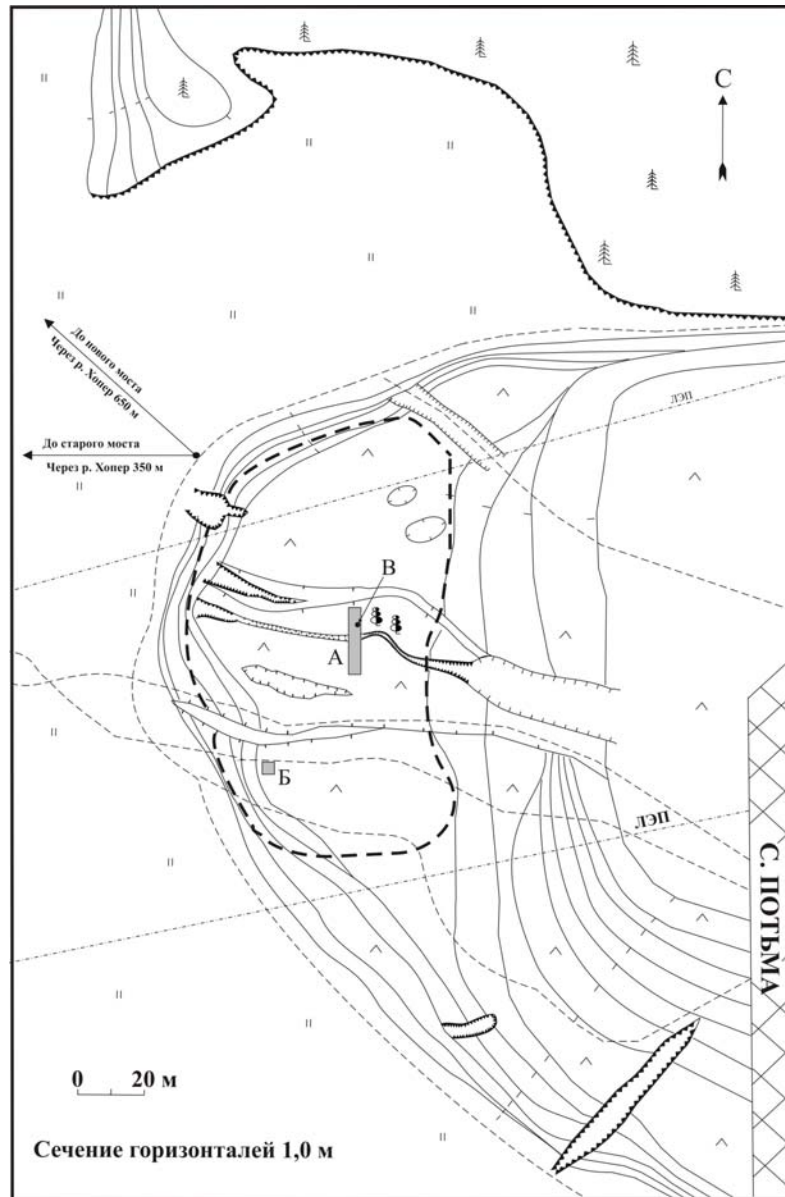
Черных Е.Н. Древнейшее горно-металлургическое производство на границе Европы и Азии: Карагалинский центр // Археология, этнография и антропология Евразии. № 11. 2002.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-гурбинский феномен). М., 1989.

Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю. Поздняя фаза: комплекс 1 // Кургалы. Т. II. М., 2002.

Яхонтова Л.К., Зверева В.П. Основы минералогии гипергенеза. Владивосток: Дальнаука. 2000.

Malov N. Moulds from the of the Timber - grave cultural - historical region of the Lower Volga // Abstracts book. 8th European Associations of Archaeologists annual meeting Thessaloniki, Hellas. Aristotle University. 2002.

- - раскопы 2001-2002 г. А - раскоп 1, Б - раскоп 2.
- В - место находки каменной литейной формы.

Рис. 1 Общий план поселения Потъма-III («Старый мост»).
 Раскопы 2001-2002 г. А - раскоп 1. Б - раскоп 2.
 В - место находки каменной литейной формы.

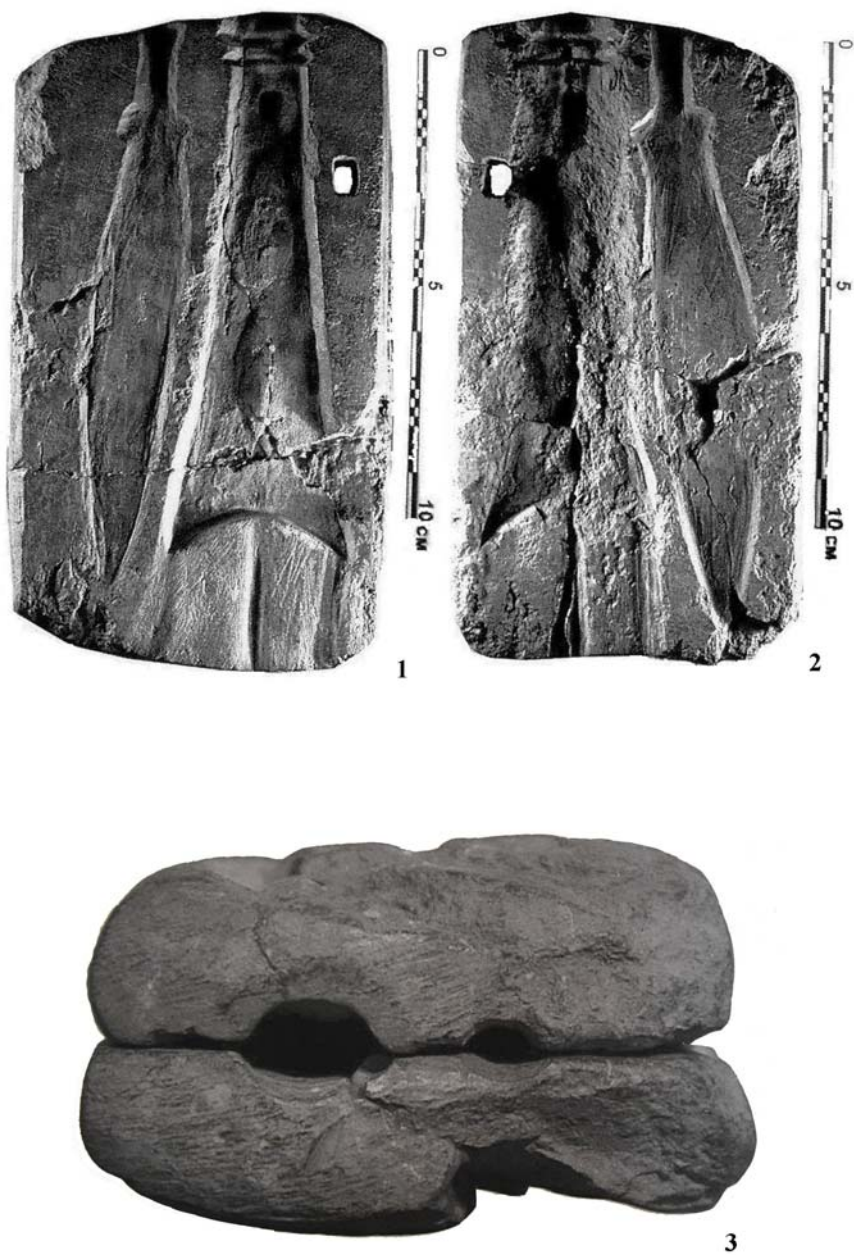

Рис. 2. Потьма-III. Фото каменной литейной формы.

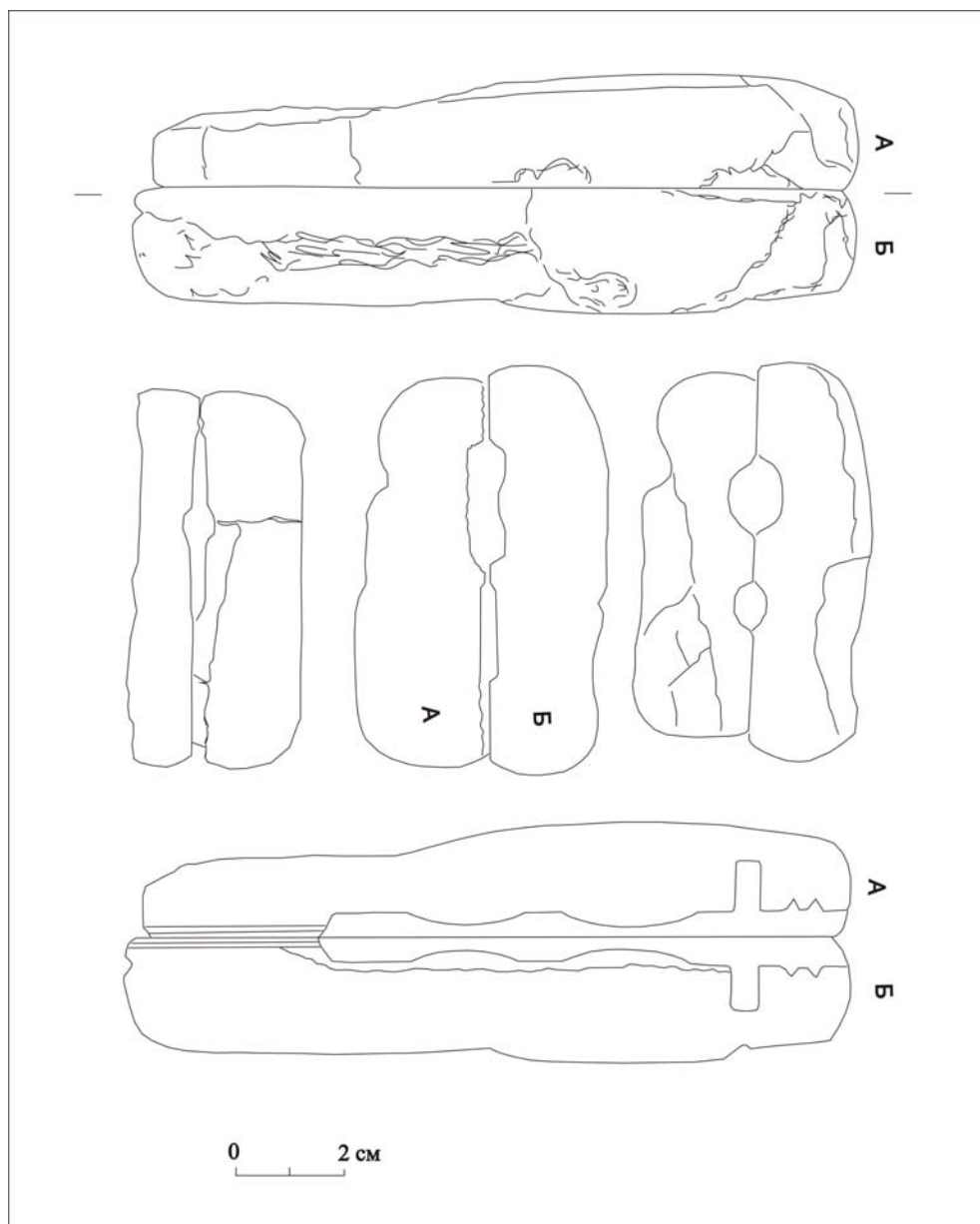

Рис. 3. Потья-III. Сечения каменной литейной формы (по рисунку С.В. Кузьминых).

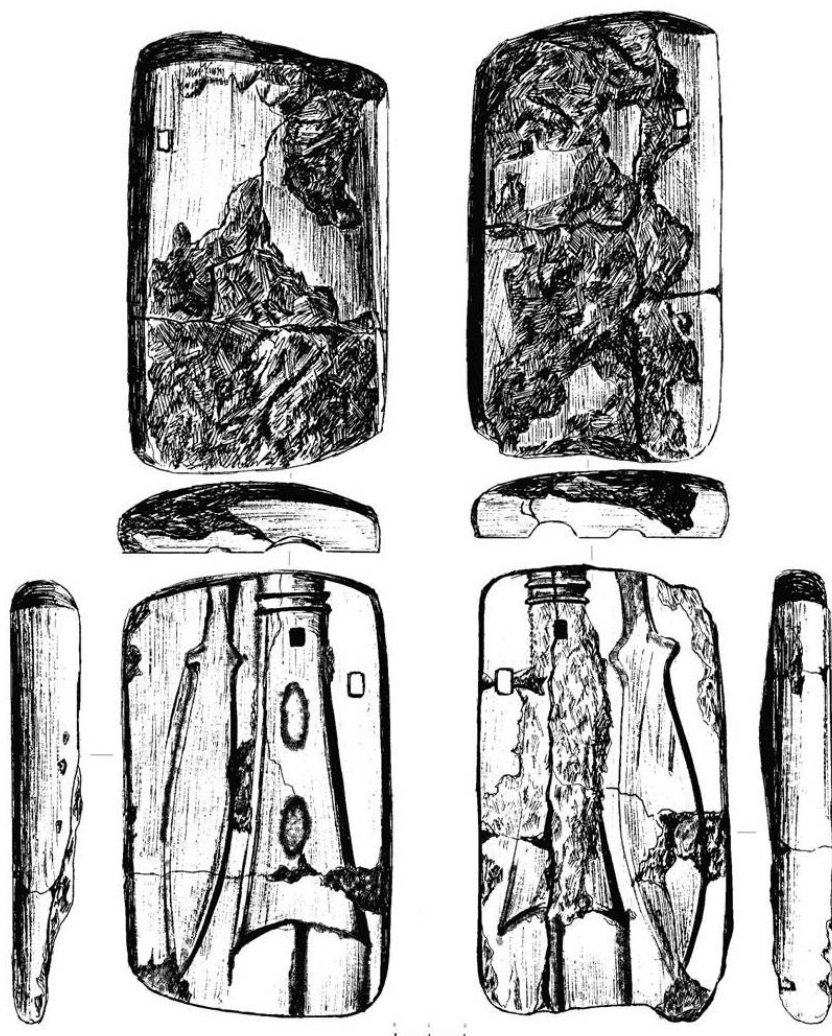

Рис. 4. Потьма-III. Каменная литейная форма.

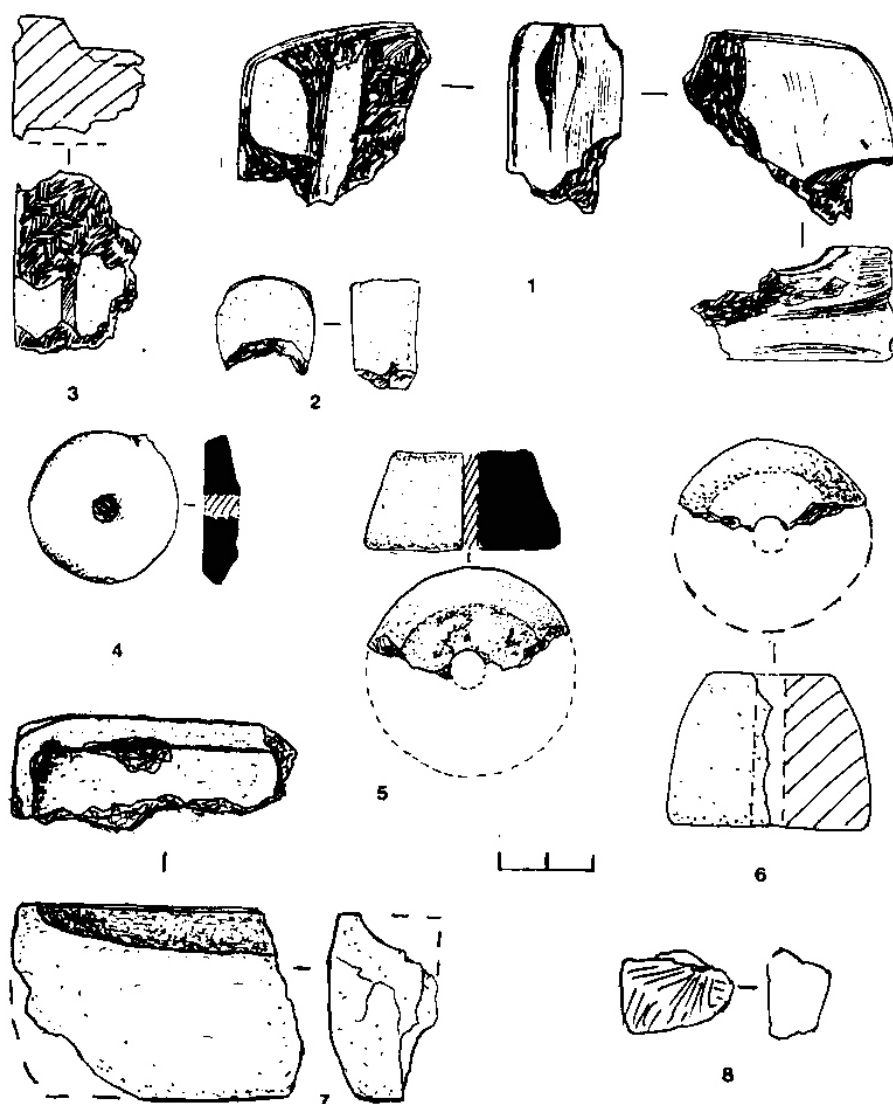

Рис. 5. Потья-III. Фрагменты керамических литейных форм (1, 3, 7), пряслица (4-6) и малахит (8).

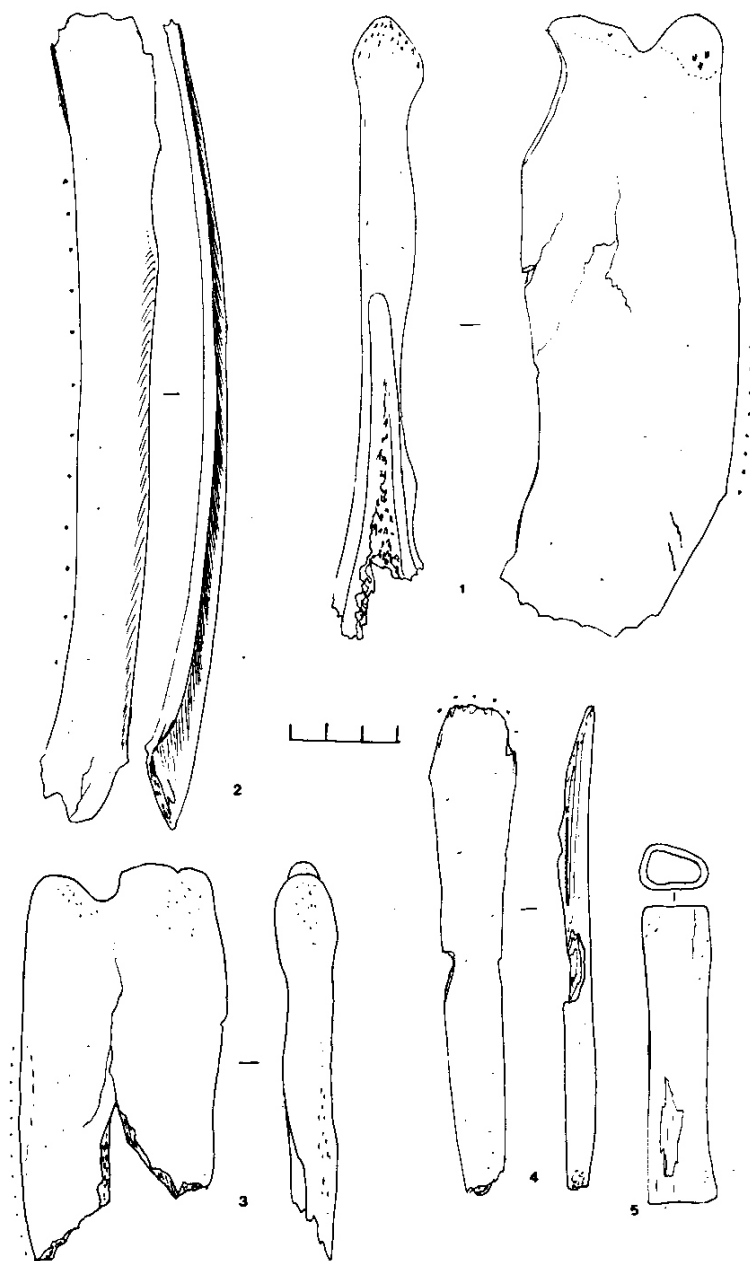

Рис. 6. Потыма-III. Костяные орудия.

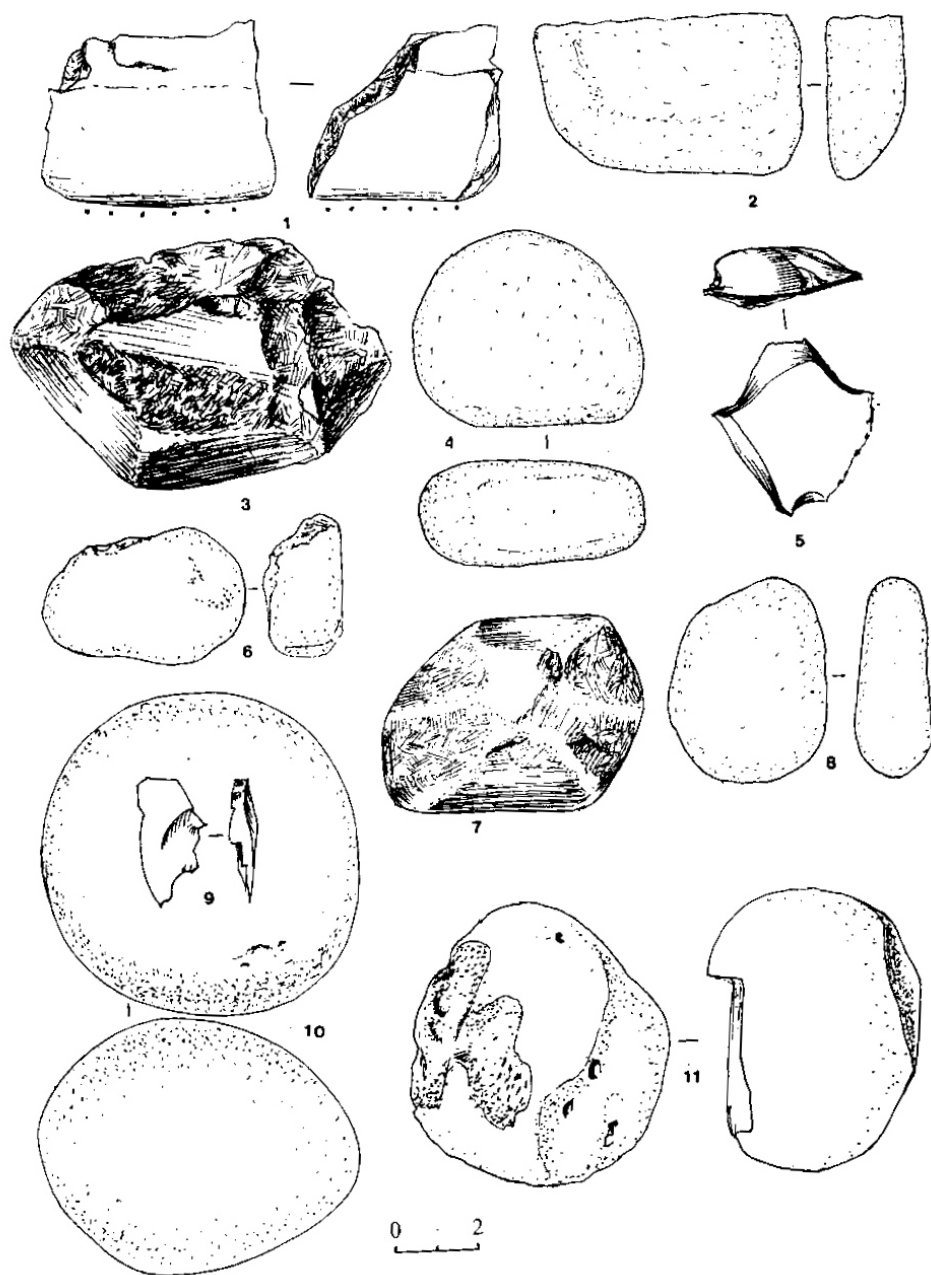

Рис. 7. Потьма-III. Орудия из камня.

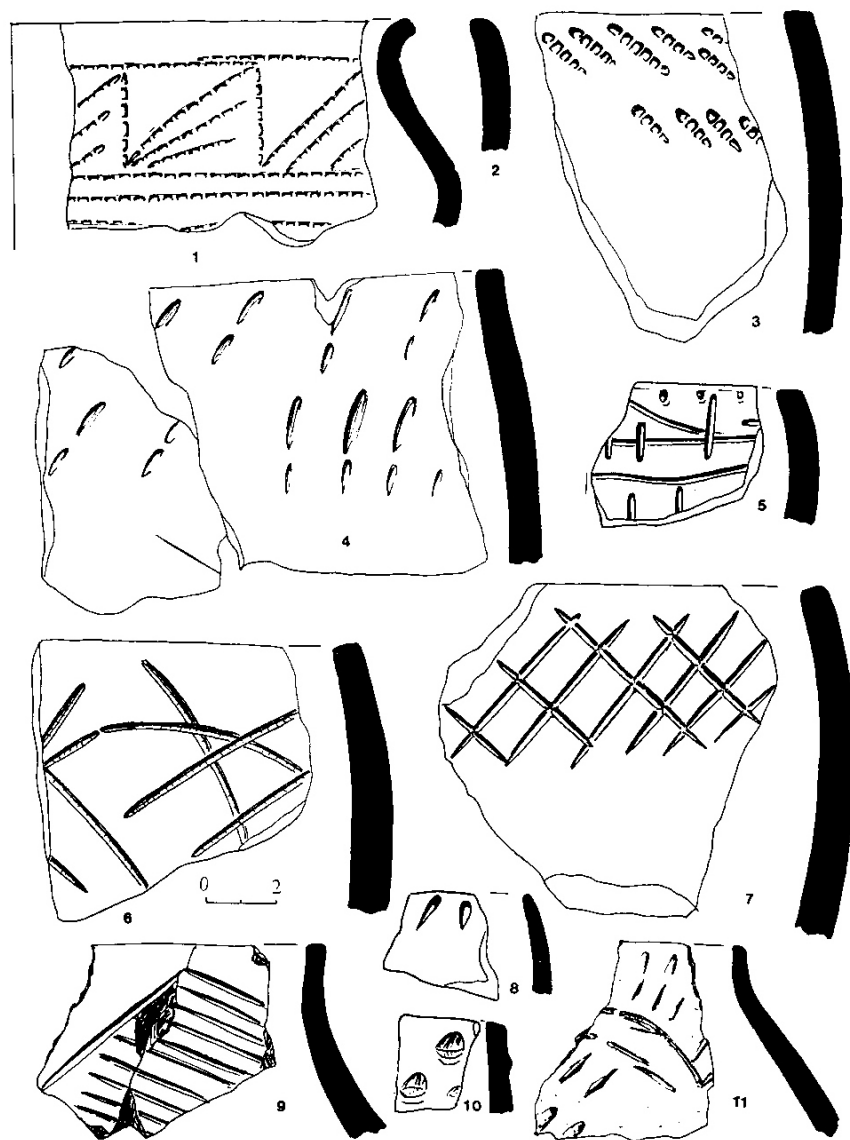

Рис. 8. Потья-III. Фрагменты керамических сосудов.

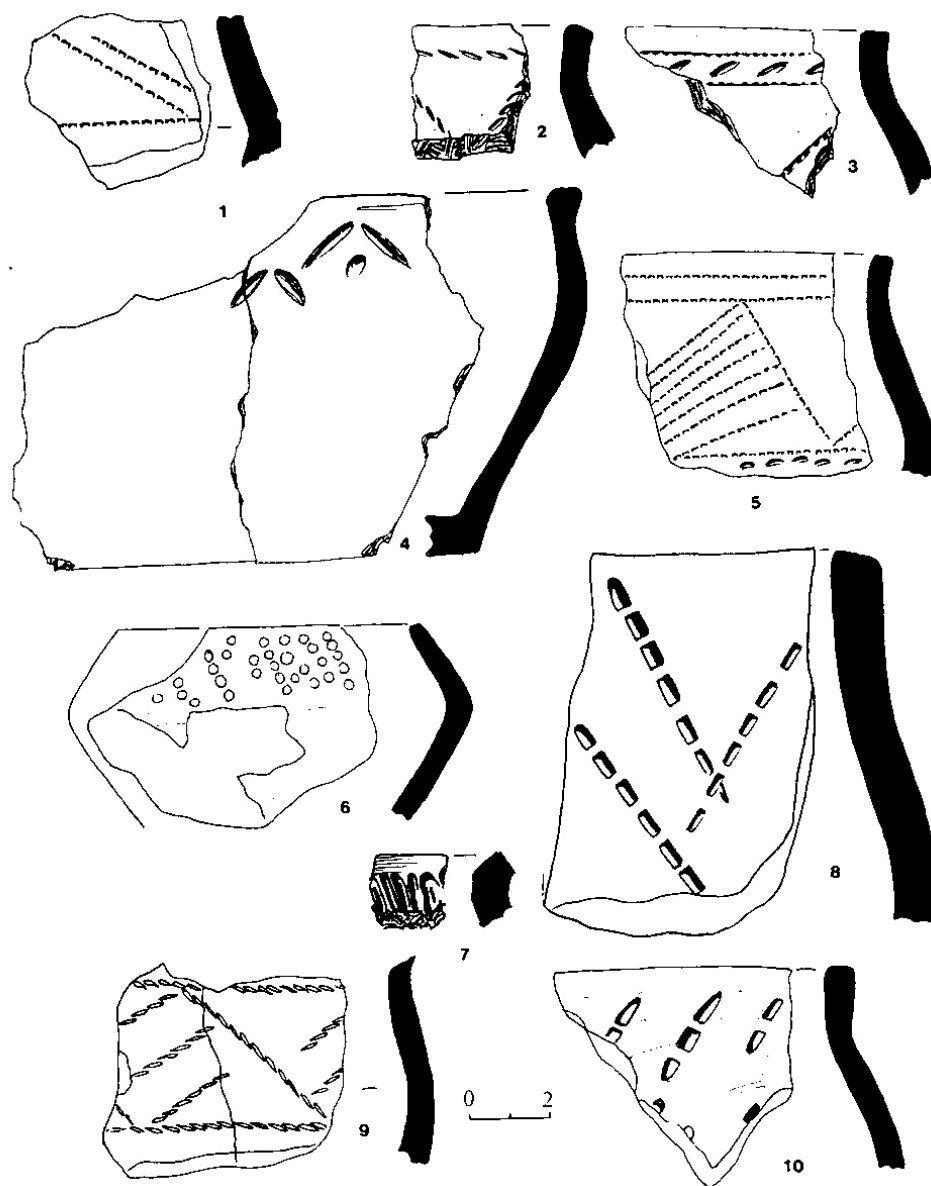

Рис. 9. Потьма-III. Фрагменты керамических сосудов.

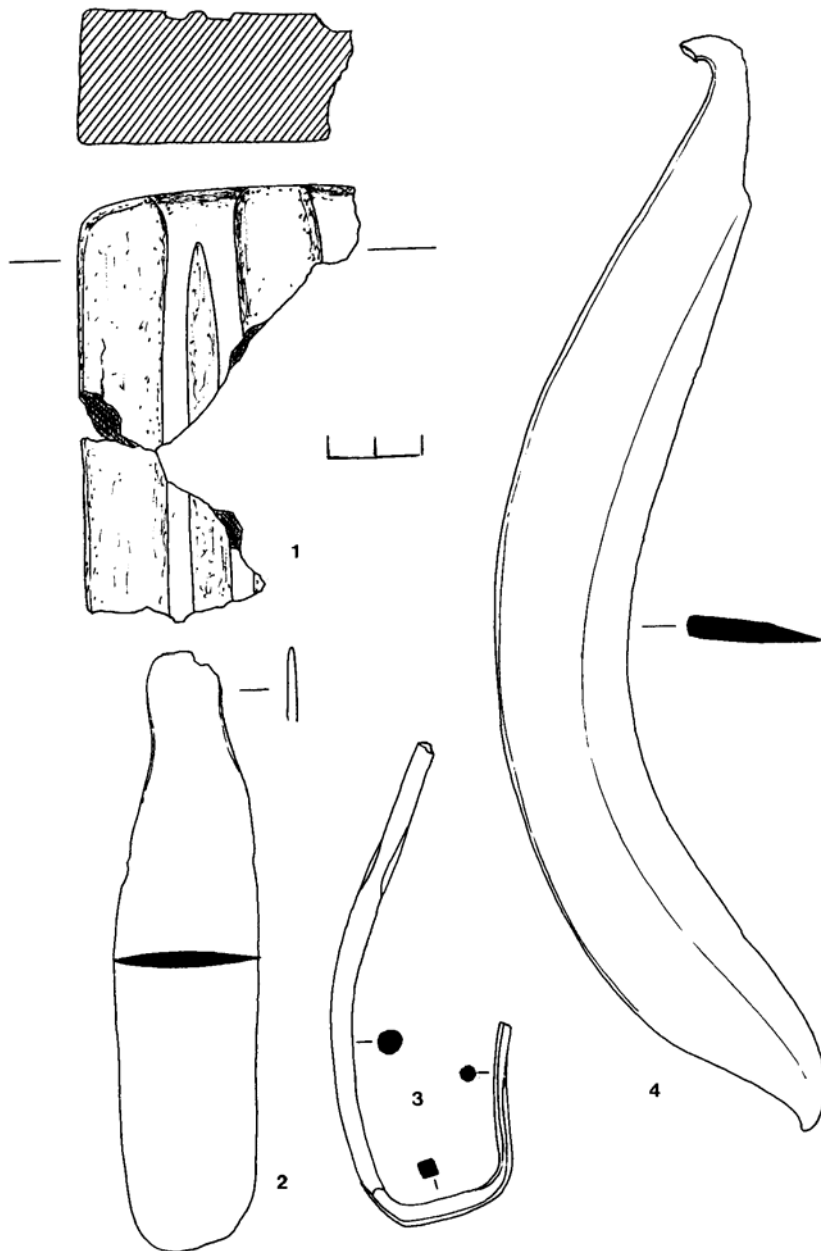

Рис. 10. Сборы с Милорадовского селища (по рис. О.В. Сергеевой).
Бронзовые предметы (2-4) и фрагмент керамической литейной формы (1).

Юдин А.И.

ПОГРЕБЕНИЯ С АСТРАГАЛАМИ ИЗ НОВОПОКРОВКИ-II:
СЛУЖИТЕЛИ КУЛЬТА ИЛИ «ИГРОКИ»?

В 2006 году были исследованы 4 кургана из курганной группы Новопокровка 2 в Вольском районе Саратовской области. Курганная группа из 10 насыпей вытянулась неровной цепочкой по краю левого берега р. Терешки. В физико-географическом отношении район раскопок расположен в южной лесостепи. Все четыре кургана были сооружены в эпоху поздней бронзы и относились к срубной культуре развитого периода. Часть материалов могильника Новопокровка 2, посвященных отдельным вопросам срубной культуры, опубликованы ранее [Юдин, 2007а, 2007б].

В числе прочих получено 6 погребальных комплексов, включающих значительное количество астрагалов¹, которые и рассматриваются в данной работе. Для исследования отобраны только те комплексы, где количество астрагалов в погребении составляло от 5 экземпляров и более, так как единичные астрагалы являются относительно частой находкой в срубных захоронениях, но не являются значимым компонентом среди остального погребального инвентаря. Например, в Новопокровке 2 есть еще два детских погребения, в каждом из которых в числе прочего инвентаря найдено по 1 астрагалу.

Курган 1. Курган был самым крупным из раскопанных – диаметр 22 м и высота 0,75 м – и содержал 25 погребений срубной культуры второго этапа развития, одновременно перекрытых насыпью. Интересующие нас материалы содержали два погребения – 3 и 22.

Погребение 3. Могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами слегка расширялась в головах. Размеры могилы: длина 1,25 м, ширина 0,75–0,9 м, глубина до 1,03 м от уровня материка. Могильная яма длинными сторонами ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. В заполнении могилы встречались остатки деревянного перекрытия из тонких бревен, лежащих вдоль могилы.

¹ Astragalos – у древних греков позвонок, бабка, игральная кость или в узком понимании только позвонок. Тогда как бабка – это надкопытный сустав кости или таранная кость. В рассмотренных комплексах есть только один астрагал в первом значении – позвонок – в к. 1, п. 3 – все остальные предметы – бабки. В археологической литературе все эти термины обычно являются синонимами или объединены одним термином – альчики.

На дне могилы лежал скелет ребенка 8 лет², скорченно, на левом боку, с небольшим завалом на спину. Череп плохой сохранности, раздавлен. Правая рука согнута в локте и покоилась на животе. Левая рука также согнута в локте и прижата к туловищу. Локоть левой руки лежал поверх горловины лепного сосуда, стоявшего у живота, между руками и ногами. Кости таза не сохранились (рис. 1, 1).

В могиле был обнаружен следующий инвентарь:

1. Сосуд 1. Стоял в углу могилы, перед лицом погребенного. Крупная округлобокая банка со слегка выделенным поддоном и слабоприкрытым устьем украшена двумя рядами глубоких овальных насечек под венчиком. Внешняя поверхность светло-коричневого цвета с серыми пятнами заглажена, но на некоторых участках проступают крошки шамота. Высота сосуда 16,8 см, диаметр венчика 16,8 см, диаметр дна 12,8 см. Под сосудом обнаружен тонкий слой органического тлена белого цвета (рис. 2, 1).

2. Сосуд 2. Стоял в центре могилы и был перекрыт локтем левой руки. Острореберный горшок с отогнутым венчиком и выделенным поддоном. Поверхность сосуда имеет равномерный светло-коричневый цвет. В нижней части поверхность сосуда бугристая от примеси шамота, а в верхней трети украшена орнаментом, выполненным плоским штампом. Под венчиком и по ребру проходят горизонтальные линии, а между ними – зигзаг. Поля в обрамлявшихся треугольниках заполнены короткими миндалевидными насечками. Ряд таких насечек проходит под ребром. Высота сосуда 10,6 см, диаметр венчика 17,2 см, диаметр дна 10,2 см (рис. 2, 2).

3. В юго-восточном углу могилы обнаружен комплекс предметов, залежавших совместно:

- компактной кучкой (40 x 25 см) уложены в несколько слоев крупные и мелкие астрагалы животных: 24 большие (в пределах 6,5 см длины) таранные кости КРС³ (рис. 2, 3 – *два верхних ряда и в нижнем ряду 3 экз. справа*); 39 таранных (ок. 3,5 см длины) костей МРС (рис. 2, 3 – *три средних ряда*); 4 таранных (ок. 5 см) кости свиньи (рис. 2, 3 – *нижний ряд, 2 экз. слева*);

- пять трубочек из костей птиц с ровно обрезанными и скругленными краями. Длина предметов от 10,6 до 13,1 см (рис. 1, 2-6);

- передний зуб животного (рис. 1, 7);

- небольшой (3 x 1,5 см) отщеп из светло-коричневого кремня с остатками желвачной корки. Вторичная обработка отсутствует (рис. 1, 9);

- керамическое колесико со сквозным отверстием. Диаметр 5,8 см, диаметр отверстия 0,9 см, толщина 1,5-1,5 см. С двух сторон по внешнему краю отверстия сформован неровный ободок типа ступицы. Обжиг неравномерный, в тесте глины имеется примесь шамота (рис. 1, 8; 2, 5);

- шейный позвонок животного – астрагал диаметром 2,5 см (рис. 2, 4).

Погребение 22. Погребение было совершено в прямоугольной могильной яме с округлыми углами. Могила была перекрыта поперечным деревянным накатником, остатки которого обнаружены в заполнении. Ровные стенки могилы почти вертикально опускались ко дну и только северо-восточная стенка

² Все палеоантропологические определения выполнены А.А. Хохловым (Самарский госпедуниверситет).

³ Палеозоологические определения выполнены Н.В. Росляковой (Самарский госпедуниверситет).

была повреждена землероями. Могила ориентирована по линии юго-запад – северо-восток и имела следующие размеры: длина 1,23 м, ширина 0,85 м, глубина до 1,11 м от верхнего уровня материка.

Умерший ребенок 11–12 лет был погребен скорченно, на левом боку, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях, кисти рук положены перед лицом и протянуты к нему (рис. 3, 1).

В могилу был помещен следующий инвентарь:

1. В углу могилы, перед лицом погребенного стоял лепной керамический сосуд – узкодонный острореберный горшок с широким устьем и закраиной в придонной части. Сосуд украшен бордюрным орнаментом, выполненным крупнозубчатым штампом и затертым белой пастой. Основу орнаментальной композиции составляет полоса зигзага, заполненного косой штриховкой, в результате чего образовались треугольники вершинами вверх. Под слегка отогнутым венчиком проходит полоса коротких наклонных насечек. Поверхность сосуда имеет пятнистый цвет – от светло-коричневого до серого в результате неравномерного обжига. В тесте глины имеется примесь шамота и белой крошки. Размеры сосуда: высота 11,6 см, диаметр венчика 18,6 см, диаметр дна 8,6 см (рис. 3, 2).

2. Перед коленями, касаясь их, стоял сосуд 2 – узкодонный острореберный горшок с широким устьем и закраиной в придонной части. Сосуд украшен бордюрным орнаментом, выполненным крупнозубчатым штампом и затертым белой пастой. Основу орнаментальной композиции составляет полоса зигзага, заполненного косой штриховкой, в результате чего образовались треугольники вершинами вверх. Под слегка отогнутым венчиком проходит полоса коротких наклонных насечек. Поверхность сосуда имеет пятнистый цвет – от светло-коричневого до черного как итог неравномерного обжига, а также она шероховата из-за примеси шамота в тесте глины. Размеры сосуда: высота 10,5 см, диаметр венчика 15,6 см, диаметр дна 8,4 см (рис. 3, 3).

3. В южном углу могилы компактной кучкой (рис. 3, 1) уложен набор астрагалов и костяное орудие (рис. 3, 5):

- 11 путовых костей лошади (фаланга I), (рис. 3, 5 – два верхних ряда);
- 8 путовых костей лошади (фаланга II), (рис. 3, 5 – средний ряд);
- 8 астрагалов КРС (фаланга I и II), (рис. 3, 5 – четвертый ряд сверху);
- фаланги I и II МРС (17 экз.) и таранная кость МРС (рис. 3, 5 – два нижних ряда);
- одно обработанное изделие – обрезанная наполовину головка от длинной кости животного; по краю обреза сделана фаска, а в центре просверлено сквозное отверстие (рис. 3, 4, 6).

Курган 3. Диаметр кургана 18–19 м, максимально сохранившаяся высота насыпи 0,4 м. Все 7 погребений, вероятно, были сооружены на протяжении небольшого хронологического отрезка и все сразу перекрыты одной насыпью. Погребения относятся к срубной культуре второго этапа эпохи поздней бронзы. Три погребения этого кургана включали в качестве погребального инвентаря астрагалы – №№ 3–5.

Погребение 3. Погребение совершено в могильной яме в плане близкой к прямоугольнику, но длинная южная стенка имела сильно округленные углы, что придает юго-западной части могилы полусферическую форму. Погребение сопровождалось могильным выкидом, а яма была перекрыта поперек

колотыми деревянными плахами шириной до 15 см, которые сохранились в заполнении могилы на глубине 0,35–0,4 м от уровня материка. Могильная яма была ориентирована по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток. Размеры могильной ямы следующие: длина 0,94 м, ширина до 0,8 м, глубина 0,45 м от верхнего уровня материка.

На дне могилы лежал скелет ребенка 4–5-ти лет плохой сохранности. Ребенок был положен на левом боку, скорченно, черепом на восток-северо-восток. Руки согнуты в локтях, кисти рук положены перед лицом (рис. 4, 3).

Перед лицом стоял глиняный лепной сосуд – округлобокая банка с прикрытым устьем, светло-коричневого цвета. Неровности внешней поверхности сглажены разнонаправленной штриховой зачисткой. Тесто глины в изломе черное, с примесью шамота и белой крошки. Сосуд имеет следующие размеры: высота 10,5 см, диаметр венчика 15,2 см, диаметр дна 9,4 см (рис. 4, 1).

В юго-восточном углу могилы, рядом с сосудом лежало пять астрагалов МРС (рис. 4, 2).

Погребение 4. Могильная яма погребения имела подквадратную форму и сильно скругленные углы. Ориентирована могильная яма почти строго по сторонам света, а более длинными сторонами в направлении запад – восток. На уровне погребенной почвы погребение сопровождалось светлым материковым выкидом, залегавшем к югу и северу от могилы. Могила была перекрыта бревенчатым накатником, остатки которого сохранились в темном гумусированном заполнении могильной ямы. Могильная яма имела следующие размеры: длина 1,3 м, ширина 1,05 м, глубина 0,6 м от верхнего уровня материка.

На дне могилы сохранились остатки скелета ребенка 6–7 лет: фрагменты черепа, плечевые кости рук, ребра. Относительно непо потревоженными остались кости ног. Умерший был положен скорченно, на левом боку, головой на восток (рис. 5, 1).

Погребальный инвентарь находился в юго-восточном углу могилы. Это набор астрагалов, уложенных в компактную кучку и глиняный лепной сосуд.

1. Сосуд – крупная округлобокая груболепная банка с прикрытым устьем темно-серого цвета. Внешняя поверхность покрыта грубыми вертикальными полосами от сглаживания. Высота сосуда 13,5–14,1 см, диаметр венчика 18 см, диаметр дна 11 см (рис. 5, 2).

2. Набор астрагалов включал:

- 7 таранных костей КРС, (рис. 5, 3 – *верхний ряд*);
- 7 таранных костей свиньи (рис. 5, 3 – *второй ряд, 7 экз. слева*);
- 23 таранные кости (астрагалы) МРС (рис. 5, 3 – *остальные*).

Погребение 5. Погребение совершено в могильной яме подквадратной формы с сильно скругленными углами. Могильная яма ориентирована по сторонам света с незначительным отклонением по линии юго-юго-запад – северо-северо-восток. Могила размерами 1,57 x 1,55 м имела глубину до 0,76 м от верхнего уровня материка. Три стенки могильной ямы вертикальные, а восточная – слегка покатая (рис. 6, 1).

Вероятно, погребение сопровождалось могильным выкидом но он был уничтожен при разработке карьера и сооружении технологической дороги, под которую попало погребение.

В заполнении могильной ямы сохранились остатки мощного деревянно-го перекрытия. По глубине 0,45–0,5 м от уровня материка зафиксировано залегание двух бревен в направлении север-юг у западной стенки и приблизительно в центре могилы. Остальные бревна диаметром 15–18 см перекрывали могилу сплошным накатом по линии запад – восток (рис. 6, 2).

На дне могилы, в ее центральной части и ближе к северной стенке лежал скелет ребенка 8–10 лет. Череп и стоящий рядом керамический сосуд были раздавлены упавшим перекрытием. Кости скелета плохой сохранности, но поза устанавливается. Ребенок был помещен в могилу на левом боку, скорченно, с согнутыми в локтях руками и кистями рук перед лицом (рис. 6, 3).

Раздавленный сосуд удалось восстановить. Это плоскодонная лепная банка с прикрытым устьем. Цвет поверхности коричневый с темно-серыми пятнами. В тесте глины обильная примесь шамота и немного белой крошки. В верхней трети тулова сосуд небрежно украшен двумя рядами наклонных оттисков короткого зубчатого штампа. Размеры сосуда: высота 10,2 см, диаметр венчика 13 см, диаметр дна 8,8 см (рис. 7, 1).

В северо-восточном углу могилы компактной кучкой (в мешочке?) были уложены крупные и мелкие астрагалы и зубы коровы. Всего насчитывалось 47 предметов:

- 7 таранных костей (астрагалов) КРС (рис. 7, 2 – *верхний ряд*);
- 8 таранных костей свиньи (рис. 7, 2 – *второй ряд*);
- 26 астрагалов овцы (рис. 7, 2 – *два нижних ряда*);
- 2 таранных кости лошади (рис. 7, 3);
- 4 зуба коровы (рис. 7, 4).

Курган 4. Погребение 5. Могильное пятно по уровню материка имело подовальную форму, но, по мере выборки заполнения, могильная яма приобретала подпрямоугольные очертания. Погребение сопровождалось материковым выкидом на погребенной почве, в заполнении могилы встречались остатки деревянного перекрытия. Размеры могилы по дну: длина 1,17 м, ширина 0,76 м, глубина от верхнего уровня материка 0,65 м.

На дне могилы, по центру лежал скелет ребенка около 8 лет, скорченно, на левом боку, головой на северо-восток. Череп и кости рук перемещены землероями (рис. 8, 1).

За спиной погребенного и на тазовых костях лежал лепной глиняный сосуд – слабопрофилированный горшок с широким устьем и отогнутым венчиком. Срез венчика украшен глубокими «личиными» вдавлениями. Ими же орнаментирована шейка. На поверхности хорошо видны глубокие наклонные следы от сглаживания. Цвет сосуда светло-коричневый; в тесте глины хорошо заметна примесь крупного шамота, от чего поверхность приобрела бугристость. Высота сосуда 17 см, диаметр венчика 17,4 см, диаметр дна 9,4 см (рис. 8, 2).

Между ногами и стенкой могилы компактной кучкой овальной формы и размерами 0,3 x 0,2 м были уложены астрагалы, среди которых найдена костяная трубочка и створка ископаемой раковины *Gryphaea vesicularis*. Всего комплекс включал:

- 12 целых и 2 в обломках таранных кости свиньи (рис. 9, 1 – *верхний ряд и 3 экз. справа во втором ряду*);
- 73 мелких астрагала МРС и обломки еще от 4–6 (рис. 9, 1 – *остальные*);

– трубчатая кость с обрезанными и как бы приостренными по периметру концами, длина 14,6 см (рис. 8, 3; 9, 3).

– створка ископаемой раковины *Gryphaea vesicularis* (рис. 8, 4; 9, 2).

Таким образом, в нашем распоряжении имеется 6 комплексов, где в количественном отношении преобладают надкопытные кости овцы, коровы и лошади, а также имеются таранные кости свиньи. Следует сразу заметить, что все исследованные курганы и погребения в них относительно одновременны и были сооружены на протяжении небольшого хронологического отрезка, что хорошо видно из анализа погребального обряда и инвентаря. Всего в 4-х исследованных курганах (в кургане 2 нет комплексов с астрагалами) обнаружено 52 погребения. Следовательно, погребения с астрагалами (5 экземпляров и более) составляют более 10% от общего количества захоронений.

* * *

Традиция помещать астрагалы в погребения на территории Нижнего Поволжья прослеживается еще с ямного времени. В детском погребении 2 кургана 80 могильника Бережновка-II найдено 16 бараньих альчиков в красной охре [Синицын, 1960. С. 79]. Но обычно в ямных погребениях встречается один астрагал, например, в Ольховке, кург. 4, погр. 5 во взрослом погребении, где другой инвентарь отсутствовал [Сергацков и др., 2006а. С. 228].

По данным Е.В. Ярового, в ямных погребениях Днестровско-Прутского междуречья астрагалы, как и другие предметы из кости, встречаются редко и только по одному экземпляру. Причем, в четырех случаях из пяти они найдены в детских погребениях, а в одном – в кенотафе [Яровой, 1985. С. 79].

Эта традиция была известна и в других синхронных культурах Волго-Донского региона. Например, в детском погребении (кург. 4, погр. 9) майкопской культуры могильника Антонов-I на Дону обнаружен комплекс из 31 астрагала [Мамонтов, 1994. С. 34]. Погребение основное, другой инвентарь – один красноглиняный сосуд.

В эпоху средней бронзы в Заволжье также нередки случаи захоронений с альчиками и обычно это детские погребения. В детском парном (10 и 12 лет) погребении 4 кургана 29 могильника Бережновка-II найдено 6 альчиков [Синицын, 1960. С. 49]. 12 астрагалов найдено в погребении подростка погребения 1 кургана 15 Быково-I. В могиле отмечено наличие золы, найдена каменная подвеска и кремневая пластина [Смирнов, 1960. С. 211]. Есть упоминание о бараньих астрагалах в детском (8–10 лет) погребении 9 кургана 2 Бережновки-II [Синицын, 1959. С. 121–122]. В детском катакомбном погребении 1 кургана 1 могильника Шумейка обнаружено 15 астрагалов, один из которых орнаментирован короткими насечками [Юдин, 2007. С. 164–165, рис. 2, 4]. Взрослые погребения с астрагалами эпохи средней бронзы в регионе неизвестны.

Аналогичная картина наблюдается и в погребениях средней бронзы Правобережья. В могильнике Петрунино-II (Камышинский р-н), курган 4, погр. 2. исследовано детское погребение (5 лет) предкавказской культуры, которое содержало жаровню, 15 костяных колец и 11 бараньих альчиков [Сергацков, 1999. С. 7]. Еще в одном погребении средней бронзы (Подгорное, кург. 5, погр. 4) у г. Михайловка был похоронен ребенок 8–9 лет, сопровождаемый сосудом и набором 26 альчиков [Мамонтов, 1999. С. 55]. В погребении

ребенка 6–7 лет в Ольховке-I кроме сосуда находились каменный пест и 2 альчика [Сергацков и др., 2006а. С. 226–227].

И даже если погребение коллективное, то астрагалы всегда располагаются рядом с ребенком. В коллективном захоронении погребения 5 (7 человек) в кургане 7 могильника Линево среди прочего многочисленного инвентаря найдено 47 овечьих альчиков, уложенных в ногах ребенка [Сергацков и др., 2006. С. 43–44]. В парном погребении 5 (женщина и ребенок) кургана 8 того же могильника около полутора десятка овечьих альчиков лежали двумя кучками у колен и перед лицом ребенка [Сергацков и др., 2006. С. 46]. В коллективном захоронении могильника Заречное (курган 1, погребение 10) в Восточной Украине, было обнаружено 4 скелета, но 14 астрагалов были положены рядом с подростком. Автор публикации отмечает, что погребения с костяными пронизками и астрагалами всегда мужские, а последние – характерная игральная принадлежность детей и подростков [Братченко, 2003. С. 162, 164, 218–219, рис. 2, 5].

Следует подчеркнуть, что в эпоху средней бронзы астрагалы-альчики встречаются только в погребениях детей и подростков. Исключением является погребение 2 в кургане 2 могильника Ольховка, где взрослый человек сопровождался альчиком. Но здесь неоднозначна стратиграфическая ситуация: авторы раскопок предполагают, что погребение являлось вторичным и представляло собой выкладку скелета. Между тем в заполнении погребения встречено несколько костей ребенка [Сергацков и др., 2006. С. 224]. В третьем погребении из того же кургана также найден альчик, но скелет человека был разрушен и в публикации его возраст не приводится. В кургане 3 детское погребение (6–7 лет) сопровождалось двумя альчиками [Сергацков и др., 2006. С. 226–227].

На Нижнем Дону астрагалы также являются принадлежностью детских погребений. Например, в катакомбных погребениях кургана 3 могильника Мокрый Волчек 1 известно от 2–3 астрагалов (погр. 5 и 7) до 47 (погр. 8). Причем в последнем случае 7 астрагалов подвергались дополнительной обработке [Прокофьев, 2002. С. 117–125].

В научной литературе существует два основных мнения относительно назначения астрагалов. Предполагается, что они являлись индикаторами захоронений служителей культа [Ковалева, 1990. С. 66–69; Цимиданов, 2004. С. 78–80]. Согласно другой точке зрения, астрагалы являются детскими игрушками или предметами игры в кости [Яровой, 1985. С. 79; Санжаров, 1988. С. 153].

Рассмотрим обе точки зрения через призму находок в Новопокровке. В первую очередь обращает на себя внимание возраст погребенных с астрагалами. Это исключительно дети от 4–5 до 10–12 лет. Если посмотреть на аналогичные срубные комплексы с астрагалами в нижевожском регионе, то обнаруживается такая же тенденция: практически все погребения со значительным количеством астрагалов (от 5 и более) – детские или подростков.

Например, в раннесрубном погребении 20 из кургана 5 Золотой Горы был погребен подросток с 56 астрагалами [Юдин, Матюхин, 2006. С. 31]; в погребении 1 кургана 1 Ровненского могильника также погребен подросток с 12 «фаланговыми костями коровы» и 25 астрагалами овцы [Синицын, 1966. С. 25, 28, рис. 4, 1].

Относительно возраста погребенных с астрагалами в срубной культуре наиболее показательным будет анализ массива срубных погребений степного Волго-Уральского междуречья. К началу 90-х годов прошлого века здесь было учтено 1010 срубных погребений: сведения о 562 представлены в своде памятников срубной культуры [Памятники..., 1993. С. 20–63] и еще 448 погребения исследовано Сталинградской экспедицией [Синицын, 1959; он же, 1960; Смирнов, 1959; он же, 1960; Шилов, 1959; он же, 1975].

В 49 случаях есть указания на содержание астрагалов барана, коровы и путовых костей лошади в погребениях. В 45 случаях определяется возраст погребенных. Из этого количества к погребениям детей и подростков относятся 36 захоронений, а взрослых всего 9 или 20%. Особо следует отметить, что взрослые погребения содержат один-два астрагала и только в одном случае (Новоникольский-II, дюна 2, погр. 18) в женском погребении найдено 10 бараньих астрагалов, 1 коровий и кусок мела [Шилов, 1975. С. 38, рис. 29, 1].

К сожалению, в описаниях погребений, исследованных в первой половине прошлого века очень редко указывается количество астрагалов, отмечается только их наличие. Более 5 астрагалов встречено в четырех детских погребениях (8, 22, 35 и ок. 40 экз.). Остальные погребения содержали от 1 до 4 астрагалов. Следует особо подчеркнуть, что погребения ничем не выделялись среди остальных срубных и кроме астрагалов обычно включали еще один сосуд, чаще всего банку.

Погребения взрослых с астрагалами наоборот чаще всего выделяются по какому-нибудь параметру погребального обряда или сопроводительного инвентаря. Например, в эпоху средней бронзы в погребении 7 кургана 5 Второго Власовского могильника на Среднем Дону был захоронен взрослый человек. Здесь найдено 9 астрагалов (5 на дне и 4 в заполнении шахты). Здесь также обнаружены курительница (редкая категория находок в среднедонской катакомбной культуре) и две гадальные кости в форме октаэдра, что указывает на не рядовой характер захоронения [Данченко, 2002. С. 51–52].

В сводке срубных погребений с астрагалами (альчиками), приводимой И.Ф. Ковалевой для Орельско-Самарского междуречья и Днепровского Надпорожья, из 16 погребений детских всего 3. Причем два захоронения содержали по 1 астрагалу, а третье – 4. Во взрослых погребениях обнаружено от 1 (2 погр.) до 161 астрагала. Также встречено по 2, 3 (2 погр.), 4, 7, 8, 10, 14, 70 и 77 астрагалов. Все астрагалы обработаны пришлифовкой, в двух случаях сопровождаются каменными или костяными «фишками» [Ковалева, 1990. С. 62–63]. Отмечается социальная выделенность части этих погребений, а в самих погребенных автор видит «профессиональных гадателей, сопричастных культу и обслуживавшим его жрецам» [Ковалева, 1990. С. 69]. Но следует обратить внимание, что в данном случае все астрагалы обработаны, что в срубных погребениях Нижнего Поволжья является исключением. В Волго-Уральском междуречье из более чем тысячи срубных погребений, обработанные астрагалы известны всего в одном [Ченин, кург. 8, погр. 1].

Все вышеперечисленные срубные погребения из Новопокровки 2 имеют исключительно рядовой характер по всем параметрам. Эти погребения никак не выделяются планиграфически, параметры могильных ям соответствуют традиционным для данной половозрастной группы, инвентарь вне комплекса астрагалов – обычные один-два керамических сосуда. Выделяются эти погре-

бения по одному признаку – наличию совокупности астрагалов с некоторыми другими категориями погребального инвентаря (пряслице, трубочки и др.). Они всегда залегают совместно, четко локализуясь в определенной части дна могильной ямы. Как минимум в двух случаях (к. 3, п. 4 и к. 4, п. 5), можно с уверенностью утверждать, что астрагалы в момент погребения были помещены в мешочки либо чем-то плотно обернуты (рис. 10; 11). Предметы залегают несколькими слоями в виде овала настолько плотно, что это можно сделать только внутри какого-нибудь объема. Это, несомненно, свидетельствует, что в смысловом отношении астрагалы и сопровождавшие их артефакты, по меньшей мере, в момент совершения погребения воспринимались как единое целое.

Связать уложенные в кучки астрагалы с жертвенниками вряд ли будет возможно. Срубные жертвенники на поселениях известны достаточно хорошо. Из трех выделенных типов, нас интересуют жертвенники алтарного типа. Но они имеют более крупные размеры. В срубных жертвенниках алтарного типа на поселениях скопления костей имеют другую специфику – обычно это уложенные в геометрическую форму (прямоугольник, квадрат) кости практически всех частей животных [Мимоход, 2000. С. 86–93].

Сами астрагалы мало что могут нам сказать без контекста их обнаружения. Рассмотрим остальные предметы из комплексов с астрагалами в Новопокровке 2.

В комплексе с двумя остросереберными сосудами и астрагалами (кург. 1, погр. 22) найдено костяное изделие со сквозным отверстием из головки длинной кости животного (рис. 3, 4, 6).

В памятниках абашевской культуры Подонья и покровских комплексах Поволжья аналогичные предметы интерпретируются как пряслица, несмотря на то, что они встречались не только в женских, но и в мужских и воинских погребениях [Матвеев, Добрынин, 2003. С. 148–152]. На срубном Мосоловском поселении несколько пряслиц практически полностью идентичны новопокровскому [Пряхин, 1996. С. 115, 116, рис. 75, 3, 6]. В степном Заволжье костяные пряслица встречаются как в раннесрубных комплексах, так и среди материалов второго этапа срубной культуры [Памятники..., 1993. Табл. 1, 28; Табл. 4, 18; Табл. 26, 33]. Такие пряслица известны в срубных материалах Средней Волги [Седова, 2000. С. 228, рис. 2, 1, 2], а в Украине они чаще всего встречаются на поселениях, расположенных в лесной и лесостепной зонах [Ремесло..., 1994. С. 157–158, рис. 47, 9–11]. Близкие по морфологическим признакам изделия из погребений синташтинской культуры также интерпретируются как пряслица [Ткачев, 2007. С. 194]. Таким образом, обнаружение костяного пряслица в Новопокровке 2 в комплексе с астрагалами позволяет предполагать какую-либо другую функцию этого предмета.

В погребении 3 кургана 1 в комплексе с астрагалами встречено глиняное колесико (рис. 1, 8; 2, 5). Среди подобных изделий проводится четкая градация. На Мосоловском поселении большая часть подобных предметов (с утолщением-втулкой в районе отверстия или с утолщениями по бортам) интерпретируется не как пряслица, а как глиняные модели колес [Пряхин, 1996. С. 98–100, рис. 61, 62]. Подобные предметы с поселения Сухая Мечетка-IV также рассматриваются как модели, символы колес повозок или колесниц [Мыськов, Лапшин, 2007. С. 26, рис. 31, 1, 4]. Нахождение двух категорий предметов – костяного пряслица и колесика – среди астра-

галов представляется не случайным и позволяет предполагать какую-то их функциональную связь.

В погребении 5 кургана 4 комплекс с астрагалами включал еще одну редкую категорию находок – створку ископаемой раковины *Gryphaea vesicularis* (рис. 8, 4; 9, 2). Створки ископаемых раковин *Gryphaea vesicularis* находят в погребальном инвентаре начиная с позднеямного времени, например, аналогичная ископаемая раковина известна в ямном погребении Увакского могильника в Приуралье, где она обнаружена в засыпке и являлась единственным предметом погребального инвентаря [Моргунова, Кравцов, 1994. С. 39]. Наиболее часто *Gryphaea vesicularis* встречаются в катакомбных захоронениях с кремнеобрабатывающими комплексами. Пять ископаемых раковин известно в погребении мастера по изготовлению стрел в Новой Квасниковке в Заволжье [Юдин, Лопатин, 1989. С. 133]. Функциональная их принадлежность определяется весьма широко: обычные ложки, деревообрабатывающие инструменты, отжимники или емкости для вымачивания кремневых отщепов перед обработкой [Санжаров, 2008. С. 41–43]. Обнаружение *Gryphaea vesicularis* в срубном погребении в комплексе с астрагалами расширяет их функциональное назначение.

В погребении 3 кургана 1 вместе с набором астрагалов найдены 5 трубочек различной длины из костей птицы (рис. 1, 2–6). Впервые подобная находка была обнаружена И.В. Синициным в Заволжье. Древнейшая 8-ствольная флейта, типа «флейты Пана», известна в ямном погребении 3 кургана 5 у с. Скатовка. Здесь флейта представлена в наиболее полном виде – из восьми птичьих ножных костей, варьировавшихся по длине в интервале 12–2,7 см [Синицын, 1959. С. 162–163, рис. 56, 6].

Всего флейт известно не более дюжины и все они относятся к ямно-катакомбному пластику памятников. Последняя из подобных находок найдена в одном из женских (20–25 лет) погребений средней бронзы на территории некрополя Нижне-Гниловского городища на Нижнем Дону. Здесь обнаружено 6 трубочек различной длины из костей птицы [Прохорова, 2004. С. 66, рис. 2, 7]. Сводку этих находок и их подробную интерпретацию приводит А.Т. Синюк. По его наблюдениям эти музыкальные инструменты всегда находились в неординарных погребениях и служат надежным индикатором для отнесения умерших к служителям культа. Затем эти предметы в более позднее время стали заменяться в погребениях «какими-либо более условными категориями обрядности», что привело к отсутствию флейт у более поздних степных скотоводов [Синюк, 1989. С. 61–64; он же, 1996. С. 294–297]. В таком случае «флейта» из Новопокровки или не является таковой, или это пережиточное явление, анахронизм, когда первоначальное предназначение было забыто. При этом следует еще раз подчеркнуть возраст погребенного в погребении 3 кургана 1–8 лет – и совершенно рядовой погребальный обряд. Впрочем, позднее было высказано мнение, что к данной категории предметов можно отнести и отдельные трубочки [Синюк, Березуцкий, 2001. С. 64]. Если согласиться с этим положением, то тогда круг погребений с «флейтами» значительно расширяется, так как отдельные трубочки достаточно часто встречаются в срубных захоронениях, в том числе и в одном из описанных выше комплексов Новопокровки 2 – курган 4, погребение 5.

Зубы коровы, найденные вместе с астрагалами в погребении 5 кургана 3 Новопокровки 2 (рис. 7, 4), в качестве сопроводительного инвентаря в срубных погребениях не являются обычной категорией. Применительно к данному комплексу астрагалов и учитывая их значительно больший вес относительно последних, можно предполагать их использование в качестве биты при игре в «бабки». Вероятно, подобное предназначение имели и некоторые другие предметы из комплексов с астрагалами. Какие же факты позволяют предполагать комплексы астрагалов в качестве именно игровых принадлежностей?

Стандартность формы астрагалов привлекала внимание человека с древности. Случаи их использования в качестве предметов гадания или игры неоднократно описаны в научной литературе. На территории Нижнего Поволжья использование астрагалов известно с позднего неолита. В слое позднего неолита (перв. пол. V тыс. до н. э.) Варфоломеевской стоянки астрагалы обнаружены в яме (жертвеннике?) вместе с передними зубами лошади, развалом сосуда, кремневыми чешуйками, крупной бабкой и расколотой трубчатой костью с обработанным концом. Причем астрагалы, зубы и чешуйки залегали в отдельных кучках [Юдин, 2004. С. 166, рис. 95, 2, 2a].

Предметы, применявшиеся в азартных играх известны в Египте с середины IV тыс. до н. э. На камнях и керамике изображены люди, кидающие бабки и использующие счетные доски для подсчета результатов. Также известны многочисленные письменные источники об использовании астрагалов для игры и гаданий в Древней Греции и Римской империи. Шестигранные игральные кости первоначально вырезались из бабок, но затем более стандартные кости изготавливались из керамики и дерева. Высказываются предположения, что бабки, игральные кости могли использоваться не только для азартных игр, но и предсказания будущего, гадания или ворожбы. Однако чаще всего в исторических источниках они упоминаются именно как атрибуты игры. Многочисленны упоминания об азартных играх в кости в Ригведе и Махабхарате.

Американский антрополог А.Л. Кребер пытался определить связь азартных игр с другими особенностями культуры того или иного народа и не смог найти никаких жестких связей с чертами экономики, системы благосостояния или видом религии. Позднее антрополог Джон Роберте высказал предположение, что игры выражают основные идеи и направления той или иной культуры и являются моделями различных видов культурной деятельности. Они могут моделировать битву, охоту, преследование и т. д. [Игорный..., 1994].

Собственно говоря, и в современном обществе обучение детей наиболее эффективно посредством игр, особенно в младшем возрасте.

На территории Юго-Восточной Европы о традиции игры в бабки в постбронзовое время свидетельствуют их находки в погребениях последующих эпох. Например, весьма выразительный комплекс происходит из погребения 1 кургана 4 могильника «Рясные могилы» на окраине г. Шахты в Донецкой области. Погребение ребенка 4–6 лет в числе прочего сопроводительного инвентаря содержало 19 астрагалов, 10 из которых имеют процарапанные символы. Захоронение половецкое, золотоордынское времени (XIII–XIV вв.) [Санжаров и др., 2003. С. 143–148, рис. 17, 1–10].

Традиция игры в бабки была распространена в Древней Руси [Сергеева, 2002. С. 50–58]. Российский собиратель фольклора И.П. Сахаров писал, что в русской семейной жизни (середина XIX века) игра в бабки занимает самое почетное место, существовала повсеместно и приводит ряд игр в бабки: «кон за кон», «плоцки», «об стенку», «у кону», «городок» и многие другие [Сахаров, 1849].

Художественное, но этнографически точное описание игры в бабки в первой половине прошлого века в русских деревнях приводит классик русской литературы Виктор Астафьев, вспоминая свои детские годы [Астафьев, 1992. С. 196–212]. Совершенно очевидно, что игра в бабки имеет глубокие культурные корни, практиковалась среди многих народов, в том числе проживавших и в Нижнем Поволжье. Ввиду простоты и доступности игрового набора – мелкие надкопытные кости овцы и несколько таких же костей крупных животных, использовавшихся в качестве битков – игра в бабки, возникшая в нашем регионе вероятно еще в позднем неолите, просуществовала практически до современности.

Подведем итоги вышесказанному о погребениях с астрагалами Новопокровки 2.

1. Погребения с большим количеством астрагалов (альчиков, бабок) чаще всего включают и находки более крупные и тяжелые (таранные и путовые кости коровы и лошади, зубы коровы, ископаемые раковины, пряслице, «колесико»). Исходя из традиций игры в бабки, аналогичных у многих народов, эти предметы, вероятно, следует считать битами или битками.

2. С наборами астрагалов погребены только дети и подростки.

3. Погребальный обряд ничем не отличается от обряда других захоронений могильника.

4. Нахождение ряда предметов вместе с астрагалами пока не может быть объяснено. Это флейта, трубочка, кремневый отщеп, передний зуб животного.

Таким образом, все факты говорят, что альчики или астрагалы в погребениях срубной культуры Нижнего Поволжья являются всего лишь принадлежностью для игры в бабки и вряд ли связаны с культовой практикой.

Сравнивая же комплексы Новопокровки 2 с другими аналогичными наборами погребального инвентаря на протяжении средней и поздней бронзы степей Юго-Востока Европы, можно проследить явственную тенденцию: астрагалы с обработкой и нанесенными числовыми символами встречаются во взрослых погребениях, обычно неординарных, и вполне могут указывать на какой-то социальный статус погребенного (возможно и служителя культа). Астрагалы без обработки, встречаемые в детских погребениях, являются принадлежностями для игры, именуемой в недавнем прошлом «бабки».

Литература:

Астафьев В.П. Последний поклон. М., 1992. Т. 3.

Братченко С.Н. Могилы бронзової доби в басейні р. Деркул // Матеріали і дослідження по археології Восточної України. Луганск, 2003. № 1.

Данченко Е.Л. Погребения особого вида среднедонской катакомбной культуры // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2002.

- Игорный бизнес* / Ред.-сост. А.В. Пурник. М., 1994.
- Ковалева И.Ф.* Срубные погребения с наборами альчииков // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1990.
- Мамонтов В.И.* Курганный могильник Антонов-1 // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1994. Вып. 4.
- Мамонтов В.И.* Материалы курганного могильника у озера Подгорное // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Волгоград, 1999. Вып. 3.
- Матвеев Ю.П., Добрынин А.В.* Костяные пряслица в памятниках абашевского ареала // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. Воронеж, 2003.
- Мимоход Р.А.* Жертвенники на срубных поселениях: вопросы классификации, происхождения и культурной специфики // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк, 2000.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.* Памятники древней культуры на Илеке. Екатеринбург, 1994.
- Мыськов Е.П., Лапшин А.С.* Памятники эпохи поздней бронзы: Сухая Мечетка-IV и Ерзовские курганные могильники. Волгоград, 2007.
- Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье* // САИ. Саратов, 1993. Вып. В 1-10. Т. 1.
- Прокофьев Р.В.* Раскопки двух курганов эпохи бронзы в Чертковском районе Ростовской области // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2002. Вып. 2.
- Прохорова Т.А.* Раскопки в зоне некрополя Нижне-Гниловского городища в 2002 г. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2002 г. Азов, 2004. Вып. 19.
- Пряхин А.Д.* Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы: Книга вторая. Воронеж, 1996.
- Ремесло эпохи бронзы на Украине.* Киев, 1994.
- Санжаров С.Н.* Погребения донецкой катакомбной культуры с игральными костями // СА, 1988. № 1.
- Санжаров С.Н.* Стрелочные наборы инструментов и сырья из катакомбных погребений Украины. Луганск, 2008.
- Санжаров С.Н., Литвиненко Р.А., Черных Е.А., Прынть А.В.* Неординарные курганы и погребения Шахтерского могильника и их место в системе древностей Юго-Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. Луганск, 2003. № 1.
- Сахаров И.П.* Сказания русского народа. М., 1849. Т. 1-2.
- Седова М.С.* Поселения срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.
- Сергацков И.В.* Памятники эпохи средней бронзы на р. Иловле (раскопки 1989-92 гг.) // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Волгоград, 1999. Вып. 3.
- Сергацков И.В., Скрипкин А.С., Клепиков В.М., Дьяченко А.Н.* Курганы у поселка Линево // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2006.
- Сергацков И.В., Скрипкин А.С., Коробкова Е.А., Яворская Л.В.* Курганный могильник Ольховка-1 // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2006а.

- Сергеева М.С.* К истории игры в бабки в Киевской Руси // Археология, 2002. № 4.
- Синицын И.В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.) // МИА. М., 1959. № 60.
- Синицын И.В.* Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954–1955 гг.) // МИА. М., 1960. № 78.
- Синицын И.В.* Древние памятники Саратовского Заволжья // Археологический сборник. Саратов, 1966.
- Синюк А.Т.* Погребения ямной и катакомбной культур Первого Власовского могильника // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж, 1989.
- Синюк А.Т.* Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.
- Синюк А.Т., Березуцкий В.Д.* Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж, 2001.
- Смирнов К.Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. М., 1959. № 60.
- Смирнов К.Ф.* Быковские курганы // МИА. М., 1960. № 78.
- Ткачев В.В.* Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже средней и поздней бронзы. Актобе, 2007.
- Цимиданов В.В.* Социальная структура срубного общества. Донецк, 2004.
- Шилов В.П.* Калиновский курганный могильник // МИА. М., 1960. № 78.
- Шилов В.П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
- Юдин А.И.* Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004.
- Юдин А.И.* Исследование курганов эпохи средней бронзы у с. Шумейка Энгельсского района // АВЕС. Саратов, 2007. Вып. 5.
- Юдин А.И.* Изменение погребального обряда как отражение социальных процессов в первобытном обществе срубной культуры на примере новых памятников // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2007а. Вып. VIII.
- Юдин А.И.* Бассейн реки Терешки в позднем бронзовом веке // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2007б.
- Юдин А.И., Лопатин В.А.* Погребение мастера эпохи бронзы в степном Заволжье // СА, 1989. № 3.
- Юдин А.И., Матюхин А.Д.* Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. Саратов, 2006.
- Яровой Е.В.* Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР (классификация погребального обряда). Кишинев, 1985.

Таблица 1. Погребения с астрагалами из курганного могильника Новопокровка 2

№ п/п	Кург./погр.	Возраст	Керамика	Астрагалы	Другой инвентарь
1	1/3	8 лет	2 сосуда	24 таранные кости КРС, 4 таранных кости свиньи, 39 таранных костей МРС, 1 астрагал-позвонок	5 трубочек - флейта, передний зуб животного, кремневый отщеп, керамическое колесико
2	1/22	10-12 лет	2 сосуда	11 путовых костей лошади (фаланга I), 8 путовых костей лошади (фаланга II), 8 астрагалов КРС, 17 фаланг I и II МРС, 1 астрагал МРС	1 костяное пряслице
3	3/3	4-5 лет	2 сосуда	5 астрагалов МРС	
4	3/4	6-7 лет	1 сосуд	7 таранных костей КРС, 7 таранных костей свиньи, 23 астрагала МРС	
5	3/5	8-10 лет	1 сосуд	7 таранных костей КРС, 8 астрагалов свиньи, 26 астрагалов МРС, 2 таранных кости лошади	4 зуба коровы
6	4/5	8 лет	1 сосуд	14 астрагалов свиньи, 73 целых и обломки 4-6 астрагалов МРС	Костяная трубочка, створка раковины Gryphaea vesicularis

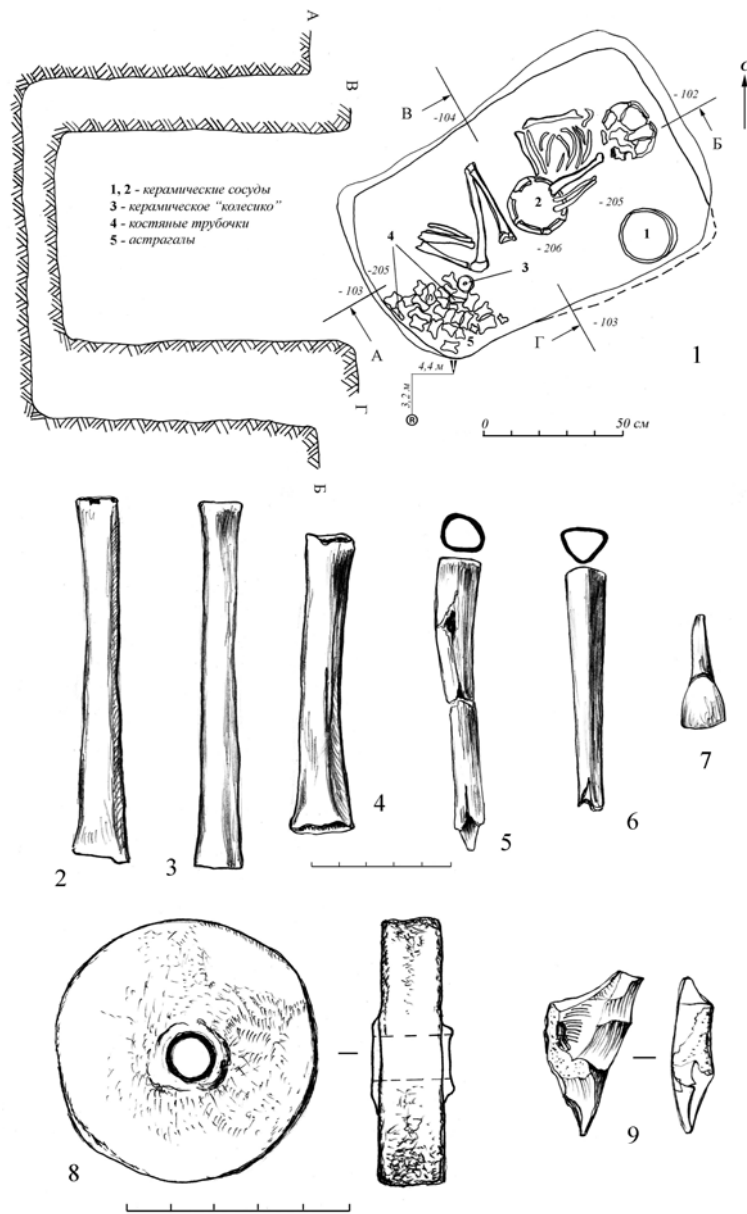

Рис. 1. Новопокровка 2. Курган 1, погребение 3.
 1 - план и профили погребения; 2-6 - костяные трубочки; 7 - зуб животного;
 8 - керамическое «колесико»; 9 - кремневый отщеп.

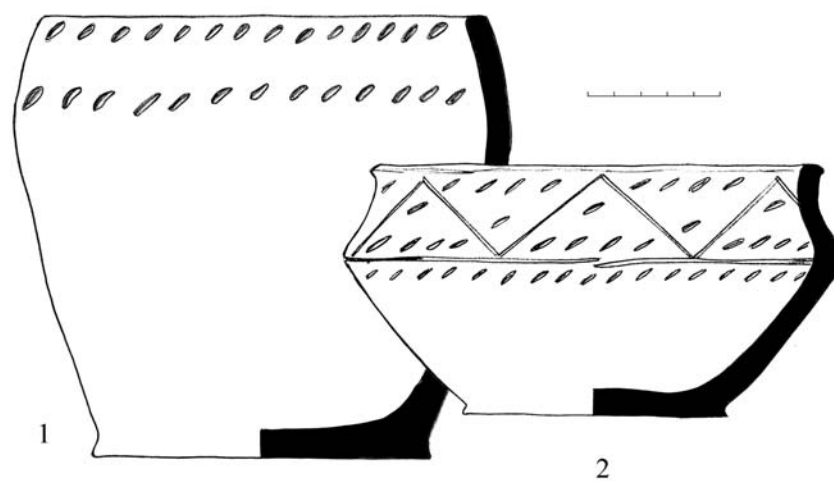

Рис. 2. Новопокровка 2. Курган 1, погребение 3 и находки из него.
1, 2 - керамика; 3, 4 - астрагалы; 5 - «колесико». 1, 2, 5 - керамика; остальное - кость.

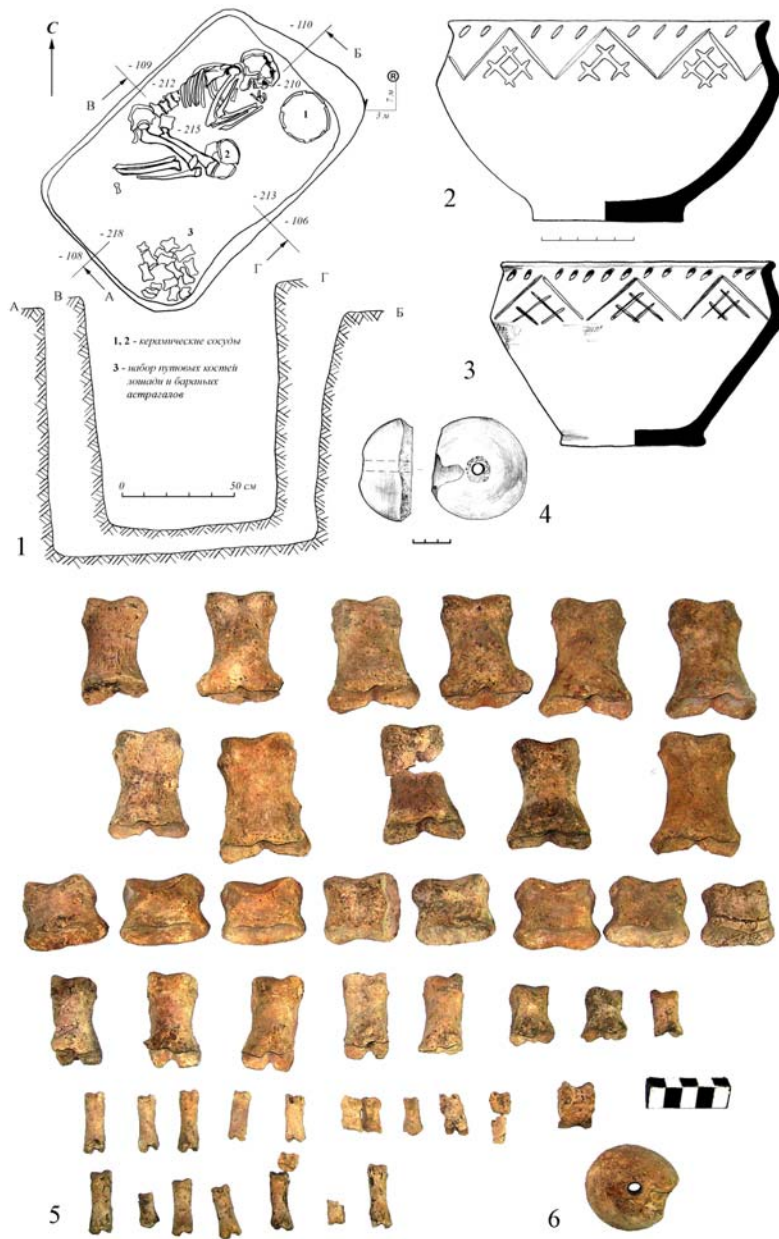

Рис. 3. Новопокровка 2. Курган 1, погребение 22. 1 - план и профили погребения; 2, 3 - керамика; 4, 6 - пряслице; 5 - астрагалы.

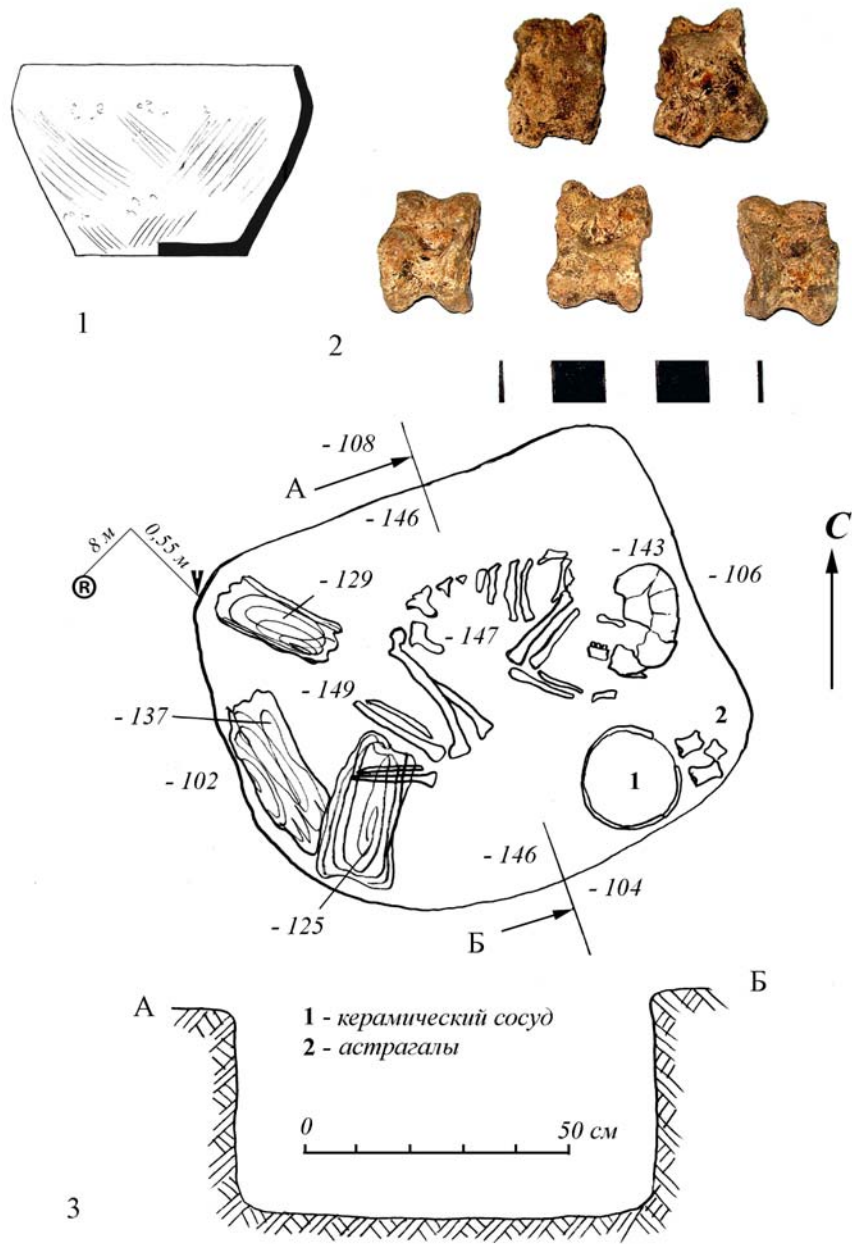

Рис. 4. Новопокровка 2. Курган 3, погребение 3. 1 - сосуд; 2 - астрагалы; 3 - план и профиль погребения.

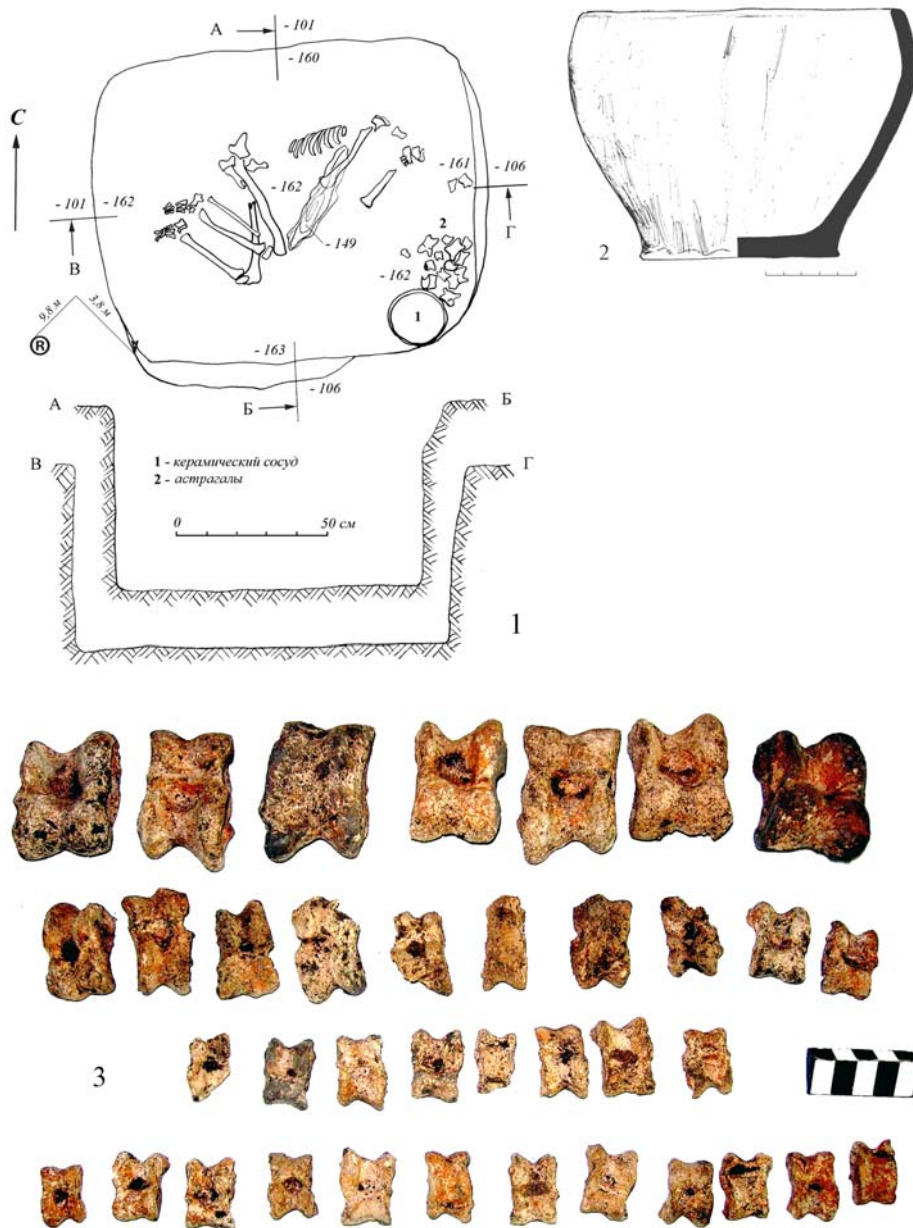

Рис. 5. Новопокровка 2. Курган 3, погребение 4. 1 - план и профили погребения; 2 - сосуд; 3 - астрагалы.

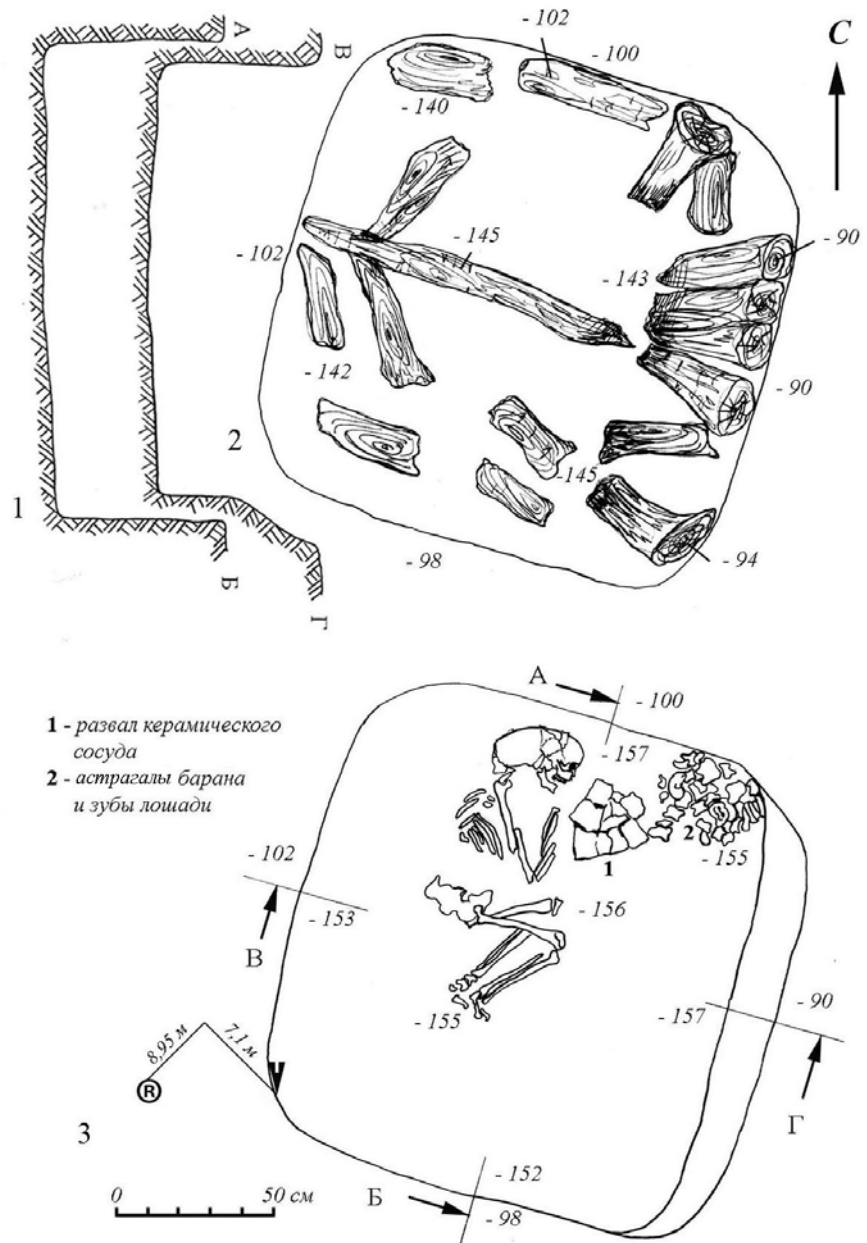

Рис. 6. Новопокровка 2. Курган 3, погребение 5. 1 - профили погребения; 2 - остатки перекрытия в заполнении могильной ямы; 3 - план погребения.

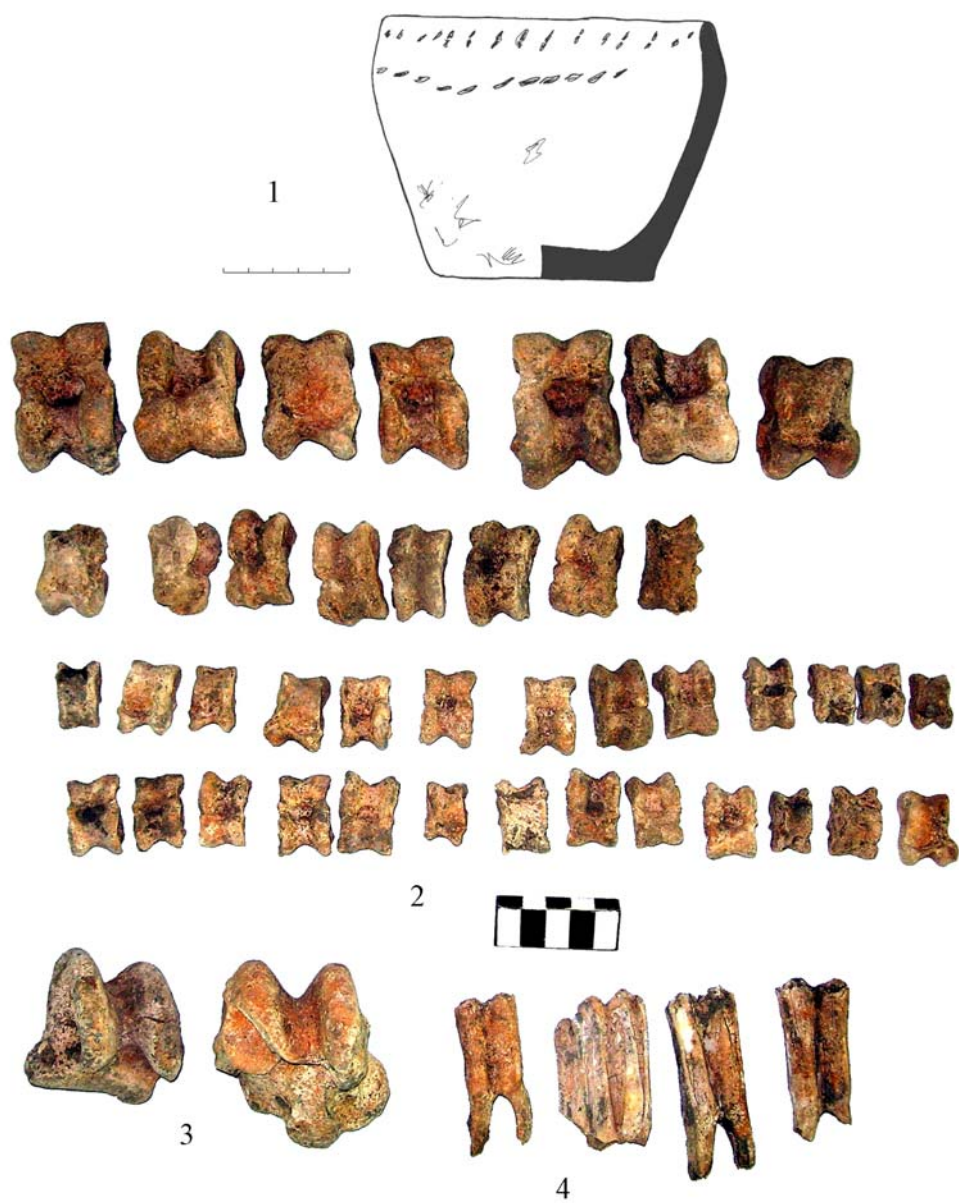

Рис. 7. Новопокровка 2. Курган 3, находки из погребения 5. 1 – сосуд; 2, 3 – астрагалы; 4 – зубы коровы.

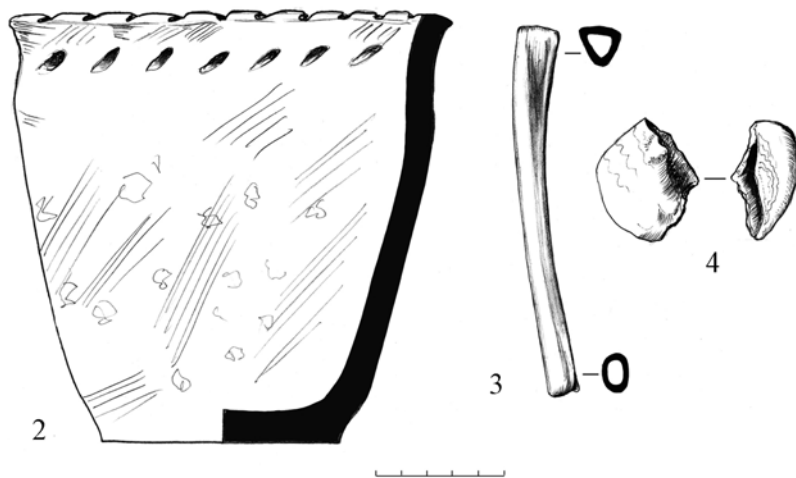
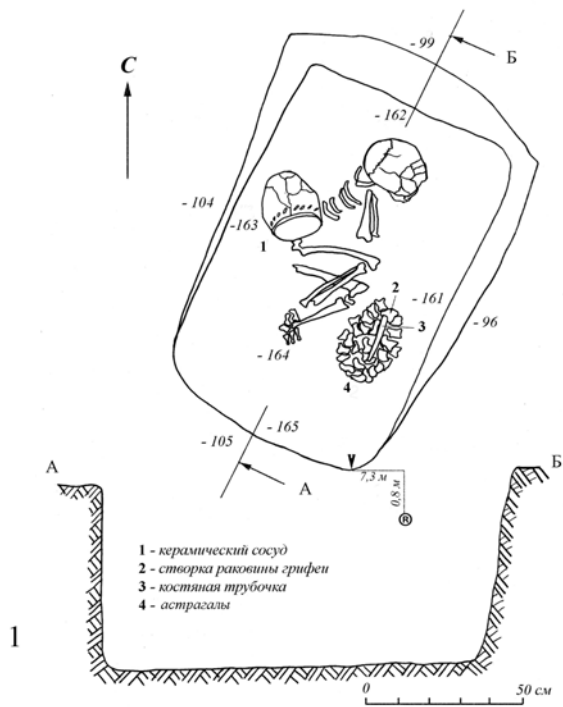

Рис. 8. Новопокровка 2. Курган 4, погребение 5. 1 - план и профиль погребения; 2 - сосуд; 3 - костяная трубочка; 4 - створка раковины *Gryphaea vesicularis*.

Рис. 9. Новопокровка 2. Курган 4, находки из погребения 5. 1 - астрагалы; 2 - створка раковины *Gyrophaea vesicularis*; 3 - костяная трубочка.

1

2

Рис. 10. Новопокровка 2. Залегание астрагалов в погребениях.
1 - кург. 3, погр. 4; 2 - кург. 4, погр. 5.

Шилов В.П.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОТЕЛЬНИКОВСКОМ РАЙОНЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

До работ Астраханской экспедиции Ленинградского отделения института археологии АН СССР Котельниковский район Волгоградской области, по существу, представлял собой, в археологическом отношении, белое пятно.

До революции здесь получила большую известность случайная находка золотых украшений времени переселения народов из гуннских погребений IV-V вв. у хутора Верхне-Яблочного [Werner, 1956. S. 1; Засецкая, 1975. С. 10, рис. 17; Галанина, Грач, Торнеус, 1979. С. 49, табл.]. Еще две случайные находки из Котельниковского района поступили после Великой Отечественной войны в Волгоградский краеведческий музей: каменный топор катакомбного времени и раннесарматский глиняный «молоточек» с отверстием.

На западе этот степной район ограничен нижним течением Дона, на севере – левым донским притоком Есауловским Аксаем. Через среднюю часть этой территории, с востока на запад, протекает Крутоярский Аксай, впадающий в Цимлянское водохранилище. Юго-восточную часть района пересекает речушка Кара-Сал, при слиянии с Джурак-Салом образующая левый приток Дона – р Сал. Как показывают археологические источники, эта речная система являлась значимой торговой магистралью, в раннем железном веке связывавшей Предкавказье с Елизаветинским городищем и донской дельтой. Поймы местных рек, заросшие лесами и густым камышом, защищали степной регион как труднопреодолимые преграды, и в то же время являлись неистощимыми зимними пастбищами для скота.

Первые научные археологические разведки и раскопки на этой территории проводились в 1965 г. Палеолитическим отрядом Астраханской экспедиции под руководством Н.Д. Праслова, установившего, что Волго-Донское междуречье было обитаемо как в эпоху «мустье», так и в верхнем палеолите [Праслов, 1965. Л. 16–17, табл. I, XIII]. В течение двух лет на южном побережье Цимлянского водохранилища, около станицы Нагаевской, у хутора Веселого и Большой Козловой балки были открыты несколько палеолитических местонахождений и одна стоянка, которая более тщательно обследована в 1966 году [он же, 1966. Л. 1]. Результаты этих комплексных исследований были введены в научный оборот [Шилов, 1967. С. 67; Праслов, 1967. С. 1; он же, 1968; он же, 1971б. С. 102].

Тогда же разведочная группа под руководством А.Н. Мелентьева и при участии старшего научного сотрудника Института археологии АН СССР И.С. Каменецкого выявила серию курганных групп на восточном берегу Цимлянского водохранилища [Мелентьев, 1966].

Изучение памятников каменного века было продолжено в 1971 г, когда Н.Д. Праслов, возглавлявший Палеолитический отряд Волго-Донской экспедиции, исследовал позднепалеолитические стоянки Подгородниченково-1 и 2, а также раскопал позднеямное погребение у Козловой балки, где обнаружил два сосуда, пронизи с кольцевидными нарезками и роговую молоточковидную булавку [Праслов, 1971а. Л. 1; Шилов, 1987а. С. 5, рис. 1, 1].

В 1970 г. Волго-Донская экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством В.П. Шилова исследовала курганный могильник у хутора Верхне-Яблочного, где были раскопаны 10 курганов, содержащих захоронения различных исторических эпох [Шилов, 1975. С. 160]. Разведочная группа той же экспедиции, которую возглавлял К.С. Лагоцкий, обследовала оба берега Курмоярского Аксяя между хуторами Захаровым и Каранчевым. Наиболее существенными результатами разведок стали открытия и раскопки грунтового могильника срубной культуры у х. Захарова и позднекочевнических курганов на правом берегу Аксяя, где был раскопан один курган с каменной насыпью. Материалы этих исследований представлены в настоящей статье.¹

* * *

Грунтовой могильник у х. Захарова расположен на излучине правого берега Курмоярского Аксяя, в 1 км южнее населенного пункта, на песчаной, плотно задернованной надпойменной террасе. С севера и с юга площадь могильника ограничена небольшими оврагами, с запада – резким понижением террасы, у подножья которой, с юга на север протекает река (рис. 1).

Памятник был выявлен по местонахождению на склоне террасы обломков черепа и костей человека, возможно, происходящих из нарушенных насыпью погребений 1 или 3 (рис. 2). Здесь же были найдены фрагменты днища лепного сосуда баночной формы, венчика острореберного сосуда, призматический одноплощадочный нуклеус и сечения двух пластинок из кремня.

В этом месте был заложен раскоп, состоящий из шести квадратов, размеры которых составляли 4 x 4 м, ориентированный с юга на север (рис. 2, 1). Между условными квадратами оставлены стратиграфические бровки. Раскопки велись вручную, до светлого материкового песка.

В процессе послойной выборки надматерикового грунта встречались отдельные находки. В самом южном квадрате 1, на глубине 0,3 м найден фрагмент лепного сероглиняного сосуда, на внешней стороне которого имеются овальные оттиски, а в квадрате 3, на такой же глубине, зафиксированы обло-

¹ В 1986 г. в Котельниковском районе работала археологическая экспедиция Волгоградского пединститута под руководством А.В. Кияшко. У станицы Нагинской ею были исследованы 5 курганов, содержащие погребения катакомбной, многоваликовой и срубной культур, а также ряд сарматских и хазарских погребений. У хутора Веселый были раскопаны 8 курганов (могильник Веселый-1). Здесь встречены захоронения ямной, катакомбной и срубной культур и ряд сарматских. За эту краткую информацию о работах А.В. Кияшко я крайне признателен В.И. Мамонтову.

мок кремневого одноплощадочного нуклеуса и два отщепы без следов доработки или использования. В раскопе исследовано всего 8 погребений.

Погребение 1 выявлено на западном краю террасы, на стыке квадратов 2 и 3, на глубине 1 м. Поскольку могила не достигала уровня материка, ее края не фиксировались. В значительной степени погребение было разрушено, но, судя по сохранившимся костям, здесь был погребен взрослый человек, в скорченной на левом боку позе адорации, головой к востоку (рис. 2, 2). Это безынвентарное погребение, предположительно, отнесено к срубной археологической культуре.

Погребение 2 было расположено непосредственно под первым захоронением, на глубине 1,05 м в плотном, предматериковом супесчаном грунте. В захоронении взрослого человека отмечена аналогичная обрядовая характеристика – сильно скорченная левобочная адорация и восточная ориентировка скелета (рис. 2, 2). Это захоронение также безынвентарно. Предположительно, оно отнесено к срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Погребение 3 обнаружено на западном краю террасы, на стыке квадратов 1 и 2, на глубине 0,3 м. Края могильной ямы не прослежены. Здесь расчищен скелет взрослого человека, погребенного на левом боку, в скорченной позе, головой к западу (рис. 2, 3). Кисть левой руки перед лицом, правая подогнута под прямым углом, кисть выставлена вперед. Погребение безынвентарное, предположительно отнесено к срубной культуре.

Погребение 4 зафиксировано около западной стенки квадрата 2. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 1,4 x 0,8 м и глубиной 1 м, ориентирована с юго-запада на северо-восток. На дне расчищен скелет взрослого человека, погребенного скорченно на левом боку, с некоторым завалом на спину, головой к северо-востоку (рис. 2, 4). Руки протянуты к бедрам (т.н. поза «скачущего всадника»). Под позвоночником обнаружены две бедренные кости МРС. Вещей нет. Предположительно, погребение отнесено к срубной культуре.

Погребение 5 обнаружено в северо-восточном углу квадрата 2, на глубине 0,45 м. Края могилы не прослеживались. Расчищен скелет подростка 10–12 лет, погребенного на правом боку, скорченно, головой к северу (рис. 2, 5). В головах умершего стоял лепной сосуд баночной формы с закрытой профилировкой (рис. 2, 8). На одной стороне плечика имеется прочерченный орнамент в виде зигзага, переходящего в нерегулярные знаки пиктографического характера. В качестве примеси заметны светлые частицы извести. Общая высота горшка 10,8 см, диаметр устья 12,3 см, наибольшее расширение тулова 13,4 см, диаметр днища 8,3 см. Захоронение отнесено к срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Погребение 6 располагалось в северо-восточном углу квадрата 4, на глубине 0,9 м. Края ямы не прослежены. Здесь расчищен скелет взрослого человека, погребенного в слабо скорченной позе на спине, головой к северо-востоку (рис. 2, 6). Лицевая часть черепа обращена к югу. Предплечья рук не сохранились. Колени, приподнятые первоначально вверх, завалились вправо, по направлению к западу. Около черепа обнаружено сечение кремневой ножевидной пластины. Погребение, предположительно, отнесено к ямной культуре эпохи ранней бронзы.

Погребение 7 выявлено около восточной стенки квадрата 6, на глубине 0,7 м. Яма не прослежена. Расчищены остатки скелета ребенка возрастом от 1 до 2 лет, погребенного вытянуто на спине, головой к западу (рис. 2, 7). Вещей нет.

Погребение 8 зафиксировано здесь же, около детского захоронения. На такой же глубине расчищен скелет взрослой женщины, погребенной вытянуто на спине, головой к западу и лицевым отделом черепа вверх. Правая рука протянута вдоль корпуса, левая слегка согнута в локте, кисть – на тазовых костях. По всей вероятности, могилы 7 и 8 можно объединить в рамках единого парного захоронения и отнести к позднекочевническому типу.

Из 8 погребений, исследованных у хутора Захарова, 5 отнесены к срубной культуре эпохи поздней бронзы, одно – к ямной культуре эпохи ранней бронзы и 1 парное (пп. 7, 8) – к позднему средневековью. Следует отметить, что раскопками 1970 года возможность открытия здесь других погребальных комплексов отнюдь не исчерпана, и работы необходимо продолжить.

Наибольший интерес представляют срубные захоронения. Прежде всего, отметим стратиграфический узел погребений 1 и 2, где один скелет залегал над другим, но, к сожалению, из-за отсутствия инвентаря общая информативность комплекса мала.

Примечательно, что почти все погребения залегали в надматериковом грунте, и лишь однажды (п. 4) в материке была зафиксирована могильная яма с выступом в восточной стенке (рис. 2, 4). Отметим также заметный разницей в позах и ориентировках погребенных (левый и правый бок, восточная, западная, северная, северо-восточная). Разнообразны позиции рук (адорация, нарушенная адорация, «скачущий всадник»). Признаки окрашивания охрой не выявлены, но в ряде случаев кости имели бурую пигментацию.

Положения погребенных на левом или правом боку, скорее всего, с отмеченными ориентировками, керамика баночных форм, в целом, типичны для погребений срубной культуры. Грунтовые могильники встречаются в ряде районов Нижнего Поволжья. Около с. Новоникольское Пролетарского района Волгоградской области, на двух дюнах были исследованы остатки поселения и значительный грунтовый могильник срубного типа [Шилов, 1975. С. 31–38]. На левобережье Волги известны и другие грунтовые могильники срубной культуры: близ сел Павловка и Быково [Попова, 1960. С. 260, 270, рис. 1]. Два могильника были исследованы около г. Энгельса и в Ровенском районе Саратовской области [Дремов, 1988. С. 167]. На левобережье Дона были изучены срубные могильники у с. Кондраши, около Пятиморской стоянки, на поселениях Ложки, Шельгин Остров и др. [Мамонтов, 1986; Конкин, Мамонтов, 1973. С. 172; Лукашов и др., 1976; Лагоцкий и др., 1971. С. 160]. Известны грунтовые могильники и на правом берегу Волги: Танавском городище, Ивановском поселении [Орехов, 1916], а также у с. Алексеевки Саратовской области [Васильев и др., 1977. С. 132]. Серия срубных грунтовых могильников исследована на территории Куйбышевского Поволжья [Колев, Седова, 1987. С. 68].

Таким образом, памятники этого типа были распространены по всему бассейну рек Волги и Дона. Наряду с ними в Поволжье бытуют и подкурганые погребения срубной культуры, которые близки по обряду и инвентарю, хотя и отличаются своим местоположением. Срубные курганы располагаются

как по берегам крупных и малых рек, так и в открытых степных пространствах. Грунтовые некрополи встречаются только около речных водоемов и, как правило, рядом с ними находятся поселения того же времени.

По-видимому, обе группы памятников принадлежали родственному населению. Поселения и грунтовые могильники были оставлены оседлыми земледельческо-скотоводческими племенами, а курганные группы – подвижными скотоводами [Шилов, 1987б. С. 102]. К этому следует добавить, что севернее левого притока Волги – Большого Иргиза характер почвенного покрова резко изменяется. Здесь, в левобережье, преобладают черноземы и, вследствие этого, возрастает количество срубных поселений. Южнее Иргиза господствуют тяжелые каштановые почвы, и, соответственно, поселения встречаются реже. Отчасти, находки Захаровского могильника, расположенного, вероятно, около соответствующего ему поселения, подтверждают данное положение. Будущие исследования указанных двух групп памятников срубной культуры позволят прояснить решение этой проблемы.

Курганный могильник на правом берегу Аксяя состоит из более чем 15 курганов с каменной наброской высотой от 0,2 до 0,4 м и диаметром 4–5 м. Курганы вытянуты цепочкой с запада на восток вдоль края речной террасы. Около крайнего восточного кургана зафиксированы следы кострища с мелкими кальцинированными костями. На противоположной стороне реки в 70-х годах XX в. находился хутор «Коммуна им. В.И. Ленина».

Курган 1 (рис. 3, 1) расположен в центре могильника, на самом краю высокой речной террасы. Насыпь кургана сооружена из небольших глыб светлого песчаника и песка. Высота кургана 0,4 м, диаметр – 4 м. Насыпь была раскопана вручную. При этом установлено, что камни, перемежающиеся с песком, укладывались беспорядочно, но самые крупные лежали внизу, непосредственно на дерне, составляя основу насыпи. Погребенная почва на материковой песчаной подошве прослеживалась слабо.

В центре насыпи, несколько ближе к северной поле, выявлен провал каменной наброски над могильной ямой, видимо, образовавшийся после того, как подгнило и не выдержало тяжести деревянное перекрытие. Диаметр провала 1,2 м, глубина от поверхности насыпи 0,2 м. Часть камней провалилась непосредственно в могилу, на глубину 1 м от уровня древнего горизонта. Под камнями выявлены остатки поперечного дубового перекрытия, состоявшего из 31 плашки длиной до 0,55 м, шириной 0,1 м и толщиной до 5 см. Поверх них, продольно и ближе к северо-восточной стенке, лежала еще одна плашка. Очевидно, первоначальная длина деталей перекрытия была несколько большей. Размеры могилы 1,95 x 0,5 м, глубина 1,25 м.

В юго-западном углу ямы, на перекрытии, зафиксированы остатки железных, сильно корродированных удил с перегибом (рис. 4, 2). Сечение колец овальное, а звеньев – округлое. Под плахами обнаружены остатки дубовой колоды, выдолбленной из древесного ствола, размеры которой составляли 1,9 x 0,45 м с высотой стенок 0,25 м. На дне колоды расчищен скелет взрослой женщины, погребенной вытянуто на спине, головой к северо-северо-востоку. Явно монголоидный череп слегка склонен к правому плечу, руки протянуты вдоль корпуса, правая нога вытянута, а левая резко подогнута в колене, ее стопа опирается в восточную стенку гробовища.

Около правого плеча лежали железные шарнирные ножницы с несомкнутыми кольцами, направленные остриями к северо-востоку (рис. 4, 1). Концы лезвий не сохранились. Общая длина сохранившейся части инструмента 11,8 см, диаметр колец 4 и 5,3 см, максимальная ширина лезвий 1,5 см.

У правого локтя зафиксировано сильно фрагментированное бронзовое зеркало с боковой ручкой (рис. 3, 3). Диаметр диска 4 см, длина ручки 2,6 см, толщина – до 0,3 см.

Под правой плечевой костью обнаружен бронзовый предмет округло-полусферической формы с железной ручкой (рис. 4, 3). Диаметр предмета 11 см, высота полусферы 3 см, толщина бронзовой пластины 3 мм. Железная рукоять овальная в сечении.

На грудных позвонках лежал бараний альчик, а на костях таза и грудины – куски бересты, оставшиеся от перекрытия колоды. На обеих руках и правой голени отмечены фрагменты парчовой ткани.

Возле левого крыла таза лежала прямоугольная бронзовая пластинка с проклепанным краем (рис. 3, 4), а под левым локтем – два неопределимых обломка железных предметов (рис. 4, 3А).

Судя по обряду захоронения, типу курганный насыпи и особенностям инвентаря, комплекс кургана 1 относится к XIII–XIV вв. Совершенно идентичные погребения с аналогичными вещами, продатированные монетным материалом, были открыты в 1952 и 1954 гг. в Новоникольском могильнике [Федоров-Давыдов, 1978. С. 66, рис. 12, 11].

Литература:

Васильев И.Б., Ватазина А.П., Миронов В.Г., Пестрикова В.И. Раскопки в Саратовской области // АО 1976 г. М., 1977.

Галанина Л., Грач Н., Торнеус М. Ювелирные изделия в Эрмитаже. Особая кладовая. Л., 1979.

Дремов И.И. Раскопки могильников эпохи бронзы в Саратовской области // АО 1977 г. М., 1988.

Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975.

Колев Ю.И., Седова М.С. Грунтовые могильники срубной культуры на территории Куйбышевского Поволжья // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1987.

Конкин В., Мамонтов В. Результаты разведок в районе Цимлянского водохранилища // АО 1972 г. М., 1973.

Лагоцкий К.С., Маловицкая Л.Я., Шилов В.П. Исследования Волго-Донской экспедиции // АО 1970 г. М., 1971.

Лукашов А.В., Мамонтов В.И., Мысков Е. П. Работы в Волгоградской области // АО 1975 г. М., 1976.

Мамонтов В.И. Племена эпохи бронзы степной части Волго-Донского междуречья // Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1986.

Мелентьев А.Н. Отчет о разведках у берегов Цимлянского водохранилища // Архив ИИМК АН РАН. 1966.

Орехов В.Ф. Две раскопки на церковной земле села Ивановки Хвалынского уезда Саратовской губернии // Труды СУАК. Вып. 33. Саратов, 1916.

- Попова Т.Б.* Памятники срубной культуры в окрестностях с. Быково // МИА. № 78. М., 1960.
- Праслов Н.Д.* Отчет о поисках палеолита в Волго-Донском междуречье в 1965 г. // Иархив ИА РАН. Р. 1, 2110. 1965.
- Праслов Н.Д.* Отчет о разведывательных работах по каменному веку на Нижнем Дону и в Калмыкии // Архив ИА РАН. Р. 1, 3306. 1966.
- Праслов Н.Д.* Поиски палеолита в Волго-Донском междуречье // БКЧП. № 34. М., 1967.
- Праслов Н.Д.* Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. Л., 1968.
- Праслов Н.Д.* Отчет о полевых работах палеолитического отряда Волго-Донской экспедиции // Архив ИА АН РАН. Р. 1, 4613. 1971а.
- Праслов Н.Д.* Памятники каменного века Южных Ергеней // КСИА. № 126. М., 1971б.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов // Археологические памятники. М., 1978.
- Шилов В.П.* Работы Астраханской экспедиции в 1966 г. // АО 1966. М., 1967.
- Шилов В.П.* Очерки истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
- Шилов В.П.* К хронологии нижнего горизонта донецкой катакомбной культуры // Археологические исследования Калмыкии. Элиста, 1987а.
- Шилов В.П.* Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // АСГЭ. № 6. Л., 1987б.
- Werner J.* Beitrage zur Archaologie des Attila-Reiches // Vordetragen am 4 Marz 1955 AB Munden, BAWG. K., 1956.

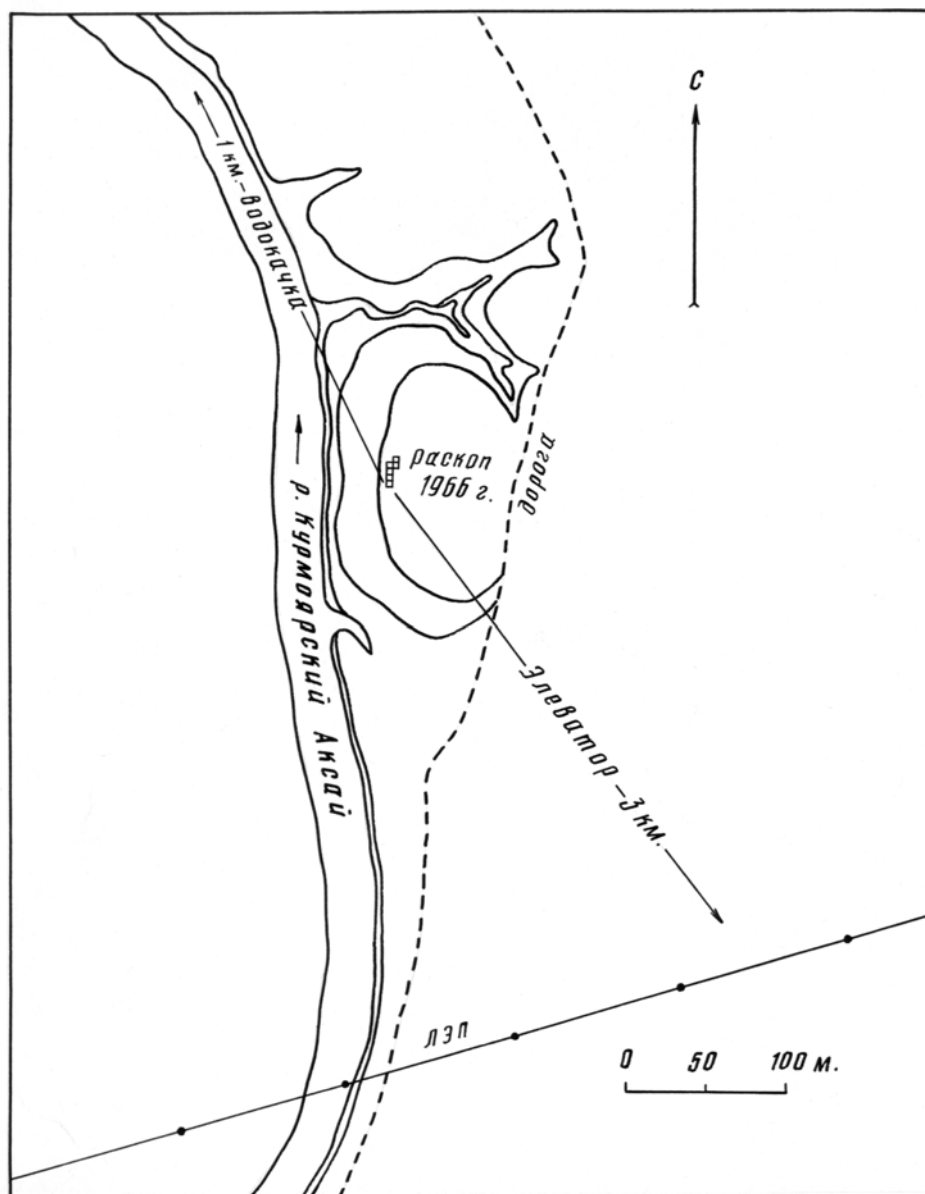

Рис. 1. План грунтового могильника у хутора Захарова.

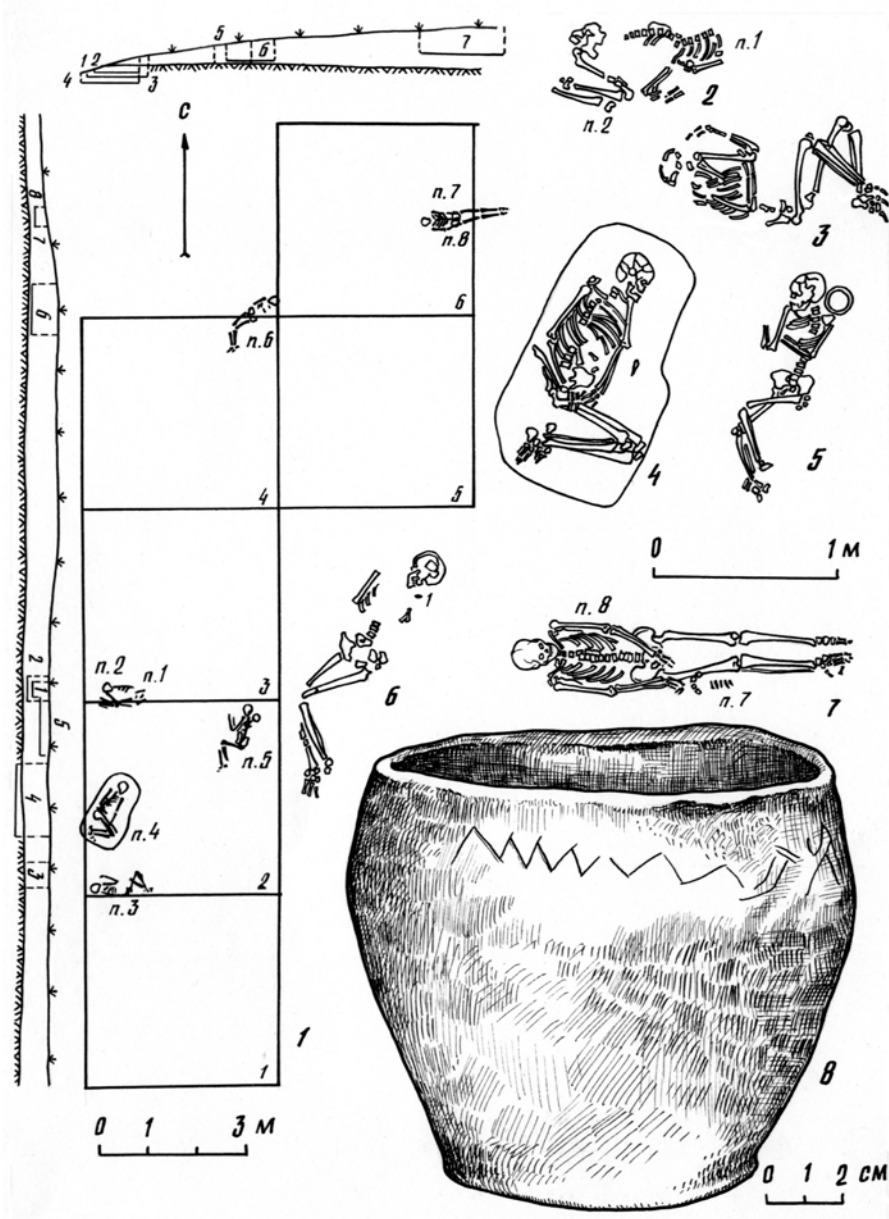

Рис. 2. Материалы грунтового могильника: 1 – план раскопа; 2 – погребения 1 и 2; 3 – погребение 3; 4 – погребение 4; 5 – погребение 5; 6 – погребение 6; 7 – погребения 7 и 8; 8 – сосуд из погребения 5.

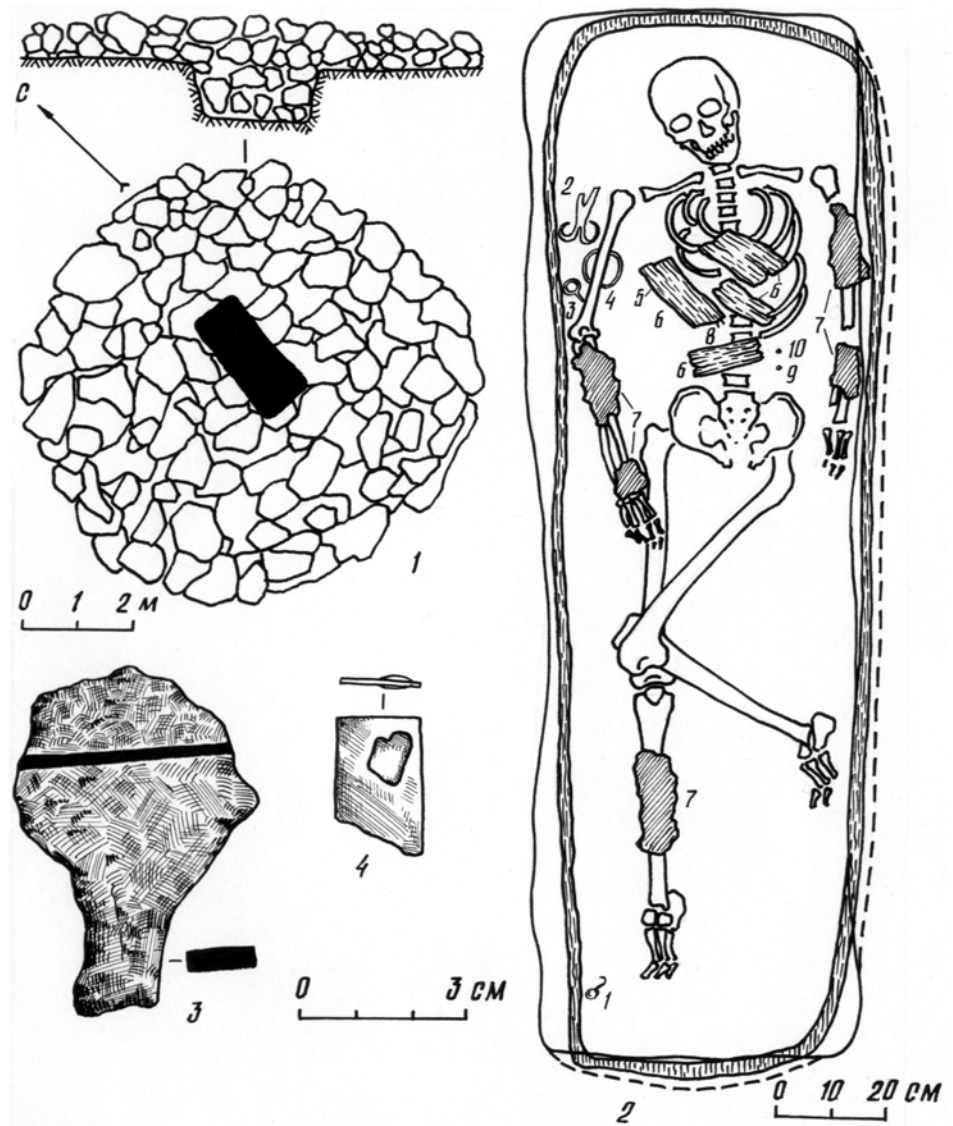

Рис. 3. Материалы курганного могильника: 1 - курган 1; 2 - погребение из кургана 1; 3 - бронзовое зеркало; 4 - бронзовая пластинка.

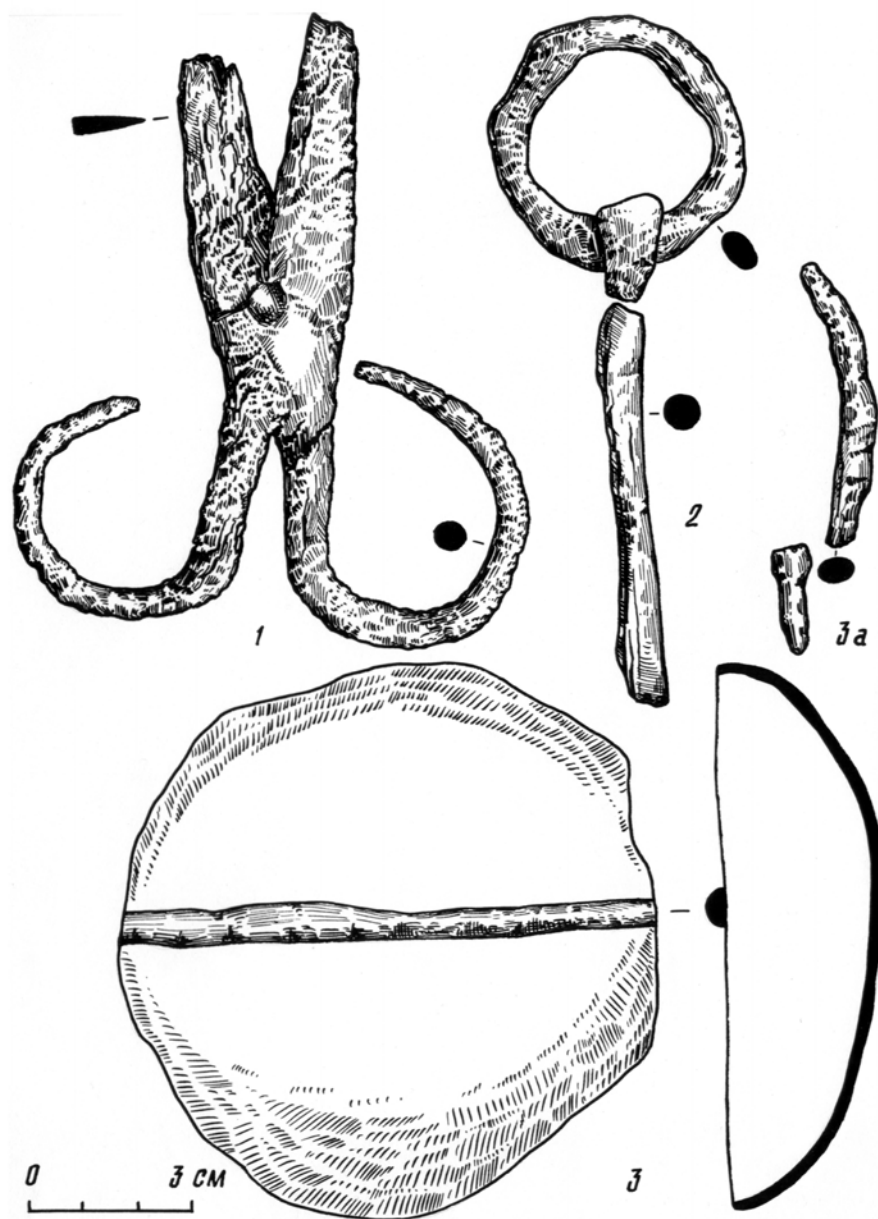

Рис. 4. Материалы из кургана 1: 1 - железные ножницы; 2 - железные удила; 3 - бронзовый предмет с железной ручкой; 3а - обломки железных предметов.

*Бакушев М.А.***КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК МЕДВЕЖИЙ-V
НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ**

Памятник располагается на левом высоком берегу реки Северский Донец в Белокалитвенском районе Ростовской области; на правой стороне балки «Медвежья», которая и дала ему название. Открыт памятник был в 2005 г. в результате разведочных работ экспедиции «Ростспецархеологии» под руководством А.В. Цыбрия, а 2008 г., на курганном могильнике был раскопан курган 1 в связи со строительством высоковольтной линии 500 кВ. Надо отметить, что на исследованном могильнике достоверно зафиксирован пока один курган: выявление же других требует специальных изысканий. Это связано с тем, что грунт на территории могильника представляет собой слабогумусированную супесь, покрытую тонким слоем чернозема, которая в результате эрозивно-денудационных процессов образовала холмистый слабовыраженный рельеф, что затрудняет выделение собственно курганных насыпей.

Курганный могильник «Медвежий-V» занимает верхнюю, водораздельную часть образованного двумя балками мыса, являющегося, одновременно высоким коренным берегом Северского Донца. Надо отметить, что такое расположение курганных могильников в данной местности является правилом: на противоположной стороне балки «Медвежья» также располагается курганный могильник («Медвежья балка-VI»). Курганные разновременные могильники были зафиксированы также почти на каждом мысе, образованном балками на высоком левом берегу Северского Донца.

До начала раскопочных работ курган 1 представлял собой невыразительную насыпь с отчетливым понижением в центральной части и холмиком грунта в северо-восточной, что позволяло говорить об ограбленности центрального погребения. Надо отметить, что в дальнейшем это предположение подтвердилось. В северо-западной части кургана был зафиксирован небольшой окоп-землянка с продолговатым входом с юго-восточной стороны. Камни, средних и мелких размеров, выброшенные при его сооружении были найдены на поверхности кургана. Окоп был сооружен в 1942–1943 гг., во время активных боевых действий в этом районе. Свидетельством тому служат мелкие железные осколки от снарядов, которые были найдены в гумусном слое.

После снятия дернового слоя был расчищен первый уровень каменных конструкций, представляющий собой скопление мелких средних и крупных камней, образующих каменное сооружение округлой в плане формы.

В юго-западной части кургана была вскрыта часть каменной стены, состоящая из двух рядов крупных и средних камней. Стена сохранилась на высоту тридцати – сорока сантиметров, что соответствует трем рядам кладки. В северо-восточной части кургана 1 были зафиксированы несколько камней, уложенных в ряд, что позволило интерпретировать их как камни основания стены. Также два ряда кладки сохранилось в восточной половине северной части кургана. На основании этого было сделано предположение, что, все указанные элементы конструкции являются частью круглой в плане стены, сохранившейся на незначительных участках.

Исходя из предположения, что каменный кромлех (каменная конструкция) является остатками разрушенной круглоплановой стены, можно допустить, что стена была не более 1 м высотой (учитывая количество камней каменной конструкции) и около 7 м в диаметре и что она не была погружена в насыпь кургана, а являлась наземной. На это указывает тот факт, что стена была разрушена во внешнюю сторону и разброс массы камней составил полосу от 2 м (западная часть кургана) до 4 м (южная часть кургана). Концентрация наиболее крупных камней наблюдалась в северо-восточной, восточной и южной частях кургана, здесь же находилась основная масса камней вообще. Наиболее мелкие камни были расположены в западной части кургана; их концентрация при этом, была значительно ниже. Подобная картина может быть объяснена лишь выемкой камня в западной половине кургана в последующее, после разрушения конструкции, время.

В ходе работ по расчистке первого уровня каменных конструкций было обнаружено 8 фрагментов керамики. Преимущественно они располагались в центральной и северо-восточной частях кургана. Фрагменты керамики были частями лепных серо-коричневоглиняных горшков довольно хорошего обжига. Находки однотипных по тесту и обжигу фрагментов керамики, а также нахождение их среди камней первого уровня каменной конструкции на ограниченном участке кургана позволяет предположить, что здесь была совершена поминальная тризна.

Второй уровень каменных конструкций, расчищенных на кургане 1 несомненно, относился к центральному погребению и был сооружен одновременно с ним. Каменная конструкция второго уровня была подквадратной в плане формы и ориентирована углами по странам света. Относительно хорошо сохранилась юго-восточная стенка (ряд камней): ряд крупных камней (количеством около 20) был выложен по направлению ЮЗ–СВ и образовывал некую однорядную стену на протяжении 11 м. На противоположной стороне, на северо-западной стене, наблюдалась похожая картина: крупные камни были положены внутрь каменного сооружения и также, хоть и в значительно меньшей степени здесь можно проследить однорядную каменную стену, на расстоянии около 6 м. Северо-восточная и юго-западная стороны каменной конструкции сохранились намного хуже, но и в их расположении намечается относительно прямая линия, позволяющая уверенно отнести их к элементам общей конструкции. Юго-западная стена, точнее ряд камней, образующих единую линию был прослежен на расстояние 7 м, северо-восточная стена

(ряд камней) – на расстояние около 6 м. Учитывая, что конструкция образует почти правильные в плане квадрат, то можно предположить, что длина сторон каменной конструкции второго уровня изначально было около 8–9 м.

Из особенностей второго уровня каменных конструкций надо отметить промежутки между сторонами в месте нахождения предполагаемых углов, соответствующих современным сторонам света, а также то, что крупные камни находились в верхней части кургана и именно они, вероятно служили основой конструкции, образуя подквадратную в плане площадку, в то время как более мелкие камни находились на полах кургана и служили, скорее всего, некой крепидой, не позволявшей крупным камням съезжать вниз и сохраняя, таким образом, задуманную форму конструкции. Также надо отметить, что, учитывая ориентировку длинной стороны могильной ямы погр. 1 можно сделать вывод о том, что погребенный был похоронен головой именно к одному из отсутствующих углов окружавшей его каменной конструкции.

Погребение 1 было расчищено в центральной части кургана. Могильная яма была, возможно, овальной формы. Точнее определить форму могильной ямы не позволяет то обстоятельство, что погр. 1 было ограблено в древности и грабительская яма разрушила часть погребальной конструкции. Размеры могильной ямы – 1,7 x 1,5 (max) м. Прослеженная глубина могильной ямы погр. 1 составила около 70 см. В заполнении были найдены несколько осколков костей и керамических фрагментов, что говорило о его ограбленности. Стенки могильной ямы погр. 1 располагались под некоторым углом и, таким образом, яма постепенно сужалась к низу, образовав площадку размером 95 x 78 см.

В северо-восточной части этой площадки были обнаружены плохо сохранившиеся отдельные мелкие фрагменты свода черепа, отдельные зубы, фрагменты диафизов правой плечевой, обеих лучевых, одной из бедренных, одной из большеберцовых костей, мелкие фрагменты таза, фаланг пальцев человека 30–35-летнего возраста¹. При этом кости не находились в анатомическом порядке. Они были сосредоточены на площадке размером 30 x 37 см. Череп был ориентирован теменной частью на север, хотя, повторюсь, кости были перемещены во время грабежа погребения и точную ориентировку погребенного сейчас восстановить трудно, однако, учитывая общую направленность удлиненной стороны могильной ямы можно предположить, что погребенный имел либо северную, либо южную ориентировку при большей вероятности именно первой. Погр. 1 располагалось в центре каменной выкладки второго уровня, что является дополнительным подтверждением их связи и относительной одновременности.

Инвентарь погр. 1 состоял из фрагментов темнокоричневоглиняного горшка, который впоследствии был отреставрирован. Тесто рыхлое, с большим содержанием шамота, обжиг неравномерный, в результате чего излом оказался черным, а само тесто сыпучим.

Грабительская яма была вскрыта в юго-восточном направлении от погр. 1 и непосредственно примыкала к нему. Яма была засыпана большим количеством средних и мелких по размеру камней, что вначале было приня-

¹ Здесь и далее антропологические определения произведены стажером-лаборантом Южного Научного центра РАН А.О. Афанасьевой.

то за остатки каменной погребальной конструкции, хотя не исключено, что камни, оказавшиеся в заполнении грабительской ямы изначально были элементами погребальной конструкции погр. 1.

Каменный завал грабительской ямы был подпрямоугольной в плане формы, размером 1,1 x 1,0 м и располагался по линии СЗ-ЮВ. После разбора каменного завала была расчищена грабительская яма. Никаких находок в заполнении указанной ямы найдено не было, за исключением фрагментов диафизов обеих бедренных, большеберцовых и малоберцовых костей, которые, возможно, являются фрагментами костей скелета из погр. 1. Яма прорезала погр. 1 с ЮВ и, таким образом, кости погребенного были свалены грабителями в кучу в дальнем углу их лаза, после чего сам лаз был засыпан. Надо отметить «неточность» попадания грабителей в центр погребения (им пришлось после выборки определенной части грунта изменить направление копания к СЗ, что было связано с отсутствием наземных признаков погр. 1) и то обстоятельство, что сама яма была засыпана грунтом, с незначительным содержанием камней, а основная масса камней была положена сверху, после засыпки грабительской ямы.

Погребение 2 располагалось в юго-восточной части кургана 1 и было перекрыто четырьмя крупными удлиненными плитами, зазоры между которыми были закрыты более мелкими плитами. Размеры перекрытия 90 x 50 см. После снятия плит перекрытия показался желто-коричневый грунт, на котором форма могильной ямы не читалась. Выборка грунта из могильной ямы происходила исходя из его плотности.

В результате была расчищена могильная яма подовальной в плане формы, размером 110 x 82 см, внутри которой находилась более маленькая яма, размером 45 x 45 см подквадратной в плане формы в которой стоял плоскодонный черноглиняный сосуд баночной формы. Других находок и костяка в погр. 2 обнаружено не было.

Погребение 3 располагалось в восточной части кургана 1. Оно было совершено грунтовой могиле, которая была окружена прямоугольной в плане каменной оградкой. Оградка, как и сама могильная яма, были ориентированы длинной стороной по линии ЮЗ-СВ. От каменной оградки сохранились лишь северо-западная и юго-западная стены, из которых наибольшую сохранность имеет юго-западная стена: 4 ряда кладки на высоту в 35-38 см. Внутри оградки лежали две большие каменные плиты – вероятнее всего они являлись плитами перекрытия. Плиты были несколько смещены, что позволяло сделать предположение об ограбленности и этого погребения.

После расчистки погребения в северо-восточной части показали фрагменты диафизов обеих плечевых, одной из лучевых, обеих бедренных и большеберцовых костей человека (предположительно взрослой женщины) и фрагменты лепного коричнево-черного сосуда плохого обжига. После фиксации этого уровня погребения был снят лежащий в могиле камень, под которым оказался раздавленный череп человека, лежащий на левой стороне и обращенный глазницами на юг. Таким образом, было расчищено ограбленное в древности погребение, совершенное в грунтовой могиле в оградке из нескольких рядов камней.

Инвентарь был представлен не менее чем 25 фрагментами сосуда (горшка), который был отреставрирован. На стенке горшка были зафиксированы

прочерченные при формовке сосуда линии, которые складываются в знаки, граффити.

Погребение 4 располагалось к югу от погр. 1 (край северной стенки погребения) и частично было перекрыто бровкой. Погребальная конструкция представляла собой простую грунтовую яму со слегка скошенными стенками. Размеры могильной ямы были 160 x 90 см при глубине около 85 см. Ориентация длинной оси могильной ямы была З-В с небольшим смещением в сторону увеличения градуса отклонения.

Погр. 4 не было ограблено, поэтому костяк и инвентарь сохранились хорошо. Костяк мужчины 40–45-летнего возраста лежал скорченно на левом боку головой на В. Кости правой руки были согнуты в локте и покоились на локтевых костях левой руки, которая была вытянута так, что кости пальцев лежали на левой бедренной кости. Кости ног были согнуты. Установлено, что при жизни погребенного был утрачен третий правый моляр нижней челюсти. Также были замечены дегенеративно-дистрофические изменения позвонков и коленных суставов и перелом дистального метафиза правой лучевой кости.

Возле тазовых костей погребенного был найден лепной горшок хорошего качества со слабоощенной внешней поверхностью и профилированным, слегка отогнутым наружу венчиком. Дно горшка плоское, в месте перехода от тулова к плечикам имеется ребро, под которым располагается геометрический орнамент в виде меандра.

Интересными представляются стратиграфические наблюдения и этапность сооружения курганной насыпи. Вслед за тонким (не более 20–25 см) и довольно однородным слоем гумуса, покрывающим всю поверхность кургана располагается желто-коричневая плотная супесь, которая изначально и была принята за материк. Супесь является подстилающей первому уровню каменных конструкций. На ней, также, располагаются впущенные в гумусный слой две небольшие линзы в северной части кургана. Как представляется линзы поздние; первая (нижняя) связана с естественными процессами почвообразования и представляет собой чернозем, который перекрыт сверху второй линзой более светлого грунта из находящейся за пределами кургана ямы. Уровень залегания обеих линз предполагает их позднее формирование.

Желто-коричневая плотная супесь прорезается в нескольких местах ямами, одна из которых грабительская и ведет в погр. 1, другая располагается в нескольких метрах южнее погр. 4. Не исключено, что и она является грабительской. Однако, возможно, грабители несколько «промахнулись» и прекратили свои поиски, в результате чего погр. 4 осталось нетронутым. Упомянутая желто-коричневая супесь покоится на первоначальной насыпи кургана, представляющая собой серо-коричневую супесь. Она имеет максимальную толщину в южной части кургана и постепенно сходит на «нет» в северной его части. Также супесь является подстилающей второму уровню каменных конструкций.

Материк представляет собой белесо-желтую, рыхлую супесь. Фиксация его кровли позволила установить, что курган был устроен на небольшом (до 60 см высотой) естественном холме с многочисленными скальными выходами.

Таким образом, в сооружении кургана намечаются несколько этапов: 1 – насыпь связанная с погр. 1 была не более 50–70 см высотой и укреплена по

периметру подквадратной в плане каменной конструкцией 2. Не исключено, что конструкция 2 была наземной.

Второй этап формирования насыпи связан с ограблением погр. 1 и сооружением грабительского лаза. Камни завала грабительского лаза были перекрыты слоем грунта, на котором располагалась стена верхнего уровня каменной конструкции, что позволяет говорить об ограблении погр. 1 еще в древности. Совершение погребений 2 и 3 не внесли существенных изменений в структуру курганной насыпи. Погребение 4 и каменная стена, окружавшая его являются третьим этапом в процессе формирования курганной насыпи. После разрушения стены наступил четвертый этап, продолжавшийся до наших дней – этап естественного формирования почвенного (черноземного) слоя, нарушавшегося, по меньшей мере, два раза – в годы гражданской (на кургане были найдены гильза от патрона к винтовке Мосина калибра 7,62 выпуска 1916 г.) и Великой Отечественной войны, когда в западной поле кургана был сооружен окоп-землянка.

Стратиграфические наблюдения позволили проследить и относительную хронологию вскрытых погребений. Наиболее ранним является погр. 1, совершенное в центре кургана и окруженное подквадратной в плане каменной конструкцией (второй уровень). Вторым, как представляется, было совершено захоронение в погр. 3. Следующее действие было связано с сооружением погр. 2, пристроенного к торцевой стенке погр. 3. Оба эти погребения были перекрыты круглоплановой стеной, сооружение которой, как представляется, связано с погр. 4. Не исключено, что в момент совершения погребения было известно о нахождении в центре кургана более раннего захоронения (погр. 1) поэтому погр. 4 оказалось смещенным от центра кургана. Скорее всего, каменная круглоплановая стена отмечала пространство для совершения ряда погребений (членов одной семьи, например).

Анализ выявленных конструкций и инвентаря позволил сделать некоторые выводы и предположения. Описанные два уровня каменных конструкций в плане представляют собой круг (верхний уровень) и квадрат (нижний, второй уровень), являясь также своеобразным кромлехом для совершенных в кургане погребений. По мнению В.Л. Ростунова круг и квадрат были первыми простейшими сакральными фигурами. «Все культуры связывали окружность с небом, а квадрат с землей» [Ростунов, 2006. С. 9]. В последующем, одним из самых распространенных орнаментов у киммерийцев был круг, заключенный в квадрат. Такая композиция отражала представления индоиранских народов о миропостроении. У индоевропейских народов Земля представлялась квадратом, вписанным в круг. Скифы же представляли свою землю в виде квадрата со священным источником (кругом) в центре.

Вероятно, не случайно форму квадрата и круга имели и вскрытые нами каменные конструкции кургана. По мнению И.В. Манзуры, исследовавшего археологические параллели «Ригведы» камера центрального погребения может интерпретироваться как жилище человека после смерти, которым его обеспечивает Яма [Манзура, 1997. С. 40]. Таким образом, каменный кромлех ставил целью оградить мир покойного от мира живых. При этом надо отметить разрывы (проходы) в каменной конструкции второго уровня (квадрат), ориентированные по странам света. Подобные разрывы (проходы) в кромлехах и рвах энеолитических и древнеячных курганов объясняются

В.Л. Ростуновым как проходы для выхода души усопшего из кургана, а также проникновение в курган потусторонних сил [Ростунов, 2006. С. 21], что можно применить и для объяснения наличия разрывов в каменном квадрате на исследованном нами кургане.

В целом, существование двух форм каменных конструкций на одном кургане и их четко выраженная относительная хронология, на мой взгляд, является важной деталью для фиксации изменения погребального обряда на протяжении определенного времени, отразившееся в частности, в изменении формы каменной обкладки, кромлеха (от квадрата к кругу), в изменении ориентации погребенных и конструкции погребальных сооружений.

В погребениях 1, 3, 4, несмотря на ограбление двух из них в древности, были найдены кости человека. Исключение составляет погр. 2, в котором был обнаружен лишь один сосуд. Представляется вероятным то, что погр. 2 являлось поминальным сооружением – кенотафом. Устройство кенотафов не редкое явление в Донском регионе в эпоху средней и поздней бронзы, на что неоднократно обращали свое внимание исследователи [Клименко, Цимбал, 2001; Рогудеев, 2008]. Примечательно, что так же, как и в исследованном нами погр. 2 в основной массе кенотафов присутствуют простые лепные горшки баночной формы и лишь в редких случаях в пустую могилу ставился орнаментированный горшок. Наиболее близко к погр. 2 стоит погребение в яме, размером 1,5 x 1,4 м, совершенное к западу от кургана 1 курганного могильника Гуково-автостанция в Ростовской области. Исключение составляет то, что кенотаф из Гуково имел деревянное перекрытие, тогда как в нашем случае оно было каменным [Рогудеев, 1994. С. 27]. По мнению В.В. Рогудеева кенотафы появляются на Дону в конце раннего периода срубной культуры и связано это с тем, что вместе с изменениями климата в сторону похолодания населения приходилось уходить со стадами дальше обычного и в случае смерти в отдаленном районе, на родине умершего устраивалось поминально-погребальное сооружение – кенотаф [Рогудеев, 2008. С. 314]. Также В.В. Рогудеев отмечал, что «появление большого количества погребений-кенотафов на правобережье Дона отражает не только возросшую подвижность населения, но и конец раннего периода срубной культуры» [Рогудеев, 2008. С. 314].

Обнаруженный в ходе раскопок кургана инвентарь представлен четырьмя сосудами и восемью фрагментами сосудов, из которых наибольший интерес представляют горшки из погребений 3 и 4.

Сосуд из погребения 3 был найден во фрагментарном состоянии и, впоследствии, отреставрирован. Он имеет форму перевернутого усеченного конуса высотой 15 см. По краю венчика на участке, равной примерно четверти длины окружности венчика проходит ряд косых насечек. На стенках сосуда были зафиксированы прочерченные при его формовке линии, которые складываются в некий рисунок, граффити. Длина основного скопления прочерченных линий 9 см, ширина около 3 см. прочерченные линии напоминают латинские литеры W, V, Q, A, H. Ниже основного скопления прочерченных линий располагается еще одно, где основное место занимают прочерченные линии в виде литеры X.

Ю.Б. Полидович и В.В. Цимиданов выделяли «письмена» на сосудах в отдельный тип орнамента (тип III) [Полидович, Цимиданов, 1990. С. 91].

В.В. Цимиданов, вслед за В.Н. Горбовым определил сосуды с граффити («письменами» и «пиктограммами») как один из маркеров погребений служителей культа [Цимиданов, 2004. С. 51] (правда, В.Н. Горбов говорил об учениках жрецов). Это положение В.В. Цимиданова подверг критике Ю.Ю. Каргин на основании проведенного исследования керамических комплексов как погребальных, так и бытовых памятников. Он отмечал, что «эти сосуды являлись неотъемлемой частью ритуально обрядовой практики, а отраженные в орнаментах сакральные знания формировались в рамках территориально разрозненных социальных элит (о чем свидетельствует внешнее разнообразие знаков и сюжетов). На основании имеющихся данных сложно более четко идентифицировать создателей сосудов с нерегулярными орнаментами и знаками... Однако, если учитывать косвенные данные, исторические и этнографические источники, то участие данных представителей социальной элиты (служители культа – М.Б.) в процессе создания подобных орнаментов мыслится как наиболее вероятное» [Каргин, 2006а. С. 315]. Сам же исследователь выделил подобные орнаменты в отдельный тип (III тип), обозначив его как «нерегулярный орнамент» [Каргин, 2006б. С. 80].

Наиболее интересной деталью сосуда, происходящего из погр. 4 является его орнамент (меандр), который нанесен острым предметом так, что даже вблизи он похож на орнамент, выдавленный с помощью шнура, что было характерно для орнаментации сосудов в период существования катакомбной культуры. Под основным орнаментом располагаются ряд вдавлений, разделенный на группы по 5 вдавлений так, что промежутки между ними являются «входом» внутрь «меандрового» орнамента. Возможно, что орнамент на данном сосуде представляет собой простейший лабиринт. На плечиках горшка, над меандром располагается ряд полукругов, также нанесенный в той же технике, составляя единую композицию с основным орнаментом.

Сравнительный анализ погребального обряда и инвентаря погребений кургана 1 могильника Медвежий-V позволяет отнести их к позднебронзовому времени и связать со срубной культурой. Учитывая то, что среди погребений кургана имеется один кенотаф, а также и то, что техника нанесения орнамента на сосуд из погр. 4 выглядит несколько архаичной, на мой взгляд, возможно датировать погребения 1–4 концом раннего периода срубной культуры.

Литература:

Каргин Ю.Ю. Варианты орнаментов срубной культурно-исторической общности и критерии их выделения // Урало-Поволжская лесостепь в эпоху бронзового века. Сб. ст., посвящ. 60-летию В.С. Горбунова. Уфа, 2006а.

Каргин Ю.Ю. Роль знаковых систем в эпоху поздней бронзы степной и лесостепной Евразии (по данным керамических комплексов) // Краеведение и архивное дело в провинции: исторический опыт и перспективы развития. Матер. межрегион. научн. конф., посвящ. 120-летию Саратовской губернской ученой архивной комиссии. Труды СОМК / Отв. ред. Н.М. Малов. – Саратов. 2006б. Вып. 9.

Клименко В.Ф., Цимбал В.И. Кенотафы срубной культуры Центрального Донбасса // Проблемы археологии и архитектуры. Донецк-Макеевка. 2001.

Манзура И.В. Археология основного мифа // СТРатум: СТРуктуры и катаСТРофы. СПб, 1997.

Полидович Ю.Б., Цимиданов В.В. Сосуды и их орнамент в системе погребального обряда племен срубной КИО // Проблемы и исследования на памятниках археологии Северского Донца. Тез. докл. Луганск. 1990.

Рогудеев В.В. Кенотафы срубной культуры Донского правобережья. // Тез. докл XXV Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа. Владикавказ. 2008.

Рогудеев В.В. Срубный курган в Гуково // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1992 г. Вып. 12. Азов. 1994.

Ростунов В.Л. Опыт реконструкции сакрального пространства ранних курганов Европы и Северного Кавказа. Владикавказ. 2006.

Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества. Донецк. 2004.

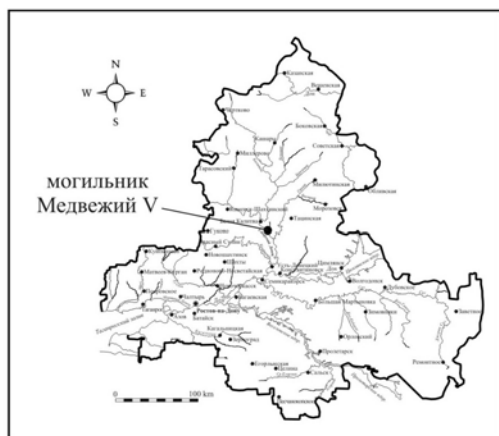

Рис. 1. Схема Ростовской области с обозначением местоположения курганного могильника Медвежий-V

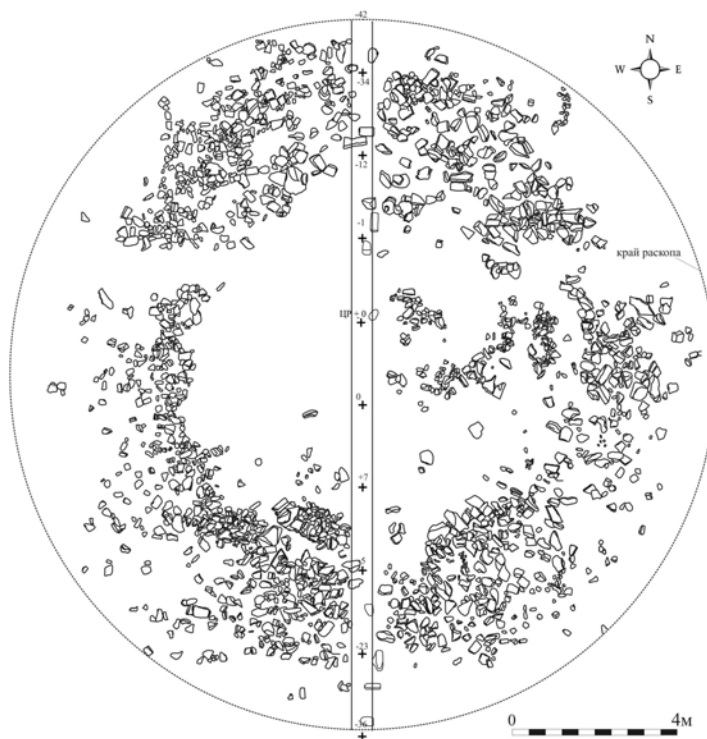

Рис. 2. Курган 1. Первый уровень каменных конструкций

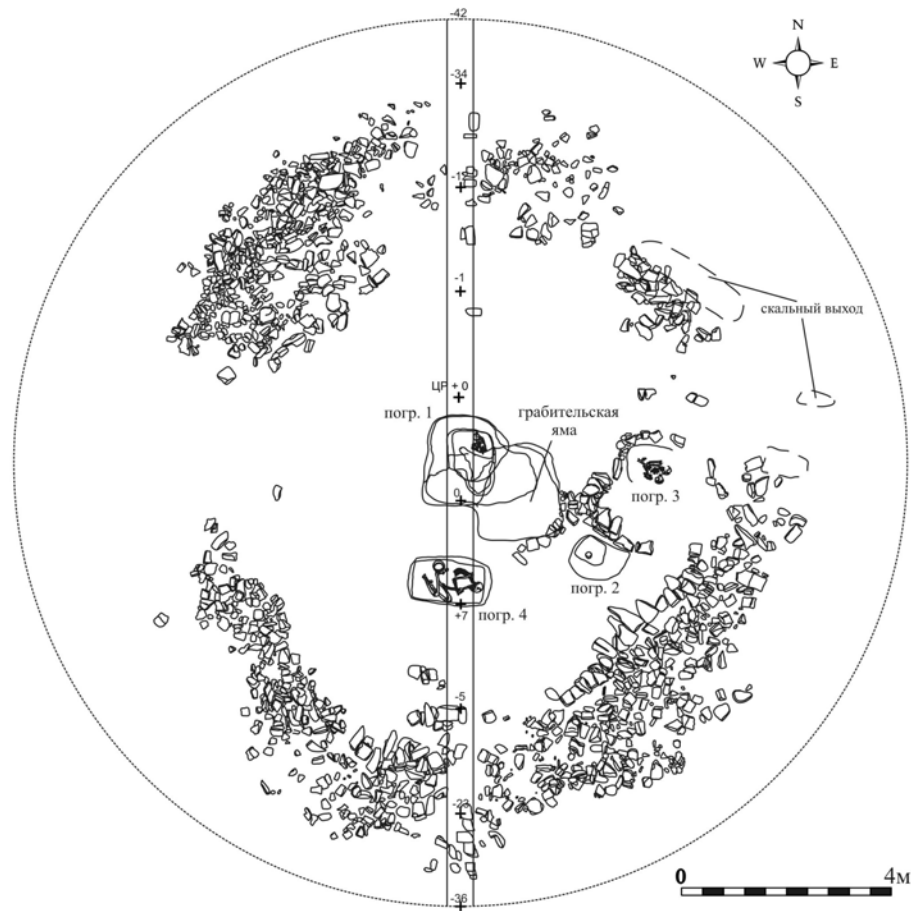

Рис. 3. Второй уровень каменных конструкций и погребения 1-4.

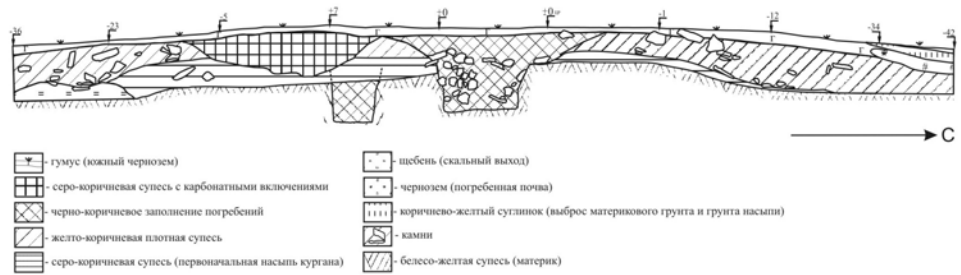

Рис. 4. Восточной профиль контрольной бровки.

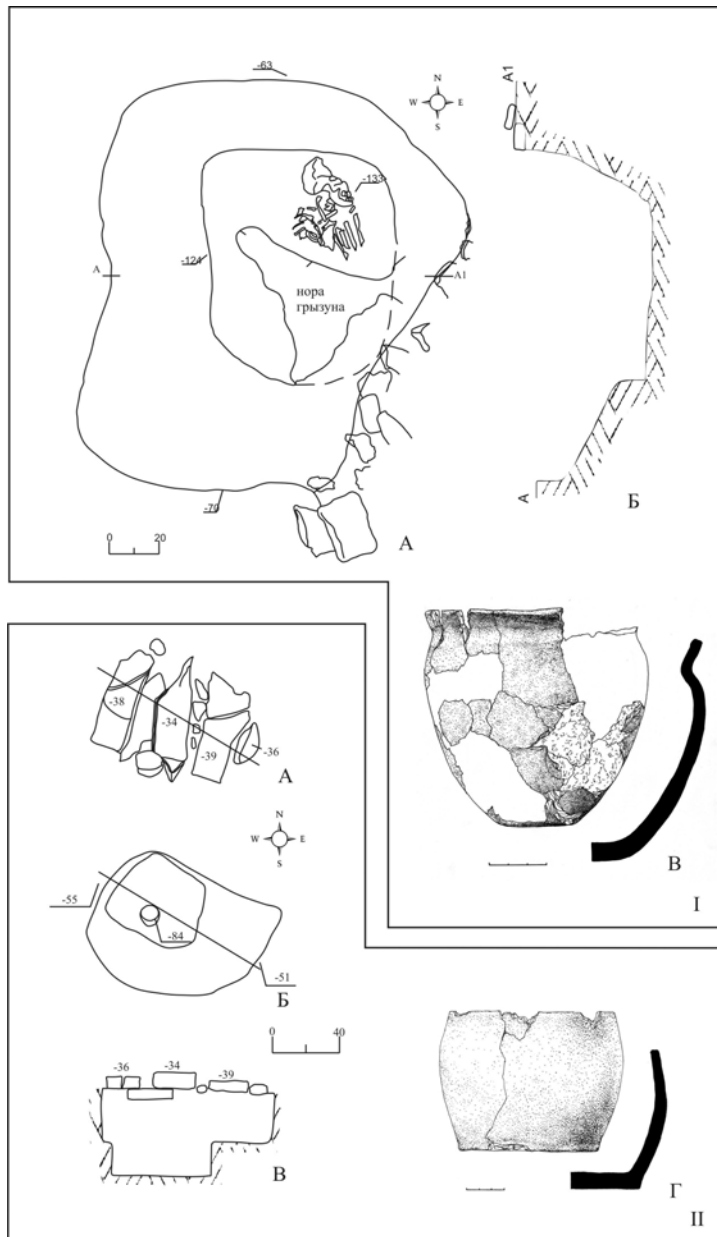

Рис. 5. 1 - погребение 1. А - план, Б - разрез по линии А-А1, В - инвентарь.
 II - погребение 2. А - план перекрытия, Б - план погребения после расчистки,
 В - разрез погребения 2, Г - инвентарь.

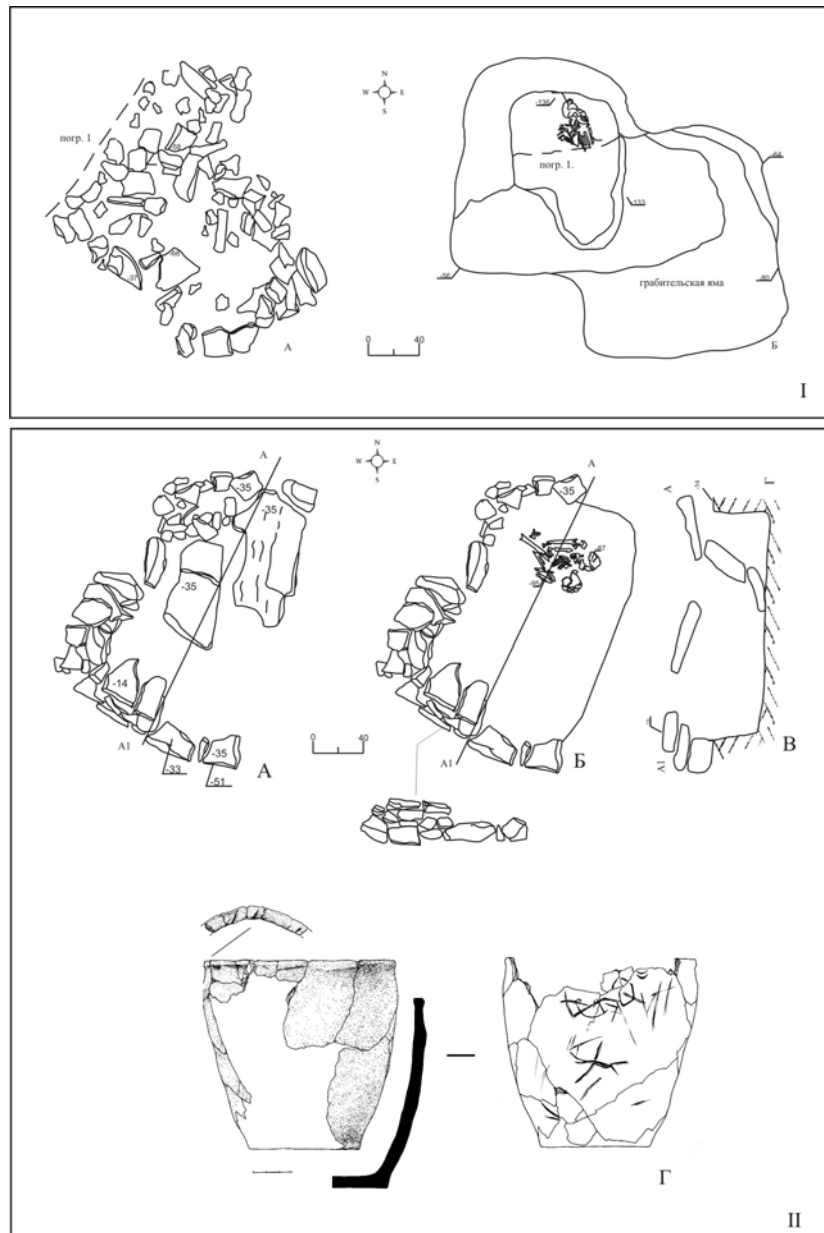

Рис. 6. 1 - грабительская яма. А - план каменного завала, Б - план грабительской ямы и погребения 1 после расчистки. II - погребение 3. А - план перекрытий, Б - план погребения 3 после расчистки, В - разрез по линии А-А1, Г - инвентарь.

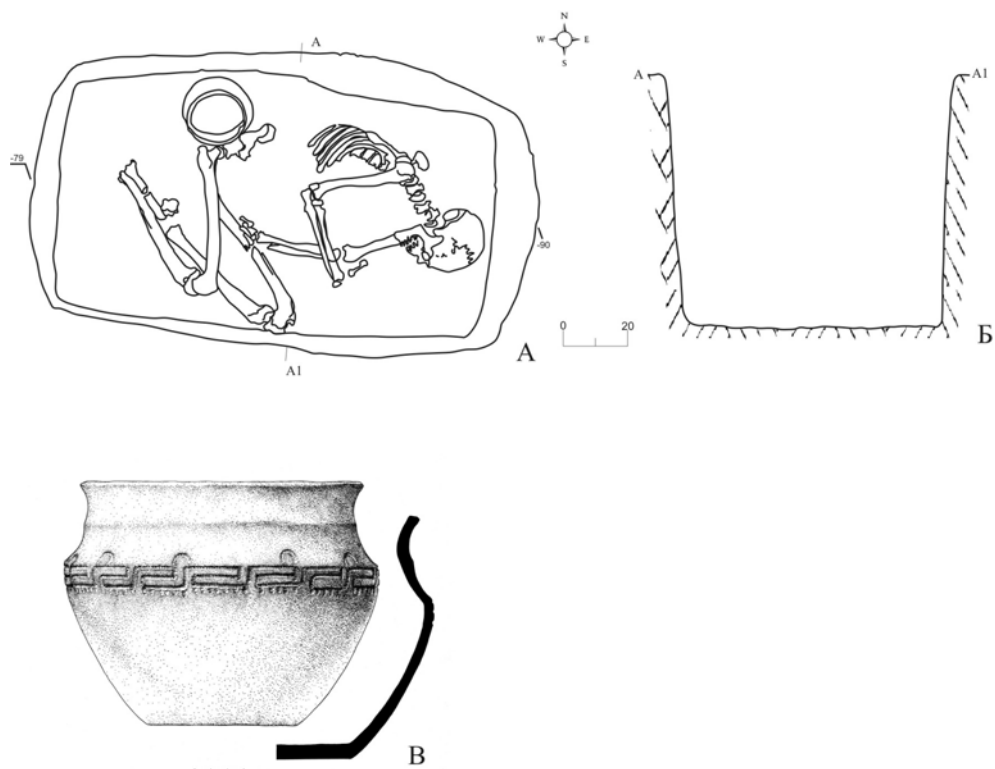

Рис. 7. Погребение 4. А - план, Б - разрез по линии А-А1, В - инвентарь.

Ляхов С.В., Половинкина Ю.С.

КУРГАН РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА У ПОСЕЛКА ПИТЕРКА В САРАТОВСКОМ ЗАВОЛЖЬЕ

В 1993 г. одним из авторов (Ляхов С.В., 1993) были проведены охранные раскопки у пос. Питерка Питерского района Саратовской области. Памятник, состоящий из трех курганных насыпей, находится на вершине второй надпойменной террасы левого берега р. Малый Узень, в 4 км к юго-востоку от п. Питерка, и в 7 км к северо-востоку от железнодорожной станции с таким же названием (рис. 1).

В группе исследован только курган 1, содержащий более десятка погребений раннего железного века, из которых было опубликовано одно погребение 9 с богатым и интересным инвентарем II-I вв. до н. э. [Мордвинцева, Ляхов, 2000]. Не менее яркий археологический материал из остальных погребений, актуальный для решения дискуссионных вопросов сарматской археологии, а также интересные стратиграфические и планиграфические наблюдения, вводятся в научный оборот в данной статье.

Курган 1 (рис. 2, 1) до начала раскопок имел высоту 0,61–0,92 м. На его поверхности есть прямоугольный ровик, окружавший разрушенный геодезический знак. В полах насыпи обнаружены кости животных и фрагменты лепной неорнаментированной керамики.

Насыпь, овальной формы (32 x 38 м), длинной осью ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Для наблюдения за стратиграфией оставлены четыре бровки (север-юг), из которых фиксировались только два наиболее информативных фаса: западный фас центральной бровки и восточный фас второй восточной бровки. Толщина центральной бровки составляла 4,5 м, что связано с размещением на ней триангуляционного знака. Толщина остальных бровок от 1 до 1,75 м. По данным стратиграфии курган сооружен в два строительных периода в эпоху раннего железа.

Центральная бровка, западный фас (рис. 2, 2). Средняя часть насыпи до уровня погребенной почвы уничтожена перекопами. Гумус (черный плотный суглинок) – до 0,25 м; досыпка 1 (насыпь 2) в виде темно-серого суглинка (максимальная толщина – 0,7 м) полностью перекрывала древнюю насыпь; древняя насыпь высотой до 0,55 м в виде плотного буро-черного суглинка, залегала на уровне погребенной почвы. Обе насыпи хорошо отделяются друг от друга прослойкой материковой глины (толщина 2–3 см), которая отчетли-

во фиксировалась почти по всей поверхности древней насыпи. Погребенная почва в виде осветленного черного суглинка толщиной 0,1–0,2 м, ниже которой залегала плотная материковая глина желтого цвета. В центральной части бровки, в границах древней насыпи, на уровне погребенной почвы едва различим рыхлый слой светло-серого легкого суглинка толщиной до 0,1 м. Невыразительные остатки органики обнаружены на уровне погребенной почвы в 1,25 м и в 5 м к югу от репера. Материковый выкид из погребения 3 зафиксирован в 4,2 м к северу от репера, в грунте второй насыпи. Его длина 3,7 м, толщина до 0,1 м. Черный гумусированный слой комковатой фактуры залегал на полах кургана.

Восточная бровка, восточный фас (рис. 2, 3). Гумус (черный суглинок) – до 0,25 м; досыпка 1 (насыпь 2) толщиной до 0,4 м в виде темно-серого суглинка (максимальная толщина – 0,7 м) полностью перекрывала древнюю насыпь; древняя насыпь (до 0,2 м) в виде плотного бурого суглинка залегала на уровне погребенной почвы; погребенная почва, в виде осветленного суглинка толщиной 0,15–0,25 м; ниже залегала плотная материковая глина желтого цвета. Материковая глинистая прослойка между насыпями, которая фиксировалась в центральной бровке, здесь залегала только по краям древней насыпи. От уровня древней насыпи, четко фиксировались заполнения погребений 12 и 13, состоящие из темного суглинка. Материковый выкид толщиной до 0,3 м залегал на уровне древней насыпи, с обеих сторон входной ямы п. 13. Материковый выкид из погребения 10 толщиной 0,1 м и длиной 0,8 м, выявлен в грунте второй насыпи, в северной части бровки.

Параметры древней основы кургана определяются нами условно, как овальная в плане земляная насыпь, вытянутая длинной осью по линии северо-восток – юго-запад, в пределах 31,8 x 23 м. Досыпка 1 (насыпь 2), размерами 37 x 33,5 м, имела аналогичные форму и ориентировку, и полностью перекрывала древний курган.

В процессе раскопок в насыпи были выявлены кости человека и животных, остатки деревянных перекрытий могил, старые кострища, а также отдельные находки: фрагменты лепной керамики (рис. 3, 3) и развал лепного сосуда (рис. 3, 1). Черепок в изломе черного цвета. Тесто рыхлое с примесью органики и песка. Высота горшка 24,6 см. Диаметр дна 9,6 см – максимально расширения 22,2 см, – горла 13,4 см, – венчика 14 см.

Всего в кургане выявлено 13 погребений эпохи раннежелезного века: погребения 4 и 5 являются основными, остальные комплексы впускные.

Погребение 1 (рис. 3, б), впускное, в насыпи 2, в 10 м к северо-востоку от условного центра кургана. Форма и размеры могильной ямы не фиксировались. Погребенный ребенок был уложен вытянуто на спине, головой на юго-восток-восток. Правая рука слегка согнута, левая вытянута вдоль корпуса. Кости ног не сохранились.

Инвентарь:

1. Сосуд лепной, неорнаментированный, округлобокой формы, обнаружен у ног погребенного. Его верхняя часть не сохранилась. Поверхность и излом сосуда черного цвета. Тесто рыхлое, с примесью органики и шамота. Диаметр днища 5,7 см (рис. 3, 7).

Погребение 2 (рис. 4), впускное, основное для досыпки 1 (насыпь 2), в подбое. Обнаружено в центральной части кургана, на глубине 4,82 м (3,66 м

от уровня материка). Выявлено по пятну плотного черного суглинка грабительской ямы, которая оконтурилась на глубине 1,1–1,53 м. В процессе выборки обнаружены кости животного и человека, а также предметы погребального инвентаря (бронзовый наконечник стрелы, железные обломки). Артефакты, по всей видимости, происходят из захоронений 2 и 4, выброшены при разграблении, а впоследствии не раз переотложены во время переустановок геодезического знака.

С уровня 2,96 м восточная сторона грабительского лаза переходила в отвесную восточную стенку входной ямы. По мере углубления, бесформенное пятно заполнения ямы, с 3,87 м начинало приобретать характерное для подбойных погребений очертание, а уже в придонной части (4,63 м) приняло четкую «Н»-образную форму, а погребальная камера находилась в западной части пятна.

Таким образом, можно сделать ряд конструктивных заключений: подбой был устроен вдоль западной стенки входной ямы ориентированной по линии север-юг, с небольшими отклонениями к востоку и западу. Входная яма, возможно, имела подовальную в плане форму, длину 2,6 м, ширину 1,2 м. Подбой подпрямоугольной в плане формы (3,2 x 1,9 м) с округлыми углами. Сводчатая поверхность потолка могла достигать высоты 1,1–1,2 м. Дно подбоя, устроенное на 0,15 м выше дна погребальной камеры погребения 4, имело относительно ровную горизонтальную поверхность.

Инвентарь:

С этим погребением мы связываем ряд находок, выявленных в верхних слоях грабительской воронки и в заполнении придонной части подбоя.

1. Черешки (4 шт.), железные, от наконечников стрел. Черешки округлые в сечении со следами дерева на поверхности. Максимальная длина фрагментов 3 см.

2. Бесформенные обломки от клинка меча или кинжала.

3. Фрагменты лепной неорнаментированной керамики. Поверхность и излом черепков черного цвета. Тесто рыхлое с примесью органики и песка.

4. Бусы (78 шт.), стеклянные, округлых форм, зонные, с золотой прокладкой (30 шт.), (0,5 x 0,6 x 0,3)¹ и бисер, также округлых форм, черного цвета (48 шт.), (0,3–0,5 x 0,1–0,2 x 0,1–0,2) (рис. 4, 4).

Погребение 3 (рис. 5, 1), впускное, основное для досыпки 1 (насыпь 2), в подбое. Обнаружено в 4,5 м к северо-западу от нулевой отметки, на глубине 2,63 м (1,48 м от уровня материка).

Выявлено по пятну заполнения входной ямы, четкие контуры которой зафиксированы на глубине 1,36–1,38 м. Заполнение плотное, суглинистое серовато-желтого цвета. Входная яма, расширявшаяся к юго-западной стенке, подпрямоугольной формы (2,05 x 0,65 – 0,87 м), с закругленными углами, длинной стороной ориентирована по линии северо-восток-восток – юго-запад-запад. На глубине 2,38 м (1,23 м от материка), вдоль длинной юго-юго-восточной стенки выявлена ступенька шириной 0,45 м и высотой 0,18 м. На ее горизонтальной поверхности прослежен органический тлен коричневого

¹ Здесь и ниже размеры бус указаны в сантиметрах: диаметр бусины, высота поперечного сечения, диаметр сквозного отверстия.

цвета, а в южной части, ближе к краю, аморфное в плане пятно (0,17 x 0,12 x 0,01 м) прокаленной почвы. Эта почти отвесная, ступень, опускаясь до уровня 2,56 м, переходила во вторую ступень шириной 0,16 м и высотой 0,05 м. В заполнении и на горизонтальной поверхности второй ступени выявлены разновеликие фрагменты веток тростника, залежавших в различных направлениях. Отдельные экземпляры диаметром 3–4 см, сохранили вертикальное положение. Возможно, это остатки заклада входного отверстия. Последняя ступень небольшим уклоном переходила в дно подбоя, зафиксированное на глубине 2,61 м.

Подбой сооружен вдоль длинной северо-северо-западной стенки входной ямы. Входное отверстие имело овальную форму (1,96 x 0,63 м). При выборке заполнения погребальной камеры было установлено, что за входом свод начинал постепенно понижаться ко дну камеры. Предполагаемая высота свода 0,63 м. Подбой подпрямоугольной формы (2,1 x 0,65 м), с округлыми углами, длинной стороной ориентирован по оси северо-восток-восток – юго-запад-запад. Дно ровное, горизонтальное, имело едва заметное понижение в западную и южную стороны.

На дне подбоя лежал скелет взрослого мужчины, вытянуто на спине, черепом на северо-восток-восток. Череп лицевой частью обращен к югу. Кости рук и ног вытянуты. Скелет лежал на черной органической подстилке подпрямоугольной формы (1,9 x 0,85 м), которая перекрывала меловую посыпку дна. Буро-коричневый органический тлен выявлен под тазовыми костями. Южнее левого коленного сустава, под навершием лежавшего рядом кинжала, обнаружены кусочки древесного угля и светло-желтая сера. Между стопами погребенного зафиксирована лопатка МРС.

Инвентарь:

1. Предмет железный, грушевидной формы, лежал рядом с кистью левой руки погребенного. Длина предмета 8,7 см, ширина 1,5–2,5 см, толщина 0,5 см. На одной из его поверхностей имеются два дуговидных выступа. Сохранились также отпечатки грубой ткани и вкрапления светло-желтой серы (рис. 5, 2).

2. Нож 1, железный, с заметно выгнутой спинкой, найден около левого коленного сустава. Сечение лезвия клиновидное, рукоятка в виде «шишечки», согнутой на «себя». Длина изделия 16 см, ширина клинка 2 см (рис. 5, 3).

3. Наконечники стрел (9 шт.) лежали вдоль левого голеностопа, остриями на юго-запад. Железные наконечники (3 шт.), трехгранные, черешковые, с ромбической, треугольной и сводчатой(?) головками. Длина округлых в сечении черешков 7–9 см (рис. 5, 4а). На их поверхности сохранились волокна древесного тлена. Бронзовые наконечники (6 шт.), с треугольной головкой и внутренней втулкой, лопасти которых срезаны под острым углом или на одном уровне с втулкой. Их размеры от 2 до 4 см. Во втулках сохранились остатки древков (рис. 5, 4б).

4. Меч железный, с серповидным навершием и прямым перекрестием, лежал вдоль левой берцовой кости, с внешней стороны. На поверхности клинка видны следы древесного тлена. Общая длина 48 см, клинка 38,4 см. Ширина клинка, линзовидного в сечении, 2–4 см (рис. 5, 5).

5. Оселок каменный (фрагмент верхней части), со сквозным отверстием, обнаружен под левой берцовой костью, ближе к коленному суставу. Сечение подпрямоугольное. Общая длина находки 5,5 см, ширина 1,4–1,7 см, толщина 0,7–1,3 см. Диаметр отверстия 0,4–0,8 см (рис. 5, 6).

6. Нож 2, железный, черешковый, со слегка изогнутой спинкой, лежал рядом с костью МРС, между голеностопами скелета. Острие лезвия обломано в древности. На рукояти шириной 1,1 см и длиной 3,5 см видны остатки дерева. Длина лезвия, клиновидного в сечении, 9,7 см, ширина 1,8 см (рис. 5, 7).

7. Нож 3, железный, черешковый, с прямой спинкой, найден под бронзовыми наконечниками стрел. Острие обломано в древности. Общая длина изделия 8 см, клиновидного в сечении лезвия 5,5 см. На рукояти видны волокна древесного тлена (рис. 5, 8).

Погребение 4 (рис. 4), основное, в катакомбе(?) с дромосом. Обнаружено в центральной части кургана, на глубине 4,97 м (3,77 м от уровня погребенной почвы).

Выявлено по пятну заполнения входной ямы, четкие контуры которой зафиксированы в 8,5 м к юго-юго-западу, на глубине 1,33–1,35 м. Входная яма прямоугольной формы (2,28 x 1,14 м) с закругленными углами длинной стороной ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. В яму ведут три ступеньки, оставленные вдоль короткой юго-западной стенки. Посыпка углем отмечена на первой и третьей (перед входом в дромос) ступеньках входной ямы.

Между входной ямой и погребальной камерой устроен дромос, который соединялся с южным углом камеры. Из входной ямы в дромос вел аркообразный вход (0,9 x 0,84 м), устроенный в ее узкой северо-восточной стенке. В заполнении дромоса обнаружены фрагменты хвороста, которые залегали беспорядочно, в основном в нижней части. Глубина дромоса составляла более 4 метров от уровня материка, что не позволяло провести раскопки открытым способом. Поэтому было принято решение исследовать дромос подземным методом, но частично, со стороны входа на расстояние 1,7 м и со стороны выхода, до 0,7 м.

В результате этих работ было установлено, что коридор имеет вытянуто-подпрямоугольную форму (6,3 x 0,9–1,1 x 0,8 м) и ориентирован по линии северо-восток – юго-запад. Дно коридора, начинавшееся с уровня третьей ступени (4,67 м), плавно опускалось до глубины 5,18 м, после чего резко понижалось до уровня 5,27 м, образуя вертикальную ступень высотой 0,09 м. Перед входом в камеру имеется порожек шириной 0,1 м и высотой 0,12 м, который переходит в дно камеры, образуя ступеньку высотой 0,3 м.

В заполнении и на дне могилы предметы инвентаря, кости человека или животных не обнаружены.

Инвентарь:

С этим погребением мы связываем ряд находок, выявленных в насыпи, в верхних слоях грабительской воронки и в заполнении придонной части подбоя.

1. Наконечник стрелы бронзовый со сводчатой головкой и выступающей втулкой, лопасти которого срезаны под острым углом к втулке. Длина общая – 2,1 см, – втулки 0,7 см, диаметр втулки – 0,7 см (рис. 3, 2).

2. Фрагмент венчика лепного сосуда обнаружен у северо-западной стороны входной ямы (рис. 3, 3).

3. Фрагмент стенки лепного толстостенного сосуда, орнаментированный прочерченными линиями (рис. 3, 5).

4. Абразивный камень трапециевидной формы (3 x 6,2 x 6 см), с обработанными поверхностями (рис. 3, 4).

Погребение 5 (рис. 6, 1, 2), основное, в катакомбе с дромосом. Обнаружено в западной части кургана, в 4,5 м строго на запад от условного центра кургана, на глубине 2,56 м (1,66 м от уровня погребенной почвы). Выявлено по пятну рыхлого и мешаного заполнения входной ямы, состоящего из темного гумусированного суглинка и комков желтой глины.

Входная яма овальной формы (1,25 x 1,1 м) длинной стороной ориентирована по линии север-юг. В яму вели три горизонтальные сегментовидные ступеньки, сооруженные в северной стенке. В заполнении ямы обнаружены кости подростка, кусочки древесного угля, кости МРС, фрагменты деревянных плах.

Между входной ямой и погребальной камерой устроен дромос, который соединялся с центральной частью северной стенки катакомбы. В дромос вел арочный вход (1 x 0,8 м), верхняя часть которого немного обрушилась. Дромос высотой 0,95–1 м, имеет подпрямоугольную форму (1,15 x 0,75 м) и длинной стороной ориентирован по линии север-юг. Дно коридора плавно понижается до 2,77 м.

Погребальная камера подпрямоугольной формы (1,3 x 0,55 м) длинной стороной ориентирована по линии восток-запад. Длинная ось погребальной камеры перпендикулярна длинной оси дромоса. Высота свода 1,1 м. Поверхность дна неровная, нарушенная норами землеройных животных.

Ни в заполнении, ни на дне камеры предметы инвентаря, кости человека или животных не обнаружены.

Погребение 6 (рис. 6, 3), впускное, в простой грунтовой яме. Обнаружено в северной части кургана, в 7,2 м к северо-северо-востоку от центра, на глубине 1,6 м (0,7 м от материка). Выявлено при зачистке восточного фаса центральной бровки, по пятну заполнения могильной ямы и по деревянным плахам перекрытия, зафиксированным на глубине 1,12–1,18 м. Заполнение рыхлое, однородное, состоящее из темно-серого суглинка.

Могильная яма овальной формы (1,31 x 0,47 м) длинной стороной ориентирована по линии восток-запад. Стенки ямы плавно суживались ко дну, размеры которого 1,16 x 0,38 м. При выборке грунта бровки, над могильным пятном, на глубине 1,02–1,06 м обнаружены кости МРС и фрагмент венчика лепного сосуда. Поверхность черепка темно-оранжевая, излом черный. Тесто рыхлое с примесью органики, шамота и песка (рис. 6, 4).

Остатки деревянного перекрытия в виде отпечатков разновеликих плах, фиксировались поперек коротких стенок ямы и в ее заполнении. Ближе ко дну обнаружены обломок железного черешка и несколько стеклянных бусин.

На дне лежал скелет ребенка, обращенный черепом на запад. Он потревожен землеройными животными, кости правой руки, берцовые, левое предплечье, позвонки и ребра не обнаружены. Судя по расположению сохранившихся костей, погребенный был уложен на спину с вытянутыми ногами.

Инвентарь:

1. Зеркало бронзовое (во фрагментах), с невысоким валиком по краю, лежало за черепом погребенного. Размеры 6,1 x 2,6 см, ширина валика 0,4 см, толщина 0,3 см (рис. 6, 7).

2. Бусы (8 шт.) стеклянные, округлые синие, а также сердоликовая бочковидная, найдены в заполнении могилы и в районе грудины.

3. Пряслице глиняное, биконическое, лежало у ног. Изделие украшено горизонтальным рядом косых насечек по краю основания. Высота пряслица 3 см. Диаметр максимального расширения 3 см, диаметр отверстия 0,5–0,6 см (рис. 6, 8).

4. Кувшин лепной, орнаментированный, с приземистым туловом и петлеvidной ручкой, обнаружен в восточной части могилы. Верхняя часть сосуда украшена наколами, прочерченными линиями, желобками, образующими горизонтальные и зигзагообразную линии. Поверхность кувшина оранжевая. Черепок в изломе черного цвета. Тесто рыхлое с примесью органики и шамота. Высота сосуда 12,3 см. Диаметр дна 7,7 см, – максимального расширения 12,3 см, – горла 7,4 см, – венчика 7,9 см. Внутри горшка обнаружен кусочек смолистого вещества (гагат?) (рис. 6, 9).

5. Черешок от наконечника стрелы железный, прямоугольного сечения, со стелами дерева на поверхности, обнаружен в заполнении могильной ямы (рис. 6, 5).

Погребение 7 (рис. 7, 1), впускное, основное для досыпки 1 (насыпь 2), парное, в подбоя. Обнаружено в северо-восточном секторе кургана, в 8,26 м к северо-востоку от репера, на глубине 2,43–2,47 м (1,53–1,57 м от материка). Выявлено по пятну заполнения входной ямы, четкие контуры которой зафиксированы на глубине 1,25 м. Заполнение плотное, мешаное, комковатой фактуры.

Входная яма прямоугольной формы (2,1 x 0,9 м), со скругленными углами, длинной стороной ориентирована на север, с небольшим отклонением к востоку. Вдоль длинной восточной стенки выявлена ступенька шириной 0,55 м и высотой 0,5 м. Наклонно опускаясь, она переходила в дно подбоя, зафиксированное на глубине 2,4 м. В заполнении и на поверхности ступени выявлены стебли тростника, залегающие в разных направлениях. Возможно, это остатки рухнувшего перекрытия входной ямы. Входное отверстие в подбой имеет овальную форму (2,05 x 0,6 м), подбой устроен в западной длинной стенке входной ямы. При выборке заполнения погребальной камеры было установлено, что свод сразу за входом начинал постепенно понижаться ко дну. Предполагаемая высота свода 0,6 м.

Подбой имеет трапециевидную форму (2,2–2,4 x 1,05 м), с округлыми углами. Дно ровное, горизонтальное, слегка понижалось в западную и южную стороны. В заполнении встречены кусочки древесного угля, кости МРС, кости подростка и взрослого человека, несколько предметов инвентаря. На дне подбоя лежали два неполных скелета, так как погребение повреждено землеройными животными.

Скелет 1 принадлежал взрослому человеку, располагался перед входом, вытянуто на спине, черепом на юг. Кроме черепа сохранились тазовые кости, левое предплечье, берцовые кости со стопами. Череп лежал на левой стороне,

лицевой частью на северо-запад. Левое предплечье вытянуто вдоль корпуса. Берцовые кости также вытянуты.

Скелет 2 принадлежал подростку. Сохранились только череп и кости левой стопы. Череп лежал в юго-западном углу подбоя, лицевой частью на север. На дне отмечены остатки органической подстилки светло-серого цвета.

Инвентарь:

1. Наконечник стрелы бронзовый, трехлопастной, с внутренней втулкой и треугольной головкой, лопасти срезаны под острым углом. Выявлен в 0,25 м восточнее западной стенки подбоя. Длина наконечника 3,3 см (рис. 7, 2).

2. Сосуд лепной, неорнаментированный, плоскодонный, лежал в юго-западном углу подбоя. Форма сосуда не восстанавливается. Поверхность черепков светло-бурого цвета, излом черного цвета. Тесто рыхлое, с примесью органики и шамота.

3. Черешки железные, от двух наконечников стрел. На их поверхности заметен древесный тлен. Длина черешков 3,5 и 4,6 см, они имели округлое и ромбическое сечения (рис. 7, 3).

4. Ручка бронзовая, от зеркала, плоская, расширяющаяся книзу, длиной 7,5 см, шириной 1,7–2,7 см (рис. 7, 4).

5. Наконечники стрел (7 шт.) железные, черешковые, с треугольными головками. Черешки округлые в сечении, диаметром до 0,5 см, имели длину 5–6 см (рис. 7, 5).

Погребение 8 (рис. 8, 1–5), впускное, основное для досыпки 1 (насыпь 2), в подбое. Обнаружено в юго-восточном секторе кургана, в 12,22 м к юго-востоку, на глубине 3,27 (2,12 м от материка). В 1 м к западу от входной ямы находилось небольшое кострище овальной формы (1,06 x 0,57 м), длинной стороной ориентированное по линии восток-запад. Мощность прокала почвы достигала 0,1–0,13 м.

Выявлено по пятну заполнения входной ямы, зафиксированному на глубине 1,29–1,32 м. Заполнение входной ямы: в верхних слоях – мягкий однородный грунт черного цвета, глубже переходящий в плотный глинистый суглинок серо-желтого цвета. Входная яма овальной формы (2,2 x 1,1 м) длинной стороной ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. На глубине 2,45 м (1,3 м от материка), вдоль длинной северо-западной стенки выявлена ступенька шириной 0,35–0,6 м и высотой 0,8 м. В заполнении и на поверхности ступени выявлены стебли тростника, залегавшие в вертикальном, наклонном и горизонтальном положениях. Возможно, это остатки рухнувшего перекрытия входной ямы. Под тростником отмечен волокнистый светло-серый органический тлен. Ступень почти вертикально переходила в дно подбоя, зафиксированное на глубине 3,25 м.

Подбой сооружен вдоль юго-восточной длинной стенки входной ямы. При выборке заполнения погребальной камеры было установлено, что верхняя часть входа и свода рухнули в древности. Сохранившаяся часть свода за входом понижается ко дну камеры. Предполагаемая высота свода 0,8 м.

Подбой трапециевидной формы (2,15–2,45 x 1,45 м), с округлыми углами, ориентирован по линии северо-восток – юго-запад. На дне камеры, вдоль юго-восточной стенки, под остатками деревянной конструкции лежал скелет женщины, вытянуто на спине, черепом на юго-запад. Череп лицевой частью обращен на северо-восток, руки и ноги вытянуты, стопы направлены на вос-

ток. Посыпка мела выявлена около правой руки, под зеркалом. За черепом найдены кости МРС.

К моменту расчистки деревянная конструкция сохранилась в виде бесформенного скопления фрагментов досок. Эта конструкция представляла собой «шалаш» (домовину), которая была сооружена из двух наклонных щитов. Каждый щит изготовлен из четырех длинных досок, к которым (по краям и по центру) крепились по три бруска на каждый щит. Штыри, вбитые в сквозные отверстия досок и брусков, соединяли весь щит. Щиты между собой не скреплялись. Внутренний щит своими нижним и верхним краями упирался в дно и в свод подбоя, а внешний устанавливался в распор между дном и верхним краем первого (рис. 8, 5).

Инвентарь:

1. Зеркало бронзовое (1/3), с валиком по краю, лежало рядом с кистью правой руки. Предполагаемый диаметр изделия 14 см, толщина до 0,5 см. Ширина валика 1,4 см, высота 0,7 см (рис. 8, 6).

2. Бусы (35 шт.), стеклянные, прозрачные, поперечно сжатых округлых форм, с золотой прокладкой, размерами 0,6–0,9 x 0,4–0,6 x 0,2–0,4 (рис. 8, 7).

3. Обойма железная, желобчатая, из пластины шириной 0,6 см. Ее размеры 2 x 1,5 см (рис. 8, 8).

4. Набор бус выявлен в районе груди и шейных позвонков. В ожерелье входят: *стеклянные* прозрачные округлые с золотой прокладкой (8 шт.), бисер (124 шт.) из глухого черного и белого стекла (121 шт.); бисер из прозрачного с разводами стекла (3 шт.); *гагатовые* (4 шт.) короткие цилиндрические бусы, гладкие торцы которых срезаны вертикально или наклонно².

Погребение 9³ (рис. 9, 1), впускное, основное для досыпки 1 (насыпь 2), в яме с заплечиками. Обнаружено в юго-западной части кургана, в 5,72 м к юго-западу-западу от репера, на глубине 2,99–3,01 м (1,84–1,86 м от материка).

Могильная яма прямоугольной формы (2,21 x 1,75 м) длинной стороной ориентирована по линии север-юг. Стенки, отвесные, с заплечиками по всему периметру ямы, на которых фиксировались окончания поперечных деревянных плах: на западном заплечике 12 шт., – на восточном 3 шт. Здесь же обнаружены кости МРС, а в засыпке, на разных глубинах найдены кости подростка и древесный уголь. Вероятно, это находки из погребения 5, попавшие сюда в результате деятельности землеройных животных, норы которых частично разрушили нижнюю часть северо-восточного угла могильной ямы погребения 9.

На глубине 2,88 м (1,73 м от материка) выявлена прямоугольная деревянная рама размерами 1,95 x 1,0 м. Каркас сооружен на четырех поперечных плахах (0,75–1 x 0,1 м), поверх которых лежала одна продольная (1,68 x 0,05 м) плаха. Внутри рамы расчищен скелет взрослого мужчины, погребенного вытянуто на спине, черепом на юго-юго-запад. Лицевая часть черепа обращена к северу. Руки вытянуты вдоль корпуса, но правая слегка откинута в сторону. Ноги также вытянуты и параллельны между собой.

Под скелетом органическая подстилка, под черепом «подушка» из волкнистой органики темно-коричневого цвета, с белыми включениями. По-

² Так как гагатовые бусы в этом и в других погребениях по своим морфологическим признакам стандартные, поэтому в дальнейшем при их описании будут только размеры.

³ Иллюстративная часть инвентаря приведена частично, так как в полном объеме опубликована ранее (Ляхов С.В. Мордвинцева В.И. 2000).

сыпка мелом зафиксирована ниже, на дне. Куски древесного угля обнаружены правее коленного сустава правой ноги.

Инвентарь:

1. Бляшки (309 шт.), золотые нашивные в виде бараньих рожек, найдены между кистями и черепом погребенного. Максимальное скопление украшений отмечено ближе к груди. В отдельных случаях удалось проследить их первоначальное расположение – многорядность вдоль коротких сторон подстилки. На бляшках выдавлен орнамент в виде треугольников и насечек. Сквозные отверстия для пришивания размещаются по углам изделия. Размеры бляшек 1,6 x 1 см (рис. 9, 2).

2. Спирали золотые (48 шт.), различной длины, из тонкого листа, залежали в засыпке и на дне, между рядами бляшек, почти по всей площади распространения последних. Спирали, длиной 0,7–15 см, изготовлены из ленты шириной 0,3–0,4 см.

3. Пластина (гастанга) золотая, с зооморфным орнаментом, покрывала левую кисть умершего. Ее размеры 23 x 0,11–5,8 см (рис. 9, 3).

4. Оселок каменный, разбитый на четыре части, со сквозным отверстием в верхней части, найден около правой бедренной кости. Форма и сечение предмета прямоугольные. Длина 11,3 см, диаметр отверстия 0,5 см (рис. 9, 4).

5. Пряжка гагатовая, прямоугольная (8,5 x 4,5–5,0 x 1,0 см), лежала чуть выше крестца. В центре сквозной бронзовый стерженек. Вероятно, это боковой крючок, фрагмент которого был найден среди других бронзовых предметов в юго-западном углу могилы. Ниже крючка находится прямоугольное (2,0 x 1,0 см) отверстие для ремня. На другой стороне имеются пять сквозных отверстий диаметром 0,3–0,5 см со следами сработанности. На ее внешней поверхности видны шляпки четырех золотых гвоздиков (рис. 9, 5).

6. Кинжал железный, без перекрестия, с кольцевым деревянным навершием лежал вдоль правой бедренной кости. Общая длина 41,5 см, клинка 30 см. Сечение клинка линзовидное. Диаметр навершия 3,5 см, сквозного отверстия около 1 см. На его поверхности видны округлые головки железных штифтов. Остатки древесного тлена фиксировались по всей поверхности оружия. Фрагмент кожи красного цвета обнаружен на клинке поверх дерева (рис. 9, 6).

7. Бляха бронзовая, ажурная, прямоугольная (5,5 x 3,5 см), с боковым неподвижным крючком лежала на кинжале. К бляхе, с внутренней стороны, с помощью тонких кожаных ремешков привязаны куски кожи и войлока (?) темно-коричневого цвета (рис. 9, 7).

8. Наконечники стрел (6 шт.), железные, втульчатые, с диаметром втулки 0,4 см и длиной около 6 см, найдены в 0,3 м к западу от левого коленного сустава.

9. Фрагменты деревянного сосуда, скрепленного серебряным прутком, прямоугольным в сечении, лежали в 0,25 м к западу от стоп.

10. В юго-западном углу выявлены бронзовые предметы: крючок от гагатовой пряжки, прямоугольный в сечении; два гвоздика (штифта) с полусферическими шляпками; пряжка «П»-образной формы с боковым неподвижным крючком, изготовленная из трех прямоугольных пластин, скрепленных между собой штифтами, предметы с выдавленным растительным(?) орнаментом: небольшая тонкая пластина прямоугольной формы; бляха округлая с припаянной с внутренней стороны тонкой, квадратной в сечении, проволо-

кой; обойма прямоугольная (наконечник ремня), изготовленная из двух пластин, между которыми видны остатки кожи.

Погребение 10 (рис. 10, 1), впускное, основное для досыпки 1 (насыпь 2), в подбое. Обнаружено в северо-восточной части кургана, в 11,97 м к северо-востоку, на глубине 2,67 м (1,52 м от материка).

Входная яма прямоугольной формы длинной стороной ориентирована по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. Длина входной ямы 2 м, ширина 0,8 м. На глубине 2,5 м (1,35 м от материка), вдоль длинной юго-запад-западной стенки, выявлена горизонтальная ступенька шириной 0,78 м и высотой 0,15 м, которая переходила в дно подбоя на глубине 2,65 м.

Подбой устроен в длинной юго-восток-восточной стенке входной ямы. Предполагаемая высота свода 0,65 м. Длина входа 1,85 м. Подбой имеет трапециевидную форму (2,1–2,3 x 0,9 м), с округлыми углами, ориентирован по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. На дне подбоя лежали кости ног и правой руки взрослой женщины. Череп, лопатка, позвонки, ребра обнаружены в заполнении северо-западного угла камеры и на ступеньке, вперемешку с костями МРС. По сохранившимся костям можно предположить, что первоначально умершая лежала вытянуто на спине, головой к юго-юго-востоку. Правая рука протянута вдоль корпуса, ноги также вытянуты.

Под скелетом на сохранилась органическая подстилка в виде черного волокнистого тлена. Под подстилкой, между стопами и верхним эпифизом плечевой кости, выявлены отпечатки десяти поперечных плах. В юго-юго-восточном углу подбоя обнаружены кости МРС.

Инвентарь:

1. Зеркало (фрагмент) бронзовое, с валиком по краю диска, находилось в юго-юго-западном углу подбоя, в норе животного. Диаметр изделия 9,5 см, толщина до 0,2 см. Ширина валика 1 см, толщина до 0,4 см (рис. 10, 2).

2. Бусы стеклянные (65 шт.), найдены в районе груди: цилиндрические из глухого оранжевого стекла (2 шт.) (0,4 x 0,5 x 0,1–0,3); остальные округлые, пропорциональные и поперечно сжатые, прозрачные с золотой прокладкой, размерами (0,3–0,5 x 0,2–0,5 x 0,1–0,3) (рис. 10, 5).

3. Бусы (17 шт.) стеклянные, округлые, с золотой прокладкой, пропорциональные и поперечно сжатые, из прозрачного и глухого стекла, обнаружены у запястья правой руки. Их размеры 0,3–0,6 x 0,2–0,4 x 0,2 (рис. 10, 4).

4. Бусы (31 шт.) стеклянные, цилиндрические, выявлены около стоп. За исключением трехваликовой бусины, изготовленной из глухого белого стекла (0,5 x 0,7 x 0,2), остальные из оранжевого и бело-серебристого глухого стекла с золотой прокладкой (0,4–0,5 x 0,4–0,6 x 0,1–0,2) (рис. 10, 3).

Погребение 11 (рис. 10, 6), впускно, в подбое. Обнаружено в 11 м к северо-востоку, между погребениями 10 и 7, на глубине 2,9 м (1,75 м от материка).

Входная яма овальной формы (1,55 x 0,65 м), длинной стороной ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. В заполнении входной ямы встречены кости подростка и МРС. На глубине 2,05 м (0,8 м от материка), вдоль длинной юго-западной стенки входной ямы выявлена горизонтальная ступенька шириной 0,26 м и высотой 0,7 м. На ее поверхности, в южной части, зафиксировано пятно угля и золы (0,25 x 0,35 x 0,05 м). Подбой сооружен вдоль длинной юго-западной стенки входной ямы. Верхняя часть свода рухнула в древности. Предполагаемая высота свода 0,4 м.

Подбой прямоугольной формы (1,6 x 0,65 м), с округлыми углами, длинной стороной ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. В северо-западной части подбоя *in situ* залежали только стопы подростка. Можно предположить, что умерший лежал головой на юго-восток. Предметы инвентаря не обнаружены.

Погребение 12 (рис. 11, 1), впускное, основное для досыпки 1 (насыпь 2), в двухкамерном подбое. Обнаружено в восточной части кургана, под восточным фасом второй восточной бровки, в 14 м к северо-восток-востоку, на глубине 2,54–2,57 м.

Входная яма прямоугольной(?) формы длинной стороной ориентирована по линии север – юг. Длина входной ямы 1,55 м, ширина 0,65 м. По центральной оси, на глубине 1,95–2,14 м (0,9–1,09 м от уровня материка) проходит ступень шириной 0,1 м, которая разделяет яму на две части.

Восточный подбой прямоугольной формы (1,93 x 0,75 м), с округлыми углами, длинной стороной ориентирован по линии север-юг. Высота свода 0,65 м. На дне лежал скелет молодой женщины (*скелет 1*), вытянуто на спине, черепом на юг. Кости правой руки вытянуты вдоль корпуса. Кости левой руки согнуты – между плечевой и предплечьем образовался тупой угол. Кисти – ладонями вниз, находились напротив тазобедренных суставов. Кости ног вытянуты и параллельны. Стопы соединены.

Под грудной клеткой, правыми предплечьем и коленным суставом зафиксированы отпечатки четырех поперечных деревянных плах. Кроме того, вдоль скелета сохранились отпечатки двух продольных плах длиной 1,4 м, которые перекрыты поперечными. Возможно, это остатки легких деревянных носилок. Скелет лежал на овальной подстилке (1,75 x 0,3–0,4 м) в виде черно-коричневого органического тлена. Белый волокнистый органический тлен покрывал восточную стенку подбоя. Кусочек реальгара обнаружен выше левой ключицы. В юго-западном углу камеры, за черепом и левой плечевой костью лежали кости МРС.

Западный подбой овальной формы (2,15 x 0,8 м) длинной стороной ориентирован по линии север-юг. На дне лежал скелет молодого мужчины (*скелет 2*), вытянуто на спине, черепом на юг. Кости рук и ног вытянуты. Стопы соединены.

Под скелетом также зафиксированы отпечатки легких деревянных носилок, а ниже обнаружен коричневый тлен органической подстилки. Кусочки древесного угля обнаружены среди костей стоп. Кусочек реальгара лежал рядом с древками стрел. Кости МРС лежали перед входом в камеру.

Инвентарь:

Скелет 1

1. Кольца (подвески) височные, бронзовые, диаметром 1,8–2,2 см, лежали у левой стороны челюсти. Они изготовлены из тонкой проволоки округлого сечения диаметром 0,1–0,2 см (рис. 11, 2).

2. Предмет бронзовый (амулет), найден рядом с бронзовыми кольцами. Он изготовлен из квадратной пластины (2,6 x 2,4 x 0,2 см) со сквозными отверстиями по углам (диаметр 0,1 см). Амулет украшен прорезным орнаментом в виде спиралей. В центре имеется крестообразное утолщение. Внутренняя сторона изделия гладкая, внешняя бугристая (рис. 11, 3).

Набор бус выявлен около груди, рук, тазовых костей и голеностопов погребенной.

3. Бусы (329 шт.) стеклянные, гагатовые и коралловые, обнаружены в районе груди. *Стеклянные* с золотой прокладкой (26 шт.) цилиндрические из глухого белого и оранжевого стекла (22 шт.) (0,2–0,3 x 0,4–0,6) и округлые пропорциональные и поперечно сжатые из прозрачного и глухого белого стекла (0,4–0,5 x 0,2–0,4); – *гагатовые* (299 шт.) (0,2–0,5 x 0,05–0,3); – *веточки красного коралла* (4 шт.).

4. Бусы (46 шт.) коралловые и гагатовые обнаружены возле правого запястья. *Коралловые* (9 шт.) в виде топорика, круглые цилиндрические (6 шт.) (0,4 x 0,2–0,4 x 0,1), веточки красного коралла (2 шт.) (рис. 11, 4а); – *гагатовые* (37 шт.) (0,5–0,6 x 0,1–0,2 x 0,1–0,3) (рис. 11, 4б).

5. Бусы (116 шт.) гагатовые, стеклянные и коралловые обнаружены возле левого запястья. Гагатовые (102 шт.) (0,3–0,6 x 0,1–0,3 x 0,1–0,2) (рис. 11, 5а); – коралловые (10 шт.) в виде топорика и кашли (3 шт.), молоточков (2 шт.) и округлые цилиндрические (5 шт.) (0,3–0,4 x 0,3–0,4 x 0,1–0,2) (рис. 11, 5б); – стеклянные (4 шт.) округлые поперечно сжатые с золотой прокладкой бусы из белого и желтого стекла (3 шт.) (0,5 x 0,3–0,4 x 0,1–0,3) (рис. 11, 5в) и коротко цилиндрическая из глухого белого стекла (0,3 x 0,3 x 0,2).

6. Бусы (36 шт.) коралловые, гагатовые и стеклянная обнаружены около тазовых костей. *Коралловые* (3 шт.) в виде топорика и округлые цилиндрические (2 шт.) (0,3 x 0,2–0,3 x 0,1) (рис. 11, 6а); – *гагатовые* (32 шт.) – (0,3–0,5 x 0,1–0,3 x 0,1–0,2) (рис. 11, 6б); – *стеклянная* округлая глухого зеленого стекла (0,5 x 0,3 x 0,1) (рис. 11, 6в).

7. Бусы (47 шт.) стеклянные и каменные обнаруженные в районе голеностопов. *Стеклянные* с золотой прокладкой (44 шт.) округлые прозрачные пропорциональные и поперечно сжатые (33 шт.) (0,3–1,2 x 0,3–0,8 x 0,1–0,7) и цилиндрические из глухого белого стекла (7 шт.) (0,4 x 0,3–0,5 x 0,1–0,2) (рис. 11, 7а); – *каменные* (7 шт.) округлые бело-голубого цвета (6 шт.) (0,5–0,8 x 0,4–0,6 x 0,2) и цилиндрическая трехваликовая (0,8 x 0,9 x 0,4–0,6) (рис. 11, 7б).

Скелет 2

8. Корнекопалка (наконечник ремня?) железная, лежала на правой тазовой кости. На внешней поверхности видны волокна грубой ткани. Изготовлена из листа толщиной 0,3 см. Общая длина предмета 7 см, – втулки 3,1 см. Диаметр втулки 1,4 см (рис. 12, 1).

9. Нож железный, черешковый, со слегка изогнутой спинкой, обнаружен в районе груди, с левой стороны. На рукояти сохранился древесный тлен. Нож обломан в древности. Длина клиновидного в сечении лезвия 6 см, ширина 1,3 см (рис. 12, 2).

10. Наконечники (21 шт.) стрел, железные и бронзовый обнаружены между коленными суставами. Бронзовый наконечник длиной 2,5 см с выступающей втулкой и подтреугольной головкой, лопасти которой срезаны под острым углом (рис. 12, 3а). Железные наконечники черешковые, трехлопастные. Одна из головок имеет длину 3,5 см, остальные 1,9–2,3 см. Черешки, округлые и ромбовидные в сечении, длиной от 1 до 8 см (рис. 12, 3б). При рас-

чистке железных наконечников прослежены отпечатки древков длиной 0,2 м, выкрашенных в красный цвет.

11. Железная пластина с вертикальным бортиком вдоль длинного края и со штифтом обнаружена между наконечниками стрел. Длина пластины 4,4 см, ширина до 1,2 см, толщина 0,3 см (рис. 12, 4).

12. Крючок от колчана железный, находился рядом с пластиной (нах. 11). Верхняя часть изделия загнута в крюк диаметром 1,2 см, нижняя часть обломана в древности. Крючок изготовлен из подпрямоугольного в сечении прута толщиной 0,7 x 0,4 см. Общая длина предмета 3,7 см (рис. 12, 5).

13. Фрагмент лепной керамики, орнаментированной горизонтальной линией, найден в заполнении камеры. Поверхность и излом черепка черного цвета. Тесто рыхлое, с примесью органики и мелкозернистого песка (рис. 12, 6).

Погребение 13 (рис. 13, 1), впускное, основное для досыпки 1 (насыпь 2), коллективное, в подбое. Обнаружено на глубине 2,82 (1,67 м от материка), в 13 м к юго-восток-востоку от репера.

Входная яма овальной формы длинной стороной ориентирована по линии север-юг. Длина входной ямы 2,25 м, ширина 1,1-1,2 м. Стенки неровные отвесные. В заполнении входной ямы обнаружены кости крупного животного (корова?). Вдоль длинной восточной стенки на глубине 2,1 (0,95 м от материка) зафиксирована приступка шириной 0,2 м и высотой 0,55 м, которая, отвесно понижаясь, переходит в дно входной ямы, зафиксированное на глубине 2,65 м.

Погребальная камера трапециевидной формы (1,6-2,1 x 1 м), с округлыми углами, ориентирована по линии север-юг. Высота свода 0,85 м.

В погребении расчищены три скелета (скелеты 2 и 3 в подбое, скелет 1 во входной яме) взрослых людей, погребенных вытянуто на спине, головами на юг, с небольшим отклонением к западу.

Скелет 1 мужчины преклонного возраста и крепкого сложения лежал перед входом. Череп лицевой частью обращен к северо-западу. Руки протянуты вдоль корпуса, но правая слегка откинута в сторону. Кости ног вытянуты, стопы и коленные суставы – вместе. На костях и под ними выявлена подстилка из волокнистого, коричневого тлена размерами 2,07 x 0,7 м.

Скелет 2 молодого мужчины лежал между скелетами 1 и 3. Череп развернутый влево лицевой частью обращен на северо-запад. Руки согнуты в локтях, левая кисть на тазовых костях, правая на груди. Ноги вытянуты, стопы и коленные суставы сведены. Куски мела и минеральной краски малинового цвета залегали ниже железного меча, у правого коленного сустава. Кости МРС обнаружены за черепом скелета, под южной стенкой подбоя.

Скелет 3 принадлежал молодой женщине, которую похоронили в глубине подбоя, слева от скелета 2, у западной стенки камеры. Череп обращен лицевой частью на север. Руки протянуты вдоль корпуса, правая кисть на тазовых костях, левая около тазобедренного сустава. Ноги вытянуты, стопы сведены. Кости МРС обнаружены между берцовыми костями и за черепом, в юго-западном углу подбоя.

Инвентарь:

Скелет 1

1. Венчик деревянного сосуда с бронзовой накладкой, найден под правой берцовой костью (рис. 13, 2).

2. Гвоздик бронзовый, с полусферической шляпкой, лежал рядом с венчиком сосуда. На согнутом стерженьке гвоздика сохранился обрывок кожи. Диаметр шляпки 0,5 см. Толщина подквадратного в сечении стерженька 0,2 см (рис. 13, 3).

Скелет 2

3. Пряжка железная, овальная (6 x 4,5 см), с крюком, расположенным в одной плоскости с кольцом, найдена справа от тазовых костей, поверх светло-желтой серы. Пряжка изготовлена из овального в сечении прутка размерами 0,13 x 0,7 см (рис. 13, 4).

4. Меч железный с серповидным навершием и прямым перекрестием, лежал вдоль правой бедренной кости. Острие клинка направлено к стопам. Общая длина 35 см, – клинка 23 см, – рукояти 7 см. Поверхность рукояти рифленая. На линзовидном в сечении клинке видны остатки дерева и грубой ткани, на которых сохранилась красная краска (рис. 13, 5).

5. Зеркало (фрагмент) бронзовое, плоское, диаметром около 10 см, лежало под правым голеностопом. Рядом с зеркалом сохранились остатки кожи и дерева (рис. 13, 6).

6. Предмет (нож?) железный, с плоским черешком для рукояти и округлым перекрестием, обнаружен между бедренными костями. Перекрестие отделяет рукоять от подпрямоугольной пластины (клинок?) с двумя штифтами. На поверхности пластины – древесный тлен. Общая длина 6,6 см, – пластины 3,3 см, – рукояти 2,3 см. Ширина пластины до 1,4 см, – рукояти 0,4–1,1 см (рис. 13, 7).

Скелет 3

7. Кольцо (подвеска) бронзовое, свернутое в 2,5 оборота, диаметром 1,3 см, залегало на левой половине грудины. Сечение проволоки 0,2 см (рис. 13, 8).

8. Бусы (34 шт.) гагатовые, сердоликовые, коралловые и стеклянная круглая цилиндрической формы, глухого темно-желтого стекла (фрагмент), обнаружены около левого запястья. *Гагатовые* (28 шт.) (0,5–0,6 x 0,1–0,2 x 0,1–0,2) (рис. 13, 9а); – *сердоликовые* (3 шт.) округлой формы кирпичного цвета (0,6 x 0,6 x 0,1–0,3) (рис. 13, 9б); – *коралловая* круглая цилиндрическая бусина (0,4 x 0,5 x 0,1) и веточка коралла (рис. 13, 9в).

9. Бусы (63 шт.) сердоликовые и гагатовые, выявлены возле правого запястья. *Сердоликовые* (4 шт.) округлой формы, кирпичного и темно-оранжевого цветов (0,6–0,7 x 0,6 x 0,1) (рис. 13, 10а); – *гагатовые* (59 шт.) (0,6–0,7 x 0,15–0,25 x 0,2) (рис. 13, 10б).

10. Бусы (70 шт.) стеклянные, гагатовые и веточка коралла найдены в районе груди. *Стеклянные* круглые, прозрачные, цилиндрические (60 шт.) с золотой прокладкой (0,25–0,4 x 0,5–1,4 x 0,1–0,2), зонные (3 шт.) с золотой и серебряной прокладками (0,4–0,5 x 0,3–0,5 x 0,2) (рис. 13, 11а); – *гагатовые* (7 шт.) (0,6–0,7 x 0,15–0,25 x 0,2–0,3) (рис. 13, 11б), *веточки коралла* (2 шт.) (рис. 13, 11в).

11. Бусы гагатовые (22 шт.) (0,5–0,7 x 0,1–0,3 x 0,2), выявлены под тазовыми костями.

* * *

Погребальные комплексы питерского кургана можно разделить на две хронологические группы.

Древняя насыпь сооружена в савроматское время над основными погребениями 4 и 5. Материковый выкид из погребения 5 фиксировался на уровне погребенной почвы, севернее входной ямы. Перед их устройством, в центральной части кургана, на древней поверхности, была устроена ритуальная площадка из тростника или хвороста, остатки которой в виде рыхлой светло-серой прослойки четко зафиксированы в бровках. В плане ее форму проследить не удалось. По периметру (или по всей поверхности?) площадка была обложена деревянными плахами (ОН 8). После возведения насыпи, ее полы были обсыпаны материковой глиной. Возможно, это грунт из могильной ямы погребения 4, выкид из которого не обнаружен на уровне погребенной почвы.

Датировка основных захоронений определяется исключительно по инвентарю погребения 4, который имеет довольно широкие хронологические рамки. Бронзовый трехлопастной наконечник стрелы с выступающей втулкой и сводчатой головкой (тип 6 по К.Ф. Смирнову) (рис. 3, 2) имеет массовые аналогии в памятниках VI–IV в. до н. э. Южного Приуралья и Поволжья [Смирнов, Петренко, 1963. Таб. 13]. В раннесарматское время у данного типа наконечника форма боевой части приобретает характерные для этого времени узкотреугольные очертания [Мошкова, 1963. С. 31]. Керамика по своим морфологическим признакам и орнаменту в виде ряда ямок-наколов (рис. 3, 3) и незамысловатых резных линий (рис. 3, 5) близка к нижневолжским сосудам савроматской эпохи [Очир-Горяева, 1990. С. 85–92].

Катакомбы, в том числе с дромосами, относятся к редкому типу погребальных сооружений савроматской и раннесарматской культур [Смирнов, 1978; Мошкова, 1983]. Обращает на себя внимание одна характерная технологическая деталь питерских дромосов, которые, в отличие от урало-волгодонских ходов, сооружались не открытым, а подземным способом. Погребения с подобными коридорами не характерны для погребального обряда савромато-сарматских племен. Нам известны единичные аналогии питерским конструкциям, открытые на левом берегу Волги (Зауморье 1/3) и Дона (Вертячий 6/3), датируемые VI–IV вв. до н. э. и IV в. до н. э., соответственно [Ляхов, 1994, 1997; Мамонтов, 1993]. Катакомбы с подземными коридорами-дромосами широко использовались племенами степной Скифии. [Ольховский, 1991]. Известно, что катакомба или дромос не являются этноопределяющими признаками [Смирнов, 1984. С. 42; Мошкова, 1983], но такая яркая обрядовая черта как метод сооружения дромоса под землей, на наш взгляд, вполне может подчеркнуть этническую принадлежность памятника.

Погребения, сочетавшие черты скифской и дахо-массагетской традиций, известны среди заволжских памятников VI–IV вв. до н. э., в которых влияние с запада и юго-запада выражалось в основном в предметах материальной культуры, что отражало, вероятно, опосредованные торговые отношения между ними. [Железчиков, Железчикова, 1990. С. 76–77]. Могилы, в которых присутствуют элементы погребального обряда, характерные для племен скифского мира, могли быть оставлены непосредственно этническими скифами, или представителями племен, испытавших сильное скифское влияние.

Появление в Заволжье погребений скифоидного облика, подобных питерским, могло произойти не ранее IV в. до н. э., так как могильные конструкции с подземными коридорами в Северном Причерноморье сооружались с первой половины IV в. до н. э. по III в. до н. э. [Ольховский, 1991. С. 35; 94–95]. Кроме того, по предположению Б.Н. Гракова, торговый путь от Борисфена на восток, в страну «плешивых» (агрипеев), куда могли ходить (участвовать в охране караванов) «некоторые скифы» [Геродот, IV, 24], существовал до IV в. до н. э. [Граков, 1971]. Было бы заманчиво продатировать погребения 4 и 5 в рамках IV в. до н. э., связав их со скифами, но, по объективным обстоятельствам, окончательное решение этой проблемы, а также вопросов о причинах и путях проникновения скифских племен в нижневолжские степи, остается открытым.

Следующий этап функционирования кургана связан с впускными раннесарматскими могилами 1–3, 6–13, устроенными вокруг центрального погребения 2. Их материковые выкиды залежали поверх (п. 2, 7–9, 11–13) или в грунте (п. 3, 10) древней насыпи. Захоронения, не нарушающие друг друга и расположенные по дуге или кругу, открыты на всей территории Азиатской Сарматии [Садыкова, 1962. Рис. 2; Мошкова, 1963. С. 19; 22, табл. 1–3, 6; Пшеничнюк, 1983. С. 103; Смирнов, 1975. С. 159; Моргунова и др., 2005. Рис. 78; Шилов, 1959. С. 428; Симицын, 1959. Рис. 11; 21; Лукашов, Прямухин, 2002. Рис. 3; Мыськов, 1992. Рис. 1; Глебов, Парусимов, 2003. Рис. 1; Ильюков, Власкин, 1992. С. 170–171; Власкин, 2000. Рис. 1]. Такие курганы интерпретируются как семейно-родовые курганы-кладбища [Мордвинцева, 1993. С. 32].

В восьми случаях погребения устроены в подбойных могилах и по одному разу в насыпи (п. 1), в простой яме (п. 6) и в яме с заплечиками (п. 9). Аналогичные типы могильных конструкций характерны для раннесарматской культуры [Смирнов, 1989. С. 171–172]. Яма с заплечиками представляет собой редкий тип могил, как для раннесарматского, так и для среднесарматского времени [Скрипкин, 2005. С. 2], и считается социально дифференцирующим признаком [Мордвинцева, 1993. С. 32].

В большинстве питерских захоронений присутствуют обрядовые черты (вытянутое положение и ориентировка погребенных в южный сектор), которые являются определяющими для раннесарматской культуры. В погребениях 1, 3 и 6 погребенные были уложены головой на восток, северо-запад и запад, соответственно. Отклонения от господствующей южной ориентировки объясняются именно за счет кругового расположения могил в кургане [Мошкова, 1963. С. 22].

В погребениях 8, 9 и 12 обнаружены остатки деревянных внутримогильных конструкций. В трех случаях прослежены решетчатые настилы (тип «б» по М.Г. Мошковой), многочисленные аналогии которым известны в раннесарматских памятниках Приуралья, Нижнего Поволжья и Дона. М.Г. Мошкова считает такой настил частью кузова разобранной повозки [Мошкова, 1963. С. 22]. Аналогии оригинальной конструкции из погребения 8 обнаружить не удалось.

Остатки жертвенной пищи в виде передней ноги с лопаткой и ребер МРС, залежавшие в районе ног и головы погребенных, а также древесный уголь, сера, меловая посыпка, реальгар и минеральная краска являются этническими признаками сарматских племен [Мошкова, 1963. С. 23–24].

Предметы вооружения представлены двумя категориями: наконечниками стрел и железными мечами.

Отмечены наконечники стрел четырех типов: железные длинночерешковые (рис. 5, 4; 7, 3, 5; 12, 3а^б) и втульчатые⁴ и бронзовые с внутренней (рис. 5, 4б; 7, 2) и выступающей втулкой (рис. 12, 3а). Данные типы наконечников характерны для раннесарматского периода [Мошкова, 1963. С. 31–33; Скрипкин, 1990. 133–142].

Мечи представлены двумя типами: с серповидным, плавно изогнутым навершием и прямым перекрестием (рис. 5, 5; 13, 5), и с кольцевидным деревянным навершием без металлического перекрестия (рис. 9, 6). Мечи с серповидным навершием и прямым перекрестием имеют широчайшие аналогии в памятниках III–I вв. до н. э., оружие с кольцевидным навершием появляется на завершающем этапе раннесарматской культуры и становится господствующим типом в среднесарматский период [Скрипкин, 1990. С. 118, 119, 185; Клепиков, Скрипкин, Сергацков, 2008. С. 55]. Редкие находки мечей с кольцевидным железным навершием без металлического перекрестия открыты в комплексах II вв. до н. э. – I вв. н. э. на обширной территории [Синицын, 1960. С. 31, рис. 9; Скрипкин, 1990; Медведев, 1990. Рис. 6, 26; Матюхин, 1992. Рис. 4, 3; Марченко, 1996. С. 55–56, рис. 12; Глебов, Парусимов, 2000. Рис. 7, 3]. Среди материалов Лявандакского могильника обнаружен меч с деревянным навершием (II–I вв. до н. э.), что является пока единственной точной аналогией питерскому мечу [Обельченко, 1961. С. 106–108, 131–133, рис. 8, 9].

В пяти погребениях обнаружены зеркала двух разновидностей: с валиком по краю диска (рис. 6, 7; 8, 6; 10, 2) и с плоским диском (рис. 13, 6). Кроме того, имеется массивная, слегка расширяющаяся книзу, ручка зеркала (рис. 7, 4). Из-за фрагментарности зеркал точно определить их тип не представляется возможным. Преднамеренная порча предметов, и зеркал в частности, является характерной обрядовой чертой раннесарматских племен, причем большая часть разбитых зеркал приходится на изделия с валиком по краю диска, которые распространены в период с III в. до н. э. по I в. до н. э. [Скрипкин, 1990. С. 90; 144; 150–152]. Зеркала с плоским диском известны в савроматское время, затем широко используются на завершающем этапе раннесарматской культуры и бытуют в среднесарматское время [Скрипкин, 1990. С. 142–143; Скрипкин, 2005. С. 12–13]. Зеркала с расширяющимися книзу ручками известны в раннесарматских памятниках, но в основном были распространены в савроматское время. [Скрипкин, 1990. С. 150].

Гагатовая (рис. 9, 5) и бронзовая прямоугольно-рамчатая, с решетчатым орнаментом (рис. 9, 7), пряжки относятся к хроноиндикаторам завершающей стадии раннесарматской культуры [Клепиков, Скрипкин, Сергацков, 2008. С. 55, 61]. Кольцевая железная пряжка с боковым крючком (рис. 13, 4) имеет широчайшие аналогии в комплексах сложившейся прохоровской культуры [Мошкова, 1963. С. 40].

Золотые предметы (спирали, бляшки в виде рогов барана, пластина – «гастанга») из погребения 9 известны в памятниках ранне-среднесарматского времени (рис. 9, 2, 3).

⁴ Здесь и далее анализ предметов из погребения 9 дается кратко, так как они были достаточно полно освещены в статье Ляхов С.В., Мордвинцева В.И. 2000.

Из всей коллекции керамических сосудов раннесарматского периода для анализа оказались пригодны только два лепных сосуда, так как форма горшков из погребений 1 (рис. 3, 7) и 7 не восстанавливается. Кувшин из погребения 6 (рис. 6, 4) имеет большее сходство с сосудами из погребений сложившейся раннесарматской культуры Южного Приуралья – Мустаево-V 4/4 [Моргунова и др., 2005. С. 24–25, 36], Нижнего Поволжья – Бережновка-I 35/11, Полиготдельское 12/19 [Синицын, 1959. Рис. 19, 9; Смирнов, 1959. Рис. 24, 5]; Нижнего Дона – Новый 21/1, Холодный 1/16 [Ильюков, Власкин, 1992. С. 48–49; Глебов, Парусимов, 2003. С. 265–267]. Яйцевидные плоскодонные горшки, подобные сосуду из насыпи (ОН 11) (рис. 3, 1) использовались на протяжении всей сарматской культуры [Мошкова, 1963. Таб. 6, 6, 23, 24; Скрипкин, 1984. Рис. 9, 4, 6; Скрипкин, 1990. Рис. 9, 18].

Украшения из питерского кургана представлены разнообразными бусами, бронзовыми височными кольцами и амулетом-подвеской. Височные кольца (подвески) (рис. 11, 2; 13, 8) относятся к простейшему виду украшений, которые имеют широкое территориальное распространение в сарматскую эпоху, но наиболее характерны для раннесарматской культуры [Мошкова, 1963. С. 44]. Аналогий амулету-подвеске найти не удалось (рис. 11, 3).

Бусы (1099 шт.) являются самой многочисленной категорией украшений: бусы округлые, пропорционально и поперечно сжатые из прозрачного стекла с золотой прокладкой [Алексеева, 1978. С. 29, рис. 4, 4; 8, 7; 10, 4, 5; 11, 5*в*, 7*а* – тип 1*а*]; бусы вытянутые цилиндрические из прозрачного или желтоватого стекла с золотой прокладкой [Алексеева, 1978. С. 30, рис. 10, 3; 13, 11*а* – тип 4]; пропорциональные и короткоцилиндрические бусы с золотой прокладкой [Алексеева, 1978. С. 30–31, рис. 10, 3 – тип 5]; бисер стеклянный черного и белого цветов и белый с разводами [Алексеева, 1978. С. 72, рис. 4, 4 – тип 166]; бусы стеклянные округлые синие [Алексеева, 1978. С. 64–65, рис. 6, 6*а* – тип 15]; бусы цилиндрические из глухого темно – желтого стекла⁵ [Алексеева, 1978. С. 67, рис. 10, 5 – тип 60]; бусы короткоцилиндрические из глухого белого стекла [Алексеева, 1978. С. 67, рис. 11, 7*а* – тип 56]; бусина стеклянная округлая из глухого зеленого стекла [Алексеева, 1978. С. 64, рис. 11, 6*в* – тип 8]; бусы гагатовые короткоцилиндрические [Алексеева, 1978. С. 14, рис. 11, 4*б*, 5*а*, 6*б*; 13, 9*а*, 10*б*, 11*б* – тип 27*а*]; бусина сердоликовая бочковидная [Алексеева, 1982. С. 16, рис. 6, 6*б* – тип 3*а*]; бусы сердоликовые округлой формы [Алексеева, 1982. С. 15, рис. 13, 9*б*, 10*а* – тип 2*а*]; веточки коралла в виде топорики, кашли, молоточка и короткоцилиндрические [Алексеева, 1982. С. 30, рис. 11, 4*а*, 5*б*, 6*а*; 13, 9*в*, 11*в* – тип 4; 9]; бусы каменные округлые белоголубого цвета сопоставимы с мраморными и меловыми бусами [Алексеева, 1982. С. 29, рис. 11, 7*б* – тип 5]. Трехваликовые бусины из стекла (рис. 10, 3) и камня (рис. 11, 7*б*) типологически идентифицировать не удалось.

В целом, погребальный инвентарь характерен для сарматских древностей III–I вв. до н. э.

По инвентарю погребения 3 и 8 являются наиболее ранними из сарматских могил питерского кургана. Комплексы с колчанным набором, в котором представлены бронзовые втульчатые и железные длинночерешковые трехло-

⁵ В тексте отчета данные бусы описаны, как бусы из темно-желтого и оранжевого стекла – в процессе дальнейшего исследования выяснилось, что они имеют одинаковый цвет.

пастные наконечники стрел, в сочетании с мечом с серповидным навершием и прямым перекрестием датируются III – нач. II вв. до н. э. [Клепиков, Скрипкин, Сергацков, 2008. С. 53; 58]. Стекланный бисер типа 166, который получает массовое распространение со второй половины III в. до н. э. [Алексеева, 1978. С. 62; 72] и зеркало большого диаметра, характерное для III–II вв. до н. э. [Мошкова, Рындина, 1975. С. 122], определяют дату погребения 8 в пределах III–II вв. до н. э.

Погребение 9 продатировано II–I в. до н. э. и оснований для более узкой датировки найдено не было [Ляхов, Мордвинцева, 2000]. К этому же периоду относятся погребения 10, 12, 13, в которых набор бус, а в ряде случаев их сочетание (гагатовые (тип 27а) со стекланными с внутренней позолотой (тип 1а)), зеркало небольшого диаметра с валиком по краю, хотя и начинают фиксироваться с III в. до н. э., но наиболее характерны для завершающей стадии раннесарматской культуры [Алексеева, 1978. С. 14, 29–31; Скрипкин, 1990. С. 114; Клепиков, Скрипкин, 2002. С. 66; Клепиков, 2002. С. 99]. По колчанному набору погребение 12 могло бы быть отнесено к группе памятников III – нач. II вв. до н. э. [Клепиков, 2000а. С. 100; Клепиков, 2000б. С. 88; Клепиков, 2002. С. 97–98; Клепиков, Скрипкин, 2002. С. 64–66], но бусы типа 56 (короткоцилиндрические из глухого белого стекла) определяют его нижнюю границу II в. до н. э. [Алексеева, 1978. С. 67]. Датировку II–I вв. до н. э. погребения 13 подтверждает зеркало с плоским диском, которое входит в круг восточных инноваций, появляющихся на завершающем этапе раннесарматской культуры [Скрипкин, 2005. С. 12–13].

Погребение 6 относится к поздней хронологической группе, на что указывает сердоликовая бочонковидная бусина типа 3а (рис. 6, 6б), употреблявшегося с середины II в. до н. э. [Алексеева, 1982. С. 16].

Погребения 2 и 7 датируются в рамках III–I вв. до н. э. Определение более точной даты затруднено их ограблением и малочисленностью сохранившегося инвентаря. В погребении 2 обнаружены только стекланные бусы типа 1а (III–I вв. до н. э.) [Алексеева, 1978. С. 29] и бисер типа 166 (с III в. до н. э.) [Алексеева, 1978. С. 62, 72], в погребении 7 из инвентаря *in situ* залегал только бронзовый наконечник стрелы, а железные длинночерешковые – в заполнении, что не позволяет точно определить дату комплекса на основании сочетания стрел не в колчанном наборе, а в переотложенном виде.

Точная хронологическая характеристика погребений 1 и 11 из-за малочисленности инвентаря затруднительна.

Таким образом, на основании инвентаря, а также учитывая планиграфическую ситуацию и стратиграфические наблюдения, попытаемся смоделировать историю сооружения кургана у пос. Питерка в раннесарматский период.

Как было отмечено выше, в этом кургане все впускные могилы устроены вокруг центрального погребения 2, причем, в северо-восточной части кургана наблюдается несколько рядов могил. Основной круг из шести погребений образован большинством могил II–I вв. до н. э. (п. 9, 10, 12, 13) и двумя комплексами III–II вв. до н. э. (п. 3, 8). Как правило, аналогичные внутрикурганые конструкции сооружались с центрального и основного захоронения, а «кольцевые» могилы имели подчиненный характер, некоторые были одно-

временны, или впущены в небольшом хронологическом интервале относительно основного погребения.

Центральное положение погребения 2 и ранний инвентарь погребений 3 и 8, вытянутых по линии северо-запад – юго-восток, указывают на то, что сооружение внутрикурганного кольца началось именно с них.

Погребения 9, 10, 12, 13 связаны со следующим этапом формирования круга. Планиграфически погребения 10, 12, 13 образовали дугу в северо-восточной части кольца, а погребение 9 в юго-западном секторе замыкает и завершает его. Данное предположение вполне подтверждается тем, что большинство артефактов из погребения 9 встречаются как во II-I вв. до н. э., так и в I в. н. э. (кроме пряжек [Скрипкин, 2000. С. 25]), а золотые бляшки (в виде рогов барана в том числе) являются одним из признаков среднесарматских комплексов [Мошкова, 1989. Табл. 82, 41з; Клепиков, Скрипкин, Сергацков, 2008. С. 59].

Погребение 7, вероятно, впущено в курган немного позже, или одновременно с погребением 9, на что указывает его местонахождение – оно устроено внутри «основного» кольца, в северо-восточной части кургана.

Функционирование кургана завершают погребения 1, 6 и 11, выявленные в северной и северо-восточной частях кургана. Заполнение погребения 6 прорезало обе насыпи⁶, погребение 1 устроено в верхних слоях досыпки 1, погребение 11 внедрено между более ранними погребениями 7 и 10.

Литература:

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. М., 1978.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. М., 1982.

Власкин М.В. Раннесарматские погребения могильника Северо-Западный-I // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000.

Геродот. История. Ленинград, 1972.

Глебов В.П., Парусимов И.Н. Новые сарматские погребения в бассейне реки Сал // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000.

Глебов В.П., Парусимов И.Н. Раннесарматские погребения из кургана у хутора Холодный // НАВ. Вып. 6. Волгоград, 2003.

Граков Б.Н. Скифы. М., 1971.

Железчиков Б.Ф., Железчикова Е.Б. Ранние кочевники Южного Приуралья и Заволжья в VI-III вв. до н. э. // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста, 1990.

Илюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Мангыча. Ростов-на-Дону, 1992.

Клепиков В.М. К проблеме выделения памятников III в. до н. э. // НАВ. Вып. 3. Волгоград, 2000а.

Клепиков В.М. К вопросу о проблемах хронологии раннесарматской культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Самара, 2000б.

⁶ Эта стратиграфическая ситуация четко прослежена в восточном фазе центральной бровки.

- Клепиков В.М.* Сарматы Нижнего Поволжья в II–IV вв. до н. э. Волгоград, 2002.
- Клепиков В.М., Скрипкин А.С.* Хронология раннесарматских памятников нижнего Поволжья // НАВ. Вып. 5. Волгоград, 2002.
- Клепиков В.М., Скрипкин А.С., Сергецов И.В.* Прохоровская культура в Нижнем Поволжье: становление и трансформация // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008.
- Лукашов А.В., Прямухин А.Н.* Савромато-сарматские погребения у с. Белокаменка // НАВ. Вып. 5. Волгоград, 2002.
- Ляхов С.В.* Отчет об охранных раскопках курганов в Хвальинском, Питерском и Татищевском районах Саратовской области. 1993.
- Ляхов С.В.* Нижневолжские дромосные могилы эпохи раннего железа // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье. 1994.
- Ляхов С.В.* Новые нижневолжские погребения с дромосами // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997.
- Ляхов С.В., Мордвинцева В.И.* Раннесарматское погребение у поселка Питерка Саратовской области // РА. № 3. М., 2000.
- Мамонтов В.И.* Раннесарматское погребение у пос. Вертячий на Дону // Древние культуры Подонцовья. Вып. 1. Луганск, 1993.
- Мамонтов В.И.* Сарматские погребения из курганного могильника Писаревка-II // НАВ. Вып. 5. Волгоград, 2002.
- Марченко И.И.* Сираки Кубани: (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996.
- Матюхин А.Д.* Сарматские памятники I–IV вв. Саратовского правобережья (краткий обзор материала) // Археология Восточно-европейской степи. Вып. 5. Саратов, 1992.
- Медведев А.П.* Сарматы и лесостепь: (По материалам Подонья). Воронеж, 1990.
- Моргунова Н.Л., Краева Л.А., Матюшко И.В.* Курганный могильник Мустаево-V // Археологические памятники Оренбуржья. Вып VII. Оренбург.
- Мордвинцева В.И.* 1993. К проблеме семейно-родовых отношений у сарматов (по материалам сарматских погребений последних веков до нашей эры) // Вопросы краеведения: Материалы краеведческих чтений. Вып. 2. Волгоград, 2005.
- Мошкова М.Г.* Памятники Прохоровской культуры // САИ. Вып. Д1–10. М., 1963.
- Мошкова М.Г., Рындина Н.В.* Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья (химико-технологический анализ) // Очерки технологии древнейших производств. М., 1975.
- Мошкова М.Г.* К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. Саратов, 1983.
- Мошкова М.Г.* Среднесарматская культура // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
- Мыськов Е.П.* Сарматские погребения из курганов у Волжского и Киляковки // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992.

- Обельченко О.В. Лявандакский могильник // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 2. Ташкент, 1961.
- Ольховский В.С. Погребально поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М., 1991.
- Очир-Горяева М.А. Классификация керамики из погребений скифской эпохи Нижнего Поволжья // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста, 1990.
- Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.
- Садькова М.Х. 1962. Сарматский курганный могильник у деревни Старые Кишки // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1983.
- Сергацков И.В., Захаров П.Е. Сарматское погребение на севере Волгоградской области // РА. № 1. 2006.
- Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953) // МИА. № 60. 1959.
- Синицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954–1955 гг.) // МИА. № 78. 1960.
- Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984.
- Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990.
- Скрипкин А.С. Новые аспекты в изучении материальной культуры сарматов // НАВ. Вып. 3. Волгоград, 2000.
- Скрипкин А.С. К проблеме соотношения ранне- и среднесарматской культур // Доклад, прочитанный на семинаре «История и культура сарматов», проведенном 5 марта 2005 г. Институтом археологии РАН и НИИ археологии Нижнего Поволжья при Волгоградском госуниверситете. Археология. РУ. 2005.
- Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. № 60. 1959.
- Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Вып. Д1–9. М., 1963.
- Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.
- Смирнов К.Ф. 1975. Сарматы на Илеке. М., 1964.
- Смирнов К.Ф. Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос о происхождении сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
- Смирнов К.Ф. «Амазонка» IV в. до н. э. на Дону // СА. № 1. 1982.
- Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
- Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
- Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. № 60. 1959.

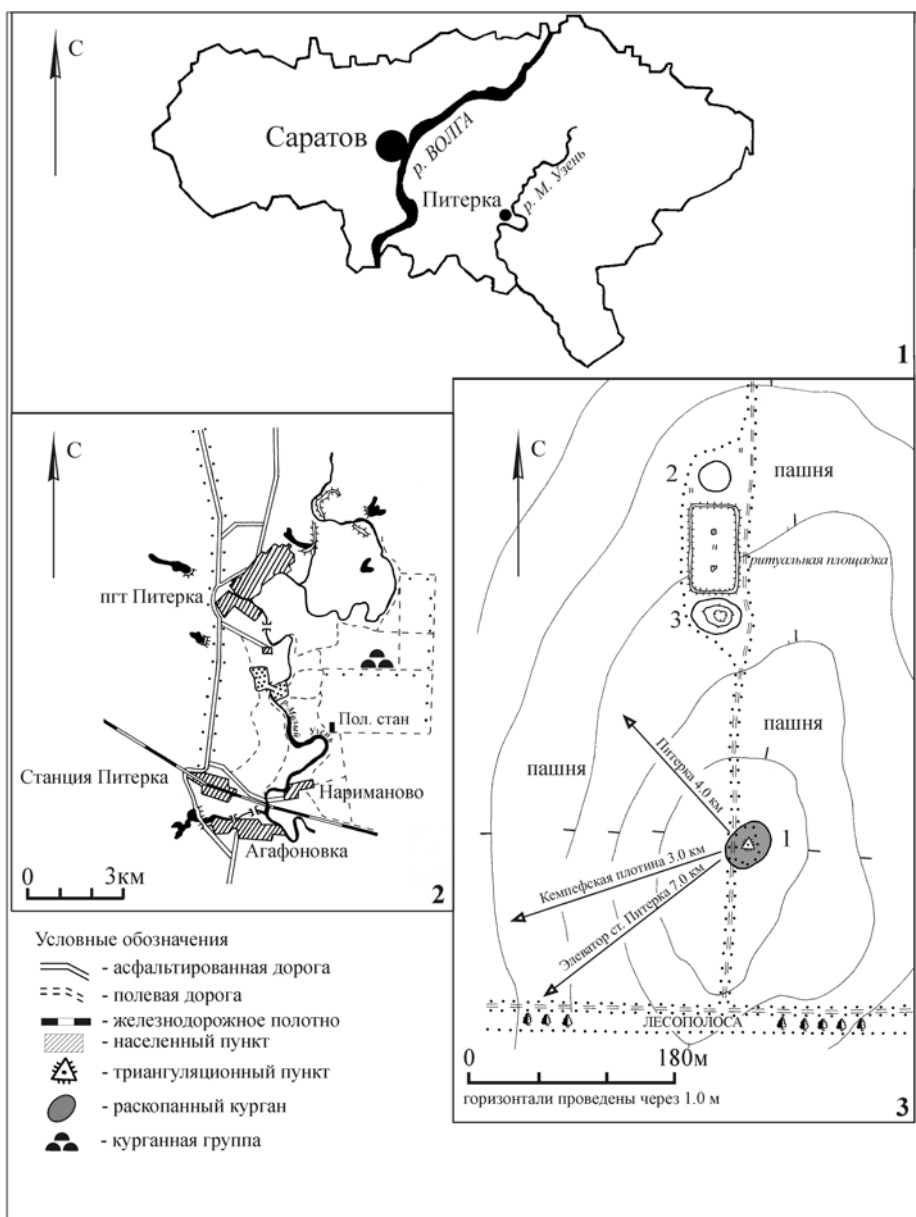

Рис. 1. Питерка. 1 - Карта-схема Саратовской области.
 2 - План расположения курганной группы.
 3 - Топографический план курганной группы.

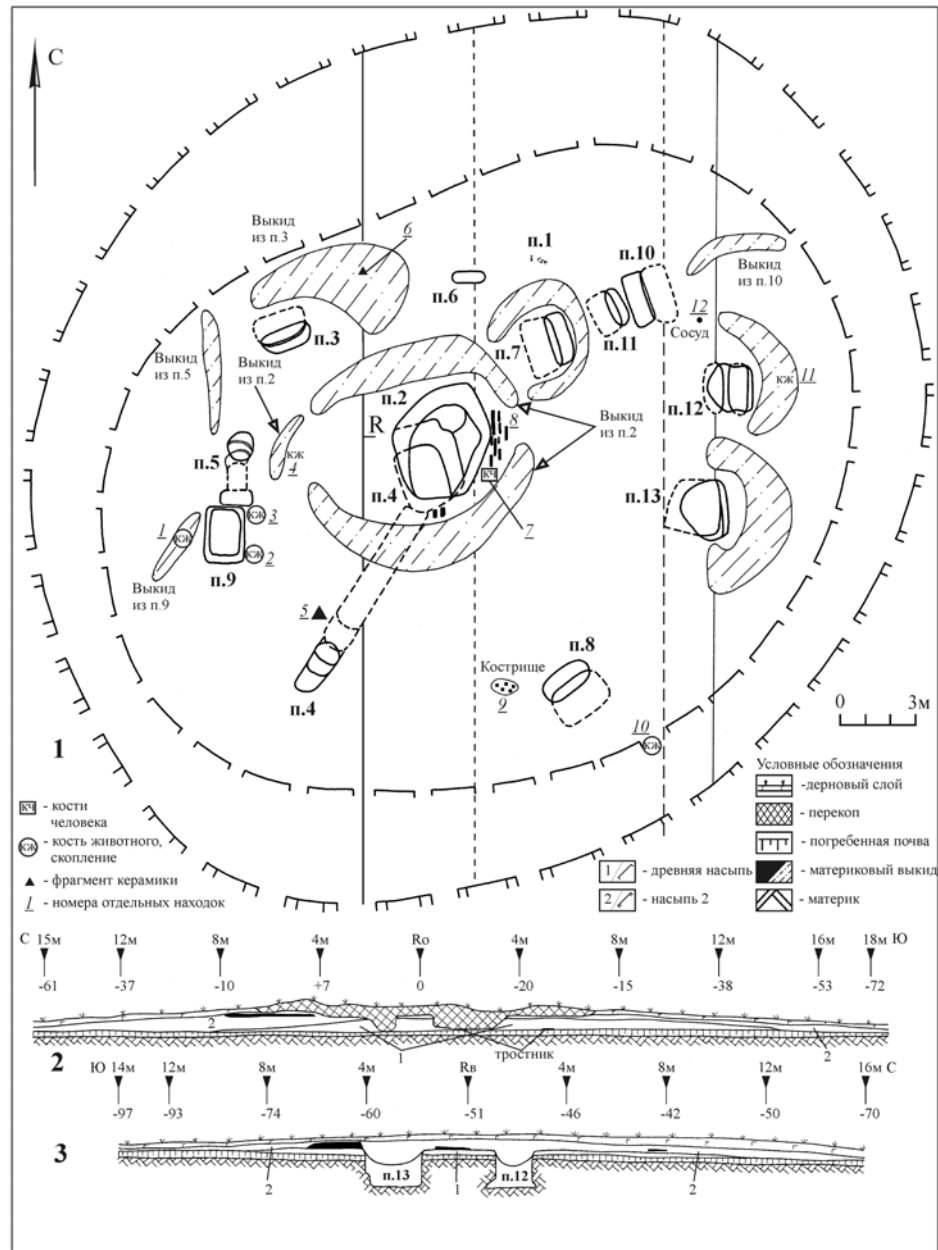

Рис. 2. Питерка. Курган 1. 1 - общий план; 2 - центральная бровка западный фас; 3 - восточная бровка восточный фас.

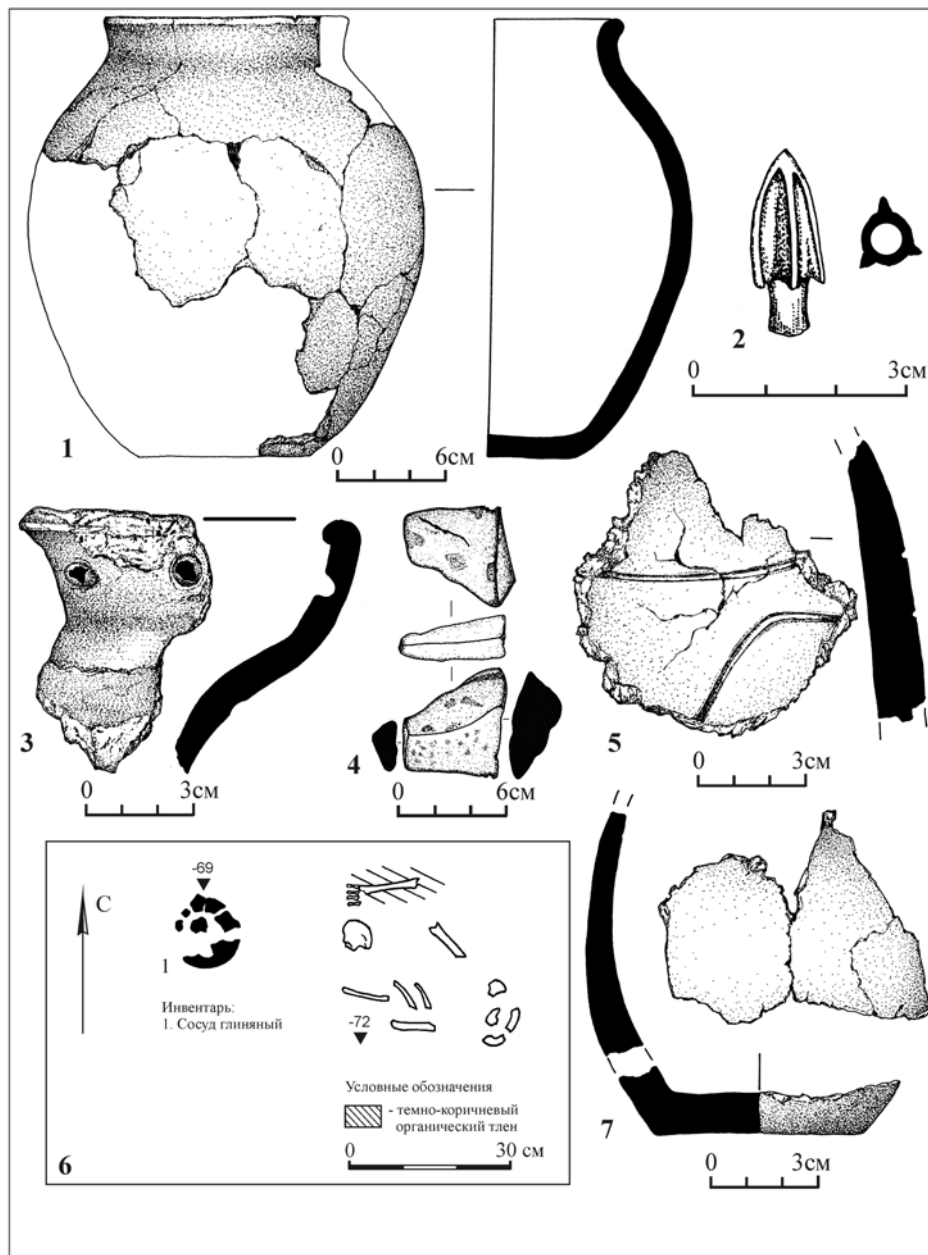

Рис. 3. Питерка. Курган 1. Отдельные находки (ОН 11; 5) (1;3).
Погребение 1(6-7). Инвентарь погребения 4 (2-5).

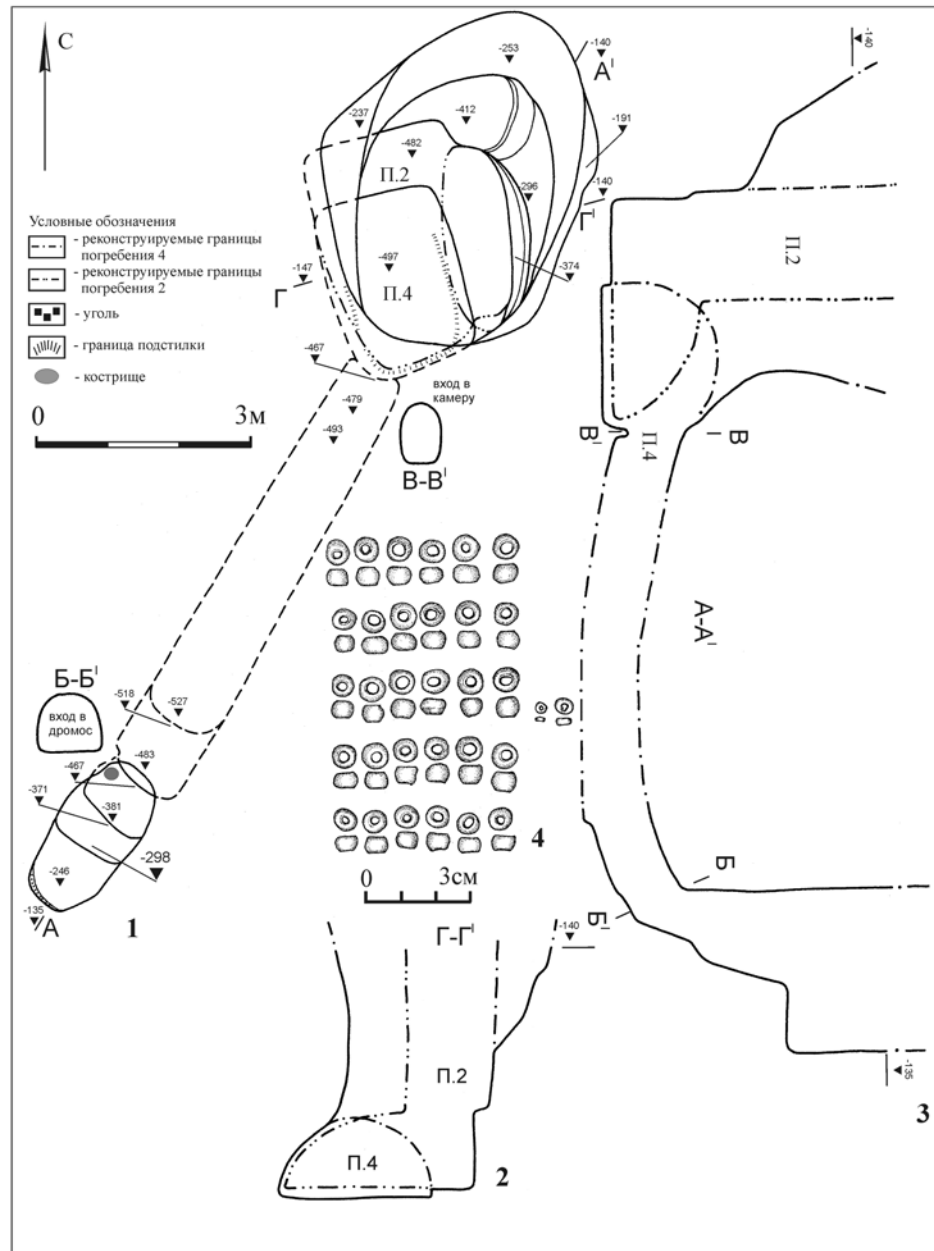

Рис. 4. Питерка. Курган 1 погребения 2 и 4. 1-3 - план, разрезы погребений 2, 4; 4 - бусы стеклянные из погребения 2.

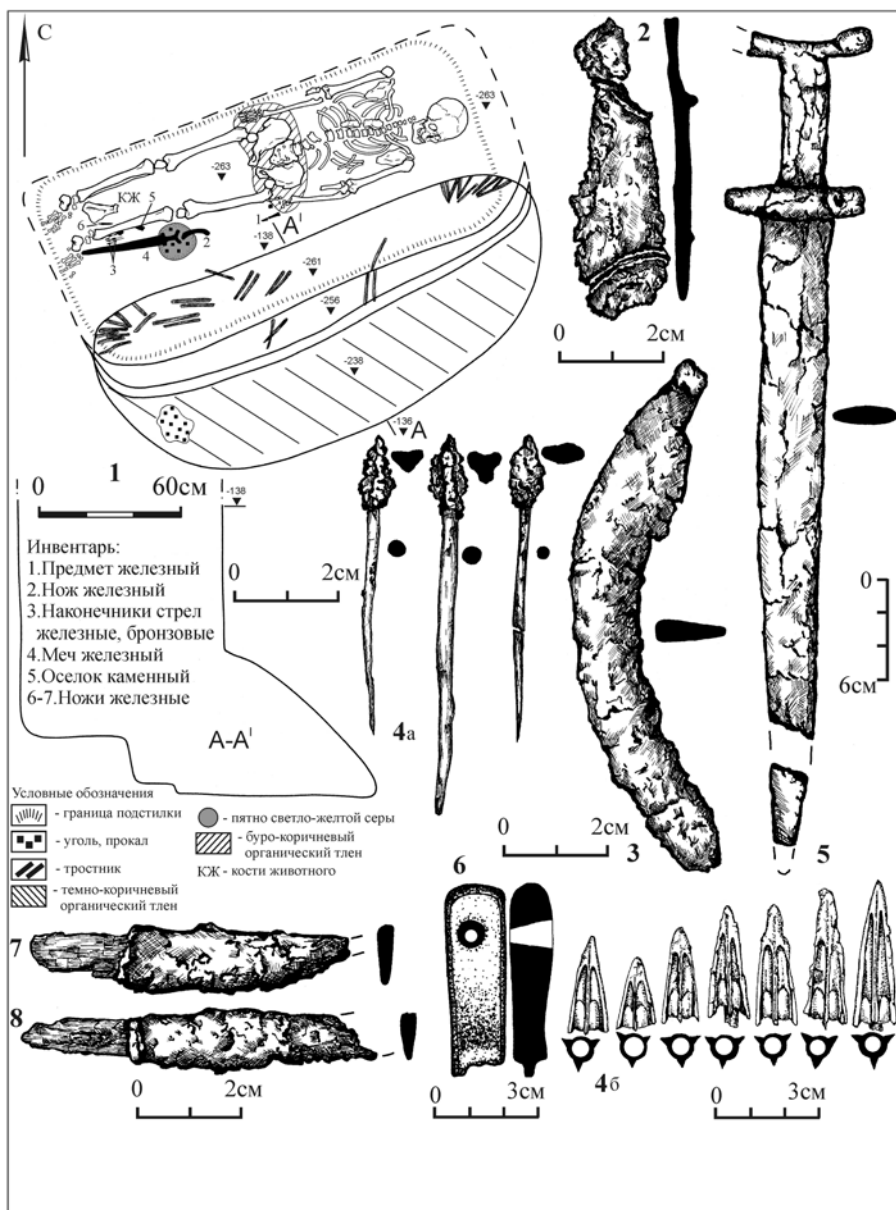

Рис. 5. Питерка. Курган 1 погребение 3. 1 - план, разрез; 2 - предмет железный; 3 - нож железный; 4 - наконечники стрел железные, бронзовые; 5 - меч железный; 6 - оселок каменный; 7-8 - ножи железные.

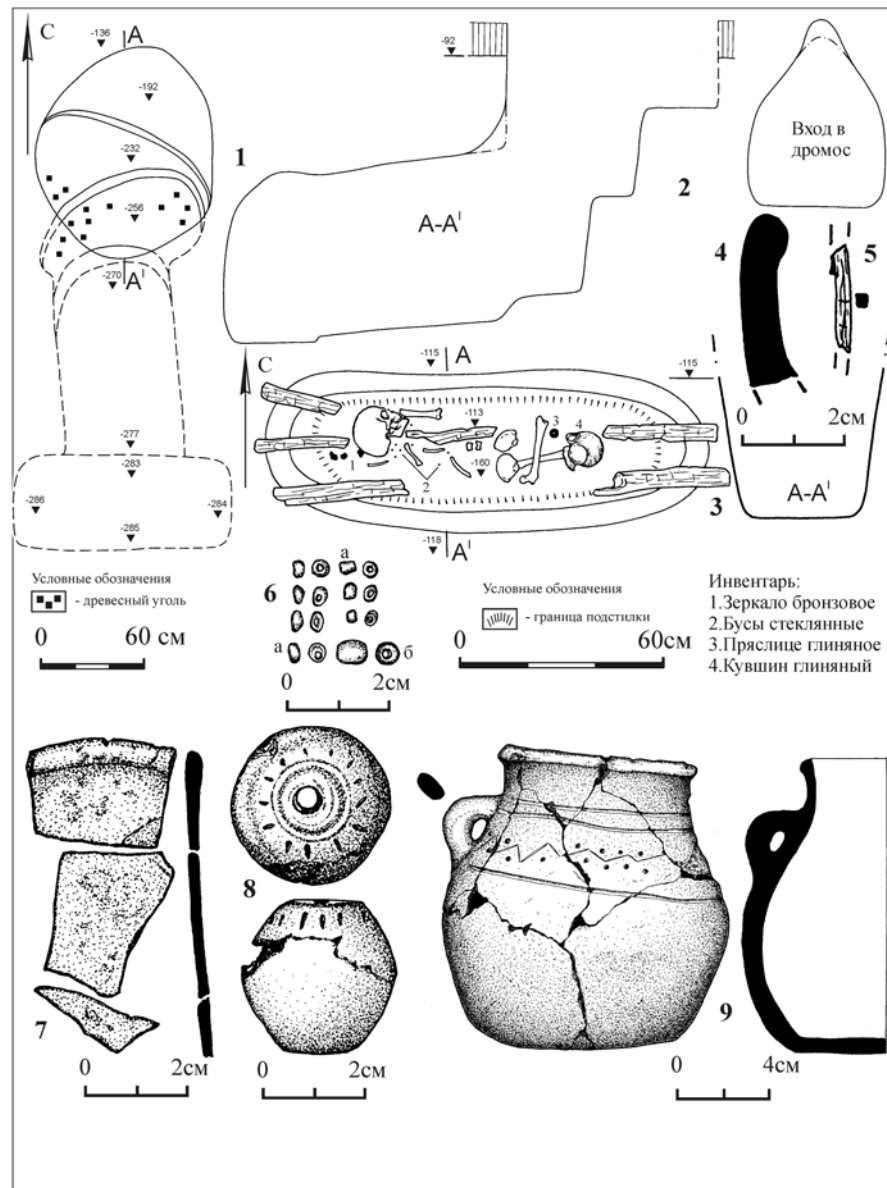

Рис. 6. Питерка. Курган 1 погребения 5(1-2), 6 (3-9). 1-2 - план, разрез погребения 5; 3-план, разрез погребения 6; 4-венчик сосуда; 5-черешок стрелы; 6-бусы стеклянные (а) и сердоликовая (б); 7-зеркало бронзовое; 8-пряслище глиняное; 9-кувшин глиняный.

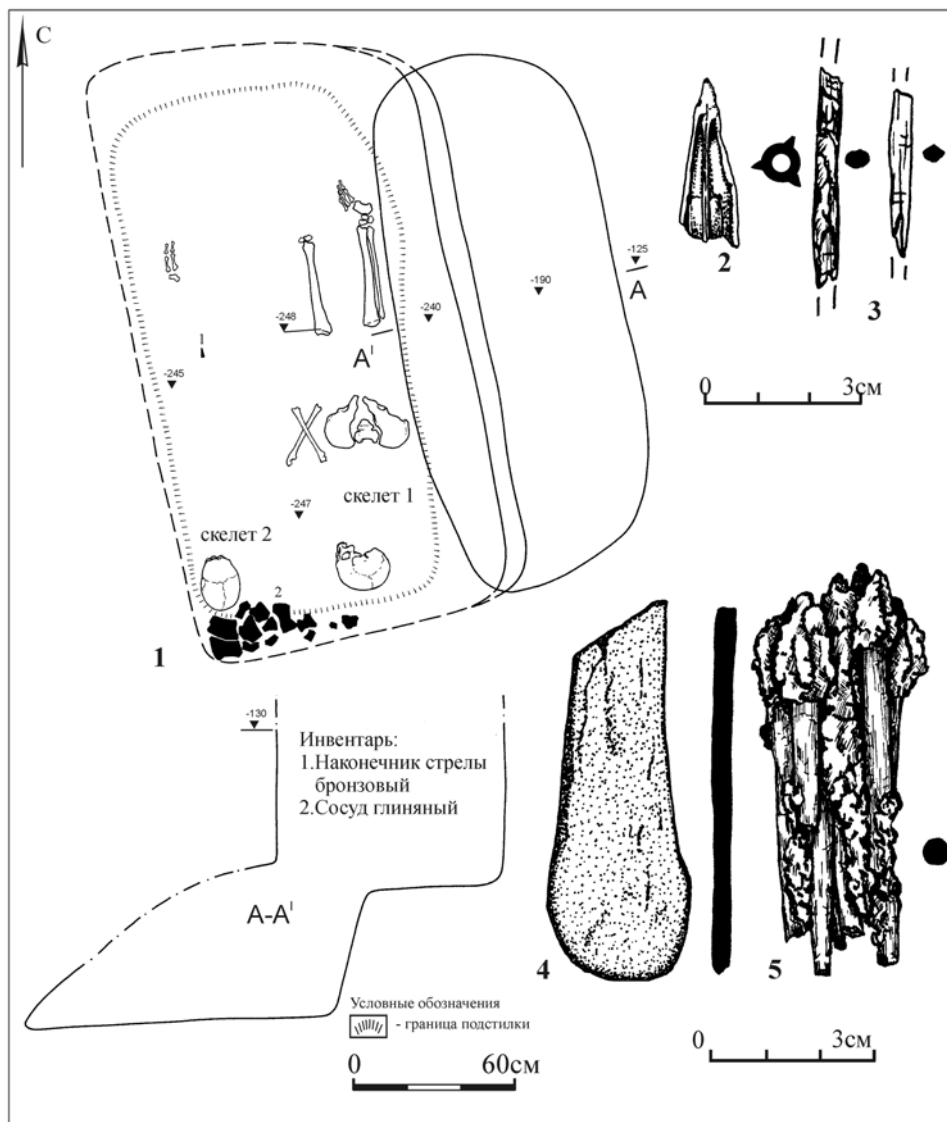

Рис. 7. Питерка. Курган 1 погребение 7. 1-план, разрез; 2-наконечник стрелы бронзовый; 3-черешки стрел железные; 4-рукоять от зеркала бронзовая; 4-наконечники стрел железные.

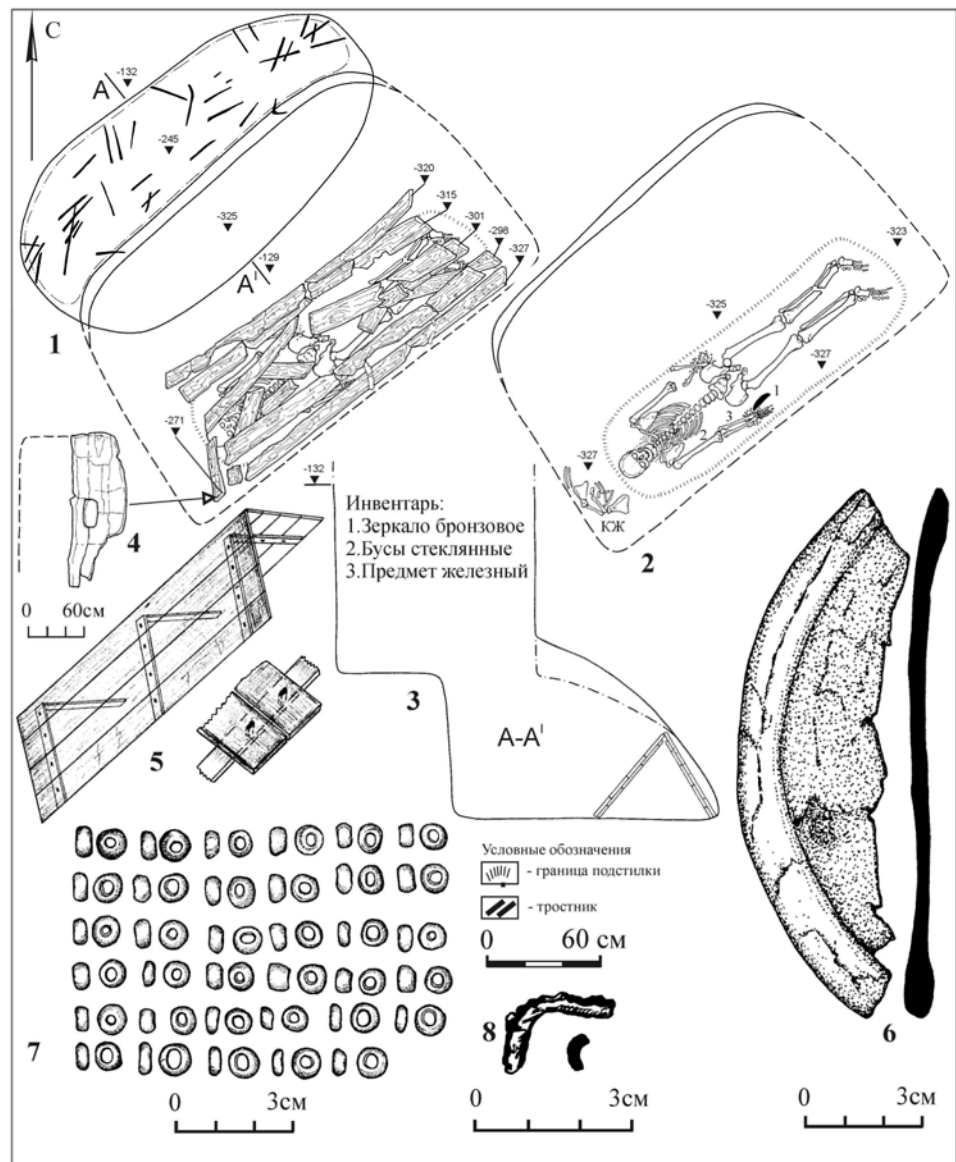

Рис. 8. Питерка. Курган 1 погребение 8. 1-3 план двух уровней фиксации, разрез; 4-фрагмент плахи с отверстием; 5-реконструкция деревянного сооружения; 6-зеркало бронзовое; 7-бусы стеклянные; 8-предмет железный

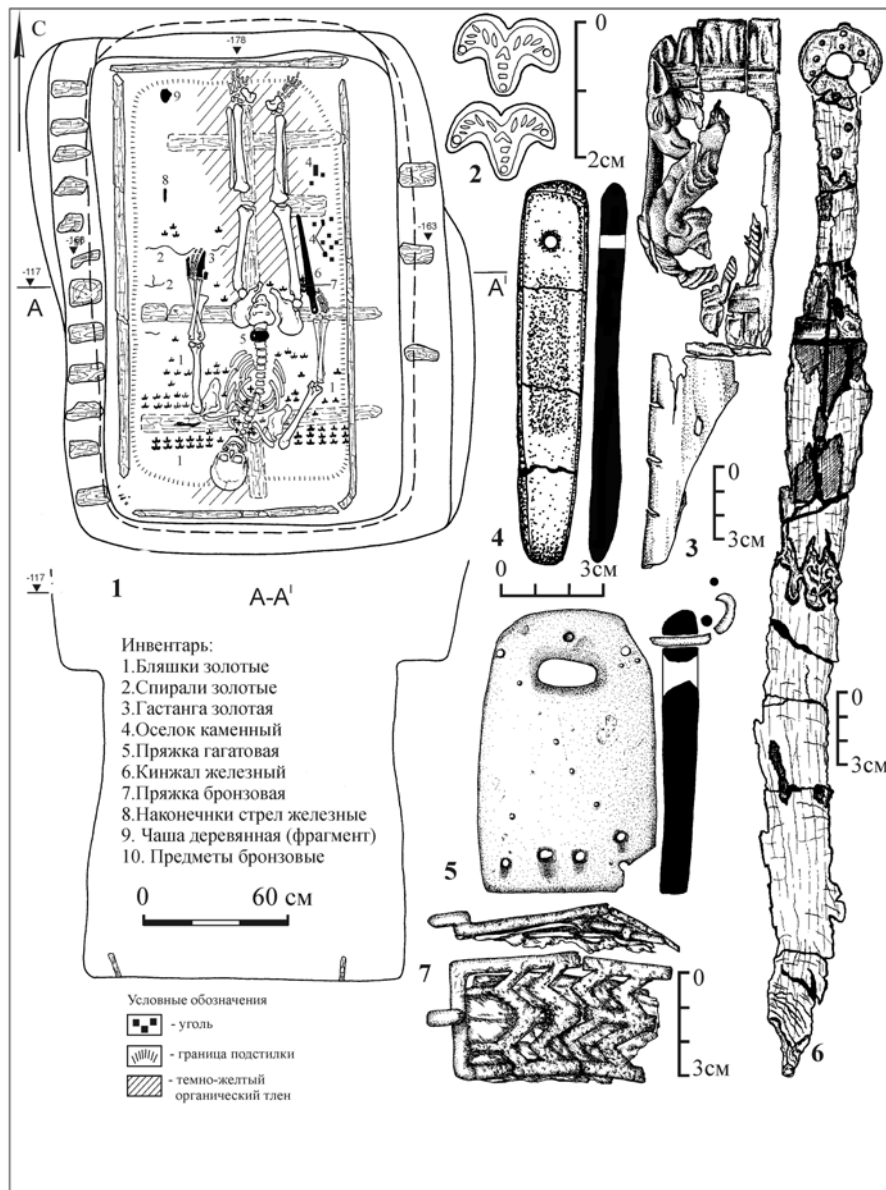

Рис. 9. Питерка. Курган 1 погребение 9. 1 - план, разрез; 2 - бляшки золотые; 3 - гашанга золотая; 4 - оселок каменный; 5 - пряжка гагатовая; 6 - меч железный; 7 - пряжка бронзовая.

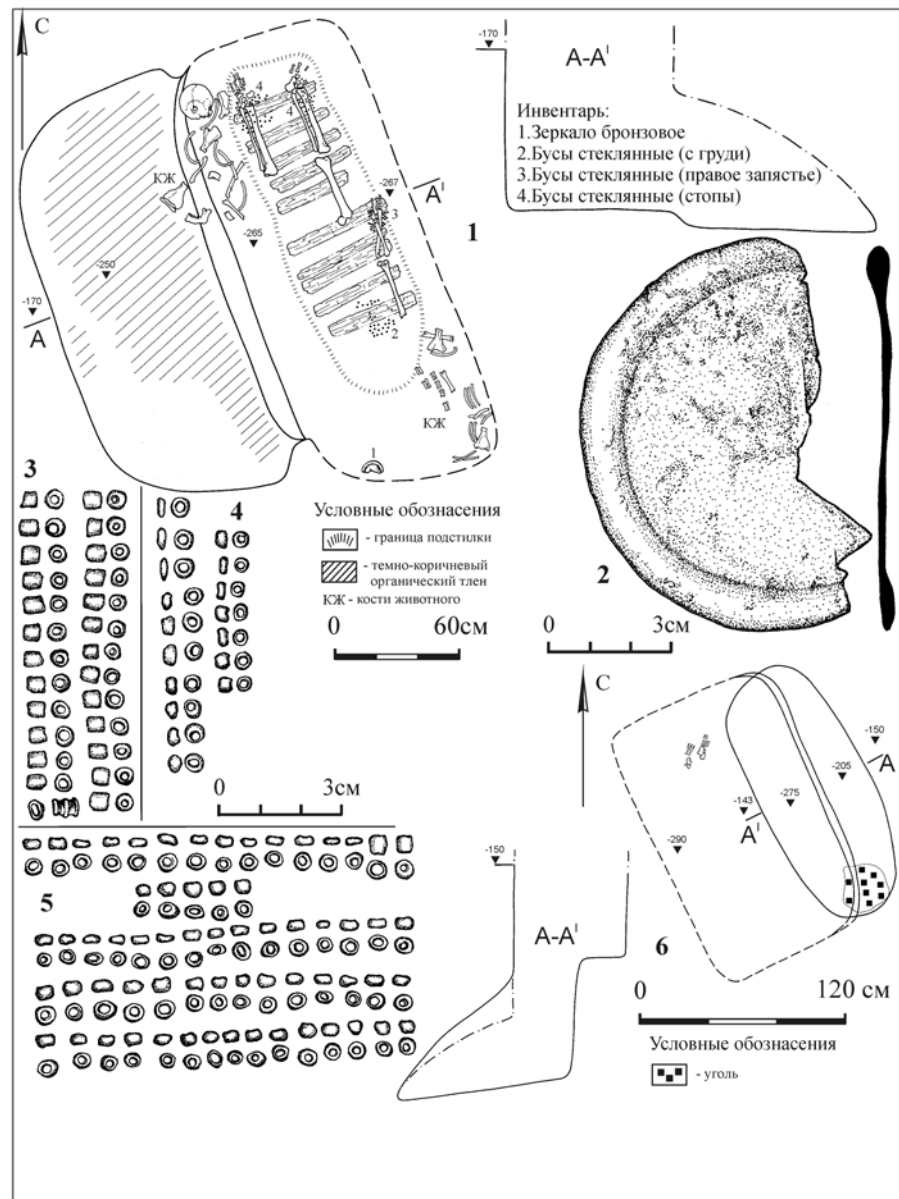

Рис. 10 Питерка. Курган 1 погребения 10 (1-5) и 11 (6). 1 - план, разрез погребения 10; 2 - зеркало бронзовое; 3 - бусы стеклянные со стоп; 4 - бусы стеклянные с правого запястья; 5 - бусы с груди; 6 - план, разрез погребения 11.

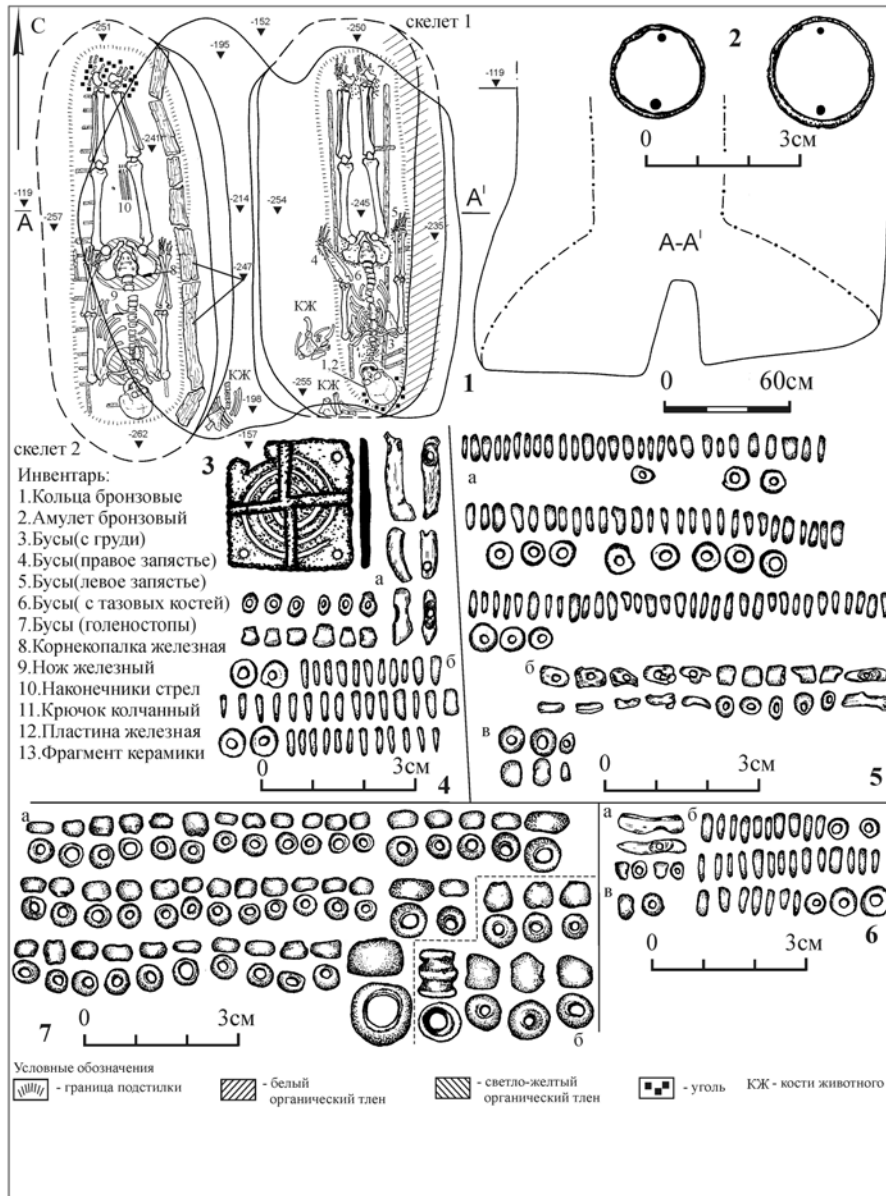

Рис. 11. Питерка. Курган 1 погребение 12. 1 - план, разрез; 2 - кольца бронзовые; 3 - амулет бронзовый; 4 - бусы с правого запястья; 5 - бусы с левого запястья; 6 - бусы с таза; 7 - бусы со стоп.

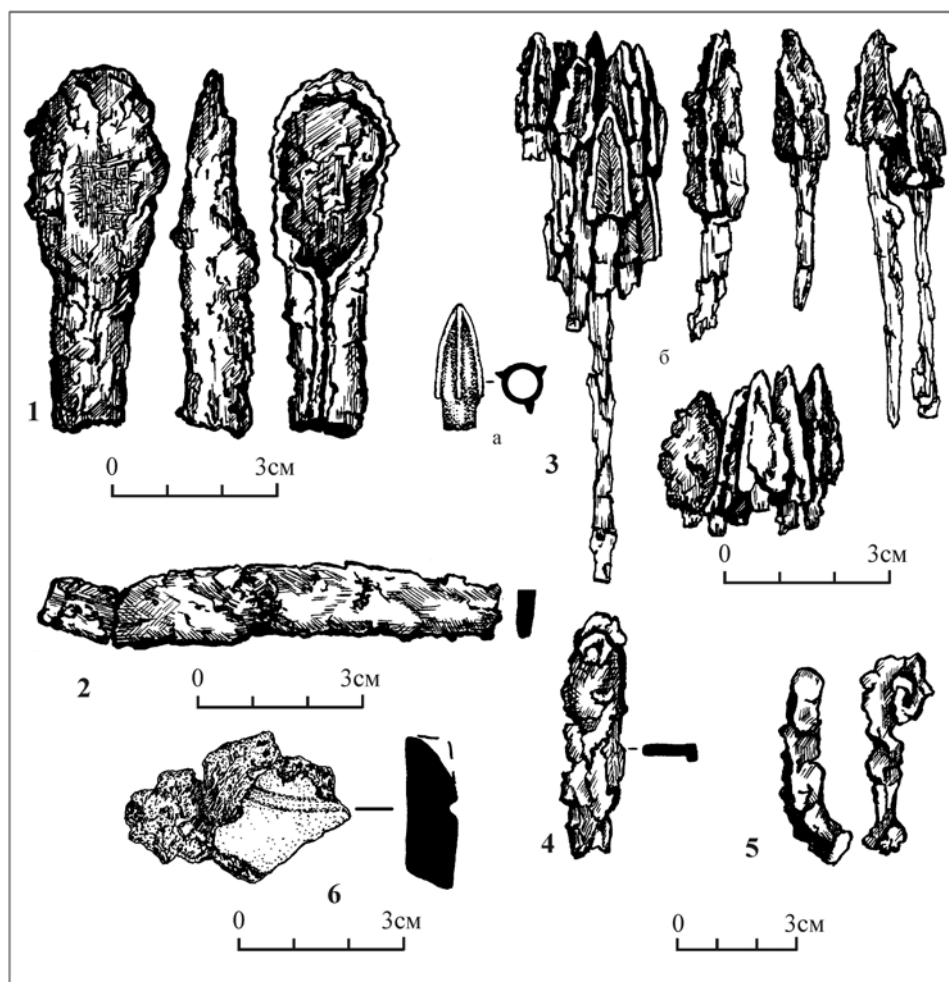

Рис. 12. Питерка. Курган 1 погребение 12. Инвентарь. 1 – корнекопалка железная; 2 – нож железный; 3 – наконечники стрел бронзовый (а), железные (б); 4 – пластина железная; 5 – крючок от колчана железный; 6 – фрагмент керамики.

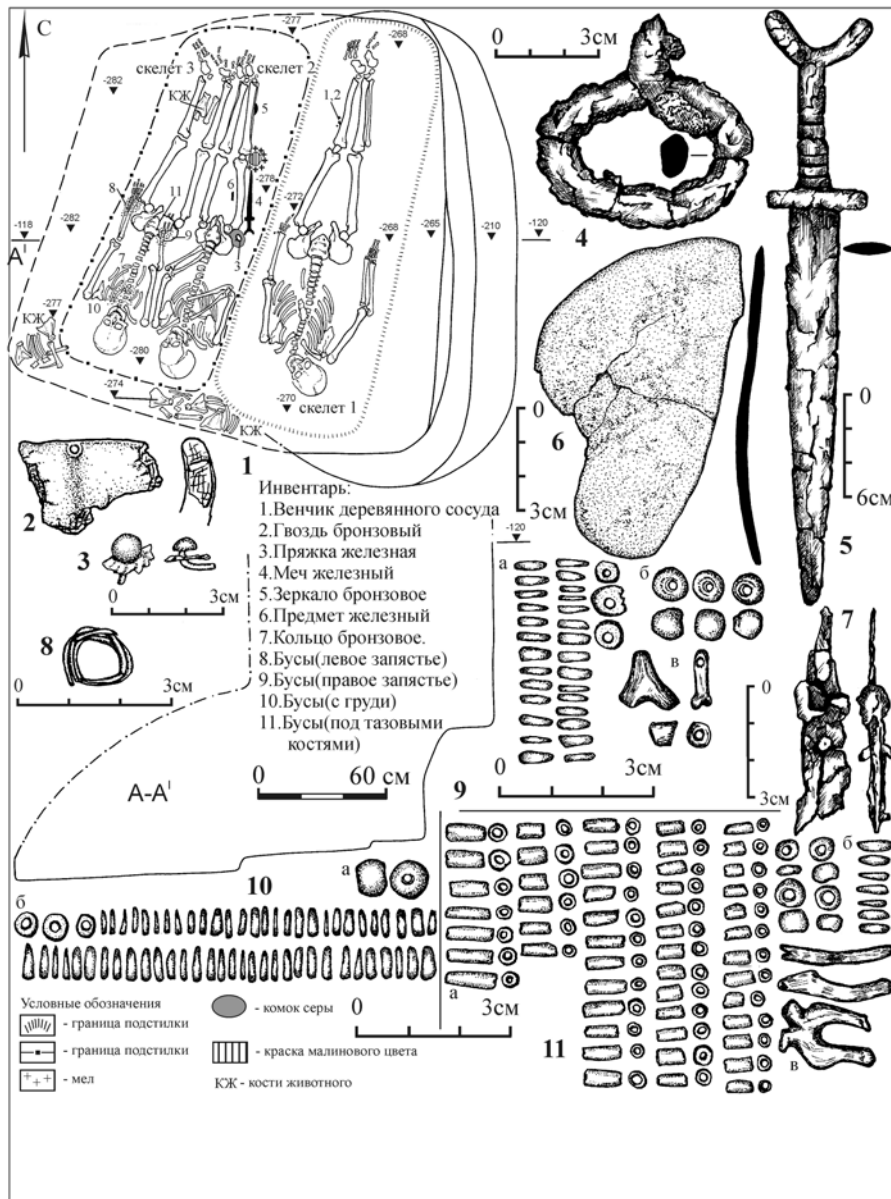

Рис. 13. Питерка. Курган 1 погребение 13. 1 - план, разрез; 2 - венчик сосуда; 3 - гвоздь бронзовый; 4 - пряжка железная; 5 - меч железный; 6 - зеркало бронзовое; 7 - предмет железный; 8 - кольцо бронзовое; 9 - бусы с левого запястья; 10 - бусы с правого запястья; 11 - бусы с груди.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В АРХЕОЛОГИИ

Буваев Д.А.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КАЛМЫКИИ ПО МАТЕРИАЛАМ ДИСТАНЦИОННОГО ЗОНДИРОВАНИЯ

В данной статье представлена методика выявления археологических памятников Калмыкии на основе дешифрирования материалов дистанционного зондирования (МДЗ) с применением географических информационных систем (ГИС).

В 70-80-е годы XX века на территории Калмыкии приводилось строительство крупных гидромелиоративных объектов: Сарпинской и Черноземельской оросительно-обводнительной систем, канала Волга – Чограй (протяженность более 350 км). Работам предшествовали охранные археологические разведки и раскопки. Поскольку территория Калмыкии очень насыщена археологическими памятниками, для эффективных разведок с 1978 г. применялись материалы космической съемки. Применение космических снимков позволило составить археологические картосхемы указанных объектов, а также обзорную археологическую карту Калмыцкой АССР. В охранный зоне строительства канала «Волга – Чограй» визуальным, на космических снимках, было выявлено 109 археологических памятников, содержащих 730 степных курганов. Традиционными методами на этом участке выявлено 36 курганных групп, включающих 122 кургана. Тогда же была предпринята попытка хотя бы приблизительно подсчитать общее количество памятников (курганов) на территории Калмыкии и создать полную археологическую карту Калмыкии. [Цуцкин, 1987. С. 117-121]. Надо отметить, что эта задача в настоящее время остается нерешенной.

В конце 90-х годов XX века на территории Черноземельского и Ики-Бурульского районов Калмыкии началось строительство нефтепровода «Тенгиз – Новороссийск», протяженностью около 300 км. Строительству предшествовали охранные археологические раскопки в зоне прохождения трассы нефтепровода. Работы проводились несколько сезонов, и в них принимали участие археологи Калмыкии, Москвы, Саратова, Ставрополя и других городов. Разведки проводились как традиционными, так и дистанционными методами. Однако дефицит археологов – специалистов в области дешифриро-

вания МДЗ затруднял выявление и картирование памятников новыми методами. Технология дешифрирования включала в себя:

- Подготовку разгруженной топографической основы;
- Подготовку космического снимка единого масштаба с топоосновой;
- Визуальное определение археологических объектов на растровых основах и нанесение их на кальку;
- Совмещение материалов дешифрирования с разгруженной топографической основой, создание картосхемы памятников на участок работ;
- Создание сводной карты курганных групп на весь объект.

Ограничивающим фактором являлась сложность работы с разномасштабными картами и космическими снимками.

Этот период времени характеризуется бурным развитием компьютерных технологий. Применение космических снимков вышло на качественно новый уровень, благодаря двум основным факторам. Во-первых, в связи с появлением нового поколения спутниковых цифровых систем сканирования, что позволило получать данные с более высоким пространственным разрешением. В отличие от бортовых систем (орбитальные станции), спутниковое дистанционное зондирование значительно расширяет площадь земной поверхности, которая может предоставлять информацию для изучения в любом аспекте. Во-вторых, в связи с появлением программных комплексов нового поколения - географических информационных систем (ГИС).

Структурно ГИС имеет четыре основные подсистемы:

- *сбора данных* – обеспечивает сбор и предварительную обработку данных из различных источников;
- *хранения и выборки данных* – организует пространственные данные с целью их выборки, редактирования и обновления;
- *анализа данных* – выполняет группировку и разделение данных, устанавливает параметры и ограничения при их отборе, занимается моделированием;
- *вывода* – отображение базы данных или их выборки в табличной, диаграммной или картографической форме.

Основой ГИС является подсистема анализа данных. Именно эта процедура делает ГИС-технологии особенно популярными в анализе, при котором исследователь получает возможность оперативно выделять и сравнивать картины распределения объектов на местности и классифицировать данные для последующей интерпретации [Афанасьев, 2004]. Наиболее полную и объективную информацию по исследуемой территории дают аэро- и космоснимки. Следует отметить, что все программные комплексы ГИС (отечественные и зарубежные) ориентированы, прежде всего, на работу с материалами дистанционного зондирования Земли.

Методика выявления археологических памятников по МДЗ состоит из двух основных этапов.

Первый этап включает в себя подбор топографических карт соответствующего масштаба, растровой основы (аэро- и космоснимки) и тематическое дешифрирование материалов.

Растровая топографическая основа. Карты масштаба 1:200000, 1:100000 являются наиболее доступными и достаточно информативными. Пользоваться картами более крупного масштаба можно только при наличии соответст-

вующих допусков, в специально оборудованном помещении и на защищенной технике. Именно на топографических картах проводилось первичное дешифрирование – на ней нанесены курганы, могильники, развалины, памятники. Все эти объекты отображаются каждый в своем векторном слое и табличной форме (слой_topo).

Материалы дистанционного зондирования. Представлены космическими снимками 3 уровней детализации:

- обзорный – пространственное разрешение 150–250 м; носители: спутники «Ресурс-01» № 3, EOS AM-1 (TERRA);
- региональный – разрешение 30–60 м, носители: спутники «Ресурс-01» № 3, Океан-О, Landsat-7 (рис. 1);
- детальный – разрешение 5–15 м данные: российский КФА-1000; американский Landsat-7.

Географическое позиционирование космических снимков, топографических и тематических карт выполнено в проекции Гаусса-Крюгера, система координат 1942 года (программный комплекс ER Mapper 6.0). Тематические векторные слои разработаны в программе MapInfo 6.0.

Для растровой основы обзорного масштаба отобраны спектрзональные снимки, для детальной – панхроматические, более высокого разрешения. Снимков высокого разрешения должно быть как минимум 2: первый – наиболее ранний, второй – последних лет. По более ранним снимкам фиксируется положение объектов, в настоящее время утраченных.

Выявление (дешифрирование). Снимки среднего разрешения (обзорный и региональный уровни) являются основой ландшафтного дешифрирования. На них выявлены первичные границы археологических районов, зависящие от природных условий, рельефа, гидрологической сети и т. п. На снимках высокого разрешения (детальный уровень) проводится выявление памятников. Для детализации и уточнения снимки совмещаются с топографическими картами.

Основные выявленные объекты – это, как правило, курганы. Из-за своих размеров, формы, расположения и цветового деления они сразу бросаются в глаза (рис. 2). Размеры (диаметр) курганов различны: от 10 до 100 м. Особенно легко распознавать курганы по наличию кольцевых ровиков, из которых проводился забор грунта для насыпи. Курган из-за своих округлых размеров всегда более светлый, а ровики – наоборот, окаймляют его темным контуром более густой растительности. Данный дешифровочный признак очень важен, если на снимке выявлены спорные объекты закругленной формы. Это может быть яма, западина и т. д. Но у них обратный признак: дно более темное, края – светлее. Другая характерная особенность памятников – объединение в курганную группу.

Некоторые группы могут быть протяженностью порой несколько сот метров и содержать десятки курганов. Каждый выявленный объект отображается в графической и табличной форме. Полуразрушенные курганы, развалины, непонятные места соответственно выделяются условными знаками. Для курганов в таблице заносится порядковый номер, диаметр, состояние, координаты центра и другая информация.

Курганным группам и отдельным памятникам устанавливаются границы собственных охранных зон, дается нумерация как курганов внутри группы, так и самих групп. Сводная карта курганных групп и табличные характеристики являются основой для натурных обследований.

Помимо курганов, в результате дешифрирования космических снимков высокого разрешения, была выявлена густая сеть древних дорог. Дорожную сеть можно разделить на 2 группы. Первая, наиболее плотная, расположена вдоль речной системы Западного и Восточного Маньча (Калауса). Дороги направлены параллельно речной долине, среднее расстояние от русла 3–5 км. На протяжении около 50 км от озера Цаган-Хаг до поселка Приманьчский дороги ни разу не пересекают русло. Пересечение происходит в центральной части современного Чограйского водохранилища, что свидетельствует о наличии брода (рис. 4).

Можно предположить, что р. Калаус была достаточно полноводна, берега заболочены и малопроезжимы, по крайней мере, для колесного транспорта. В 20-ти километрах восточнее, около плотины, такое же пересечение дорог выявили второй брод. Радиальная направленность дорог указывают на место переправы.

Вторая группа дорог расположена примерно в 20–30 км от русла Калауса и проходит по гребню хребта Чолун-Хамур в направлении ССЗ. Часть дорог в обход балки Улан-Зуха уходит на запад, большая часть – на север. В направленности дорог видна четкая привязка к овражно-балочной системе, расположенные в 2–3 км от речек. Современные грунтовые дороги на снимке видны как светлые полосы: сказывается техническая оснащенность и интенсивность использования. Древние дороги – более темные, запыленные, рассеянные современными. На снимках с пространственным разрешением 15–30 м эти дороги практически неразличимы. Можно предположить, что эти тракты могли использоваться как в хозяйственных целях (скотопрогоны) [Щуцкин, 1987. С. 116–117] так и в военных, для перемещения войск и обозов [Чичагов, 2004. С. 51–56]. Выявить их систему, протяженность, направления, пересечения и прочее стало возможно только при изучении космических снимков высокого разрешения. В настоящее время эти древние дороги увидеть с земли очень трудно, особенно в весенне-летний период. Термин «древние дороги» принят здесь условно. Пока нет возможности привязывать их создание к определенной эпохе. Эти пути сообщения могли функционировать вплоть до XX века и только с появлением автомобильного и железнодорожного транспорта утратить свое значение [Борисенко, 1987. С. 123–136]. На доступном картографическом материале XVIII–XIX вв. пока не найдены упоминания о массовом наличии дорог именно в этом регионе Калмыкии и направленности вдоль Восточного Маньча. В изучении проблемы путей сообщения древности необходимо учитывать природную обстановку изучаемого периода. Засушливость или влажность климата региона напрямую влияет на состояние гидрологических объектов и уровень Каспийского моря, что в свою очередь сильно отражается на направлении путей сообщения.

Археологическая ГИС «Чограй». Географическая информационная система «Чограй» представляет собой базу данных (БД) в виде отдельных слоев графической и табличной формы (программа MapInfo 6.0). В ее основе лежит

топографическая карта масштаба 1:200000 (листы L-38-XXI, L-38-XXII). В базе данных в качестве самостоятельных слоев выступают гидрографическая сеть, изолинии рельефа местности, родники, современные населенные пункты, дороги, два космических сканерных снимка территории, выполненных в 1996 и 2001 гг., а также спектрозональная космическая съемка территории. Завершают БД слои с информацией об археологических памятниках (курганах) и разветвленной системой древних дорог на данном участке. Последние были созданы на основе материалов дешифрирования космических снимков высокого разрешения.

Площадь участка опытных работ «Чограй» составила 4200 кв. км (70 x 60 км). Общее количество выявленных памятников в пределах этого участка – 2200 курганов. Распределяются они следующим образом: на левобережье Восточного Маньча (Калмыкия) – 1042 кургана, на правобережье (Ставропольский край) – 1158 курганов. Во время проведения работ по выявлению памятников появилась необходимость продолжить их дешифрирование за пределами УОР. Это было сделано в связи с их громадным количеством в верховьях Восточного Маньча. Работы по подсчету курганов были продолжены в междуречье Калауса и Западного Маньча. На участке длиной 80 км, было выявлено и нанесено на карту 2600 курганов, причем 1990 из них располагалось вдоль русла Калауса в пределах долины реки, шириной 8–10 км.

Таким образом, общее количество памятников, выявленных по МДЗ на обоих участках – 4600 курганов. Из этого числа по долине реки Калаус, от г. Дивное до Чограйской плотины, расположены 2800 памятников: на левом берегу – 450, на правом – 2350 курганов. Такие цифры вполне объяснимы: Ставропольская возвышенность более благоприятна в природном и климатическом отношении, нежели Ергени в южной их части, что обуславливало большую плотность проживания в древности и большее количество памятников на правом берегу Калауса. Современное состояние аналогично: хозяйственно наиболее освоена территория Ставропольского края. В XX веке множество памятников было утрачено в результате хозяйственной деятельности: создания Чограйского водохранилища, при строительстве оросительно-обводнительной системы на территории Ставрополья, попали под распашку. Сотни курганов раскопано в 30–90-х годах [Цуцкин, 1985. С. 16–17].

Методы поиска и картирования исторических памятников, выработанные в ходе создания археологической ГИС «Чограй» ложатся в основу для комплексной, археологической ГИС «Калмыкия». Имеющаяся топографическая основа и сплошное покрытие территории космическими снимками высокого и среднего разрешения позволяют достаточно быстро и эффективно провести инвентаризацию памятников на территории Калмыкии. Комплексное применение ГИС и МДЗ помогает вскрыть информационный слой древних путей сообщения, ранее неуловимых, и открывает принципиально новые возможности в решении исторических вопросов.

Литература:

Афанасьев Г.Е. Основные направления применения ГИС и ДЗ-технологий в археологии // Круглый стол «Геоинформационные технологии в археологических исследованиях» (Москва, 2 апреля 2003 г.): Сб. докл. [Электронный ресурс]. 2004. М. (CD-ROM)

Борисенко И.В. Литературные и картографические источники о путях сообщения в дореволюционной Калмыкии (XIX – нач. XX в.) // Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии и задачи их изучения на современном этапе. Элиста. 1987

Чичагов В.П. Роль войн в эволюции разрушения аридных равнин // Вестник института КИСЭПИ № 2, Элиста. 2004.

Цуцкин Е.В., Елина А.И., Елин М.Л. Использование космических снимков в археологических целях. // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста. 1982.

Цуцкин Е.В. Археологические исследования Калмыкии // Древности Калмыкии. Элиста. 1985.

Цуцкин Е.В. Некоторые направления космической археологии // Археологические исследования Калмыкии. Элиста. 1987.

Цуцкин Е.В., Дюмкеева В.Ц., Буваев Д.А., Имердыков А.М., Олдина А.Я., Перковский А.С., Перковская М.Ю., Уланова С.С. Водохозяйственная карта Республики Калмыкия масштаба 1:500000 // ГУ НИЦ комплексного мониторинга КИСЭПИ. Элиста. 2003.

Рис. 1. Обзорный космический снимок района работ. Снимок Landsat-7, 2001 г.

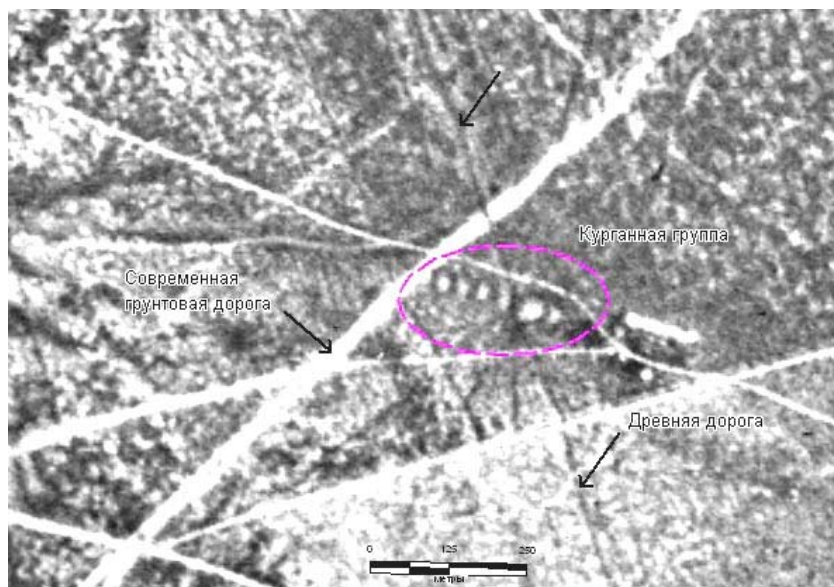

Рис. 2. Курганная группа на космическом снимке КФА-1000, 1996 г. Общее направление дорог на северо-запад – юго-восток.

Рис. 3. Эта же курганная группа. Стрелками показана древняя дорога.
Вид с кургана высотой 3 м. Направление на северо-запад.

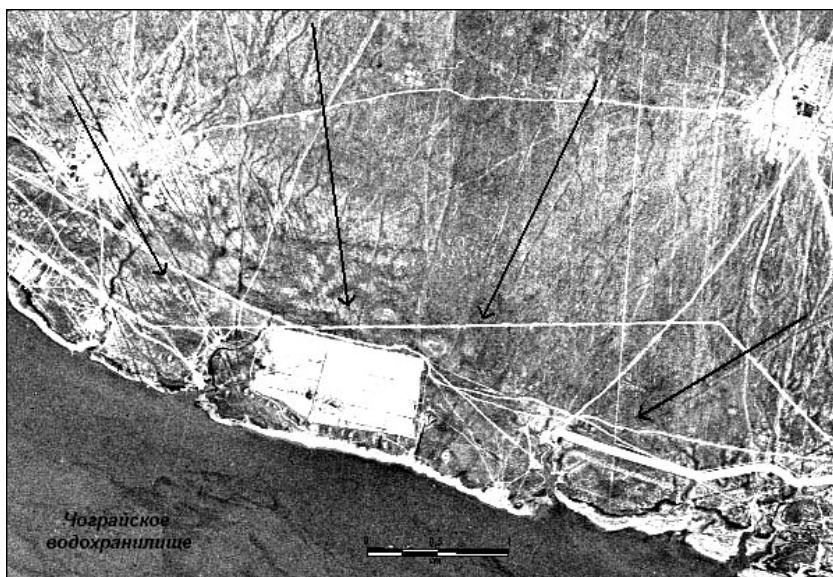

Рис. 4. Концентрация древних дорог на переправе через р. Восточный Маныч.

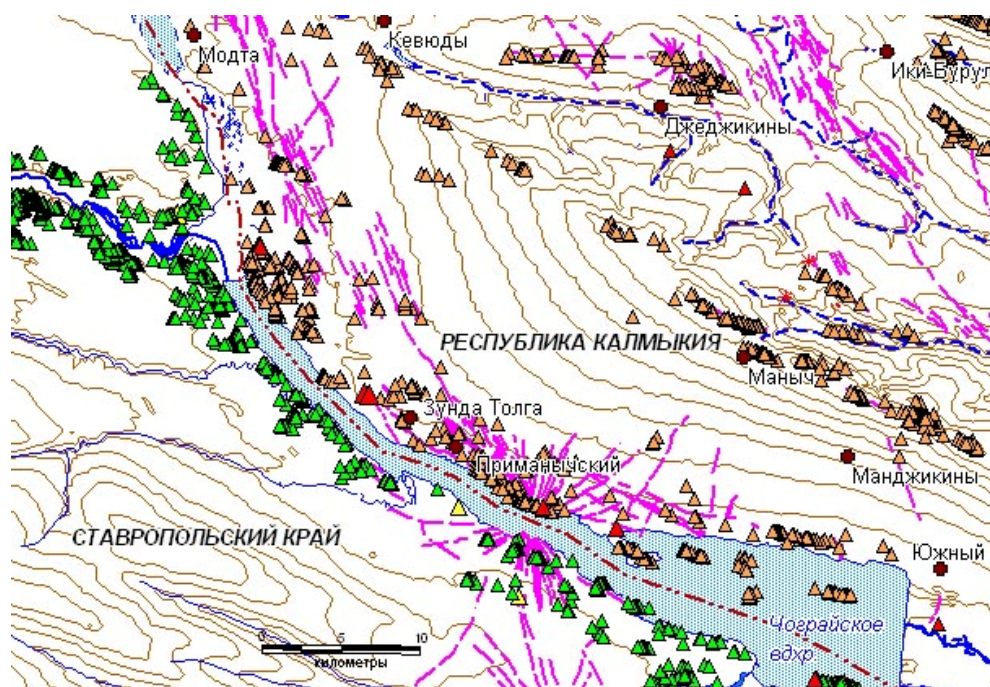

Рис. 5. Карта археологических объектов в границах участка «Чограй»

Кочерженко О.В., Слонов В.Н.

КОНЕЦ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ – ФИНАЛ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ЦИКЛА?

В настоящее время ни у кого из исследователей не вызывает сомнений, что эпоха поздней бронзы представляла собой время бурного расцвета археологических культур полосы евразийских степей. Для доно-волго-уральского региона проявлением расцвета явилось распространение памятников срубной культуры, когда число как поселений, так и могильников увеличивается в разы по сравнению с предшествующим временем. Независимо от того, какие на данной территории выделяются отдельные культуры или рассматриваются ли происходившие на ней процессы с позиций утверждения культурно-исторической области, несомненно плотное заселение этого региона значительными массами населения в период бытования срубной культуры (по мнению В.С. Бочкарева, высказанному им в одном из докладов, подобная плотность заселения в последующее время оказалась достигнутой здесь только к XIX веку уже нашего тысячелетия). По современным представлениям, срубники примерно на два столетия становятся практически единственным населением огромных пространств степи и лесостепи Восточной Европы. В это время у них нет видимых врагов, металлургические базы хорошо освоены, а хозяйственный комплекс достигает максимума своего развития.

Однако на сегодняшний день нет ответа на вопрос, как, куда и по какой причине после двухвекового периода благополучия исчезает значительная масса этого населения. В период финала эпохи бронзы количество поселений по сравнению с «классическим» периодом резко уменьшается [Сергеева, 2007. С. 127], а могильники практически неизвестны. Так что же произошло с вполне конкретным и реальным населением за сравнительно короткий период?

Одной из возможных причин подобного демографического катаклизма могло бы быть существенное и резкое изменение климатической ситуации, значительное сокращение или исчезновение природной среды для ведения традиционного типа хозяйства. Однако на сегодняшний день палеоклиматические исследования не дают оснований предполагать сколь-либо значительных изменений природных условий [Демкин и др., 1999. С. 83; Чигуряева, 1960. С. 282–284].

Другой причиной исчезновения срубников могло бы оказаться масштабное военное вторжение. Но, хотя часть поселений «валикового» времени

и уходит на высокорасположенные труднодоступные места, что может свидетельствовать об обострении военно-политической обстановки, военные столкновения на данной территории, по-видимому, носили лишь локальный характер. Археологические памятники не сохранили следов пожаров, боевых действий, внезапного бегства жителей и т. д. И, самое главное, на данной территории не появляется никаких пришлых культур, с которыми можно было бы связать военное нашествие.

Отсутствуют также и следы массовой миграции срубного населения. Такие перемещения за пределы доно-волго-уральского региона если и имели место, то были незначительны и не затрагивали основную массу населения.

Так, может быть, дело в том, что понятие «археологическая культура» – это прежде всего исследовательский инструмент, а реальная историческая общность людей развивается по собственным законам? И данная общность могла, например, по тем или иным причинам сменить идеологию, хозяйственные и культурные формы? Однако срубной не приходит на смену никакая другая столь же многочисленная культура. И вопрос о причинах резкого сокращения населения на финале эпохи бронзы по-прежнему остается открытым. Так что же вызвало демографический катаклизм?

Решение проблемы следует искать при учете следующих обстоятельств и фактов:

1. Высокая плотность населения на этапе расцвета культуры, существенно превышающая показатели предшествующего времени и достаточно быстрое падение этой плотности в последующий период.
2. Отсутствие следов массового внешнего вторжения и в то же время наличие свидетельств обострения военно-политической ситуации в смысле локальных конфликтов в завершающий период.
3. Отсутствие данных о массовых миграциях, во всяком случае, из основного очага существования срубной культуры.
4. Отсутствие данных о значительных климатических изменениях в рассматриваемый период, которые могли бы привести к сокращению или полному исчезновению возможностей ведения традиционного для срубников типа хозяйства.
5. Наконец, должны быть учтены данные по типобразованию, полученные для различных категорий артефактов срубной культуры. Для эволюции типов при нормальном типобразовании было определено существование 3 этапов [Слонов, 1995]. На первом этапе имеется большое количество малочисленных, слабосвязанных внутри себя групп (в это время идет отбор типобразующих признаков и их сочетаний). На втором этапе формируется небольшое количество многочисленных сильносвязанных (компактных) групп, соответствующих развитым типам расцвета культуры. И, наконец, на третьем этапе, *при условии постепенного затухания и разложения культуры*, должны появляться включающие в себя много объектов, но слабые, с большим значением величины некомпактности, группы, характеризующие распад типа (рис. 1):

Рис. 1 Схема эволюции культурного типа в пространстве классификационно-однородных признаков

Для групп погребального обряда срубной культуры регионов Нижневолжского Правобережья и Левобережья, а также для форм срубной керамики была получена картина гиперболы нормального типобразования (этапы 1 и 2) и не были обнаружены группы распада типа (этап 3) [Слонов, 1995]. Это достаточно определенно свидетельствует о «пороговом» характере завершающего этапа срубной культуры с серьезными и резкими изменениями в жизни ее носителей.

Для орнамента поселенческой керамики, хотя и обнаружили группы распада типа, но они включили в себя только посуду «валикового» времени [Кочерженко и др., 1994. С. 27–30]. При этом «валиковые» орнаментальные группы, в отличие от «классических срубных», гиперболы нормального типобразования не создали. Такое отличие свидетельствует о качественном различии культурных образований «валикового» и «классического срубного» времени.

С нашей точки зрения, все вышеперечисленное может объяснить механизм такого явления, как *демографический цикл*. Суть его в следующем [см., напр.: Postan, 1950; Бродель, 1986; Нефедов, 2003].

На некоторой территории с конечной ресурсной базой (прежде всего – в смысле пищевых ресурсов) в силу каких-то причин возникает новый человеческий коллектив. На первой фазе при большой величине ресурсов в расчете на одного человека происходит быстрый, близкий к экспоненциальному, рост численности коллектива – т.н. «фаза внутренней колонизации» [используемая терминология взята из работы: Нефедов, 2003. С. 5–22]. Далее, в силу

ограниченности ресурсной базы, при росте этой численности объем ресурсов, приходящихся на одного человека, снижается, скорость увеличения численности коллектива падает. В конце-концов число членов данного коллектива асимптотически стремится к некоторой предельной величине, определяемой объемом ресурсной базы – «фаза сжатия». При приближении численности коллектива к предельно возможному величина ресурсов, приходящихся на одного индивида, падает до прожиточного минимума, а коллектив оказывается в состоянии «голодного гомеостаза». Данное положение является неустойчивым, и любое, даже небольшое ухудшение ситуации, приводящее к падению потребления уже ниже прожиточного минимума, вызывает социальный катаклизм – «фаза экосоциального кризиса». При этом численность коллектива может падать в разы или даже на порядки, после чего весь цикл сразу или через какое-то время повторяется вновь.

Математически демографический цикл описывается т.н. «логистическим уравнением»:

$$\frac{dP}{dt} = rP \left(1 - \frac{P}{K} \right) \quad (1)$$

где

r – коэффициент, определяющий скорость роста коллектива;

K – максимально возможная численность коллектива, обеспечиваемая наличной пищевой базой.

Это уравнение имеет решение в виде функции:

$$P(t) = \frac{K \cdot P_o \cdot e^{rt}}{K + P_o \cdot (e^{rt} - 1)}$$

где P_o – первоначальная численность коллектива.

График динамики численности, определяемый этой функцией, получил название «логистической кривой» и имеет вид (рис. 2):

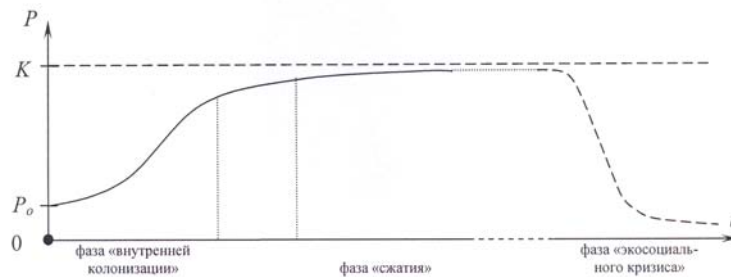

Рис. 2

Интересно отметить, что для исторически подтвержденных и изученных демографических циклов [напр.: Нефедов, 2002. С. 131–142] их длительность близка к сроку бытования срубной культуры – около двух столетий.

Таким образом, мы считаем возможным высказать предположение о том, что эволюция срубной культурно-исторической общности в широком смысле (куда мы включаем «покровские», «классические срубные» и «валиковые» памятники) может иметь в своей основе механизм демографического цикла. Если фазе внутренней колонизации соответствует рост численности населения, освоение внутренних территорий, подъем во всех сферах хозяйственной и культурной жизни, то в археологическом плане эти характеристики могут быть прежде всего сопоставлены с культурными образованиями «покровского» времени, безусловно, имеющими качественные отличия от «классической» срубной культуры. Покровские памятники типологически образуют большое число слабо внутри себя связанных групп с небольшим количеством объектов в каждой, что как раз и должно быть характерно для этапа роста и развития социума, а, следовательно, для фазы внутренней колонизации.

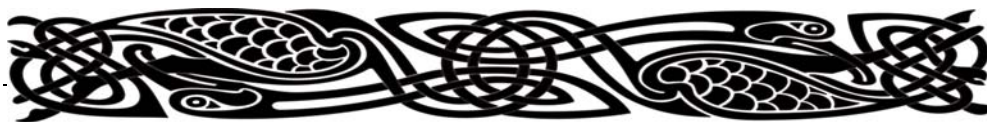
Во время следующей фазы демографического цикла – фазы сжатия – все характеристики социума достигают своих максимальных значений: численность населения, степень освоения территории, развитие хозяйства. Именно предельные значения всех показателей и делают такую социальную структуру неустойчивой и уязвимой. В эпоху «классической» срубной культуры мы фиксируем максимальное освоение территории, наибольшее значение плотности населения, а также унификацию материальной культуры: обряда, керамических форм и орнамента. Типов обряда, форм керамики и ее орнаментации остается немного, но они сильны своей внутренней связностью, многочисленны и устойчивы, на этом этапе достигается максимальный уровень развития и интеграции материального комплекса. Археологическая культура с такими показателями, по нашему мнению, не может быть охарактеризована термином «стагнация», и отражает она качественно иное состояние общества, достаточно точно соответствующее характеристикам фазы сжатия.

Вслед же за фазой сжатия по закону демографического цикла наступает фаза экосоциального кризиса и деструкции, которой археологически соответствует «валиковое» время и финал эпохи бронзы в целом. Особенности этой третьей фазы обуславливают и своеобразие «валиковых» памятников: резкое сокращение на этом этапе количества материалов по всем группам артефактов и отсутствие четкой картины типобразования.

В итоге все три этапа срубной культурно-исторической общности оказываются генетически (а на уровне реалий археологических культур – типологически) связаны между собой и образуют стройную систему функционирования социума, проходящего в своем развитии закономерные последовательные этапы, соответствующие фазам демографического цикла. Тем самым, в данном случае достаточно общий демографический закон, которому подчиняется развитие человеческих коллективов, оказывается возможным проследить на археологических материалах.

Литература:

- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVII веках. Т. 1. Структуры повседневности. М., 1986.
- Демкин В.А., Демкина Т.С., Песочина Л.С.* Природные условия восточноевропейских степей в I тыс. до н. э. // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. (проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии): тез.конф. М., 1999.
- Кочерженко О.В., Сергеева О.В., Слонов В.Н., Шабанов В.Л.* Закономерности построения и эволюция орнамента поселенческой керамики эпохи поздней бронзы Нижневолжского Правобережья // Срубная культурно-историческая область. Саратов, 1994.
- Нефедов С.А.* Опыт моделирования демографического цикла // История и компьютер. № 29. М., 2002.
- Нефедов С.А.* Теория демографических циклов и социальная эволюция древних и средневековых обществ Востока // «Восток». 2003. № 3.
- Сергеева О.В.* Анализ поселений эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья (типы, площади, плотности заселения региона) // Археология Восточно-европейской степи. Вып. 5. Саратов, 2007.
- Слонов В.Н.* Методы формализованной классификации массовых археологических объектов: автореф.дис. ... канд. ист. н. М., 1995.
- Чигуряева В.А.* Растительность Заволжья эпохи бронзы // Материалы и исследования по археологии. 1960. № 78.
- Postan M.* Same economic evidence of declining population in the later middle ages // The Economic History Review. Ser. 2. 1950. Vol. 2. № 3.

ИСТОРИЯ НАУКИ

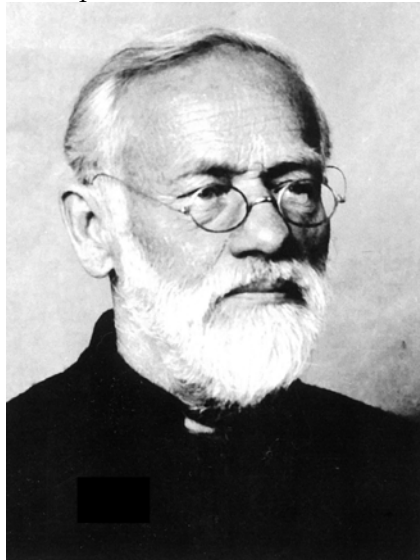
Бочкарев В.С.

А.А. СПИЦЫН И БРОНЗОВЫЙ ВЕК ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Научное наследие А.А. Спицына поражает своим богатством и разнообразием. А.А. оставил нам свыше 300 печатных работ и огромный рукописный архив. Судя по этим материалам, в археологии его интересовало решительно все: раскопки и разведки, учет и хранение находок, их культурно-историческая интерпретация и многое-многое другое. Но подлинной страстью А.А. Спицына все же были сами ископаемые древности. По свидетельству академика С.А. Жебелева, к ним он относился «...с особой отеческой любовью, с особым захватывающим интересом» [Жебелев, 1948. С. 10]. Эта любовь невольно передавалась окружающим и особенно его ученикам. Кажется, что древностями А.А. Спицын готов был заниматься круглосуточно. В действительности так оно почти и было. Но, судя по всему, А.А. Спицыну были совершенно чужды фанатизм и одержимость, свойственные некоторым любителям старины и коллекционерам. Археологией он занимался как подлинный профессионал. В археологическом материале А.А. Спицын видел прежде всего источник познания прошлого. Хорошо известны его высокие требования к методике раскопок и составлению научных отчетов. Сам он тщательно и неторопливо подбирал факты для своих работ, а его выводы отличались сдержанностью. А.А. Спицын, видимо, был убежден, что для широких и твердых обобщений время в нашей науке еще не пришло. В целом, можно сказать, что пылкая, романтическая любовь к прошлому сочеталась у А.А. с научной основательностью и осторожностью в оценках этого прошлого. Возможно, в этом и заключался секрет обаяния личности А.А. Спицына.

Конечно, А.А. Спицын с его универсальным интересом к археологии не мог пройти мимо памятников бронзового века. Как раз в те годы, когда он занялся археологией, сведения о них все в большем количестве начали проникать в специальную литературу. Тогда же развернулись сравнительно большие исследования поселений и особенно могильников бронзового века. Это были новые и во многом загадочные материалы. И как таковые они привлекли пристальное внимание А.А. Спицына. Он начал их изучать еще в вятский период своей жизни и продолжал это делать до конца своих дней. В 1928 году, подводя некоторые итоги своей научной деятельности, он

скромно констатировал «<...>для медного века мною сделано, к моему удовольствию, не мало» [Спицын, 1928. С. 334]. В действительности, было сделано так много, что А.А. Спицын наряду с В.А. Городцовым и А.В. Тальгреном может считаться основоположником современной концепции бронзового века Восточной Европы.

Спицын А.А.

Работы А.А. Спицына по тематике бронзового века многочисленны и разнообразны. Для удобства их рассмотрения они могут быть разделены на три условные группы. В первую из них вошли его полевые изыскания. Надо отметить, что А.А. Спицын копал регулярно и в самых различных регионах Восточной Европы: Волго-Вятском крае, Нижнем Поволжье, на Дону, в Поднепровье, на Северо-Западе России и т. д. Ему удалось открыть новые памятники ямной, трипольской, среднеднепровской, покровской, срубной и ряда других культур. Эти раскопки обогатили фонд источников бронзового века, а самому А.А. Спицыну дали незаменимый опыт полевых исследований погребений с так называемыми скорченными и окрашенными костяками.

Вторую группу работ А.А. Спицына составили его многочисленные публикации новых материалов. Регулярно, из года

в год, практически в каждом выпуске ИАК он печатал сведения о новых находках эпохи бронзы из разных уголков Российской Империи. Чаще всего это были рисунки или фотографии отдельных предметов, снабженных аннотациями. Но иногда он делал более пространственные и систематические обзоры по отдельным регионам. В этой связи упомяну его такие работы, как: «Медный век Верхнего Поволжья» [ЗОРСА. 1903. Т. 5. Вып. 1. С. 77–93], «Новые сведения о медном веке в Средней и Северной России» [ЗОРСА. 1905. Т. 7. Вып. 1. С. 73–82], «Саратовские стоянки медного века» [Труды ОИАИЭ при Саратовском университете. Саратов, 1923. Вып. XXXIУ. Ч. 1. С. 32–38]. Особо нужно выделить публикации А.А. Спицына таких своего рода ключевых памятников бронзового века Восточной Европы, как Галичский и Сосновомазинский клады [ЗОРСА. 1903. Т. 5. Вып. 1. С. 104–110].

Некоторые из этих работ актуальны и по сей день, так как являются единственными источниками наших знаний о тех или иных находках бронзового века. Дело в том, что в советское время эти находки по разным причинам были утеряны, депортированы или просто бесследно исчезли. Приходится только сожалеть, что А.А. Спицын опубликовал лишь маленькую толику известных ему материалов. Правда, в какой-то степени этот пробел восполняет картотека А.А. Спицына, его знаменитые «корочки» [Бич, 1948. С. 21–22]. В них собраны сведения о тех многочисленных материалах, которые довелось видеть А.А. Спицыну в ИАК, музеях, частных коллекциях и

на раскопках. Их он фиксировал в форме эскизных рисунков небольшого размера. Тем не менее с типологической точки зрения эти рисунки весьма точны. Во всяком случае без особого труда удается опознать типы изображенных вещей. Иногда гораздо сложнее бывает расшифровать подрисовочные подписи к ним, также сделанные рукой А.А. Спицына. В целом, эти рисунки могут считаться вполне достоверными источниками. Поэтому было бы желательно издать «корочки» Спицына в том виде, как они хранятся в его архиве. Несомненно, что это издание вызвало бы интерес у специалистов.

Третью группу работ А.А. Спицына составляют его аналитические статьи. Для современной критики это наиболее уязвимая часть его научного наследия. Действительно, сейчас многие положения и выводы А.А. кажутся безнадежно устаревшими. Однако надо иметь в виду, что в свое время некоторые из них сыграли очень большую положительную роль. Ведь своевременная и правильная постановка вопроса нередко бывает не менее значима, чем само решение этого вопроса. Более того, даже ложная посылка, если она затрагивает существо дела, также может привести к истине. Поэтому научные взгляды А.А. Спицына, как и других ученых прошлого, следует оценивать исторически.

Когда в конце XIX века А.А. Спицын занялся древностями бронзового века, в нашей литературе не было каких-либо определенных представлений о самом этом времени. Некоторые авторы даже сомневались в факте существования такой эпохи на территории Восточной Европы. А.А. Спицын одним из первых твердо заявил, что здесь эта эпоха была. Правда, долгое время он предпочитал называть ее медным веком, так как, по его мнению, тогда большинство металлических изделий производилось еще из меди. Он был убежден, что эпоха раннего металла в Восточной Европе продолжалась долго и в своем развитии прошла несколько этапов. Поэтому он предложил ее разделить на три периода: старший, младший и средний. Следует подчеркнуть, что в нашей литературе это была первая попытка периодизации памятников бронзового века Восточной Европы. Впоследствии эта схема была им заметно изменена.

Большое значение А.А. Спицын также придавал выявлению и изучению территориальных групп памятников эпохи меди-бронзы. Как справедливо отметили С.В. Кузьминых и И.С. Сафонов, он один из первых в нашей археологии начал широко использовать картографический метод [Кузьминых, Сафонов, 2008. С. 89]. В этой связи примечательны как по названию, так и по содержанию такие его работы, как «Карта бронзового века Восточной Европы» [Спицын, 1928. С. 77–84] или «Расселение древнерусских племен по археологическим данным» [Спицын, 1899. С. 250–273]. Занятия археологическим и этническим картографированием, вероятно, способствовало тому, что А.А. Спицын легко и свободно воспринял такое новое и сложное по тем временам понятие, как археологическая культура. Одним из первых он начал использовать этот термин и писать о памятниках трипольской и фатьяновской культур, о культуре скорченных и окрашенных костяков и культуре Сеймы. Он также пытался сконструировать новые культуры бронзового века, например, коршиновскую.

Наконец, отмечу еще одну заслугу А.А. Спицына перед отечественной археологией. Мне кажется, что он один из первых в нашей науке понял, ка-

кое огромное познавательное значение имеет классификация археологических материалов. В этом отношении он был полностью солидарен с В.С. Гордцовым. Смысл ряда его работ по эпохе бронзы только в том и заключается, чтобы типологически упорядочить накопленный к тому времени материал. В подтверждении этого тезиса сошлюсь только на одну его большую статью, изданную в 1899 году и названную «Курганы с окрашенными костяками» [ЗРАО. Т 11. Вып. 1. С. 53–133]. Она целиком посвящена классификации южнорусских погребений эпохи бронзы и распределению их по нескольким территориальным группам. В сущности и вся картотека А.А. Спицына представляет собой ни что иное, как грандиозную попытку систематизации ископаемых древностей на территории Российской Империи. Этот опыт зря не пропал. Так или иначе он был воспринят учениками и последователями А.А. Спицына, а сама идея классификации, несмотря на все идеологические препятствия, пробила себе дорогу в нашей науке и особенно в археологии энеолита и бронзы.

В заключение я хочу сказать следующее. После кончины А.А. прошло без малого 80 лет. За это время археология неузнаваемо изменилась. Она сделала гигантский шаг вперед. Но А.А. Спицын продолжает восприниматься как один из современных действующих археологов.

Литература:

Бич О.И. Архив А.А. Спицына (крайние даты архивных материалов 1880–1931 гг.). СА. 10. 1948.

Жебелев С.А. Археолог – энтузиаст. СА. 10. 1948.

Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. А.А. Спицын и отечественная археология эпохи раннего металла // История и практика археологических исследований. СПб. 2008.

Спицын А.А. Курганы с окрашенными костяками // ЗРАО. Т. 11. Вып. 1–2. 1898.

Спицын А.А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. ЖМНП. Т. 7. 1899.

Спицын А.А. Медный век в Верхнем Поволжье // ЗОРСА. Т. 5. Вып. 1. 1903.

Спицын А.А. Новые сведения о медном веке в Средней и Северной России // СОРСА. Т. 7. Вып. 1. 1905.

Спицын А.А. Некоторые находки медного века // ИАК. Вып. 29. 1909.

Спицын А.А. Саратовские стоянки медного века // Труды Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете. Вып. 34. Ч. 1. Саратов. 1923.

Спицын А.А. Карта бронзового века Восточной Европы // Seminarium Kondakovianum: Сб. статей по археологии и византиноведению, изданный Семинарием им. Н.П. Кондакова. Прага. Т. II. 1928.

Волков В.А.

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЪЕЗДЫ В РОССИИ
И РАЗВИТИЕ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ
В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Изучение «комплексов исторической памяти» осуществлялось в России в различных организационных формах. Особое место в развитии отечественной науки о первобытности во второй половине XIX – начале XX вв. занимали археологические съезды. За этот период времени были проведены различные по исследовательским целям и задачам серии научных форумов. Характеризуя их в целом, можно говорить о формировании комплексного подхода к археологическому изучению целого ряда обширных регионов страны. В течение значительного промежутка времени (обычно, около 2–3 лет) организационными представительствами съездов целенаправленно исследовался выбранный регион в историко-археологическом, архивном, и этнографическом направлениях. Заключительный этап работы ознаменовывался проведением итогового съезда. На этих форумах также обсуждалась насущная общетеоретическая и практическая проблематика, ставились задачи реформирования научных организаций. Особо выделялись Всероссийские (1869–1914 гг.) и Областные (1901–1909 гг.) археологические съезды. Перспективными представлялись и другие намечавшиеся серии форумов – съезды представителей губернских ученых архивных комиссий (ГУАК), музейных деятелей и др.

Инициатором проведения Всероссийских археологических съездов (АС) было Императорское Московское археологическое общество (ИМАО), основанное 17 февраля 1864 г. под председательством графа А.С. Уварова. Мысль о созыве АС была высказана уже при создании Московского общества, а решение на это было получено в 1868 году¹. Съезды собирались раз в три года и имели бесспорное значение в деле возбуждения и развития интереса к истории и историческим памятникам в обществе. С III съезда стали проводиться экскурсии, с V съезда – археологических экспедиции, с VII-го они начали сопровождаться выставками местных древностей. По почину съездов и под их влиянием возникли археологические общества, комиссии и музеи во многих городах: в Казани – Общество археологии, истории и этнографии, в Киеве – Общество Нестора-летописца, в Новгороде – Общество любителей древности.

¹ *Формозов А.А.* А.С. Уваров и его место в истории русской археологии // РА. 1993. № 3. С. 283.

Общества любителей старины появились в Вильно, Пскове, Владимире, Одессе, Тифлисе и других городах России². При жизни А.С. Уварова прошли первые шесть съездов – Московский, Петербургский, Киевский, Казанский, Тифлиссский и Одесский³.

Практически с первых из этих научных форумов о себе заявляют нижеволжские исследователи и любители древностей. На I Всероссийском съезде в г. Москве (16–28 марта 1869 г.) представителей от Саратова не было. Но в Трудях съезда была опубликована работа основоположника саратовской археологии А.Н. Минха⁴. Основываясь на собственных наблюдениях, сделанных в Аткарском уезде, он приходит к следующим интересным выводам: 1) Курганы насыпаны на высших точках местности; 2) Они сетью расположены по уезду и продолжают в южные степи; 3) Они имеют общую связь и, употребляя знаки и расставляя караульных по курганам можно было быстро передавать условные сигналы на большое расстояние. В работе он, скорее интуитивно, чем научно, приходит к выводу, что курганы Аткарского уезда были насыпаны кочевниками (номадами) и являлись сторожевыми. Вопрос об этнической принадлежности этих номадов А.Н. Минх оставил открытым. После представления этого доклада уже в феврале 1869 г. Александр Николаевич был первым из саратовцев и девятым по счету в России принят в члены-корреспонденты ИМАО и с тех пор установились его прочные связи с А.С. и П.С. Уваровыми⁵. I Всероссийский съезд сыграл важную роль в развитии в стране таких направлений как охрана древностей, картографирование памятников и преподавание археологии в учебных заведениях. Обсуждению этих вопросов было уделено значительное внимание его участников⁶.

Представителем от Саратова на III съезде в г. Киеве (2–22 августа 1874 г.) был редактор газеты «Справочный листок», член Губернского статистического комитета (ГСК), А.И. Соколов⁷, вошедший позднее в состав Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК, 1886–1920 гг.). Участвовал он и в работе Предварительного комитета IV Всероссийского съезда в Казани. От Астрахани в состав того же комитета входил инспектор гимназий М.И. Рубцов, от Самары по спискам значился управляющий государственными имуществами губернии П.В. Алабин⁸. Предварительный комитет казанского съезда интересовали вопросы средневековой нижеволжской археологии. На будущем

² *Зубова Н.Л.* Архивно-просветительские организации в России в конце XIX – начале XX в. // Вестник МГУ. Серия 8, история. 1990. № 2. С. 63; *Гуркин В.А.* Археологические съезды и возникновение губернских ученых архивных комиссий // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III. М., 2008. С. 209–211; *Захарова Е.Ю.* Роль столичных учреждений и научных обществ в становлении воронежской археологии // Там же. С. 216.

³ *Стрижова Н.Б.* Архив А.С. и П.С. Уваровых в отделе письменных источников Государственного исторического музея // Очерки истории отечественной археологии. М., 1998. Вып. 2. С. 101.

⁴ *Минх А.Н.* Сторожевые курганы Аткарского уезда Саратовской губернии // Труды I АС в Москве. 1869 г. М., 1871. Т. I. С. 163–165.

⁵ *Миронов В.Г.* У истоков саратовской археологии // Очерки истории отечественной археологии... Вып. 2. С. 149.

⁶ *Шаманаев А.В.* Вопросы охраны памятников археологии на Первом всероссийском археологическом съезде // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. 2. С. 458–460.

⁷ Список членов 3-го АС // Труды III АС в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. Киев, 1878. Т. I. С. XII; *Миронов В.Г.* У истоков саратовской археологии... С. 148.

⁸ Члены-корреспонденты IV АС // Четвертый АС в Казани 31-го июля 1877 года. М., 1876. С. 5, 7, 8.

съезде предлагалось обсудить состояние и степень изученности таких памятников, как Селитряное и Увекское городища и Шареный бугор. Говорили и о необходимости проведения новых раскопок на Селитряном городище, предполагаемом месте расположения Сарая – столицы государства Золотая Орда⁹. К сожалению, на самом съезде в Казани (31 июля – 18 августа 1877 г.) эти вопросы были оставлены без внимания. В трудах IV съезда была опубликована работа П.В. Алабина. Сам он не мог быть в Казани, так как принимал участие в русско-турецкой войне 1877–78 годов¹⁰. Его реферат «О древностях Самарского края» был зачитан на заседании отделения древностей первобытных 13 августа 1877 г. киевским делегатом В.Л. Беренштамом¹¹. На Киевском съезде по предложению академика Н.В. Калачева обсуждался важный вопрос об организации провинциальных научных обществ для местных архивных материалов. На следующем съезде в Казани он значительно расширил их задачи: общества должны были изучать все памятники материальной культуры края и способствовать распространению исторических знаний среди населения. Таким образом, вопрос о необходимости создания местных архивов обсуждался задолго до открытия ученых комиссий¹². В работе казанского съезда значительное место было уделено исследованию древностей Волжской Булгарии, Прикамья и Приуралья. Существенную помощь в проведении этого научного мероприятия оказал Казанский университет. Съезд сыграл роль катализатора для местной научной интеллигенции. По его почину в 1878 г. было образовано Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, занявшееся изучением средневожского региона.

При изучении вопроса о внешних связях СУАК исследователи неоднократно отмечали факты участия членов Комиссии в различных съездах¹³. Вопрос взаимодействия саратовских архивистов с организаторами съездов практически не затрагивался. Саратовская комиссия неоднократно получала приглашения принять участие во Всероссийских и Областных АС и Предварительных комитетах съездов и вела по этому поводу активную переписку с ИМАО и другими организаторами. Сейчас эти приглашения хранятся в фонде СУАК¹⁴. Велась переписка и с редакционными комитетами прошедших съездов по поводу высылки в библиотеку комиссии экземпляров их трудов¹⁵. На большинстве съездов поднимались вопросы архивного дела. Представлялись и общие обзоры деятельности комиссий. В таких случаях организаторы обращались к ГУАК с просьбой составить и переслать краткие отчеты за истекший промежуток времени¹⁶.

⁹ Вопросы, предложенные к обсуждению на съезде // Там же. С. 14, 18.

¹⁰ Ценов И. Знамя и губернатор // Петр Алабин и Самарское знамя. Самара, 2008. С. 6–52.

¹¹ Серых Д.В. Новые документы об археологической и музейной деятельности П.В. Алабина // Самарский край в истории России. Вып. 2. Самара, 2004. С. 151; Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни / Подгот. текста и писем, коммент. Н.Б. Стрижовой // Труды ГИМ. М., 2005. Вып. 144. С. 142.

¹² Писарькова Л.Ф. Губернские ученые архивные комиссии: организация, численность и условия деятельности // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. С. 189.

¹³ Соломонова Л.Я. Некоторые аспекты внешних связей СУАК // Краеведы и краеведение Поволжья в контексте общественного развития региона. Саратов, 2003. С. 26.

¹⁴ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 407. Оп. 2. Д. 2. Л. 70, 76; Д. 59. Л. 33, 152, 163; Д. 65а. Л. 22, 106; Д. 126. Л. 92, 117; Д. 131. Л. 160, 160 Об; Д. 161. Л. 20; Д. 244. Л. 75.

¹⁵ Там же. Д. 3. Л. 54.

¹⁶ Там же. Д. 65а. Л. 7; Д. 86. Л. 55.

На VII Всероссийском съезде в г. Ярославле (6–20 августа 1887 г.) Саратовскую губернию, а точнее г. Кузнецк, представлял член СУАК Ф.Ф. Чекалин. В одном из своих выступлений он заявил, что занимается археологией в северной части губернии¹⁷. В представленном на съезд докладе, основываясь на собственных архивных и археологических изысканиях, Ф.Ф. Чекалин связал известные ему городища Кузнецкого уезда с русской сторожевой чертой времен колонизации¹⁸. Особо нужно отметить использование исследователем такого письменно зафиксированного источника, как народные предания. Сопоставляя отраженные в преданиях населения Посурья «места исторической памяти» с археологическим материалом соответствующего периода, Ф.Ф. Чекалин предлагает собственную оригинальную реконструкцию исторических событий. Сейчас, когда происходит объективный процесс расширения сферы приложения археологии, возникает необходимость стационарного изучения памятников и более поздних этапов отечественной истории. Поскольку, на сегодняшний день изучение нижеволжских памятников периода ранней российской колонизации обозначено как перспективное направление в археологии¹⁹, без обращения к обширной источниковой базе «архивщиков» осуществление подобных целей более чем проблематично.

Следует заметить, что проведенные в начале 1880-х гг. Ф.Ф. Чекалиным исследования были, по-видимому, первыми археологическими разведками на территории Саратовской губернии. Район исследований охватывал Верхнее Посурье и включал в себя как саратовские (Кузнецкий уезд), так и пензенские (Городищенский уезд) территории. Здесь Ф.Ф. Чекалину удалось открыть ряд курганов и укрепленных городищ, располагавшихся вдоль р. Суры: Среднелиповское, Чаадаевское, Трескинское, Канаевское, Золотаревское и Пензенское. Исследователь отнес городища к засечной черте XVII века²⁰. Аналогичной датировки этих памятников придерживался позднее А.А. Кротков²¹. Научные раскопки, проведенные пензенскими археологами уже во второй половине XX вв. (М.Р. Полесских, Г.Н. Белорыбкин) значительно скорректировали бытовавшее в литературе представление об эпохе существования указанных городищ. Они были отнесены к доордынскому времени²², то есть никак не соотносились с периодом русской колонизации.

¹⁷ Приложения. I. Протоколы съезда // Труды VII АС в Ярославле. 1887 г. Т. III. М., 1892. С. 28, 49.

¹⁸ Чекалин Ф.Ф. Древнее городище при устье р. Пензы и время его построения // Там же. С. 18–20.

¹⁹ Кубанкин Д.А., Мальшев А.Б., Тугушев П.Е. Разведки на севере Саратовского района Саратовской области в 1998–2005 году // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 7. Саратов, 2006. С. 103–110; Мальшев А.Б., Тугушев П.Е. Перспективы археологического изучения памятников ранней российской колонизации Нижнего Поволжья (XVI – середина XVIII века) // Современные проблемы археологии... Т. 2. С. 151–153.

²⁰ Чекалин Ф.Ф. Остатки древних земляных сооружений в пределах Кузнецкого уезда // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов, 1881. Т. 2. С. 352–359; он же. Среднее Поволжье с древнейших времен до конца XVII века. Саратов, 1892. С. 17; он же. Древнее городище при устье р. Пензы... С. 18–20.

²¹ Кротков А.А. Материалы к археологической карте Кузнецкого уезда // Труды СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30. С. 169, 170.

²² Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб.–Пенза, 2001. С. 4; Курчинский Е.В. Историография изучения памятников с коричнево-красной гончарной посудой // Материалы XXXVIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. Астрахань, 2006. С. 158, 159.

Осенью 1889 г. в СУАК пришло приглашение от Московского общества на VIII Всероссийский съезд, приуроченный к 25-летию ИМАО, проведение которого планировалось на январь 1890 г. в г. Москве. Саратовская комиссия постановила просить Ф.Ф. Чекалина, В.И. Холмогорова и А.А. Голомбиевского быть ее представителями на съезде²³. Все выбранные делегаты приняли участие в его работе²⁴. Согласно протоколам заседания совета, В.И. Холмогоров и А.А. Голомбиевский представляли также Московский архив министерства юстиции²⁵. Известно, что в съезде участвовал также М.В. Готовицкий, делегированный от СУАК и Саратовского губстаткомитета²⁶. А.А. Голомбиевский представил два доклада по архивному делу. В трудах съезда их текст напечатан только в виде стенограммы заседаний²⁷. Видимо, докладчик не предоставил статьи на публикацию. Материалы съездов могли выходить годами, и многие авторы предпочитали передавать свои работы в другие сборники. Например, один из этих докладов А.А. Голомбиевского был опубликован уже в июле 1890 г. в «Журнале народного просвещения». Значение этих работ А.А. Голомбиевского было подчеркнуто в статье Н.В. Бржостовской²⁸. Вообще, на этом съезде сообщения, посвященные крупнейшим московским архивам, занимали довольно большое место. По традиции особо выделялись доклады по провинциальной археологии. Две оригинальные и довольно объемные работы, полностью опубликованные в трудах съезда, были представлены Ф.Ф. Чекалиным²⁹. Подробный анализ этих и других работ исследователя провел В.М. Захаров³⁰. Отметим, что, оперируя общеизвестными нарративами, Ф.Ф. Чекалин приводит также в пользу своей аргументации не менее важные археологические свидетельства и оригинальные архивные материалы.

Два отчетных обзора о работе Московского съезда, опубликованных в трудах Комиссии, были сделаны М.В. Готовицким³¹. Автор ознакомил коллег с некоторыми событиями прошедшего научного симпозиума и подчеркнул, что основной задачей археологической деятельности СУАК должно быть продолжение и успешное завершение работы по составлению археологиче-

²³ Протокол общего собрания СУАК. 6 октября 1889 года // Труды СУАК. Саратов, 1889. Т. II. Вып. 2. С. LXXXVI.

²⁴ Отчет о деятельности СУАК в 1889/90 году. Саратов, 1893. С. 9, 10; Состав съезда // Труды VIII АС в Москве. 1890 г. М., 1897. Т. IV. С. 26.

²⁵ Заседание совета // Там же. С. 18, 19.

²⁶ Состав съезда // Там же. С. 29; Соколов В.П. 25-летие СУАК. Краткие биографии. Сост. Н.Ф. Хованский. Саратов, 1911. С. 11.

²⁷ Гоздаво-Голомбиевский А.А. Дела губернских и провинциальных присутственных мест, упраздненных в 1834 году, и дела старого городского управления Москвы и Московского архива министерства юстиции // Труды VIII АС в Москве... Т. IV. С. 105-107; *он же*. Столы разрядного приказа в 1660-70 гг. // Там же. С. 179, 180; Уварова П.С. Указ. соч. С. 168, 287.

²⁸ Бржостовская Н.В. Вопросы архивного дела на археологических съездах в России (1869-1911 гг.) // Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С. 91, 92.

²⁹ Чекалин Ф.Ф. Саратов на левом берегу Волги и время перенесения его на правый // Труды VIII АС в Москве. 1890 г. М., 1897. Т. III. С. 57-64; *он же*. Мещера и буртасы по сохранившимся о них памятникам // Там же. С. 65-74.

³⁰ Захаров В.М. Историко-краеведческая деятельность Ф.Ф. Чекалина // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2005. Вып. 2. С. 196-212.

³¹ Готовицкий М.В. Вопрос об Ученых архивных комиссиях на VIII АС // Труды СУАК. Саратов, 1890. Т. III. Вып. 1. С. 263-270; *он же*. Задачи археологии в Саратовском крае по сообщениям, сделанным на VIII Археологическом съезде // Там же. С. 271-291.

ской карты губернии. Это направление развивали многие столичные и провинциальные научные общества, и таким образом проходил процесс накопления обширной источниковой базы необходимой для дальнейших научных археологических исследований. М.В. Готовицкий ознакомил также Комиссию с новыми методическими разработками в области полевых исследований курганов и могильников, с их классификацией и научным определением добытых артефактов.

В отличие от сотрудников СУАК, активно участвовавших в работе археологических съездов, члены Петровского общества исследователей Астраханского края (ПОИАК, 1872 г. – ?)³² почти не принимали в них участия. Одной из причин такого положения дел, вероятно, была существенная удаленность Астрахани от западной и центральной частей европейской России, где проходила большая часть съездов. Другой причиной, судя по всему, являлись финансовые затруднения общества. После поездок члена ПОИАК К.Н. Малиновского в с. Селитренное и обследования им остатков золотоордынского городища Общество озаботилось охраной этого памятника. Было решено представить доклады К.Н. Малиновского «О вторичной поездке с научной целью в с. Селитренное, Енотаевского уезда», И.А. Житецкого «К археологии Калмыцкой степи», а также А.Ф. Мюллера «О названиях и географических картах Каспийского моря» на VIII АС в Москве. Доклады были высланы почетному члену ПОИАК известному московскому археологу И.Е. Забелину, который должен был представить Общество на съезде. Для участия в выставке съезда были отправлены коллекции серебряных и медных монет, собранных К.Н. Малиновским во время обеих поездок в Селитренное и 14 бронзовых наконечников стрел, обнаруженные В.Н. Аршиновым в 1 и 2 приморских округах киргизской Букеевской орды с описанием последних, составленным профессором Казанского университета Н.Ф. Высоцким³³. По списку состава съезда И.Е. Забелин действительно являлся делегатом ПОИАК³⁴, но им был зачитан совершенно другой доклад – «О древнейшем поселении Москвы»³⁵. Каким образом он представил на форуме доклады членов Петровского общества – источники ответа не дают.

После получения от ИМАО приглашения к принятию участия в предварительном комитете IX Всероссийского съезда совет Петровского общества не нашел возможным послать депутата. Но было предложено просить действительного члена Общества Н.Н. Ардашева взять на себя представительство и внести в обсуждение предварительного комитета вопрос об исследовании курганов и городищ Астраханской губернии (Царевское, Селитренное и др.)³⁶. Приняв участие в работе комитета, Н.Н. Ардашев от имени Петровского общества предложил будущему съезду изучение «древних урочищ; Царе-

³² Конечная дата существования ПОИАК доподлинно не установлена. Общество осуществляло свою деятельность, как минимум, до середины 1920-х гг. Подробнее см.: Астрахань в кармане. Иллюстрированный альманах-ежегодник. Астрахань, 1925. С. 1; Флейман Е.А. Краеведение в Поволжье. Кострома, 1995. С. 100, 101.

³³ Отчет о деятельности ПОИАК за 1889 год. Астрахань, 1891. С. 10, 14, 37.

³⁴ Состав съезда // Труды VIII АС в Москве... Т. IV. С. 25.

³⁵ Протоколы заседаний VIII АС. 10 января // Там же. С. 49-51.

³⁶ Отчет о деятельности ПОИАК за 1890 год. Астрахань, 1891. С. 17, 18; Отчет о деятельности ПОИАК за 1892 год. Астрахань, 1894. С. 3; Отчет о деятельности ПОИАК за 1893 год. Астрахань, 1894. С. 6.

ва, Селитряного и Ателя»³⁷. Но этот вопрос в очередной раз был обойден вниманием форума. К сожалению, какой-либо, иной информации о взаимодействии ПОИАК и археологических съездов не сохранилось. В более поздних отчетах нет никакой информации об участии членов Петровского общества в съездах. Видимо, в связи с недостаточностью финансирования к вопросу о делегировании на них представителей более не возвращались. Осознавая свою теоретическую и практическую неподготовленность в области полевых исследований, сотрудники Общества стремились привлечь к астраханским древностям внимание, прежде всего, столичных специалистов-археологов и осуществляли это через издание и рассылку собственных отчетов и трудов, посредством переписки со столичными научными обществами, а на первых порах, и с помощью иногородних представителей на организационных мероприятиях съездов.

IX Всероссийский съезд был назначен Московским обществом на первую половину 1893 г., местом проведения выбран г. Вильно (1–14 августа). По традиции были приглашены и члены СУАК. Со стороны Комиссии последовало предложение сразу пятерым представителям: А.И. Соколову, М.В. Готовишкому, Ф.Ф. Чекалину, А.А. Васильчикову и К.П. Медоксу. Первые трое по различным причинам вынуждены были отказаться от участия, но А.А. Васильчиков и К.П. Медокс изъявили полную готовность представлять Саратов на столь ответственном мероприятии. Из средств Комиссии им были выделены деньги на уплату членских взносов в размере 8 руб., членские билеты и льготные свидетельства на проезд по железным дорогам до пункта следования и обратно³⁸. Согласно протоколам съезда от СУАК были депутатами К.П. Медокс и А.А. Васильчиков³⁹, однако, документально известно, что К.П. Медокс, уже расположившийся в вагоне поезда с намерением отправиться в Вильно, неожиданно получил телеграмму, в которой ему предписывалось явиться в Москву в связи со службой в судебных учреждениях. Таким образом, он не смог принять участия в работе съезда⁴⁰. Следует отметить, что большая часть заседаний этого форума была посвящена изучению древностей северо-западных земель – территории литовских и белорусских губерний.

На X Всероссийском съезде в г. Риге (1–15 августа 1896 г.) со стороны СУАК приняло участие наибольшее в ее истории количество депутатов: правитель дел В.Н. Смольянинов, А.А. Васильчиков, К.А. Военский, К.П. Медокс и М.А. Лакомте⁴¹. К.А. Военским был представлен доклад «О курляндской старине» на французском языке. Речь в нем шла о достопримечательностях Митавы и об истории ее замка. К.А. Военский работал по этой проблематике и ранее. Его перу принадлежал ряд статей в журнале «Исторический вестник», приуроченных к 100-летию со времени присоединения Курляндии к России и посвященных X Археологическому съезду в Риге⁴². События съезда, наибо-

³⁷ Запросы, на которые желательно получить разъяснения на съезде // Девятый АС в Вильно. 1–14 августа 1893 года. Москва, 1891. С. 23.

³⁸ Протокол экстренного заседания общего собрания СУАК. 18 ноября 1893 года // Труды СУАК. Саратов, 1894. Т. 4. Вып. 3. С. 25.

³⁹ Протоколы. Состав съезда // Труды IX АС в Вильно. 1893 г. М., 1897. Т. II. С. 8.

⁴⁰ Протокол экстренного заседания общего собрания СУАК. 18 ноября 1893 года... С. 25.

⁴¹ Приложение. Состав съезда // Труды X АС в Риге. 1896 г. М., 1900. Т. III. С. 9–10.

⁴² Известия X АС в Риге 1–15 августа 1896 г. Рига, 1896. С. 28.

лее интересные для Комиссии, позже были доложены на общем собрании В.Н. Смольяниновым. На форуме в Риге было отмечено бедственное положение многих архивных комиссий, не имевших ни определенного помещения, ни собственных средств. Было постановлено обратить внимание Министерства внутренних дел на большую государственную пользу, приносимую комиссиями, и ходатайствовать об оказании им помощи и субсидий через посредничество губернаторов⁴³. Проблема положения ГУАК неоднократно поднималась на съездах различного уровня. Например, на следующем XI Всероссийском съезде в г. Киеве (1–20 августа 1899 г.) также велась речь о ситуации с губернскими комиссиями. Было постановлено ходатайствовать перед правительством о ежегодной субсидии в размере 1500 руб. каждой из них⁴⁴. Все эти попытки не увенчались каким-либо успехом. Как известно, правительственную субсидию архивные комиссии получили много позже. Рижский съезд продолжил мероприятия предшествующего форума в деле изучения северо-западного района империи.

Депутатами на Предварительный комитет XI Археологический съезд в г. Киеве (4–7 января 1897 г.), предназначенный для обсуждения правил и задач будущего съезда, от СУАК были выдвинуты член редакционного отдела С.И. Кедров и правитель дел В.Н. Смольянинов⁴⁵. Согласно протоколам комитета они действительно приняли участие в его работе⁴⁶.

29 декабря 1898 г. было получено письмо от графини П.С. Уваровой на имя председателя СУАК Л.Л. Голицына. Была высказана просьба командировать кого-либо из членов Комиссии на заседание Московского общества для выработки к Киевскому АС доклада, который бы мог служить мотивированным ходатайством перед правительством об образовании в некоторых губернских городах центральных архивов. Речь шла о проекте архивной реформы, выдвинутой профессором Д.Я. Самоквасовым⁴⁷. Предполагалось, что в образованные центральные архивы будут стекаться старые дела различных ведомств. Говорилось и о необходимости взаимодействия подобных архивов и ГУАК. По просьбе председателя доклад должен был сделать московский член Комиссии А.А. Гоздаво-Голомбиевский, которому был выслан подробный отчет о состоянии и нуждах СУАК⁴⁸. Большинство губернских комиссий поступили таким же образом и делегировали на заседание своих московских сотрудников, что не устраивало ИМАО. Им были необходимы представители с мест, обладающие реальной информацией о делах своих обществ. Видимо, через А.А. Гоздаво-Голомбиевского на заседание был передан доклад, в котором, как отмечено в протоколах Московского общества⁴⁹, Саратовская комис-

⁴³ Протокол общего собрания СУАК. 19 декабря 1896 года // Труды СУАК. Саратов, 1898. Вып. 21. С. 45.

⁴⁴ Протокол общего собрания членов СУАК. 27 апреля 1901 года // Труды СУАК. Аткарск, 1902. Вып. 22. С. 105; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 50. Л. 67.

⁴⁵ Протокол общего собрания СУАК. 19 декабря 1896 года... С. 48.

⁴⁶ Протоколы. Заседание Московского предварительного комитета // Труды XI АС в Киеве. 1899 г. М., 1902. Т. II. С. 3.

⁴⁷ Протоколы заседаний ИМАО за 1896–1899 гг. Приложение II к протоколу № 522. Основания проекта проф. Д.Я. Самоквасова // Древности. Труды ИМАО. М., 1901. Т. XVIII. С. 182–183.

⁴⁸ Протокол общего собрания СУАК 23 января 1899 года // Труды СУАК... Вып. 22. С. 78, 79.

⁴⁹ Протоколы заседаний ИМАО за 1896–1899 гг. Приложение IV к протоколу № 522. // Древности... Т. XVIII. С. 185–186.

сия изложила свою точку зрения. Проблема реформирования архивного дела в России неоднократно поднималась на съездах самого разного уровня. Достаточно подробно этот вопрос изучен в уже упомянутой статье Н.В. Бржостовской⁵⁰. Многочисленные попытки центральных и провинциальных историко-архивных обществ решить эту проблему были неудачны. Выдвигались различные, порой кардинально противоположные проекты. Спектр предложений колебался от бюрократической централизации архивов до расширения полномочий ГУАК. Но неправомерно говорить и о полном противодействии архивным деятелям со стороны бюрократии. Постоянно открывались новые губернские комиссии, с 1910-х гг. отлаживалось их субсидирование. Члены царской фамилии покровительствовали научным обществам. Постепенно складывался феномен провинциальной науки под опекой монархии.

В самом начале XX в. до принятия ГУАК под покровительство высших персон государства было еще далеко. В новый век Саратовская комиссия вошла с массой нерешенных проблем и, прежде всего, финансовых. На XII Харьковский съезд (15–27 августа 1902 г.), посвященный исследованию южных губерний империи, предполагалось делегировать С.А. Щеглова. Сам он не обладал достаточными средствами, и председатель СУАК сделал запрос о выделении на поездку суммы в 150 руб⁵¹. У Комиссии не оказалось необходимых денег, и этот съезд пришлось пропустить⁵². Видимо, по той же причине был пропущен I Областной археологический съезд, прошедший в 1901 г. в г. Ярославле.

Всероссийский археологический съезд в г. Харькове был важной вехой в развитии российской археологии⁵³. Именно на этом форуме В.А. Городцовым были представлены результаты полевых исследований курганных могильников в Изюмском уезде Харьковской губернии, проведенные им в 1901 г. по поручению ИМАО⁵⁴. Впервые на высоком научном уровне был поставлен вопрос о населении южнорусских степей в доскифскую эпоху. Опираясь на собственные стратиграфические наблюдения, В.А. Городцов выделил три разновременные культуры эпохи бронзы: ямную, катакомбную и срубную. Предложенная периодизационная схема стала одной из наиболее востребованных в отечественной археологической науке. На этом же съезде впервые перед обширной научной общественностью было доложено об открытии и начале исследования могильника Верхнее Салтово, ставшего впоследствии эталонным для выделения крупной археологической культуры эпохи раннего средневековья⁵⁵.

В октябре 1901 г. в Саратовской комиссии обсуждалось предложение Тамбовской ГУАК о проведении периодических областных съездов по примеру Ярославской комиссии, но в районе средней полосы России. СУАК вы-

⁵⁰ Бржостовская Н.В. Указ. соч. С. 89–105.

⁵¹ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 50. Л. 69, 69 Об.

⁵² Протокол общего собрания СУАК 16 ноября 1902 года // Труды СУАК. Саратов, 1903. Вып. 23. С. 10.

⁵³ Алексеев Л.В. XII Археологический съезд в Харькове (1902) // РА. 1992. № 4. С. 196–198.

⁵⁴ Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском у. Харьковской губ. 1901 г. // Труды XII АС в Харькове. 1902 г. М., 1905. Т. I. С. 174–225.

⁵⁵ Бабенко В.А. Древне-Салтовские Придонецкие окраины южной России // Там же. С. 434–463; Покровский А.М. Верхнее-Салтовский могильник // Там же. С. 465–491.

сказалась за желательность подобных съездов, но лишь после того, как окрепнет финансовое положение комиссий⁵⁶. В феврале 1902 г. тамбовчане выслали Саратовской комиссии проект предполагаемых общих работ к намечавшемуся съезду и предлагали высказать о нем мнение. Текст проекта сохранился в фонде СУАК⁵⁷. В нем были представлены перспективы изучения региона, намечены возможные проблемы историко-археологического и этнографического изучения среднерусской полосы. Саратовская комиссия положительно высказалась о тамбовском проекте и вновь подчеркнула крайнюю необходимость подобного мероприятия. Местом проведения первого Съезда архивных комиссий средней полосы России СУАК предлагала учредить Саратов, «лежащий на естественном великом пути, известном с глубокой древности»⁵⁸. В марте 1903 г. от Тамбовской комиссии поступило приглашение провести в апреле совещание для решения вопроса о времени и месте запланированного на 1904 г. съезда. В СУАК предложение приняли, представителем делегировали А.Ф. Можаровского⁵⁹. Но на апрельском совещании городом-устроителем съезда был избран Тамбов, а время проведения намечено на рубеж 1904–1905 годов. Для его организации тамбовский комитет предполагал изыскать не менее 1 тыс. рублей⁶⁰. Вопрос о проведении первого съезда в Саратове вообще был снят с повестки совещания, так как для обсуждения этого предложения саратовская сторона не представила никаких конкретных материалов. Не были предложены ни планы по организации съезда, ни сведения о том, какими денежными средствами располагает СУАК. Было известно и о крайней ограниченности ее материального положения. Кроме того, относительно самого региона средней полосы России Саратов был городом окраинным⁶¹. Тамбовской комиссией была проделана большая работа по организации этого нового форума, и она имела все основания открыть серию региональных съездов ГУАК. Но в силу ряда субъективных причин этот съезд так и не состоялся⁶².

По инициативе ГУАК архивные комиссии провели четыре Областных археологических съезда исследователей истории и древностей Новгородской и Ростово-Суздальской областей и представителей архивных комиссий: 1901 г. – в Ярославле, 1903 г. – в Твери, 1906 г. – во Владимире, 1909 г. – в Костроме. На 1912 г. намечался региональный съезд в Нижнем Новгороде, но был отменен в связи с широко отмечающимися в Поволжье торжествами в честь 300-летия освобождения Москвы нижегородским ополчением под предводи-

⁵⁶ Протокол общего собрания членов СУАК. 24 октября 1901 года // Труды СУАК... Вып. 22. С. 114, 115.

⁵⁷ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 69. Л. 6–12 Об.

⁵⁸ Там же. Л. 16, 16 Об; Протокол общего собрания СУАК 16 ноября 1902 года... С. 11.

⁵⁹ Протокол СУАК. 56-е заседание 15 марта 1903 года // Труды СУАК. Саратов, 1908. Вып. 24. С. 70; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 69. Л. 22, 22 Об.

⁶⁰ Там же. Л. 24, 24 Об.

⁶¹ Там же. Л. 30, 31.

⁶² Размустова Т.О. Губернские ученые архивные комиссии и изучение памятников археологии в дореволюционной России // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. М., 1990. С. 101, 102.

тельством Минина и Пожарского. Из-за первой мировой войны был отменен также региональный съезд в Вятке, запланированный на 1915 год⁶³.

Решение о проведении областных археологических съездов принималось по предложению Ярославской комиссии, и целью их проведения являлось обсуждение вопросов, связанных, прежде всего, с проблемами локальной, местной истории. Значительное место уделялось обсуждению вопросов о деятельности ученых архивных комиссий. Рассматривались многочисленные проекты и предложения по их реформированию. С помощью этих съездов ГУАК координировали свои действия, вырабатывали оптимальные системы исследований.

После получения приглашения СУАК решила принять участие во II Областном съезде, назначенном на 10–20 августа 1903 г. в Твери⁶⁴. Командировали А.С. Мадуева⁶⁵, являвшегося также членом Славянской комиссии ИМАО. Он сделал доклад о легендах, посвященных Стеньке Разину. При этом ему удалось выявить два типа легенд: одни изображают Разина великим чародеем, в других идет речь о земных мучениях безбожного Стеньки за свои грехи⁶⁶. Здесь можно говорить о проявлениях исторической памяти в среде русского крестьянства. Исторический образ Степана Разина трансформировался в народной памяти в воспоминания о легендарном, ставшим практически полубылинным, герое. Поскольку формирование исторической памяти этноса – процесс не линейный и весьма вариативный, то это существенным образом отражалось на возникновении различных типов легенд. Столь же причудливым образом в народных преданиях отразилась связь имени Разина с различными географическими объектами, воспринимавшимися как «места исторической памяти». Огромное количество урочищ губернии народная молва связала с деятельностью грозного атамана (утес Степана Разина, овраг «Стенькина тюрьма», городище «Стенькино Тырлище» и т. д.). При этом значительная часть таких объектов является археологическими памятниками гораздо более ранних эпох.

После возвращения со съезда А.С. Мадуев доложил на общем заседании СУАК о проблемах, которые поставлены перед губернскими комиссиями, и сделал предложение усилить взаимодействие провинциальных научных обществ. Особо он подчеркивал возросшие и не соответствовавшие, по его мнению, действительности критические отзывы о деятельности комиссий⁶⁷, видимо, имея в виду, прежде всего известные работы профессора С.Я. Самоквасова⁶⁸, содержавшие подобные заявления. Автор предлагал создание центрального архивного управления и обширной сети местных правительственных архивов. По мнению С.Я. Самоквасова многие архивные комис-

⁶³ Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России. Нижний Новгород, 1991. С. 51.

⁶⁴ Протокол общего собрания СУАК 16 ноября 1902 года... С. 11; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 69. Л. 13, 13 Об, 14; 17, 17 Об, 26, 26 Об.

⁶⁵ Протокол СУАК. 56-е заседание... С. 70; Состав съезда // Труды II областного съезда в Твери. 1903 г. Тверь, 1906. С. VII.

⁶⁶ Мадуев А.С. Вновь записанные легенды о Стеньке Разине // Там же... С. 423–432.

⁶⁷ Протокол СУАК. 58-е заседание 21 декабря 1903 года. Речь А.С. Мадуева // Труды СУАК... Вып. 24. С. 80, 81.

⁶⁸ Самоквасов Д.Я. Архивное дело в России. М., 1902. Т. 1. С. 21–49; Т. 2. С. 83, 90, 100.

сии не справлялись с возложенными на них задачами. Он предлагал их полное упразднение.

III Областной археологический съезд во Владимире бы назначен на 20–30 июня 1905 г., но из-за эпидемии холеры, а также ремонта в зданиях для гостей и отказа многих лиц по уважительным причинам, был перенесен на год позже⁶⁹. В работе съезда принимал участие житель с. Лысково Нижегородской области, член СУАК М.Е. Соколов⁷⁰. Им была проведена большая работа по сбору и фиксации «великорусских» весенних (обрядовых) и хороводных песен. Более ста фольклорных произведений, собранных на территории Петровского, Кузнецкого, Сердобского, Аткарского, Камышинского и Саратовского уездов Саратовской губернии, было опубликовано⁷¹.

Первая попытка организовать проведение Всероссийского съезда в Саратове была предпринята в 1905 году. С 6 по 11 мая велась переписка между ИМАО и Саратовской комиссией по поводу возможности проведения в «Столице Поволжья» в 1908 г. XIV Всероссийского съезда и о командировании на XIII съезд в Екатеринославль (1905 г.) депутата от СУАК. Поскольку в этот период отсутствовали председатель Комиссии, его товарищ и неперемный попечитель – губернатор, всю переписку взял на себя правитель дел С.А. Щеглов. Организационно были достигнуты некоторые результаты, в частности, удалось выписать для библиотеки сборники трудов всех прошедших двенадцати съездов, являвшихся важными пособиями к проведению аналогичного симпозиума в Саратове. Кроме того, было выяснено, какую роль в организации съезда должна играть местная комиссия, и какие лица могли принять участие в этом мероприятии. Из-за отсутствия многих своих членов правления СУАК не смогла своевременно провести официального собрания и, как следствие, не была представлена на съезде в Екатеринославле. Местом проведения будущего съезда был назначен не Саратов, а Чернигов⁷².

Факт совпадения по времени двух археологических съездов – Общероссийского в Екатеринославле и Областного во Владимире обеспокоил председателя ИМАО графиню П.С. Уварову. Для разъяснения ситуации она обратилась в письме к третьей стороне – Саратовской комиссии, почетным членом которой она также являлась. Здесь стоит обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, это подчеркивало авторитет СУАК, мнение которой было важным для председателя столичного Общества. Во-вторых, отмечало независимое положение Комиссии и способность принятия самостоятельных решений без оглядки на влиятельное мнение ИМАО. Письмо графини и ответ Комиссии были опубликованы в одном из номеров «Трудов СУАК»⁷³. Этим подчеркивался исключительно деловой тон переписки.

На предварительное организационное московское совещание, намеченное на февраль 1906 г., по поводу проведения в 1908 г. XIV съезда в Черниго-

⁶⁹ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 69. Л. 50, 51, 58–60.

⁷⁰ Список членов 3-го Областного историко-археологического съезда // Труды Третьего областного историко-археологического съезда, бывшего в г. Владимир 20–26 июня 1906 года. Владимир, 1909. С. 106.

⁷¹ Соколов М.Е. Великорусские весенние и хороводные песни, записанные в Саратовской губернии // Там же. С. 1–83.

⁷² Отчет о деятельности СУАК за 1905 год // Труды СУАК... Вып. 24. С. 135.

⁷³ Протокол СУАК. 57-е заседание 11 декабря 1903 года // Труды СУАК... Вып. 24. С. 72, 73.

ве, решено было отправить В.А. Штейна, по его личному желанию⁷⁴. Но, судя по протоколам, на этом совещании делегатов от СУАК не было. Все же, стоит отметить, что в работе комитета участвовал московский член Комиссии С.И. Кедров, представлявший в этот раз Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете⁷⁵. Позже он работал также на заседаниях Предварительного комитета XVI Всероссийского съезда (2–6 января 1912 г.)⁷⁶.

В декабре 1907 г. Комиссия решила, если позволят средства, принять участие в Черниговском съезде (1–15 августа 1908 г.). Кроме того, предполагалось участие в выставке съезда. С этой целью была избрана особая подкомиссия в составе председателя СУАК В.П. Соколова, правителя дел С.А. Щеглова, Б.В. Зайковского, Н.А. Димо и А.М. Матвеева, которой поручалось составить подборку экспонатов по археологии края⁷⁷. Однако, и это мероприятие Комиссия вынуждена была пропустить из-за отсутствия средств⁷⁸.

На декабрьском собрании 1908 г. в Комиссии бурно и оживленно обсуждался вопрос о командировании в Москву представителей в состав Предварительного комитета, где должен был решиться вопрос о месте проведения XV съезда. Собрание, ссылаясь на отсутствие средств, признало невозможным оплатить поездку. Предлагалось отправить сотрудников за их счет, а в случае отсутствия желающих – просить быть представителем кого-либо из московских членов комиссии с тем, чтобы он добивался проведения съезда в Саратове⁷⁹. С этим предложением обратились к проживавшим в Москве С.И. Кедрову и В.Н. Смольянинову. Сергей Иванович Кедров согласился представлять СУАК, но с существенной оговоркой, что на совещании он не будет настаивать на возможности проведения общероссийского съезда в Саратове из-за неподготовленности местного общества⁸⁰. Представителем от СУАК на Предварительном комитете, действительно, был С.И. Кедров⁸¹, о чем впоследствии им был представлен подробный отчет⁸². В итоге работы комитета местом проведения очередного Всероссийского съезда был назначен Новгород. Как оказалось, это был последний Археологический съезд в истории дореволюционной России.

Четвертый региональный съезд должен был пройти в Костроме 21–30 июня 1909 году⁸³. В марте этого года собрание просило М.Е. Соколова и А.А. Черновского представлять СУАК на Костромском съезде. В ответ

⁷⁴ Протокол СУАК. 63-е заседание 22 января 1906 года // Там же. С. 99.

⁷⁵ Состав Московского предварительного комитета // Труды XIV АС в Чернигове. 1909 г. М., 1911. Т. III. С. 1.

⁷⁶ Состав Московского предварительного комитета // Правила XVI АС в Пскове в 1914 г. и протоколы заседаний предварительного комитета 2–6 января 1912 г. М., 1912. С. 9.

⁷⁷ Протокол СУАК. 77-е заседание 20 декабря 1907 года // Труды СУАК... Вып. 24. С. 117.

⁷⁸ Общее собрание 18 апреля 1908 года. № 80 // Труды СУАК. Саратов, 1909. Вып. 25. С. 23.

⁷⁹ Общее собрание 12 декабря 1908 года. № 94 // Там же. С. 49.

⁸⁰ Общее собрание 19 января 1909 года. № 97 // Там же. С. 52.

⁸¹ Состав Московского предварительного комитета // Правила XV АС в Новгороде в 1911 г. и протоколы заседаний Предварительного комитета 2–6 января 1912 г. М., 1912. С. 9; Отчет о деятельности СУАК за 1909 год // Труды СУАК. Саратов, 1910. Вып. 26. С. 40; Протоколы. Заседание Московского предварительного комитета XV АС // Труды XV АС в Новгороде. 1911 г. М., 1914. Т. I. С. 8.

⁸² ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 161. Л. 25–30 Об.

⁸³ Там же. Д. 131. Л. 160, 160 Об.

М.Е. Соколов доложил, что не имеет для этого возможности⁸⁴. Каким было решение А.А. Черновского, имеющиеся документы не дают ответ.

Археологические съезды были весьма громоздкими и дорогостоящими мероприятиями. Работа такого съезда и его предварительного подготовительного комитета почти на три года концентрировалась в какой-либо отдельной губернии. Осуществлялась всесторонняя подготовка репрезентативности историко-археологических и этнографических исследований, которые должны были представляться делегатам. Тщательно разбирались и готовились к опубликованию архивные материалы. Такие съезды могли охватить изучаемые территории страны лишь в весьма отдаленной перспективе. С целью развития местной истории провинциальные научные общества и архивные комиссии начали организовывать Областные археологические съезды. Они были более дешевыми, удобными, а главное – имели конкретные концепции изучения отдельных регионов.

В 1909 году был поставлен вопрос об организации Областных съездов и на востоке европейской части страны. Осенью этого года в СУАК поступило обращение от Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете с вопросом: не находит ли Комиссия своевременным устройство Областных археологических съездов Поволжья и Приуралья, и в какой мере можно рассчитывать на содействие саратовцев. Спрашивалось и о том, какой город может быть наиболее подходящим местом проведения⁸⁵. Саратовская комиссия согласилась с предложением и настаивала на проведении съезда в Саратове: «1) Устройство Областного археологического съезда для Поволжья и Приуралья провести весьма желательно и приурочить его удобнее в 1912 году на конец мая или начало июня. 2) Архивная комиссия в данном случае могла бы содействовать только выставкой древностей своего музея на съезде. Средств своих на это у нее нет и к тому времени, конечно, не будет. 3) Самым подходящим городом для съезда комиссия нашла бы Саратов, где есть теперь университет. 4) При содействии университета возможно найти помещение для съезда и рассчитывать на специальную помощь городов и земств. В 1910 и 1911 году съезд приустроить затруднительно в виду краткости времени, 1911 год – юбилейный (50-летие освобождения крестьян и 25-летие Архивной комиссии). В Саратове никогда не было подобного съезда. В Казани был Российский археологический съезд и археологические выставки. Саратов – столица Поволжья»⁸⁶. Это почетное наименование Саратов получил от современников во второй половине XIX в. благодаря бурному экономическому и культурному развитию города. На рубеже XIX–XX вв. Саратов был одним из крупнейших торгово-промышленных центров на Волге⁸⁷. Столь значительный региональный центр вполне мог рассчитывать на организацию и проведение серьезного научного форума.

По мнению членов СУАК добиться проведения в Саратове Общероссийского либо Областного археологического съезда можно было путем увеличе-

⁸⁴ Общее собрание 8 марта 1909 года (продолжение заседания). № 105 // Труды СУАК... Вып. 25. С. 66; Общее собрание 19 апреля 1909 года. № 108 // Там же С. 71.

⁸⁵ Заседание 28 ноября 1909 года. № 119 // Труды СУАК. Саратов, 1910. Вып. 26. С. 13.

⁸⁶ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 170. Л. 45.

⁸⁷ Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917). Саратов, 1999. Т. 2. Ч. 2. С. 18, 19.

ния объемов археологических изысканий Комиссии⁸⁸. Таким образом, саратовское общество пыталось заинтересовать представителей столичных научных историко-археологических учреждений нижеволжскими материалами.

В феврале 1911 г. в СУАК решался вопрос о командировке представителя на XV Всероссийский съезд в г. Новгород. В задачу депутата входило не только участие в работе форума, но и выдвижение Саратова в качестве кандидата на проведение будущего съезда. Правление Комиссии решило отправить Г.Г. Дыбова, но тот отказался. Тогда было предложено командировать Н.Н. Минха. В ответ председатель заявил, что он не слишком хорошо знаком с уже имеющимися у Комиссии наработками, чтобы выдвигать предложение о месте проведения съезда и рекомендовал товарища хранителя музея А.А. Кроткова. Ввиду отсутствия у последнего средств на поездку, Н.Н. Минх говорил о необходимости выделения нужной суммы из фонда общества. Инициативу поддержал хранитель музея С.А. Щеглов, очертивший конкретный перечень расходов делегата и предложивший ассигновать на поездку 100 руб., сумму уже вполне приемлемую для бюджета Комиссии. По мнению Сергея Александровича, съезд в Саратове особых расходов для Комиссии не создаст, а вот в трудах его предварительного комитета можно издать многие накопившиеся в СУАК материалы. Собрание постановило внести в смету будущего года пункт о поездке депутата на съезд. Александр Августинович отказался, сославшись, по его мнению, «на более подходящего депутата С.А. Щеглова»⁸⁹. А.А. Кротков, видимо, не решался ехать на съезд раньше своего наставника и учителя, и не мог не предложить его кандидатуру как одного из наиболее уважаемых археологов саратовской Комиссии. Кроме того, он не хотел брать груз ответственности, связанный с выдвижением кандидатуры Саратова. Нерешительность членов СУАК вызывает некоторое удивление. С одной стороны они уже не первый год пытались организовать в Саратове археологический съезд, а с другой никто не решался взять на себя груз ответственности и довести дело до логического конца.

Одной из задач, стоящей перед СУАК, было ознакомление членов будущего съезда с Увекскими материалами. Предполагалось заинтересовать их перспективой изучения средневекового городища. Свои услуги предложил член Комиссии А.И. Жеребцов. Предварительно он составил альбом, содержащий изображения археологических материалов с Увека. По его предложению, решено было презентовать альбом на съезде в Новгороде. Была принята и инициатива А.А. Кроткова, советовавшего приложить к материалам выработанную им археологическую карту губернии и составленный Б.В. Зайковским атлас архаичных находок. Брать на себя ответственное поручение, связанное с командировкой, никто из членов Комиссии вновь не решался. Повторно отказался А.А. Кротков, сославшись на трудность задачи. Отклонил предложение и хранитель исторического архива А.А. Гераклитов. Тогда заседание прибегло к голосованию: А.А. Гераклитов получил 6 голосов, аналогичное число А.А. Кротков, С.А. Щеглов – 3 и А.А. Шахматов – 1. Алек-

⁸⁸ Археологическая хроника (за 2-ю половину 1910 года). I. Деятельность ученых учреждений и обществ // Известия ИАК. Прибавление к вып. 39-му (Хроника и библиография, вып. 19). СПб., 1911. С. 42.

⁸⁹ Из протоколов общих собраний СУАК. 26 февраля 1911 года // Труды СУАК. Саратов, 1911. Вып. 27. С. 30.

сандр Августинович, в ответ, вообще отказался баллотироваться. Свое мнение по поводу сложившейся ситуации высказали товарищ председателя П.К. Галлер и почетный член В.П. Соколов. Первый утверждал, что уже слишком поздно хлопотать о проведении будущего съезда в Саратове. В.П. Соколов говорил, что Всероссийского съезда раньше Областного быть не может, и поддержал кандидатуру А.А. Гераклитова. Итогом этих перипетий и бурных дискуссий стало избрание депутатом на Новгородский съезд Александра Александровича Гераклитова⁹⁰. На поездку из кассы Комиссии было выделено 100 рублей⁹¹. Нерешительность и непоследовательность членов СУАК крайне отрицательно сказывались на осуществлении этого научного направления Комиссии. Подготовка к съезду требовала четкого, заранее подготовленного и предоставленного на суд ИМАО плана. В то время как, саратовские делегаты предпринимали лишь легкие и не вполне удачные зондирование почвы под будущее мероприятие.

Последний XV Всероссийский археологический съезд был посвящен всестороннему изучению древнейшей – северо-западной части русского государства, Новгородской земле. Были предприняты обширные историко-археологические, этнографические, филологические и архивные изыскания. Съезду предшествовали многочисленные исследования региона, результаты которых были доложены на форуме и опубликованы в его «Трудах». Это был один из самых представительных Всероссийских археологических съездов (участвовало более 400 человек), привлечший видных ученых из скандинавских стран⁹².

После возвращения со съезда хранителя архива А.А. Гераклитова, им был представлен довольно обстоятельный отчет о командировке, опубликованный в «Трудах» СУАК⁹³. Добросовестно выполняя поручение общества, А.А. Гераклитов выяснял условия организации и проведения этого мероприятия. Ему удалось побеседовать с председателем ИМАО графиней П.С. Уваровой. Принципиальных возражений против проведения Всероссийского съезда в Саратове она не имела. Все зависело от того, какие материальные средства может предложить саратовское общество. На проведение XV съезда, кроме обычной казенной субсидии, городом и земствами было ассигновано около 4 тыс. рублей. Этого оказалось недостаточно. По отзывам депутатов, съезд был обставлен очень бедно. Другим, даже более важным обстоятельством, подчеркнутым П.С. Уваровой, являлась продуктивная деятельность предварительного комитета, работающего в течение 2–3 лет. Областные съезды были менее громоздки. Казенной субсидии на них не полагалось, а их стоимость колеблется от 6 до 10 тыс. рублей. Устроителем при этом выступал Петербургский археологический институт.

Поставив себе четкую цель организации в Саратове Всероссийского археологического съезда, Комиссия вела переписку с известными археологами. Еще в феврале 1913 г. сотрудник ИАК, почетный член Саратовской комиссии,

⁹⁰ Из протоколов общих собраний СУАК. 16 апреля 1911 года // Труды СУАК... Вып. 27. С. 36–38; Личный состав съезда // Труды XV АС... Т. I. С. 46.

⁹¹ Кассовый отчет СУАК за 1911 год // Труды СУАК. Саратов, 1912. Вып. 29. С. XLVI.

⁹² Жервэ Н.Н. Пятнадцатый археологический съезд // СА. 1992. № 1. С. 245–254.

⁹³ Гераклитов А.А. XV Археологический съезд в Новгороде (отчет о командировке) // Труды СУАК... Вып. 29. С. 41–57.

А.А. Спицын писал, что сам он лично знаком со многими членами СУАК и видит в них «деятельных устроителей». Александр Андреевич предлагал провести в Саратове в 1915 г. XVI съезд⁹⁴. В другом письме (от 14 марта 1913 г.) адресованному председателю Комиссии Н.Н. Минху А.А. Спицын перечисляет необходимые для устройства съезда условия. Есть необходимость привести это письмо полностью: «I. Желательно, чтобы Съезд имел четыре отделения: отдел древности, старины, историографии и языка с народной словесностью. Первый и третий отделы неизбежны, как входящие в программу деятельности архивных комиссий основным образом. II. Ученые организации Нижнего Поволжья не могут не отозваться на призыв к Съезду, раз они существуют... III. Съезд должен собрать: представителей местных ученых учреждений, представителей общерусской науки и всех работающих по местным древностям и истории, а также всех интересующихся ими. IV. Съезд можно провести без копейки, как и делается за границей, где члены Съезда сами собирают и сумму, нужную на печатание протоколов. Но ввиду скромных средств наших археологов, было бы желательно помочь им устройством помещения (а средства эти легко собрать), стола и предполагаемой поездки по Волге. Археологический институт денег не может дать. Общие археологические съезды живут на субсидию от правительства, в размере 15000 каждый. Едва ли в Саратове можно особенно рассчитывать на город и земство. Вернее обеспечение обычными средствами – частью благотворительностью»⁹⁵.

Процедура выбора места проведения съезда была довольно сложна, но безусловно, первую роль в этом мероприятии играло ИМАО и ее председатель. На организацию съезда могло претендовать несколько городов. Например, известно, что Оренбургская ГУАК также ходатайствовала о проведении в своем городе XVI Всероссийского съезда⁹⁶.

Еще на XV АС в Новгороде было высказано предложение о немедленном созыве Всероссийского съезда деятелей музеев⁹⁷. В 1912 г. С.А. Щелов участвовал в деятельности предварительного съезда деятелей музеев в Москве. На нем обсуждался проект организации первого подобного съезда. Целью намечавшегося мероприятия было обсуждение проблем деятельности историко-археологических музеев в России, выработка мер по урегулированию и улучшению их деятельности. Съезд решили провести в декабре 1914 г. в Москве в здании Исторического музея⁹⁸. Этим планам не удалось осуществиться из-за Первой мировой войны и последовавшей вскоре революции⁹⁹.

Из газеты «Саратовский вестник» можно узнать, что в среде саратовских археологов родилась весьма оригинальная идея по устройству в 1913 г. первого передвижного археологического съезда. Предполагался областной характер мероприятия, охватывавший Поволжье: Астраханскую, Саратовскую, Самарскую, Симбирскую, Казанскую и Пензенскую губернии, в каждой из

⁹⁴ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 245. Л. 18, 18 Об.

⁹⁵ Там же. Д. 69. Л. 1.

⁹⁶ *Евгеньев А.А.* История развития археологии Оренбуржья в дореволюционный период // Археологический памятник Оренбуржья. Оренбург, 2005. Вып. VII. С. 127.

⁹⁷ *Серых Д.В.* Археологические съезды и развитие музейного дела в России // Материалы краеведческих чтений. Казань, 2004. С. 376.

⁹⁸ *Щелов С.А.* Предварительный съезд деятелей музеев в Москве (доклад) // Труды СУАК. Саратов, 1914. Вып. 31. С. 179-185.

⁹⁹ *Серых Д.В.* Археологические съезды... С. 376.

которых имелись научные общества и музейные собрания древностей. В течение 5–8 дней планировалось устраивать заседания съезда в Саратове, Самаре, Симбирске и Казани. Благодаря дешевому пароходному сообщению по Волге, все расходы на съезд не должны были превышать 700–800 рублей¹⁰⁰. Как известно, подобный съезд так и не состоялся. Не найдено никаких данных и о попытках его организации.

Съезды являлись весьма важными форумами, на которых Саратовская комиссия могла презентовать результаты своих археологических изысканий. По поручению СУАК, ее председатель Н.Н. Минх участвовал, в работе Археологического съезда в Москве организованного местным Археологическим институтом, и приуроченного к празднованию 300-летия Дома Романовых¹⁰¹. На этом мероприятии им было сделано сообщение о результатах раскопок Комиссии на Увек в мае текущего года и продемонстрированы снимки некоторых находок. На заседании комиссии 2 сентября 1913 г. Н.Н. Минх докладывал, что на этом форуме было высказано предположение, согласно которому следующий съезд состоится в Саратове. Также отмечалось, что если он будет всероссийским, то Саратовская комиссия сможет получить на его организацию до 15 тыс. рублей. Кроме того, было получено обещание от Археологического института на командирование профессоров и студентов для проведения необходимых раскопок¹⁰². В официальный протокол заседания Комиссии эта информация по какой-то причине не попала, а наступление военного времени перечеркнуло эти планы.

В 1914 г. Саратовская комиссия в лице председателя Н.Н. Минха и хранителя музея С.А. Щеглова продолжала вести оживленную переписку по вопросу о назначении очередного Всероссийского съезда в Саратове. Председателем комиссии было получено письмо от В.А. Городцова, прилагавшего значительные усилия к устройству саратовского съезда: «Сегодня (25 февраля) я был у графини П.С. Уваровой и просил, чтобы следующий Всероссийский археологический съезд устроить в г. Саратове. Она сначала категорически отказала, но потом согласилась с назревшей необходимостью исследования Востока России, сказала, что если в Гродно не удастся устроить съезд, то она ничего не имеет против устройства его в Саратове. Во всяком случае, по ее мнению, съезд в Саратове должен состояться, если не следующим за Псковским, то вторым. (Для этого надо выяснять материальную обстановку съезда, и далее 1) выслать серьезных представителей на Псковский съезд для подготовки почвы; 2) выслать таких же представителей на предварительный съезд в Москву в январе 1915 г., где окончательно решится вопрос о месте). Со своей стороны я снова уверяю вас, что приложу все старания, чтобы съезд был не где-либо, а в Саратове, и не когда-нибудь, а, именно, после Псковского»¹⁰³.

¹⁰⁰ Археологическая хроника (за 1-ю половину 1913 года). I. Деятельность ученых учреждений и обществ // Известия ИАК. Прибавление к вып. 50-му (хроника и библиография, вып. 24). СПб., 1913. С. 79.

¹⁰¹ Протоколы заседаний общего собрания членов комиссии. № 159. 2 сентября 1913 года, в квартире г. Непременного Попечителя // Труды СУАК... Вып. 31. С. 213.

¹⁰² Археологическая хроника (за 2-ю половину 1913 года). I. Деятельность ученых учреждений и обществ // Известия ИАК. Прибавление к вып. 52-му (хроника и библиография, вып. 25). СПб., 1914. С. 45.

¹⁰³ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 245. Л. 311–312 Об.

В тот же день В.А. Городцов написал ответ хранителю музея СУАК. По поводу организации съезда содержалась следующая информация: «...я возразил (П.С. Уваровой – В. А.), что в Западной России было много съездов, а в Восточной – только один. Графиня отвечала, что в Западной России ищут корни русского народа, которые до сих пор остаются для нас совершенно неизвестными. Мне думается, что графиня и сама понимает, не хуже нас, значение Саратова для археологии, но, по-видимому, она связана каким-нибудь обещанием. Возможно, что кто-нибудь ранее нас обратился к ней с просьбой устроить съезд именно в Западной России»¹⁰⁴.

Ведущие русские археологи А.А. Спицын и В.А. Городцов целенаправленно выступали за организацию съезда в Саратове. Они посещали губернию, местную Комиссию, а также ее музей с рабочими визитами¹⁰⁵ и были знакомы с положением археологической науки в Нижнем Поволжье. Через постоянные консультации и переписку, они были в курсе исследований, работали с саратовскими материалами, представлявшими безусловный интерес для науки. В 1893 г. А.А. Спицын по поручению ИАК осматривал Увекское и Водянское городища¹⁰⁶. Проводил он и собственные раскопки в губернии. В 1895 г. им были исследовано несколько курганных групп в районе д. Машевки Балашовского уезда и в верховьях р. Иловли Камышинского уезда¹⁰⁷. В 1912 г. А.А. Спицыным производились показательные раскопки на Ахматском городище в Камышинском уезде¹⁰⁸. Кроме собственных полевых исследований в губернии он публиковал материалы музея СУАК¹⁰⁹, печатался в трудах саратовского общества¹¹⁰. Ведущие русские археологи всегда положительно отзывались о деятельности Саратовской комиссии и ее сотрудников. Интерес ведущих специалистов к нижевожским археологическим материалам, изучением которых занималась, прежде всего, СУАК, и исследовательские мероприятия местной Комиссии требовали организации масштабного изучения региона в рамках съезда и оценки достигнутых результатов.

СУАК пыталась взаимодействовать по вопросу проведения съезда и с Московским археологическим обществом, о чем со стороны Комиссии делался запрос графине П.С. Уваровой. Результат был не совсем утешительным: «Имею честь ответить, что все мы не сомневаемся в том интересе, который представляет все Нижнее Поволжье и Саратов, в частности, для археологиче-

¹⁰⁴ Там же. Л. 326.

¹⁰⁵ Малов Н.М. Из истории Саратовского областного музея краеведения: памятная книга посещения музея и библиотеки Саратовской ученой архивной комиссии (1895–1918 гг.) // Краеведы и краеведение Поволжья в контексте общественного развития региона: история и современность. Саратов, 2003. С. 53, 53, 59.

¹⁰⁶ Производство археологических раскопок. Саратовская губерния // Отчет ИАК за 1893 год. СПб., 1895. С. 26–28; Спицын А.А. Отчет о поездке летом 1893 года на Жареный бугор и некоторые приволжские Золото-ордынские города // Там же. С. 91, 92.

¹⁰⁷ Производство археологических раскопок. Саратовская губерния // Отчет ИАК за 1895 год. СПб., 1897. С. 30–33.

¹⁰⁸ Производство археологических раскопок. Саратовская губерния // Отчет ИАК за 1912 год. СПб., 1916. С. 73–75.

¹⁰⁹ Спицын А.А. Археологический альбом // Записки русской и славянской археологии ИРАО. Петроград, 1915. Т. XI. С. 233–237; он же. Некоторые новые приобретения Саратовского музея // Известия ИАК. Петроград, 1914. Вып. 53. С. 95–106.

¹¹⁰ Он же. Саратовские древности // Труды СУАК. Саратов, 1912. Вып. 29. Прибавление. С. 1–7; он же. Саратовские стоянки медного века // Труды Общества ИСТАРХЭТ при СГУ. Саратов, 1923. Вып. 34, ч. 1. С. 32–28.

ских исследований, но вместе с тем, начав обследование западных губерний России, нам и в особенности мне представляется невозможным перенести обследование в другую часть России, не закончив обследование западных губерний и потому я со своей стороны откровенно говорю комиссии, что после Псковского съезда буду настаивать, чтобы XVII Археологический съезд был созван в одном из губернских городов западной России. Таким образом, по моему мнению, Съезд в Саратове не может быть созван ранее 20-го года»¹¹¹. Из этого становится очевидным, что у ИМАО имелись какие-то долгосрочные перспективные планы по археологическому изучению западных губерний, что соответствовало концепции первостепенности славянской тематики. Первоначально Всероссийские съезды проводились в крупнейших городах империи. Начиная с XI АС в Вильно (1893 г.), съезды планомерно исследовали губернии, территории которых некогда входили в состав Древнерусского государства и его западных прибалтийских соседей. Обширная восточная часть государства пока явно не вписывалась в эти планы.

Вопросом о назначении XVII съезда в Саратове должны были заняться избранные от СУАК на Псковский съезд депутаты¹¹². Следуя инструкциям В.А. Городцова, решено было послать наиболее авторитетный состав представителей Н.Н. Минха, А.А. Гераклитова и С.А. Щеглова и сделать на съезде выставку музейных экспонатов комиссии. Но как докладывал на майском заседании Комиссии А.А. Кротков, стало известно, что местом проведения XVII АС уже выбран Могилев. Планы ИМАО предполагали закончить обследование запада Российской империи, и только затем перейти к изучению восточной части¹¹³. По смете была выделена сумма на поездку только двух делегатов СУАК (150 руб.)¹¹⁴. В архивных материалах¹¹⁵ речь также идет о командировке лишь двух представителей хранителя музея С.А. Щеглова¹¹⁶ и хранителя исторического архива А.А. Гераклитова. Установлено, что членский билет на участие был выдан А.А. Гераклитову¹¹⁷. Но Псковский съезд так и не состоялся. Хотя для его проведения было все подготовлено: собрана выставка, прибыл весь оргкомитет, стали съезжаться делегаты¹¹⁸. Он был отложен на неопределенный срок в связи с началом Первой мировой войны, о чем ИМАО разослало предупреждения в общества¹¹⁹. Информация А.А. Кроткова о том, что местом проведения XVII съезда был выбран Могилев подтверждается новейшими архивными изысканиями. По данным Н.Б. Стрижовой в архиве А.С. и П.С. Уваровых имеются материалы XVII АС, который запланировали провести в одном из городов западной Белоруссии в 1917 году¹²⁰.

¹¹¹ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 245. Л. 322, 322 Об.

¹¹² Отчет о деятельности комиссии за 1914 год // Труды СУАК. Саратов, 1915. Вып. 32. С. 173.

¹¹³ Протоколы заседаний общего собрания членов СУАК. № 170 - 17 мая 1914 года // Труды СУАК. Саратов, 1916. Вып. 33. С. 108.

¹¹⁴ Кассовый отчет за 1914 год // Труды СУАК... Вып. 32. С. 183.

¹¹⁵ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 244. Л. 108.

¹¹⁶ Щеглов Сергей Александрович (некролог) // Труды СУАК... Вып. 32. С. I-V; С.А. Щеглов скончался 26 июня 1915 года более чем за год до несостоявшегося XVI АС.

¹¹⁷ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 193. Л. 143.

¹¹⁸ Хроника археологических съездов России. 1869-1914. СПб., 2006. С. 4.

¹¹⁹ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 244. Л. 144.

¹²⁰ Стрижова Н.Б. Указ. соч. С. 102; она же. П.С. Уварова и ее воспоминания // Уварова П.С. Былое... С. 19. Неоднократные попытки возобновления деятельности АС предпринимались несколько позже уже в советское время. Подробнее об этом см.: Вдовин А.С., Кузьминых С.В., Се-

В отчете СУАК за 1914 г. сообщается, что Комиссии удалось получить от Московского общества обещание устроить в 1920 г. съезд в Саратове¹²¹. Это заявление выглядит весьма странным. В протоколах Комиссии упоминается только февральское письмо П.С. Уваровой¹²². Не обнаружено более поздних писем графини, касающихся съезда в Саратове, и в архивном фонде СУАК. Но в февральском письме речь идет не о том, что съезд в 1920 г. будет проведен в Саратове, а лишь о том, что такая возможность не исключена. Как видно из писем В.А. Городцова, председательствовавшая в ИМАО Прасковья Сергеевна Уварова действительно согласилась с этой мыслью. Тем не менее, с учетом длительности срока и сложностью утверждения города-кандидата это решение нельзя считать окончательно принятым.

Продуктивным начинанием была организация съезда представителей ГУАК проведенного по инициативе Русского исторического общества. Единственное подобное мероприятие прошло 6–8 мая 1914 г. в Петербурге. Участвовали представители 28 архивных комиссий и трех провинциальных историко-археологических обществ, приехавшие из тех губерний, где не было ГУАК. Саратовскую комиссию представлял хранитель исторического архива А.А. Гераклитов. На заседаниях он говорил о важности разработки местных архивов и порядке рассмотрения архивных дел. Отмечал неопределенность полномочий ГУАК, необходимость их уточнения и законодательной фиксации. Затронул он и проблему финансового положения комиссий, отсутствия у них определенного бюджета¹²³. По справедливому мнению Л.Ф. Писарьковой этот съезд положил начало новому этапу в жизни архивных комиссий. В 1884 г. в России были созданы общества, основанные на добровольном и безвозмездном труде любителей старины. Эти общества не имели определенных обязанностей, но не имели и каких-либо прав. Призванные к жизни исключительно для разбора бумаг, подлежащих уничтожению, они не имели доступа к документам, которые поступали на вечное хранение в ведомственные архивы. Съезд 1914 г. возложил на них более сложную и ответственную задачу: упорядочение архивного дела на местах. Для успешного выполнения этой задачи комиссиям предоставлялось право обследовать и ревизовать все архивы губерний, им выделялись значительные денежные средства¹²⁴. Комиссиям не удалось воплотить в жизнь решения съезда. Начавшаяся первая мировая война спутала все планы столичных и провинциальных научных обществ.

Даже в условиях революционного послефевральского периода, на заседании СУАК 20 апреля 1917 г. А.А. Гераклитов, занимавший должность правителя дел, говорил о необходимости созыва Всероссийского съезда архивистов и археологов¹²⁵. В период 1917–1918 гг. основные силы СУАК были

рых Д.В. От XVI Всероссийского к I Всесоюзному археологическому съезду: несбывшаяся надежда // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III... С. 199–201.

¹²¹ Отчет о деятельности комиссии за 1914 год... С. 173.

¹²² Протоколы заседаний общего собрания членов комиссии. № 166. 25 февраля 1914 года // Труды СУАК... Вып. 31. С. 248.

¹²³ Стенографические отчеты заседаний Первого съезда представителей ГУАК и соответствующих им установлений // Труды Первого съезда представителей ГУАК и соответствующих им установлений. 6–8 мая 1914 года. СПб., 1914. С. 12, 13, 37, 38, 46–51.

¹²⁴ Писарькова Л.Ф. Указ. соч. С. 196, 197.

¹²⁵ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 308. Л. 5.

направлены на спасение архивов бывших государственных учреждений¹²⁶. В этих условиях требовалась координация деятельности членов столичных и провинциальных историко-архивных обществ. Необходимо было выработать общие подходы к сохранению исторической документации, предложить новой власти оптимальные законопроекты. Но стремительно развивавшаяся политическая ситуация и глубокий кризис власти в стране не позволяли архивистам намечать далеко идущие планы.

В заключение следует подчеркнуть, что археологические съезды играли ключевую роль в развитии археологической науки в России. На этих периодических форумах происходило взаимодействие представителей столичных и провинциальных научных обществ. Осуществлялась презентация новейших достижений исследователей, обсуждались насущные научные проблемы и достижения. На съездах были представлены различные отрасли исторической науки: археология, архивоведение, источниковедение, этнография, музейное дело. Участие в подобных проектах было одним из приоритетных направлений в деятельности многих историко-археологических обществ. На региональном уровне происходило обращение к комплексам исторической памяти. Шел научный поиск исторических истоков народов Российской империи. Нижневолжские историко-археологические общества установили различные типы взаимодействия со съездами. Представители Петровского общества исследователей Астраханского края в силу объективных причин не смогли принять полноценного участия в работе форумов. Основной задачей для них стало привлечение внимания столичных научных обществ к историко-культурному наследию северного Прикаспия. По иному обстояло дело с Саратовской комиссией. Причина столь существенного отличия в схемах взаимодействия Петровского общества и СУАК со съездами может корениться в характере самих научных организаций. ПОИАК формировалась и действовала как обширная краеведческая организация, ориентировавшая свои исследования как на историко-археологическую, так и на естественноисторическую сферы. Саратовская комиссия в своих истоках имела идею историко-археологического общества, в задачи которого входило, прежде всего, изучение древностей региона. К моменту образования Комиссии саратовцы уже имели ценный опыт участия в съездах. Регулярность участия в форумах прерывалась лишь из-за издержек финансирования. Выступая с докладами, члены СУАК знакомили делегатов с собственными научными разработками, представляли Нижнее Поволжье на общероссийском и региональном уровнях. С 1905 г. начинают предприниматься попытки организации археологического съезда в Саратове. В начале 1910-х гг. работа по устройству Саратовского съезда выходит на принципиально иной уровень. Своими научными достижениями члены СУАК доказали обоснованность претензий Саратова на роль организатора как регионального так и общероссийского форума. Столь громкое заявление было поддержано ведущими учеными-специалистами. Наступление в стране череды резких социальных потрясений сорвали перспективные планы саратовского научного общества по многоаспектному историко-археологическому изучению региона.

¹²⁶ Миронов В.Г. Нижневолжское краеведение в 1917–1920 годы // Краеведческие чтения: Доклады и сообщения I–III чтений. Саратов, 1993. С. 59, 60.

Каргин Ю.Ю.

ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НИАЛ СГУ (1978–1995 ГГ.)

В Саратовской области на сегодняшний день известно более 3500 археологических памятников, а по большинству районов составлены археологические карты. Этого удалось достигнуть почти исключительно благодаря деятельности научно-исследовательской археологической лаборатории СГУ (НИАЛ СГУ), которая, несомненно, была ярким явлением в истории саратовской археологии. В 1980-е гг. она занимала ведущее место в археологических исследованиях не только в области, но и в Нижнем Поволжье вплоть до конца 1990-х гг. (рис. 1).

Еще до середины 1970-х гг. многие районы оставались совершенно не исследованными, а археологические работы осуществляло лишь несколько специалистов. В связи с развернувшимся в Поволжье строительством оросительных систем задача сохранения археологического наследия стала чрезвычайно актуальна [Каргин, 2008. С. 222]. До этого излишнее внимание уделялось раскопкам неразрушаемых памятников и работам за пределами области, что не позволяло в должной степени обеспечить охрану местного археологического наследия. Среди безвозвратно утраченных памятников – сотни, оказавшиеся в зоне строительства Саратовской ГЭС и затопления водохранилища, в зоне интенсивной распашки, планировки участков под орошение и застройку, на трассах проектирования газо- и нефтепроводов, железных и автодорог.

Деятельность археологической лаборатории СГУ достаточно подробно освещена в работах саратовских археологов – ее сотрудников: Е.К. Максимова и В.Г. Миронова, Н.М. Малова, В.А. Лопатина, А.И. Юдина. Между тем, до настоящего времени отсутствовал упорядоченный и конкретизированный банк данных по полевым археологическим исследованиям в области за обозначенный период, поскольку археологические отчеты рассредоточены по различным научным учреждениям. Все это существенно затрудняет изыскания археологов. Наша задача – восполнить этот пробел. Основным источником являются археологические отчеты из научно-отраслевых архивов ИА РАН (фонд Р-1), СОМК, ГУК НПЦ по ИКН, УИАЛ СГУ, ЭКМ, а также публикации материалов исследований в различных изданиях. Все данные по работам НИАЛ СГУ представлены в таблице 1. Археологические памятники, изу-

ченные в Саратовской области, картографированы (рис. 2), а динамика развития полевых исследований в регионе представлена на нескольких графиках (рис. 3)¹.

В развитии саратовской археологической школы, имевшей давние традиции и являвшейся в течение долгого времени одной из самых известных в стране, в начале 1970-х гг. наступил кризис. В 1969 г. В.Г. Миронов, не успев защитить диссертацию, переехал работать в Петрозаводский университет. В 1970 г. неожиданно умер Ю.В. Деревягин. После того как в 1972 г. умер лидер саратовской археологической школы И.В. Синицын, а в 1974 г. – В.А. Фисенко и П.Д. Степанов, в области остался один Е.К. Максимов, который перешел на работу в СГУ. Под его научное руководство были переданы перспективные студенты В.А. Фисенко: Н.М. Малов, В.И. Мельник, М.Г. Ким, А.А. Хреков. Саратовская археологическая школа вновь оказалась на грани исчезновения. В 1974 г. археологических исследований в Саратове самими саратовцами не велось.

Важную роль в возрождении Саратовской археологии сыграло осуществление грандиозной программы мелиоративного строительства. В это время подготовка археологов в регионах с целью создания там научных центров приобрела определяющее значение и для сохранения археологического наследия [Генинг, Горишний, 1985. С. 9]. С 1974 по 1979 гг. в Саратовской области работал Заволжский отряд Средневолжской (с 1977 г. – Волго-Уральской) новостроечной экспедиции ИА АН СССР под руководством Л.Л. Галкина и при участии П.Д. Либерова. В ее составе высококачественную стажировку прошли выпускники Саратовского университета Н.М. Малов, М.Г. Ким, В.И. Мельник и А.А. Хреков: за несколько лет они освоили методику работ на новостройках и уже с 1977 г. проводили самостоятельные исследования в зонах мелиорации при общей координации Л.Л. Галкина. Вскоре В.И. Мельник был принят на работу в ИА АН СССР и возглавил Саратовский отряд Волго-Уральской экспедиции.

Существенную помощь оказывала ОблДЭТС, которая благодаря стараниям Н.М. Малова изыскивала дополнительные средства на проведение разведок. Уже с 1975 г. Н.М. Малов на средства ОблДЭТС осуществлял самостоятельные работы при поддержке саратовского краеведа Д.С. Худякова. По хоздоговору между ИА АН СССР и ОблДЭТС в 1977 г. он начал исследования покровско-раннесрубного курганного могильника и левобережного городища городища городища культуры у с. Натальино в зоне строительства Балаковской оросительной системы.

После завершения работ Волго-Уральской экспедиции М.Г. Ким отправился в г. Вольск, где стал работать в районном краеведческом музее, проводя самостоятельные археологические исследования. А.А. Хреков вернулся в г. Балашов, где силами школьников Балашовской ДЭТС на средства Балашовского краеведческого музея ежегодно проводил собственные экспедиции.

¹ Автор выражает благодарность за всестороннюю помощь И.А. Сорокиной (в особенности, за ряд ценных методических рекомендаций); сотрудникам архива ИА РАН – У.Ю. Кочкарову и А.А. Шевченко; сотрудникам СГУ – В.А. Лопатину, Н.М. Малову, С.Ю. Монахову, С.И. Четверикову, А.Б. Мальшеву; сотрудникам СОМК – А.И. Мироновой, К.Ю. Моржерину и Д.А. Кубанкину; сотруднику ЭКМ – О.В. Сергеевой; коллективу ГУК НПЦ по ИКН и А.И. Юдину; а также А.И. Ульянову и семье Козловых.

Тем временем стала очевидной необходимость открытия хоздоговорной лаборатории при СГУ. В пограничных регионах Волго-Уралья при вузах археологические лаборатории уже оформились. За счет работ на оросительных системах в 1970-е гг. удалось укрепить позиции Волгоградского археологического центра на базе ВГПИ во главе с А.С. Скрипкиным. На качественно новый уровень вышла археологическая лаборатория КГПИ во главе с И.Б. Васильевым, которому удалось организовать объединенную Средневожскую экспедицию КГПИ и КГУ. Хвальинский отряд под руководством самого И.Б. Васильева, а также В.И. Пестриковой, С.А. Агапова и А.П. Вагазиной (Семеновы), привлекая силы археологических кружков и вузов Куйбышевской области с 1974 г. на сэкономленные средства с хоздоговорных работ проводил масштабные аварийно-спасательные раскопки по берегу Саратовского водохранилища в Хвальинском районе Саратовской области. По свидетельству Н.М. Малова, от Куйбышевских археологов в то время уже звучали предложения об открытии в СГУ хоздоговорной лаборатории, где они не без оснований стремились занять ведущие позиции.

Между тем, Средневожская (Волго-Уральская) новостроечная экспедиция ИА АН СССР дала саратовской археологической школе импульс, позволивший ей возродиться в новом качестве. Несмотря на то, что из «стажеров» в СГУ остался один Н.М. Малов, совместно с Е.К. Максимовым и С.Ю. Монаховым ему удалось при поддержке декана исторического факультета Г.А. Герасименко создать хоздоговорную группу. В 1980 г. в состав группы на должность младшего научного сотрудника был принят ученик Е.К. Максимова В.А. Лопатин.

Фактические данные, представленные в виде графиков (рис. 3), позволяют отметить существенное увеличение объема археологических исследований в области в середине 1970-х гг., что было связано с работами Средневожской новостроечной экспедиции ИА АН СССР и Хвальинского отряда Средневожской экспедиции КГПИ и КГУ. С 1978 г., после создания хоздоговорной группы при СГУ, саратовским археологам постепенно удалось перехватить инициативу и существенно расширить охранные археологические работы (рис. 3).

Н.М. Малов в истории НИАЛ СГУ выделяет несколько этапов [Малов Н.М., 1994. С. 42–48], содержание которых вкратце можно охарактеризовать следующим образом:

- 1) 1978–1981 гг. – руководство Е.К. Максимова, отсутствие официального статуса хоздоговорной группы, минимальный объем научно-исследовательских работ (НИР), отсутствие финансовой поддержки со стороны ВООПИК и Управления культуры облисполкома;
- 2) 1981–1984 гг. – официальное оформление НИАЛ СГУ и ее работа под руководством В.Г. Миронова, увеличение объема хоздоговорных и инициативных полевых исследований и расширение полномочий;
- 3) 1984–1990 гг. – руководство Н.М. Малова, научный руководитель В.Г. Миронов, наибольший объем хоздоговорных и инициативных полевых исследований за всю историю саратовской археологии, открытие первой госбюджетной темы, начало проведения научных конференций и подготовки изданий;

4) 1990–1995 гг. – заведующий лабораторией В.А. Лопатин, научные руководители Н.М. Малов и С.Ю. Монахов; возникновение рыночных отношений, разногласия внутри разросшегося коллектива лаборатории, завершение работ по составлению археологической карты области, недостаток финансирования, противоречия с Дирекцией охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры при областном Управлении культуры, сокращение штата и реорганизация НИАЛ СГУ [Малов, 1999. С. 34].

В 1978 г. лаборатории удалось организовать первые хоздоговорные работы. Во многом этому способствовало принятие Закона СССР, а затем и Закона РСФСР «Об охране памятников истории и культуры». Благодаря поддержке выпускника исторического факультета СГУ, заведующего Аткарским районо В.Н. Игнатьева, удалось заключить договор с Аткарским городским отделом культуры на составление археологической карты Аткарского района (таблица 1) [Малов, 1999. С. 43]. Однако выполнить задачу в полном объеме не удалось. В 1979 г. был заключен договор с Дирекцией строительства Приволжской (Балаковской) АЭС. Работы велись в районе с. Натальино, где Н.М. Маловым были продолжены исследования широко известного курганного могильника, а С.Ю. Монаховым – левобережного городища городищской культуры. Здесь же Н.М. Малов при помощи руководителя детского кружка юных археологов Н.И. Поповой (г. Балаково) исследовал грунтовые могильники эпохи бронзы Солнечный и Матвеевский. По-прежнему активную помощь оказывала ОблДЭТС, на средства которой он продолжал раскопки разрушающихся памятников, в числе которых широко известный Хлопковский энеолитический могильник (таблица 1). В 1980 г. на поселениях эпохи поздней бронзы близ с. Синодское и Медяниково в Воскресенском районе Н.М. Малов провел первый масштабный областной слет юных археологов, на котором было представлено множество археологических кружков Саратова и области [Черкасова, 2007. С. 285].

В 1979 г., при содействии декана истфака СГУ Г.А. Герасименко, в Саратовскую область вернулся ученик И.В. Сеницына В.Г. Миронов, который в качестве доцента был принят на кафедру истории СССР досоветского периода [Максимов, Семенова, 2000. С. 7]. Уже с 1977 г. он продолжил исследования в Хвальнском районе Саратовской области на поселениях эпохи поздней бронзы Горюши и Хмельное-IV, а в 1981 г. добился официального оформления НИАЛ СГУ в качестве ХНО (хозяйственно-научное образование) и возглавлял ее до 1984 г. В это время Е.К. Максимов уже отошел от активной полевой деятельности. В это время и до начала 1990-х гг. В.Г. Миронов возглавлял также Воскресенскую экспедицию СГУ и СОМК, проводившую силами студенческой практики раскопки городищ и курганов в зоне застройки дачных кооперативов у п. Чардым. На базе экспедиций В.Г. Миронова прошли стажировку С.И. Четвериков, Н.И. Шестов, К.Ю. Моржерин. Вскоре В.Г. Миронов стал заместителем председателя Саратовского областного отделения ВООПИК, что способствовало привлечению средств на охраняемые раскопки и проведению НИР по составлению археологической карты области.

Уже в начале 1980-х гг. в полевых исследованиях археологической лаборатории СГУ оформилось несколько основных направлений [Лопатин, 1994. С. 32]:

- 1) Составление археологической карты области;
- 2) Хоздоговорные исследования на новостройках;
- 3) Инициативные охранные исследования.

Расширению деятельности НИАЛ СГУ во многом способствовало утверждение Советом Министров СССР 16 сентября 1982 г. «Положения об охране и использовании памятников истории и культуры». В отношении памятников археологии, однако, Управление культуры Саратовского облисполкома не тронулось использовать открывшиеся возможности также как исполнять свои прямые обязанности: не заключались охранные обязательства на памятники археологии, охранные зоны вокруг них не устанавливались. По инициативе НИАЛ СГУ при облисполкоме была создана комиссия содействия охране памятников археологии [Малов, 1994, С. 45]. За время существования лаборатории по заданию областного Управления культуры и ВООПИК были составлены археологические карты большинства районов области. Наиболее активное участие в этих работах изначально принимали сотрудники НИАЛ СГУ С.Ю. Монахов, Н.М. Малов, В.А. Лопатин, В.Б. Воробьев, О.В. Кочерженко, затем – И.И. Дремов, А.И. Юдин, С.И. Четвериков, С.В. Ляхов, И.Д. Матюхин, В.В. Филипченко, Г.И. Касанкин, В.Н. Слонов (таблица 1).

Однако финансирование со стороны государственных органов охраны памятников оставалось мизерным, в связи с чем основные работы (в т. ч. по составлению археологической карты области) проводились за счет мелиоративного строительства [Каргин, 2008. С. 222–226]. Наибольший объем хоздоговорных новостроечных исследований выполнялся в Заволжье, где в это время велось масштабное строительство оросительных систем (далее – ОС). Эти работы позволили исследовать компактные группы памятников, что стало одним из наиболее перспективных направлений в отечественной археологии [Афанасьев, Александрова, 1987; Афанасьев, 1989; Смирнов, 2005]. В 1981 г. В.Г. Миронову удалось заключить первый договор с трестом Минводхоза «Саратовсовхозводстроем» на охранные исследования в зоне строительства Мурманской оросительной системы в Ровенском районе Саратовской области. В дальнейшем компактные группы памятников на оросительных системах изучались несколькими экспедициями.

Приволжская экспедиция под руководством Н.М. Малова на средства проектного института «Приволжгипроводхоз» и «Саратовсовхозводстроя» провела работы в зоне строительства Приволжской ОС (южный массив, I очередь) в Энгельском районе, Приветской ОС в Пугачевском районе и Карамышской ОС в Лысогорском районе. Им были исследованы разновременные подкурганные захоронения у с. Смеловка, Терновка и Яблоновка, а также поселение эпохи финальной бронзы Смеловка-I, ставшее эталонным памятником по проблеме для данного региона. О.В. Кочерженко и И.И. Дремов в рамках его экспедиции проводили преимущественно разведочные работы в Энгельском и Ровенском районах (таблица 1).

Экспедиция под руководством В.А. Лопатина на средства проектного института «Ленгипроводхоз» и «Саратовсовхозводстроя» вела раскопки поселений и курганных групп в зоне строительства Мурманской ОС в Ровенском, Приволжской ОС (северный массив) в Марксовском, Северо-Ершовской ОС в Пугачевском районах. Уникальны материалы исследованных им курганов у сел Бородаевка, Чапаевка, Караман, а также поселений эпохи поздней бронзы

Чапаевка и Преображенка (таблица 1). В зоне строительства Приволжской ОС (северный массив) у с. Бородаевка в Марксовском районе также работал В.Г. Миронов.

Г.Л. Якубовский и С.В. Ляхов по хоздоговору с «Саратовсовхозстрой» вели раскопки курганов у с. Узморье, Зауморье, Смеловка, Мирное в зоне строительства Приволжской ОС (южный массив, II очередь) в Энгельском и Ровенском районах (таблица 1).

Во 2-й половине 1980-х гг. С.И. Четвериков и А.И. Юдин проводили археологические разведки в зоне сооружения оросительных систем в Хвалынском, Вольском, Воскресенском, Балаковском, Пугачевском, Ивантеевском, Энгельском и Советском районах. А.И. Юдин на средства «Марксовхозстрой» раскопал компактные группы памятников в зоне строительства Комсомольской ОС (III очередь) в Федоровском и Марксовском районах (таблица 1). Он же исследовал ряд поселений в зоне Палласовской ОС на севере Волгоградской области.

Штат специалистов в лаборатории существенно увеличился, что позволяло на хоздоговорные средства закупать новое оборудование, проводить инициативные охранные исследования разрушающихся археологических памятников. Приоритет отдавался археологическим памятникам в береговой линии водохранилищ, в зоне земляных работ, городской и сельской застройки, в зоне интенсивной распашки и нивелировки полей под местные орошаемые участки. Таким образом, инициативные исследования НИАЛ СГУ в большинстве своем носили аварийно-спасательный характер. Среди археологических памятников, на которых проводились инициативные охранные раскопки, наиболее известны палеолитическая стоянка Непряхино, неолитическая стоянка Варфоломеевка, энеолитический грунтовый могильник Хлопков Бугор, поселение энеолита – средней бронзы Кумыска, поселения эпохи бронзы Новая Покровка и Вишневое, курганы у с. Усть-Курдом, Большая Дмитриевка, Белогорское (таблица 1).

О высоком статусе специалистов НИАЛ СГУ свидетельствует обширная география их исследований. С середины 1980-х гг. сотрудники лаборатории работали по приглашению во многих соседних регионах – Волгоградской, Астраханской, Пензенской, Ульяновской областях, Калмыцкой АССР и в Западном Казахстане (таблица 1; рис. 1). Впечатляет размах исследований в 1980-е гг. Исключительно благодаря деятельности НИАЛ СГУ, Саратовская область продолжала сохранять за собой лидерство по количеству выполняемых археологических работ в Нижнем Поволжье. К началу 1990-х гг. лаборатория за счет хозяйственных договоров и госбюджетных тем обеспечивала работой от 5 до 10 археологических экспедиций в год. Исследования продолжались в течение всего полевого сезона с ранней весны до поздней осени. Но, несмотря на активность НИАЛ СГУ, археологические памятники в области продолжали разрушаться, музеи из-за нехватки площадей не всегда принимали коллекции, часть которых осталась в хранилище лаборатории.

На протяжении 1980-х гг. НИАЛ СГУ испытывала серьезные трудности. С началом перестройки попытки упорядочить охрану памятников стали наталкиваться на противодействие местных властей в лице председателей колхозов и дачных кооперативов. Наиболее известны случаи несанкциониро-

ванной планировки земель кооперативами «Утес» и «Мелиоратор» вблизи Чардымских городищ и курганов в Воскресенском районе².

Остро стоял вопрос нехватки рабочих кадров для экспедиций. В штате лаборатории, помимо В.А. Лопатина, Н.М. Малова, В.Г. Миронова и С.Ю. Монахова, в разное время числились И.Р. Плеве, А.В. Гончаров, В.П. Тотфалушин, С.И. Четвериков, Г.Л. Якубовский, В.Б. Воробьев, С.В. Ляхов, И.И. Дремов, А.И. Юдин, А.Д. Матюхин, Ю.А. Африканов, А.П. Захариков, Г.И. Касанкин, В.В. Филипченко, О.В. Кочерженко (Фролкина), В.Н. Слонов, М.А. Изотова, О.В. Сергеева и др. Все они, кроме В.Г. Миронова и С.Ю. Монахова, работали в НИЧ СГУ и не являлись преподавателями исторического факультета. С.Ю. Монахов полевыми исследованиями в Саратовской области занимался не долго. Поскольку к его научным интересам относилось, в первую очередь, изучение античных городов Северного Причерноморья, в 1983 г. под руководством В.И. Каца он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Керамическая тара Херсонеса Таврического». После защиты он продолжал находиться в штате НИАЛ СГУ, но в полевых исследованиях на территории Саратовской области более участия не принимал.

В связи с нехваткой «остепененных» практикующих археологов сотрудники лаборатории не имели возможности вывозить студентов на исследуемые в зонах новостроек археологические памятники. Поэтому на добровольной хоздоговорной основе с 1981 г. активно привлекались специально созданные студенческие отряды «Археолог» и «Скиф» [Максимов, Миронов, 1989. С. 17]. Некоторые из этих студентов пополнили штат НИАЛ СГУ. Активно с помощью ОблДЭТС привлекались и школьники – члены археологических кружков области. На крупных археологических памятниках проводились областные слеты юных археологов, что позволяло не только выполнять значительный объем работ, но и делиться опытом с районными педагогами.

К началу 1990-х гг. хоздоговорные доходы позволили подготовить такие издания как «Археология Восточно-Европейской степи» (АВЕС), единственный региональный академический «Свод археологических источников» (САИ) под грифом ИИМК РАН, ряд сборников по итогам конференций. Несмотря на то, что многие материалы раскопок до сих пор не опубликованы, археологические отчеты составлены на высоком профессиональном уровне. В наши дни возможности издательской деятельности существенно расширились, что позволяет многим авторам публиковать старые материалы.

По сравнению с предшествующими периодами, профессионализм саратовских археологов существенно вырос, изменилось отношение к археологическим памятникам и коллекциям. Однако, естественнонаучные анализы, антропологические и палеозоологические определения проводились далеко не всегда. Приоритет традиционно отдавался статистике и типологии.

В связи с принятием в 1988 г. Президиумом АН СССР ряда постановлений предприятия и трудовые коллективы начали переводиться на самоокупаемость и хозрасчет, получили право выбирать себе партнеров. Таким образом, существенные изменения претерпела и экономическая модель организации археологических исследований. В 1989 г. НИАЛ СГУ получила

² См. отчеты В.Г. Миронова за 1985-1989 гг.

целевое финансирование по первой госбюджетной теме «Археологическое изучение Нижнего Поволжья», которая позволила экспедиции Н.М. Малова в 1989 г. работать не только в Саратовской, но и в Волгоградской области, а также в Калмыкии и Западном Казахстане. В дальнейшем по госбюджетным темам сотрудникам НИИАЛ СГУ удалось осуществить аварийно-спасательные исследования отдельных археологических памятников в зонах земельных работ, строительства автодорог, распахки, застройки и обрушения береговой линии водохранилищ (таблица 1).

Мелиоративные системы к этому времени оказались убыточными. Попытка обводнить засушливые степи обернулась подъемом грунтовых вод, засолением и заболачиванием земель. Таким образом, работы НИИАЛ СГУ на оросительных системах фактически прекратились.

Постепенно в сферу новостроечных экспедиций стали вовлекаться такие объекты как строящиеся дороги, жилые массивы и др. Однако взаимоотношения между застройщиками и органами охраны памятников в новых условиях не получили должного законодательного оформления, что вызывало существенные трудности. В.Г. Миронов в 1991 г. отмечал, что с 1981 г. рекомендации НИИАЛ СГУ по постановке обнаруженных памятников на госучет и госохрану в Воскресенском районе были неоднократно проигнорированы Управлением культуры, что привело к уничтожению практически каждого десятого из них [Архив ИА РАН, Р-1, № 16739; Архив ГУК НПЦ по ИКН, Дело № 76]. К этому времени городской и сельской застройкой продолжало уничтожаться множество ценнейших археологических памятников.

В 1990 г. по инициативе В.Г. Миронова и при участии Г.Л. Якубовского при Управлении культуры Саратовского облисполкома создается Дирекция охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры, руководителем которой вновь становится сам В.Г. Миронов [Малов, 1997. С. 249]. К этому времени в некоторых из соседних регионов такие учреждения уже существовали. Вскоре отдел археологии возглавил И.И. Дремов, а с 1994 г. – А.И. Юдин. Дирекция получила полномочия на основании договоров финансировать работы археологов. Однако ее статус уже в начале 1990-х гг. несколько раз менялся от хозрасчетной до государственной и наоборот [Малов, 1994. С. 46].

Первоначально отношения между НИИАЛ СГУ и Дирекцией складывались непросто. В 1991 г. проблемы организационного характера стали причиной недостаточного финансирования охранных исследований СГУ со стороны Дирекции. Однако в 1992 и 1993 гг. были выделены средства не только для завершения составления археологической карты области, но также на целый ряд охранных раскопочных работ и издание Свода памятников срубной культуры [Малов, 1994. С. 47]. Финансировались даже работы по составлению археологической карты нескольких районов Волгоградской области, проводившиеся экспедицией ВГПИ под руководством Н.Б. Скворцова [Архив ГУК НПЦ по ИКН, Д. №№ 5, 59]. В это же время по Саратовской области активно велись разведки с целью выявления археологических памятников в зонах приватизации земель (таблица 1). Для составления археологических карт районов впервые в нижневолжской археологической практике стали привлекаться планы землепользования, что было существенным достижением.

В начале 1990-х гг. хоздоговорные новостроечные раскопки сотрудника НИИАЛ СГУ еще велись на орошаемых участках совхозов, а также за счет строительных организаций в зонах городской и сельской застройки и трассах газопроводов, но их объем постепенно сокращался (таблица 1). Широко известны материалы курганных могильников Кочетное, Букатовка, Питерка, Сторожовка, поселений эпохи средней бронзы у с. Сосновка, эпохи поздней бронзы – Медведицкое и Трумбичское, многослойных поселений «Мартышкино» и Алмазово, Алексеевского городища, золотоордынского поселения и могильника Подгорное, мордовского Аткарского грунтового могильника.

Однако коренная перестройка государственных структур и законодательства привели к дестабилизации финансирования археологии. Резкий скачок инфляции в 1993 г. стал причиной заметного спада полевых археологических исследований в последующие годы. В этой ситуации дали о себе знать накопившиеся противоречия внутри разросшегося коллектива НИИАЛ СГУ. В качестве субподрядчиков, кроме Дирекции, в это время уже выступали малые предприятия, созданные внутри НИИАЛ СГУ по инициативе отдельных работников. Названия этих предприятий фигурируют в археологических отчетах: НПСТ «Архайос» (директор С.В. Ляхов, с 1992 г. – А.И. Юдин), МП «Фирма Клио» (директор С.Ю. Монахов), МП «Археология и культура» (директор В.А. Лопатин), а также ТОО НПП «Тетрарх» (А.И. Юдин). Между тем, некоторые сотрудники НИИАЛ СГУ начинали параллельно работать в Дирекции, которой для проведения согласований по проектам застройки требовались археологические карты районов, уже составленные в НИИАЛ СГУ. Именно в это время архив НИИАЛ СГУ рассредоточивается по разным научным учреждениям, а многие отчеты оказываются утрачены.

В ситуации нестабильности и децентрализации, когда социально-экономическая ситуация в стране менялась буквально на глазах, существовавшее законодательство уже не имело силы. Охрана археологического наследия осуществлялась на основании временных законодательных актов, принимаемых областными органами власти [Юдин, 1996. С. 5–6]. Ситуация еще более осложнялась, поскольку отсутствовал принцип выборности на руководящие посты в органах охраны. Таким образом, механизм согласования проектов строительства становился скрытым [Малов, 1994. С. 56–57]. В течение длительного периода Дирекция не заключала с землепользователями договоры об охранных обязательствах на памятники археологии, что, по сути, снимало юридическую ответственность, как с органов власти, так и с пользователей за разрушение древних памятников [Малов, 2004. С. 75].

В это время закономерно возникли проблемы с содержанием штата лаборатории. В первой половине 1990-х гг. 4 археолога СГУ, будучи соискателями ИА АН СССР, защитили кандидатские диссертации, посвященные разработке фундаментальных научных направлений – неолиту – бронзовому веку и использованию математических методов в археологии. В 1992 г. защитился Н.М. Малов, в 1995 г. – В.А. Лопатин, А.И. Юдин и В.Н. Слонов. Однако этот фактор уже не мог сыграть решающей роли в сохранении НИИАЛ СГУ в прежнем виде.

28 марта 1995 г. из-за отсутствия средств на проведение хоздоговорных полевых исследований был сокращен кадровый состав НИИАЛ при НИЧ СГУ.

Вместо НИИАЛ в целях совершенствования научно-исследовательской структуры и методики исследований по сохранению и изучению археологического наследия, повышения уровня научных разработок и профессиональной подготовки специалистов по охране и управлению культурно-историческим наследием, более широкого применения методов естественных наук в археологии был организован «Сектор археологии Нижнего Поволжья и Прикаспия СГУ и ИИМК РАН» [Малов, 1999. С. 34]. Сложившаяся ситуация в последующие годы при сохранении высокого научного потенциала саратовского археологического центра привела к его отставанию в деле охраны, исследования и использования археологического наследия.

Качество и масштабность археологических исследований всегда связаны с экономическим фактором. Периоды взлетов обеспечивали именно хоздоговорные новостроечные исследования, позволявшие на сэкономленные средства дополнительно вести инициативные охранные раскопки и разведки, закупать новейшее оборудование. Этот взлет приходится на время активизации мелиоративного строительства в Поволжье в 1970-е – 1980-е гг. и на период контролируемого частного строительства, начавшийся во время перестройки и завершившийся в 1993 г.

Определяющую роль здесь сыграли не только изменчивость социально-политических и экономических условий, но и динамика модели развития НИИАЛ СГУ как основной археологической организации в Саратовской области. При этом следует отметить существенную роль личных качеств ведущих научных специалистов, определявших стратегию. Несмотря на то, что период активизации мелиоративного строительства (начало 1970-х гг.) для саратовской археологической школы стал временем кризиса, благодаря помощи руководства исторического факультета СГУ и активной деятельности В.Г. Миронова стало возможным создание НИИАЛ при НИЧ СГУ. Работы этой организации в 1980-е гг. были сосредоточены на проведении хоздоговорных полевых исследований, что сказалось на специфике подготовки специалистов. С одной стороны, это были опытные практики, с другой – ученую степень получили немногие и лишь в кризисные 1990-е гг., когда сохранить лабораторию в прежнем виде уже не представлялось возможным.

Охраной археологического наследия сотрудники НИИАЛ СГУ занимались преимущественно путем увеличения объемов полевых исследований. При этом археологическая карта области была составлена лишь к середине 1990-х гг., когда ситуация в стране не позволяла осуществлять охранные мероприятия в полном масштабе. Между тем, накопленные археологические материалы в настоящее время позволяют археологам СГУ вести глубокие теоретические исследования, пользующиеся заслуженным авторитетом среди специалистов.

В 2004 г. при поддержке руководства исторического факультета СГУ археологическую лабораторию удалось возродить в новом качестве – как учебно-научную (УНАЛ СГУ) под руководством В.А. Лопатина. В 2009 г. УНАЛ СГУ была переименована в Лабораторию Нижневолжской археологии и вошла в состав Института археологии и культурного наследия СГУ, возглавляемого С.Ю. Монаховым. Несмотря на множество трудностей, на базе лаборатории проводится подготовка молодых специалистов-практиков, археологами СГУ ведутся полевые исследования, возобновлено издательство

научного сборника «АВЕС», ведется масштабная работа по созданию полной базы отчетов и публикаций об археологических исследованиях в области. Главной проблемой при этом продолжает оставаться отсутствие отработанной модели взаимодействия с органами охраны памятников.

Литература:

Афанасьев Г.Е., Александрова М.В. Некоторые вопросы организации охранных археологических исследований в зонах новостроек РСФСР // Методические основы охраны и использования памятников археологии. Сб. науч. тр. М., 1987.

Афанасьев Г.Е. Археологическая разведка на новостройках и пространственный анализ // КСИА. 1989. № 196.

Афанасьев Г.Е., Андреева М.В., Смирнов А.С. К концепции охранных археологических работ в Российской Федерации // КСИА. 1993. № 210.

Волков В.А. Археологическое изучение Балаковского района Саратовской области // Балаковская народная энциклопедия. Саратов, 2007.

Галкин Л.Л. Средневожская новостроечная экспедиция // 30 лет Отделу охранных раскопок: Труды отдела охранных раскопок. Тула, 2004. Т. 2.

Генинг В.Ф., Горишин П.А. Организация и опыт работ новостроечных экспедиций института археологии АН СССР // Археологические исследования в зонах мелиорации: итоги и перспективы их интенсификации. Л., 1985.

Каргин Ю.Ю. Кружок юных краеведов «Искатели» города Балаково (о малой археологии Нижнего Поволжья в 1970–1990 гг. XX в.) // АВЕС. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2007. Вып. 5.

Каргин Ю.Ю. Охранные исследования на объектах мелиоративного строительства в Саратовском Заволжье во 2-ой половине XX в. // Современные проблемы археологии России. Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III. М., 2008.

Каргин Ю.Ю. Становление и эволюция государственной концепции охраны, исследования и использования памятников археологии в советский период (1945–1991 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара, 2009. Т. 11, № 2 (28).

Лопатин В.А. Развитие археологической науки в Саратовском университете и проблема охраны памятников древнейшей истории Нижнего Поволжья // Матер. науч.-практич. конф. по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов, 1994.

Максимов Е.К., Миронов В.Г. Полевые исследования Саратовского университета в 1945–1984 гг. как продолжение рыковских традиций // АВЕС. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1989. Вып. 1.

Максимов Е.К., Семенова И.В. Слово о Валерии Григорьевиче Мионове // Поволжский край. Межвуз. сб. статей. Вып. 11: Проблемы истории и археологии Саратовского Поволжья. Саратов, 2000.

Малов Н.М. Некоторые итоги и проблемы охраны памятников археологии Саратовской области (к 15-ти летию археологической лаборатории СГУ) // Матер. науч.-практич. конф. по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов, 1994.

Малов Н.М. Памяти Валерия Григорьевича Миронова (1938–1996) // РА. 1997. № 4.

Малов Н.М. Поволжская региональная археология в Саратовском университете: страницы истории и персоналии // Саратовское Поволжье: История и современность. Матер. науч. конф. посвящ. 200-летию Саратовской губернии. Саратов. 18–19 сент. 1997 года. Саратов, 1999.

Малов Н.М. Изучение и использование археологического наследия Энгельсского района // Сообщения ЭКМ. Сб. науч. тр. Саратов, 2004. Вып. 6.

Малов Н.М. Археологические памятники Петровского района и их изучение // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008. Вып. 8.

Малов Н.М. Памяти Валерия Григорьевича Миронова (1938–1996) // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.

Смирнов А.С. Новостройки и археологическая наука // РА. 2005. № 1.

Сорокина И.А. Информационно-поисковая система «@Археология» и возможности ее использования для изучения полевых исследований в Волго-Уралье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VIII. Оренбург, 2007.

Сорокина И.А. Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула, 2008.

Черкасова Е.В. Саратовский археолог Юрий Владимирович Деревягин // АВЕС. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2007. Вып. 5.

Юдин А.И. Охрана и исследование памятников археологии в Саратовской области в 1995 году // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.

Публикации археологических исследований НИИАЛ СГУ:

Археологические открытия за 1978–1986, 1993–1995 гг.

Баринов Д.Г., Дремов И.И. Новые материалы по эпохе средней бронзы Саратовского Поволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Тез. докл. конф. 17–21 марта 1990 г. Куйбышев, 1990.

Дремов И.И. Погребение воина с джучидскими монетами // СА. 1985. № 4.

Дремов И.И., Кузнецова Л.В. Солёный овраг – первое палеолитическое местонахождение в Саратовском Поволжье // СА. 1986. № 2.

Дремов И.И. Белогорский грунтовый могильник катакомбной культуры // Первая Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. Краснодар, 1989.

Дремов И.И. Вишневое – поселение покровского времени в Саратове // АВЕС. Саратов, 1992. Вып. 3.

Дремов И.И., Юдин А.И. Древнейшие подкурганые захоронения степного Заволжья // РА. 1992. № 4.

Дремов И.И. Грунтовые могильники эпохи средней бронзы Белогорское-1, II // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.

Жемков А.И., Лопатин В.А. Курганы Малого Карамана (по материалам раскопок 1983 года) // АВЕС. Саратов, 2007. Вып. 5.

Жемков А.И., Лопатин В.А. Курганный могильник у с. Светлое Озеро в степном Заволжье // АВЕС. Саратов, 2008. Вып. 6.

Захариков А.П. Исследования палеолита в Саратовской области: нуклеусы и сколы Непряхино // Матер. науч.-практич. конф. по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов, 1994.

Захариков А.П. Стоянка Непряхино: орудия на отщепах // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.

Захариков А.П. Новые материалы с местонахождения Соленый Овраг // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2.

Захариков А.П. Многослойная стоянка Непряхино (предварительная публикация) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2.

Захариков А.П. Стоянка каменного века Непряхино в Саратовском Заволжье // ДВДС. Волгоград, 1998. Вып. 6.

Захариков А.П. Новые памятники каменного века у с. Непряхино // Поволжский край. Саратов, 2000. Вып. 11: Проблемы истории и археологии Саратовского Поволжья.

Изотова М.А. Стоянка раннего железного века у с. Куриловка // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.

Изотова М.А. Поселение эпохи поздней бронзы Макаровская речка // НАВ. Волгоград, 2006. Вып. 8.

Касанкин Г.И. Золотоордынское поселение у села Подгорное // Матер. науч.-практич. конф. по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов, 1994.

Касанкин Г.И. Жилище XIV в. на золотоордынском поселении у с. Подгорное // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2.

Касанкин Г.И. Русская керамика с поселения Подгорное золотоордынского времени // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Энгельс, 1997. ч. 1.

Ким М.Г., Кригер В.А., Малов Н.М. Новые погребения начального этапа эпохи поздней степной зоны Южного Приуралья // Всеобщая и отечественная история: актуальные проблемы. Саратов, 1993.

Кияшко А.В., Малов Н.М., Дьяченко А.Н. Новые данные по эпохе средней бронзы степного Заволжья // НАВ. Волгоград, 2002. Вып. 5.

Кочерженко О.В. Курганы эпохи поздней бронзы у пос. Сторожевка // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.

Лопатин В.А., Малов Н.М. Срубные погребения в подбоях на Еруслане // СА. 1988. № 1.

Лопатин В.А. Стоянка Озинки-II в Саратовском Заволжье // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989.

Лопатин В.А. Постройки срубных поселений степного Заволжья // АВЕС. Саратов, 1992. Вып. 3.

Лопатин В.А., Якубовский Г.Л. Погребения эпохи средней бронзы из курганов у села Усть-Курдюм // Археологические вести. Саратов, 1993. № 1.

Лопатин В.А. Охранные раскопки поселения в урочище Мартышкино // Матер. науч.-практич. конф. по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов, 1994.

Лопатин В.А. Построечные комплексы периода становления срубной культуры степного Волго-Уральского междуречья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.

Лопатин В.А. Исследование Смеловского грунтового могильника и поселения в урочище Мартышкино // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2.

Лопатин В.А. Срубные поселения степного Волго-Уралья. Саратов, 2002.

Ляхов С.В. Новые памятники эпохи ранней и средней бронзы у с. Новая Квасниковка // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев, 1990.

Ляхов С.В. Заволжские памятники эпохи поздней бронзы // ДВДС. Волгоград, 1992. Вып. 2.

Ляхов С.В. Новые золотоордынские погребения Саратовского Поволжья // АВЕС. Саратов, 1992. Вып. 3.

Ляхов С.В., Матюхин А.Д. Новые памятники эпох ранней и средней бронзы из курганов у сел Новая Квасниковка и Большая Дмитриевка // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992.

Ляхов С.В., Якубовский Л.В. Зауморский курганный могильник золотоордынского времени // Археологические вести. Саратов, 1993. № 1.

Ляхов С.В. Погребения эпохи поздней бронзы из Букатовских курганов // Срубная культурно-историческая область: Материалы III Рыковских чтений. Саратов, 1994.

Ляхов С.В. Уникальное погребение эпохи средней бронзы из кургана у пос. Сторожевка (предварительная публикация) // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.

Ляхов С.В. Новые кочевнические погребения и отдельные находки X-XI вв. Нижнего Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2.

Ляхов С.В., Мордвинцева В.И. Раннесарматское погребение у поселка Питерка Саратовской области // РА. 2000. № 3.

Малов Н.М. Энеолитический могильник на Хлопковом городище // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Оренбург, 1980.

Малов Н.М. Хлопковский могильник и его место в энеолите Поволжья (по материалам раскопок 1977-1978 гг.) // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982. Т. 263.

Малов Н.М. Некоторые итоги изучения поселений эпохи бронзы северных районов Нижнего Поволжья // Тез. докл. Всесоюзн. Науч. конф. «Достижения советской археологии» Ч. 1, Баку.-М., 1985.

Малов Н.М. Погребальные памятники покровского типа в Нижнем Поволжье АВЕС. Саратов, 1989. Вып. 1.

Малов Н.М. Погребения с булавами и втоками из Натальинского могильника // АВЕС. Саратов, 1991. Вып. 2.

Малов Н.М., Филипченко В.В. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические вести. СПб., 1995. Вып. 4.

Малов Н.М. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов, 2003. Вып. 5.

Малов Н.М. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // АВЕС. Саратов, 2007. Вып. 5.

Малов Н.М. Задано-Авилковский энеолитический могильник (по материалам раскопок И.В. Синецина) // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008. Вып. 8.

Малов Н.М. Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // АВЕС. Саратов, 2008. Вып. 6.

Матюхин А.Д., Ляхов С.В. Новое позднесарматское погребение в лесостепном Саратовском Правобережье // АВЕС. Саратов, 1991. Вып. 2.

Матюхин А.Д. Исследование курганов у с. Большая Дмитриевка // ДВДС. Волгоград, 1992. Вып. 2.

Матюхин А.Д. Новое позднесарматское катакомбное погребение из Саратовского Правобережья // ДВДС. Волгоград, 1993. Вып. 3.

Матюхин А.Д. Новые памятники раннего железного века из Саратовского Заволжья // Археологические вести. Саратов, 1993. № 1.

Матюхин А.Д. Курган-кенотаф раннего железного века в Саратовском Правобережье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.

Матюхин А.Д. Большедмитриевский могильник в системе сарматских древностей Волго-Донского междуречья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Энгельс, 1997. ч. 1.

Матюхин А.Д. Позднесарматские погребения из курганов у с. Большая Дмитриевка // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2.

Матюхин А.Д. Погребение с псаллиями из Саратовского правобережья // ДВДС. Волгоград, 1998. Вып. 6.

Миронов В.Г. Чардымские курганы эпохи бронзы // Задачи советской археологии в свете решений XXVII Съезда КПСС. Тез. докл. всесоюз. конф. М., 1987.

Миронов В.Г. Погребения покровского времени кургана № 9 у села Бородаевка // АВЕС. Саратов, 1991. Вып. 2.

Миронов В.Г. Предварительные итоги 10 лет работы Воскресенской археологической экспедиции СГУ (1983–1992 гг.) // Матер. науч.-практич. конф. по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов, 1994.

Миронов В.Г. Редкий тип жилища эпохи бронзы в Саратовском правобережье Волги // Поволжский край. Саратов, 2000. Вып. 11: Проблемы истории и археологии Саратовского Поволжья.

Монахов С.Ю. Погребение культуры многоваликовой керамики близ Саратова // СА. 1984. № 1.

Монахов С.Ю. Новые исследования грунтового Аткарского могильника // АВЕС. Саратов, 1991. Вып. 2.

Свод археологических источников. Вып. 1–10. Т. 1. Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье. Саратов, 1993.

Тименков Д.М. Два погребения катакомбной культуры из могильника Крутец // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Энгельс, 1997. Ч. 1.

Тименков Д.М. Погребения эпохи средней бронзы могильника Крутец // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2.

Тихонов В.В., Якубовский Г.Л. Новые памятники и отдельные находки киммерийского времени из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов, 1999. Вып. 3.

Филипченко В.В. Сарматское погребение в колоде у с. Каменка // ДВДС. Волгоград, 1992. Вып. 2.

Филипченко В.В. Погребения с керамикой вольского типа близ с. Белогорское // Всеобщая и отечественная история: актуальные проблемы. Саратов, 1993.

Филипченко В.В. Памятники эпохи средней бронзы близ села Белогорское // Краеведческие чтения. Доклады и сообщения IV–VI чтений. Саратов, 1994.

Юдин А.И. Новые энеолитические памятники на реке Большой Узень // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986.

Юдин А.И. Варфоломеевская неолитическая стоянка (Первые итоги исследования) // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988.

Юдин А.И., Лопатин В.А. Погребение мастера эпохи бронзы в степном Заволжье // СА. 1989. № 3.

Юдин А.И. Энеолитическое поселение Пшеничное на р. Торгун // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989.

Юдин А.И. Неолитические погребения Варфоломеевской стоянки // АВЕС, 1991. Вып. 2.

Юдин А.И. Срубные кенотафы у с. Кочетное // ДВДС. Волгоград, 1992. Вып. 2.

Юдин А.И. Погребения из курганов у с. Верхний Еруслан // ДВДС. Волгоград, 1993. Вып. 3.

Юдин А.И., Матюхин А.Д., Захариков А.П., Касанкин Г.И. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное и проблемы формирования срубной культуры Нижнего Поволжья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.

Юдин А.И. Раннесрубные погребения из курганов у с. Яблоня в степном Заволжье // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1997.

Юдин А.И. Сарматские погребения из курганов у с. Верхний Еруслан // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2.

Юдин А.И. Многослойное поселение Кумыска на р. Торгун // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов, 1999. Вып. 3.

Юдин А.И. Алексеевское городище в Саратове: итоги и перспективы исследования // Поволжский край. Саратов, 2000. Вып. 11: Проблемы истории и археологии Саратовского Поволжья.

Юдин А.И., Матюхин А.Д. Социальная структура раннесрубного общества по материалам могильников Кочетное и Золотая Гора // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6.

Юдин А.И., Матюхин А.Д. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. – Саратов, 2006.

Список сокращений к Таблице 1:

к.м. – курганный могильник
 к. – одиночный курган
 гр.м./пос. – многослойный памятник (грунтовый могильник и поселение)
 гор. – городище
 ст. – стоянка
 Р-1 – Рукописный Архив ИА РАН
Синицын И.В. – проведены работы без открытого листа
Синицын И.В. – проведены работы по открытому листу
 Максимов Е.К. – участник экспедиции
 к.м. Смеловка (3) – памятник исследован частично (раскопано 3 кургана)
гор. Танавское – памятник исследован полностью
 опубл. – материалы опубликованы
 част. опубл. – материалы частично опубликованы
 неопубл. – материалы не опубликованы

**Список археологических памятников,
 исследованных СГУ в Саратовской области в 1978–1995 гг. (к рис. 2):**

1 – пос./гор./гр.м. Алексеевка; 2 – пос. Алмазово-I, II; 3 – ст. Алтата; 4 – пос./гр.м. Андриановское (Лапки); 5 – к.м. Аряш-I, III; 6 – гр.м. Аткарский; 7 – к.м. Аткарский; 8 – гр. м. Белогорское-I, II; 9 – к.м. Белогорье-I, II, III; 10 – к.м. Березовка; 11 – гр.м. Болдыревка; 12 – к.м. Большая Дмитриевка-I, II, III; 13 – к. Бородаевка; 14 – к.м. Бородаевка-I (Боаро); 15 – к.м. Бородаевка-II (Калмыцкая гора); 16 – к. Букатовка; 17 – к.м. Букатовка-I; 18 – к.м. Букатовка-II; 19 – к.м. Быковка; 20 – ст. Варфоломеевка; 21 – к. «Вихляный овраг»; 22 – пос. Вишневое; 23 – пос. Владыкино-I; 24 – к.м. Вторая Расловка; 25 – к.м. Генеральское; 26 – к.м. «Горбатый мост»; 27 – пос. Горюши; 28 – к.м. Горюши; 29 – к.м. «Грязнуха»; 30 – к.м. Двоенка; 31 – пос. «Еланский ручей»; 32 – к. Зауморье; 33 – к.м. Зауморье; 34 – к.м. Золотая гора; 35 – ст. Изнаир; 36 – к.м. Изнаир-I, II, III; 37 – пос. Ильиновка-II; 38 – к.м. Каменка; 39 – пос. Канаевка; 40 – к.м. Караман; 41 – к.м. Кочетное; 42 – к. Красноармейское; 43 – к.м. Крутец; 44 – к.м. Кулатка; 45 – ст. Кушумская; 46 – к.м. Лопуховка; 47 – пос. Макаровская речка; 48 – пос. Малоиргизское-I; 49 – к.м. Малые Копены-I, II; 50 – пос./гр.м. «Мартышкино»; 51 – гр.м. Матвеевка; 52 – пос. Медведицкое-I; 53 – пос. Медяниково; 54 – к.м. Медяниково; 55 – к.м. Медяниково (юго-восток); 56 – к.м. Милорадовка; 57 – пос. Милорадовка-I; 58 – к.м. Мирное (Фриденберг); 59 – к.м. Мирный; 60 – пос. Мирный-II; 61 – к.м. Мурманское-I; 62 – гор. Натальино; 63 – к.м. Натальино-II; 64 – ст. Непряхино; 65 – пос. Нижняя Студенка-I; 66 – к.м. «Жареный бугор»; 67 – пос. Новая Покровка-I; 68 – пос. Новая Покровка-II; 69 – гр.м. Новопривольное; 70 – пос. Озинки-I; 71 – ст. Озинки-II; 72 – к. Орошае-

мый; 73 – к.м. Осин-Гай-I; 74 – к. Перевалка; 75 – к.м. Питерка; 76 – пос. Подгорное; 77 – к.м. Преображенка; 78 – пос. Преображенка-I; 79 – к.м. Радущинка-I; 80 – к.м. Рахмановка; 81 – к.м. Ровное; 82 – к. «Рунгаль»; 83 – к.м. Рыбушка-II; 84 – пос. Сады; 85 – к.м. Светлое Озеро; 86 – к.м. Свищевка; 87 – к.м. Селезниха; 88 – к.м. Симоновка; 89 – к.м. Синодское; 90 – к.м. Смеловка; 91 – пос. Смеловка-I; 92 – гр.м. Смеловка-II; 93 – гр.м. Солнечный; 94 – пос. Сосновка-I, II; 95 – к. «Стан»; 96 – к.м. Сторожовка-II; 97 – к.м. Суслы (Герцог); 98 – к. «СХИ»; 99 – Тарлык; 100 – к.м. Терновка; 101 – пос. Трумбичское; 102 – к.м. Узморье; 103 – к.м. Усть-Курдюм-I, II, III; 104 – пос. Усть-Курдюм; 105 – гр.м./гор. Хлопков Бугор; 106 – пос. Хмельное-IV; 107 – к.м. Чапаевка; 108 – пос. Чапаевка-II; 109 – пос. Чапаевка-III; 110 – к.м. Чардым; 111 – гор. Чардым-I, II, IV; 112 – к.м. Чиганак-I; 113 – к. Чкалово-I; 114 – к.м. Чкалово-II; 115 – к.м. Широкий Карамыш; 116 – гр.м./гор. Шумейка; 117 – к. Яблонька; 118 – к. Яблоня; 119 – к.м. Яблоня-I; 120 – к.м. Жареный бугор.

Археологические исследования СГУ (1978–1979 гг.)

Год	Исследователь	Район работ	Археологические работы	Археологич. культура	Объект	Источник финансов	О.Д. № / форма	Отчет: архив / опись / №	Хранение находок / опись	
1978	Малов Н.М., Лопатин В.А., Кудин А.И., Плеве И.Р., Гончаров А.В.	Львовский Саратовский (Воскресенский)	к. м. Шпротли Карамыш (1)	сруб.-погр., сарм. подлинковен.	местная ОС	ОблДЭС	120 / 4	Р-1 / № 6951, 6951а	СОМК / неопубл.	
			к. м. Медзаниково (2)	энеолит, сруб., городище, средневек.						
		Татищевский Атырский	разведки	-	-	-	-	-	-	-
			к. м. Малые Копыны-I (2) к. м. Малые Копыны-II (1)	-	-	Атырский городской отдел культуры	50 / 1	Р-1 / № 6928; СОМК / Оп. 3 / № 2; ГУК НПС / № 3	-	
Лопатин В.А.	Атырский	разведки	-	-	-	126 / 3	Р-1 / № 7320;	СОМК / неопубл.		
		разведки	-	-	НПЦ СГУ	539 / 3	Р-1 / № 7024; ГУК НПС / № 3	СОМК / неопубл.		
1979	Малов Н.М.	Атырский Марсовский Балаковский	к. м. Натальино-II (11)	сруб.-погр.	Приволжская (Балаковская) АЭС	дирекция Приволжской (Балаковской) АЭС	47 / 4	Р-1 / № 7576; СОМК / Оп. 3 / № 6	СОМК / неопубл.	
			к. м. Медзаниково (2)	ям., катакомб., сруб.	местная ОС					
		Саратовский (Воскресенский)	к. м. Медзаниково (2)	сруб.	ям., катакомб., сруб.	ВОЛС	-	-	СОМК / неопубл.	
			гр. м / гор. Хлопков Бугор	энеолит, сруб., городище.	энеолит, сруб., городище.	ВОЛС	-	-	СОМК / неопубл.	
Монхов С.Ю., Лопатин В.А.	Балаковский	гор. Натальино (142 кв. м)	городище.	Приволжская (Балаковская) АЭС	дирекция Приволжской (Балаковской) АЭС	75 / 4	Р-1 / № 7529 СОМК / Оп. 3 / № 6	СОМК / част. опубл.		
		к. м. Атырский (2) к. м. «Жареный бугор» (1)	катакомб., сруб., яма	застройка автодрога						
		гр. м. Атырский	разведки	могилы	застройка	Строительные организации	Р-1 / № 7530	Атырский краев. музей / част. опубл.		
		пос. Озинки-I	разведки	сруб.	застройка	СГУ	Р-1 / № 7952	СОМК / неопубл.		
Лопатин В.А., Максимов Е.К., Дребов И.И., Кудин А.И., Якубовский Г.Л.	Самойловский	к. м. Герюши (3)	-	-	-	СОМК	-	СОМК / неопубл.		
		к. м. Герюши (3)	-	-	-	-	Р-1 / № 7870; ГУК НПС / № 26 СОМК / Оп. 3 / № 3	- / неопубл.		

Археологические исследования СТУ (1980–1981 гг.)

Год	Исследователь	Район работ	Археологические работы	Археол. культура	Объект	Источник финансирования	О.Л. №/форма	Отчет: №/дата / опись / №	Хранение находок / опись									
1980	Малод Н.М. Тортулович В.П. Гражданов Ю.Д. Попова Н.Е. Хуяков Д.С. Ким М.Г. Хреков А.А. Черасова Е.В. Монахов С.Ю. Дюков В.А.	Балковский	к.м. Натальино-П (6) р.м. Матвеевский р.м. Соленский к.м. Мезининское (1) пос. Мезининское (112 кв. м) пос. Еланский ручей (60 кв. м) р.м. Атаевский к.м. Атаевский (1) к.м. «Жареный бугор» п.м. Огняки-П ст. Огняки-П (506 кв. м) пос. Мезининское (3) пос. Мезининское (276 кв. м) пос. Еланский ручей (170 кв. м) пос. Сидра (160 кв. м)	сруб.-погр. энеолит сруб. кв. каменный сруб. золотоор. морзя сруб. каменный сруб. дрв.	Приокская (Балковская) АЭС местная ОС Военпропуское вдр. завроща автотрасса	дирекция Приокской (Балковской) АЭС Одд.ДЛТС	365 / 4 СОМК / Оп. 3 / № 6	Р-1 / № 7807- СОМК / Оп. 3 / № 6	СОМК / опубл. СОМК / част. опубл. СОМК / част. опубл. СОМК / неопубл. СОМК / неопубл. СОМК / неопубл.									
										Дюков Н.И. Дюков В.А.	Энгельский Огняки	развалины	энеолит	Военпропуское вдр. завроща	НИЧ СТУ НИЧ СТУ	554 / 3 301 / 4	Р-1 / № 8824 Р-1 / № 8055, 8055аг СОМК / Оп. 3 / № 5	УНАЛ СТУ АН СТУ / опубл.
										Дюков В.А. Дюков Н.И.	Равенский	развалины	сруб., сарм., подземочени. энеолит, энеолит сруб., сарм.	Мурановская ОС местная ОС	НИЧ СТУ Саратовскововад- строй	206 / 2 205 / 4	Р-1 / № 8487, УНАЛ СТУ Р-1 / № 8419	СОМК / опубл.
										Монахов С.Ю.	Балковский	развалины р.м. Рядное	сруб. морзя	-	НИЧ СТУ, ВООПИК	554 / 3	Р-1 / № 8648	УНАЛ СТУ / неопубл.
										Милонов В.Г. Метриков Морзкин К.Ю.	Халынский Босоресенский	развалины	энеолит, сруб.	-	СТУ, СОМК СТУ			

Археологические исследования СГУ (1982 г.)

Год	Исследователь	Обл. / Район	Археологические работы	Археол. культуры	Объект	Источник финансов	ОЛ, № / форма	Очёрк, упр., / опись / №	Хранение находок / опубл.								
1982	Маатов Н.М., Кочерженко О.В., Плеве И.Р., Лопатин В.А., Юдин А.И., (Обл. слёт)	Саратов. обл. / Энгельский Ровенский Вольский	разведки; к. Яблоновка пос. Новая Подрова-II (280 кв. м) пос. Новая Подрова-I (260 кв. м)	сруб., ржав сруб. сруб.	Приволжская ОС (железный массив), I очередь	Саратовсковожвод- строй СГУ	228 / I	Р-1 / № 9252; СОМК / Оп. 3 / № 12 Р-1 / № 9089	СОМК, УНАЛ СГУ / неопубл.								
										Кочерженко О.В.	Энгельский Ровенский	разведки	Приволжская ОС (железный массив), I очередь	Саратовсковожвод- строй	117 / 3	Р-1 / № 9154	СОМК, АМ СГУ / опубл.
	Марковский	разведки; к. Бороздаева к.м. Бороздаева-II («Кальманова гора») (2)	сруб., сруб.-погр., сарм.	Приволжская ОС (север. массив)	Саратовсковожвод- строй	597 / 4	Р-1 / № 9108	СОМК, УНАЛ СГУ, АМ СГУ / опубл.									
									Кабининский Ново-Бурский	разведки; к.м. Симоновка-3 (2) разведки; к.м. Ариш-1 (2) к.м. Ариш-3 (1)	ям., катакомб., сруб., сруб.-погр.	Кабининский районсполом и Кабининский краен. музей	178 / I	Р-1 / № 9039; ГУК НИИ / № 33, 33а	СОМК / неопубл.		
	Воробырь В.Б., Лопатин В.А.	Базарно- Карабулакский Балтайский	сруб., сруб.-погр., сарм.	Управ. к-ры Саратовского облсполома	260 / 4	Р-1 / № 9196; ГУК НИИ / № 33, 72	УНАЛ СГУ / неопубл.										
								Юдин А.И., Лопатин В.А., Миронов В.Г.	Волгоград. обл. / Старо-Полтавский Саратов. обл. / Вольский Марковский	катакомб., сруб., сарм.	НИЧ СГУ	120 / 4	Р-1 / № 9497	СОМК / опубл.			
	разведки	застройка	274 / 4	СОМК / неопубл.													
						разведки	Приволжская ОС (север. массив)		275 / 2	Р-1 / № 10050	СОМК / неопубл.						

Археологические исследования СТУ (1983–1984 г.)

Год	Исследователь	Район	Археологические работы	Археологич. группы	Объект	Источник финансирования	О.Л. № / форма	Отчет: упр. / опись / №	Хранение находок / оубл.							
1983	Матов Н.М. Максимо Е.К. Кочержанко О.В. Долгачев В.А.	Энгельский	пос. Снеговая-1	сруб., сирм., позднековен.	Приволжская ОС (южный массив), I очередь	Саратовсковозвод-строй	279 / 4	Р-1 / № 10501	ЭКМ / оубл.							
			пос. Треховка (4)				367 / 2									
			развалины				486 / 4									
			к.м. Чинаева (6) пос. Чинаева-П. к.м. Карман (3). к.м. Орловский к.м. «Учитель» (1)		Приволжская ОС (север. массив)	Лентприволокос										
	Монахов С.Ю.	Перовский	развалки. пос. Мезенниково-с1 (240 кв.м)	сруб.	-	Упра. к-ры Саратовского облисполкома, ВООПИК	572 / 2 632 / 1	Р-1 / 10274	СОМК / оубл.							
	Воробыль В.В.	Советский	Калининский Александров-1-йский	развалины	-		487 / 3	Р-1 / № 9999, ТУК НИЦ / № 1, 71	УНАЛ СТУ / оубл.							
Калининский							к.м. Симанова (2)									
	Юлин А.И.	Воскресенский	к.м. Студенова (1)	сруб.	застройка (жилой массив)	НИЧ СТУ	645 / 4	Р-1 / № 9749	? / оубл.							
	Дрезов И.И. Миронов В.Г.	Воскресенский	пос. Вышнее гор. Бардац-П (200 кв.м)	сруб.-погр. городен.	застройка застройка	ОблДЭТС СТУ	537 / 4	Р-1 / № 9951 Р-1 / № 10602, 10603	СОМК / оубл. СОМК / оубл.							
										164 / 4						
1984	Матов Н.М. Долгачев В.А.	Саратов. обл. / Энгельский	пос. Снеговая-1 (700 кв.м)	жм., сруб., позднековен.	Приволжская ОС (южный массив), I очередь	Саратовсковозвод-строй	89 / 4	Р-1 / № 970, УНАЛ СТУ	УНАЛ СТУ / ЭКМ / оубл.							
			к.м. Узорье (2)				93 / 4									
			пос. Овинки-1 (406 кв.м)													
	Юлин А.И. Воробыль В.В.	Александров-Татиский	Ровенский	развалки. к.м. Тардам	застройка. сруб.	Упра. к-ры Пенз. облисполкома	91 / 2	Р-1 / № 9701	СОМК / оубл.							
	Давыдовский Г.Д. Кочержанко О.В.	Саратовский	пос. Усть-Курдюк (36 кв.м)	сруб.	земляные работы	НИЧ СТУ СТУ	95 / 3	Р-1 / № 10372	СОМК / оубл.							
							94 / 4									
	Дрезов И.И. Баринцов Д.Г. Миронов В.Г. Морехин К.Ю.	Саратов	пос. Вышнее к.с.ХДВ	сруб.-погр. городен. сруб.-погр.	застройка пруд	ОблДЭТС СТУ	593 / 1	Р-1 / № 9427, ЭКМ	СОМК / оубл.							
			пос. Бардац-П (125 кв.м)				435 / 4			Р-1 / № 10337, 10601	СОМК / оубл.					
			к.м. Елшанка (1)		застройка (двум)											

Археологические исследования СГУ (1985 г.)

Год	Исследователь	Район	Археологические работы	Археол. культуры	Объект	Источник финансов	ОЛ. № / форма	Отчет: учр. оплс. / №	Хранение находок / опубл.
1985	Мялов Н.М. Изотова М.А. (Обл. слес)	Энгельский Воскресенский	пос. Смоленка-1 (860 кв.м) к. Старинское	сруб. сруб.-погр., срм.	Приволжская ОС (ожный массив), 1 очередь	Саратовсковолов- строй	109/1	P-1 / № 10743	СОМК / опубл.
			гр.м./гор. Хлопков Бугор 130 кв.м)	энсолит, сруб., городец.	ВОЛС	НИЧ СГУ			
	Дрячков И.И. Барынов Д.Г.	Энгельский	разведки		Приволжская ОС (ожный массив), 1 очередь	Саратовсковолов- строй	181 / 2		СОМК / опубл.
		г. Саратов г. Энгельс	пос. Вышнее (32 кв.м) к. Выхляный овраг	сруб.-погр. ям., срм., подземкотени.	застройка карьер	НИЧ СГУ	182 / 4	P-1 / № 10157; ЭКМ	
	Лопатин В.А.	Пугачевский	разведки, пос. Преображенка-1 (332 кв.м) к.м. Преображенка (1)	сруб.	Северо-Ершовская ОС	Ленгипроводхоз	110 / 4	P-1 / № 10783; СОМК / Оп. 3 / № 22	УНАЛ СГУ / опубл.
	Воробьева В.Е.	Новоузенский	разведки		-	Управ. к-ры Саратовского облсплокома	317 / 2	ГУК НИЦ / № 109	УНАЛ СГУ / неопубл.
	Яхубовский Г.Д.	Саратовский	к.м. Усть-Курдюм-2 (1)	сруб., срм., подземкотени.	земляные работы	НИЧ СГУ	241 / 4	P-1 / № 11041	СОМК / опубл.
	Юдин А.И. Лопатин В.А.	Волгоград, обл.: Паллаоский	разведки, пос. Кумыска (144 кв.м)	энсолит, катакомб.	Паллаоская ОС	НИЧ СГУ	178 / 2 680 / 4	P-1 / № 11040	СОМК / опубл.
	Лихов С.В.	Пензенская обл.: Кольшайский	разведки		-	Управ. к-ры Пенз. облсплокома		P-1 / № 11010 P-1 / № 10228	Пенз. краев. музей / част. опубл.
	Миронов В.Г. Моржарин К.Ю.	Саратовский Хвалынский Воскресенский	разведки гор. Чарльям-П (285 кв.м) гор. Чарльям-IV (160 кв.м)	сруб., городец., салт.-мянц.	застройка (дачи)	СГУ и СОМК	316 / 4	P-1 / № 10729, 10730	СОМК / неопубл.
	Шестов Н.И.		разведки		-		112 / 4	P-1 / № 11137	

Археологические исследования СТУ (1986 г.)

Год	Исследователь	Район	Археологические работы	Археологич. культур	Объект	Источник финансирования	Ол. № / форма	Отчет: учр. / № опубл. / №	Хранение находок / опубл.								
1986	Малов Н.М. Четвериков С.И. Юдин А.И. Дреков И.И. Ляков С.В.	Саратовская обл. / Валковский Навигевский Путяевский	разведк. к.м. Себенника (1)	сруб.	Приветская ОС	Приволжнпро- волхоз	43 / 4	Р-1 / № 11511	СОНК / неопубл.								
										Воскресенский	г.м./гор. Хлопок Бугур (112 кв. м)	энеолит, сруб., городец.	Волгоград. вдкр.	НИЧ СТУ	45 / 2	Р-1 / № 11671	СОНК / опубл.
	Четвериков С.И. Малов Н.М.	Саратов. / обл. Валковский Навигевский Путяевский	разведки	каменный срм. золотоорд.	Приветская ОС	Приволжнпро- волхоз	42 / 2	Р-1 / № 11321, 11322; СОНК / Оп. 3 / № 23; УНАЛ СТУ; ГЭК НИИ / № 21	СОНК / неопубл.								
	Давыдов В.А. Кочерженко О.В. Касянин Г.И.	Путяевский	разведк. пос. Преображенка-1 (1050 кв.м)	сруб., позднековен.	Северо- Ершовская ОС	Лентипровоколхоз	301 / 4	Р-1 / № 11726	УНАЛ СТУ / опубл.								
	Валковский Г.Д. Лопати В.А. Юдин А.И. Ляков С.В. Ляков С.В.	Калининский	к.м. Преображенка-1 (2) к.м. Радужинка-1 (3)	сруб., сарай.	-	личное средства	302 / 4	Р-1 / № 11788	СОНК / неопубл.								
	Юдин А.И. Малов Н.М. Ляков С.В.	Питерский Краснокутский	разведки	-	-	?	303 / 2	Р-1 / № 11682, 11682с, УНАЛ СТУ	СОНК / неопубл.								
										Астрахань обл. / Ахтубинский Харьбинский	разведки	-	НИАЛ СТУ, АГОИАНБ	150 / 2	Р-1 / № 11682, 11682а	СОНК / неопубл.	
																	Волгоград, обл. / Старо-Полтавский Палковский
	Дреков И.И. Барinov Д.Г.	Саратов. обл. / Ревельский Ново-Бурасский	г.м.Новополюе (160 кв.м) к.м. Арши (1) к.м. Чардым-2 К.Чардым-4	энеолит, катанов. яв. сруб., сарм. яв.	Волгоград. вдкр.	Облэсжот. ЭКМ	720 / 4 606 / 1	Р-1 / № 11263; ЭКМ	СОНК / опубл. ЭКМ / опубл.								
Миронов В.Г. Моржарин К.Ю.	Воскресенский	гор. Чардым-2 К.Чардым-4	сруб., городец.	застройка	СТУ и СОНК	392 / 4	Р-1 / № 11661, 11669	СОНК / неопубл.									

Археологические исследования СГУ (1987 г.)

Год	Исследователь	Обл. / Район	Археологические работы	Археологич. культуры	Объект	Источник финансирования	ОЛ, № / форма	Отчёт: Учр. / оп. / №	Хранение находок / опись / опубл.
1987	Малов Н.М., Червяков С.И., Лопатин В.А., Якубовский Г.Д.	Саратов обл. / Лысогорский Энгельсский	к.м. «Горбачий мост» (5) пос. Смеловка-1 (136 кв. м) разведки; пос. Чеслоково-1 разведки	сруб-погр., сарм. сруб.	Карамышская ОС	Приволжгипро- воздох ОблСЮТ	215 / 4	Р-1 / № 121747	СОМК / неопубл. СОМК / неопубл. УНАЛ СГУ / неопубл.
		Зап. Казахстан / Уральская обл. / Зеленовский	разведки	сруб.	Карамышская ОС	Приволжгипро- воздох	347 / 2	Р-1 / № 12174; СОМК / Оп. 3 / № 37	СОМК / неопубл.
		Красноярский Саратовский	разведки	сруб.	Северо- Ершовская ОС застройка (двух)	Саратовсковожд- строй НИЧ СГУ	353 / 4	Р-1 / 17034; СОМК / Оп. 3 / № 29	УНАЛ СГУ / опубл. СОМК / опубл.
	Лопатин В.А.	Пугачёвский	пос. Преображенка-1 (256 кв. м)	сруб.	Саратовсковожд- строй	НИЧ СГУ	216 / 2	Р-1 / № 12632; ГУК НИЦ / № 29	СОМК / неопубл.
		Ровенский Марковский Энгельсский	к.м. Усть-Курдюк-1 (5) к.м. Усть-Курдюк-П (4) разведки	сруб., сарм., подпескотени.	Приволжская ОС (ожилой массив), 2 очереди	Управление в-ры Саратовского облспецкома	810 / 4 118 / 2	Р-1 / № 12583 Р-1 / № 14447	СОМК / неопубл. СОМК / неопубл.
	Якубовский Г.Д., Лопатин В.А.	Советский	к.м. Советское	катакомб., сруб., сарм.	Приволжская ОС	Саратовсковожд- строй	119 / 4	Р-1 / № 12324	СОМК / опубл.
		Энгельсский	к.м. Узморье (2) к. Красноармейское к.м. Смеловка (3) пос. Подгорное	золотоорд., ям., катакомб., сарм.	Терешкинская ОС	НИЧ СГУ	349 / 2		
	Юдин А.И., Дремов И.И., Фоминев А.Ю.	Халынский Вольский Воскресенский	разведки		местная ОС	Приволжгипро- воздох	811 / 2	Р-1 / № 12319	СОМК / неопубл.
		Советский Энгельсский	разведки						
		Новоузенский Энгельсский Саратовский	ст. Варфоломеевка разведки	неолит	Варфоломеев влвр.	НИЧ СГУ	350 / 4 798 / 3	Р-1 / № 12308 Р-1 / № 12099; СОМК / Оп. 2 / № 28	СОМК / опубл. СОМК / неопубл.
	Митюхин А.Д.	Ровенский	гр.м. Новоприольное (200 кв. м)	сруб.	Волгоград. влвр.	ОблСЮТ и ЭКМ	351 / 4	Р-1 / № 11926	ЭКМ / опубл.
		Красноярский	гр.м. Белогорское	катакомб.					
Дремов И.И.	Марковский	Бородавка-1 (Боваро) (4)	сруб.	местная ОС	ВООПИК и Управление в-ры Саратовского облспецкома	352 / 4	Р-1 / № 12301; СОМК / Оп. 1 / № 1975	СОМК / част. опубл.	
	Саратовский	к.м. Чардым-1 (0,8)	сруб.-погр.	застройка (двух)		678 / 4	Р-1 / № 12302	СОМК / неопубл.	

Археологические исследования СТУ (1988 г.)

Год	Исследователь	Обл. / Район	Археологические работы	Археология, культура	Объект	Источники финансирования	ОЛ № / форма	Отчет: упр. / опись / №	Хранение находок / опись
1988	Малов Н.М.	Зем. Кавказстан / Зрапская обл. / Зеленовский	пос. Ченокова-1	сруб.	-	НИЧ СТУ	форма	ЭКМ-УНАЛ СТУ	СОМК / опись
			ст. Кузнецово-1	сруб., сарм. энеолит	Сваро-Ершовская ОС	Саратовсковолов-строй	377 / 1	Р-1 / № 12763; УНАЛ СТУ	УНАЛ СТУ / опись
	Лопатин В.А.	Саратов. обл. / Пугачевский	пос. Преображенка-1	сруб.	-	НИЧ СТУ			
			к.м. Светло-Саро (3)	ял. погр., сруб., сарм. позднекопан.	-	НИЧ СТУ			
	Четвериков С.И.	Ласкорский Саратовский	развалины		Караманская ОС, 3 очередь	Приволжтиприволж	546 / 3	Р-1 / 12958	СОМК / опись
			г. Энгельс	сруб.	засройка	личные средства	545 / 4		
	Ковин А.И. Четвериков С.И. Африканов Ю.А. Тихонов В.В.	Федоровский Марковский Новоузенский	к. Чалово-1		Кокмоловская ОС, 3 очередь	Марксовоэвол-строй	736 / 4	Р-1 / № 12745; ГУК НИИ / № 28	СОМК / опись
			к. Яблова	сруб.					
			к.м. Деревяшка	сруб., сарм.	Варфоломеевское влхр.	НИЧ СТУ			
	Явобаянский Г.Д. Рагущин А.П.	Ревельский	к.м. Мирный (3)	ял., каменоб., сруб., сарм., салт.-слав. золотоорд.		Саратовсковолов-строй	737 / 4	Р-1 / № 12766 № 36	СОМК / опись
к.м. Зурморе (6)			сруб., сарм., салт.-слав. золотоорд.	Приволжская ОС (южный массив), 2 очередь					
Дерцов Н.Д. Филиппенко В.В. Семенов Д.П. Бариев Д.Г.	Ревельский	пос. Новопривольное			Энгельский Дом пионеров	378 / 4		ЭКМ / опись	
		г.м. Белогорское							
Духов С.В.	Краснокутский Питерский	развалины			Управление к-ры Саратовского облисполкома	547 / 2	Р-1 / № 12717; ГУК НИИ / № 110; УНАЛ СТУ	СОМК / опись	
		г.м. Белогорское-II				380 / 2	Р-1 / № 13203		
Матюхин А.Д.	Краснокутский Ласкорский	развалины		развалины		379 / 4		СОМК / опись	
Миронов В.Г. Моржари К.Ю. Шестов Н.И.	Воскресенский	к.м. Большая				713 / 4	Р-1 / № 12866; 12867	СОМК / опись	
		к.м. Чардым-1 (0,2) к.м. Чардым-II (2) к.м. Чардым-IV (2)	сруб.-погр.	засройка (даци)	СТУ				

Археологические исследования СГУ (1989 г.)

Год	Исследователи	Обл./Район	Археологические работы	Археологич. культуры	Объект	Источник финансов	Од. № / форма	Отчёт: упр. / опис. / №	Хранение находок / опубл.
1989	Малов Н.М., Лопатин В.А., Слонов В.Н., Сергеев О.В.	Дергачёвский	ст. Алтата (100 кв.м)	энеолит	застройка (водовод)	СГУ (госбюджет. тем)	840 / 4	Р-1 / № 13669	СОМК / опубл.
		Саратовский	к.м. Вторая Расловка (2)	сруб., средневек.	застройка		237 / 4		
		Волгоград обл./ Иловинский	пос. Репин Хутор гр.м. Зап.-Алтайский (32 кв.м)	энеолит	-	СОМК / опубл.			
		Калмыцкая АССР/ Яшкульский	разведки	-	238 / 2		СОМК / опубл.		
	Донатин В.А., Малов Н.М., Якубовский Г.Л., Сергеев О.В.	Запад. Казахстан / Уральская обл./ Зеленовский	ст. Кузнецово-1 к.м. Кузнецово к.м. Первомайское	сруб. полт., сарм., поднекочан. ряв. поднекочан.	-	СГУ (госбюджет. тем)	236 / 4 235 / 1	Р-1 / № 14766; СОМК / Оп. 3 / № 47	УНАЛ СГУ / опубл.
		Духовицкий	пос. Малооргизское-1 (64 кв.м)	сруб.	Саратовское вдур.		СОМК / опубл.		
		Озинский	к.м. Светлое Озеро (7)	ям., полт., сруб., сарм., поднекочан.	-	СОМК / опубл.			
		Саратовский	к.м. Рыбушка-II (14)	каткомб., сруб., сарм., средневек.	свалка		841 / 4	Р-1 / № 13716	СОМК / опубл.
	Четвериков С.И.	Советский	к.м. Суслы (Г ериор) (5)	сруб., сарм.	распашка	НИЧ СГУ	468 / 3	Р-1 / № 14089	-
		Фёдоровский	разведки	-	-				
Дергачёвский Пугачёвский		разведки	палеолит	водовод Б. Ужён- Б. Чалыка	НИЧ СГУ Приволжприводхоз	142 / 2	Р-1 / № 13780; ГУК НИЦ / № 22	СОМК / опубл.	
Озинский		ст. Непрякино	неолит	землине работы		141 / 4			Р-1 / № 13657; СОМК / Оп. 3 / № 43
Ляхов С.В., Африканов Ю.А., Якубовский Г.Л., Матвеев А.Д., Филиппенко В.В.	Новоузенский	ст. Варфоломеевка	неолит	Варфоломеевское вдур.	НИЧ СГУ	200 / 4	Р-1 / № 14309, 14310	СОМК / опубл.	
	Энгельский	разведки: к.м. Зуморье (8) к. Зуморье	поднекочан. РЖВ	Приволжская ОС (ожный массив), 2 очередь					Саратовская овод- строй
	Волгоград обл./ Староболтаевский	к.м. Новая Квасникова- II (2) к.м. Новая Квасникова-I (5)	сруб., сарм. полт., сруб., сарм., поднекочан.	автоторота	НИЧ СГУ				
	Советский Воскресенский	к.м. Грязнуля (2) к.м. Синдовское (1)	РЖВ, поднекочан.	-		НИЧ СГУ			

Археологические исследования СТУ (1989 (продолжение) – 1990 гг.)

Год	Исследователь	Район	Археологические работы	Археолотч. нумеруры	Объект	Источник финансирования	О.Л. № / форма	Отчет: учр. / № / №	Хранение находок / опись / №
1989	Матюхин А.Д.	Федоровский	развалки		-	НИИ СТУ	844 / 3	P-1 / № 14631	СОНК /
		Саратовский	к.м. Быкова (5)	сруб., сар., позднекопчен.	застройка		411 / 3	P-1 / № 14548	СОНК /
		Лысогорский	к.м. Дюбенка		распашка		469 / 4	P-1 / № 14185;	СОНК /
			к.м. Большая Дмитриевка (3)				№ 42	СОНК / Оп. 3 /	опубл.
	Касяшин Г.И.	Красноармейский	развалки		-		915 / 4	P-1 / № 14612	СОНК /
			развалки						Аткарский краев. музей / опубл.
			п.м. Аткарский (89 кв. м)	морзя	земляные работы				
	Фролкина О.В. (Кочерженко) Истова М.А. Истова М.А.	Ртищевский	к.м. Изнар-1 (2)	сруб., сруб.-пещр., позднекопчен.	распашка	СТУ и СОНК	232 / 4	P-1 / № 14088	СОНК /
			к.м. Изнар-II (1)				233 / 3	P-1 / № 14510; СОНК / Оп. 3 / № 46;	СОНК /
			к.м. Изнар-III (1) развалки					ГУК НИИ / № 25а	СОНК /
1990	Миронов В.Г. Дреков И.И. Барынов Д.Г. Семенов И.В.	Энгельский	гор. / п.м. Шумелка	сруб., зотооорд., сруб., городец., залооорд.	застройка (дичи)	средства И.В. Семенов	234 / 4	P-1 / № 14828;	ЭКМ /
			п.м. Генеральское		распашка			ЭКМ / опубл.	
			гор. Чардам-IV		застройка (дичи)				
			к.м. Чардам-1 (1)						
	Маялов Н.М. Слонов В.Н. Сергеев О.В.	Волжский	пос. Новая Иорговка-I (400 кв.м)	сруб.	-	СТУ (подолжск. тем)	705 / 4	P-1 / № 14948	СОНК /
			ст. Алгата (170 кв.м)						неопубл.
			пос. Трубицкое		энелит				СОНК /
	Лопатин В.А.	Энгельский	пос. Трубицкое	сруб.	застройка (жидой мисси)	Энгельское промзод.-пром.-спроит. общед. НИИ СТУ	?	?	СОНК /
									ЭКМ / опубл.
	Цетвериков С.Д.	Саратовский	к.м. Рыбушка-II (3) к.м.Стань	каталок, сруб.	распашка земляные работы		399 / 4	P-1 / № 14900	СОНК /

Археологические исследования СГУ (1990 г. (продолжение))

Год	Исследователь	Район	Археологические работы	Археол. культуры	Объект	Источник финансов	Од. № / форма	Отчёт: учр. / № опись / №	Хранение находок / оубл.
1990	Юдин А.И., Дремов И.И., Захариков А.П., Фирсов А.Б.	Ровенский	к.м. Кочетное (9)	сруб.-покр., сруб., сарм., позднекопан.	Орошаемый участок «Дружба»	Саратовскохозвод-строй	461 / 4	Р-1 / № 14869	СОМК / оубл.
		Новоузенский Озинский	ст. Варфоломеяка ст. Непрякино	неолит палеолит	Варфолом. вазр. земляные работы	НИИЛ СГУ		Р-1 / № 14956, СОМК / Оп. 2 / № 56	СОМК / оубл.
	<u>Африканов Ю.А.</u>	Аткарский	гр.м. Аткарский	мордва	земляные работы	НИЧ СГУ	816 / 4	Р-1 / № 15543	Аткарский краев. музей / оубл.
	Ляхов С.В., Матюхин А.Д., Касанкин Г.И., Филиппенко В.В., Захариков А.П., Моисев О.В.	Воскресенский	разведки к.м. Букатова-1 (3) к. Букатова к.м. Букатова-П (4) к.м. Мединского ЮВ (3)	сруб., ржав	Орошаемый участок «Букатовский»	Саратовскохозвод-строй	817 / 4	Р-1 / № 15745	СОМК / оубл.
		Дергайёвский Лысогорский	разведки к.м. Большая Дмитриева (1) к.м. Большая Дмитриева-П (3)	- сарм. ям. каткомб., сруб., сарм., позднекопан.	- - автодорога	НИЧ СГУ	395 / 3 396 / 4	Р-1 / № 15701	СОМК / оубл.
		г. Саратов	разведки гр.м. Болдырева	золотоорд.	Пионерлагерь «Ульяново»	совхоз «Теплинный» Управление в-ры Саратовского облисполкома	394 / 4 393 / 3	Р-1 / № 14951; УНАЛ СГУ Р-1 / № 15786	УНАЛ СГУ / неопubl. УНАЛ СГУ / неопubl.
	Касанкин Г.И., Четвериков С.И., Африканов Ю.А., Матюхин А.Д., Захариков А.П.	Ершовский	разведки		-		397 / 3		УНАЛ СГУ / неопubl.
		Красноармейский	разведки к.м. Каменка (1) к.м. Чиганак-1 (1)	сарм. каткомб.	автодорога распашка	НИЧ СГУ	398 / 4 627 / 4	Р-1 / № 15667 Р-1 / № 15410	УНАЛ СГУ / оубл. СОМК / неопubl.
	Филоклина О.В. (Колерженко), Богова М.А., Фролина О.В., Слонов В.Н.	Ртищевский	пос. Макаровская речка	сруб.-покр.		СГУ (госбюджет. тем.)	896 / 4	Р-1 / № 15878; СОМК / Оп. 3 / № 52	СОМК / оубл.
			пос. Владыкино-1 ст. Изнаур	сруб.	земляные работы		628 / 2	СОМК / неопubl.	

Археологические исследования СТУ (1991 г.)

Год	Исследователь	Район	Археологические работы	Археол. кувалды	Объект	Источники фиников	О.Л. №Форм	Отчет: учр./ опись / №	Хранение находок / опубл.	
1991	Мадон Н.М., Кочержко О.В., Слонов В.Н., Сергеев О.В.	Петровский	пос. Мезвещинское-1 (220 кв. м)	фр.б.	приватизация, застройка (двух)	СТУ (госбюджет. тема)	590 / 4	Р-1 / № 16738	ЭКМ / СОМК / неопубл.	
					застройка (жилой массив)					Энгельское производ.-пром.- строит. объект
	Долгин В.А., Слонов В.Н., Кочержко О.В., Изотова М.А., Сергеев О.В.	Энгельский	пос. Трубышское					303 / 1	ГУК НИИ / № 122	ЭКМ / неопубл.
	Дьяков С.Р.	Аткарский	г.м. Аткарский	развалки	ям. полт., фр.б., серм., подземелье, морзя	земляные работы	НИЧ СТУ	286 / 4	Р-1 / № 16724	Аткарский краев. музей/ опубл.
	Каскина Г.И., Чеварика С.И., Африканов Ю.А., Филингено В.В.	Энгельский	пос. Подгорное (1054 кв.м)	золотопрд.	застройка (двух)	ГКО «Продмонтаж» г. Энгельска	582 / 4	Р-1 / № 17396, 17397; ЭКМ	ЭКМ / опубл.	
										Матюхин А.Д., Калин А.И., Захариков А.П.
	Кочержко О.В., Слонов В.Н.	Энгельский	развалки			автостоянка г. Саратов – с. Усть-Курдюк	И.А. АН СССР	860 / 3	Р-1 / № 16833	СОМК / неопубл.
Слонов В.Н., Кочержко О.В., Изотова М.А., Долгин В.А.	Канинский	развалки				И.А. АН СССР	250 / 3	Р-1 / № 16579; УНАЛ СТУ	СОМК / неопубл.	
										Батаповский

Археологические исследования СГУ (1992 г.)

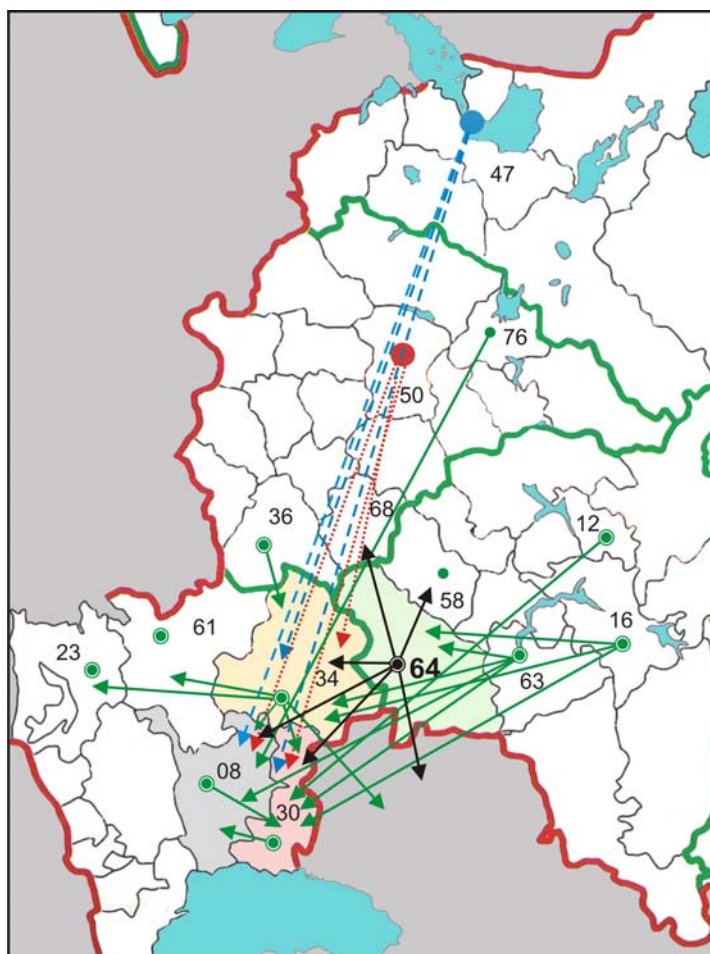
Год	Исследователь	Район	Археологические работы	Археологии, культуры	Объект	Источник финансирования	О.Л. №/Формы	Отчет: упр./опись/№	Хранилище находок/опубл.	
1992	Малов Н.М.	Красноармейский	пос. Сосновка-II	катакомб, сруб.	Волеград. вадр.	СГУ (госбюджет. тем)	401/4	Р-1/№ 17524	СОМК / опубл.	
										пос. Мартышкино (80 кв.м)
	Юдин А.И., Матюхин А.Д., Захариков А.П., Касанкин Г.И.	Озинский	к.м. Светлое Озеро (5)	сруб., сарм. подлинковен.	-	-	-	632/2	Р-1/№ 17632; ГУК НПСЦ / № 11	-
	Четвериков С.И., Филиченко В.В., Афанасьев Ю.А., Духов С.В.	Лысогорский Калининский	развалки	развалки	приватизация земель	приватизация земель	Обл. Дирекция охраны, реставр. и исполз. пам. ист. и к-ры	204/2	Р-1/№ 17556	УНАЛ СГУ
	Кочерженко О.В., Слонов В.Н., Кисель И.А.	Саратовский	гор./ гр.м. Алексеевка (80 кв.м)	сруб., ХХВК, РЖВ, золотоорд.	застройка (мяжк)	застройка (мяжк)	-	203/4	Р-1/№ 18734; ГУК НПСЦ / № 42	СОМК / опубл.
	Кочерженко О.В., Гветова М.А.	Балашовский	пос. Алмазово-I	сруб., сруб.-погр., ХХВК, городец.	эрозия	эрозия	Личные средства	95/4	Р-1/№ 17446	СОМК / опубл.
	Сергеева О.В., Филиченко В.В., Бабенко А.В.	Пугачевский	к.м. Рахмановка (1)	сруб.	автоторога г.Саратов-г.Перелюб	автоторога г.Саратов-г.Перелюб	СГУ (госбюджет. тем)	650/4	Р-1/№ 17482; УНАЛ СГУ	ЭКМ / опубл.
	Матюхин А.И., Юдин А.И., Касанкин Г.И., Захариков А.П.	Лысогорский	к.м. Большая Дмитриевка-I (1) к.м. Золотая гора (6)	сруб., сарм.	распашка	распашка	Обл. Дирекция охраны, реставр. и исполз. пам. ист. и к-ры	631/4	Р-1/№ 17586; ГУК НПСЦ / № 108	СОМК / опубл.

Археологические исследования СТУ (1993 г.)

Год	Исследователи	Район	Археологические работы	Археологич. материалы	Объект	Источники финансирования	О.Д. №фр. №	Отчет: учр. / № оплс. / №	Хранение находок / опубл.	
1993	Малов Н.М., Африканов Ю.А., Сергеев О.В., Филиппенко В.В.	Хвалынский	разработки	катаномб., сруб.	Волгоград. вилр.	СТУ (госбюджет. тема)	330 / 2	ГЭК НИИ / № 34	ЭКМ / неопубл.	
							329 / 4	Р-1 / № 17862		
							83 / 4	Р-1 / № 19331	СОМК / неопубл.	
	Дьяков С.Я., Лопатин В.А., Тихонов В.В., Якубовский Г.Л.	Истринский	к.м. Питровка (1)	сруб., сарм.	орощ. участок	«Юг-Гранитгаз»	Саратовская-воинск. строй	675 / 4		СОМК / част. опубл.
	Лопатин В.А., Нелтова М.А., Кочерженко О.В., Дьяков С.В.	Красноярцевский	пос. Марьямино (140 кв. м)	разработки	катаномб., сруб., ХХВК, золоторд.	Волгоград. вилр.		322 / 1	?	УНАИ СТУ / част. опубл.
	Юдин А.И., Матюхина Ю.А., Касянов Г.И., Захариков А.П.	Новоузенский	ст. Варфоломеевка	разработки	неолит	Варфолом. вилр.	Обл. Деревинск. охрана, реставр. и экспозиц. пам. ист. и к-ры	88 / 4	ГЭК НИИ / № 16	СОМК / опубл.
								87 / 2	Р-1 / № 17719	
								423 / 4	ГЭК НИИ / № 16	
Захариков А.П., Матюхина А.Д., Касянов Г.И., Захариков А.П.	Ивантеевский	разработки	сруб., сарм.	расшишка			429 / 3	Р-1 / № 18425	СОМК / опубл.	
							430 / 4	Р-1 / № 18017;		
								ГЭК НИИ / № 16		
Четвериков С.И.	Красноярцевский	пос. Белогорье	п.м. Нижняя Студенка-1	срубниск.			327 / 4	-	УНАИ СТУ / неопубл.	
Касянов Г.И.	Энгельсский	пос. Подгорное (64 кв. м)	разработки	золоторд.	застройка		328 / 3	ГЭК НИИ / № 74	-	
							86 / 4		?	
Адрианов Ю.А., Филиппенко В.В., Сидоров В.И.	Пугачевский	разработки	разработки				85 / 3	ГЭК НИИ / № 21	?	
							332 / 2	ГЭК НИИ / № 26,	- / неопубл.	
							323 / 2	Р-1 / № 18777;	- / неопубл.	
Кочерженко О.В., Сидоров В.И., Киселев И.А.	Турковский	разработки	сруб., ХХВК, Р.ЖБ, золоторд.				324 / 4	ГЭК НИИ / № 32	СОМК / част. опубл.	
								Р-1 / № 18734;		
								ГЭК НИИ / № 41	СОМК / неопубл.	
Сидоров В.И., Кочерженко О.В., Сидоров В.И., Киселев И.А.	Саратовский	гор. / п.м. Алексеевка	разработки							
Сидоров В.И., Кочерженко О.В., Сидоров В.И., Киселев И.А.	Ртищевский	к.м. Саницавка	разработки							

Археологические исследования в Саратовской области (1993 (продолжение) – 1995 гг.)

Год	Исследователь	Район	Археологические работы	Археологич. культуры	Объект	Источник финансирования	О.Д. № / форма	Отчёт: учр. / № опис. / №	Хранение находок / опубл. ЭМК / неопубл.
1993	Филиппенко В.В., Сергеев О.В., Африканов Ю.А., Сергеев О.В., Филиппенко В.В., Африканов Ю.А.	Красноармейский	пос. / гр.м. Андриановское (Липки) (128 кв.м)	катакомб., р.жв	Волгоград. вхр.		334 / 4	Р-1 / № 17795	ЭМК / неопубл.
		Татищевский	пос. Ильяновка-II (60 кв.м)	сруб.	руд	Обл. Дирекция охраны, реставр. и исползн. пам. ист. и к-ры	331 / 4	Р-1 / № 18463	ЭМК / неопубл.
		Армавирский	развалин	сруб., сруб.-дохр., ХХВК, городец.	-		326 / 3	Р-1 / № 18472; ГУК НПЦ / № 2	СОМК / неопубл.
		Балашовский	пос. Алмазово-II	сруб.	-		325 / 4	Р-1 / № 18471	СОМК / неопубл.
1994	Малов Н.М., Миронов В.Г., Лопатин В.А., Изюгова М.А., Кончерженко О.В., Ляков С.В.	Красноармейский	пос. Сосновка-I	сруб.	Волгоград. вхр.	СТУ (госбюджет. тема)	335 / 4	Р-1 / № 18640	УНАЛ СТУ / неопубл.
		Красноармейский	пос. Мартышино (360 кв.м)	катакомб., сруб., ХХВК, золотоорд.	Волгоград. вхр.	СТУ (госбюджет. тема)	161 / 4	Р-1 / № 20466; СОМК / Оп. 1 / № 1293; ГУК НПЦ / № 376	УНАЛ СТУ / част. опубл.
		Армавирский	к.м. Крутец (4)	ям, катакомб., р.жв	распашка		37 / 4		СОМК / опубл.
		Саратовский	гр.м. «Сомбайн» гор. / гр.м. Алексеевка	золотоорд.	застройка (коттедж)	Обл. Дирекция охраны, реставр. и исползн. пам. ист. и к-ры	617 / 4	Р-1 / № 18669; ГУК НПЦ / № 39, 40	СОМК / част. опубл.
1995	Изюгова М.А., Лопатин В.А., Хоркин Д.А., Малов Н.М., Четвериков С.И., Сергеев О.В., Лопатин В.А., Кончерженко О.В., Мягохин А.Д., Мягохин А.Д., Касякин Г.И., Захаряков А.П., Юдин А.И., Дремов И.И., Тихонов В.В.	Лысогорский	к.м. Белогорье-III (1)	сваромат.	распашка		214 / 4		СОМК / част. опубл.
		Балашовский	пос. Алмазово-II	ХХВК, среднепек.	эрози	Личные средства	162 / 4	Р-1 / № 18406	СОМК / част. опубл.
		Энгельский	пос. Смеловка-I (470 кв.м) к.м. Смеловка (2)	сруб.	газопровод, застройка	СТУ, Брокергазинвест	348 / 4	Р-1 / № 19723	СОМК / неопубл.
		Красноармейский	пос. Мартышино	ям, сруб., катакомб., сруб., ХХВК, золотоорд.	Волгоград. вхр.	Обл. Дирекция охраны, реставр. и исползн. пам. ист. и к-ры	?	ГУК НПЦ / № 54	ЭМК / част. опубл.
	Кончерженко О.В., Изюгова М.А., Мягохин А.Д., Касякин Г.И., Захаряков А.П., Юдин А.И., Дремов И.И., Тихонов В.В.	Энгельский	гр.м. Смеловка-II	сруб.	застройка	АООТ «Стройнефть»	668 / 4	Р-1 / № 18229	СОМК / опубл.
		Татищевский	к.м. Сторожовка (3)	ям, сруб.					

● - Археологические центры
 → - Направления исследований

08 - Республика Калмыкия	50 - Московская область
12 - Республика Марий Эл	58 - Пензенская область
16 - Республика Татарстан	61 - Ростовская область
23 - Краснодарский край	63 - Самарская область
30 - Астраханская область	64 - Саратовская область
34 - Волгоградская область	68 - Тамбовская область
36 - Воронежская область	76 - Ярославская область
47 - Ленинградская область	

Рис. 1. Полевые археологические исследования в Нижнем Поволжье 1978-1995 гг. (по методике И.А. Сорокиной)

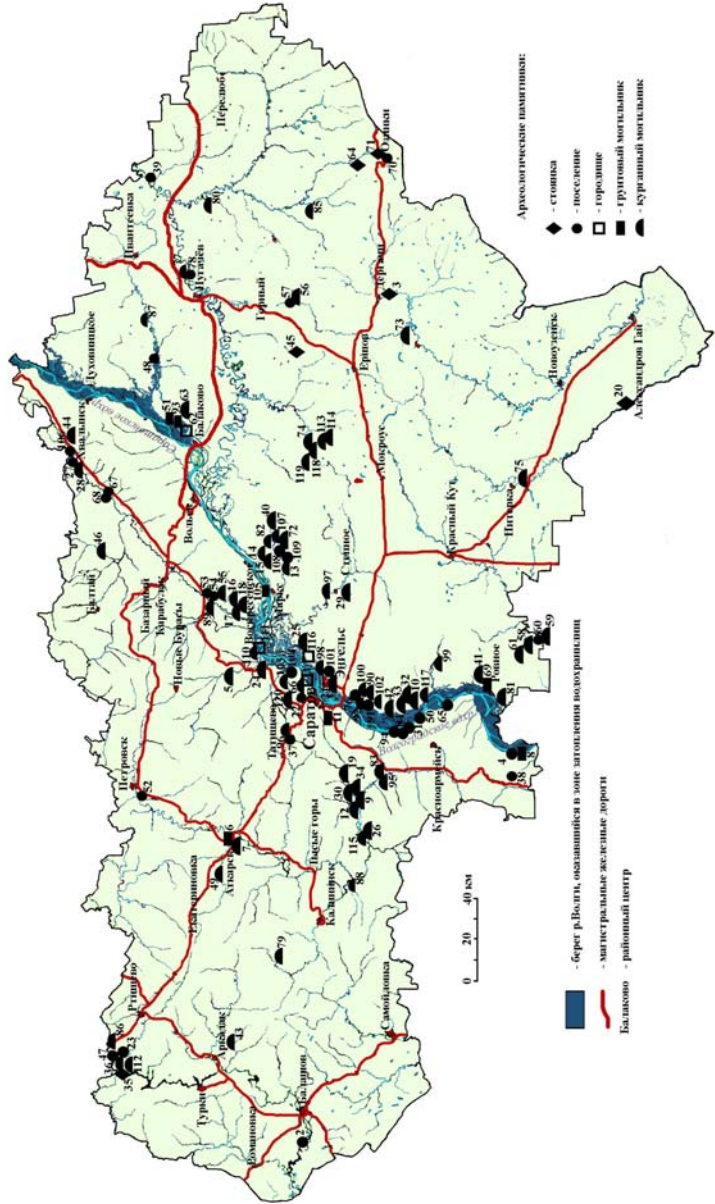

Рис. 2. Полевые археологические исследования СГУ в Саратовской области (1978–1995 гг.).

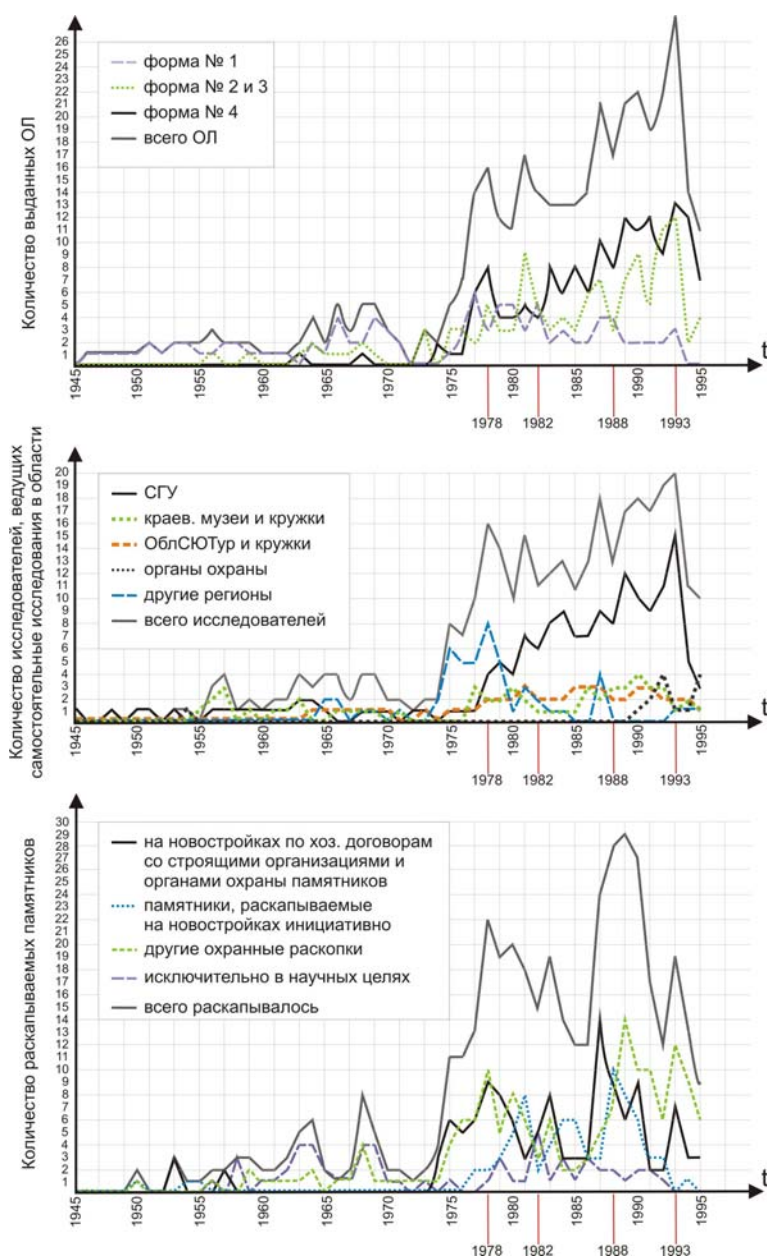

Рис. 3. Полевые археологические исследования в Саратовской области (1945–1995 гг.)

Малышев А.Б.

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ХВАЛЫНСКОГО РАЙОНА:
ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ И ИССЛЕДОВАНИЙ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАЗВЕДОК 2002 ГОДА)**

В июле 2002 г. отряд археологической экспедиции Саратовского государственного университета проводил разведочные исследования в Хвалынском районе Саратовской области (рис. 1). Финансирование и выполнение работ осуществлялось в рамках учебной археологической практики студентов исторического факультета. Основными задачами разведок были: выявление новых археологических объектов, проверка состояния известных памятников и уточнение археологической карты района [Малышев, 2006].

Хвалынский район расположен на севере правобережья Саратовской области, которое занято Приволжской возвышенностью и входит в лесостепную зону. Это образование известно как «Хвалыньские горы», которые резко и круто возвышаются на 200–250 м. Реки, протекающие по территории района: Терешка и Терса относятся к бассейну Волги. Общая протяженность Хвалыньских гор вдоль Волги составляет около 30 км. Здесь есть высокие лесистые сопки и гребни, меловые купола и глубокие ущелья. На плато находятся пологие конусообразные бугры и неглубокие замкнутые котловины, иногда с небольшими озерцами, заросшие лесом ущелья с ручьями на дне. Почти весь правый берег Волги характеризуется глубокими ущельями, балками и оврагами с текущими по ним ручьями и оползнями. Хвалынский район – одно из самых крупных их скоплений. Причинами оползней являются: водоносные горизонты, размыв и подтопление берега Саратовским водохранилищем; эрозионная деятельность рек, потоков, выветривание горных пород, морозные воздействия и т. п. Наиболее сложная овражно-балочная сеть наблюдается в северной части района.

Природно-географическая обстановка Хвалынского района отличается определенной спецификой, создающей как существенные трудности при проведении разведок на пересеченной местности, так и некоторые условия, облегчающие выявление памятников и их фиксацию на карте. Оползневый берег, сложные овражно-балочные системы, часто заросшие лесом или густым труднопроходимым кустарником, наличие осыпей и завалов из крупных каменных глыб на полосе прибоя заметно затрудняют и тормозят продвижение пеших разведгрупп вдоль берега водохранилища – как по террасам, так и по

бечевнику. В северной части района побережье Волги характеризуется почти полным отсутствием грунтовых дорог в прибрежной зоне, отсутствием населенных пунктов, значительным удалением от удобных автодорог. Высокая скорость изменения очертаний береговой полосы вследствие разрушения берега водами водохранилища (до 3 м в год) и отсутствие существовавших раньше населенных пунктов (служивших привязками и ориентирами) осложняют поиски уже известных памятников при соотнесении карт прошлых разведок с реальными объектами на местности. Однако, в данных условиях, поиски разрушенных или разрушающихся памятников «облегчаются» наличием в полосе приборья большого количества подъемного материала.

За более чем полутора вековую историю изучения в Хвалынском районе были исследованы многие уникальные археологические памятники, ставшие опорными при реконструкции культурно-исторических процессов и для периодизации древней истории Нижнего Поволжья и Восточной Европы в целом.

Интерес к археологическим памятникам района возник еще в середине XIX века, когда между селами Акатная Маза и Поселок были найдены две «каменные бабы» и обследовано городище на «Лысой горе» у с. Алексеевка [Малов, 1993б. С. 9]. Более интенсивно археологические памятники в Саратовской губернии стали выявляться и исследоваться с конца XIX в. представителями Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК). В это время начались работы по созданию археологической карты губернии, а в Хвалынском уезде уже было известно 76 археологических памятников [Кротков, 1912. С. 155–170].

Наиболее важный вклад в выявление и изучение памятников археологии Хвалынского уезда до 1917 г. внесли М. А. Радищев, В. Ф. Орехов и другие представители СУАК [Радищев, 1914а. С. 149–155; Радищев, 1914б. С. 156–159; Радищев, 1914в. С. 159–175; Радищев, Орехов, Щеглов, 1914. С. 149–156; Радищев, 1916. С. 30–45; Орехов, 1916. С. 37–43; Зайковский, 1913. С. 202–215]. Материалы собранные ими послужили основой для создания Хвалынского краеведческого музея (ХКМ) в 1918 г. [Степанов, 1959. С. 50] К сожалению, материалы многих исследований большей частью остались неопубликованными.

В 1922–1923 гг. отдельные участки района обследовались П. С. Рыковым, который внес существенные коррективы в интерпретацию памятников раннего железного века [Рыков, 1923. С. 3–19; Рыков, 1924; Рыков, 1936]. В 1920-х гг. на волжских островах Вороньем и Хорошевском были обнаружены: фрагмент черепного свода и другие человеческие кости [Павлова, 1933. С. 169]. Данные костные останки интерпретировались исследователями по-разному: как переходная форма от неандертальской стадии к современной (Г. Вейнерт), датировались эпохой палеолита [Рогинский, Левин, 1955. С. 308], или от позднемустерского до скелетрейского периодов [Бадер, 1940. С. 77], относились к современному человеку с некоторыми неандерталоидными формами [Гремяцкий, 1952. С. 205–206] или к палеоантропу (неандертальцу) позднеашельской или раннемустерской эпох [Ископаемый Homo. 2008. С. 10–18, 33–41]. В настоящее время эти островные местонахождения полностью затоплены Саратовским водохранилищем.

В 1945 г. район обследовался И.В. Синициным, а в 1956 г. он проводил здесь охранные раскопки в зоне затопления Саратовской ГЭС [Синицын, 1956].

Вопрос о необходимости исследования памятников севернее г. Балаково в связи со строительством ГЭС в 1965 г. поднял Ю.В. Деревягин [Деревягин, 1965]. В 1960–90-е гг. постоянные обследования археологических памятников Хвалынского района проводили В.Г. Миронов [Миронов, 1970а. С. 157–158; Миронов, 1970б. С. 67–83; Миронов, 1971. С. 237–239; Миронов, Непочатых, 1978. С. 186–187; Миронов, 1978. С. 59–60; Миронов, 1979. С. 90; Миронов, 1980. С. 158; Миронов, 1983. С. 163–164; Миронов, 1987. С. 194–195; Миронов, Петрова, 1987. С. 196; Миронов, 1989. С. 106–122; Малов, 1993б. С. 12] и В.А. Непочатых [Непочатых, 1975. С. 256–260; Непочатых, 1976а. С. 56–57; Непочатых, 1976б. С. 188–189; Непочатых, 1978. С. 61–62; Непочатых, 1989]. Они изучали многие известные памятники, выявили десятки новых, обследовали разрушающиеся объекты по береговой полосе в зоне водохранилища. В.Г. Миронов проявлял особый интерес к исследованию памятников городищской культуры. В 1970–1980-е гг. охраняемые раскопки по берегу Саратовского водохранилища ежегодно проводились отрядами Средневолжской археологической экспедиции Куйбышевского (Самарского) государственного пединститута и государственного университета под общим руководством И.Б. Васильева (С.А. Агапов, В.И. Пестрикова, В.А. Непочатых, А.П. Ватазина (Семенова), Ю.Э. Петров, Н.И. Попова). Часть уникальных археологических памятников удалось спасти или зафиксировать. Были раскопаны энеолитические хвалыньские грунтовые могильники, могильник «Липовый Овраг», несколько грунтовых могильников срубной культуры, поселение мастеров-металургов эпохи поздней бронзы около с. Старая Яблонка и другие [Васильев, 1975; Пестрикова, 1975; Агапов, Васильев, Обьденнов, Жигулина, Непочатых, Скарбовенко, Иванов, Калининченко, Матвеева, 1975. С. 133–135; Ватазина, 1976; Васильев, Непочатых, Пестрикова, 1976. С. 163–164; Васильев, Пестрикова, 1976. С. 47–48; Васильев, Ватазина, Миронов, Пестрикова, 1977. С. 132–133; Агапов, Васильев, Пестрикова, 1977; Васильев, Непочатых, 1977а. С. 28–33; Васильев, Непочатых, 1977б. С. 66–76; Семенова, 1978; Агапов, Ватазина, Пестрикова, 1978. С. 450–451; Агапов, Васильев, Пестрикова, 1978; Агапов, Васильев, Пестрикова, 1979. С. 150–151; Васильев, 1980. С. 136–137; Васильев, 1985. С. 3–19; Агапов, Иванов, 1989, 133–143; Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990].

В 1970–1990-е гг. отдельные участки района обследовались Н.М. Маловым [Малов, 1975], В.А. Лопатиным [Лопатин, 1979], С.И. Четвериковым [Четвериков, 1980; Четвериков, 1981], А.И. Юдиным и другими исследователями [Монахов, Дремов, Ляхов, Фомичев, Юдин, 1989]. В работе Куйбышевской экспедиции активное участие принимал Балаковский кружок юных археологов под руководством Н.И. Поповой [Каргин, 2007. С. 288–290]. В 1993 г., в процессе работы над археологической картой района, экспедициями под руководством Н.М. Малова и А.И. Ракушина проводилось его сплошное обследование [Малов, 1993а; Ракушин, 1993]. В результате было выяснено состояние известных памятников, а также выявлены новые. В отчетах отмечалось, что водохранилище продолжает интенсивно размывать побережье и разрушать археологические памятники, многие из которых на тот момент были уже разрушены и безвозвратно потеряны, так как охранных раскопок в зоне строительства Саратовской ГЭС археологами не производилось. По результатам этих разведок, а также с использованием архивных материалов Н.М. Маловым была подготовлена «Археологическая карта Хва-

лынского района», по которой числится 252 археологических памятника [Малов, 1993б].

В 1997–1998 гг. археологические разведки в Хвалынском районе проводил А.П. Захариков. Им было обследовано побережье водохранилища, а также берега р. Новояблонки. В отчете отмечалась высокая степень разрушения многих известных памятников [Захариков, 1999]. В 2006 г. масштабные раскопки курганов в зоне расширения железной дороги проводились под руководством А.И. Юдина, Ю.А. Африканова, Р.А. Мимохода и Ю.А. Зеленева. В том числе, был исследован известный «Золотой курган», через центр которого в годы Великой Отечественной Войны была проложена железная дорога.

В результате многолетнего изучения в Хвалынском районе был исследован спектр уникальных разновременных памятников. К самому раннему периоду относятся находки костей ископаемых антропоидов, относящихся к эпохе мустье – верхнему палеолиту. Энеолитические памятники района относятся к концу V – первой половине IV тыс. до н. э. Здесь был исследован грунтовый могильник в Липовом Овраге около с. Старая Яблонка относящийся к самарской культуре. В 1970–80-х гг. была выделена хвалынская энеолитическая культура, опорными памятниками которой стали грунтовые могильники, исследованные Средневожской экспедицией у с. Алексеевка Хвалынского района и экспедицией СГУ у с. Березняки Воскресенского района. Интереснейшим памятником, относящимся к эпохе поздней и финальной бронзы является Ивановское селище, которое изучалось В.Ф. Ореховым, П.С. Рыковым, И.В. Синицыным, Н.М. Маловым. Материалы этих исследований до сих пор остаются неопубликованными. Не менее значимым является Сосново-Мазинский клад бронзовых изделий (кинжалы, серпы, кельт и другие предметы) финала бронзового века. К раннему железному веку относятся укрепленные поселения городецкой культуры, расположенные на вершинах Хвалыньских гор. Данное компактное скопление городищ, в комплексе с разрушенными ныне селищами, несомненно, является крупнейшим в Поволжье. Средневековые материалы района не менее интересны. Еще в XIX в. в районе были найдены каменные изваяния средневековых кочевников. Черемшанский грунтовый могильник эпохи Золотой Орды, исследовавшийся В.Ф. Ореховым и П.С. Рыковым относится к средневековой мордве. Материалы эпохи Российской колонизации Нижнего Поволжья известны на разных участках района. Интереснейшим памятником является мордовский могильник XVII–XVIII вв. около с. Старая Яблонка, исследовавшийся М.А. Радищевым, В.Ф. Ореховым, К.Ю. Гроссом и Н.И. Поповой, при раскопках которого были исследованы погребения с различными украшениями, изделиями, тканями, погребальной пищей и монетами.

В результате разведочных работ 2002 г. в Хвалынском районе было произведено обследование правого берега Саратовского водохранилища, отдельные городища, расположенные на Хвалыньских горах, произведена съемка топографического плана и контрольное вскрытие ограниченных площадей на впервые зафиксированном памятнике «поселение Южнохвалынское».

1. Грунтовый могильник к северо-востоку от ур. Малая Федоровка (по Н.М. Малову: памятник № 172) в настоящее время разрушается водохранилищем, однако осыпь обрыва во многих местах частично задерживается, что

свидетельствует о небольшой скорости разрушений, а также делает затруднительным выявление разрушающихся погребений. Разрушение могильника происходит также в результате размыва поверхности террасы тальмими водами, стекающими в весенний период в р. Волгу по Яблоневым Долам. Подъемный материал был распылен на террасе, в осыпи обрыва и полосе приобья, где было найдено множество человеческих костей. На террасе были обнаружены размывные остатки разрушенного детского погребения с западной ориентировкой, кости которого были разбросаны, а в осыпи обрыва – отдельные кости разрушенного погребения взрослого человека. В полосе приобья была поднята часть крупной, расколовшейся вдоль, гешировой бусины (Рис. 2, 5), на внешней поверхности которой белой пастой были инкрустированы перемежающиеся прямые и зигзагообразные линии. Подобные украшения были распространены у населения Золотой Орды. Здесь же были обнаружены фрагменты светлоголиняного золотоордынского сосуда, один из которых был украшен горизонтальными прочерченными линиями и чеканным зигзагом (Рис. 2, 6). Также в полосе приобья был найден фрагмент лепной керамики эпохи бронзы. По характеру большей части материала могильник относится к эпохе Золотой Орды.

2. Селище к северо-востоку от ур. Малая Федоровка (По Н.М. Малову: памятник № 171) интенсивно разрушается водохранилищем. На осыпи почти полностью отсутствуют признаки культурного слоя, а весь подъемный материал был собран в полосе приобья. Это свидетельствует, что селище большей частью разрушено, и памятник можно квалифицировать как местонахождение или скопление керамики. В полосе приобья были собраны двенадцать фрагментов лепной керамики эпохи бронзы и один фрагмент золотоордынской керамики. Лепная керамика была неорнаментирована, и непрофилирована, а в ее глиняном тесте фиксировались дресва и шамот. Золотоордынский фрагмент гончарной керамики желтого цвета также не имел орнамента и профиля.

3. Местонахождение в ур. Малая Федоровка (По Н.М. Малову: памятник № 173) было зафиксировано по подъемному материалу собранному в полосе приобья ниже первой надпойменной террасы. Здесь было собрано девять фрагментов лепной керамики эпохи бронзы с примесью песка, дресвы и шамота в тесте. Из немногочисленных находок можно выделить лишь один фрагмент лепного слабопрофилированного не орнаментированного сосуда с высоким венчиком (Рис. 2, 7), относящийся к срубной культуре эпохи поздней бронзы. Его внешняя поверхность небрежно заглажена, обжиг неравномерный, костровой, восстановительного характера, а в примеси заметны песок и шамот.

4. Поселение «Ивановская стоянка» (По Н.М. Малову: памятник № 170) фиксируются по подъемному материалу, собранному в полосе приобья и пойменной части под первой надпойменной террасой. Судя по характеру находок и их расположению, стоянка большей частью разрушена водохранилищем, хотя отдельные участки культурного слоя еще сохранились. Большинство находок относится к срубной культуре эпохи поздней бронзы. Из нескольких фрагментов лепной керамики можно отметить два фрагмента сосудов. На первом фрагменте отмечен декор в виде двух горизонтальных линий и зигзага, выполненных крупнозубчатым штампом (Рис. 2, 3). Второй

неорнаментированный фрагмент слабопрофилированного сосуда с коротким венчиком (Рис. 2, 4) имеет уплощенный обрез устья и горизонтальные полосы сглаживания на шейке. Его внешняя поверхность имеет серовато-коричневый оттенок, а в глиняном тесте заметны песок и шамот.

5. Селище к северо-востоку от с. Старая Яблонка (По Н.М. Малову: памятник № 235) фиксируется по подъемному материалу собранному в полосе приобья, пойменной части под первой надпойменной террасой и в осыпи обрыва. Селище в значительной степени разрушено водохранилищем, хотя в осыпи обрыва слабо прослеживается культурный слой коричневого цвета. Большая часть собранной керамики относится к эпохе поздней бронзы. Можно выделить один фрагмент лепного неорнаментированного сосуда с резко профилированной шейкой и отогнутым наружу, слегка приостренным венчиком (Рис. 2, 18), что характерно для посуды финала бронзового века. Данный фрагмент имеет слегка заглаженную по горизонтали внешнюю поверхность, светло-коричневый оттенок, слабый обжиг, плотную фактуру, примесь песка и дресвы в тесте. Кроме того, было встречено несколько фрагментов золотоордынской и древнерусской русской керамики XIII-XV вв., а также костей животных.

6. Селище на восточной окраине с. Старая Яблонка (По Н.М. Малову: памятник № 233). В настоящее время постройки и инфраструктура с. Старая Яблонка (огороды, линия электропередач, постройки) расположены в непосредственной близости от края террасы. Селище было обнаружено по подъемному материалу собранному в полосе приобья и осыпи обрыва – керамике, большей частью, сильно омытой прибоем. Поселение почти полностью разрушено водохранилищем и застроено селом, однако, на осыпи обрыва еще прослеживается культурный слой темно-серого цвета мощностью до 1,3 м, значительная (верхняя) часть которого, по-видимому, относятся к с. Старая Яблонка XVIII-XX вв. Предположительно поселение находилось на мысу между двумя оврагами, где была собрана большая часть подъемного материала.

Самыми древними следует считать несколько неорнаментированных, сильно окатанных прибоем фрагментов лепной керамики с обильной ракушечной примесью, что позволяет отнести эту посуду к нео-энеолитическому времени или покровской культуре позднего бронзового века.

Наиболее многочисленны фрагменты сосудов, относящихся к срубной культуре эпохи поздней бронзы, которых было найдено большое количество. В указанной группе присутствуют обломки баночных сосудов (Рис. 2, 17; 3, 2, 6-8, 11, 12). Необычна техника формовки устья одного сосуда закрытой профилировки, где приостренная закраина завернута внутрь и прилеплена к венчику в виде короткого воротничка (рис. 3, 6). Имеются фрагменты слабопрофилированных горшков, преимущественно с высокими венчиками (рис. 3, 1 9, 14, 15; 4, 1, 6). Интересен фрагмент миниатюрного лепного сосуда, почти полностью представляющий его узкое доньшко диаметром 3 см (рис. 4, 4). Орнаменты данной коллекции разнообразны по технике исполнения. Это различные насечки (клиновидные, зерновидные, линзовидные, кольцевидные), оттиски зубчатого штампа, перевитого шнура (рис. 3, 3), прочерченные линии. Композиционное построение орнамента, преимущественно простое: горизонтальные линии и ряды. Лишь иногда встречаются за-

штрихованные или заполненные иными элементами зигзаги (рис. 2, 17; 3, 9; 4, 5), горизонтальная елочка в комплексе с прочерченной линией (рис. 4, 1), а также хаотичное скопление отдельных элементов (рис. 3, 4, 13). Технология изготовления посуды этой группы типична для срубной культуры эпохи поздней бронзы.

Фрагмента лепного сосуда с псевдорогожным орнаментом на внешней поверхности (рис. 2, 16) указывает на пребывание здесь представителей городецкой культуры раннего железного века. Можно упомянуть также два фрагмента сильно окатанной керамики желтого цвета, предположительно, золотоордынской, и один темно-серого цвета – древнерусский XIII–XV вв., а также многочисленные кости и зубы животных.

По характеру подъемного материала можно предположить наличие на поселении нескольких культурно-хронологических горизонтов: раннего, возможно нео-энеолитического, и более позднего, представленного комплексом срубной археологической культуры развитого периода (XV–XIV вв. до н. э.). Также здесь прослеживаются следы пребывания населения городецкой культуры и Золотой Орды.

7. Селище к югу от с. Старая Яблонка, в связи с сильным разрушением береговой полосы водохранилищем, возможно, следует идентифицировать с несколькими памятниками (По Н.М. Малову: памятники № 231, 232, 238). Памятник фиксируется по подъемному материалу, который был собран на поверхности террасы между Липовым оврагом и ложбиной, в осыпи обрыва, пойме и полосе прибоя, а также по культурному слою темно-коричневого цвета мощностью до 1,5 м, заметному в осыпи обрыва. Представляется, что поселение было расположено между ложбиной и Липовым оврагом, что наиболее соответствует памятнику № 231. Однако, по представленному материалу, а также по старым привязкам, данное селище можно связать также с разрушенными или разрушающимися памятниками №№ 232 и 238. Селище интенсивно разрушается водохранилищем и оврагообразованием, а также распаивается.

Комплекс находок имеет разнокультурный характер. Отметим два изделия из камня, которые возможно относятся к наиболее ранним эпохам неолита – энеолита. Это крупный кварцитовый отщеп с участками краевого ретуширования (рис. 2, 14) и концевой скребок на укороченной кремневой пластине (рис. 2, 15). Возможно, к тому же периоду относятся два фрагмента лепной керамики с примесью раковины.

Наиболее многочисленна группа лепной керамики, которая может быть отнесена к срубной культуре эпохи поздней бронзы. Выделим два фрагмента неорнаментированных сосудов – слабопрофилированного с коротким венцом и баночного с закрытым профилем (рис. 2, 9, 11). Здесь же имеются три мелких обломка стенок с прочерченными линиями и оттисками гребенчатых штампов (рис. 2, 10, 12, 13).

Обломок ручки красноглиняного кувшина овального сечения (рис. 2, 8) и несколько фрагментов круговой керамики типичны для золотоордынских памятников. Кроме того, были собраны многочисленные кости животных.

Судя по характеру разновременных материалов, памятник может быть многослойным. В основе поселка могут залегать древнейшие отложения нео-энеолитической эпохи, последовательно перекрытые слоями срубной культу-

туры позднебронзового века и средневековым пластом XIII–XIV вв. Золотоордынские материалы были найдены на данном скоплении памятников впервые. Возможно, некоторые омытые фрагменты лепной керамики с примесью крупной дресвы относятся к городецкой культуре раннего железного века.

8. Поселение Алексеевка 4 (По Н.М. Малову: памятник № 22) исследовалось раскопками в 1975 г., когда ниже слоя раннего железного века, были выявлены безинвентарные погребения эпохи бронзы. В настоящее время на осыпи обрыва хорошо виден культурный слой темно-серого цвета мощностью до 0,5 м. Поселение фиксируется по подъемному материалу собранному на террасе – правом берегу оврага, в пойменной части и полосе приобья. Памятник разрушается водохранилищем, оврагом, а также распашкой.

В результате разведок никаких признаков разрушающихся погребений обнаружено не было. Было найдено только несколько фрагментов керамики городецкой культуры раннего железного века, в том числе, часть венчика с плоско обрезанным устьем, без орнамента и с горизонтальными полосами небрежного сглаживания (рис. 2, 1) и обломок стенки с характерной «псевдорогожной» орнаментацией (рис. 2, 2). Цвет внешней поверхности керамики – от серых до светло-коричневых оттенков. В примеси заметны песок, шамот и дресва. Кроме того, было найдено большое количество костей животных.

9. Городище к северу от с/х Хвалынский (По М.А. Радищеву: городище № 1; по Н.М. Малову: памятник № 239). Памятник исследовался М.А. Радищевым и В.Ф. Ореховым в 1912 г., П.С. Рыковым в 1923 г. и В.Г. Мироновым в 1960–80-е гг. Площадь памятника покрыта лесом и кустарником, однако в западной и восточной его частях имеются большие поляны. В центральной и восточной части поселения видны большие ямы от построек длиной до 15 м. В западной и восточной частях городища валы и рвы прорезаны проездами. Через центральную памятник часть проходит сильно заросшая грунтовая дорога, которая разветвляется и прорезает восточный вал в двух местах. Эти дороги причиняют некоторые разрушения, являясь началом оврагообразования. По южной части памятника проходит линия электропередачи (на территории городища – 3 столба). При уточнении плана использовалась схема В.Г. Миронова. Подъемного материала обнаружено не было.

10. Городище к юго-западу от с. Подлесное (По М.А. Радищеву: городище № 10; по Н.М. Малову: памятник № 201). На памятнике производились раскопки под руководством М.А. Радищева в 1913 г. и В.Г. Миронова в 1960–1980-е гг. Вся его поверхность покрыта густым лесом. На городище в три ряда прослеживаются до 30 котлованов от построек, в большинстве вытянутые (длинной 5–10 м, шириной 2–4 м), реже круглые (до 4 м в диаметре). При уточнении плана использовались чертежи В.Г. Миронова. Подъемного материала не обнаружено. Городище не разрушается.

11. Городище на «Катюшиной горе» к северо-западу от с/х Хвалынский (По М.А. Радищеву: городище № 6; по Н.М. Малову: памятник № 244). На памятнике проводились исследования М.А. Радищевым в 1912 г. и В.Г. Мироновым в 1964 г. Поверхность поселения покрыта густым лесом. Городище имеет подромбическую планировку, копирующую склоны горы. При уточнении плана использовались довольно точные чертежи М.А. Радищева. Городище не разрушается. Подъемного материала обнаружено не было.

12. Городище к юго-западу от г. Хвалынска (По М.А. Радищеву: городище № 2; по Н.М. Малову: памятник № 240). В 1912 г. на памятнике проводились исследования под руководством В.Ф. Орехова и М.А. Радищева, а в 1963 и 1970 гг. – под руководством В.Г. Миронова и В.А. Непочатых. Поверхность поселения покрыта густым лесом. По территории городища проходит дорога через проезды в валах и рвах в юго-западной и северо-восточной частях памятника. Для уточнения плана поселения были использованы чертежи М.А. Радищева, после чего была уточнена его ориентировка – она смещена по часовой стрелке примерно на 45°. Городище слабо разрушается только грунтовой дорогой. Подъемного материала обнаружено не было.

13. Городище № 4 к северо-западу от д/о Черемшаны 2 (По М.А. Радищеву: городище № 4; по Н.М. Малову: памятник № 242) в 1912 г. исследовалось М.А. Радищевым, В.Ф. Ореховым и С.А. Щегловым в 1912–13 гг. и в 1963 г. – В.Г. Мироновым и В.А. Непочатых. Рвы, указанные в предыдущих описаниях, зафиксированы не были. Памятник не разрушается. Подъемный материал обнаружен не был.

14. Городище № 5 к северо-западу от д/о Черемшаны 2 (По М.А. Радищеву: городище № 5; по Н.М. Малову: памятник № 243) исследовалось в 1912 г. М.А. Радищевым и в 1963 г. – В.Г. Мироновым. При уточнении плана поселения были использованы чертежи М.А. Радищева, после чего была уточнена его ориентировка – памятник повернут по часовой стрелке примерно на 80–90°. Городище слабо разрушается в северной части при соприкосновении с грунтовой дорогой и просеккой. Подъемный материал обнаружен не был.

15. Городище «на Лысой Горе» к югу от пос. Алексеевка (По М.А. Радищеву: городище № 12; по Н.М. Малову: памятник № 27) исследовалось Б.В. Зайковским, А.А. Кротковым, С.А. Щегловым и М.А. Радищевым в 1912 г., И.Б. Васильевым в 1974–1975 гг., осматривалось Н.М. Маловым в период разведок 1975 и 1993 гг. Поверхность городища задернована. Юго-восточная граница памятника представляет собой осыпь обрыва со стороны водохранилища. Осыпь частично задернована, так как пойма р. Волги заросла густым лесом кроме северо-восточной части террасы. В связи с этим городище слабо разрушается водохранилищем. Наибольшие разрушения памятника прослеживаются в его северо-восточной части. Видимо поэтому, фиксируемый здесь в прошлом, подъемный материал эпохи бронзы найден не был. На всем протяжении обрыва было найдено лишь два непрофилированных и неорнаментированных фрагмента лепной керамики желтого цвета с примесью крупной дресвы, относящиеся к городецкой культуре раннего железного века.

16. Поселение Южнохвалынское (по дополнительной нумерации памятник № 248а) было зафиксировано впервые (рис. 5). Памятник был обнаружен директором ХКМ – В.А. Непочатых, который сообщил о нем руководству экспедиции. Поселение было названо Южнохвалынским, так как расположено к югу от окраины г. Хвалынска. Памятник расположен в 0,5 км к югу от г. Хвалынска и в 0,15 км к юго-востоку от шоссе на г. Хвалынск, на первой надпойменной террасе волжского берега, на выступающем мысу. На всем протяжении поселения терраса имеет осыпь обрыва. К западу от памятника расположены строения городских очистных сооружений, а через его южную

часть проходит труба городского слива направленная в р. Волгу. Поверхность поселения задернована, но сохранила следы многолетней распашки и использования в качестве огородов. На центральном участке памятника терраса пересекается двумя канавами (видимо техногенного происхождения). Одна, поросшая посадками и кустами, вытянута с запада на восток от очистных сооружений и впадает устьем в р. Волгу. Другая – наискось прорезает мыс с северо-запада на юго-восток. С запада памятник ограничен небольшой ложбиной, где уровень террасы понижается на 0,4–0,8 м. С севера от посадок через территорию поселения наискось, с юго-востока на северо-запад, проходит грунтовая дорога, ведущая к шоссе. Через южную часть памятника проходит грунтовая дорога с востока на запад, от края террасы, между строениями очистных сооружений, к шоссе. Терраса в южной части поселения частично задернована, частично заросла редколесьем и кустарником. С юга памятник ограничен оврагом, впадающим в р. Волгу. Терраса имеет слабый уклон в сторону р. Волги. Высота террасы в северной части памятника 3,5 м, в южной – 2,5 м. Для выяснения культурной принадлежности памятника были произведены разведочные раскопки в его северной, центральной и южной частях общей площадью до 12 кв.м. Подъемный материал был собран на поверхности террасы в северной и центральной части поселения, в береговых обнажениях, и в полосе приобья.

Находки были обнаружены только в двух разведочных раскопах № 1 и 3. Шурф № 2 не содержал находок и культурного слоя, что свидетельствует о его расположении за южной окраиной поселения. Шурф № 1 был разбит на северной периферии поселения, содержал небольшое количество материала и культурный слой мощностью 0,8–0,9 м (включая распаханый гумус). Наибольшее количество находок было обнаружено в шурфе № 3, который исследовался на центральном участке поселения и выявил культурный слой мощностью до 1–1,1 м (включая распаханый гумус).

Среди обнаруженной средневековой керамики древнерусский компонент (89,9%) явно преобладает над золотоордынским (10,1%). Найденную древнерусскую керамику можно лишь условно отнести к различным типам, так как ее количественно недостаточно для типологизации, а также наблюдаются фрагменты различных переходных форм. В целом древнерусская посуда Южнохвалынского поселения имеет многочисленные аналогии в классифицированной древнерусской керамике Среднего Подонья [Пряхин, Винников, Цыбин, 1987. С. 21] и многих нижневолжских поселений [Полубояринова, 1978. С. 87–92]. Наибольшее количество фрагментов венчиков (рис. 6, 1–34) и боковых стенок (рис. 6, 36–38; 7, 2, 4–6, 10–11) сосудов, по-видимому, относится к корчажкам или горшкам «курганного» типа со слабо отогнутыми наружу (рис. 6, 1–3, 6–12, 17, 20–32), реже прямыми (рис. 6, 15, 16, 18, 19, 33), венчиками. Так же встречены отдельные экземпляры с резко отогнутыми наружу венчиками, образующими внутреннее ребро (рис. 6, 4, 5, 14) или обломки сосудов, венчики или стенки которых имеют слабый наклон внутрь (рис. 6, 13, 34). Отдельные категории венчиков имеют с внутренней стороны желобок под крышку (рис. 6, 10, 11, 21–24, 26–29, 31, 32). Фрагменты днищ типичны для средневековых круговых стандартов древнерусской посуды (рис. 7, 13–15, 18–25). Орнаментированных сосудов мало, а сами орнаменты просты: в основном это горизонтальные и волнистые линии

(рис. 6, 35–37, 39–44; 7, 1–12). В зависимости от вариантов оформления венчика, можно выделить несколько разновидностей сосудов, зафиксированных в разных пластах: 1) сосуды с простым оформлением края венчика, который может быть закругленным, уплощенным или утолщенным (рис. 6, 1–5); 2) венчики с напылом, либо загибом внутрь (рис. 6, 6–13), иногда образующие с внутренней стороны желобок под крышку (рис. 6, 10, 11), либо наоборот, нависающие над внутренней стенкой сосуда и исключают использование крышки (рис. 6, 8, 9, 12, 13); 3) венчики с различными напылами, или загибами наружу (рис. 6, 14–20); 4) венчики, имеющие в сечении различные утолщения: круглые (рис. 6, 21, 23, 24), овальные (рис. 6, 22, 31), различные подтреугольные варианты (рис. 6, 25–28, 32, 34), уплощенно-гриббидные (рис. 6, 33) или аморфные (рис. 6, 29, 30).

В технологическом отношении древнерусский керамический комплекс Южнохвалынского поселения включает гончарные, так и лепные сосуды, с последующей круговой подправкой. Это сероглиняные корчажки, значительная часть которых содержит в глиняном тесте включения крупных отщипителей (дресва, песок), что, в общем, не характерно для древнерусской керамической традиции. В связи с этим, при преобладании древнерусских профилировок, небезосновательно будет предположить, что в приемах подготовки глиняного теста мы имеем дело с влиянием мордовской ремесленной традиции. Это отчасти подтверждается наличием отдельных фрагментов посуды, венчики или стенки которой вертикальны (рис. 6, 33) или имеют слабый наклон внутрь (рис. 6, 13), что в целом близко мордовским баночным формам.

Золотоордынский керамический компонент в составе находок с Южнохвалынского поселения немногочислен. Это красноглиняная посуда, из хорошо отмученых составов с включениями мелкого песка, и с обработкой высокотемпературным, окислительным обжигом. Фрагмент кувшина с плавно изогнутым под слив краем, внешняя поверхность которого сформована в виде горизонтальных каннелюр (рис. 8, 1), является одной из распространенных форм золотоордынской тары. Столь же распространенными являются овальные в сечении ручки от красноглиняных сосудов (рис. 8, 2–5). Однако один экземпляр имеет не совсем обычный округлый налет в месте соединения ручки с краем кувшина (рис. 8, 3). Фрагмент другой красноглиняной ручки имеет в составе теста крупную дресву, что, наверное, является мордовским технологическим приемом (рис. 8, 5). Несколько боковых стенок красноглиняных кувшинов имеют типичный для золотоордынской посуды орнамент: горизонтальные и волнистые линии (рис. 8, 6–9, 11–13). Лишь один мелкий обломок стенки украшен более сложным мотивом, сочетающим горизонтальные линии и элемент арочного ряда (рис. 8, 10). Кроме того, были встречены отдельные фрагменты днищ золотоордынских сосудов (рис. 7, 16, 17).

Из прочих средневековых материалов поселения можно перечислить: многочисленные кости животных и птицы, квадратные в сечении гвозди, обломки каменного жернова, шлаки, фрагмент бедренной человеческой кости (эпифиз) со следами обработки, куски глины от обмазки печи или постройки. Кроме находок эпохи средневековья в нижних напластованиях культур-

ного слоя были обнаружены отдельные непрофилированные и неорнаментированные фрагменты лепной керамики эпохи поздней бронзы.

Представляется, что большая часть памятника уже разрушена береговой эрозией. Южнохвалынское поселение следует считать памятником, возникшим в период срубной культуры позднего бронзового века. Наиболее мощным и разнокультурным представляется пласт периода Золотой Орды XIII–XV вв., в керамических материалах которого можно проследить русский, мордовский и собственно золотоордынский компоненты и их взаимодействие. Описанная керамика типична для сельских и городских поселений Золотой Орды.

Изучение археологических памятников Хвалынского района имеет различные аспекты. Проблема исследования нео-энеолитического периода истории Нижнего Поволжья оставляет большое поле для дальнейших исследований. Учитывая наличие в районе уникальных изученных памятников эпохи энеолита, нельзя исключать существование здесь и других памятников этого периода.

Малоизученными продолжают оставаться городищские памятники района. Наиболее масштабные раскопки их производились под руководством В.Г. Миронова, а в настоящее время проблемой исследования городищ раннего железного века специально ни кто не занимается. Между тем нижеволжские памятники составляют компактную, относительно обособленную, специфичную группу городищских поселений. Остается открытой проблема составления или уточнения детальных топографических планов этих памятников, их картографирования. Следует иметь в виду, что при сверке отдельных старых планов памятников с реальными объектами, возникают различные несоответствия в планировке¹, ориентировке и местонахождении, и даже сомнения в принадлежности некоторых из них к городищам вообще [Рыков, 1924. С. 64–66; Степанов, 1960. С. 50–51]. Определенную сложность при составлении топографических планов представляет собой то обстоятельство, что городища, за редким исключением, располагаются в густом лесу. В этих условиях отсутствует возможность проводить измерения из одной точки. Представляется, что съемка топографических планов здесь возможна с использованием современных геодезических и навигационных приборов (электронный тахеометр, GPS – навигатор). Сложные условия разведок и исследований городищ в лесной местности характеризуются отсутствием развитой сети грунтовых дорог; крутыми склонами гор и ущелий; отсутствием многих известных ранее объектов служивших привязками и ориентирами (исчезновение старых населенных пунктов и топонимов). Стоит упомянуть, что известное по описаниям начала XX в. городище Аринкин Дол, южнее с. Алексеевка, в настоящее время до сих пор не обнаружено. Разведки 2002 года производились в период июля, когда растительность (трава, кустарник, деревья) была наиболее густой, что существенно препятствовало осмотру местности и выявлению характерной для памятников рельефности. В то же время, Хвалынский национальный парк покрыт сетью просек квартальной разметки, находящихся в разном состоянии, но обозначенных на картах. Многие просеки заросли с разной степенью интенсивности. По от-

¹ Наиболее точными являются планы памятников, составленные В.Г. Мироновым.

дельным просекам проложены грунтовые дороги, что облегчает подход к некоторым памятникам. Частично сохраняется и функционирует маркировка просек в местах их пересечений, что является хорошей привязкой для отдельных объектов. Другими привязками в лесной местности могут быть линии электропередач, вырубки и отдельные строения в лесу. Вершины отдельных гор и хребтов покрыты менее густой растительностью, а также звериными тропами, что облегчает продвижение разведгрупп. Некоторое затруднение при выявлении известных памятников связано с тем, что в материалах предшествующих разведок и исследований не всегда встречаются планы памятников, и фотодокументация.

Средневековые памятники Хвалынского района также нуждаются в дальнейших исследованиях. Интересным является компактное расположение в районе средневековых мордовских памятников (Черемшанский грунтовый могильник, мордовские материалы Южнохвалынского поселения). Малоисследованными остаются памятники Российской колонизации Нижнего Поволжья, изучение которых уже было начато в предыдущие годы (Старо-Яблоновский грунтовый могильник). Следует отметить, что в заселении и хозяйственном освоении района проявился один из ранних переселенческих импульсов XVII в.

Еще одной проблемой является то, что значительная часть материалов исследований памятников Хвалынского района опубликована не полностью, либо вообще не введена в научный оборот. Так, до сих пор не опубликованы материалы Ивановской стоянки, Старо-Яблоновского могильника XVII–XVIII вв. и многих других памятников, значительная часть которых находится в ХКМ и нуждается в научном изучении и публикации. Следует отметить, что проблема изучения и комплектования коллекций является существенной при введении в научный оборот материалов полученных несколько десятилетий назад, а тем более в довоенный или досоветский период. Важность правильной фиксации археологических источников для их последующего использования в концептуальных научных построениях была четко показана Н.М. Маловым на основе комплектования коллекции Сосново-Мазинского клада [Малов, 2008. С. 420–422]. Это лишний раз доказывает, как много важной информации можно почерпнуть при углубленном исследовании, казалось бы, давно известных «хрестоматийных» источников.

Кроме чисто научных проблем изучения, существуют также проблемы охраны памятников Хвалынского района. После сооружения плотины Саратовской ГЭС образовалось Саратовское водохранилище, которое затопило низкие участки и стало с большой интенсивностью разрушать волжские берега в Саратовской, Ульяновской и Самарской областях. К сожалению, до проведения строительных работ, а также после них по берегу водохранилища не были проведены все необходимые охранные раскопки памятников. Попытки организовать спасательные исследования предпринимались, однако данный вопрос не получил необходимого финансирования. Часть памятников все же удалось спасти в результате исследований Средневожской экспедиции и экспедиций Саратовского государственного университета. В результате, из более чем 70 ранее известных памятников, по побережью водохранилища в разведках 2002 г. были обнаружены остатки 11 из них. Таким

образом, более 90% памятников расположенных по берегу водохранилища (и на островах) в настоящее время можно считать безвозвратно утерянными.

Следует отметить, что проблема разрушения археологических памятников в зоне затопления различных водохранилищ является нерешенной в современной России. Этот вопрос в последние годы не раз поднимался органами охраны памятников истории и культуры, а также звучал на всероссийских археологических съездах [Макаров, 2006. С. 43–44; Шер, 2006. С. 68–69; Дэвлет, 2006. С. 285–287; Килуновская, 2006. С. 300–302; Семькин, 2006. С. 504–506; Дроздов, Макулов, 2008. С. 113–116]. Кроме того, необходимо обратить внимание на то, что проводимые в настоящее время берегоукрепительные работы по берегу водохранилища, как в Хвалынском, так и в других районах Саратовской области, несомненно, важны, однако, проводятся без согласования с государственными органами охраны историко-культурного наследия и также разрушают памятники. К сожалению, руководство Комитета по историко-культурному наследию Саратовской области не имеет возможности или желания защитить археологические памятники, разрушаемые водохранилищем или берегоукреплениями.

Обследование правого берега Саратовского водохранилища в Хвалынском районе, тем не менее, показало, что несколько памятников, продолжающих разрушаться, все еще могут стать объектами дальнейших археологических исследований. Представляется необходимым проведение масштабных раскопочных работ в зоне разрушения памятников, находящихся на правом берегу Саратовского водохранилища в Хвалынском районе для исследования материалов, которые могут оказаться утерянными в ближайшие годы.

Литература:

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Отчет о раскопках Хвалынского могильника в Хвалынском районе Саратовской области. – Куйбышев, 1977 // Архив ИА РАН. Р-1, № 6703–6703а.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Отчет о раскопках Хвалынского энеолитического могильника в Хвалынском районе Саратовской области. – Куйбышев, 1978 // Архив ИА РАН. Р-1, № 7499–7499а.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Раскопки энеолитических могильников в Хвалынском районе Саратовской области // АО. 1978. М., 1979.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов, 1990.

Агапов С.А., Ватазина А.П., Пестрикова В.И. Работы на Севере Саратовской области // АО. 1977. М., 1978.

Агапов С.А., Иванов А.Ю. Металлообрабатывающий комплекс поселения Липовый Овраг // Поселения срубной общности. Воронеж, 1989.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Обыденнов М.Ф., Жигулина Л.Н., Непочатых В.А., Скарбовенко В.А., Иванов В.А., Калиниченко С.Е., Матвеева Г.И. Работы Средневожской экспедиции // АО. 1974. М., 1975.

Бадер О.Н. Исследование памятников каменного века // АО. 1972 г. М., 1973.

Бадер О.Н. Находка неандерталоидной черепной крышки человека близ Хвалынского района Саратовской области // БМОИП. Отдел геологии. Т. 18 (2). М., 1940.

Васильев И.Б. Отчет об археологических работах в селе Алексеевка Хвалынского района Саратовской области за 1975 год // Архив СОМК. Оп. 1, Дело № 726а.

Васильев И.Б. Могильник мариупольского времени в Липовом Овраге на севере Саратовской области // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985.

Васильев И.Б. Работы на Волге // АО. 1979. М., 1980.

Васильев И.Б., Ватазина А.П., Миронов В.Г., Пестрикова В.И. Раскопки в Саратовской области // АО. 1976. М., 1977.

Васильев И.Б., Непочатых В.А. Ивановская стоянка // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Научные труды КППИ. Т. 220. Куйбышев, 1977а.

Васильев И.Б., Непочатых В.А. Новая стоянка в Хвалынском районе Саратовской области // Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977б.

Васильев И.Б., Непочатых В.А., Пестрикова В.И. Раскопки и разведки на севере Саратовской области // АО. 1975. М., 1976.

Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Памятники бронзового века в районе с. Алексеевка Хвалынского района Саратовской области // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.

Ватазина А.П. Отчет о раскопках в Хвалынском р-не Саратовской области. – Куйбышев, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 6778–6778а.

Гремяцкий М.А. Фрагмент Хвалынской черепной крышки // УЗ МГУ. Вып. 158. М., 1952.

Деревягин Ю.В. Отчет об археологических разведках в Саратовской области в 1965 году. Саратов, 1965 // Архив ИА РАН. Р-1, № 3059–3059а.

Дроздов Н.И., Макулов В.И. Актуальные проблемы сохранения археологического наследия Северного Приангарья в связи с реализацией крупных инвестиционных проектов // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III. Москва, 2008.

Дэвлет М.А. Наскальные изображения Мозага-Хомузак в зоне затопления Саянской ГЭС // Материалы Всероссийского археологического съезда. Т. II. Новосибирск, 2006.

Зайковский Б.В. К открытию в Саратовской губернии стоянок и городищ медного века. Краткий отчет об археологических разведках в 1912 г. // Труды СУАК. Вып. 30. Саратов, 1913.

Захариков А.П. Отчет об археологических разведках в Хвалынском районе Саратовской области в 1998 г. Саратов, 1999. // Архив УНАЛ СГУ.

Ископаемый Номо из Хвалынска. М., 2008.

Каргин Ю.Ю. Кружок юных краеведов «Искатели» города Балаково (о «малой» археологии Нижнего Поволжья в 1970–1990 гг.) // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5. Саратов, 2007.

Килуновская М.Е. Наскальные изображения в зоне затопления Саянской ГЭС – проблемы изучения и мониторинга // Материалы Всероссийского археологического съезда. Т. II. Новосибирск, 2006.

- Кротков А.А.* О памятниках старины в Саратовской губернии // Труды СУАК. Вып. 29. Саратов, 1912.
- Лопатин В.А.* Отчет о разведках в Хвалынском и Озинском районах Саратовской области. Саратов, 1979. // Архив УНАЛ СГУ.
- Макаров Н.А.* Основные проблемы изучения и сохранения археологических памятников в современной России // Материалы Всероссийского археологического съезда. Т. I. Новосибирск, 2006.
- Малов Н.М.* Археологическая карта Хвалынского района Саратовской области. Саратов, 1993б // Архив УНАЛ СГУ.
- Малов Н.М.* Отчет об археологических исследованиях в Хвалынском и Красноармейском районах Саратовской области. Саратов, 1993а // Архив УНАЛ СГУ.
- Малов Н.М.* Отчет об археологических разведках произведенных в Саратовской области. Саратов, 1975 // Архив УНАЛ СГУ.
- Малов Н.М.* Сосново-Мазинский клад: история обнаружения и комплектования коллекции // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М., 2008.
- Мальшиев А.Б.* Отчет об археологических разведках в Хвалынском районе Саратовской области в 2002 г. Саратов, 2006 // Архив УНАЛ СГУ.
- Миронов В.Г.* Археологические памятники бассейна р. Терешки // АО. 1969. М., 1970а.
- Миронов В.Г.* Изучение городецких памятников в Саратовском Поволжье // АО. 1985. М., 1987.
- Миронов В.Г.* Изучение городецких памятников в Саратовском Поволжье // АО. 1985. М., 1987.
- Миронов В.Г.* Исследования на верхней Терешке // АО. 1981. М., 1983.
- Миронов В.Г.* Очерк истории исследований городецких поселений в Саратовском Поволжье в 1917–1977 гг. // АВЕС. Вып. I. Саратов, 1989.
- Миронов В.Г.* Памятники эпохи бронзы бассейна верхней Терешки // Научные труды КГПИ. Т. 221. Куйбышев, 1978.
- Миронов В.Г.* Работы Хвалынской экспедиции // АО. 1978. М., 1979.
- Миронов В.Г.* Раскопки на верхней Терешке // АО. 1979. М., 1980.
- Миронов В.Г.* Сосуд с Хвалынского городища № 10 // СА, 1971, № 1.
- Миронов В.Г.* Хвалыньские городища и их роль в истории городецких племен Поволжья // Труды НИИ ЯЛИЭМ. Вып. 39. Саранск, 1970б.
- Миронов В.Г., Непочатых В. А.* Работы Хвалынской экспедиции // АО. 1977. М., 1978.
- Миронов В.Г., Петрова Н.Ф.* Раскопки и разведки в Саратовской области // АО. 1985. М., 1987.
- Монахов С.Ю., Дремов И.И., Ляхов С.В., Фомичев А.Ю., Юдин А.И.* Отчет о научно-исследовательской работе «Выявление археологических памятников в зоне строительства – орошения в бассейне р. Терешки». Саратов, 1989. // Архив УНАЛ СГУ.
- Непочатых В.А.* Абашевское поселение на побережье Саратовского водохранилища // Современные проблемы изучения бронзового века Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976а.
- Непочатых В.А.* Акинак из Хвалынска // СА, 1975. № 2.

- Непочатых В.А.* Материалы к археологической карте Хвалынского уезда и района. Дипломная работа (рукопись). Саратов, 1989. // Архив УНАЛ СГУ.
- Непочатых В.А.* Новые открытия в Саратовской области // АО. 1975. М., 1976б.
- Непочатых В.А.* Следы восточных связей срубного населения Саратовского Правобережья // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Научные труды КГПИ. Т. 221. Куйбышев, 1978.
- Орехов В.Ф.* Две раскопки на церковной земле села Ивановка // Труды СУАК. Вып. 33. Саратов, 1916.
- Павлова М.В.* Фауна ископаемых млекопитающих, собранных в бывшей Саратовской губернии близ Хвалынска на берегу Волги // Труды комиссии по изучению четвертичного периода. Т. 111. М., 1933.
- Пестрикова В.И.* Отчет о разведках в Приволжском районе Куйбышевской области и работах в Хвалынском районе Саратовской области в 1975 г. – Куйбышев, 1975 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5847.
- Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золото Орде. М., 1978.
- Пряхин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В.* Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеж // Археологические памятники эпохи железа восточно-европейской лесостепи. Воронеж, 1987.
- Радищев М.* Старояблонский могильник // Труды СУАК. Вып. 31. Саратов, 1914.
- Радищев М.* Хвалынские городища // Труды СУАК. Вып. 31. Саратов, 1914.
- Радищев М.* Хвалынские городища // Труды СУАК. Вып. 33. Саратов, 1916.
- Радищев М., Орехов В., Щеглов С.* Черемшанский могильник (раскопки 1913 г.) // ТСУАК. Вып. 31. Саратов, 1914.
- Ракушин А.И.* Отчет об археологических разведках в Хвалынском районе Саратовской области. Саратов, 1993. // Архив УНАЛ СГУ.
- Рогинский Я.Я., Левин М.Г.* Основы антропологии. М., 1955.
- Рыков П.С.* Очерки по истории Нижнего Поволжья (по археологическим материалам). Саратов, 1936.
- Рыков П.С.* Результаты археологических исследований в Нижнем Поволжье летом 1923 г. // УЗ СГУ. Вып. III (исторический). Саратов, 1924. (отд. оттиск).
- Рыков П.С.* Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском уездах Саратовской губернии в 1922 г. // Труды ОИАЭ. Вып. 34. Ч. 1. Саратов, 1923.
- Семенова А.П.* Отчет о раскопках 1-го Алексеевского грунтового могильника в Хвалынском районе в 1978 г. Куйбышев, 1978 // Архив ИА РАН. Р-1, № 8272-8272а.
- Семыкин Ю.А.* Состояние и перспективы сохранности археологических памятников на территории Ульяновской области // Материалы Всероссийского археологического съезда. Т. II. Новосибирск, 2006.
- Синицын И.В.* Отчет об археологических работах в Саратовской области, произведенных в 1956 году. Саратов, 1956 // Архив ИА РАН. Р-1, № 1311.
- Степанов П.Д.* Из истории культурного строительства в Саратовской области // Труды СОМК. Вып. 2. Саратов, 1959.

Степанов П.Д. Хвалынские городища // Труды СОМК. Вып. 3. Саратов, 1960.

Четвериков С.И. Отчет об археологических исследованиях в Хвалынском и Саратовском районах Саратовской области. Саратов, 1981 // Архив УНАЛ СГУ.

Четвериков С.И. Отчет разведочного отряда Хвалынской экспедиции СГУ о работе в Хвалынском районе. Саратов, 1980 // Архив УНАЛ СГУ.

Шер Я.А. Изобразительные памятники и проблемы их изучения // Материалы Всероссийского археологического съезда. Т. I. Новосибирск, 2006.

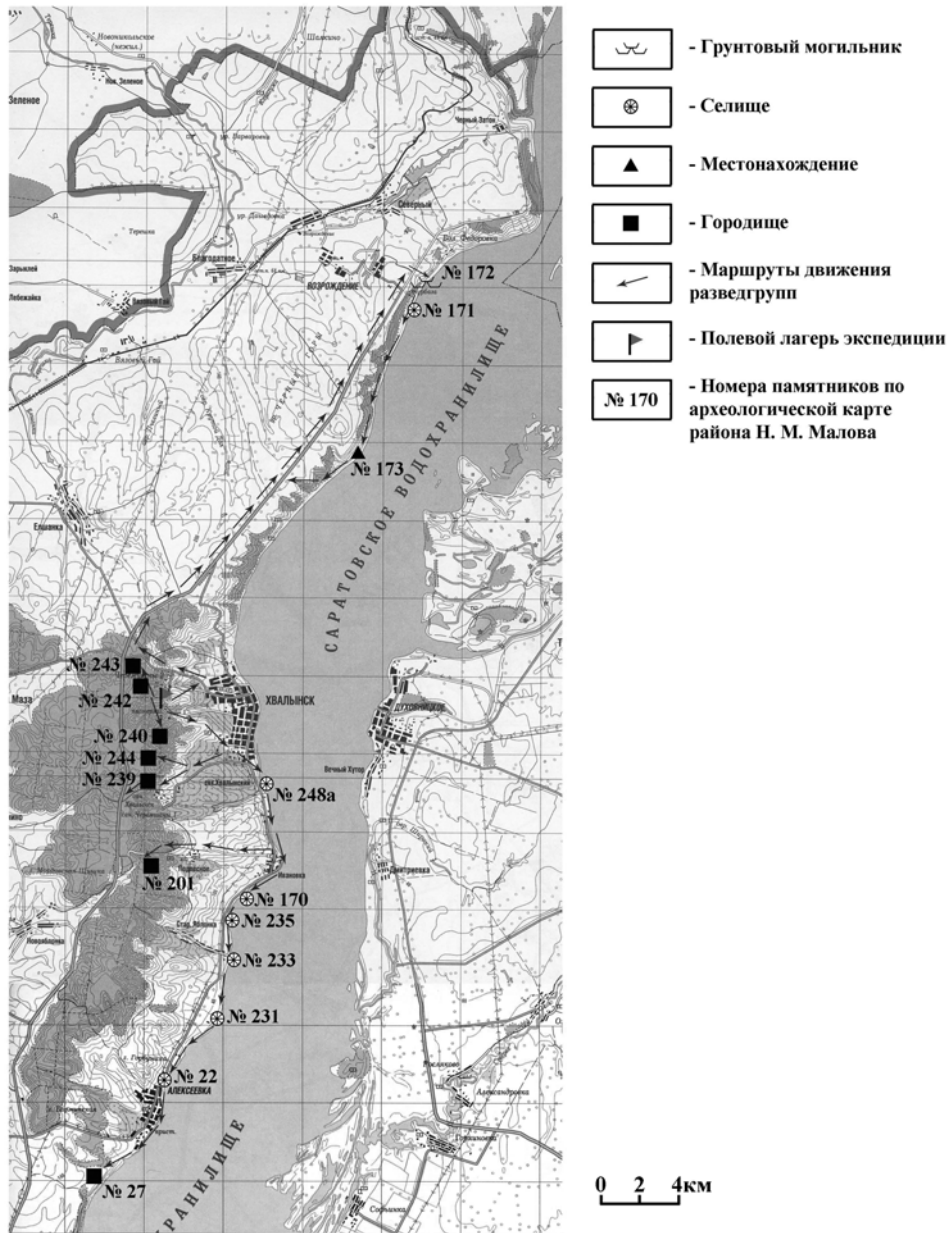

Рис. 1. Археологическая карта разведок в Хвалынском районе в 2002 году

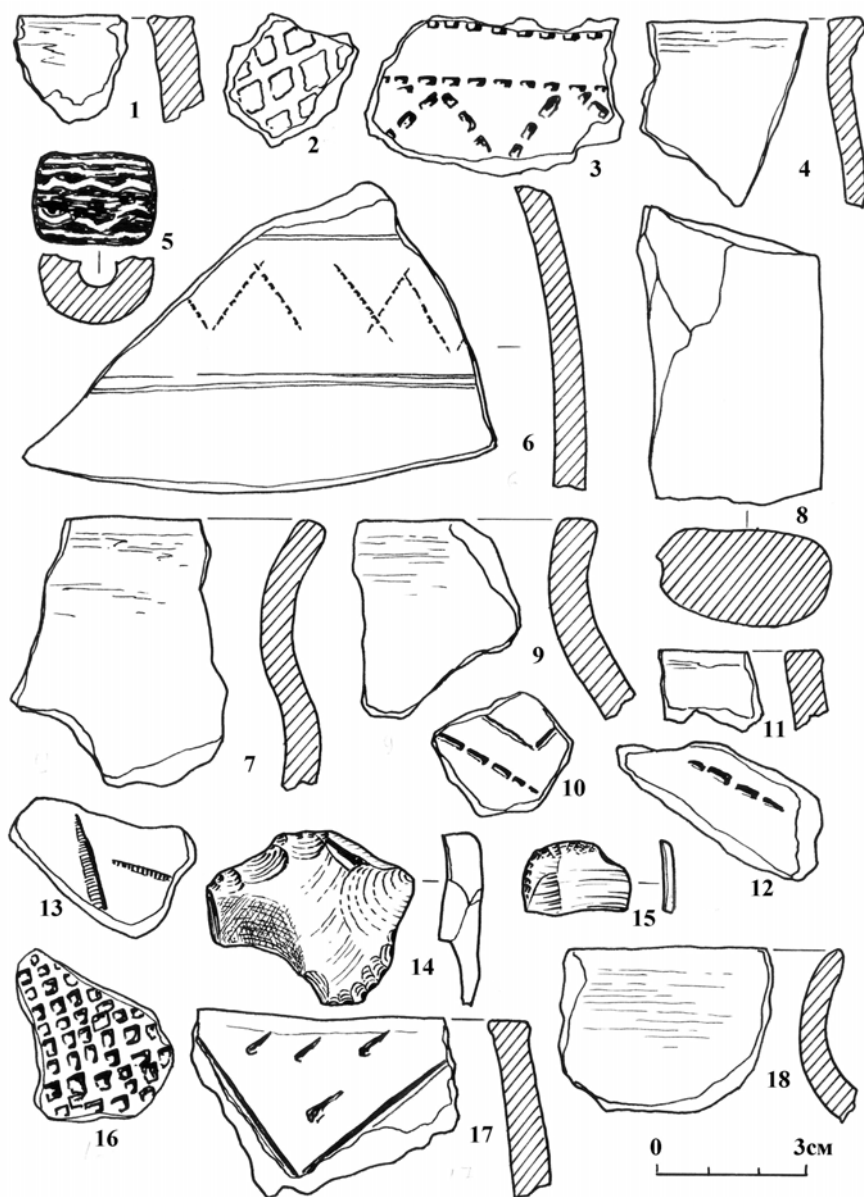

Рис. 2. Подъемный материал с памятников Хвалынского района.
 Нумерация по Н.М. Малову: 1-2 - памятник № 22. 3-4 - памятник № 170.
 5-6 - памятник № 172). 7 - памятник № 173. 8-15 - памятник № 231, 232, 238.
 16, 17 - памятник № 233. 18 - памятник № 235.
 5 - гешир, 14 - кварцит, 15 - кремь, остальное - керамика.

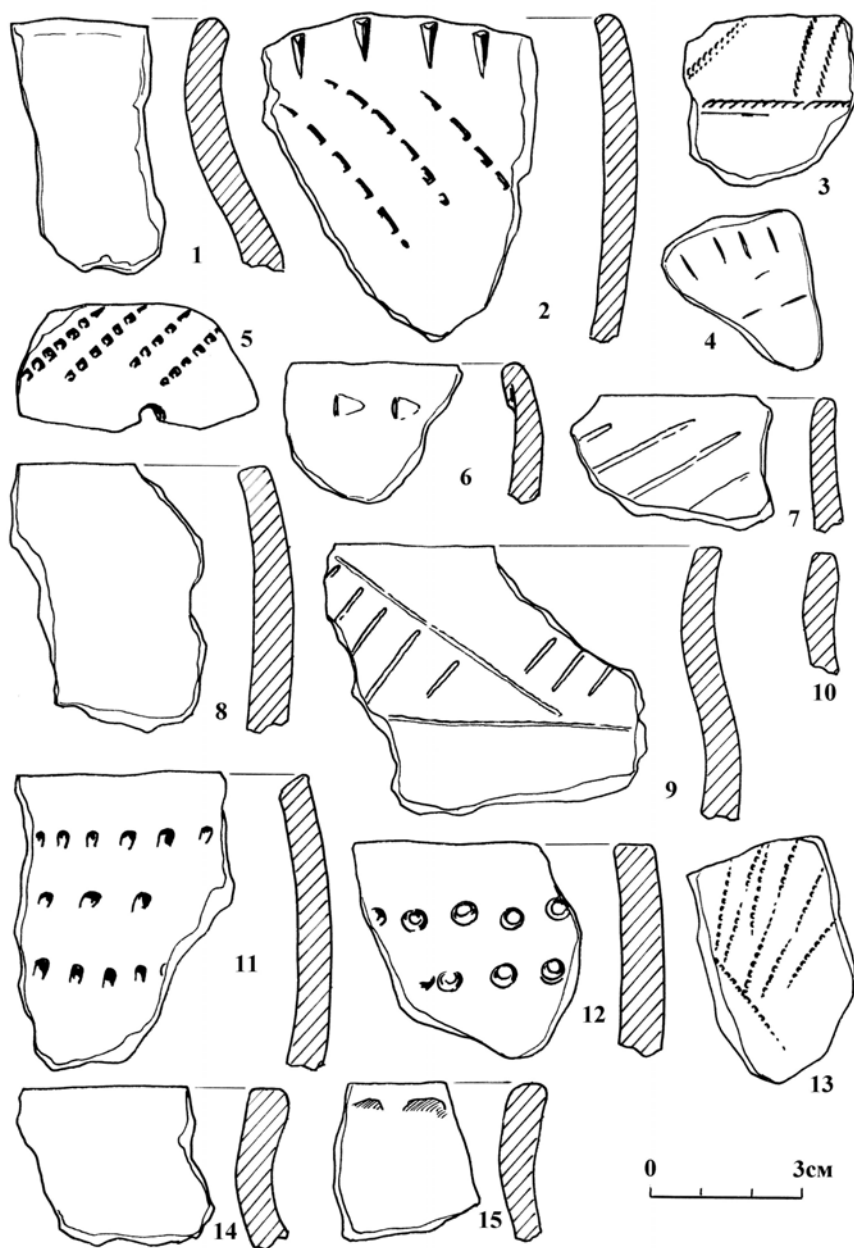

Рис. 3. Селище на восточной окраине с. Старая Яблонка.
(По Н.М. Малову: памятник № 233). Подъемный материал.

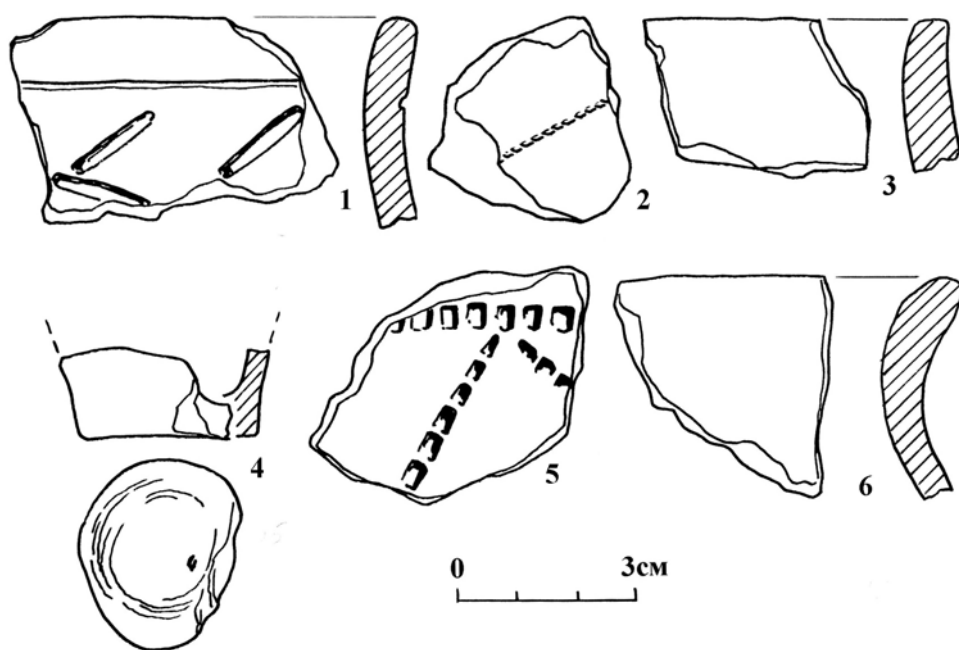

Рис. 4. Хвалынский район. Памятник № 233 (по Н.М. Малову).
Подъемный материал.

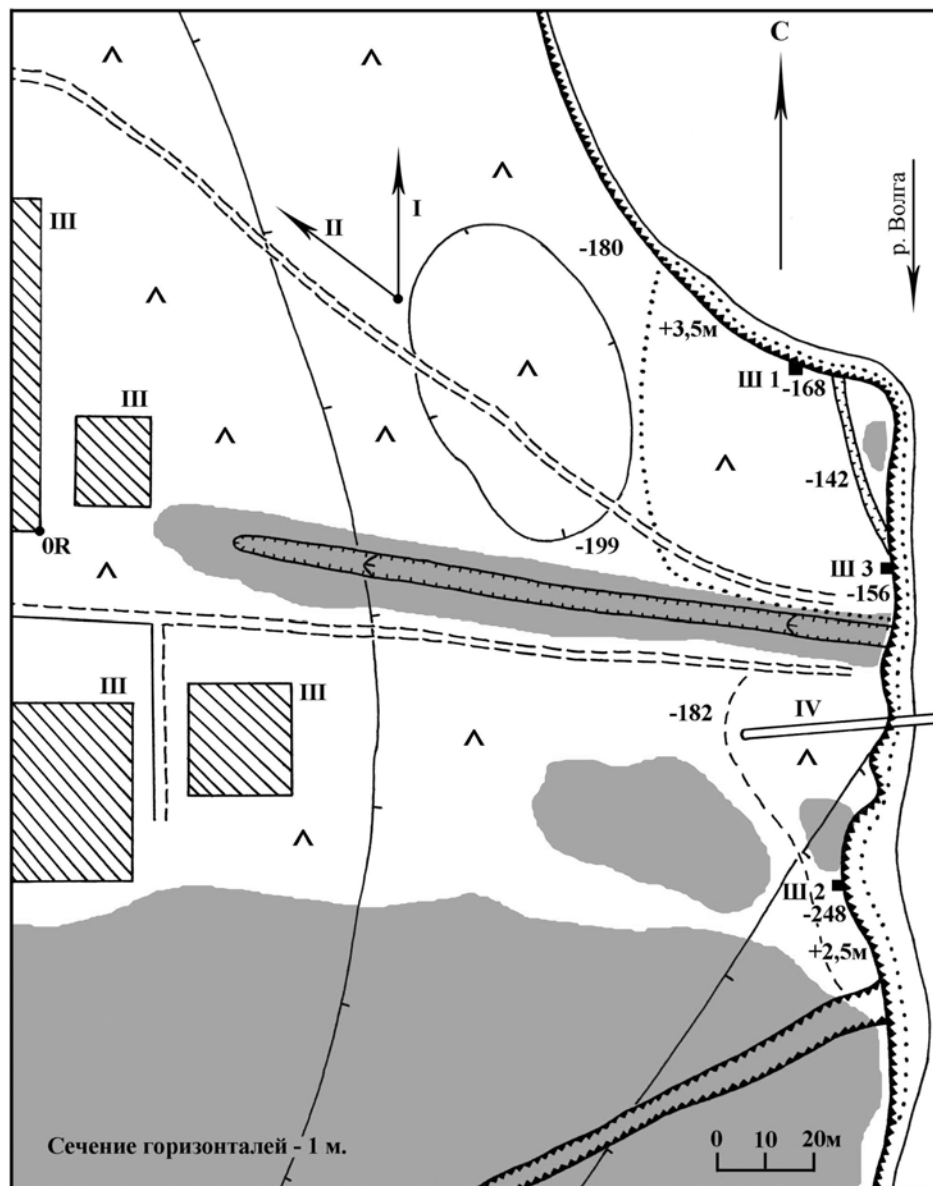

Рис. 5. Поселение Южнохвалынское. I - г. Хвалынск ~ 0,5 км;
 II - Шоссе на г. Хвалынск ~ 0,15 км; III - строения городских очистных сооружений;
 IV - труба слива городских очистных сооружений; 0r - нулевая точка-репер при съемке
 топоплана; -248 - отметки рельефности памятника относительно 0r;
 +2,5 - высота террасы над уровнем водохранилища.

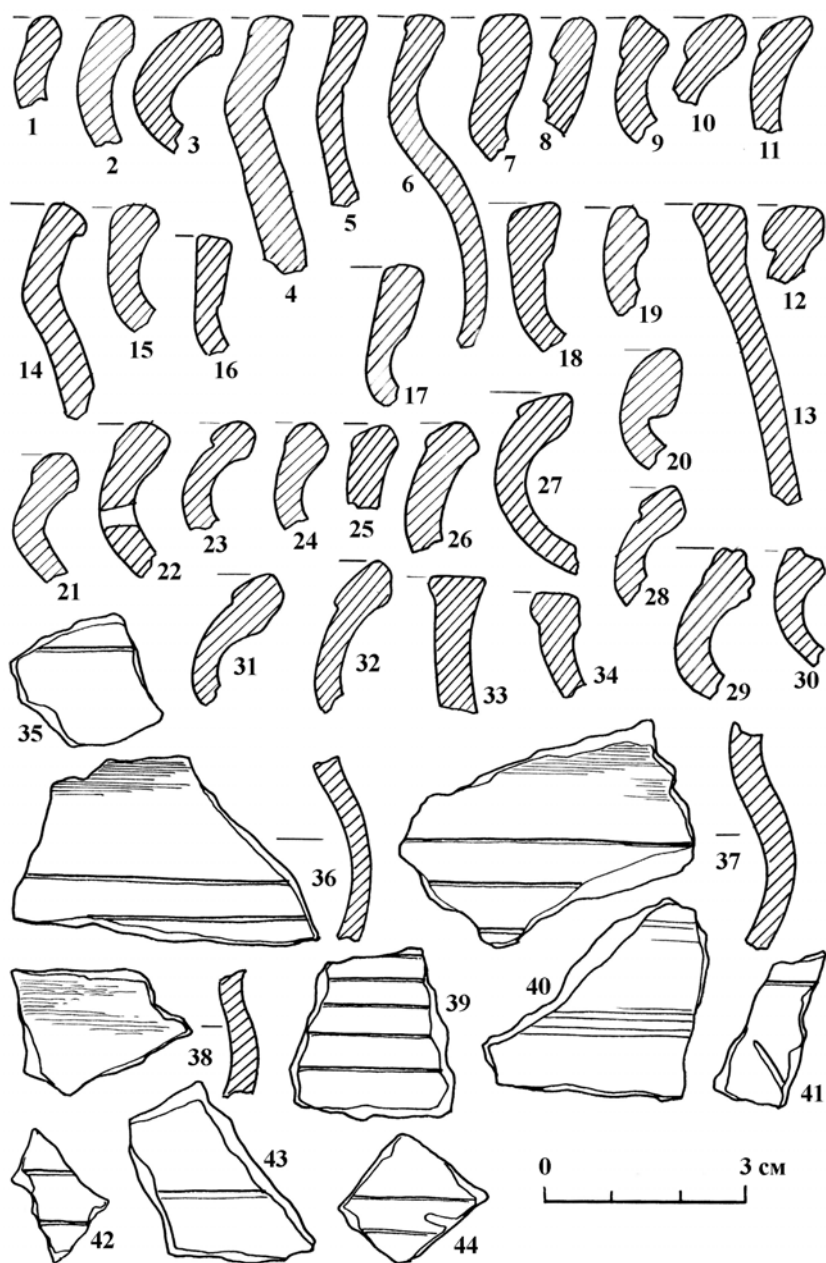

Рис. 6. Поселение Южнохвалынское. Древнерусская керамика.

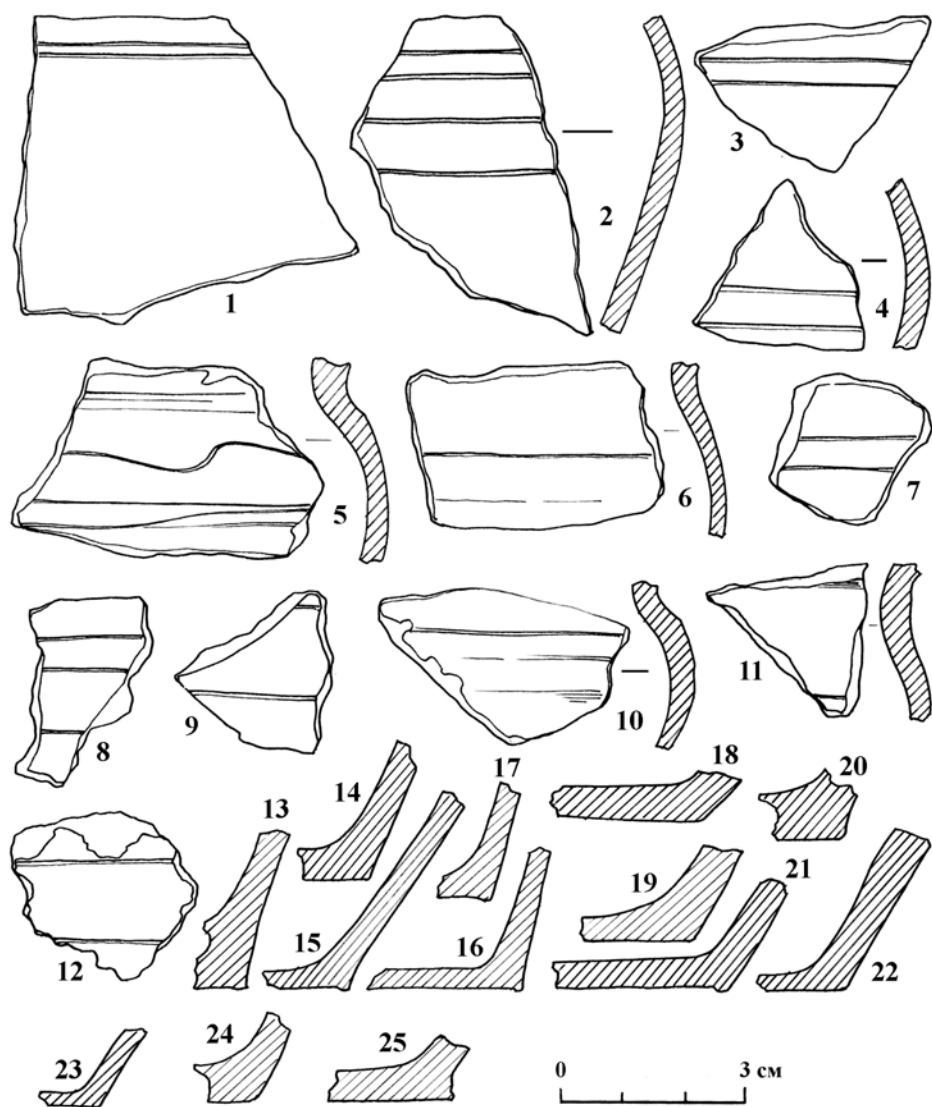

Рис. 7. Поселение Южнохвалынское. Древнерусская и золотоордынская керамика.

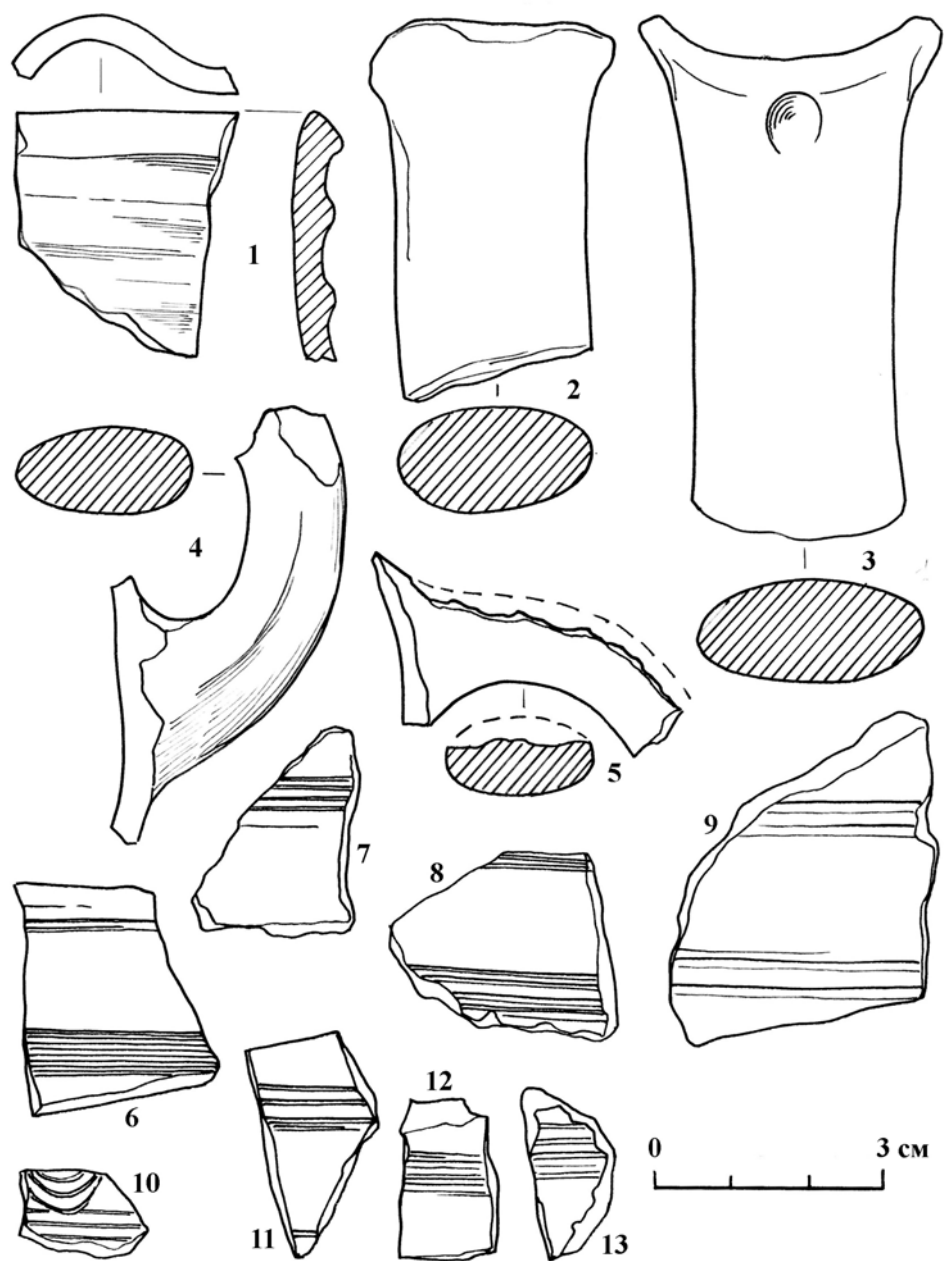
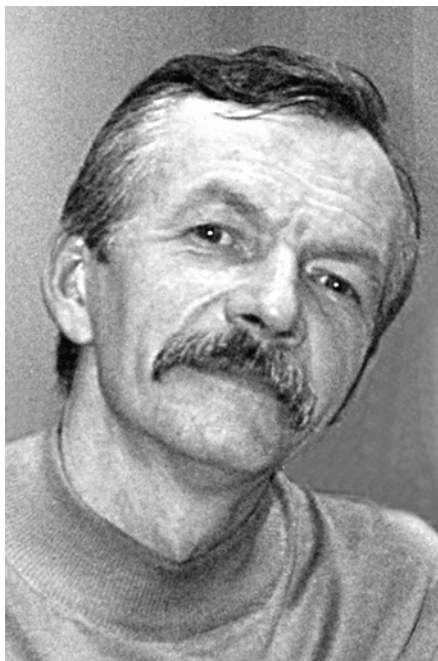

Рис. 8. Поселение Южнохвалынское. Золотоордынская керамика.

ПЕРСОНАЛИИ

К 50-ЛЕТИЮ С.И. ЧЕТВЕРИКОВА

Станислав Иванович Четвериков родился 16 июля 1959 года в городе Саратове. Его детство и ранняя юность прошли на городских окраинах, где становление характера юноши-подростка было, порой, нелегким. Поначалу в школе звезд с неба не хватало, но в старших классах появился интерес к древней истории, и желание учиться далее пришло само собой к выпуску. Попытки родителей дать своему сыну еще и музыкальное образование по классу фортепиано успехом не увенчались. По окончании средней общеобразовательной школы № 100 Станислав там же, в 1976–1977 годах, работал лаборантом химического кабинета и киномехаником, а по вечерам готовился к поступлению в университет.

На историческом факультете Саратовского государственного университета, куда он успешно сдал вступительные экзамены в 1977 году, сразу активно включился в работу студенческого археологического кружка, которым руководил Е.К. Максимов. А во время прохождения учебной археологической практики после первого курса настойчиво выразил желание участвовать в серьезной полевой работе. Это был сложный, по условиям, поход в компании старшекурсников В.А. Лопатина, А.И. Юдина, И.Р. Плева, которые должны были по открытому листу ИА АН СССР провести археологические разведки на севере Аткарского района Саратовской области.

Эти разведки и малорадостные, из-за отсутствия находок, раскопки «курганов» у с. Малые Копены летом 1978 года окончательно предопределили дальнейшую судьбу угловатого юноши-студента. Из экспедиции не хотелось уезжать, поэтому в конце того же сезона Станислав оказался уже в отряде Н.М. Малова, где собственноручно расчистил первое древнее погребение. А потом жизнь так и пошла по экспедициям из сезона в сезон: разведки, раскопки, возня с разбитыми горшками, непреодолимое желание познать полевую науку археологии, научиться раскапывать древние памятники и самостоятельно анализировать материалы. В студенческие годы он участвовал в работах практически всех экспедиций, которые работали в Саратовской области, под руководством Н.М. Малова, С.Ю. Монахова, В.Г. Миронова на раскопках курганов, поселений и городищ эпох бронзы, раннего железа и средневековья, приобретал необходимые навыки будущей профессии. Но и в общественной жизни факультета также участвовал активно, с большим интересом. Все старшие поколения истфаковцев помнят блистательные выступления нашей знаменитой сатиргруппы, руководимой А.Н. Галямичевым, в которых был занят и Стас Четвериков. Это была незабываемая студенческая жизнь 70–80-х годов прошлого столетия.

Потом, по окончании университета, с 1982 по 1985 год, молодой специалист С.И. Четвериков, как это было принято, по распределению работал в сельской школе с. Гремячка Новобурасского района Саратовской области учителем истории и трудового воспитания, директором школы, попутно осваивал вождение автомобиля и трактора, преодолевал все препятствия по снабжению учебниками, наглядными материалами, дровами. Отработал честно, три года. Уже была семья, и сын-первенец родился в его педагогической семье там же, в деревенском доме.

Но мечты о научной деятельности не уходили, и когда в Саратовском университете возникла вакансия по должности лаборанта Научно-исследовательской археологической лаборатории НИЧ, Станислав Иванович, не задумываясь, перешел на эту менее оплачиваемую работу.

Затем, на протяжении 80–90-х годов С.И. Четвериков много и плодотворно работал в экспедициях своих старших коллег, и сам возглавлял экспедиции, будучи уже держателем открытого листа. В его славной научной антологии блестящие открытия на раскопках курганов у сс. Рыбушка, Суслы, Поповка, в г. Энгельсе, поселения у с. Подгорное, грунтового могильника у с. Нижняя Студеновка Саратовской области и могильников у с. Красный Яр Астраханской области.

В начале нового столетия, когда на историческом факультете, временно возродилась кафедра археологии и этнографии, Станислав Иванович преподавал авторские курсы этнологии и нумизматики для студентов-историков и искусствоведов, был руководителем учебной этнографической практики, одновременно принимал участие в археологических исследованиях курганов и поселений у сс. Варыпаевка, Большие Копены, Нижняя Красавка, Ивановского разъезда. В настоящее время трудится в составе вновь образованного в рамках СГУ инновационного Института археологии и культурного наследия.

Станислав Иванович Четвериков – не только специалист-археолог с внушительным стажем полевой работы и огромным исследовательским опытом. В наших экспедициях он незаменимый универсал, занимающийся са-

мыми различными и очень важными делами, от обеспечения археологических и этнографических практик и вождения автотранспорта до подготовки научных отчетов и реставрационных работ. Он является автором и соавтором целого ряда научных публикаций и проблемных статей по самым различным вопросам нижневолжской археологии бронзового века, эпохи раннего железа и средневековья. Именно в области знаковых систем погребальной обрядности позднего средневековья сосредоточены его основные научные интересы, на эту тему начата работа над кандидатской диссертацией.

В июле уходящего года, мы, как всегда в экспедиции, в полевых условиях поздравляли Станислава Ивановича с днем рождения, на этот раз с юбилейным днем пятидесятилетия. Всякий раз, немного с грустью, он, принимая наши поздравления, обязательно говорит слова благодарности своим друзьям, коллегам и учителям за все незабываемые годы интересной и плодотворной жизни, прожитой в стенах университета и у костров бесчисленных экспедиций. А мы, в свою очередь, бесконечно благодарны ему за его многочисленные умения и таланты, за спокойствие и надежность в наших трудах, когда он находится рядом.

Друзья, коллеги, ученики.

Список сокращений:

АВЕС – Археология Восточно - Европейской степи
АО – Археологические открытия
АМА – Античный мир и археология. Саратов
АН – Академия наук
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БСЭ – Большая советская энциклопедия
ВГПИ – Воронежский государственный педагогический институт
ВГУ – Воронежский государственный университет
ВДИ – Вестник древней истории. Москва
Вол. ГУ – Волгоградский государственный университет
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГАСО – Государственный архив Саратовской области
ГИМ – Государственный исторический музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДВДС – Древности Волго-Донских степей
ДГУ – Донецкий государственный университет
ИАК – Императорская археологическая комиссия
ИА РАН – Институт археологии
ИА КазССР – Институт археологии Казахской ССР
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН
ИСТАРХЭТ – Общество истории, археологии и этнографии при СГУ
КГУ – Куйбышевский государственный университет
КНИИЯЛИ – Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
КСИА – Краткие сообщения института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры
ЛО ИА – Ленинградское отделение института археологии АН СССР
НВИК – Нижневолжский институт краеведения при СГУ
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
СА – Советская археология
СамГУ – Самарский государственный университет
СГУ – Саратовский государственный университет

СОМК – Саратовский областной музей краеведения
СУАК - Саратовская губернская ученая архивная комиссия
СЭ - Советская этнография
ХКМ - Хвалынский краеведческий музей
AJA - American Journal of Archaeology
ESA - Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
ЖМНП - Журнал Министерства народного просвещения
ЗОРСА - Записки отделения Русской и славянской археологии Русского
Археологического общества
ЗРАО - Записки Русского Археологического общества
ИАК - Известия Археологической комиссии
СА - Советская археология
Труды ОИАИЭ - Труды Общества истории, археологии и этнографии
при Саратовском университете

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Монахов С.Ю.</i> Институт археологии и музей археологии СГУ: направления работы и первые результаты.....	7
ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА	
<i>Малов Н.М., Сергеева О.В., Ким М.Г.</i> Материалы вольского культурного типа среднего бронзового века нижнего Поволжья с эпонимного поселения.....	19
<i>Лопатин В.А.</i> Бородаевские курганы (по раскопкам 1982 года на Малом Карамане).....	44
<i>Захариков А.П., Цыбрий В.В.</i> Охранные раскопки курганного могильника «Южный» в 2003 году	98
<i>Малов Н.М., Изотова М.А.</i> Селище литейщиков срубной культуры Потьма-III в саратовском прихоперье	123
<i>Юдин А.И.</i> Погребения с астрагалами из Новопокровки-II: служители культа или «игроки»?.....	146
<i>Шилов В.П.</i> Археологические исследования в котельниковском районе волгоградской области.....	171
<i>Бакушев М.А.</i> Курганный могильник Медвежий-V на северском донце	182
<i>Ляхов С.В., Половинкина Ю.С.</i> Курган раннего железного века у поселка Питерка в Саратовском Заволжье.....	196
ЕСТЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В АРХЕОЛОГИИ	
<i>Буваев Д.А.</i> Инвентаризация археологических памятников Калмыкии по материалам дистанционного зондирования.	232

<i>Кочерженко О.В., Слонов В.Н. Конец срубной культуры - финал демографического цикла?.....</i>	241
<i>ИСТОРИЯ НАУКИ</i>	
<i>Бочкарев В.С. А.А. Спицын и бронзовый век Восточной Европы.</i>	247
<i>Волков В.А. Археологические съезды в России и развитие историко-археологических изысканий в Нижнем Поволжье в конце XIX – начале XX вв.....</i>	251
<i>Каргин Ю.Ю. Полевые археологические исследования НИИАЛ СГУ (1978–1995 гг.).....</i>	273
<i>Малышев А.Б. Археологические памятники Хвалынского района: проблемы охраны и исследований (по результатам разведок 2002 года).....</i>	309
<i>ПЕРСОНАЛИИ</i>	
<i>К 50-летию С.И. Четверикова.....</i>	335
<i>Список сокращений</i>	338
<i>Содержание</i>	340
<i>Сведения об авторах.....</i>	342

Сведения об авторах:

Бакушев Марат Артурович – кандидат исторических наук, научный сотрудник ЗАО «НПО Наследие Дона» (Ростов-на-Дону)

Бочкарев Вадим Сергеевич – старший научный сотрудник Института истории материальной культуры Российской академии наук (Санкт-Петербург).

Буваев Дмитрий Алексеевич – зав. Археологической лабораторией Центра охраны историко-культурного наследия Республики Калмыкия (Элиста).

Волков Владимир Александрович – кандидат исторических наук, сотрудник НПЦ при Комитете по охране культурного наследия Саратовской области (Саратов).

Захариков Андрей Петрович – председатель Саратовской региональной общественной организации «Нижеволжское археологическое общество» (Саратов).

Изотова Маргарита Александровна – инженер первого состава НИАЛ СГУ (Саратов).

Каргин Юрий Юрьевич – аспирант ИИМО СГУ (Саратов).

Ким Михаил Гансович – сотрудник Вольского краеведческого музея (Вольск).

Кочерженко Ольга Васильевна – младший научный сотрудник первого состава НИАЛ СГУ (Саратов).

Лопатин Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент СГУ (Саратов).

Ляхов Сергей Витальевич – инженер первого состава НИАЛ СГУ (Саратов).

Малов Николай Михайлович – кандидат исторических наук, доцент СГУ (Саратов).

Мальшев Алексей Борисович – кандидат исторических наук, доцент СГУ (Саратов).

Монахов Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, зав. кафедрой истории древнего мира, директор Института археологии и культурного наследия СГУ (Саратов).

Сергеева Оксана Владимировна – кандидат исторических наук, зав. экспозиционным отделом Энгельсского краеведческого музея (Энгельс).

Слонов Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник первого состава НИАЛ СГУ (Саратов).

Шилов Валентин Павлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИА РАН (Москва).

Цыбрий Виктор Витальевич – кандидат исторических наук, ведущий специалист ЗАО «НПО Наследие Дона» (Ростов-на-Дону).

Юдин Александр Иванович – доктор исторических наук, зам. начальника отдела Комитета по охране культурного наследия Саратовской области (Саратов).

**КАФЕДРА ИСТОРИОГРАФИИ, РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
И АРХЕОЛОГИИ
САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО**

Уважаемые коллеги!

На кафедре историографии, региональной истории и археологии Саратовского государственного университета продолжается издание сборника «Археология восточно-европейской степи». Приглашаем Вас принять участие в этом издании. Редакционная коллегия принимает материалы для публикации по следующим темам:

- Новейшие исследования в археологии региона и проблемы охраны памятников
- Культуры каменного века и палеоэкология
- Культурогенетические процессы в эпоху энеолита – бронзы
- Варварская периферия античного мира
- Археология и история средневековья
- Этноархеологические исследования памятников российской колонизации

Нижнего Поволжья

- Памятники первобытного искусства
- История и историография археологии
- Новейшие методы в полевой археологии и междисциплинарных исследованиях

В сборник также принимаются оригинальные переводы исторических источников, касающиеся древней и средневековой истории восточно-европейских степей.

Комплектование выпуска сборника завершается 1 июня 2010 г.

Требования к оформлению статей

- Объем: до 1-1,5 п. л.
- Обязателен печатный и электронный варианты (по электронной почте) – в текстовом редакторе WORD, формат Word или RTF, шрифт – Times New Roman, кегль 14, полуторный интервал.

- Поля: верхнее 2 см, левое 3 см, нижнее 2 см, правое 1,5 см. Абзацный отступ 1,25.
- Инициалы и фамилия автора печатаются в правом верхнем углу.
- Иллюстрации входят в общий объем статьи и выполняются в отдельных файлах любого формата, поддерживаемого редактором Photoshop, (разрешением не менее 300 dpi), размещаются на листе формата А4 (до 7 экземпляров), с соответствующими подписями, номерами рисунков и ссылками на рисунки в тексте.

- Название статьи набирается заглавными буквами, выделяется жирным шрифтом и печатается по центру.

- Оформление ссылок – по правилам журнала «Российская Археология».
- В конце статьи указывается фамилия, имя, отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, организация (кафедра, факультет, ВУЗ, учреждение, лаборатория, отдел и т. п.), контактный телефон, e-mail.
- Печатный экземпляр должен быть подписан автором.

Статьи можно направить по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, СГУ, Институт истории и международных отношений (Корп. 11), Кафедра историографии, региональной истории и археологии.

E-mail: arch-ethn-sgu@mail.ru

Ответственный редактор сборника Лопатин Владимир Анатольевич, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии СГУ (моб. тел.: 89172148709). Ответственный секретарь сборника Малышев Алексей Борисович, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии СГУ (моб. тел.: 89271036920).

Телефон кафедры: 8(8452)210656.